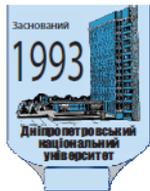

Вісник

**Дніпропетровського
університету**

Науковий журнал

№ 11

Том 21

2013

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

акад. Академії наук ВО України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **М. В. Поляков** (*голова редакційної ради*); ст. наук. співроб., проф. **В. І. Карплюк** (*заст. голови*); д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. О. Кочубей**; д-р хім. наук, проф. **В. Ф. Варгалюк**; чл.-кор. НАПН України, д-р філос. наук, проф. **П. І. Гнатенко**; д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. Г. Гоман**; д-р філол. наук, проф. **В. Д. Демченко**; д-р техн. наук, проф. **А. П. Дзюба**; д-р пед. наук, проф. **Л. І. Зеленська**; чл.-кор. НАН України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. П. Моторний**; чл.-кор. НАПН України, д-р психол. наук, проф. **Е. Л. Носенко**; д-р філос. наук, проф. **В. О. Панфілов**; д-р біол. наук, проф. **О. Є. Пахомов**; д-р екон. наук, проф. **І. Л. Сазонець**; д-р іст. наук, проф. **С. І. Світленко**; акад. Академії наук ВО України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. В. Скалозуб**; д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко**; чл.-кор. НАН України, д-р біол. наук, проф. **А. П. Травлєєв**; д-р техн. наук, проф. **Ю. Д. Шептун**.

Серія: МОВОЗНАВСТВО

Випуск 19, том 1

Дніпропетровськ
Видавництво
Дніпропетровського
національного університету

УДК 811(060.55)
ББК 81Я5

*Друкується за рішенням вченої ради
Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара*

Розглянуто актуальні проблеми сучасного мовознавства на широкому матеріалі української, російської та інших слов'янських і західноєвропейських мов. Різномасштабний аналіз мовних явищ та одиниць виконано у синхронії та історичній перспективі. Значну увагу приділено дослідженню інноваційних процесів у сучасних мовах, опису функціональних різновидів мовлення, у тому числі Інтернет-комунікації, питанням перекладу і лінгводидактики. Розміщено рецензії на монографії.

Для наукових працівників, спеціалістів-філологів, аспірантів і студентів філологічних факультетів, а також для широкого кола читачів, що цікавляться проблемами сучасного мовознавства.

Рассмотрены актуальные проблемы современного языкознания на широком материале украинского, русского и других славянских и западноевропейских языков. Разносторонний анализ языковых явлений выполнен в синхронии и исторической перспективе. Большое внимание уделено исследованию инновационных процессов в современных языках, описанию функциональных разновидностей языка, в том числе Интернет-коммуникации, вопросам перевода и лингводидактики. Размещены рецензии на монографии.

Для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов и студентов филологических факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного языкознания.

Topical problems of contemporary linguistics based on phonetics, grammar and semantics of Ukrainian, Russian and other Slavonic and West European languages are regarded. A multi-sided analysis of language phenomena is performed synchronically and diachronically. A great attention is paid to the research of innovation processes in contemporary languages, description of language functional varieties, including the Internet-communication, issues of translation and linguodidactics. Reviews of monographic researchers are published.

The papers are interesting for scientists, specialists in philology, post-graduate students and students of philological faculties, as well as for a wide range of readers who are interested in the problems of modern linguistics.

Р е д а к ц і й н а к о л е г і я :

д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко** (відп. редактор), д-р філол. наук, проф. **О. І. Панченко** (зам. відп. ред.), д-р філол. наук, проф. **О. Й. Голованова** (РФ), д-р філол. наук, проф. **І. І. Меньшиков**, д-р філол. наук, проф. **Н. В. Підмогильна**, д-р філол. наук, доц. **І. С. Попова**, д-р філол. наук, проф. **А. М. Поповський**, д-р філол. наук, проф. **Т. В. Сіماشко** (РФ), д-р філол. наук, проф. **Ю. О. Шепель**, д-р гуман. наук, проф. **Л. Шипелевич** (Польща), канд. філол. наук, доц. **І. І. Турута** (відп. за випуск).

Редакція не завжди поділяє точку зору автора публікації. За точність викладених фактів відповідальність покладається на авторів.

Р е ц е н з е н т и :

д-р філол. наук, проф. **В. І. Ліпіна**
д-р філол. наук, проф. **Т. В. Філат**

© Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, 2013

УДК 811.161.2'373.43

Н. В. Акімова

ПВНЗ «Соціально-педагогічний інститут Педагогічна академія» (м. Кіровоград)

ПСИХОЛІНГВІСТИЧНИЙ ОПИС НЕОЛОГІЗМІВ В АСПЕКТІ ВАРІАТИВНОСТІ РОЗУМІННЯ ТЕКСТУ

Розглянуто особливості сприйняття і розуміння неологізмів на матеріалі текстів новинних анонсів з найбільш відвідуваних сайтів українського Інтернету: «Новини України від LB.ua», «Новини УНІАН» та «Останні новини України та світу. Корреспондент.net». Визначено, що лексичні інновації ускладнюють розуміння тексту, провокуючи мовленнєві девіації. Девіантні варіанти інтерпретації неологізмів реалізуються трьома типами: надлишковим варіантом, недостатнім варіантом та варіантом порушеної сполучуваності.

Ключові слова: неологізм, інновація, девіантні мовленнєві одиниці, розуміння, інтерпретація, рецепція, тлумачення.

Рассмотрены особенности восприятия и понимания неологизмов на материале текстов новостных анонсов наиболее посещаемых сайтов украинского Интернета: «Новини України від LB.ua», «Новини УНІАН» и «Останні новини України та світу. Корреспондент.net». Определено, что лексические инновации усложняют понимание текста, провоцируя речевые девиации. Девиантные варианты интерпретации неологизмов реализуются тремя типами: избыточным вариантом, недостаточным вариантом и вариантом нарушенной сочетаемости.

Ключевые слова: неологизм, инновация, девиантные речевые единицы, понимание, интерпретация, рецепция, толкование.

In the article the features of perception and understanding of neologisms are examined on the material of the texts of news announcements from the most popular sites of the Ukrainian Internet: «Новини України від LB.ua», «Новини УНІАН», «Останні новини України та світу. Корреспондент.net». It is determined that lexical innovations complicate understanding of the text, provoking communicative deviations. The deviations scenarios of interpretation of neologisms are realized by the three types: by a surplus variant, insufficient variant and variant of the broken compatibility.

Keywords: neologism, innovation, deviation speech units, understanding, reception, interpretation.

Мова розвивається, постійно поповнюючись новими лексичними одиницями. Часто такі одиниці активно використовуються певний проміжок часу, перетворюючись у ключові слова епохи. Іноді неологізми актуальні лише певний короткий час, тоді вони розглядаються лінгвістами як ключові слова моменту. Але у будь-якому випадку інтерес учених до цієї теми не згасає вже кілька десятиліть.

Останнім часом вивченням неологізмів активно займалися Г. М. Віняр, Н. С. Голікова, І. М. Демешко, Г. П. Дьяконов, Н. А. Іванова, Л. Ю. Касьянова, Ж. В. Колоїз, Т. А. Космеда, С. С. Лук'яненко, Л. І. Плотнікова, Т. С. Пристайко, О. А. Стишов, І. І. Турута та ін. Вони розглядали когнітивний, концептологічний, лінгвокультурний, ономасіологічний та дериваційний аспекти функціонування нової лексики. Цікаві нюанси природи нових слів розкриваються при психолінгвістичному аналізі, який, на жаль, в Україні недостатньо поширений. Саме названий підхід представлено у пропонованій статті. Головною метою цієї розвідки є дослідження впливу неологізмів на варіативність розуміння тексту. Під неологізмами розуміємо слова, що сприймаються суб'єктом мовлення як нові.

Думка, що вживання нових слів ускладнює сприйняття тексту, скоріше за все, не вимагає доказів. У процесі розуміння, який, як відомо, складається з двох

основних етапів – рецепції та інтерпретації (Т. Ю. Касаткіна, Н. П. Пешкова, Д. В. Псурцев, Т. О. Сенченко, Н. М. Ткаченко, М. А. Холодна [5; 10; 11; 12; 13; 14]), інновації потребують особливої уваги. На першій стадії читач співвідносить зовнішню форму слова зі своїм активним, а пізніше – пасивним словником, ідентифікуючи мовні одиниці за графічною або фонетичною схожістю. Наприклад: «Держстат: В серпні **дефляція** в Україні зросла до 0,3%» [9]. В наведеному новинному анонсі використана інновація «**дефляція**», яка у процесі розуміння асоціюється зі схожим словом «інфляція», що за словником тлумачиться як «Надмірне проти потреб товарообігу збільшення кількості паперових грошей і швидке їх знецінення» [2, с. 503]. Подібний шлях веде до коректної дешифровки інновації: дефляція – це «1. Вилучення урядом з обігу частини паперових грошей і не розмінних на золото банківських білетів, випущених у період інфляції. 2. Процедура перерахування цін товарів і послуг поточного року у ціни року, що береться за основу. 3. Зниження через якийсь відрізок часу загального рівня цін разом із повним скороченням» [2, с. 290]. Однак аналізований контекст припускає актуалізацію кількох значень слова дефляція. Іноді неологізми під впливом стрес-факторів можуть бути ідентифіковані невірно. Наприклад, у наведеному випадку, може виникнути асоціативний зв'язок з іншими графічно схожими лексемами: дефоліація (обробка рослин дефоліантами [2, с. 290]), деформація (зміна форми або розмірів тіла під впливом прикладених сил чи нагрівання [2, с. 290]) тощо.

На другій стадії процесу розуміння реципієнт приписує новій лексемі значення, керуючись психологічними механізмами: апперцепцією (залежність сприйняття від минулого досвіду), еквівалентними замінами (спрощення) та імовірнісним прогнозуванням (передбачення майбутнього, засноване на імовірнісній структурі минулого досвіду й інформації про наявну ситуацію) [1, с. 184; 4, с. 223–225].

Зіставляючи результати, суб'єкт обирає найбільш адекватний варіант розуміння, прагнучи емоційної ідентифікації з автором тексту та спираючись на ситуацію та контекст. Проте описаний вище процес потребує часу, уваги та інтелектуальних зусиль.

Чим складніше когнітивні операції, тим вище ймовірність виникнення різних девіацій. Питання про мовні одиниці, що ускладнюють розуміння тексту, зумовлюють варіативність інтерпретації, неодноразово поставало в лінгвістичній літературі (у роботах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюнової, О. А. Бороніна, А. Є. Бочкарьова, Т. В. Булигіної, Т. Є. Водоватової, О. В. Грудєвої, А. А. Дживаняна, О. В. Ковшикова, Л. В. Короткова, А. В. Ленець, А. І. Новікова, Т. Б. Радбіля, О. М. Саєнко, В. З. Саннікова, Л. В. Сахарного, Ю. О. Сорокіна, Н. М. Ткаченко, О. Д. Шмельова, Л. В. Щерби, Г. М. Ейхбаум, О. В. Ягунової та ін.). Але, оскільки людина сприймає текст, а не ізольовані мовні одиниці, то, відповідно, й лексичні одиниці, що провокують труднощі рецепції, слід розглядати як текстові – мовленнєві. Отже, девіантні мовленнєві одиниці – це мовленнєві одиниці, що ускладнюють розуміння тексту. Девіантні мовленнєві одиниці, які трапляються у текстах східнослов'янськими мовами, можна поділити на три групи: недостатньо інформативні, надлишкові та несполучувані. Механізм виникнення мовленнєвих девіацій лежить у сфері кореляції значення та смислу використаних лексем. Виникненню комунікативних девіацій сприяють також інші фактори. Девіантні варіанти трактування неологізму можуть бути представлені 3 типами:

1. Недостатній варіант

Такі неологізми найбільш помітні, оскільки вони не провокують очевидних асоціативних зв'язків між інновацією та відомими реципієнту значеннями. Наприклад: «В українському прокаті – "Спадщина Борна", перезапуск однієї з най-

вдаліших **франшиз** нульових – про супершигуна на транквілізаторах – з новим головним героєм, який не такий уже й новий» [6]. Франшиза трактується як «1. Межі відхилення кількості поставленого товару від зазначеної у договорі. 2. Умова страхової компанії, що передбачає вивільнення страхувача від відшкодування збитків, які не перевищують визначеного резерву. 3. Підприємство, створене на основі франчайзингу» [2, с. 1549].

Вказаний сценарій реалізується також при інтерпретації іншого новинного анонсу: «*Остан Ступка: "Красиві люди мають бути на красивих **бігбордах!**"*» [7]. Змінене написання нового та не досить поширеного слова (*Біг-борд* – великий рекламний щит з автономним освітленням [2, с. 79]) ускладнює рецепцію тексту.

Ще складніше сприймається таке повідомлення: «***К'юріосіті** передав NASA знімки з камери маніпулятора*» [9]. У тлумачному словнику значення слова «*К'юріосіті*» не знайти, це дає підстави припустити, що реципієнт має справу з власною назвою. Насправді «*К'юріосіті*» – це марсохід, що досліджує Марс з березня 2012 р.

2. Надлишковий варіант

Цей тип передбачає актуалізацію у певному контексті кількох значень неологізму. Наприклад: «*Якщо мовне питання перестане бути предметом політичних спекуляцій, якщо його вдасться зняти з політичного порядку денного, саме школа може стати опорою і ресурсом для найважливішої культуротехнічної, культуртрегерської, соціоінженерної діяльності, спрямованої на якісну **інсталяцію** сучасної української мови в сучасній Україні*» [6]. За словником, *інсталяція* значить «1. Різні настановні роботи, монтаж споруд, освітлювальної мережі і т. ін. 2. У системах обробки інформації: а) встановлення програмного виробу на персональній ЕОМ; б) одне з обмежень на програмний виріб у разі продажу його фірмою» [2, с. 499]. Як бачимо жодне зі словникових значень не застосовуване у наведеному контексті, отже, кожен читач змушений шукати свій варіант тлумачення, відповідно існуватимуть і кілька варіантів інтерпретації цього тексту.

Іншим прикладом може слугувати новинний анонс від 11 вересня 2012 р. на сайті «LB.ua Вибране для всіх»: «*Одяг для силовиків шие **"регіоналка"***» [7]. Слово «*регіоналка*» відсутнє у тлумачному словнику [2, с. 1206], для носія мови очевидний семантичний зв'язок зі словотвірною базою «регіональний», яке позначає «стос. до регіону» [2, с. 1206]. Проте попередній політичний контекст дає підстави для виникнення асоціації з онімом «Партія регіонів», членів якої називають «регіонали». Яке саме значення актуалізоване у цьому анонсі залишається незрозумілим, тому кожен реципієнт тлумачить текст на власний розсуд. Рецепція наведеного фрагмента ускладнюється також через немотивоване правилами мови використання лапок.

Деякі варіанти тлумачення припускає також такий новинний анонс: «*К'юріосіті передав NASA знімки з камери **маніпулятора***» [9]. Варіативність розуміння виникає в даному випадку через багатозначність слова «*маніпулятор*», яке трактується як «1. Людина, що робить різні маніпуляції. 2. Пристрій для передавання телеграфних сигналів. 3. Прилад на пульті управління, у диспетчерській і таке ін., для регулювання складних виробничих процесів» [2, с. 644]. Оскільки контекст не накладає обмежень на ці дефініції, читач змушений обирати сам, керуючись власним досвідом.

3. Варіант порушеної сполучуваності

Неологізм створюється на базі добре відомого і нового слів, які погано поєднуються одне з одним у свідомості реципієнта. Яскравим прикладом з цього приводу є лексема у вже наведеному раніше контексті: «*Якщо мовне питання пе-*

рестане бути предметом політичних спекуляцій, якщо його вдасться зняти з політичного порядку денного, саме школа може стати опорою і ресурсом для найважливішої культуртехнічної, **культуртрегерської**, соціоінженерної діяльності, спрямованої на якісну інсталяцію сучасної української мови в сучасній Україні» [6]. За словником, *культуртрегер* – це «іронічна назва людини, яка прикриває свої справжні цілі заявами про насадження культури, освіти» [2, с. 596].

Цікавий неологізм утворився в одному з новинних анонсів сайту «Новини. УНІАН»: «Ще на початку року панк-група *Pussy Riot* та її акції були відомі далеко не всім. Такий стан справ мав всі шанси залишитися і після проведення **панк-молебну** у Храмі Христа Спасителя. Якби не втрутилась державна система» [8]. Зазвичай «панк» – це «1. Декласовані молодіжні групи на Заході, які вирізняються підкресленою аполітичністю, шокуючим зовнішнім виглядом, шокуючою поведінкою. 2. Член такої групи. 3. Стиль молодіжної музики, який вирізняється агресивною манерою виконання, швидким ритмом» [2, с. 881]. «Молебен» трактується у словнику як «коротке богослужіння за щасливе закінчення справи, за здоров'я, благополуччя кого-небудь» [2, с. 685]. Поєднання лексики з таких різних сфер суспільного життя, молодіжної та релігійної культури, не полегшило розуміння інновації для жодного з реципієнтів: панки навряд знають, що таке «молебен», а ті, кому знайоме значення цього релігійного терміна, напевно не зможуть пояснити, що таке «панк». Навіть якщо Вам добре відома семантика обох слів, складно зрозуміти, яке ж зі значень полісеміми мав намір актуалізувати автор у використаному okazіоналізмі.

Важким для розуміння виявляється також таке повідомлення: «Сім'я з Канади вистригла в полі найбільший у світі **QR-код**» [9]. Зрозуміло, що мова йде про якийсь код, та от значення літер «QR» розшифрувати не так легко, оскільки звичайні тлумачні словники цієї лексеми не містять. Спираючись на інформацію з досить поширеної вільної енциклопедії – Вікепедії, визначаємо, що це «матричний код (двовірний штрих-код), розроблений і представлений японською компанією «Denso-wave» в 1994 році... Основна перевага QR-коду – легке розпізнавання скануючим устаткуванням (у тому числі і фотокамерою мобільного телефону), що дає можливість використання в торгівлі, виробництві, логістиці. QR-коди найбільше поширені в Японії...» [3] (див. рис. 1. – QR-код).

Складнощі для розуміння становлять численні інновації, утворені шляхом аббревіації. Таке явище досить поширене в текстах інтернет-новин. Новітні аббревіатури також можна поділити на три зазначені групи. Проте частіше за все трапляються скорочення, у яких відсутні очевидні асоціативні зв'язки між інновацією та відомими реципієнту значеннями. Наприклад: «ЗМІ: **ХАМАС** відкрив постійне представництво в Каїрі» [9], «Серед валютних спекулянтів виявився замголови **АУБ**» [7], «Горбаль закликає голову **КМДА** ініціювати підписання меморандуму

про чесні вибори у столиці» та «Спілка журналістів України має позитивну динаміку в прийомі нових членів *НСЖУ*» [8].

Отже, з позицій психолінгвістики неологізми можна розглядати як девіантні мовленнєві одиниці, що ускладнюють розуміння тексту. Девіантні варіанти інтерпретації неологізмів реалізуються трьома типами: надлишковим варіантом, недостатнім варіантом та варіантом порушеної сполучуваності. Тому варто розумно обмежити сферу застосування лексичних інновацій таким чином, щоб у певному контексті актуалізувалося лише одне значення, яке закладене автором. Відповідно цей аспект потрібно враховувати при вживанні нової лексики.

Бібліографічні посилання

1. **Белянин В. П.** Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя : монография / В. П. Белянин. – М. : Генезис, 2006. – 320 с.
2. **Великий тлумачний словник сучасної української мови** / уклад. В. Т. Бусел. – К. : Ірпінь : Перун, 2005. – 1728 с.
3. **Вікіпедія – свободна енциклопедія** [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://ru.wikipedia.org/wiki/QR-%D0%BA%D0%BE%D0%B4>
4. **Залевская А. А.** Введение в психолінгвістику / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 382 с.
5. **Касаткина Т. Ю.** Специфика развития значения слова в геронтогенезе : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 – «Теория языка» / Т. Ю. Касаткина. – Ижевск, 2007. – 23 с.
6. **Новини України від LB.ua**: оперативна аналітика української політики, економіки, новини культури та спорту від 6.09.2012 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://ukr.lb.ua/>.
7. **Новини України від LB.ua**: оперативна аналітика української політики, економіки, новини культури та спорту від 11.09.2012 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://ukr.lb.ua/>.
8. **Новини УНІАН від 11.09.2012** [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.unian.ua/>.
9. **Останні новини України та світу.** Корреспондент.net – свіжі новини дня від 11.09.2012 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://korrespondent.net/>.
10. **Пешкова Н. П.** Исследование влияния типа текста на механизмы смыслообразования / Н. П. Пешкова // Проблемы прикладной лингвистики : сб. статей. – 2004. – № 2. – С. 140–164.
11. **Псурцев Д. В.** Смыслоформирование художественного текста: теоретические основания лингвостилистического подхода : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 – «Теория языка» / Д. В. Псурцев. – М., 2009. – 50 с.
12. **Сенченко Т. А.** Структуры текста и их восприятие: экспериментальное исследование (на материале текстов разных типов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 – «Теория языка» / Т. А. Сенченко. – Бийск, 2009. – 20 с.
13. **Ткаченко Н. М.** Исследование стратегий идентификации значения псевдослова : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 – «Теория языка» / Н. М. Ткаченко. – Ижевск, 2007. – 20 с.
14. **Холодная М. А.** Психология интеллекта. Парадоксы исследования / М. А. Холодная. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с.

Надійшла до редколегії 20.09.12

УДК 811.14'06'25

Р. А. Алипа

Мариупольский государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ТРАНСЛАТОЛОГИИ

Охарактеризовано етапи процесу перекладу, проаналізовано засоби вичленення одиниць перекладацької еквівалентності, подано ілюстрований матеріал, який орієнтований на новогрецьку мову.

Ключові слова: переклад, етапи процесу перекладу, одиниці перекладу, засоби вичленення одиниць перекладацької еквівалентності.

Охарактеризованы этапы процесса перевода, проанализированы способы вычленения единиц переводческой эквивалентности, приведен иллюстративный материал, ориентированный на новогреческий язык.

Ключевые слова: перевод, этапы процесса перевода, единицы перевода, способы вычленения единиц переводческой эквивалентности.

The author in the article characterizes the stages of translating process, analyses the means of translation equivalent units extraction. The illustrative material is focused on Greek.

Keywords: translation, stages of translating process, translation units, means of translation equivalent units extraction.

Перевод – это преобразование сообщения на исходном языке (ИЯ) в сообщение на языке перевода (ПЯ). Точный перевод по определению невозможен уже в силу того, что разные языки отличаются как по грамматическому строю, так и по простому количеству слов, не говоря уже о различии культур, зачастую существенно влияющем на способ и результаты перевода. И если сопоставительные грамматики и двуязычные словари существуют, и даже в достаточно подробных вариантах, в том числе и для соотношения русского и греческого языков, то практически не существует никаких сопоставительных справочников по культурам разных народов. Предполагается, что переводчик в равной (или почти равной) степени владеет как исходной, так и переводящей культурами. Между тем это далеко не так, и в большинстве случаев переводчик весьма приблизительно оценивает, а следовательно, и переводит те или иные элементы или целые категории исходного текста в сопоставительно-культурном плане.

Тем не менее тексты, основанные преимущественно на общекультурных ценностях или, по крайней мере, на сопоставимых ценностях, вполне успешно переводятся, если сосредоточить внимание на передаче общих и универсальных понятий и не преувеличивать непереводаемость стилистических, эмоциональных и оценочных компонентов исходной информации, которые чаще всего и создают проблемы, так как имеют различную манифестацию в разных национально-культурных традициях. Эти проблемы колеблются в довольно широком диапазоне: от отдельных непереводаемых элементов до всего исходного текста, причем характер одной и той же проблемы меняется в зависимости от направления перевода.

Разрешение таких или подобных проблем достигается благодаря коммуникативно-посреднической деятельности переводчика, существующим грамматическим справочникам, двуязычным словарям и пособиям по культуре разных народов (а еще лучше – благодаря личному культурному опыту переводчика). Эта постоянная переменная, то есть коммуникативный успех, при относительной непереводаемости в большей степени зависит от того, насколько правильно переводчик

выбирает способ перевода, применяет соответствующую стратегию и определяет единицы перевода.

Целью данного исследования является рассмотрение теоретических проблем процесса перевода. Реализации данной цели служат следующие **задачи**: 1) определение понятия «перевод»; 2) характеристика этапов процесса перевода; 3) анализ способов вычленения единиц переводческой эквивалентности; 4) рассмотрение единиц перевода.

Слово **перевод** принадлежит к числу общеизвестных и общепонятных, но и оно как обозначение специального вида человеческой деятельности и ее результата требует уточнения и терминологического определения.

В. Н. Комиссаровым перевод рассматривается как межъязыковая коммуникация, то есть межъязыковое общение. Он называет необходимые стороны межъязыковой коммуникации: отправитель исходного сообщения; адресат исходного сообщения; переводчик; адресат перевода [4, с. 94].

С. Г. Бархударов перевод определяет как процесс преобразования произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания [2, с. 107].

Изучение процесса перевода традиционно неразрывно связано с его преподаванием и первоначально, в основном, осуществлялось в целях преподавания перевода, хотя в последнее время в разных странах проводится целый ряд экспериментов с чисто исследовательскими целями. Но до сих пор о процессе перевода нам известно далеко не все.

Пожалуй, никто из ученых не отрицает того, что процесс перевода складывается из стадии восприятия текста и стадии его воспроизведения. Д. Селескович, строя свои выводы на наблюдениях за процессом синхронного перевода, понимает стадию восприятия как извлечение смысла, минуя языковое содержание; воспроизведение же состоит, по мнению ученого, из операций над идеями, а не над языковыми знаками [6]. Д. Селескович отрицает этап анализа в устном переводе и ставит под сомнение результаты письменного перевода, поскольку, анализируя текст, письменный переводчик может упустить из виду основной смысл текста [6].

Исследователи процесса письменного перевода (например, Х. Крингс) видят в нем три этапа: восприятие, воспроизведение и контроль готового текста [5]. Комплекс конкретных действий переводчика на каждом из этапов получил название переводческих стратегий.

Наиболее исследованным этапом является этап воспроизведения, то есть собственно перевод, и те конкретные средства, с помощью которых он осуществляется: единицы перевода, а также разновидности соотношений языковых средств, которые устанавливаются в процессе перевода.

И. С. Алексеева определяет перевод как процесс преобразования речевого произведения (текста), порожденного на одном языке, в текст на другом языке при сохранении плана содержания и замене плана выражения, то есть единиц языка [1, с. 148]. Следовательно, для практического достижения эквивалентности необходимо найти минимальные единицы, подлежащие переводу – единицы перевода, или единицы переводческой эквивалентности, то есть единицы ИЯ, имеющие эквивалент в тексте ПЯ.

В дискуссиях о размерах единицы перевода и ее характере ученые пришли к выводу, что размеры этой единицы не стабильны, они могут варьироваться в широких пределах, а сама единица является операционной. Однако многое в характеристике единицы перевода пока не ясно. Не объясненными, например, остаются случаи, когда разные переводчики при переводе одного и того же текста избирают единицы перевода разного объема. Вообще фактор «переводчик» в связи с по-

нятием единицы перевода изучен еще недостаточно. Не случайно исследователи подчеркивают психолингвистический характер единицы перевода. В частности, О. И. Бродович полагает, что «локус этой единицы не в каком-либо из двух текстов, а в мозгу переводчика» [3, с. 14–15].

Таким образом, существуют различные взгляды на выявление единиц перевода.

В основе первого способа, ориентированного на оригинал, лежит сам процесс перевода. Единицей перевода тогда будет считаться минимальный отрезок текста, выступающий в качестве самостоятельного объекта процесса перевода. Такой способ релевантен для устного перевода и предусматривает линейное однонаправленное развертывание текста во времени (звучащая речь). Минимальной единицей перевода в этом случае чаще всего оказывается предложение. Короче единица перевода будет при синхронном переводе, когда переводчик порождает текст почти одновременно с его поступлением, и, как правило, она держится в пределах смысловой группы.

В основе второго способа – ориентация на текст перевода. За единицу перевода принимается минимальный набор лексем или грамем ИЯ, который можно поставить в соответствие с грамматической категорией ПЯ. При таком подходе система лексических и грамматических категорий ПЯ проецируется на язык оригинала. В тексте оригинала выявляется, таким образом, совокупность языковых единиц, и всякий раз их появление в тексте ИЯ сигнализирует о том, что необходимо использовать определенную лексическую или грамматическую категорию ПЯ.

Третий способ выявления единиц перевода ориентирован только на план содержания оригинала. При таком принципе важен анализ состава содержания оригинала, зависимый от функции текста. Далее предлагается расчленить содержание на «элементарные смыслы», что представляется несколько сомнительным, так как отсутствует единая объективная языковая основа этого расчленения.

Наконец, четвертый способ вычленения единиц перевода, также ориентированный на оригинал, основывается на принципе семантического единства. С точки зрения практики перевода он наиболее актуален. Единицей перевода здесь считается минимальная языковая единица текста оригинала, воспринимаемая как единое целое с точки зрения семантики. Такой способ не связан с выявлением средств перевыражения, но имеет непосредственную связь с определением компонентов содержания и инварианта перевода. Имеется в виду такая единица исходного текста, для которой может быть найдено соответствие в тексте перевода, но составные части которой по отдельности не имеют соответствий в тексте перевода. Она может обладать сложной структурой, но части ее, взятые по отдельности, непереводимы. Единицей перевода такого типа может быть единица любого языкового уровня.

Рассмотрим особенности ее вычленения на шести основных условно разграничиваемых уровнях языка. В зависимости от уровня, к которому относится единица перевода, мы будем различать: перевод на уровне фонем/графем; перевод на уровне морфем; перевод на уровне слов; перевод на уровне словосочетания; перевод на уровне предложений; перевод на уровне текста.

Перевод на уровне фонем/графем. Фонема, как известно, не является носителем самостоятельного значения, она играет в языке лишь смысловозначительную роль. Тем не менее в переводе единицей перевода иногда оказывается именно фонема.

Если соответствие устанавливается на уровне фонем, то используют переводческую транскрипцию: *Ἡ Ελλάδα είναι μια όμορφη μικρή χώρα στην Ευρώπη. Έχει πολλά νησιά, μικρά και μεγάλα. Μεγάλα νησιά είναι η Κρήτη, η Ρόδος, η Μυτιλήνη, η*

Κέρκυρα. Μικρά νησιά είναι η Σαμοθράκη, η Θάσος, η Τήνος, η Πάτμος, η Μύκονος, η Τος, η Σίφνος και άλλα. – Греция – одна из прекраснейших стран в Европе. Она имеет много островов, малых и больших. Большие острова – это Крит, Родос, Митилини, Керкира. Маленькие острова – это Самотраки, Тасос, Тинос, Патмос, Миконос, Иос, Сифнос и другие’.

Перевод на уровне фонем встречается:

а) при передаче личных имен и географических названий: *η Ελένη* – ‘Елена’, *η Χαλκιδική* – ‘п-ов Халкидика (Македония)’;

б) при передаче экзотизмов, или слов-реалий: **Ο νομάρχης** *έχει μεγάλη εξουσία.* – ‘**Номарх** имеет большую власть’ (*ο νομάρχης* – ‘номарх, начальник округа’; общественная реалья).

Όλος ο κόσμος, που μένει στην Ελλάδα, πηγαίνει στην ταβέρνα. – ‘Все люди, которые живут в Греции, ходят **в таверну**’ (бытовая реалья);

в) при стихотворном переводе, когда передается звукопись стиха:

*Στο θλιμμένο κάμπο βρέχει,
Βρέχει στις ελιές τις γκριζές –
Το νερό σα ρίγος τρέχει
Από τα κλαδιά στις ρίζες.*

*Дождь идет на печальны равнины,
Холод, дрожь вызывает всегда –
Тихо мокнут седые маслины.
С веток к корням стекает вода’.*

Если передается не звуковой облик, а написание, применяют переводческую транслитерацию: *η βάτα* – ‘вата’; *το παλτό* – ‘пальто’.

Перевод на уровне морфем. В некоторых случаях единицей перевода оказывается морфема. Типична, например, передача греческих разложимых композитов по корневым морфемам: *η έρωτο/δουλειά* – ‘любовные дела, любовная история’ (*ο έρωτας* – ‘любовь’, *η δουλειά* – ‘дело’); *ο πονό/δοντος* – ‘зубная боль’ (*το πόνημα* – ‘боль’, *το δόντι* – ‘зуб’).

Достаточно частотны соответствия на уровне аффиксальных морфем: *ο τραγουδιστής* – ‘певец’ (постфикс *-ής* - имеет значение лица как деятеля); *άγνωστος* – ‘незнакомый’ (префикс *ά-* означает отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом).

Перевод на уровне слов. Гораздо чаще в качестве единицы перевода выступает слово: *Η Ελλάδα είναι ένα από τα κράτη της Βαλκανικής Χερσονήσου.* – ‘Греция является одним из государств Балканского полуострова’. В данном примере каждому слову ИЯ в ПЯ находится пословное соответствие.

Единицей перевода слово выступает и тогда, когда в ПЯ ему соответствует не одно, а несколько слов: *Πέρσι έβρεχε.* – ‘В прошлом году шли дожди’.

Перевод на уровне словосочетания. Словосочетание может представлять собой семантическое единство как на уровне языка, так и на уровне речи. Семантическое единство на уровне языка может быть выражено:

– фразеологизмами: *με μια φωνή* – ‘в один голос’, *βάδισμα χήνειον* – ‘утиная походка’;

– устойчивыми наименованиями организаций: *Ελληνική Εταιρεία Υδάτων* – ‘греческая компания по использованию водных ресурсов’, *Οργανισμός Βιομηχανικής Αναπτύξεως* – ‘управление промышленного развития’;

– аббревиатурами: *Α.Ε.* – *Ακαδημία Επιστημών* – ‘Академия наук’, *Υ.Ε.Ν.* – *Υπουργείο(ν) Εμπορικής Ναυτιλίας* – ‘Министерство торгового флота’.

Семантическое единство на уровне речи может быть выражено реализацией контекстуального значения слова: *Όμορφος κήπος* – ‘красивый сад’; *κλείνω ραντεβού* – ‘назначить встречу’.

Перевод на уровне предложений. Семантическим единством на уровне предложения обладают пословицы: *Κάλλιο σήμερα ένα αυγό, παρά αύριο μια κότα.* – ‘Лучше синица в руках, чем журавль в небе’ (дословно: лучше сегодня одно яйцо,

чем завтра одна курица); *Η του ύψους ή του βάθους*. – ‘Либо пан, либо пропал’ (дословно: или высота, или глубина).

Предложение является единицей перевода и при переводе устойчивых клише и формул (надписей, сигнальных знаков, формул вежливости): *τι κάνεις;* – ‘как дела?’; *καλό ταξίδι!* – ‘счастливого пути!’; *καλησπέρα σας!* – ‘здравствуйте!’.

Перевод на уровне текста. Текст в качестве единицы перевода обычно рассматривают на примере поэзии. Не только строгие по построению стихотворно-композиционные формы, такие, как сонет, но и лирические стихи свободной архитектоники переводятся исходя из семантического единства всего произведения. Этим объясняется возможность отсутствия пословных соответствий и кажущаяся «вольность» стихотворного перевода:

*Στο θλιμμένο κάμπο βρέχει,
Βρέχει στις ελιές τις γκρίζες –
Το νερό σα ρίγος τρέχει
Από τα κλαδιά στις ρίζες.*

*Γκρίζα η ώρα, γκρίζα η χώρα,
Σκοτεινά κάτω κι απάνω –
Ξεχωρίζουν μες στη μπόρα
Τα τσαντίρια των τσιγγάνων.*

*Απ' την ασφαλτο τα κάρα
Κατεβαίνουν, κατεβαίνουν...
Λάμπουν μερικά τσιγάρα
Στα παράθυρα του τρένου...*

*Ένα σκιαχτρο απελπισμένο,
Στη νεροποντή, στο κρύο,
Αδίκαια γνέφει στο τρένο
Κι εμψυχώνει το τοπίο...*

*Ανυπόφορη είναι η θλίψη
Των αγρών αυτό το μήνα!
Η βροχή μας έχει κρύψει
Απ' το φόντο την Αθήνα...*

*Και το βράδυ κατεβαίνει
Μες στη νέκρα, μες στη γύμνια...
Πού 'ναι οι βάτραχοι κρυμμένοι;
Γιατί σώπασαν τ' αγρίμια;*

*Μες στον κάμπο τώρα μόνα
Τα βαριά περνούνε τρένα,
Λες να φέρνουν το χειμώνα
Και τη νύχτα από τα ξένα...*

*‘Дождь идет на печальные равнины,
Холод, дрожь вызывает всегда –
Тихо мокнут седые маслины.
С веток к корням стекает вода.*

*Серой стала вокруг вся природа,
Темной, мрачной внизу и вверху –
Еле видно сейчас в непогоду
Ряд цыганских шатров на лугу.*

*Там асфальт залит водою, спасу нет.
Просто некуда стать на перроне...
Лишь мелькает свет сигарет
В окнах мимо летящих вагонов.*

*Оживляет лишь весь этот вид
Вдалеке от огромного города
Там страшилище в ливень стоит,
Машет вслед уходящему поезду.*

*Нестерпимая давит тоска
От деревьев и мокрых равнин!
Где бы скрыться сейчас от дождя?
Как добратсья сейчас до Афин?*

*Тихо вечер спустился на поле,
И лягушки молчат и зверьки...
Вся природа в глубоком застое.
Но куда же сбегать от тоски?*

*Одиночество, тяжесть чужбины.
Сердце стынет от стука колес.
Глаз не радуют эти картины
Даже в душу проник этот дождь...’*

Однако семантическим единством могут обладать и другие тексты, для которых характерна ярко выраженная функциональность, например, тексты рекламы. Это не исключает того, что в таких текстах некоторые особенности оригинала передаются с помощью единиц перевода меньшего объема: *Με λένε Ρουσλάνα. Μένω στην Μαριούπολη. Η Μαριούπολη είναι βιομηχανική πόλη. Η πόλη έχει καλή ρυμοτομία, μεγάλους δρόμους και δεντροστοιχίες, φαρδιά πεζοδρόμια, μεγάλες πλατείες και πολλά πάρκα*. – ‘Меня зовут Руслана. Я живу в Мариуполе. Мариуполь – промышленный город. Город имеет хорошую планировку с большими улицами и аллеями, широкими тротуарами, большими площадями и парками’.

К тому же между уровнем предложения и уровнем текста, выступающими в качестве единиц перевода, нет отчетливой границы: и запретительные надписи, и

формулы контакта, и пословицы можно с определенных функциональных точек зрения рассматривать как целые тексты.

Анализ теоретических проблем процесса перевода позволяет сделать следующие выводы:

1. Процесс письменного перевода предполагает три этапа: восприятие, воспроизведение и контроль готового текста. Наиболее исследованным этапом является этап воспроизведения, то есть собственно перевод, и те конкретные средства, с помощью которых он осуществляется: единицы перевода, а также разновидности соотношений языковых средств, которые устанавливаются в процессе перевода.

2. С точки зрения практики перевода наиболее актуальным является способ вычленения единиц перевода, основывающийся на принципе семантического единства. В этом случае перевод с греческого языка на русский может быть осуществлен: на уровне фонем/графем, на уровне морфем, на уровне слов, на уровне словосочетания, на уровне предложений и на уровне текста.

3. Вычленение такой единицы перевода, как словосочетание, а именно фразеологизм, позволяет автору данной статьи рассмотреть в дальнейшем, каким образом русской лексической системой осваиваются фразеологизмы, заимствованные из греческого и украинского языков.

Библиографические ссылки

1. **Алексеева И. С.** Введение в переводоведение : [учебное пособие] / И. С. Алексеева. – М. : Изд. центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. **Бархударов Л. С.** Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 239 с.
3. **Бродович О. И.** Единица перевода: Онтология? Эвристика / О. И. Бродович // Актуальные проблемы теории и практики перевода : матер. XXIX межвуз. научно-практич. конф. преподавателей и аспирантов. – Вып. 8. – СПб., 2000. – С. 11–23.
4. **Комиссаров В. Н.** Общая теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М., 1989. – 134 с.
5. **Krings H. P.** Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht / H. P. Krings. – Tübingen : Narr-Verlag, 1986. – 570 s.
6. **Seleskovich D.** Interpreter pour traduire / D. Seleskovich, M. Lederer. – Paris : Didier Erudition, 1987. – 310 p.

Надійшла до редколегії 10.02.13

УДК 811'373.614.046.16

Д. П. Амичба

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

КОНСТРУКТ «БОЛОТО» В РАКУРСЕ ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ

Описано та проаналізовано багаторівневий, багатоконпонентний концепт-конструкт «болото» і моделюючі його смисли та значення компоненти «драговина», «бруд», «трясовина», «біс», «сатана», «чорт».

Ключові слова: концепт-конструкт, структурація, смисл, значення, ментальність.

Описан и проанализирован многоуровневый, многокомпонентный концепт-конструкт «болото» и моделирующие его смыслы и значения компоненты «топь», «грязь», «трясина», «бес», «сатана», «чёрт».

Ключевые слова: концепт-конструкт, структуризация, смысл, значение, ментальность.

The article describes and analyzes multilevel, multi-componential concept «Bog» and its mental essences «swamp», «marsh», «demon», «evil spirit».

Keywords: concept, structuration, sense, meaning, mentality.

Слово «болото», как известно, вбирает в себя несколько значений. Понятие «болото» – символ, глубинный и многокомпонентный, находится на одном ментальном уровне со «злом». Рассмотрим подробнее лексико-семантический компонент, структурирующий понятие «болото». «Болото» – «избыточно-увлажнённый участок земли со стоячей водой и зыбкой поверхностью» [3, с. 55]. «Болото» – «общественная среда, находящаяся в состоянии застоя, косности» [3, с. 55]. Представляет интерес второе значение, поскольку в нём заложен основной смысл данного конструкта-концепта [1]. Полагаем, что ментальный конструкт-концепт «болото» характеризуется не только своей образностью и глубокой метафоричностью, но и линейно разворачивает: а) смыслы и значения данного конструкта, б) и его структурирующих компонентов.

Цель данной статьи – описать глубинную образность и метафоричность национально-культурного компонента «болото» в языковой картине мира. *Задача* – проанализировать и охарактеризовать концепт-конструкт «болото», выделить в структурирующих его компонентах общие ментальные поля. По представлениям многих народов, *болото, топь, трясина* – место обитания нечистой силы. У русских принято считать: *Было бы болото, а черти найдутся; В тихом болоте (омуте) черти водятся.*

Словом «омут» принято обозначать водоворот, который образуется встречным течением. Омутом так же называют глубокую яму на дне озера, реки [3, с. 453]. «Дно», «болото», «омут» – слова, которые структурируют ментальное поле отрицательной коннотации. Представляет в этой триаде интерес слово «дно». «Дно» в прямом значении – «грунт под водой, водоёмом, рекой, морем» [3, с. 169]. «Дно» в переносном значении – «среда», в которой существуют опустившиеся, деклассированные элементы, находящиеся вне своей социальной среды. Их ещё определяют словом «маргинал», которое с латинского языка переводится как «край, граница, сторона, на краю» [8, с. 301]. «Дно», по представлениям абхазов, русских, украинцев, является таким местом, в котором таятся неизведанные силы, «чуждые», «тёмные», «непонятные», «тревожные», возможно, «агрессивные и пугающие».

«Дно», «омут», «болото» – понятия, тесно соприкасающиеся и ментально, и образно, как уже отметили, употребляются в языке с отрицательным значением. «Дно», «омут», «болото» структурируются синтаксическими моделями типа «Интернет болотное сообщество», «Болотный список», «Протестный митинг», «Протестное движение», «Протестный марш», «Марш Свободы» и т. д. Эти и подобные им обозначения в последнее время находятся на слуху и особенно часто комментируются дикторами телерадиовещательных каналов России.

Активный избиратель, участвующий в выборах в государственные или общественные структуры, ратующий за своего кандидата и получивший определение «протестного электората», может пополнить список «интернет болотного сообщества». Модным словом «электорат» называют того же самого избирателя. Слово «электорат» заимствовано из английского языка, имеет значения: «1. Совокупность избирателей, поддерживающих на выборах какую-либо программу, партию или кандидатуру... 2. Вообще все те, кто имеет право голосовать на выборах, сообщество людей с узко ограниченными личными интересами» [14].

Нет сомнения в том, что слова и словосочетания «маргинал», «электорат», «протестный электорат», «интернет болотное сообщество» и т. д. структурируют конструкт «болото». «Болото» ассоциируется с деятельностью этого указанного выше сообщества людей и не только потому, что местом встречи и разборок ими была выбрана Болотная площадь, но и потому, что их взгляды, мировосприятие и отношение к инакомыслящим остались без изменения. Все их аргументы за и против не убеждают. Их доводы, как застоявшаяся вода в болоте, не находят выхода. Потому что мысли, взгляды, по мнению их оппонентов, противоположной стороны, консервативны, мертвы. Эти взгляды *безжизненны*, потому что в них *нет правды жизни*. Они *лживы*, *не приносят никому пользы*, *сеют смуту в неокрепших душах и сердцах*.

Заметим, что и Б. Гринченко выделяет в слове «болото», или «болітце», как прямое, так и переносное значение: «стоячая загнившая вода, грязь, размякшая от воды, дождя, грязная почва; *Не ходи туди, де ликом зав'язано і болотом замазано*» [2, т. 1, с. 84–85]. В болоте, где, по представлениям людей, *ликом зав'язано і болотом замазано*, водится нечистая сила. Заметим также, что словом «болотняк» обозначали чёрта, живущего, по народным представлениям, в болоте.

«Болото» и «грязь» – слова одного ментального поля. «Грязь» – *пачкает, грязнит, отнимает душевные силы, наносит непоправимый вред здоровью и жизни человека*. Известно, что тот, кто *попал в трясины*, старается всеми силами *избежать неминуемой смерти*. И потому не каждому удаётся *выйти из болота*, ну а если и повезёт, то *сухим выйти* невозможно. Известно, что *попасть в болото, омут, дно, трясины* может любой человек. Главное понятие: *необходимо выйти, выкарабкаться, выползти с достоинством и честью*.

Бывает и наоборот: *Вышел из грязи в князи (князя)*. Другими словами, *разбогател*, стал надменным, высокомерным, перестал замечать вокруг себя людей, перестал слышать и слушать окружающих друзей, знакомых. Без сомнения, в данный фразеологизм вкладывается негативный оттенок. Смысл указанного фразеологизма понятен всем: такой «князь» не будет добрым, хотя бы потому, что утратил человеческое лицо, стал чёрствым и не замечает чужих проблем. Этот «князь» способен лишь *упиваться собой* и собственными достижениями: он не принесёт любви, добра, счастья, радости окружающим. Такие «князья», «царьки» опасны для общества, людей, которые им поверили; их желания, стремления в том, чтобы *любой ценой*, пусть даже жертв, *добиться своих целей, намеченных планов*. Это о них говорят: *шагают по костям и крови*.

Представляет интерес в связи с изложенным этимология слов «болото», «грязь». «Болото», согласно М. Фасмеру, во многих языках звучит одинаково: «укр. боло́то, блр. боло́то, ст.-слав. блато́лѣмъ, болг. блато, сербохорв. блато, словен. bláto, чеш. bláto, польск. błoto «грязь, трясина», в.-луж. błóto «грязь, тина», н.-луж. błoto «заболоченный лес, грязь». Родственно лит. báltas «белый», др.-прусск. местн. н. Rythabalt ... алб. baltë «тина, болото, глина, земля» – иллирийского происхождения: сев.-ит. palta, ломб. palta, пьемонтск. Pauta ... Знач. «белый» и «болото», ср. с русск. бель, польск. Biel ... Сюда же, далее, белый; см. Траутман, BSW 25, в то время как нидерл. peel из *pali-, д.-в.-н. pfuol, англ. pool «лужа», др.-инд. jam-bālas «болото, тина» следует отделить.

Слово «болото», как мы видим, может быть структурировано следующими синонимами: «топь, топкое место, трясина, грязь, лужа, мокр(ое); болотце, урема, тимение, кочкарник, блато, захолустье, медвежий угол, саз, согра, болотина, глушь, падь, чаруса, болотинка, торфоболото, мшара, торфяник, дыра, рям, болотище, солончак» [9]. В иерархии указанных слов «грязь» может занимать доминирующее положение, поскольку под грязью можно понимать и «тину», и «топь».

Обратимся к словарной статье М. Фасмера: «Грязь. род. п. грязи ж., укр. грязь – то же, словен. м. grêz «тина, топь», grêz ж. «вязкая, глубокая грязь», gréza – то же. К грязнуть» [10].

Синонимами к слову «грязь» являются «лужа, тина, болото, пятно, слякоть; похабщина, свинство, похабство, сальность, бесстыжесть, мерзость, гнусность, безнравственность, пакость, скверность, мерзопакость, скверна, скабрзность, грязнотца, бесстыдство, аморальность, замасленность, сарай, нечистота, обшарпанность, триппер, хлев, сифилис, шелупень, шелупня, грязца, грязища, нецензурщина, СПИД, не пройти, не проехать, грязь невылазная, иллювий, гадость, неопрятность, месиво, паскудство, хлябь, ногу не вытащишь, умет, грязюка, бесчестность, тимение, неряшливость, грязнота, распущенность» [5]. Грязной души и мыслей человек характеризуется как злой. Можем ли назвать людей, которые из-за своих интересов могут нарушить спокойствие в обществе, злыми? По представлению русских, Злой человек способен быть *Злее волка и самого чёрта подковать* [4, с. 84]; *В очи льстить, а за очи хулить* [4, с. 111]. Абхазы в таких случаях говорят: **Ауѳц`гъа ала давзоуп, аб`а давзоуп** «У злого человека друзья собаки и свиньи».

«Зло» – источник *греха, неправды, лжи, несправедливости, зависти, беды, несчастья, горя*. Зло подстерегает человека: о нём надо помнить всегда, потому как никто не может быть застрахован от него, возможно, поэтому *Зло тихо лежать не может* [4, с. 110]. Важно понять, если в человеке злое начало (тёмная / грязная душа), то он никогда не станет добрым. И объяснения этому мы находим в русской поговорке: *Тьма света не любит, злой доброго не терпит* [4, с. 112]. У злого человека нет и не может быть правды: *В ком правды нет, в том и толку мало; В лукавом правды не сыщешь* [4, с. 113]. Можно ли *недоброго, грязного* душой человека, злого, *лукавого* определить словом «чёрт»? Известно всем: неправда (враньё) к добру не доведёт. Это истина, и она проверена временем. Уверенность в том, что *Враньё не споро – попутает скоро* [4, с. 113], оправдывается и тем, что *Неправдой нажитое впрок не идёт* [4, с. 116].

«Неправда» – понятие, структурирующее «зло». Ложь – это тоже зло.

Выясняется, что в злом человеке лжи оказывается больше, чем правды: *Правда одна, а лжи сколько угодно* [4, с. 116]. Лживый человек опасен для людей: *Так лжёт, что ни себе, ни людям передышки не даёт* [4, с. 118]. *Злой, лживый, лукавый, коварный* придумывает причины, муссирует, *нагнетает обстановку, сталкивает лбами людей*. Все действия направлены на то, чтобы *заработать дивиденды*. «Прибыль», собираемая коварным человеком, может причинить боль как физическую, так и душевную тем, кто не готов ко лжи. Правильно сказано: *У кого много причин, тот много врёт* [4, с. 118]. Известно, что неправду говорят те, кто не считается с интересами других людей. Для таких людей личная выгода превышает общественных проблем: они умело манипулируют сознанием «толпы». Основная их цель – *В бездонную кадку воду лить* [4, с. 75]. Хорошо, если такого «лидера» *раскусят*, и он не успеет навредить основной массе поверивших в него людей. *Коварный, расчётливый человек* способен не только *В душу влезть*, но и *за грош продать* [4, с. 82].

Совершенно непонятно, почему такие люди провозглашают себя «лидерами наций», «вождями протестующих», «людьми радикальных взглядов», «руководителями протестного электората» и т. д., и т. п. Возникает логичный вопрос, почему у этих горе-лидеров «волчий оскал», «повадки хищников», *злое, недоброе лицо*. Не иначе как «черти в человеческих обликах» предстают они перед разочаровавшимися и разуверившимися в них людьми. Думается, что образ, ассоциирующийся с «чёртом», вполне оправдан и справедлив. Обратимся к этимологии

слова «чёрт». По данным М. Фасмера, чёрт – «род. п. -а, но: ни черти́, мн. чёрти, стар. им. п. мн. ч. (вряд ли, по мнению Соболевского) ... укр., блр. чорт, сербохорв. цр̀тити, цр̀ти́м «заклинать, клясть», словен. črt «черт, ненависть, вражда», črtiti «ненавидеть», чеш., словц. čert «черт», польск. czart, в.-луж. čert, н.-луж. cart. Праслав. *čьгть рассматривается как прич. на -to- «проклятый», родственное лит. kugėti «злиться», į-kūgti «гнушаться», аркугėti «надоедать», įkugùs «назойливый, навязчивый», kegėti «сглазить, околдовать», чары. Не является более вероятным сравнение с лат. curtus «короткий, ... обрубленный» ... Нельзя сблизать это слово с терять, первонач. якобы «потерянный, заблудший» ... Эвфемистической заменой слова чёрт является чёрный ... также чёрное слово – о ругательстве с упоминанием черта ... Производное от чёрт: чёртовы яйца «картофель», кемск. (Подв.). (Якобсон (JSLP, 1/2, 1959, стр. 276) сближает, вслед за Швицером, с черта, чертить; менее вероятно сближение со скорый ... » [13].

Как мы понимаем, рассматриваемое слово несёт в себе смыслы «черноты», «нечистоты», «грязи». Человек с грязной, чёрной душой – носитель сил зла. Чёрт, по представлению людей разных национальностей, – это большое зло. У затаившего за пазухой камень мало правды. Бесспорно: *Мало правды в том, из которого сыплется много слов* [4, с. 82]; *Речист, да на руку не чист* [4, с. 86]; *Слова бархатные, а дела ежовые* [4, с. 87]; *Хитёр, как лиса, труслив, как заяц* [4, с. 88]. Понимают ли «протестующие», что своими не совсем оправданными поступками и *переливанием из пустого в порожнее* [4, с. 85], *раздувают опасный огонь*. В Словаре русских синонимов «чёрт» синонимично словам дьявол, сатана, демон, бес, чертяка, враг, лукавый, окаянный, нечистый, нечистый дух, нечистая сила; иблис, чертик, чертенок, анчибел, не к ночи будь помянут, анчутка, черный, нечисть, шайтан [6]. Синонимичные слову «чёрт» – **дьявол, сатана** несут отрицательную коннотацию.

«Дьявол. др.-русск., ст.-слав. дѣяволъ ді́аволос, болг. дявол, сербохорв. ђаво́, род. ђаво́ла, цслав., заимств. из греч. δίαβολος ... дед, дѣготь» [11]. С тем же лексико-семантическими компонентами употребляется слово «сатана». Рассмотрим этимологию: «Сатана. др.-русск. сатана сатанѣс ... также ст.-слав. сотона, русск.-цслав. сотона ... древнее заимств. из греч. σατανᾶς от др.-еврейск. Sātān ... Форму сатана можно объяснить из сотона вторичным приспособлением к греч. форме. Сюда же сатанайл «верховный сатана», др.-русск. Сотоноиль ... Σαταναήλ» [12]. Как видно, не совсем понятна этимология слова «сатана». Предположим, что «рефлекс» «сатана» встречается в словах *шайтан* и *шьарл`ага*. В абхазском языке слово *шьарл`ага* выражает глагольное действие, которое дословно переводится как «кровь-садить, кровь-опустить – лишить крови». Другими словами, лишить жизни, умереть. Сатана, бес и все нечистые силы, в представлении людей разных национальностей, приносят большое зло, несчастье, смерть. Заметим, что слово «сатана», как и слово *шьарл`ага* включают в себе: в русском [с] – зубную переднеязычную фрикативную фонему, в абхазском [шь] – переднеязычную альвеолярную мягкую нелабиализованную аспирату. Сравним с русским звуком [ш`] – переднеязычным, передненёбным фрикативным. Видим, что такое сравнение возможно. Наверное, можно предположить, что в этимологии, в значении и смысле этого понятия изначально было заложено «зло как разрушающее личность человека». Конструкты с компонентом *шьарл`ага* вобрала в себя в абхазском языке отрицательную коннотацию. То же самое, думаем, можно сказать о конструкте «сатана» в русском языке. Как в абхазском, так и в русском, украинском языках эти понятия связывают «со злым началом». С тем, что принято называть словосочетанием «враг человека», определять словами «бес, дьявол, сатана».

Синонимом слову (Словарь русских синонимов) [7] «сатана» выступают: «лукавый, сатанюка, иблис, князь тьмы, дух тьмы, падший ангел, враг рода человеческого, отец лжи, демиург, нечистый, мефистофель, велиар, вельзевул, анчутка, чертяка, черная сила, черный, шишига, шайтан, враг, окаянный, люцифер, черт, аггел, нечистая сила, нечистый дух, дьявол, демон, бес. Можем ли мы утверждать, что лидеры «болотного движения» сосредоточили в себе эти характеристики и что своими действиями напоминают нечистую силу? Думается, что да. Так же полагаем, что те, кто идут за ними, кто представляет наивное большинство, поймут главное: *Мы горели, а они руки грели* [4, с. 82]. Не приходится сомневаться в том, что они не способны принести никому обещанного блага, добра. Вспомним русскую пословицу *У куцего кобеля не ожидай хвоста, от лихого человека не жди добра* [4, с. 88]. Точная характеристика «лидера», «вождей», которые *Из плута скроены, мошенником подбиты* [4, с. 79]. Такая оценка народной мудрости позволяет говорить о том, что Интернет болотные «лидеры» никому не принесут пользы, а лишь разрушат общество изнутри. Мотивы понятны: *Хоть гори целый свет, лишь бы он был согрет* [4, с. 89].

Выводы. Из изложенного можно заключить, что «болото» – многоуровневый многокомпонентный конструкт-концепт смысла и значения. Структурирующие его компоненты «топь», «грязь», «трясина», «бес», «сатана», «чёрт» линейно разворачивают смыслы и значения таких общечеловеческих концептов-конструктов, как «зло», «грех», «смерть», «кровь».

Библиографические ссылки

1. **Амичба Д. П.** Лингвокультурологическое выражение смысла и значения «общечеловеческого» в ментальных образах абхазов, русских, украинцев (на материале фразеологии) : монография / Д. П. Амичба. – Д. : ДНУ, 2012. – 228 с.
2. **Гринченко Б. Д.** Словарь української мови : в 4 т. – К. : Вид-во АН УРСР, 1958. – 494 с.
3. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. **Пословицы и поговорки** / сост. В. Д. Сысоев. – М. : АСТ : Астрель : ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 191 с.
5. **Словарь русских синонимов. Грязь** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-15280.htm>.
6. **Словарь русских синонимов. Чёрт** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-93836.htm>.
7. **Словарь русских синонимов. Сатана** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-76700.htm>.
8. **Словарь иностранных слов.** – 19-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1990. – 624 с.
9. **Фасмер М. Болото** [Электронный ресурс] / М. Фасмер. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-1081.htm>.
10. **Фасмер М. Грязь** [Электронный ресурс] / М. Фасмер. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-2922.htm11>.
11. **Фасмер М. Дьявол** [Электронный ресурс] / М. Фасмер. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-3521.htm>.
12. **Фасмер М. Сатана** [Электронный ресурс] / М. Фасмер. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-11670.htm>.
13. **Фасмер М. Чёрт** [Электронный ресурс] / М. Фасмер. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-15618.htm>.
14. **Словарь иностранных слов. Электорат** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.inslov.ru/html-komlev/6/6lektorat.html>.

Надійшла до редколегії 18.02.13

УДК 811.161.3'373.46

С. М. Аніськова

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны

ТЭХНІЧНЫ ТЭРМІН У СПЕКТРЫ СІСТЭМНЫХ АДНОСІН

Досліджено системні відношення термінів водного транспорту з урахуванням їх класифікаційної сутності та закономірностей деривації.

Ключові слова: *термін, термінологія, система, ізоморфізм, класифікація, тематична група, гіпонімія.*

Исследованы системные отношения терминов водного транспорта с учетом их классификационной сущности и закономерностей деривации.

Ключевые слова: *термин, терминология, система, изоморфизм, классификация, тематическая группа, гипонимия.*

In the article the systemic relations terms of water transport are investigated in view of their classification nature and regularities of derivation.

Keywords: *term, terminology, system, isomorphism, classification, thematic group, hyponyms.*

Сучаснае навуковае пазнанне характарызуецца не толькі антрапамарфізмам, сінкрэтызмам, але і высокай ступенню тэрмінаванасці. Даследаванне прынцыпаў сістэматызацыі спецыяльных найменняў у межах галіновых тэрмінасістэм, безумоўна, будзе спрыяць уніфікацыі і стандартызацыі тэрмінаў на ўзроўні агульналітаратурнай мовы ў цэлым.

Уяўленне аб тэрміналогіі як сістэме з'яўляецца традыцыйным і заснавана на выніках логіка-паняццйнага аналізу. Тэрміналагічная сістэма звычайна разглядаецца як “складаная дынамічная ўстойлівая сукупнасць элементаў, абраных па пэўных правілах, структура якой ізаморфная структуры лагічных сувязей паміж паняццямі спецыяльнай галіны ведаў або дзейнасці, а функцыя заключаецца ў тым, каб служыць знакавай мадэллю гэтай галіны [8, с. 56].

Вядомы тэрміналаг Д. С. Лотэ сфармуляваў зыходныя патрабаванні да тэрмінасістэм: “1) у аснове сістэмы павінна ляжаць класіфікацыя паняццяў; 2) тэрмінаваныя прыметы і паняцці павінны адпавядаць класіфікацыйным схемам; 3) тэрміны павінны адлюстроўваць агульнасць паняцця з іншымі і ўказваць на яго спецыфічнасць” [9, с. 10].

Адзначаныя палажэнні дазваляюць разглядаць сістэмнасць тэрміналогіі як яе “класіфікацыйную сутнасць” [12, с. 53]. У навуковай літаратуры сустракаюцца і іншыя погляды на сістэмнасць: адны даследчыкі лічаць, што тэрмінам як адзінкам сістэмы ўласціва словаўтваральная сістэмнасць, пад якой яны разумеюць “сувязь тэрмінаў па іх дэрывацыйных мадэлях і сродках і субардынацыю па парадку ўтварэння” [6, с. 75], на думку другіх даследчыкаў (мы падзяляем менавіта гэты пункт гледжання і прымаем яго ў якасці рабочай гіпотэзы), тэрміны сістэмныя як у плане зместу, так і ў плане выражэння [1, с. 31], што абумоўлена самой прыродай тэрміна, які як знак, што выступае ў функцыі лагічнага вызначэння паняцця ў лагічнай схеме навукі, па-першае, арыентуе на аб’ект у сістэме, а па-другое, як моўная адзінка канкрэтнай тэрміналогіі характарызуецца лексічнай і словаўтваральнай сістэмнасцю.

Наша *мэта* – прааналізаваць сістэмныя адносіны паміж тэхнічнымі тэрмінамі ў беларускай мове на матэрыяле тэрміналогіі воднага транспарту. Для рэалізацыі гэтай мэты намі былі пастаўлены і вырашаны наступныя задачы: сістэматызаваць

тэрміны на логіка-семантычным узроўні з улікам ізаморфных адносін паняццйнай і тэрміналагічнай сістэмы; правесці класіфікацыйна-тэматычны аналіз тэрміналогіі воднага транспарту; вызначыць асноўныя заканамернасці дэрывацыі пры ўтварэнні тэрмінаў-гіпонімаў.

Пры правядзенні даследавання мы кіраваліся наступнымі важнейшымі прынцыпамі, распрацаванымі ў межах слоўнай (“функцыянальнай”) тэорыі тэрміна, прыхільнікі якой (М. М. Шанскі, Д. М. Шмялёў, В. П. Даніленка, Б. М. Галавін, А. В. Супяранская і інш.) лічаць, што: 1) тэрміналогія – гэта самастойная “функцыянальная падсістэма агульналітаратурнай мовы [4, с. 10]; 2) тэрміны – “не асобныя словы, а толькі словы ў асобай функцыі” [2, с. 5]; 3) “тэрмін – моўны знак, і гэта яго прыналежнасць актуалізуецца ў словаўтваральнай структуры, камбінаторыцы, у здольнасці рэалізаваць усе патэнцыяльна заключаныя ў ім уласцівасці моўнага знака, якія звязаны з анамаліялагічным бокам яго развіцця, з існаваннем знака як наймення” [13, с. 10].

Кожная тэрмінасістэма як аб’ект даследавання характарызуецца ў асноўным адносным пастаянствам зместу і сувязей адзінак, якія яе рэпрэзентуюць, што, безумоўна, палягчае задачу выяўлення суадносін і месцазнаходжання кожнага асобнага тэрміна ў сістэме, дазваляе наглядна прадставіць яе структуру пры класіфікацыі. За аснову такой класіфікацыі могуць быць узяты катэгорыі паняццяў, якія адлюстроўваюць самыя агульныя сувязі паміж тэрмінамі і паняццямі ў межах акрэсленай сістэмы.

“У тэхніцы, – адзначаў Д. С. Лотэ, – тэрмінуюцца наступныя катэгорыі паняццяў: працэсы (паняцці, звязаныя з дзеяннямі), прадметы (паняцці тэхнічных сродкаў, іх вузлоў, дэталей, матэрыялаў), якасці (паняцці, якія характарызуюць якасны бок прадметаў), велічыні (паняцці, звязаныя з колькаснай характарыстыкай і працэсаў, і прадметаў, і якасцей – параметры, каэфіцыенты, адзінкі вымярэння)” [9, с. 17].

Т. Л. Кандэлакі вылучае ў тэхнічнай тэрміналогіі дзевяць катэгорый паняццяў: катэгорыю прадметаў, катэгорыю працэсаў, катэгорыю стану, катэгорыю рэжымаў, катэгорыю якасцей, катэгорыю велічынь, катэгорыю адзінак вымярэння, катэгорыю навук і галін вытворчасці, катэгорыю прафесій [5, с. 9].

Аднак катэгорыі не супадаюць цалкам з лагічнымі класіфікацыямі назоўнікаў па семантычных групам. Так, катэгорыя працэсаў, відавочна, аб’ядноўвае не толькі імёны дзеяння, але і дзеясловы, а прыслоўі і прыметнікі ўваходзяць у якасці складаных у тэрміны працэсаў – словазлучэнні. Аб’ём большасці тэхнічных паняццяў унутры кожнай катэгорыі можа падзяляцца па многіх дыферэнцыяльных прыметах. І ўсе паняцці як элементы любой паралельнай класіфікацыі знаходзяць свае месца ў структуры адпаведнай катэгорыі. Гэта значыць, што любая катэгорыя па сутнасці з’яўляецца шматпластовай, а месцазнаходжанне кожнага значэння зафіксавана як унутрыкатэгарыяльнымі сувязямі, так і сувязямі са значэннямі іншых катэгорый.

Паколькі для мыслення ў тэхнічнай сферы характэрна прадметная накіраванасць, то найбольш шматлікай з’яўляецца катэгорыя прадметаў, якая лічыцца сэнсавым стрыжнем паняццйнай сістэмы і ў сувязі з іншымі катэгорыямі выяўляе найбольшую разгалінаванасць і глыбіню.

А. А. Рэфармацкі пісаў: “Тэрміналагічныя адзінкі павінны складаць сістэму, якая адлюстроўвала б сістэматыку прадметаў, абазначаных імі. Гэтага можна дасягнуць шляхам правільнай класіфікацыі з выдзяленнем родавых і відавых паняццяў і з улікам паралельнасці відаў. Так, напрыклад, нельга ізаляваць вырашаць пытанне аб найменні якой-небудзь машыны, не ўяўляючы сабе ўвесь клас дадзеных машын у цэлым і іх класіфікацыю” [11, с. 190].

“Рода-відавья адносіны лексічных адзінак называюцца гіпаніміяй” [3, с. 32]. Пры гэтым вылучаюцца два тыпы слоў: а) словы-гіпонімы, якія выражаюць відавья паняцці; б) словы-гіперонімы, якія выражаюць родавья паняцці. Гіпанімія з’яўляецца важнейшым спосабам сістэмнай арганізацыі тэрміналогіі. Гэта такі тып сэнсавых адносін, пры якім “змест відавога паняцця аказваецца шырэйшым за змест родавага, а аб’ём – вузейшым” [3, с. 32]. Адкуль вынікае, што словы-гіпонімы ўключаюць у сябе большую колькасць семантычных кампанентаў, чым словы-гіперонімы.

Найбольш паслядоўна гіпанімія рэалізуецца ў арганізацыі лексіка-тэматычных груп, своеасаблівых тэрміналагічных мікрасістэм, у выніку неабходнасці вызначэння месца тэрміна сярод аднародных тэрмінаў, напрыклад: назвы суднаў (па прызначэнні): *абслуговае судна, ваеннае судна, навукова-даследчае судна, прамысловае судна, спартыўна-турысцкае судна, транспартнае судна, тэхнічнае судна* і інш.

Рода-відавья адносіны ў тэрміналогіі воднага транспарту (далей ТВТ) выражаюцца лексічнымі і сінтаксічнымі сродкамі, або тымі і другімі разам. Найбольш часта гіпанімія рэалізуецца экспліцытна: відавья найменні ўяўляюць сінтаксічныя канструкцыі, у якіх залежныя кампаненты – носьбіты відаввой прыметы – размяшчаюцца ў парадку зніжэння іерархічных узроўняў і на ніжніх ступенях іерархіі ўтвараюць полікампанентныя тэрміналагічныя адзінкі. У састаўных тэрмінах відавья прыметы могуць выражацца пры дапамозе прыметнікаў або дзеепрыметнікаў у функцыі дапасавых азначэнняў, таксама назоўнікаў у ролі недапасаваных азначэнняў: *надводны борт, накіравальная насадка, глыбіня порта*. Пры ўтварэнні тэрмінаў-словазлучэнняў з прыметнікам – дапасаваным азначэннем – найбольшай частотнасцю ў ТВТ вызначаюцца ад’ектывы *суднавы, пльвучы, грузавы, воданепранікальны*, а таксама – у сувязі з вялікай колькасцю найменняў частак адпаведных суднавых прыстасаванняў – ад’ектывы *рулявы, буксірны, выратавальны, швартоўны, якарны, шлюпачны, леерны*.

Лексічная гіпанімія прадстаўлена ў выглядзе тэматычных груп, назвы якіх разглядаюцца як гіперонімы, а члены груп уяўляюць сабой сугіпонімы, якія пры наяўнасці агульнага родавага значэння адрозніваюцца па рэлевантнай семантычнай прымеце. Так як тэрміналогія воднага транспарту вызначаецца складанай унутранай арганізацыяй, то мы палічылі мэтазгодным прадставіць менавіта лексіка-тэматычную класіфікацыю тэрмінаў, якая ў логіка-паняцінным аспекце па сутнасці з’яўляецца прадметна-лагічнай класіфікацыяй паралельнага тыпу з элементамі паслядоўнай. Такая класіфікацыйная схема дазваляе ўлічыць як катэгорыі паняццяў, так і шырокі спектр сувязей паміж гэтымі паняццямі. На ўзроўні тэрміналогіі ў цэлым дадзеная класіфікацыя выходзіць за межы традыцыйнай тэматычнай, заснаванай толькі на рода-відавых адносінах, паколькі яна ўлічвае “і іншыя паняцічныя сувязі, асноўныя сярод якіх: а) цэлае – частка; б) прадмет – параметр; в) прадмет – асоба; г) прадмет – працэс; д) параметр – адзінка вымярэння” [10, с. 60].

Зыходзячы з лагічнай схемы тэрмінаадзінак і ўлічваючы ўсю разнастайнасць адзначанай паняцічнай сістэмы, выдзелім у ТВТ наступныя тэматычныя групы: 1) назвы водных транспартных сродкаў, іх тыпаў і відаў (*лодка, катэр, паром, яхта, судна на падводных крылах*); 2) найменні частак водных транспартных сродкаў (*кіль, абшыўка, такелаж*); 3) намінацыі асоб, што абслугоўваюць водны транспарт (*капітан, механік, рулявы*); 4) назвы эксплуатацыйных якасцей водных транспартных сродкаў і адзінак іх вымярэння (*асадка, грузаўмяшчальнасць, пасажыраўмяшчальнасць*); 5) найменні водных

шляхоў зносін, іх гідралагічных характарыстык і навігацыйнага абсталявання (*рака, вадасховішча, суднаходны канал*); 6) назвы берагавых збудаванняў і спецыялізаваных прыбярэжных частак акваторыі для абслугоўвання водных транспартных сродкаў (*прыстань, рачны вакзал, рамонтная гавань*); 7) намінацыі са значэннем працэсу ў тэрміналогіі воднага транспарту (*швартаванне, адчальванне, буксіраванне*);

Іншыя лексіка-тэматычныя групы не вызначаюцца колькасна і ўключаюць назвы: апэратыўна-тактычных аб'яднанняў суднаў (*флатылія, караван, флот*); суднавай дакументацыі (*суднавае пасведчанне, суднавы журнал, навігацыйная інструкцыя*); вятроў (*спадарожны вецер, шквал, шторм*); курсаў судна адносна ветру (*фордэвінд, левы (правы) галс*); паліва і гаруча-змазачных матэрыялаў (*дызельнае паліва, цір*).

Дадзеныя лексіка-тэматычныя групы ўтвараюць арганізаваную сістэму, дамінаванне ў якой агульных рыс звязана не толькі з сістэмнасцю тэрміна, але і з яго тыпізаванасцю. Зразумела, што такая стратыфікацыя не з'яўляецца абсалютнай, паколькі тэрміналагічныя адзінкі ў сваіх значэннях (цалкам ці часткова) здольныя да ўзаемапераходу і ўзаемаперасячэння, могуць утвараць сінанімічныя паралелі, быць кампанентамі састаўных тэрмінаў, мець некалькі значэнняў. Акрамя таго, не перастае ўздзейнічаць і экстралінгвістычны фактар: узнікненне новых рэалій прыводзіць да стварэння новых намінантаў, а гэта значыць, што тэрміналагічная сістэма ўдакладняецца, узбагачаецца, развіваецца, што непазбежна выклікае неабходнасць змен у класіфікацыі.

Функцыянальны аналіз тэрміналагічнай сістэмы паказвае, што “ізамарфізм як узаемна-адназначная адпаведнасць паміж сістэмай паняццяў і сістэмай тэрмінаў (адно паняцце – адзін знак, адзін знак – адно паняцце) існуе толькі як вядучая тэндэнцыя і ніколі не рэалізуецца цалкам [7, с. 94], таму што ізаморфныя адносіны з непазбежнасцю будуць парушацца самім функцыянаваннем сістэмы, напрыклад, узнікненнем полісемічных адносін як выніку развіцця саміх паняццяў у межах тэрмінасістэмы: *вахта* – неадлучнае дзяжурства па ахове бяспекі на судах, а таксама змена, якая нясе такое дзяжурства; *лоцман* – спецыяліст па праводцы суднаў або прыбор з такой жа функцыяй.

Сінанімія, якая ў агульналітаратурнай мове з'яўляецца пашыраным відам парадэгматычных адносін як прыватнай рэалізацыі сістэмнасці на ўзроўні мовы ў цэлым, у тэрміналогіі разглядаецца як непажаданая з'ява. Такого пункту гледжання прытрымліваюцца Д. С. Лотэ, Э. А. Натансон, Л. Л. Куціна, Л. А. Капаназе, В. П. Даніленка, В. С. Ахманова. Д. С. Лотэ пісаў: “Шматлікія тэрміны з'яўляюцца сінонімамі, гэта значыць адно паняцце часта абазначаецца двума або некалькімі тэрмінамі. Запамінанне сінанімічных формаў ... патрабуе дадатковай затраты працы [9, с. 7]. Л. Л. Куціна адзначала, што “наяўнасць розных знакаў, суадносных з адным паняццем – сведчанне неарганізаванасці тэрміналагічнай сістэмы” [7, с. 87]. На думку А. М. Талікінай, “калі існаванне сінонімаў у агульналітаратурнай мове апраўдана тым, што выбар тых або іншых адзінак змяняе або змест мовы, або стылістычную афарбоўку, або надае ёй тонкі індывідуальны каларыт, то дублеты ў тэрміналогіі як розныя назвы аднаго і таго ж паняцця гэтымі рысамі не валодаюць. Акрамя таго, у тэрміналогіі пры неўпарадкаванасці яе зместу існуе пагроза пераразмеркавання паміж дублетами прымет паняццяў, што вядзе да парушэння класіфікацыі гэтых паняццяў [12, с. 61]. Асноўны вывад, які робіць А. М. Талікіна, – “дублеты – усвядомленая знакавая празмернасць..., наяўнасць іх у тэрміналогіі сведчыць аб незакончанасці адбору знака” [12, с. 62].

Дэталёвы аналіз тэрміналагічнай сінаніміі, яе статусу, прычын узнікнення, тыпаў і відаў, безумоўна, патрабуе асобнага даследавання, у межах данага артыкула мы ўзгадваем пра сінанімію толькі ўскосна як пра адзін з фактараў парушэння сістэмных сувязей паміж тэрмінаадзінкамі, напрыклад: *навігацыя* (з лацінскай мовы-крыніцы) – тое, што і *суднаходства*; *танаж* (з французскай мовы-крыніцы) – тое, што і *грузаўмяшчальнасць*; *бакен* (з галандскай мовы-крыніцы) – тое, што і *буй* (з галандскай мовы-крыніцы).

Акрамя таго, не назіраецца ізамарфізму паміж структурай тэрміна і паняцця. Тэрміналагічныя адзінкі, якія ўваходзяць у адзін і той жа класіфікацыйны рад на аснове агульнай інтэгральнай прыметы, маюць дыферэнцыяльныя сэнсавыя характарыстыкі і таму з'яўляюцца сістэмнымі ў плане зместу, могуць быць несістэмнымі ў плане выражэння. Гэта абумоўлена неаднароднасцю лексічнага складу класіфікацыйных радоў:

а) па паходжанні. Так, аналіз дэфініцый тэрмінаў, праведзены ў накірунку выяўлення агульнай семы і адрознівальных прымет, дазволіў аб'яднаць у класіфікацыйны рад “часткі корпуса судна” наступныя адзінкі: *борт*, *днішча*, *карма*, *кіль*, *нос*, *палуба*, *скула*. Паколькі гэта намінацыі аднаго і таго ж класіфікацыйнага рада, іх сістэмнасць у плане зместу не выклікае ніякага сумнення, аднак у плане выражэння яны сістэмнымі не з'яўляюцца: *днішча*, *карма*, *нос*, *палуба*, *скула* – уласнамоўныя тэрміны, а *борт*, *кіль* – запазычаныя, адпаведна з французскай і галандскай моў. Акрамя таго, намінант *днішча* – вытворны назоўнік ніякага роду, утвораны шляхам суфіксацыі па мадэлі S + -ішч-ад субстантыўнай асновы, тэрміны *карма*, *палуба* – невытворныя назоўнікі жаночага роду, а тэрмінаадзінкі *скула*, *нос*, выражаныя вытворнымі назоўнікамі, адпаведна жаночага і мужчынскага роду, – семантычныя дэрываты (*скула* – выгіб корпуса судна ў тым месцы, дзе борт, закругляючыся, пераходзіць у днішча < *скула* – адна з парных касцей чэрапа, размешчаная ніжэй вочніцы над верхняй сківіцай твару; *нос* – пярэдня частка судна < *нос* – выступ паміж вачамі і ротам на твары чалавека);

б) па спосабе намінацыі для вытворных тэрмінаадзінак. Напрыклад, у класіфікацыйны рад “сухагрузныя спецыялізаваныя судны” ўключаюцца тэрміны *аўтамабілевоз*, *баржавоз*, *кантэйнеравоз*, утвораныя шляхам складання з нулявой суфіксацыяй, а таксама састаўныя намінацыі *рэфрыжэратарнае судна*, *трэйлернае судна*;

в) па розных мадэлях у межах аднаго і таго ж спосабу ўтварэння. Так, у класіфікацыйны рад “від суднаў па тыпе рухача” ўваходзяць наступныя тэрмінаадзінкі: *вёславае судна*, *вінтавое судна*, *колавае судна*, *паруснае судна* – тэрміны, утвораныя па мадэлі “прыметнік + назоўнік”, а таксама намінант *судна з крыльчатым рухавіком*, які ўзнік на аснове мадэлі “назоўнік + прыназоўнік + прыметнік + назоўнік”.

Праілюстраваныя на прыкладах выпадкі несупадзення паміж зместам тэрміналагічных паняццяў і формай іх рэалізацыі на лінгвістычным узроўні паказваюць, што для тэрмінаў перш за ўсё характэрна класіфікацыйная сістэмнасць і яны існуюць не самі па сабе, а толькі як элементы сістэмы, звязаныя структурнымі адносінамі ў адно цэлае.

Акрамя таго, паколькі тэрміналагічныя адзінкі свядома ствараюцца, а не ўзнікаюць стыхійна, назіраюцца пэўныя заканамернасці ў спосабах іх намінацыі, мадэлях і сродках, якія пры гэтым выкарыстоўваюцца, што дае падставу не адмаўляцца зусім ад сістэмнасці і на словаўтваральным узроўні. Так, па мадэлі A + асць утвараецца большасць тэрмінаў са значэннем якасцей водных транспартных сродкаў, напрыклад: *абцякальнасць*, *непатапляльнасць*,

пльвучасць, рысклівасць, трываласць, увальнасць, хуткасць. Утварэнні на -мер служаць намінацыямі суднавых прыбораў: *асадкамер, глыбінямер, дальнамер.* Найменні з другім дзеяслоўным кампанентам -ход характарызуюць судна па тыпе энергетычнай устаноўкі: *атамаход, параход, турбаход.* Кампазіты на -лоў выкарыстоўваюцца для наймення прамысловых суднаў па аб'екце промыслу, названым першым кампанентам: *кальмаралоў, крабалоў* і інш. Назвы спецыялізаваных грузавак суднаў утвараюцца шляхам складання з апорным элементам -воз: *вуглявоз, рудаваз, цэментавоз.* Найбольшая колькасць праэсуальных намінантаў – аддзяслоўныя ўтварэнні на -нне: *адчальванне, глісіраванне, манеўраванне.* Асноўным спосабам дэрывацыі тэрмінаў для выражэння відавых паняццяў у тэрміналогіі воднага транспарту з'яўляецца сінтаксічны: *азёрнае судна, рачное судна, марское судна, верхняя палуба, ніжняя палуба, сярэдняя палуба* і г. д.

Такім чынам, даследаванне семантычнай структуры тэрмінаў і спосабаў іх фармальнай арганізацыі пацвярджае гіпотэзу аб сістэмнасці тэрмінаў як у плане зместу, так і ў плане выражэння. Разам з тым гэта толькі вядучая тэндэнцыя, якую нельга абсалютызаваць і пашыраць на ўсе адзінкі тэрмінаполя без выключэння.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. **Будагов Р. А.** Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. – М. : Наука, 1965. – С. 31–36.
2. **Винокур Г. О.** О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды МИФЛИ. – 1939. – Т. 5. – С. 3–54.
3. **Головин Б. Н.** Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – М. : Высш. шк., 1987. – 103 с.
4. **Даниленко В. П.** Русская терминология: Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 247 с.
5. **Канделаки Т. Л.** Семантика и мотивированность терминов / Т. Л. Канделаки. – М. : Наука, 1977. – 167 с.
6. **Кузьмин Н. П.** Нормативная и ненормативная специальная лексика / Н. П. Кузьмин // Лингвистические проблемы научно-техн. терминологии. – М. : Наука, 1970. – С. 68–81.
7. **Кутина Л. Л.** Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем / Л. Л. Кутина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М. : Наука, 1970. – С. 82–94.
8. **Лейчик В. М.** Терминология информатики: Теоретические и практические вопросы / В. М. Лейчик, И. П. Смирнов, И. М. Сулова // Информатика: Итоги науки и техники. – М. : Наука, 1977. – Т. 2. – С. 56–64.
9. **Лотте Д. С.** Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики / Д. С. Лотте. – М. : Изд-во АН СССР, 19961. – 158 с.
10. **Натансон Э. А.** Логический аспект образования терминов, репрезентирующих смежные понятия / Э. А. Натансон // Место терминологии в системе современных наук. – М. : Изд-во МГУ, 1970. – С. 60–62.
11. **Реформатский А. А.** Мысли о терминологии / А. А. Реформатский // Современные проблемы русской терминологии. – М. : Наука, 1986. – С. 163–198.
12. **Толикина Е. Н.** Некоторые лингвистические проблемы изучения термина / Е. Н. Толикина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М. : Наука, 1970. – С. 53–67.
13. **Толикина Е. Н.** Термин в терминосистеме / Е. Н. Толикина // Актуальные проблемы лексикологии : тез. докл. третьей лингвист. конф. 3–7 мая 1971. – Новосибирск : Новосибир. гос. ун-т, 1971. – С. 9–12.

Надійшла до редколегії 20.02.13

УДК 811.161.1'373.23

И. Н. Апоненко

ГУ «Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины»

НАИМЕНОВАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В СКАЗКАХ В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Досліджено лексико-семантичні і функціональні особливості найменувань персонажів «Барвистих казок з красним слівцем» В. Ф. Одоєвського.

Ключові слова: власне ім'я, найменування персонажа, семантика, функції імен, прецедентне ім'я, аллюзія.

Исследованы лексико-семантические и функциональные особенности наименований персонажей «Пестрых сказок с красным словцом» В. Ф. Одоевского.

Ключевые слова: собственное имя, наименование персонажа, семантика, функции имен, прецедентное имя, аллюзия.

The article focuses on the research of the lexical and semantic as well as functional peculiarities of character's names in V. F. Odoyevsky's «Motley Tales with witticism».

Keywords: proper name, character's name, semantics, names functioning, precedent name, allusion.

Начало 30-х годов XIX века – время расцвета жанра литературной сказки в России. В данный период обращается к ним и В. Ф. Одоевский, именно в это время сблизившийся с А. С. Пушкиным и его кругом. Благоприятное влияние этой дружбы, возможно, как пишет Е. П. Званцева, и было причиной появления небольшого цикла сказок [7, с. 138].

В 1833 году вышел в свет его сборник «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных учёных обществ, изданные В. Безгласным» («Пестрые сказки...»). Он замечателен тем, что включал ряд романтических повестей, рассказанных от имени магистра философии и члена разных ученых обществ Ириней Модестовича Гомозейко. Жанр произведений, входящих в этот сборник, Одоевский определяет как «сказки», что характеризует особенности его стиля – соединение фантастических ситуаций с точным ироническим, а подчас сатирическим воспроизведением деталей быта и нравов.

В изучении многообразного наследия Владимира Федоровича Одоевского «Пестрыми сказкам...» уделяется обычно весьма скромное место. По существу, они практически не становились предметом самостоятельного лингвистического исследования, не были рассмотрены как целостный и важный во многих отношениях цикл. Лишь немногие исследователи-литературоведы, такие как П. Н. Сакулин [15], М. А. Турьян [17; 18], Е. П. Званцева [7], обращались к изучению этих произведений. Между тем цикл этот, наряду с появившимися одновременно новеллами о «гениальных безумцах» – Бетховене, Пиранези, импровизаторе Киприано, знаменовал собой начало нового, зрелого, петербургского периода в творчестве Одоевского. Таким образом, *целью* данной статьи является рассмотрение и изучение состава, семантики, функций собственных имен персонажей такого своеобразного и по жанру, и по стилю сборника. Для достижения указанной цели поставлены следующие *задачи*: 1) описать ономастическое пространство сказок В. Ф. Одоевского, 2) изучить традиции и новаторство в употреблении

имен, 3) представить функциональную характеристику наименований персонажей.

Сборник состоит из девяти сказочных произведений, объединенных в единое целое рассказчиком, в котором легко узнается сам автор сказок. Рассказчик «Пестрых сказок...» *Ириной Модестович Гомозейко* – фигура ключевая, чрезвычайно важная для понимания всего цикла. Поэтому необходимо уделить ей пристальное внимание. Примечательна уже сама семантика имени героя: *Ириной* – от греческого *eigenaios* – «мирный» [12, с. 152]. Отчество *Модестович*, по мнению М. А. Турьян, образовано от латинского *modestus* – «скромный» [18]. Скорее всего, образовано от имени *Модест* и означает «простоватый», что даёт дополнительную характеристику рассказчика [19, с. 435]. И, наконец, фамилия – *Гомозейко*, восходящая к старому русскому слову «гомозить, или гомозиться» – беспокойно вертеться, суетиться [19, с. 391]. Все это было вполне в духе просветительских традиций и собственных первых литературных опытов писателя и как нельзя более соответствовало образу.

В целом, имена с яркой внутренней формой являются одной из характерных особенностей языка «Пестрых сказок...», наиболее распространенным стилистическим приемом, к которому обращается Одоевский, продолжая традиции народных сказок. Так, в сказочном произведении «Деревянный гость, или Сказка об очнувшейся кукле и господине Кивакеле» писатель для актуализации внутренней формы использует не только контекстное обыгрывание, но и семантизацию, например: «Перед нею находилось существо, которое назвать человеком было бы преступление; брюшные полости поглощали весь состав его; *раздавленная голова качалась беспрестанно, как бы в знак согласия*; толстый язык шевелился между отвисшими губами, не произнося ни единого слова; деревянная душа сквозилась в отверстия, занимавшие место глаз, и на узком лбе его насмешливая рука написала: *Кивакель*» [9].

Обращается к фольклору автор в сказке «Игоша», в которой он, по мнению М. А. Турьян, использует малоизвестный мифологический сюжет [17, с. 153], при этом сохраняет именование героя, вынося его в заглавие сказки: «А вот, послушайте, барин, – отвечал мне один из них, – летось у земляка родился сынок, такой хворенький, бог с ним, без ручек, без ножек, в чем душа... до обеда не дожил... Только с той поры все у нас стало не по-прежнему... впрочем, *Игоша*¹, барин, малый добрый...» [4, с. 301].

В. Ф. Одоевский выступает родоначальником жанра сатирической сказки, одним из ранних предшественников Щедрина [8, с. 95]. В «Сказке о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем», которая по жанру представляет собой фантастический гротеск, отражено беспощадное обличение лихоимства. Имя главного героя – *Иван Севастьянов сын Благосердов* – представляет собой образец употребления уже трехкомпонентной формы именования (фамилия, имя, отчество) не в своей окончательной, а в промежуточной форме. Еще А. М. Селищев писал, что «передача отчества посредством сочетания «сын» с прилагательным от имени отца приобрела при посредстве московских приказных канцелярий официальное значение. В канцелярской практике такая передача отчества держится долго и в

¹ *Игоша* – мифологический персонаж одной из народных быличек, как описывает его Даль, «уродец, без рук, без ног, родился и умер некрещеным; он, под названием игоши, проживает то тут, то там и проказит, как кикиморы и домовые, особенно если кто-то не хочет признавать его, невидимку, за домовика, не кладет ему за столом ложки и ломтя, не выкинет ему из окна шапки и рукавиц и проч.» [5, с. 54]. Другой собиратель русского фольклора XIX в. М. Забылин причисляет Игошу к домашним духам «низшего разряда» – кикиморам, шишиморам, шишигам [6, с. 248–249].

XIX веке. При этом «сын» относится уже не к предшествующему прилагательному, образованному от имени отца, а к следующей фамильной форме, получившейся из отчества или из прозвища» [16, с. 102].

Что касается семантики фамилии, то именно в ней реализуется сатирическая направленность сказки. Своим значением фамилия *Благосердов* (возможно, образованная от сочетания «благое (доброе) сердце») вступает в диссонанс с реальной жизнью героя, т. к. приказной *Севастьяныч*¹, будучи сыном «подъячего-лихоимца», «превзошел отца в *усердии* как угодно толковать указы, получать взятки даже с умерших» [10, с. 21], что и создает сатирический эффект. Подобные фамилии с прозрачной внутренней формой, так называемые «говорящие», были характерны для литературных произведений эпохи классицизма, а по утверждению Е. Н. Поляковой, на протяжении XVIII и всего XIX вв. использовались многими писателями, т. к. видимо, очень живыми были еще связи фамилии с индивидуальными прозвищами людей, например: *Уховертов*, *Зверьков* у И. С. Тургенева, *Докукин*, *Долбонос*, *Прекрасновкусов* у А. П. Чехова [14, с. 146–147]. Все сказанное может подчеркивать литературность, а не народность данной сказки.

Сюжет еще одной сказки раскрывается уже в самом названии: «Сказка о том, по какому случаю коллежскому советнику *Ивану Богдановичу Отношенью* не удалось в светлое воскресенье поздравить своих начальников с праздником». Имя, выведенное в заглавие, указывает на сатирическую сущность текста: «Княжеский советник *Иван Богданович Отношенье*, – в течение сорокалетнего служения своего в звании председателя какой-то временной комиссии, проводил жизнь тихую и безмятежную. Каждое утро он ... отправлялся в комиссию, где хладнокровно – не трогаясь ни сердцем, ни с места, не сердясь и не ломая головы понапрасну, – очищая нумера, подписывал *отношения*, помечал входящие» [10, с. 30]. Фамилия главного героя *Отношение* восходит к нарицательному имени «отношение», одно из значений которого «официальная бумага, документ» [11, с. 47]. Автор, описывая жизнь чиновников, скорее всего, хотел подчеркнуть взаимосвязь профессиональной принадлежности персонажа и его фамилии.

В целом, литературная сказка первой половины XIX века находилась ещё в стадии становления жанра, поэтому в ней представлены самые разнообразные приёмы использования именованных персонажей: от сохранения имен первоисточника до введения авторских имен. Это и обусловило синтез онимов и различные формы сочетания имен сказочных, традиционных и индивидуально-авторских в пределах одной сказки.

Что касается функций собственных имён, то в сказках Одоевского можно выделить следующие:

– *Номинативная* – присуща всем именам.

– *Функция социальной легализации*: *княжеский советник Иван Богданович Отношенье* («Сказка о том, по какому случаю...»); *приказной Иван Севастьянович* («Сказка о мертвом теле...»).

– *Фатическая функция*. В «Сказке о мертвом теле...» писатель обращается к переименованию героя на русский лад, используя определенное созвучие: «Скажите, сделайте милость: есть ли у вас по крайней мере чин, имя и отчество?» – «Как же?... Меня зовут *Цвеерлей-Джон-Луи*». – «Чин ваш, сударь?» – «Иностранец». – «И Севастьяныч написал на гербовом листе крупными словами: “В Ре-

¹ *Севастьянов – Севастьяныч*: еще до середины XIX века сохранялось варьирование употребления форм образования и произношения отчеств: Иван Петров и Иван Петрович; Александр Данилович и Александр Данилыч [2, с. 125–126].

женский земский суд от иностранного недоросля из дворян *Савелия Жалуева*, объяснения”» [10, с. 27].

Как пишет А. М. Селищев, «с трудом передавались в московской Руси иноязычные имена: не только в звуках, но и в формах они приравнивались к своим, русским. Культурно-языковая косность того времени русифицировала прозвища и фамилии лиц, оказавшихся в русской среде. Так было и в XVI–XVII веках, и позднее. Например, представители фамилии *Кос-фон-Дален* обратились в *Козодавлевых*. В начале XVIII века в Москве жила жена доктора *Пагенкамфа*. По смерти мужа она стала артисткой *Поганковой*» [16, с. 106].

– *Аллюзивная функция* представлена в «Пестрых сказках...» практически в каждом тексте (кроме последнего, под названием «Эпилог», состоящего всего из нескольких строчек и не выделявшегося изначально в отдельное сказочное произведение). Возможно, само влияние эпохи, круг общения и знакомых, доступ к большинству зарубежных произведений, наконец, образование В. Ф. Одоевского, породили столь необычное проявление интертекстуальности ещё в начале XIX века, в понятийный аппарат которой входит введение и использование прецедентных имен (ПИ), ситуаций, текстов. Проанализируем применение следующих ПИ.

В сказках В. Ф. Одоевского представлены имена-символы, связанные с прецедентными ситуациями. Поэтому характерным для автора является введение в контекст сказок имен исторических лиц в качестве внесюжетных героев, в результате чего происходит отсылка к прецедентной ситуации и имя становится символом «своего времени».

Так, уже на первых страницах «Реторты» в совершенно определенном контексте появляются имена ученых-алхимиков, оставивших, по мысли Одоевского, неблагодарно забывшей их науке, огромное, бесценное наследство. Средневековые экспериментаторы и первооткрыватели, «рациональные» мистики *Альберт Великий* и *Геофраст Парацельс*, *Раймонд Луллий* и *Роджер Бэкон* [9] будут и потом фигурировать в «фантастических» произведениях писателя постоянно – вплоть до «Русских ночей».

Здесь же рассказчик *Ириной Модестович* вспоминает «о походе *Наполеона*¹ в 1812 году, об убиении *Дмитрия Царевича*², о монументе *Минину* и *Пожарскому*³...» [9]. Приступает также к разбору *Несторовой* летописи, он «заводит речь о том, что *Нестор* списал свою летопись у *Григория Арमतольи*» [9]. Скорее всего, имеется в виду *Георгий Амартол* (IX в.), византийский монах и летописец, составивший *Хронику* от «сотворения мира» до 842 г. Одоевский намекает, с одной стороны, на компилятивный характер «Повести временных лет» *Нестора*, а с другой – на то, что эта «Повесть» была написана позднее, не в IX в. [9].

В «Сказке о мертвом теле...» Одоевский также вводит ПИ, соотносящиеся с исторической ситуацией: «Тут пришло *Севастьянычу* в голову (...) как заслушиваются его, когда он под вечерок в веселый час примется рассказывать о *Бове Королевиче*⁴, о похождениях *Ваньки Каина*¹, о путешествии купца *Коробейникова*² в

¹ *Наполеон* – первый французский император (1769-1821). В 1812 г. Наполеон предпринял поход в Россию, окончившийся его полным поражением [3, с. 395].

² *Дмитрий Царевич* – имеется в виду сын Ионна Грозного, по летописному сказанию убитый по приказанию Годунова в 1591 г. [3, с. 199].

³ *Минин* и *Пожарский* – деятели так называемого Смутного времени, они убедили народ «стать за веру» и оформили народное ополчение [3, с. 377].

⁴ *Бова Королевич* – персонаж «Сказки о Голе Воянском» [1, т. 3, № 578, с. 283], а также герой лубочных сказок XVII–XX вв., богатырь французского рыцарского романа о Бюзве из г. Аистона [13, с. 52].

Иерусалим, – неумолкаемые гусли, да и только! – и Севастьяныч начал мечтать» [10, с. 24–25].

В «Сказке о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» фигурируют только внесюжетные герои: «В реторту втиснули они множество романов мадам *Жанлис*³, *Честерфильдовы*⁴ письма, несколько сентенций, канву, итальянские рулады...» [9].

В «Той же сказке, только на изворот» уже в первом абзаце упоминаются картины *Рафаэля* и *Корреджио*⁵ [9], «аккорды *Моцарта* и *Бетховена*⁶, и даже *Россини*⁷» [9]. Добро и зло ассоциируются с *Озирисом* и *Тифоном*, которые в египетской мифологии являются двумя братьями, представляющими именно эти понятия. Гостиняя сравнивается с женщиной, «о которой говорит *Шекспир*» [9]. При описании красавицы Одоевский пишет о благословении её поэзией *Байрона*⁸, *Державина* и *Пушкина*⁹ [9], усиливая тем самым её восприятие как одухотворенный, тонко понимающий, чуткий образ.

Подводя итоги анализа особенностей именования персонажей в сказках Одоевского, отметим, что в сказочном именнике писателя переплелось традиционное с новаторским, создано собственное ономастическое пространство.

Традиционными являются способы наименования героев сказок, семантика и структура собственных имен, характерная для XIX века.

Функции собственных имен в сказках В. Ф. Одоевского разнообразны, однако аллюзивная функция является одной из основных. Все его тексты построены на внесюжетных героях, что является отличительной чертой «Пестрых сказок...».

Начало века – это время становления и развития литературной сказки, время поиска литературной формы, поиска литературного сказочного героя, возможно, его духовности, что и предопределило такое использование прецедентных имен. Такие имена в сказках подчеркивают их литературность и предполагают ответную (адекватную) реакцию на них читателя, основанную на энциклопедическом значении имени. Ни до него, ни после в XIX веке не создавалось ничего подобного – вплоть до сказочных произведений Е. Л. Шварца и Л. С. Петрушевской. Поэтому В. Ф. Одоевского вполне можно считать зачинателем такой традиции использования имен внесюжетных персонажей в сказках.

¹ О похождениях *Ваньки Каина* – известная в XVIII веке история знаменитого вора и сыщика, литературная обработка которой принадлежала Матвею Комарову [10, с. 466].

² О путешествии купца *Коробейникова* – имеется в виду «Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова по святым местам». В 1582 г. по приказанию царя Ивана Васильевича московские купцы Трифон Коробейников и Юрий Греков совершили путешествие в Царьград, Иерусалим, Антиохию и на Синайскую гору. Описания их хождений стали народными. [10, с. 466].

³ *Мадам Жанлис* – Мадлен-Фелисите Дюкре де Сент-обен (1746–1830), французская писательница, известная своими романами о великосветской жизни [9].

⁴ *Честерфильдовы письма* – лорд Честерфильд (1694–1773) – английский писатель и дипломат, известен своими «Письмами к сыну» [9].

⁵ *Рафаэль и Корреджио* – Рафаэль, Корреджи Антонио (1489–1534), итальянские живописцы, представители Высокого Возрождения.

⁶ *Аккорды Моцарта, Бетховена* – имеются в виду гениальные немецкие композиторы, жившие в XVIII–XIX вв.

⁷ *Россини* – Джакино Ант. Россини (1792–1868), итальянский композитор, является венцом итальянской комической оперы [3, с. 497].

⁸ *Байрон* – Д.-Г. Байрон (1788–1824), английский поэт [3, с. 39].

⁹ Поэзия *Державина* и *Пушкина* – русские поэты XIX в.

Дальнейшей перспективой исследования творчества писателя является изучение заглавий и эпиграфов, представленных в «Пестрых сказках с красным словом...», а также собственных имен в других произведениях В. Ф. Одоевского.

Библиографические ссылки

1. **Афанасьев А. Н.** Народные русские сказки : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – Т. 3. – М. : Наука, 1985. – 496 с.
2. **Бондалетов В. Д.** Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
3. **Брокгауз Ф. А.** Энциклопедический словарь. Современная версия / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. – М. : Изд-во ЭКСМО, 2005. – 672 с.
4. **Городок в табакерке** / [сост. С. Серов]. – М. : Правда, 1989. – 654 с.
5. **Даль В. И.** О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. – СПб. : Изд-во книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880.
6. **Забылин М.** Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / М. Забылин. – М., 1880.
7. **Званцева Е. П.** Новое и традиционное в сказках В. Ф. Одоевского / Е. П. Званцева // Проблема традиций и новаторства в русской литературе XIX – начале XX вв. – Горький : ГГПИ, 1981. – С. 137–144.
8. **Иезуитова Р. В.** Пути развития романтической повести / Р. В. Иезуитова // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра / [под ред. Б. С. Мейлаха]. – Л. : Наука, 1973. – С. 563–570.
9. **Одоевский В. Ф.** Пестрые сказки с красным словом... [Электронная версия] / В. Ф. Одоевский. – Режим доступа : http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0280.shtml.
10. **Одоевский В. Ф.** Повести и рассказы / В. Ф. Одоевский. – М. : Гос. изд-во худ. лит., 1959. – 496 с.
11. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
12. **Петровский Н. А.** Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – М. : Рус. словари, Астрель, 2000. – 480 с.
13. **Пилаш М. И.** Мифоантропонимия русских и венгерских сказок / М. И. Пилаш // Ономастичні студії. – Ужгород : УДУ, 1996. – Вип. 2. – С. 42–58.
14. **Полякова Е. Н.** Из истории русских имен и фамилий / Е. Н. Полякова. – М. : Просвещение, 1974. – 160 с.
15. **Сакулин П. Н.** Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский / П. Н. Сакулин. – М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1913. – Т. 1. (Ч. 2.) – 480 с.
16. **Селищев А. М.** Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ / А. М. Селищев // Избранные труды. – М. : Просвещение, 1968. – С. 97–128.
17. **Турьян М. А.** «Игоша» В. Ф. Одоевского (К проблеме фольклоризма) / М. А. Турьян // Русская литература. – 1997. – № 1. – С. 132–135.
18. **Турьян М.** «Пёстрые сказки» Владимира Одоевского [Электронная версия] / М. Турьян. – Режим доступа : <http://ruslit.traumlibrary.net/book/odoevskiy-pestrieskazki/odoevskiy-pestrieskazki.html>.
19. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986–1988. – Т. 1. – 1986. – 576 с.

Надійшла до редколегії 06.02.13

УДК 811.161.1'374

О. В. Барінова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

К ПРОБЛЕМЕ ОПТИМИЗАЦИИ ДЕФИНИЦИЙ КОЛОРАТИВОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Розглянуто проблеми тлумачення системи колоративів у тлумачних словниках сучасної російської мови, запропоновано способи оптимізації існуючих дефініцій з урахуванням їх типологічних особливостей.

Ключові слова: спосіб тлумачення, колір, система колоративів, тип колоратива.

Рассмотрены проблемы определения системы колоративов в толковых словарях современного русского языка, предложены способы оптимизации существующих дефиниций цветных прилагательных с учетом их типологических особенностей.

Ключевые слова: способ толкования, цвет, система колоративов, тип колоратива.

The problems of definition of the adjective colorative system in the modern Russian explanatory dictionaries are regarded and the ways of optimization of the existing colorative definitions on the basis of their typological peculiarities are suggested.

Keywords: definition, colour, colorative system, colorative type.

Главным компонентом статьи толкового словаря является дефиниция. Именно из неё пользователь словарем извлекает необходимую для него информацию, то есть значение искомого слова. В современной лексикографии к адекватной словарной дефиниции предъявляется ряд требований. Например, по П. Н. Денисову, определение должно осуществляться с соблюдением таких принципов: относительность и ориентированность на адресата, стандартность, экономность, простота, полнота, эффективность и семантическая ступенчатость описания значения слова [9, с. 214]. Основными же требованиями, предъявляемыми к современному толкованию, мы, вслед за О. Демской, считаем следующие: 1) предотвращение круга определений и 2) подача необходимой и достаточной информации об описываемой заглавной единице [8, с. 113]. Также, по мнению С. Г. Бережана и В. В. Дубичинского, в словаре должны отражаться отношения, организующие систему русского языка [4, с. 5; 10, с. 122]. Однако сами лексикографы и отмечают, что не всегда толкования, данные в словарях, соответствуют этим требованиям [8, с. 113], и дефиниция не всегда даёт правильное представление о значении определяемого слова и о его месте в системе языка в целом. В предлагаемой статье сделана попытка выделить наиболее оптимальные способы определения системы адъективных колоративов в толковых словарях русского языка.

В лингвистической литературе проблема интерпретации лексического значения цветных прилагательных рассматривалась в трудах А. Вежбицкой, Р. М. Фрумкиной, А. П. Василевича, О. В. Крамковой [6; 16; 5; 14]. Лингвисты едины во мнении, что отношения, организующие адъективные колоративы как класс слов, являются системными [5, с. 4; 14, с. 568; 16, с. 8], и, соответственно, данная лексико-грамматическая группа должна изучаться и описываться как система. Несмотря на это, анализ толкований указанного множества слов из современных толковых словарей позволяет нам согласиться с мнением Р. М. Фрумкиной, согласно которому в современной лингвистической литературе нет описания терминов цвета, которое можно было бы назвать системным [16, с. 13].

Невозможно представить колоративы как чётко очерченную подсистему слов русского языка в толковом словаре, определяя их одинаковыми способами. Это связано с тем, что, во-первых, во всем множестве цветообозначений есть те, которые воспринимаются говорящими как главные, так как именно при их участии определяются другие цветочные прилагательные, и, во-вторых, колоративы по структурному признаку дифференцируются на производные и производные. И, действительно, в рассмотренных нами толковых словарях, в частности в Словаре современного русского языка (в 17 томах), Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой, Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова, Словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее – БАС, МАС, БТС и СОШ) цветообозначения определяются по-разному. Однако заметить обусловленность выбора способа толкования типом соответствующего колоратива не всегда удаётся. Именно в непоследовательном выборе способа определения, по-видимому, состоит причина большинства следующих лексикографических ошибок, выявленных нами при анализе дефиниций адъективных цветообозначений: 1) круг определения; 2) отсутствие последовательности в указании информации о месте в спектре относительно других цветов для спектральных цветов; 3) противоречие в толковании колоративов, называющих семь основных спектральных цветов; 4) неоправданное многообразие в формулировках, выражающих предметное соотношение; 5) разное представление цвета в толковании колоратива и в определении производящего слова, называющего предмет соответствующего цвета; 6) отсутствие точного указания на часть предмета соответствующего цвета в предметно-соотнесенном толковании производного цветообозначения, образованного от названия предмета; 7) тавтология. Также довольно часто колоративы определяются одинаковым способом, вне зависимости от их типа (производный, производный, базовый).

Решение этих проблем мы видим в последовательном толковании колоративов при помощи приёмов, выбор которых обуславливается типом соответствующего цветочного прилагательного. Значит, типология цветообозначений является вопросом первостепенной важности.

Как было отмечено ранее, существуют так называемые базовые, или основные колоративы. Наличие базовых цветообозначений в языках мира было обосновано Б. Берлином и П. Кеем, которые сформировали перечень из 11 колоративов (красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, синий, фиолетовый, коричневый, розовый, белый, чёрный, серый), отвечающих следующим критериям: они должны быть производными и не относиться к сложным словам; их значение не должно быть уже значения другого цветообозначения, указывающего на какой-либо близкий оттенок; они должны иметь широкую сочетаемость, и они должны интуитивно выделяться носителями языка как базовые [3].

Р. М. Фрумкина критикует критерии, выбранные Б. Берлином и П. Кеем для выделения основных цветообозначений [16, с. 118–119]. Однако результаты психолингвистического эксперимента, предпринятого лингвистом, подтверждают, что существуют общие категории, которыми руководствуется человек, классифицируя колоративы на группы, и относит, например, *лимонный* к жёлтым цветам, *васильковый* – к синим, а не наоборот [16, с. 45]. Отметим, что А. П. Василевич формирует список из двенадцати базовых цветочных прилагательных (названия семи основных цветов спектра, ахроматических цветов, а также цветообозначения *коричневый* и *розовый*), дополняя таким образом перечень базовых терминов цвета Б. Берлина и П. Кея колоративом *голубой* [5, с. 116–119].

Следует отметить, что в трудах отечественных лингвистов есть существенные отличия в составе базовых цветообозначений русского языка, что обусловле-

но задачами каждого конкретного исследования и, соответственно, разными параметрами включения в данную группу. В. В. Волков выделяет как основные колоративы следующие: *алый, багровый, белый, бурый, голубой, желтый, зеленый, коричневый, красный, лиловый, оранжевый, пунцовый, ржавый, розовый, румяный, рыжий, синий, фиолетовый, черный* [7, с. 106]. С. А. Емельянова указанный список расширяет за счет цветообозначений *вороной, карий, палевый, пегий, русский, седой, серый, сивый, сизый, смуглый, темный* [11, с. 277]. С. В. Кезина, исследуя семантическое поле цветообозначений в диахроническом аспекте, дает такой перечень базисных (термин С. В. Кезиной) колоративов: *голубой, зеленый, желтый, золотой, белый, белёсый, бурый, бурдяный, рыжий, рудый, русский, румяный, рдяный, редрый (родрый), синий, сивый, сизый, серый, седой, багр, багрян, багряный, багрец, багровый, белёсый, плавый, половый, коричневый, карий, красный, каурый, черный, чермный, червонный, червлёный (черлённый), червчатый, чермный (черемный), шар, шаровный, жаркой* [13, с. 22].

Базовыми цветовыми прилагательными, вслед за Чжун Сяовен, мы считаем такие: названия семи цветов радуги (*голубой, жёлтый, зеленый, красный, оранжевый, синий, фиолетовый*), ахроматических цветов (*белый, серый, черный*), а также колоратив *коричневый*. Этот список цветообозначений был сформирован, по-нашему мнению, по объективным параметрам, в соответствии с которыми, базовый колоратив – это качественное, изменяемое и полифункциональное прилагательное, обозначающее цвет и являющееся семантической доминантой одного из синонимических рядов лексики цветообозначения. Под полифункциональностью подразумевается возможность колоратива участвовать в образовании сложных прилагательных, обозначающих смешанные или сочетающиеся цвета, являясь первой редуцированной частью цветообозначений типа *бело-голубой* [15, с. 164].

Таким образом, прежде всего, во всем множестве колоративов наблюдается иерархическое противопоставление 11 базовых цветовых прилагательных всем остальным. Эти «все остальные» цветообозначения в словаре могут быть описаны с помощью базовых колоративов, так как именно они осознаются носителями языка как наиболее точные названия лучших образцов основных цветов. Обратная процедура (толкование базовых посредством других цветообозначений) представляется невозможной, поскольку это станет причиной словарной проблемы – круга определения, которую можно наблюдать, например, в толковании колоратива *коричневый* как «буро-жёлтого с темным оттенком» [БАС, т. 5, стб. 1428], при том, что *бурый* – в том же словаре – это «темно-коричневый с сероватым или красноватым оттенком» [БАС, т. 1, стб. 702], подобным образом в СОШ определяются *фиолетовый*, который – «то же, что лиловый» [СОШ, с. 853], а *лиловый* – «цвета фиалки или темных соцветий сирени, фиолетовый» [СОШ, с. 327].

В первую очередь, в определении спектральных базовых колоративов мы считаем целесообразным указывать место соответствующего цвета в спектре относительно других цветов как объективную информацию. При этом следует обратить внимание на её формулировку, так как в существующих толкованиях на страницах одного и того же словаря речь идёт об одном из основных цветов либо радуги, либо спектра, либо солнечного спектра. Между тем, по-нашему мнению, важно при дефинировании слов с типичным значением соблюдать единообразие в терминологии. Кроме того, недопустима формулировка этого определения, которая, кстати, встречается чаще всего типа «*Синий. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между голубым и фиолетовым*» [БТС, с. 1167], так как можно подумать, что речь идёт о смешении цветов. Поэтому указание того, что данный цвет находится между другими двумя цветами, устранил такую недосказанность, как это осуществляется в следующей дефиниции «*Зеле-*

ний. Один из цветов солнечного спектра, находящийся между желтым и голубым» [БАС, т. 4, стб. 1187].

Также наиболее естественным образом толкования базовых цветообозначений нам представляется соотнесенность с предметами, являющимися наиболее яркими образцами-носителями данного цвета и изначально присутствующими или давно укоренившимися в жизни людей соответствующей нации. Например, в существующих словарных дефинициях колоратива *коричневый* сопоставление с цветом корицы, скорее, вскрывает внутреннюю форму, чем дает возможность представить пользователю словарем искомый цвет.

В системе цветообозначений существует деление не только по иерархическому принципу, но и на производные и непроизводные. В числе непроизводных колоративов можно выделить уже рассмотренные базовые и те, которые таковыми не являются. Это прилагательные типа *алый, багровый, багряный, бурый, дикий, кубовый, лиловый, палевый, пунцовый, пюсовый, рдяный, рудой, рудый, румяный, рыжий, седой, сивый, сизый, червленый, червонный, ярый*. Наиболее естественным способом толкования таких цветовых прилагательных представляется синонимический – посредством простого или сложного колоратива или развернутого колоративного описания, в котором указывается синоним – базовое цветообозначение и, в случае необходимости, колоративы, выражающие оттенок и другие признаки цвета. О важности упоминания доминанты синонимического ряда, в который входит определяемое цветообозначение, свидетельствует тезис Р. В. Алимпиевой, согласно которому «семантическое уподобление членов лексико-семантической группы осуществляется, прежде всего, с ориентацией на семантику её ключевых слов», и таким ключевым словом в первую очередь является доминанта, которая «сообщает» семантическую тему всей парадигме [1, с. 5].

Относительно описания значений производных слов в толковых словарях русского языка Е. А. Земская отмечает, что «специфика производных слов в семантическом отношении состоит в том, что в них более ярко, более отчетливо, чем в словах непроизводных, обнаруживается системный характер лексики. Эта особенность производных слов объясняется своеобразием их структуры по сравнению со словами непроизводными, тем, что расчлененности их значения способствует расчлененность их формы». Эта специфика в структуре значения производных слов проявляется в том, что практически его толкование может быть осуществлено через определение словообразовательного значения аффикса, а также приведения производящего слова [12, с. 111].

Рассмотрим производные колоративы, образованные от названий предметов и явлений. Употребляя их в речи, очевидно, желают назвать цвет, одинаковый с цветом того предмета, который назван производящим словом. Именно это, по нашему мнению, прежде всего, должны отражать дефиниции очерченной группы слов. Наиболее подходящей формулировкой толкования для выражения полного отождествления с окрасом определенного предмета нам представляется генетивная конструкция типа: *баклажанный* – цвета кожуры баклажана, *пепельный* – цвета пепла и т. п.

Обратим внимание также на выбор предмета соотнесения таких определенных. Существуют цветообозначения, образованные от названий предметов, цвет которых неоднородный, и это фиксируется в словарных толкованиях, например: *канареечный* – «цвета оперенья канарейки» [МАС, т. 2, с. 25], *лимонный* – «цвета кожуры лимона» [МАС, т. 2, с. 184], *льняной* – «цвета волокна льна» [МАС, т. 2, с. 207], *малиновый* – «цвета ягод малины» [МАС, т. 2, с. 219], *персиковый* – «цвета кожуры спелого персика» [БАС, т. 9, стб. 1050], *померанцевый* – «имеющий цвет кожуры померанца» [БАС, т. 10, стб. 1166], *рябиновый* – «цвета ягод рябины»

[МАС, т. 3, с. 748]. Однако, на самом деле, в исследуемых словарях далеко не всегда указывается, какая именно часть предмета имеет такой цвет, который выражает соответствующий колоратив, например: *васильковый* – «цвета василька» [МАС, т. 1, с. 138], *горчичный* – «цвета горчицы» [СОШ, с. 140].

Интересно рассмотреть, к примеру, толкование цветообозначения *каштановый* – «коричневый, цвета каштана» [БТС, с. 424]. Действительно информационную функцию в толковании выполняет только синоним, потому что предметно-соотнесенное толкование – неполно, так как каштаном называется и дерево, и его плод, причем соотносится цвет, названный производным колоративом, только с кожурой плода.

Можно отметить отсутствие достаточной информации в этом отношении и в дефинициях цветообозначений *брусничный*, *вишнёвый*, *гороховый*, *клюквенный*, *кофейный* и *фисташковый*. Одно из значений производящих данных слов – это собирательное значение ягод, зерен. Но в определениях указанных цветковых прилагательных почему-то нет даже номера значения слова, на котором основывается толкование. Считаем, что этот аспект определения также следует упорядочить, и последовательно во всех случаях, где это необходимо, в дефиниции указывать ту часть предмета, цвет которой соотносится с соответствующим колоративом.

Несмотря на то, что предметно-соотнесенное описание является наиболее точным для цветообозначений, образованных от названий предметов, его в словаре может быть недостаточно, так как остаётся вероятность, что пользователь словарем не знает, какого цвета предмет, названный в дефиниции, поэтому существует необходимость в и синонимическом толковании. Это может быть как простое или сложное цветообозначение, так и развернутое колоративное описание. Синоним особенно необходим в тех случаях, когда предмет может быть разного цвета, но в значении колоратива закрепилось соотнесение только с одним из нескольких возможных его цветов, например, в толкованиях цветковых прилагательных *бутылочный*, *коралловый*, *лилейный*, *розовый*, *свекольный*, *сиреневый*, *сливовый*, *фиалковый*, *чернильный*.

Таким образом, для толкования системы цветообозначений русского языка важен учет иерархического положения слов в исследуемой лексико-семантической группе (базовые, небазовые) и их структуры (производные, непроизводные). Если колоратив базовый, он обязательно должен получать предметно-соотнесенное определение, также для основных спектральных цветов необходимо указание его места в спектре относительно других цветов. Толкование небазовых цветковых прилагательных целесообразно осуществлять посредством синонимов. При этом, если колоратив производный, то синонимическое определение следует сопровождать предметно-соотнесенной дефиницией. Последовательное определение цветообозначений по изложенным инструкциям является оптимальным способом как раскрытия значения слов, так и представления их места в системе адъективных колоративов, а также позволит предотвратить возникновение разночтений и других лексикографических ошибок.

Библиографические ссылки

1. Алимпиева Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы / Р. В. Алимпиева. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 180 с.
2. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М. : Наука, 1975. – 288 с.
3. Берлин Б. Основные цвета: их универсальность и видоизменения / Б. Берлин, П. Кей. – М. : Знание, 1969. – 169 с.

4. **Бережан С. Г.** Отражение семантических системных связей лексических единиц в современном одноязычном (толковом) словаре / С. Г. Бережан // Словарные категории : сб. статей. – М. : Наука, 1988. – С. 5–15.
5. **Василевич А. П.** Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко / под общ. ред. А. П. Василевича. – М. : КомКнига, 2005. – 216 с.
6. **Вежбицкая А.** Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / А. Вежбицкая // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – С. 230–290.
7. **Волков В. В.** Деадъективное словообразование в русском языке / В. В. Волков. – Ужгород : Изд-во Уж. ГУ, 1993. – 300 с.
8. **Демська О.** Вступ до лексикографії / О. Демська. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2010. – 266 с.
9. **Денисов П. Н.** Лексика русского языка и принципы ее описания / П. Н. Денисов. – М. : Рус. язык, 1980. – 253 с.
10. **Дубичинский В. В.** Лексикография русского языка : учеб. пособие / В. В. Дубичинский – М. : Наука : Флинта. – 2008. – 432 с.
11. **Емельянова С. А.** Словообразовательные гнезда с исходным именем прилагательным со значением цвета / С. А. Емельянова // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – Ч. 1. – С. 276–284.
12. **Земская Е. А.** Производные слова в толковых словарях русского языка / Е. А. Земская // Современная русская лексикография. 1976. – Л. : Наука, 1977. – С. 110–122.
13. **Кезина С. В.** Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. В. Кезина. – Челябинск, 2010. – 51 с.
14. **Крамкова О. В.** Принципы лексикографического описания колоризмов / О. В. Крамкова // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 568–571.
15. **Сяовен Чжун.** Система адъективных колоративов в современном русском языке / Чжун Сяовен // Вісник Дніпропетров. ун-ту. Мовознавство. – 2002. – Вип. 7. – С. 161–165.
16. **Фрумкина Р. М.** Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 173 с.

Словари

- БАС** – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965.
- БТС** – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
- МАС** – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М. : Рус. яз., 1981–1984.
- СОШ** – Ожегов С. И. Словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.

Надійшла до редколегії 04.02.13

О. С. Белозор

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

РОЛЬ МЕТАФОРИЧЕСКИХ И МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ В ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ЧИСТЫЙ*

На основі аналізу семантичної структури прикметника *чистий* виявлено й проаналізовано метафоричні та метонімічні зв'язки ЛСВ; встановлено й описано когнітивні моделі метонімічних та метафоричних переносів; зроблено висновки стосовно сфер-джерел та сфер-мішеней метафоричних та метонімічних переносів, простежено відношення між мотивуючими та вмотивованими значеннями.

Ключові слова: метафора, метонімія, когнітивні моделі, семантична структура, прикметник чистий.

На основе анализа семантической структуры прилагательного *чистый* выявлены и проанализированы метафорические и метонимические связи ЛСВ; установлены и описаны когнитивные модели метонимических и метафорических переносов, сделаны выводы о сферах-источниках и сферах-мишенях метафорических и метонимических переносов, отслежены отношения между мотивирующими и мотивированными значениями.

Ключевые слова: метафора, метонимия, когнитивные модели, семантическая структура, прилагательное чистый.

On the basis of semantic structure's analysis of the adjective *чистый* the metaphoric and metonymic connections of LSV were identified and analyzed; the cognitive models of metonymical and metaphorical transfers were established and described, the conclusions of areas-sources and areas-targets of metonymical and metaphorical transfers were made, the relations between motivating and motivated meanings were traced.

Keywords: metaphor, metonymy, cognitive models, semantic structure, the adjective чистый.

Как известно, связь между значениями полисемантического слова может быть метафорическая или метонимическая. Традиционно метафорическое отношение между значениями характеризуется как основанное на сходстве, подобии обозначаемых явлений по различным признакам (внешнему виду, форме, функции и т. д). Метонимические отношения между значениями основаны на смежности обозначаемых явлений, объектов, признаков. Иногда как отдельный тип переноса значения выделяется синекдоха, при которой связь между значениями основывается на отношении «часть – целое» между обозначаемыми объектами.

В научной литературе для описания языковой метафоры и метонимии в русском языке предлагается ряд конструкций и категорий, разработанных Ю. Д. Апресяном [1; 2], Н. Д. Арутюновой [3, с. 72–73], Е. Л. Гинзбургом [5, с. 148–151], Л. А. Кудрявцевой [7, с. 76–123] и др.

Метафора и метонимия могут быть рассмотрены и с позиций когнитивной семантики, требующей переосмысления механизма переноса значения в терминах понятий, связанных с хранением и обработкой информации. Чаще всего для описания когнитивных структур, с помощью которых происходит хранение и обработка информации, применяется понятие *фрейма*, под которым понимается структура данных об определенной сфере человеческого опыта. Фрейм состоит из слотов, количество которых соответствует количеству элементов, выделяемых в данном фрагменте опыта [6, с. 65, 170]. Многозначность, основанная на метони-

мии, в рамках когнитивного подхода трактується як перенос найменування з одного слова фрейма на другий.

В свою чергу, метафора з позицій когнитивного підходу, розробаного Дж. Лакоффом і М. Джонсоном [8, с. 387–416], визначається як спосіб думати об одній області сквозь призму другої, переносячи з області-джерела в область-мішень ті когнитивні структури (фрейми), в термінах яких структурувався досвід, стосуючись до області-джерела. Виробляючі і метафоричне (виробне) значення мають загальні компоненти, які можуть представляти інтерес при аналізі метафори, але більш показателен аналіз ментальних просторів (понятійних сфер), до яких стосуються пряме і метафоричне значення слова [9].

Будучи однією з форм концептуалізації, метафора розглядається як бачення одного об'єкта через другий. Вона бере участь в категоризації понять, явищ і предметів. В них накопичуються знання людини про оточуючу дійсність. В основі концептуалізації дійсності з допомогою метафори лежать різні когнитивні механізми, аналіз яких показує існування взаємодій між різними типами метафоричних значень і лежачими в їх основі когнитивними структурами.

Цілью цієї статті є розгляд з позицій когнитивного підходу метонімічних і метафоричних зв'язів ЛСВ прикметного *чистий*. В ході аналізу ми опиралися на значення лексики *чистий*, сформульовані на основі вивчення її лексикографічної інтерпретації в тлумачних словниках російської мови, узагальнених в табл. 1 (див. нижче).

Характеризуючи семантичні типи багатозначності, вчені відзначають, що на перенос назви з одного признака на другий на основі їх подібності (метафора) або на основі їх суміжності (метонімія) в значній мірі впливає сумісність імен прикметних з різними іменними. В ході аналізу семантичних зв'язів між ЛСВ аналізованої лексики ми спробуємо визначити хоча б приблизно коло імен, з якими поєднується прикметне *чистий* в тому або іншому значенні, з тим, щоб встановити загальнокатегоріальне значення визначуваних іменних (предмет, природний об'єкт, артефакт, речовина, людина, тварина і т. д.).

Метонімічні зв'язи ЛСВ *чистий*. Когнитивний підхід до явища метонімії дозволяє побачити, що при мовній метонімії виробляється своєобразний «сдвиг» найменування з одного представлення на друге. Цей «сдвиг» забезпечує особа когнитивна установка носія мови на усвідомлення зв'язу між об'єктами. Як відзначає Г. І. Берестов, самі ці об'єкти і зв'яз між ними можуть розглядатися в різному «масштабі», але вони обов'язково утворюють в свідомості носія мови певне єдинство [4, с. 123].

Основою на аналізі словникових статей, ми можемо зробити висновок, що перше за місцем розташування значення «незабруднений, незапачканий (без бруду, сміття, плям і т. д.)» репрезентує ознаку «фізичне властивість», що характеризує: а) артефакт, пов'язаний з життям людини: *чиста кімната, чиста посуда, чиста одяг, чисте рушник* і т. д.; б) органи тіла людини або тварини: *чисті руки, чисті волосся, чисті лапи, чисті пера* (у птахи). В більшості випадків фізичне властивість «чистий» виникає як наслідок фізичних дій, виконаних людиною. З оглядкою на етимологію цього слова, очевидно, що спочатку *чистим* щось могло стати тільки в результаті зовнішнього впливу з боку людини.

В других случаях квалификация свойства производится человеком по антонимической шкале «чистый – грязный» с нормой «чистый» и «ниже нормы» – *грязный*.

Метонимическая связь, прежде всего, выявляется между первым и вторым значениями прилагательного *чистый*: признак «физическое свойство» предмета (*чистый*₁: незагрязненный, незапачканный (без грязи, мусора, пятен и т. д.)) «смещается» в процессуальную сферу, определяя деятельность, связанную с тем, что не особенно пачкает, грязнит: *чистая работа*, ср.: *Варвара сказала, что она служит на шоколадной фабрике упаковщицей, – ему это, видимо, тоже было приятно: работа чистая, и девушка, значит, опрятна* (А. Н. Толстой. Цит. по: [МАС, т. 4]).

В этом случае признак ‘чистый’ характеризует следствие, результат деятельности человека, проявляющийся во внешнем виде человека (чистая работа предполагает, что одежда человека и он сам остаются после нее чистыми, не испачканными). Метонимический сдвиг осуществляется по схеме «физическое свойство X» – «создающий, каузирующий свойство X». Когнитивная модель переноса: область-источник «физическое свойство» → область-мишень «деятельность, характеризуемая этим свойством».

Значение ЛСВ *чистый*₅ «сделанный, выполненный тщательно, аккуратно и искусно» возникает вследствие семантического сдвига по схеме «физическое свойство» – «свойство результата деятельности, действия»: *чистая отделка, чистая выделка, чистая резьба, чистая работа* и др. Этот сдвиг носит синкретический характер, совмещающий метонимический и метафорический переносы. С одной стороны, здесь сохраняется сема физического свойства «без грязи», распространенная с артефакта на процесс его создания и конечный результат этого процесса, с другой же стороны, в самом значении содержится оценка, обусловленная метафорической моделью «больше нормы X» – «положительная оценка». В данном случае положительная оценка выражается семами «тщательно», «искусно», «аккуратно» и получает прагматическую поддержку и в контекстах, ср.: *Эта медная ручка, – продолжал он, подходя к двери и щупая замок, – еще большего достойна удивления. Эх, какая чистая выделка!* (Н. Гоголь). *Григорий делал чистую работу, требовавшую руки мастера* (М. Горький) (цит. по: [МАС, т. 4, с. 681]).

Метонимические связи, характеризующие отношения между ЛСВ *чистый*₁ и ЛСВ *чистый*₂, ЛСВ *чистый*₁ и ЛСВ *чистый*₅, объединяются на том основании, что признаки, выражаемые ими, фиксируются визуально, они носят, если можно так выразиться, внешний характер, характеризуют «поверхность», внешнюю сторону обозначаемого, наблюдаются невооруженным глазом. Расширение денотативной сферы здесь происходит за счет включения в атрибутивные синтагмы имен, обозначающих артефакты, действия и деятельности, части тела человека и животных.

Значение *чистый*₇ «без примесей, не содержащий ничего постороннего» характеризуется изменением денотативной соотнесенности и, как следствие этого, изменением синтагматики атрибута. Прежде всего, можно отметить, что имена, которые сочетаются с *чистым*₇, характеризуются семантикой, в которой имплицитно или эксплицитно присутствуют семы «вещество» и «объем» (*чистое золото, чистая шерсть, чистый воздух, чистый спирт* и др.).

Метонимический сдвиг в данном случае происходит по схеме «вид» («без грязи») → «род» («без примесей»). Основанием для выделения именно такой схемы для нас послужило сопоставление значений слов *грязь* и *примесь*. Лексема *грязь* в одном из своих значений обозначает «пыль, мусор, нечистоты и т. п.» [БТС], *грязью* называют и «химические и радиоактивные вещества, болезнетвор-

ные организмы и т. п., загрязняющие окружающую среду, продукты и т. п.» [БТС]. *Примесь* же – это «то, что примешано к чему-л. другому» [БТС], в том числе примешанной может быть и грязь. Для подтверждения вспомним семантические оттенки к ЛСВ *чистый*₇ – «не замутненный грязью, песком и т. п.» (*чистая вода в реке*), «свежий, не душный, не пыльный и т. п.» (*чистый воздух*) и др.

ЛСВ *чистый*₉ «не загрязненный химическими или радиоактивными веществами» (*экологически чистые продукты, места здесь чистые*), которое фиксирует БТС, возникает в результате сужения значения ЛСВ *чистый*₇ за счет конкретизации вида примеси – в данном случае это только химические и радиоактивные вещества.

На основе «вещественного» значения «без посторонних примесей» развивается метонимический сдвиг по схеме «физическое свойство вещества» – «свойство животного» (*скакун чистых кровей, чистый текин* – «не смешанной породы»).

Внутри значения ряд словарей выделяет семантические оттенки, в основе которых лежит метафорический перенос по сходству производимого впечатления, восприятия: *чистый лес* (*спец.* одной древесной породы), *чистые краски* («глубокие, яркие»); *чистые звуки, чистый голос* (звонкий, отчетливый, без хрипа).

Признак ‘чистый’₇ отличается от признаков ‘чистый’₁, ‘чистый’₂ и ‘чистый’₅ своей направленностью «внутри», это признак внутренней структуры, распределенный по всему объему денотата. Это свойство, не каузированное деятельностью человека, не всегда можно обнаружить невооруженным глазом, иногда для этого требуются специальные инструменты или анализы, помогающие установить состав того или иного вещества (например, *чистое золото, чистый спирт* и др.).

Метафорические связи ЛСВ *чистый*. Когнитивная схема «Больше нормы X» – «положительная оценка», конкретизирующая модель «область-источник «физическое свойство» → область-мишень «положительная оценка», характеризует развитие метафорического значения ЛСВ *чистый*₃: «устар. Обставленный и убранный с особой тщательностью; парадный»: *чистая горница, чистая половина избы, чистый угол в избе*. В свою очередь, ЛСВ *чистый*₃ послужил основой метонимического сдвига по схеме «свойство локатива-вместилища» → «свойство вместимого», характеризующего ЛСВ *чистый*₄ «устар. принадлежащий к привилегированным слоям общества» (*чистая публика*) и его семантического оттенка «предназначенный для привилегированных слоев общества», который описывается моделью «свойство тех, кто находится во вместилище» – «свойство локатива-вместилища», ср.: «В «Сербии», по случаю праздника былолюдно и шумно. Половые шныряли среди столов, из «чистого» отделения неслись звуки органа» (Вересаев). (Цит. по: [МАС, т. 4, с. 681]).

Следует отметить, что в семантике ЛСВ *чистый*₄ присутствует и сема оценки человека по социальному положению, что в равной степени позволяет допустить развитие значения и по метафорической модели.

Физическое свойство артефакта, появляющееся у последнего как результат целенаправленных действий человека, может переосмысливаться и использоваться для характеристики различных поверхностей, не занятых чем-либо лишним, так формируется метафорическое значение *чистый*₆ «со свободной, открытой, ничем не занятой (заполненной) поверхностью». Имена, с которыми сочетается ЛСВ *чистый*₆, могут называть природные объекты: *чистый горизонт, чистое небо, чистая полоса воды*; артефакты: *чистый бланк, чистый лист*; части тела человека: *чистое лицо, чистый лоб* (без прыщей, морщин) и т. д. Признак ‘чистый’ в этом случае не каузирован целенаправленной деятельностью человека. В основе переноса лежит метафорическая модель, основанная на сходстве производимого впечатления, восприятия: «физическое свойство», являющееся результатом действий человека, – «свойство какой-л. поверхности», не каузированное деятельно-

стью человека. В обобщенном виде сферой-мишенью здесь, в основном, является сфера пространства.

Модель «сходство производимого впечатления, восприятия» лежит и в основе переносного значения ЛСВ *чистый*₁₀ «правильный, соответствующий определенным нормам, правилам (о языке, слоге и т. п.)». Основанием для переноса служит сема «без чего-л. постороннего», которая из области-донора «физическое свойство вещества» переносится в область-мишень «человек», характеризуя одну из его интеллектуальных способностей. *Чистый язык, чистая речь* – это язык и речь, соответствующие принятым нормам, без чего-либо лишнего, постороннего, что находится за пределами таких норм и, попадая в речь, делает ее неправильной, «нечистой». Ср.: *Марья Николаевна все время говорила по-русски удивительно чистым, прямо московским языком – народного, не дворянского пошиба* (Тургенев) [МАС, т. 4, с. 681].

В основе развития метафорического значения ЛСВ *чистый*₁₁ «нравственно безупречный (правдивый, честный, без грязных помыслов и действий и т. п.)» лежит перенос физической характеристики в область этических концептов, принадлежащих сфере-мишени «человек». Понятие о внешней, физической чистоте в этом случае ассоциируется с мыслью о нравственной, внутренней чистоте, которая проявляется внешне в действиях, поступках, словах и т. д. Очевидно, что когнитивная метафора возникает на основе сходства восприятия. Круг сочетаемости лексемы *чистый*₁₁ ограничен наименованиями человека (*чистая девочка, чистый человек*) и наименованиями свойств и характеристик, относящихся к человеку (*чистая любовь, чистый взгляд, чист душою* и т. п.)

При определении мотивирующего значения возникают определенные трудности. Как нам кажется, в данном случае мотивирующим в одинаковой степени может быть и ЛСВ *чистый*₁, и ЛСВ *чистый*₇. Понятие нравственной чистоты, безупречности ассоциируется одновременно с понятием физического свойства чистого как внешнего, «поверхностного» («без грязи»), так и внутреннего, «объемного» («без примесей»). *Чистый человек*, с одной стороны, это человек, в жизни которого нет нравственной грязи (ср. *зрязь* – перен. Что-л. низменное, безнравственное, бесчестное [МАС, т. 1]), семантически восходящей к физической; с другой же стороны, это человек, у которого в мыслях и помыслах (т. е. во «внутренней» жизни), действиях и поступках («внешней жизни», проявляющейся для восприятия другими) нет ничего лишнего, постороннего, что не соответствовало бы определенным нравственным канонам. Мы будем исходить в данном случае из возможности двойственной, нерасчлененной семантической мотивации ЛСВ *чистый*₁₁.

ЛСВ *чистый*₁₁ служит основой для метонимических сдвигов в сторону сужения, конкретизации, см. *чистый*₁₂ «не заключающий в себе лжи и обмана»: *Вся жизнь казалась ей тогда чистой, умной, значительной* (Кетлинская) [МАС, т. 4, с. 681] и *чистый*₁₃ «свободный от скверны, негреховный, угодный божееству»: *Душа ее благоухала Как чистый жертвенный сосуд* (Вяземский) [БАС, т. 17].

Сходство по восприятию лежит в основе переноса физического признака «без примеси, не содержащий в себе ничего постороннего» в сферу финансовых, денежных отношений, где лексема *чистый*₁₄, сочетаясь с именами *прибыль, деньги, доход* и т. п., означает «получающийся, остающийся после вычетов чего-л., расходов и т. д.»: *чистая прибыль, чистый доход, чистые деньги*. В этой же сфере формируется метонимическое значение ЛСВ *чистый*₁₅ «лишенный всего, не имеющий денег, имущества»: *Сели за карты, через два часа я был чист* [Ушаков], сопровождаемое пометой *разг., шутл.*

На основе сходства производимого впечатления, восприятия физический признак *чистый*₇ переносится в сферу социальных отношений для обозначения

полного, окончательного расчета с кем-либо: *чистая отставка, чистая воля* (о работниках, служащих) [БАС, т. 17]. Словари отмечают это значение как устаревшее и просторечное, а сочетание *чистая отставка* как идиоматичное.

Эта же метафорическая модель служит основой для развития на базе ЛСВ *чистый*₇ переносного ЛСВ *чистый*₁₉ «отвлеченный от практического применения, не связанный с ним», характеризующего денотаты интеллектуальной сферы деятельности человека: *чистая математика, чистое искусство*.

Уже упоминавшаяся выше когнитивная схема «больше нормы X» – «положительная / отрицательная оценка», конкретизирующая модель «область-источник «физическое свойство» → область-мишень «положительная / отрицательная оценка», служит исходной для развития на основе ЛСВ *чистый*₇ метафорического значения *чистый*₁₇ «самый настоящий, совершенный, подлинный»: *чистая правда, чистая ложь, чистая случайность*, внутри которого развивается семантический оттенок лексемы *чистый* – «подобный, совершенно похожий на кого-, что-нибудь»: *У тебя, брат, такое горло. Чистый Шаляпин!* (Каверин) [МАС, т. 4].

Выделяемое БАСом значение ЛСВ *чистый*₁₈ «полностью соответствующий кому-л., чему-л. по своим свойствам», представляется нам скорее семантическим оттенком ЛСВ *чистый*₁₇, чем самостоятельным значением, ср. : *Я был чистый сангвиник: живой, вспыльчивый и в то же время застенчивый* (С. Аксенов) [БАС, т. 17].

Выделенные в ходе анализа когнитивные модели метафорических и метонимических переносов значения прилагательного *чистый* мы попытались обобщить в табл. 1, в которой приводятся только основные значения анализируемой лексемы. В третьем столбце с помощью стрелки от номера мотивирующего значения к номеру мотивируемого значения указывается направление мотивировки и отмечается тип переноса «метонимия» или «метафора». Отметим, что в нашем видении семантическая структура прилагательного условно разделяется на два блока с мотивирующими центрами *чистый*₁ и *чистый*₇. Этот подход отражает и предлагаемая таблица, в которой значения от 1 по 7 и от 7 по 19 разделены пустой строкой.

Таблица 1

Когнитивные модели метонимических и метафорических переносов прилагательного *чистый*

№	Значение	Вид переноса, направление мотивировки	Сфера-источник	Сфера-мишень
1	Не загрязненный, не запачканный, без грязи, пыли, пятен			
2	Связанный с тем, что не особенно пачкает, грязнит	1 → 2 Метонимия	Физическое свойство	Человек, его деятельность
3	Убранный, обставленный с особенной тщательностью; парадный	1 → 3 Метафора	Физическое свойство	Оценочная характеристика жилища человека
4	Принадлежащий к привилегированным слоям общества; благородный	3 → 4 Метонимия	Вместилище	Оценка вместилища
5	Сделанный, выполненный тщательно, аккуратно и искусно	1 → 5 Метонимия	Физическое свойство	Оценка результата деятельности человека
5а	Требующий квалификации (о работе)	5 → 5а Метонимия	Деятельность человека	Оценка результата деятельности человека

6	Со свободной, открытой, ничем не занятой поверхностью	1 → 6 Метафора	Физическое свойство	Характеристика пространства, поверхности
7	Без примеси чего-л., не содержащий в себе ничего постороннего	1 → 7 Метонимия	Физическое свойство внешнего характера	Физическое свойство структуры
7	Без примеси чего-л., не содержащий в себе ничего постороннего		Физическое свойство структуры	
8	Четкий, ясно очерченный, не расплывшийся	7 → 8 Метафора	Физическое свойство структуры	Характеристика по положению в пространстве
9	Не загрязненный химическими или радиоактивными веществами	7 → 9 Метонимия	Физическое свойство структуры	Физическое свойство структуры, вид
10	Правильный, соответствующий определенным правилам, нормам	7 → 10 Метафора	Физическое свойство структуры	Интеллектуальные способности человека
11	Нравственно безупречный, правдивый и честный, без грязных помыслов и действий, негреховный	7 → 11 Метафора	Физическое свойство структуры	Сфера этических концептов
12	Не заключающий в себе лжи и обмана	11 → 12 Метонимия	Сфера этических концептов	Сфера этических концептов, сужение
13	Свободный от скверны; негреховный, угодный божеству	11 → 13 Метонимия	Сфера этических концептов	Сфера религиозных концептов
14	Получающийся после вычета чего-л.	7 → 14 Метафора	Физическое свойство структуры	Сфера финансово-денежных отношений
15	Лишенный всего, не имеющий денег, имущества	14 → 15 Метонимия	Сфера финансово-денежных отношений	Финансово-социальная характеристика человека
16	Полный и окончательный (отставка)	7 → 16 Метафора	Физическое свойство структуры	Социальная сфера
17	Самый настоящий, совершенный, подлинный	7 → 16 Метафора	Физическое свойство структуры	Сфера оценки
18	Полностью соответствующий кому-л., чему-л. по своим свойствам	16 → 17 Метонимия	Сфера оценки	Сфера оценки, сужение
19	Отвлеченный от практического применения, не связанный с ним	7 → 19 Метафора	Физическое свойство структуры	Сфера интеллектуальных способностей человека

Анализ моделей, приведенных в табл. 1, позволяет сделать вывод о том, что сферой-мишенью метафорических и метонимических переносов значений прилагательного *чистый* чаще всего является сфера «Человек», которая включает разнообразные таксоны-мишени, а именно: «Деятельность» (*чистая работа*), «Оценка результата деятельности» (*чистая резьба*), «Жилище человека» (*чистый угол, чистая*

лестница), «Социальное положение человека» (*чистая публика, чистая отставка*), «Сфера этических и религиозных концептов» (*чистый люди, чистые побуждения, Чистый четверг*), «Сфера интеллектуальных способностей человека» (*чистая наука, чистая речь*), «Сфера финансово-денежных отношений» (*чистые деньги, чистый доход*), «Оценка» (*чистая правда, чистый Пушкин*) и др.

Физический признак предмета совершенно закономерно переносится в сферу пространства и используется для выражения различных пространственных характеристик (*чистое поле, чистое небо*).

Значимым в развитии семантической структуры прилагательного *чистый* является, на наш взгляд, формирование двух взаимосвязанных мотивирующих центров *чистый*₁ и *чистый*₇, различающихся характером направленности признака 'чистый': *чистый*₁ характеризует физическое свойство, относящееся к внешнему виду, поверхности чего-либо, а *чистый*₇ – физическое свойство, относящееся к внутренней структуре чего-либо.

Библиографические ссылки

1. **Апресян Ю. Д.** Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974.
2. **Апресян Ю. Д.** Избранные труды : в 2 т. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
3. **Арутюнова Н. Д.** Типы языковых значений / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
4. **Берестов Г. И.** Семантика русского языка в когнитивном аспекте : учеб. пособие. – Калининград : Изд-во КГУ, 2002. – 157 с.
5. **Гинзбург Е. Л.** Конструкции полисемии в русском языке : Таксономия и метонимия / Е. Л. Гинзбург. – М. : Наука, 1985. – 223 с.
6. **Кобозева И. М.** Лингвистическая семантика : учебник. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
7. **Краткий справочник по современному русскому языку** / под ред. П. А. Леканта. – М., 1991. – 383 с.
8. **Кудрявцева Л. А.** Моделирование динамики словарного состава языка : монография / Л. А. Кудрявцева. – 2-е изд., испр. – К. : ИПЦ «Киевский университет», 2004. – 208 с.
9. **Лакофф Дж.** Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–416.
10. **Чудинов А. П.** Россия в метафорическом зеркале : Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

Словари

БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М.–Л., 1950–1965.
БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
МАС – Словарь русского языка : в 4-х т. – Т. 4 (С–Я). – Изд. 3, стереотип. – АН СССР Институт русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1988. – 800 с.

Надійшла до редколегії 10.09.12

Л. А. Білоконенко

*Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара***ДИСКУРСИВНІ МАРКЕРИ КОНФЛІКТНОСТІ:
КОГНІТИВНИЙ ТА ПРАГМАТИЧНИЙ АСПЕКТИ**

Проаналізовано дискурсивні маркери конфліктності у когнітивному і прагматичному аспектах. Описано реалізацію когнітивної і прагматичної конфліктної неузгодженості на лінгвістичному, паралінгвістичному й екстралінгвістичному рівнях. Зроблено висновок, що дискурсивні маркери утворюють окрему групу мовних одиниць, які є носіями особливого значення, яке виявляє співвіднесення маркера з іншими сегментами конфліктної комунікації.

Ключові слова: дискурсивний маркер, конфлікт, когнітивний і прагматичний аспекти.

Проанализированы дискурсивные маркеры конфликтности в когнитивном и прагматическом аспектах. Описана реализация когнитивной и прагматической конфликтной несогласованности на лингвистическом, паралингвистическом и экстралингвистическом уровнях. Сделан вывод, что дискурсивные маркеры образуют отдельную группу языковых единиц, которые являются носителями особого значения, выявляющего соотношение маркера с другими сегментами конфликтной коммуникации.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, конфликт, когнитивный и прагматический аспекты.

The article analyzes the discourse markers of conflict in the cognitive and pragmatic aspects. The realization of cognitive conflict and pragmatic inconsistency on the linguistic, paralinguistic and extra linguistic levels were described. Author made the conclusion that the discourse markers form a separate group of linguistic units that have a special meaning, exposing marker correlation with other segments of the conflict communication.

Keywords: discourse marker, conflict, cognitive and pragmatic aspects.

З другої половини ХХ ст. центр уваги лінгвістів переноситься на мовленнєву діяльність та її продукт – дискурс. Питання формування єдиного поняття дискурсу і досі лишається відкритим. Дискурс тлумачать як мовне вираження певної соціальної практики, яка систематизована особливим використанням мови, зумовленим певною ментальністю, що ідеологічно укорінена та історично зумовлена (М. Фуко); як зв'язний текст у сукупності з екстралінгвістичними – прагматичними, історичними, соціокультурними, психологічними та іншими чинниками (Т. Ван Дейк), як «мова для комунікації» (Г. Кук); як соціолінгвістичний феномен, частина суспільних відносин і процесів, які визначають відмінності в його властивостях, включаючи лінгвістичні форми, що виникають у текстах (Н. Феєрклаф); як цілеспрямована дія, компонент, який бере участь у взаємодії людей та механізмах їх свідомості (когнітивних процесах), це подія, у центрі якої не тільки цілісна мовна структура, але й розмаїття його оцінок учасниками й спостерігачами (Н. Арутюнова); як певна соціальна «матерія» (М. Макаров), як когнітивний процес, пов'язаний з реальним мовленням, де текст є кінцевим результатом процесу мовленнєвої діяльності, що набуває певної закінченої форми (О. Кубрякова); як явище проміжного порядку між мовленням, спілкуванням, мовленнєвою поведінкою і фіксованим текстом (В. Карасик); як субстанція, яка не має чітких меж і обсягу і знаходиться у постійному русі (О. Рєвзіна) та ін. У сучасній лінгвістиці існують розбіжності й щодо розуміння поняття «дискурсивний маркер». Існує традиційне «широке» тлумачення поняття як вставного слова / виразу, вигуку, модальної частки (А. Вежбицька, А. Левицький, О. Падучева, К. Менг, А. Фелен). Та-

кож дискурсивний маркер трактується як мовна одиниця, функція якої полягає у відбитті когерентного зв'язку між певним висловом у дискурсі та попереднім висловлюванням (Б. Фразер, Дж. Редкер).

Природу дискурсу, як правило, пов'язують із двома аспектами – прагматичним і когнітивним. Прагматичний аспект допомагає з'ясувати ситуацію спілкування, визначити ступінь зв'язності тексту, його комунікативної адекватності, виявляти його імплікації і пресупозиції, можливість інтерпретації, тому дискурс у цьому аспекті стосується живого мовлення; когнітивний аспект звернений до ментальності учасників комунікації, що «дозволяє зрозуміти етнографічні, психологічні, соціокультурні стратегії і тактики, а також правила породження та декодування мовлення в певних умовах, які визначають у дискурсі співвідношення загального і конкретного, нового і старого, експліцитного й імпліцитного тощо» [2, с. 10].

Конфліктна комунікація визначається рядом невідповідностей, які виникають між опонентами. Суб'єкти реалізують передачу засобами мови свого стану, використовуючи вербальні та невербальні символи [1, с. 152]. Вибір цих символів залежить від мовних реакцій сторін, їх інтенсивності, ступеня вирішення питання та пов'язаних з усвідомленням ситуації мовних маркерів («маркер – сигнал, який указує на функцію або властивість ... зазвичай позначає наявність або відсутність відмінних особливостей» [3, с. 6]). В нашій роботі дискурсивними маркерами вважаємо мовні сигнали, які актуалізують процес конфліктної діалогічної комунікації у межах певного тексту.

Мета нашої роботи полягає у встановленні стратегій конфліктності діалогічного тексту в українській мові шляхом визначення функцій дискурсивних маркерів. **Об'єктом** дослідження виступає категорія конфліктності діалогічного тексту в українській мові. **Предметом** дослідження є дискурсивні маркери як засоби реалізації конфліктності українського діалогічного тексту. В основу дослідження покладена така гіпотеза: дискурсивні маркери є одним із засобів реалізації категорії конфліктності в діалогічному тексті. Адекватна дефініція функцій дискурсивного маркера конфліктності базується на когнітивних і прагматичних принципах співвіднесеності певного інформаційного сегмента тексту з іншими елементами його структури. Необхідність подібного дослідження полягає в тому, що в ньому можуть бути визначені важливі теоретичні проблеми когнітивної та прагматичної лінгвістики, пов'язані зі стратегіями розуміння дискурсу та процесами структуризації тексту.

Джерельною базою дослідження є мовний матеріал (близько 75 конфліктів і конфліктних ситуацій), який зафіксовано у прозових творах українських письменниць Софії Андрухович, Галини Вдовиченко, Люко Дашвар, Лариси Денисенко, Ірени Карпи, Євгенії Кононенко, Тетяни Малярчук, Марії Матіос, Наталі Околітенко, Світлани Повалєвої, Ірен Роздобудько, Марії Ряполової, Марини Соколян, Людмили Таран, Галини Тарасюк та ін. Наша робота є частиною авторського дослідження мови міжособистісної конфліктної взаємодії, яке здійснюється на основі текстів художніх творів.

Дискурсивні маркери конфліктності можуть бути виражені на лінгвістичному, паралінгвістичному й екстралінгвістичному рівнях. При цьому на першому рівні проявляється конфліктогена надмірність особи, яка реалізується в особистісних і соціальних звинуваченнях опонента, самого себе, оточуючих. Другий рівень служить додатковим до мовних символів для передачі смислової інформації, що сигналізує про конфлікт. Її основу складають звуки і звукові комплекси як частина семіоризованих фізіологічних реакцій, голос з його фонацією, тон як комунікативно-значущий елемент спілкування, позамова просодика, мовчання і паузи як частина процесу комунікації. Третій рівень також важливий для конфліктної

комунікації, навіть інколи єдиним способом передачі неексплікованих смислів, які можуть не усвідомлюватися навіть самим конфліктантом. Незалежність цього рівня від семантики мови робить його унікальним каналом передачі інформації.

Лінгвокогнітивними маркерами міжособистісної конфліктної комунікації є: володіння інформацією або її відсутність, модель особистісного уявлення опонентів про ситуацію, процес і результат побудови процесу спілкування, а також «гальмування» з умовиводом з предмета повідомлення через невідповідність до нього. Конфліктогеном і сигналом конфлікту також може бути ситуативна необхідність представляти не реальний світ, а уявний результат суб'єктивного сприйняття екстралінгвістичної ситуації, характерної для умов недостатньої інформованості. При цьому мовною реалізацією може виступати обман, приховування інформації, лестощі, чутки, домисли і т.п.

У текстах художніх творів конфліктність таких ситуацій виражається за допомогою опису сумнівів, неспокою, тривоги, розчарування, сорому, незручності, дискомфорту, констатації когнітивної неузгодженості теоретичних і практичних знань, швидкої когнітивної реакції вибору конструктивного виходу зі складної ситуації, неприйняття нової інформації, опису внутрішнього стану особистості, стриманості, відчаю, напруги у виборі реакцій. У мовному плані ці стани відображають:

1) категоричність судження, що реалізується у нав'язливих порадах, допитанні, яке викликає «почуття провини», у різкій і необґрунтованій зміні теми, заспокоєнні запереченням, маніпулюванні, обмані, агресії: *Але вона завжди говорила щиро, навіть коли брехала* [2, с. 187], *Міша продовжував ревіти розлюченим голосом (коли так реве звір, сумнівів не залишається – зараз він когось порве на шматки)* [5, с. 50], *Я показую їм брутальний американський жест, — використовується усього один палець з п'яти, що є на руці (американці дуже практичні...)* [5, с. 25];

2) мовні елементи, які називають процес неприйняття нової інформації, на вмисне її перекручування: *розгубився; зробив вигляд, що не чув; несміливо сказав, не зреагував;*

3) речення з умовним способом дієслів у значенні категоричної вимоги: *Ти хоч світлу пам'ять Матвія Івановича не ганьбив би, сволото!* [3, с. 148];

4) риторичні звертання, що передають емоції здивування, нудьги, розгубленості, відчаю: *О небо, в яких жахливих умовах живуть ці двадцять нещасних котиків!* [8, с. 20], *Еріко, але навіщо ти це зробила, Еріко?* [5, с. 127], причому вони нерідко поєднуються з насмішкою, іронією: *Дорога моя сусідонько, я не хочу...* [8, с. 41], виявляють недружнє ставлення опонентів один до одного;

5) переривання процесу комунікації: *швидко сказав і вислизнув з кімнати, відмахнувся, відрізав і замовк, хотів спитати і не наважився, не проронив жодного слова у відповідь; Пауза. Пауза затягується... І мені здається, що життя – лише гра в пацьорки* [13, с. 6];

6) стан стресу нерідко визначають обірвані речення: *Це, певно, ти хочеш... – непевно почав Павло* [3, с. 34], *А мама? Мама би знала...* [9, с. 34], що підтверджується і описом фізіологічної реакції організму на стрес: *зблід, спохмурнів, почервонів, став білий, мов полотно;*

7) вигуківі форми для вираження здивування, нетерпіння, невдоволення: *О, Господи! Що ж тут неясного!* [4, с. 50], *Тьху на тебе!* [3, с. 59], *Тьху ти! – роздратувався Тарас Петрович* [3, с. 213], для констатації певного факту ці форми часто мають іронічне забарвлення: *Он як! – сказав тихо* [3, с. 104], передають надзвичайно сильні емоцій: *Я-а-а-а-апонський городовий... – прошепотів враже-но і опустил палицю... – Я-а-а-а-а-понська мати* [3, с. 214];

8) окличні речення з погрозами, нібито «удаваними», але цілком реальними в майбутньому: *Я тобі зараз покажу, як заважати іншим спокійно спати!!!* [1, с. 124]; окличні речення, які передають різні емоції: *Але він зганьбив мене перед усім світом!... Він не міг брехати!* [9, с. 67];

9) повтор як вираз крайнього подиву, шоку: *Яка ти потвора, яка ти потвора, – крізь вуаль сліз звинувачувала вона батька... Ким треба бути, щоб таке зробити? Ким, я питаю тебе... ким треба бути* [5, с. 38–39], *Геть! Швидше геть звідси! ... Навіть як слід не попрощавшись з Апостолом, вилетіла з цього міфічного дворика, вскочила у перший-ліпший трамвай, і тільки коли за мною затріснулися двері роботи, відчула себе у безпеці <...> Геть!* [4, с. 28];

10) речення з категоричним ствердженням або запереченням, риторичні питання: *Ця ідіотка мені зраджує! Зраджує!!! І то з ким?! З ким?! ... Ти розумієш, врешті-решт?! [4, с. 28], Скільки можна галдіти? Я що казала? Я що казала? Рот тобі заткнути? Язик тобі вирвати? Тобі що, закон неписаний?* [1, с. 124].

На позамовному рівні маркерами конфліктної взаємодії нерідко виступають:

1) голосові характеристики, які супроводжують конфліктну комунікацію: *кричить Гаврило, питає Оксентій зі скрипом у голосі, кричав, багрянючи лицем, Мирослава лається... кричить, кричу, що чути на третій вулиці; притишив голос чоловік, відітхнув з полегкістю Бунчужний, стисненим голосом жорстко наказав;*

2) кінетичні засоби: *кинув, розвів руками, зміряв мене поглядом, вхопив мене за плечі та різко відштовхнув від сейфу, взяв бригадирку за груди; міцно, як лежцатами, стиснув рукою його лікоть; він посунув на Ірину з вилами, так ніби мав її зараз узяти на зубці і закинути в саме пекло; скочив з крісла, пустивши його під двері; замахнувся кулаком на випадкового поплічника, пограв ломиком у руках, узявши руки в боки; стояв, схрестивши руки на грудях; аж підскочив від злості браток, мов ошпарений; підлетів впритул, нахилився до вчительки, посланець майже впритул наблизився до Бунчужного, отець Георгій зупинився за кілька кроків у порозі храму.*

Когнітивний аспект враховує також сценарій перебігу конфлікту, стратегії і тактики поведінки опонентів, їхні дії, результат конфліктних дій (конструктивні/деструктивні), співвіднесеність між суб'єктивними й об'єктивними сторонами конфлікту. Зокрема, стратегія боротьби реалізується у тактиці тиску (негативна особистісна оцінка ситуації, вимога, шантаж): *У колишніх хазяїв геть не було смаку* [14, с. 40], *Я дам за нього подвійну, подвійну!... ціну, тільки щоб без привида* [14, с. 40]. Жорсткі тактики поведінки можуть реалізуватися у психологічному тиску: *Усім залишатися на місцях! – зненацька, без «добридень», з порога коротко скомандувала воєнна людина зі зброєю у правій руці* [10, с. 11], *Ну добре-добре... Ці побрехеньки розкажеш, де питатимуть* [10, с. 12], фізичний вплив: *Із сусідньої кімнати хутко вбіг господар у підшитаниках – і тут же був укладений на підлогу по-турецьки з вимогою не рухатись* [10, с. 11], нанесення матеріальної шкоди: *Коли в хаті все вже було перевернуто догори ногами, речі зі скринь викинуто... [10, с. 12], блокування чужої діяльності: Так що збирайтеся – і без лементу!* [10, с. 13]. Стратегія співробітництва має відповідні тактики – коаліція і фіксація позиції: *баба Марфа різала овочі... і мовчки скося поглядала на сусіда. Дивно, що вони так притихли* [14, с. 3].

Лінгвопрагматичні особливості конфліктів лежать у сфері ситуації мовлення між учасниками комунікації, враховують рівень комунікативної компетентності співрозмовників та обставини взаємодії. Прагматичне припущення міжособистісного конфлікту передбачає знання про лінгвістичні маркери як сценарій мовленнєвої реакції суб'єктів, про співвіднесеність конфліктних мовних реакцій й емоційних реакцій, які складають самовизначення кожного з опонентів у конфлікті,

з одного боку, і сприйняття джерел конфлікту – з іншого. Основою дослідження цих аспектів служить взаємодія мовного акту і контексту. Формантами таких станів виступають мовні маркери, серед яких:

1) лексичні та синтаксичні повтори: *Що ти верзеш? – Це не я верзу, це вона верзе* [7, с. 93], *Але з мене годі! Годі!* [13, с. 30], *Здуріла. Здуріла, бо що іншого?* [10, с. 12], *Сама поїдеш!! їдь! їдь і не вертайся!* [11, с. 64];

2) пейоративи: до цієї групи належать іменники, які характеризують «невідповідність» опонента правилам, які мають визначати морально-етичну сферу життєдіяльності особистості: гуманність, порядність, справедливість, повагу до інших людей, тактовність, культуру поведінки та мовлення; а також ті, які негативно «описують» його зовнішність та особливості прояву емоційного стану у конфлікті (*барига, лох, жора, лахудра, блін, хахаль, бардак, сволота* або *сволочь, шмаття*). Група прикметників (дієприкметників), у тому числі ужиті разом з іменниками (*кінчений (кінчений рецидивіст), сучий (сучий кар'єрист), причмелена (ви і собі якась як причмелена стали), дурний, дурнуватий, придуркуватий*, та дієслів (*прикокнути, не вертухайся, здуріти, подуріти, спаскудити, підставити, злити, кидати, пришити (може й мене... пришиєш), тицьнути (тицьнув газді Дмитрові під ніс кілька паперів), надуватися (він надувається від злості), рикати (бушував на подвір'ї і рикав, як бугай), позакладати (тобі позакладало?), утинати, брикатися, роздраконитися, совати (соватимеш в передсмертних конвульсіях ногами)*) також подають негативну характеристику ознак і дій особи;

3) інвективи: зафіксовано маркери, які зневажливо характеризують жінок: *сука (я тебе, сука, запам'ятав), курвега, курва (Курва мама ваша була!), лярва*; лексеми, пов'язані з бастардом: *ублюдок, урод* або *виродок*; скатологічні інвективи: *гівнюк і паскудник (ти просто гівнюк і дрібний паскудник), дрян'я поганая, мерзо мерзенна та паскуда паскудна*; зооніми: *рогате бидло, гадюка*; називання нечистої сили: *дідько*. Безадресні інвективи використовуються для психічної розрядки, ними послуговуються також і заради епатажу, для заповнення пауз між словами, для «підвищення» власного статусу, «авторитету»;

4) подвійне або множинне заперечення, яке є заявою про незгоду з ким-небудь, чим-небудь, протест проти чогось: *не хочу, щоб він приходив... я вже не бачу навіть цього ... я не можу вже більше читати... ; не будемо, і все... не можу наразі більше нічого сказати; не піду... не піду... не піду!... боюся!; ти нічого не тямши в архітектурі; не руйнуйте мужчин, бо вони вас не збудують*;

5) наказовий спосіб дієслів: *не теренди, не переч, лиши в спокої, замовкни*;

6) опис відповідних психоемоційних станів (тривога, роздратування, відчай, агресія, сором та ін.): *тихо звучав його надтріснутий голос, питав зі слізьми у голосі, звучав його печальний тихий голос, понуро буркнув ново-об'явлений Юрій, погаслим голосом озвався Юрій, зловісно притишив голос чоловік, зло наказав*;

7) констатація стверджувальним реченням: *Я хочу отримати побільше грошей і забути про все це* [7, с. 38]; *Я маю думати про живих людей* [3, с. 187], включення стверджувальних конструкцій для визначення сказаного, зробленого опонентом як невчасного, недоречно, того, що не відповідає ситуації: *Даремно ти приїхала, – мов чужим був мій голос* [2, с. 189].

Емоційно-експресивні маркери конфліктної взаємодії можуть бути представлені еквівалентами речень, неповними, неускладненими, односкладними реченнями. Такі синтаксичні структури уживаються для ствердження думки: *Аякже! Усе кину; Все. Пий каву*; для заперечення: *Це неправда!, Тільки не це!*; для передачі страждання, розгубленості, невпевненості, подиву: *Луїзо? Ти?! Ти що тут?!; Збожеволів!; Сука! Підстилка румунська!; Ти писала? Ти? Ти?; Я знаю! ... Заздриши! Заздриши!; Боже! Це просто кошмар!* Паравербальні засоби також є марке-

рами емоцій опонентів, які включають переривання комунікації, «гру», мімічний контроль, манеру мовлення, стогін. Зокрема, визначено систему засобів, які передають емоції, що відповідають жорстким тактикам конфліктної поведінки: *кричала, аж захилинаючись слиною; кричав, багряніючи лицем; від такого неочікуваного нахабства вона задихнулася, сперло їй у горлі, задихалася від нестачі повітря; а він як закричить; знову у крик; Мирослава лається... кричить; кричу, що чути на третій вулиці; заволав Юрко; зашипів гадом браток.*

Лінгвопрагматичні особливості конфліктів знаходимо й у сфері сценарію невідповідності акції і реакції суб'єктів: *грізно почав я – Марк був напрочуд спокійний; ти використовував мене – він знизав плечима; я нікуди звідси не піду – якщо ти не підеш, я викличу тих хлопців; ти не зробиш таке – зроблю* [14]. З можливих екстралінгвістичних засобів зафіксовано плач (як реакція на нервову напругу) і сміх (як засіб зняти напругу у стосунках, як іронічне ставлення до опонента, як «гра» для досягнення власної мети – «штучний сміх»): *він плакав, уткнувшись носом у мою пазуху; очі його, повні болю, гніву і сліз; усміхнувся, пильно придивляючись до співрозмовника; зареготав на всю обору Бунчужний* та ін. Стадія завершення конфлікту нерідко включає речення, в яких присутні етикетні форми вибачення: *Пробач мені, Юрку!... – говорила щиро* [2, с. 187], стверджувальні речення: *Краще вже сидіти тут. Краще вичікувати. Я вичікую.* [1, с. 124], *Я аналізую... – заговорила так старанно спокійно, що і мед так не летить* [3, с. 26], речення з дієсловами в наказовому способі, але зі значенням побажання, поради: *«Ходімо», – сказала Марія, беручись за ручку дверцят...* [2, с. 88].

До невербальних ознак конфлікту в цих випадках можна віднести почервоління або збліднення обличчя, недружній погляд, скутість, загальмованість рухів: *мимоволі озирнувся до натовпу, збентежено роззирнувся, обидва пристрасно замотиляли головами, я затулила вуха; відповів юнак, відвертаючи від панотця зблідле лице; чоловік пройшовся кімнатою; він то нервово ходив, то враз зупинявся; Теофіла стояла посеред хати, стискаючи руку старшого сина; юнак рвучко повернувся і вийшов із церкви, шарпнувся бігти, так і зосталась стояти посеред хати із розплетеним волоссям, тихо м'яв у руках капелюх, сидів зі складеними під себе ногами й дивився в підлогу, стояв коло самих дверей і м'яв капелюх, голова з дільничним почухали потилиці; завмер, чекаючи на удар; завмер, зляканий власною брутальністю; цигани принишкли – причаїлися, завмерли від страху; руки дрібно тремтіли.*

Отже, дискурсивні маркери утворюють окрему групу мовних одиниць – носіїв особливого, процедурного значення, сутність якого виявляється при співвіднесенні висловлювання, яке містить дискурсивний маркер, з іншими висловлюваннями або сегментами конфліктної комунікації, розташованими контактено або дистанційно щодо вислову. Реалізація лінгвопрагматичного аспекту пов'язана з мовним вираженням конфлікту і здійснюється в залежності від носія конфлікту як суб'єкта мовлення, адресата мовлення, від його лінгвопрагматичного припущення, від ситуації спілкування як джерела конфлікту, від умов комунікації, від рівня комунікативної компетентності опонентів. Основою дослідження лінгвопрагматичних особливостей конфлікту служить взаємодія мовного акту і контексту. Стратегія вживання мовцем конфліктних маркерів фокусує увагу опонента на найбільш вагомих сегментах інформації, що полегшує процедуру відбору ключової у даному контексті інформації. У площині когнітивної моделі розподілу інформації дискурсивні маркери реалізують стратегії встановлення дискурсивної межі, виступаючи сигналами розрізнення конфліктної теми і другорядних інформаційних блоків діалогу. На прагматичному рівні дискурсивні маркери сигналізують про причинні та зіставні прагматичні зв'язки між репліками опонентів.

Бібліографічні посилання

1. Белоус Н. А. Функциональные особенности конфликтного дискурса / Н. А. Белоус // Знание, понимание, умение. – 2008. – № 4. – С. 152–157.
2. Денисова С. П. Дискурс у сучасних комунікаційних системах / С. П. Денисова // Дискурс у комунікаційних системах. – К., 2004. – С. 5–14.
3. Каменский М. В. Социолінгвістическая парадигма дискурсных маркеров : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.19 / М. В. Каменский. – Ставрополь, 2007. – 19 с.

Джерела фактичного матеріалу

1. Андрухович С. Сьомга / Софія Андрухович. – К. : Нора-Друк, 2007. – 352 с.
2. Вдовиченко Г. Тамдевін / Галина Вдовиченко. – К. : Нора-Друк, 2009. – 234 с.
3. Дашвар Люко. Молоко з кров'ю / Люко Дашвар. – Харків : Книжковий Клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2008. – 272 с.
4. Демська Л. Місто в тіні / Леся Демська. – К. : Смолоскип, 2000. – 208 с.
5. Денисенко Л. Забави з плоті та крові / Л. Денисенко. – Л. : Кальварія, 2006. – 192 с.
6. Карпа І. 50 хвилин трави / Ірена Карпа. – Харків : Фоліо, 2004. – 45 с. – Режим доступу : http://chtyvo.org.ua/authors/karpa/50_khvylyn_travy
7. Кононенко Є. Ностальгія / Євгенія Кононенко // Кур'єр Кривбасу. – 2003. – № 158 (січень). – С. 91–134; № 159 (лютий). – С. 70–113.
8. Малярчук Т. Говорити / Тетяна Малярчук. – Харків : Фоліо, 2007. – 187 с.
9. Матіос М. Майже ніколи не навпаки / Марія Матіос. – Львів: ЛА «Піраміда», 2007. – 176 с. – Режим доступу : http://lib.mn/blog/mariya_matios/95557.html
10. Матіос М. Москалиця. Мама Маріца – дружина Христофора Колумба / Марія Матіос. – Львів, 2008. – 112 с. – Режим доступу : <http://lib.mn/blog/mariyamatios>
11. Околітенко Н. Рось-Марія / Н. Околітенко // Дзвін. – 2002. – № 5–6. – С. 63–109.
12. Поваляєва С. Екзгумація міста / С. Поваляєва. – Л. : Кальварія, 2006. – 160 с.
13. Роздобудько І. Гра в пацьорки / Ірен Роздобудько. – К. : Нора-Друк, 2009. – 240 с. – Режим доступу : http://www.lib.mn/blog/iren_rozdobudko/140877.html
14. Ряполова М. Звідки беруться янголи / Марія Ряполова // Український Фантастичний Оглядач. – Львів, 2009. – № 1 (1). – С. 40–43.
15. Тарасюк Г. Храм на болоті: новочасна притча / Галина Тарасюк. – Режим доступу : http://chtyvo.org.ua/Tarasiuk/Khram_na_boloti/

Надійшла о редколегії 23.02.13

УДК 811.161.2'373.43

Н. М. Блинова

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ЛЕКСИЧНІ ІННОВАЦІЇ У МОВІ ІНТЕРНЕТ-ЗМІ

Розглянуто лексичні інновації у мові українських інтернет-ЗМІ з вересня 2012 по лютий 2013 року. Увагу приділено тематичним групам «економіка», «культура», «назви осіб за професією та видом діяльності», шару жаргонної лексики, де активно функціонують неологізми-запозичення. Далеко не всі такі лексеми знайшли лексикографічне опрацювання і не завжди вживання такої лексики виправдане потребами тексту. Частина лексем набула в українській мові нових значень і перейшла в іншу тематичну групу, частина вживається для створення ефекту експресивності або має свідчити про професіоналізм журналіста.

Ключові слова: лексема, неологізм, оказіоналізм, мережеві видання, Інтернет-ресурс, мова інтернет-ЗМІ.

Рассмотрены лексические инновации в языке украинских интернет-СМИ с сентября 2012 по февраль 2013 года. Внимание уделено тематическим группам «экономика», «культура», «наименования лиц по профессии и виду деятельности», слою жаргонной лексики. Далеко не все такие лексемы получили лексикографическую обработку и не всегда употребление такой лексики оправдано задачами текста. Часть лексем приобрела в украинском языке новые значения и перешла в иную тематическую группу, часть употребляется для создания эффекта экспрессивности или же призвана свидетельствовать о профессионализме журналиста.

Ключевые слова: лексема, неологизм, окказионализм, сетевые издания, Интернет-ресурс, язык интернет-СМИ.

Lexical innovations in the language of Ukrainian mass-media are investigated since September 2012 till February 2013. Attention is paid to the thematic groups «economy», «culture», «names of persons on a profession and type of activity», to the layer of slangy vocabulary. Not all such lexemes found their lexicographic treatment, and not always the use of such vocabulary is necessary in the text. Part of the lexemes got new meanings in the Ukrainian language and passed to other thematic groups, some of them are used for creation the expressive effect, or should talk about professionalism of a journalist.

Keywords: lexeme, neologism, occasion words, network press, internet-resource, language of mass-media.

Лексичні інновації у російській та українській мовах є предметом дослідження багатьох науковців. Так, С. Воркачов приділяє увагу жаргонним утворенням «понятие» та «беспредел», розглядаючи їх як лексичні інновації у російській мові [7]. Активно досліджують лексичні інноваційні запозичення Л. та О. Ільїни, І. Мартиненко [11–13; 21]; М. Кронгауз у книзі «Русский язык на грани нервного срыва 3 Д» розглядає різноманітні аспекти запозичень, жаргонізмів, лайки як інновацій у російській мові [18]; Н. Маршалл зосереджує увагу на лексичних інноваціях у туристичній рекламі [22]. Дослідницьку увагу також привертають й інноваційні лексичні процеси, що відбуваються у мові Інтернет [26]. Інноваціям у російській мові присвячено дисертацію А. О. Тойтукової [36], в якій авторка розглядає теоретичні питання неології, класифікації неологізмів, акцентує увагу на проблемах вивчення неологізмів-запозичень, неологізмів-новоутворень, подає критерії визначення нових слів. Крім того, досліджуючи лексичні інновації 2000–2009 років. у мовній картині світу, дисертантка виділяє тематичні групи, в яких спостерігається найбільша кількість новоутворень. Це тематичні групи «інформатика», «економіка і бізнес», «політика і суспільство», «мистецтво і культура», «захоплення та відпочинок», «ЗМІ та реклама», «медичина», «абстрактні поняття», «наука», «армія», «психологія», «транспорт», «релігія», «кримінал та наркотики». Окремий розділ дослідження присвячено лексичним інноваціям у гендерному аспекті.

Українська дослідниця Ю. Афоніна приділяє увагу семантичним зсувам та лексичним змінам у семантичній структурі запозичень із англійської мови [2], М. Бойчук досліджує лексичні інновації у періодичних інтернет-виданнях [6], П. Іванова – лексичні інновації у сучасному французькому політичному дискурсі [14], Я. Конопацька досліджує особливості інтеграції нових лексичних одиниць у систему мови [17], Д. Мазурик зосередилась на дослідженні інноваційних процесів у лексиці сучасної мови [20], Т. Полякова розглядає лексичні інновації іншомовного походження у сучасній російській мові [25], Є. Харук розглядає лексичні інновації у сучасній англійській мові [43].

Таким чином, очевидно, що лексичні інновації у різних мовах та різноманітних аспектах вияву активно досліджуються і російською, й українською науковою спільнотою. Проте слід зауважити, що мова інтернет-ЗМІ у тому аспекті, який передусім цікавить нас, ще не була предметом наукового інтересу, що й зумовило актуальність цього дослідження. Предметом здійсненого пошуку є особливості мовлення українського сегменту інтернет-видань, представлених у мережі ЗМІ, відповідно, об'єктом статті є лексичні інновації українськомовної інтернет-преси.

Лексичні інновації україномовних мережевих ЗМІ досліджувалися за період з 19 вересня 2012 до 1 лютого 2013 р. Фундаментом роботи став великий портал ukr.net, основним сервісом якого є подання новинної інформації з багатьох російськомовних та україномовних новинних інтернет-ресурсів. Щохвилини оновлювана інформація подана за такими рубриками: «Головне», «Політика», «Економіка», «Події», «Технології», «Авто», «Спорт», «Здоров'я», «Суспільство», «Київські новини», «Шоу-бізнес», «За кордоном», «Фоторепортаж», «Курйози», «Відео». У кожній з рубрик подано 5–6 заголовків матеріалів з інших ЗМІ, зміст котрих можна побачити за допомогою гіперпосилань, натиснувши на назву.

Мова інтернет-ресурсів рясніє жаргонними та просторічними утвореннями, що перебувають практично поза межами літературного вжитку. Наприклад, у коментарях до поданих матеріалів різних ресурсів нами було знайдено ряд лексем часто зі зниженими значеннями. Це слова на означення регіону проживання: «західняки», «рогулі» (мешканці Західноукраїнських регіонів), «донбасери» (жителі Донбасу), «ересія» (Російська Федерація), «окраїна» (знижене до «Україна»); приналежності до політичних партій: «свободівці», «ударівці», «оранжоїди», «регіонали», «риги», «пірасти», «нашоукраїнці»; осіб за професією та сферою діяльності: «журналюшки», «кнопкодави», «тушки». Останні лексеми утворили похідні іменники: «тушкування», «кнопкодавство». Негаразди з корейськими потягами «Hyundai» породили неологізми «хундайвоз», «прохундаї», причому останнє явно асоціюється з російською лексемою «прохиндеи». Політик Ірина Фаріон стала автором okazionalizmu «бандеризація»: «Фаріон розповіла про досягнення щодо бандеризації України», «Це поки наше перше досягнення щодо бандеризації України», – сказала вона» [40].

Жаргонні утворення вживаються практично без обмежень і часто з невласливими значеннями. Наприклад, назва статті: «Регіонал» Ярослав Сухий: У ЗМІ має поменшати «чорнухи» та «порнухи» [27]. І у першому ж реченні цього матеріалу: «Депутат Ярослав Сухий вважає, що закон про наклеп потрібен для того, щоб журналісти не писали **фігню**, і обіцяє навіть зменшити покарання за "**чорнуху**" та "**порнуху**"», де вжито одразу три жаргонізми: «фігня», «чорнуха», «порнуха». Усі вони зафіксовані «Словником сучасного українського сленгу» [32], де подано такі визначення: «Порнуха – порнографічна продукція, порнографія» [32, с. 246], «Фігня – 1. Дурниця, дрібниця. 2. Неприємність, прикрість. 3. Поганий настрій, нудьга» [32, с. 306]; «Чорнуха – 1. Погано зроблений жорстокий бойовик або детектив, перенасичений епізодами насильства. 2. Жорстока вулична бійка. 3. Гнітючість, депресивність» [32, с. 327–328]. І далі: «Не мені вам розповідати, скільки коштує політична **чорнуха** чи **порнуха**. Закон потрібен, щоб ви не писали **фігню**», – звернувся депутат Сухий до журналістів. Він поскаржився на телеканал ТВі, «де лише **чорнуха** на владу». Вважаємо, що у даному випадку відбувся зсув значень жаргонних слів у бік розширення: «Чорнуха» – негативна, дискредитуюча інформація, так званий «чорний піар», лексема ж «порнуха» у поєднанні з епітетом «політична» утворює okazionalizm.

Наступний приклад демонструє вживання жаргонної лексики кримінальної тематики: «Податкова, "**нагнувши**" **недобросовісників**, "**нагребла**" купу грошей» [24], де вжито жаргонізми «нагнути», тобто змусити когось щось зробити всупереч бажанню, професіоналізм «недобросовісник», тобто недобросовісний платник податків, та «нагребти», що вжито у значенні «Гребучи, збирати в якій-небудь кількості» [23]. При цьому очевидним є стилістичний дисонанс між заголовком та змістом статті, оскільки текст матеріалу являє собою прес-реліз податкової служби про зібрані нею до держскарбниці значні кошти, матеріал викладено сухою офіційно-діловою мовою. На наш погляд, такий дисонанс свідчить, скоріше, не

про відсутність редакторської правки, а про прагнення редакції привернути увагу читача за допомогою кричущого емоційного заголовка.

Ще один приклад вживання кримінального жаргону у заголовку статті – «*"Підставили" Волгу, "замовили" чи ні, а сидітиме він усі 5 років*», де також спостерігаємо дисонанс між експресивним заголовком і інформативно невиразним текстом. При цьому в обох останніх випадках жаргонізм, за правилами правопису, взято у лапки, що є свідченням роботи редактора над текстом. М. Кронгауз справедливо зазначає: «Багато хто, висловлюючи незадоволення поширенням цих слів, насправді активно їх використовує. Причини мною вже називались. По-перше, це криміналізація суспільства, а значить, деякі ситуації адекватно описуються за допомогою саме цієї лексики. По-друге, їх емоційність і, висловлюючись цією ж мовою, «крутість». Багато цих слів уже перейшло не лише у повсякденне мовлення, але і в мову офіційних осіб і навіть офіційні документи» [18, с. 211].

Нового значення в інтернет-середовищі набуло дієслово «підірвати». Так говорять про любительські відеоролики, які набрали багато переглядів користувачів, як правило, на спеціальних сайтах, де звичайні користувачі викладають свої аматорські ролики: «*Бабусі з Чернігівщини "підірвали" Інтернет піснею про "лісанет"*» [3].

Інтернет-ЗМІ рясніють не асимільованими українською мовою назвами посад, професій, назвами осіб за виконуваними функціями: «*Тігіпко: Уряд дасть підприємцям бізнес-омбудсмена*» [35], назвами осіб за майновою та соціальною приналежністю: «*За окрему платню, окремі селебритіс старанно розкриватимуть рота не на сцені, а у сауні, повідомляє програма «Гроші»*» [39]. «*Батько замовив сина-ігромана віртуальному вбивці*» [5], «*Антимонопольний комітет візьметься за нафтотрейдерів*» [1]. Зазначимо, що частина складного іменника «трейдер» зустрічається і в лексемі «зернотрейдер», але ця лексема ще не зафіксована україномовними словниками. У текстах статей, де було знайдено ці неологізми, жодного пояснення значення наведених слів, всупереч правилам редагування, подано не було. Між тим назва згаданої професії набуває дедалі більшого поширення і не завжди правильно вживається у тексті. Так, електронна енциклопедія «Вікіпедія» подає таке визначення лексеми «трейдер»: «Трейдер (Трейдер, від англ. Trader – торговець) – біржевий торговець, спекулянт, що діє з власної ініціативи і прагне отримати прибуток безпосередньо з процесу торгівлі. Зазвичай мають на увазі торгівлю цінними паперами (акціями, облігаціями, ф'ючерсами, опціонами) на фондовій біржі. Трейдерами також називають торговців на валютному (форекс) і товарному ринках (наприклад, зернотрейдер). Торгівля здійснюється трейдером як на біржовому, так і на небіржовому ринках. Не слід плутати трейдера з іншими торговцями, які проводять угоди на замовлення клієнтів або в їх інтересах (дилер, брокер, дистриб'ютор). Трейдинг – безпосередня робота трейдера: аналіз поточної ситуації на ринку та укладання торгових угод» [37].

Ще один приклад: назва матеріалу «*Розташування магазину – важлива переміна для ритейлерів*». Лексема «ритейлер» стараннями редакції так і не здобула розшифрування у тексті статті, призначеної для нефакхівців. Слово ж означає «роздрібний торговець» [30]. Відповідно, виникає ще й питання доцільності вживання неасимільованого терміна за наявності україномовного еквівалента.

Наступними лексемами, що привернули нашу увагу, стали вживані у великому за обсягом матеріалі журналу «Тиждень» «Як я на міліцію полювала», іменники «копвотч» та похідний від нього «копвотчер»: «*Загострюють «копвотчери» увагу й на елементарних речах, які варто знати будь-якому громадянину України*», «*Сорwatch пильнує, зупинившись неподалік веселого гурту*», «*Хлопець просто прочитав про діяльність Сорwatch у світі в одному з журналів та відразу*

почав шукати *однодумців у нас*. В означеній статті лексеми подаються раз в українській транслітерації, раз – англійською мовою, що суперечить правилам запису іншомовних слів у ЗМІ.

В іншому матеріалі – *«Зняти міліціонера» – нова громадська ініціатива. Приєднуйся до руху "ковботч"»* – уже подано лише транслітерований варіант і пояснено суть означеного явища: *«Всесвітній рух «ковботч» прийшов в Україну. Його суть проста – пересічні громадяни знімають на камеру підозрілі дії міліціонерів, а свої відеоролики викладають в інтернет»* [10].

Останнім часом у мові з'явилося слово «рейдер», значення якого у словнику іншомовних слів подано таким чином: «Рейдер – [англ. Raid – напад, наскок] – військовий корабель (крейсер, лінкор) або озброєне торговельне судно, які проводять самостійні бойові дії на морських комунікаціях» [31, с. 793]. Але у сучасних реаліях лексема змінила своє значення, перейшовши у категорію термінів економіки: «Рейдер – фізична чи юридична особа, спеціаліст з перехоплення оперативного керівництва або власності фірми за допомогою спеціально інсценованого бізнес-конфлікту. Основними об'єктами рейдерів є ВАТ (відкриті акціонерні товариства) та ЗАТ (закриті акціонерні товариства), хоча під їх атаки попадають і ТОВ (товариства з обмеженою відповідальністю), що є фінансово нестабільними, та в яких існує конфлікт між власниками. Економіка розглядає рейдерів у бізнесі як природний процес. Поглинання бізнесу допомагає з меншими втратами виживати в конкурентному середовищі, позбавлятися від економічного баласту. Рейдерів іноді називають «санітарами бізнесу» [28]. Нами було знайдено вживання означеної лексеми і як політичного терміна, про що свідчать приклади: *«У Ющенка звинуватили Бондарчука в спробі "рейдерського захоплення" партії»*, *«Ваннікова зазначила, що "вдалося запобігти спробі рейдерського захоплення "Нашої України"»* [38].

Практично загальнозживаною стала лексема «хакер», яку, однак, поки що не було зафіксовано лексикографічно. Відповідно, звертаємося до інтернет-енциклопедії, де подано таке значення цієї лексеми: «Хакер (англ. hacker, від tohack – рубити) – надзвичайно кваліфікований ІТ-спеціаліст, людина, яка розуміє глибини роботи комп'ютерних систем. Спочатку хакерами називали програмістів, що виправляли помилки у програмному забезпеченні якимось легким і не завжди елегантним (у контексті використовуваних у програмі стилі програмування та її загальної структури, дизайну інтерфейсів) або професійним способом; слово hack прийшло з лексики хіпі, у російській мові є ідентичне жаргонне слово «врубатися». Зараз хакерів часто ототожнюють з комп'ютерними зламниками – крекерами (англ. cracker, від tocrack – розколювати, розламувати); однак таке вживання слова «хакер» неправильне. Іноді цей термін застосовують для позначення спеціалістів взагалі – у тому контексті, що вони мають дуже детальні знання з певних питань або нестандартне і конструктивне мислення. З моменту появи цього слова у формі комп'ютерного терміна (1960-ті рр.) у нього виникали нові, часто різні значення [41]. Прижилася означена лексема і в мові українських Інтернет-ЗМІ: *«Хакери зламали один із урядових сайтів США»*, *«Кішка допомогла поліції піймати таємничого хакера в Японії»* [42], до тематичної групи комп'ютерних жаргонізмів на означення осіб за сферою діяльності належить і лексема «кіберзлочинність»: *«Поліція японської столиці повідомила про затримання в неділю таємничого кіберзлочинця, який з серпня минулого року грався з нею в «кішки-мишки»*.

У тематичній групі «Культура» знайдено незначну кількість неологізмів, які, проте, мають свої особливості. Наприклад, у назві статті *«Рейчел Хоровіц і Денні Стронг готують байонік про боксера Шугар Рей Робінсона»* [29] вжито варваризм «байонік», значення котрого також слід шукати в електронних енцикло-

лопедіях та словниках, оскільки лексема не опрацьована лексикографічно. Інтернет-словники подають ідентичні визначення: «*Байопік* (рідше біопік, від англ. Biographical picture – біографічне кіно) – власне, воно і є, кінобіографія, ЖЗЛ, особлива історична (або, якщо точніше, те, що позначається майже неперекладним терміном *period*) милорама, яка певною мірою ґрунтується на життєдіяльності якоїсь небанальної персони, в основному – посмертно. Із загального натовпу історичних драм байопіки виділяються підвищеним змістом ПАФОСУ, ще більш підвищеним змістом зірок на квадратний сантиметр плівки, і, як наслідок, непомірно завищеним бюджетом та іншою оскароносністю. Весь час автори підводять очі догори і вимовляють Ритуальні Фрази про те, який крутий був Ім'ярек, і тим самим водночас додатково потішають і своє скромне кіновиробниче почуття власної значущості. З байопіків, у свою чергу, виділяються музбайопіки як квінтесенція жанру. Ще більше зірок у титрах, ще більші бюджети, усім начебто ще більше не байдуже, але, очевидно, музика – річ, яка реально облагороджує, тому що серед музбайопіків кількість дійсно пристойних фільмів на диво велика. Очевидно, справа у задалегідь готовому саундтрекові» [3].

Назва ще одного матеріалу на тему культури – «*Журі літературної премії «НОС» оголосило шорт-лист номінантів»* [8]), де в очі впадає вживаний неасимільований іменник «*шорт-лист*». Значення лексеми також не зафіксоване лексикографічно, відповідно, довідкові Інтернет-ресурси визначають цей термін таким чином: «Короткий список (у практиці присудження нагород і премій у галузі літератури і мистецтва, також шорт-лист; англ. shortlist, shortlist) – список найбільш вірогідних кандидатів на робоче місце, посаду, звання, нагороду або премію, відібраних із загального числа претендентів. Формується за результатами одного чи кількох попередніх відбіркових етапів, під час яких складається довгий список (лонг-лист; англ. longlist, longlist). Короткі (іноді й довгі) списки престижних кінематографічних, літературних і музичних премій, що публікуються у ЗМІ, часто викликають широкий суспільний резонанс, стаючи предметом жвавих дискусій» [44].

У першому реченні статті, за правилами редагування, розшифровано мало відомому широкому читачеві аббревіатуру «НОС»: «*Щорічна російська літературна премія «Нова словесність» («НОС») оголосила цьогорічний шорт-лист*», і ще далі пояснено значення варваризму: «*До короткого списку російської літературної премії «НОС» увійшли дев'ять творів*».

Наступний приклад: «*Гарантіно зніме спін-офф "Безславних виродків"*» [34], де вжито неасимільовану лексему «спін-офф», що тлумачиться як: «(англ. spin-off – розкручуватися) – художні твори (книга, фільм, комп'ютерна гра, комікс і т. д.), основними дійовими особами котрих є персонажі, які раніше вже фігурували у вихідному творі з тематично іншим сюжетом. Також використовуються терміни «відгалуження сюжету», «побічний твір» та «відгалужений твір», іноді жаргівливо «вбіквел» (пор. сиквел). Зазвичай, основною відмінністю спін-оффу від простого продовження або передісторії певного художнього твору є участь як основних дійових осіб тих персонажів, що були другорядними, а то й епізодичними, у вихідному творі. Також важливо зазначити відмінність спін-оффу від римейку – нової інтерпретації твору, але з іншими акцентами, новою технікою або новими умовами розвитку того самого сюжету» [33].

Як бачимо, неологізмів у тематичній групі «Культура» за досліджений період знайдено небагато, причому всі вони мають україномовні відповідники, і їх вживання може бути пояснене лише прагненням редакцій надати текстам більшої вагомості, продемонструвати знання англійської неасимільованої лексики, певним чином відгородитися від реципієнтів, не утасмничених у термінології американської кіноіндустрії. Між тим абсолютно правильно зауважує російський мовознавець

М. Кронгауз: «Особливе роздратування викликають «надмірні» запозичення, тобто коли запозичення дублює за змістом уже наявне у російській мові слово (іноді при цьому раніше запозичене з іншої мови)» [18, с. 210]. Сказане про функціонування такої лексики у російській мові цілком відповідає й українським реаліям.

У тематичній групі «Економіка» зустрічаємо терміни, які досить давно увійшли у життя суспільства: *валюта, девальвація, котирування, макроекономіка, мікроекономіка, маркетинг, монополія, трейдер, стагнація, ВВП, споживчі ціни, інфляція та ін.* Останній, наприклад, має антонім «дефляція»: «**Дефляція** 0,2 % – відображення падіння ВВП і змертвіння ділової активності – експерт», «У зв'язку з цим **дефляція** минулого року – це не тільки і навіть не стільки благо, це відображення загальноекономічної стагнації, падіння обсягів ВВП», «Держстат зафіксував у листопаді **дефляцію** – 0,1 %, а з початку року – 0,4 %», «У 2002 році **дефляція** разом із уповільненням зростання ВВП послужила приводом для серйозних проваджень на рівні не тільки НБУ й уряду, але і президента», «За її даними, у річному вимірі (порівняно з аналогічним місяцем 2011 року) після трьох місяців нульових значень зафіксована **дефляція** 0,2 %», «Із травня в країні фіксувалася щомісячна **дефляція** по 0,2–0,3 %, яка у вересні змінилася інфляцією 0,1 %» [15]. Зазначений термін зафіксований словниками, але у тексті статті, не призначеної для фахівців, мав би розшифруватися, чого редакціями зроблено не було. Відповідно, термін має значення: «вилучення надлишкової маси грошей, випущених в обіг у період інфляції. Здійснюють для стимулювання грошової маси в обігу, підвищення купівельної спроможності грошей» [31, с. 349].

У назві статті «*Завтра НБУшне євро одним стрибком спробує наздогнати ринкове*» спостерігаємо просторічне вживання аббревіатури НБУ з додаванням суфікса *-шн*, що надає виразові експресивності. Також зауважимо, що весь заголовок являє собою розгорнуту антропоморфічну метафору, трансформація значення у котрій відбувається за моделлю «перенесення якості, властивості живої істоти на неживий предмет» [9].

Економічна тематика дозволяє авторам статей створювати досить експресивні тексти за допомогою вживання слів у невластивих значеннях. Наприклад, у назві статті «*Газовий геноцид*» і далі – в її тексті: «*Що це – геноцид власної нації чи корупція на найвищих рівнях?*» Лексему «геноцид», яка зафіксована у значенні «один з найтяжчих видів міжнародних злочинів, що полягає у цілковитому чи частковому фізичному знищенні цілих груп населення за расовими, національними, етнічними або релігійними ознаками» [31, с. 259], вжито у гіперболічному значенні, що дозволило авторові матеріалу досягти публіцистичного пафосу й емоційності.

Знайдено і матеріал із назвою «*Американці бачать, як Росія втрачає енергетичну гегемонію над Україною*», в якому вжито лексему «гегемонія», що останнім часом відійшла на маргінес уживання і більше асоціюється із словосполученням «гегемонія пролетаріату». У даному ж випадку автор вживає це слово у зафіксованому словниками значенні «панівна, провідна роль якоїсь суспільної групи або держави щодо інших груп або держав; верховне керівництво, панівне становище» [31, с. 246], але будучи введеним у словосполучення «енергетична гегемонія», надає заголовку емоційності і публіцистичної виразності.

Досить новою є лексема «*єврозона*». У мові вона з'явилася у 2002 році. Як сказано в Інтернет-енциклопедії, «Євро (€, Еуро, болг. Евро, грец. Ευρώ) — офіційна валюта 17 з 27 держав Європейського Союзу, відомих також як Єврозона, рідна для понад 322 мільйонів європейців. Враховуючи території не єврозони, що послуговуються єдиною європейською валютою, загалом євро користуються 480 мільйонів людей по всьому світу. В готівковому обігу з 1 січня 2002 року. Євро не є валютою Європейського Союзу, оскільки не всі країни ЄС перейшли на нього.

Всі країни — члени Євросоюзу мають право ввійти в Єврозону, якщо задовольнять певним визначеним вимогам згідно з економічними критеріями, а для всіх нових членів ЄС перехід на євро (раніше чи пізніше) є умовою вступу до союзу, хоча це, швидше, політична умова, ніж економічна, бо, як показує практика на прикладі, скажімо, Польщі, це практично може і не відбутись у найближчому майбутньому [16]. Відповідно, заголовок *«Латвія у 2014 році вступить в євროзону»*, як і ця лексема у тексті статті (*«Нагадаємо, що це вже третя спроба Латвії ввійти в євросоюзу, попередні дві – провалилися»*, *«Вона приєдналася до євросоюзу останньою, в 2011-му»*, *«Вже зараз ми значною мірою знаходимося в Євросоюзі»*). Також спостерігаємо функціонування абсолютного синоніма: *«Віддавати борги в євровалюті дешевше, ніж в національній»* [19].

Таким чином, очевидно, що лексичні інновації у мові сучасних ЗМІ, зокрема, мережевих, – надзвичайно актуальне питання, досліджуване і російськими, й українськими науковцями. Ми розглядали мову українських Інтернет-ЗМІ з вересня 2012 до лютого 2013 р. Особливу увагу було приділено лексичним інноваціям у тематичних групах «назви осіб за професією та характером діяльності», «економіка», «жаргонна лексика», «культура». Це, звісно, далеко не повний перелік тематичних груп, у яких функціонують лексичні неологізми, але і він дає уявлення про ті тенденції, що спостерігаються у мові масових комунікацій. Так, спостерігаємо засилля неасимільованої лексики, яка, на наш погляд, виконує як номінативну (наприклад, запозичуються назви посад, економічні терміни, що не мають відповідників в українській мові), так і експресивну функції. Але водночас через велику кількість нових і незнайомих слів у пересічного читача виникають проблеми із розумінням тексту в цілому. Редакції ж новинних ресурсів далеко не завжди дотримуються правил редагування і пояснюють незнайомі лексеми при їх першому згадуванні у тексті, навіть «виявляється, що «хорошим тоном» стало, навпаки, вживання якомога більшої кількості незнайомих слів без будь-яких коментарів, що має свідчити про професіоналізм (або особливу посвяченість) автора» [18, с.115]. Значна частина лексичних інновацій все ще залишається неасимільованою і незафіксованою лексикографічною практикою. Відповідно, читач змушений звертатися до словників та енциклопедій, розміщених у мережі. Також спостерігається тенденція до набуття запозиченими лексемами нових значень і, з огляду на це, перехід в інші тематичні групи, як це сталося з лексемами *«рейдер»*, *«хакер»*. Крім того, було знайдено і випадок вживання лексем у невластивому значенні (*«газовий геноцид»*), що може бути пояснене настановою на створення експресивного ефекту публіцистичного тексту і привернення уваги читача. Один випадок демонструє функціонування лексики, яка перебувала на маргінесі вжитку, для опису сучасних реалій та подій (*«енергетична гегемонія»*). Ґрунтовних наукових досліджень потребує мова коментарів читачів Інтернет-ЗМІ, яка рясніє оказіоналізмами зі зниженими значеннями. Сучасні мережеві ЗМІ, на наш погляд, вживають надто багато лексичних запозичень, що не завжди виправдано потребами тексту і розмиває межі нормативної літературної мови. Але це об'єктивна реальність, яка вимагає наукового опрацювання.

Бібліографічні посилання

1. Антимонопольний комітет візьметься за нафтотрейдерів. – Режим доступу : <http://www.epravda.com.ua/news/2013/01/11/355512/>.
2. **Афони́на Ю. Н.** Семантические сдвиги и лексические инновации конца XX – начала XXI вв. / Ю. Афони́на. – Режим доступа : http://www.nbuv.gov.ua/portal/natural/vdpu/Movozn/2011_17_3/article/3.pdf.

3. Бабусі з Чернігівщини "підірвали" Інтернет піснею про "лісапет". – Режим доступу : http://www.ukrinform.ua/ukr/news/babusi_z_chernigivshchini_pidirvali_internet_pisneyu_pro_lisapet_1792801.
4. Байопик. – Режим доступу : <http://wiki.kinokadr.ru/wiki/Байопик>.
5. Батько замовив сина-ігромана віртуальному вбивці. – Режим доступу : <http://svit24.net/curiosities/58-kuryozy/52028-batko-zamovyv-syna-igromana-virtualnomu-vbyvci>.
6. Бойчук М. В. Лексичні інновації у медіапросторі сучасних періодичних інтернет-видань / М. Бойчук. – Режим доступу : <http://intkonf.org/boychuk-mv-leksichni-innovatsiyi-u-mediaprostori-suchasnih-periodichnih-internet-vidan/>.
7. **Воркачев С. Г.** Корпоративная справедливость по-русски: «понятия» и «беспредел» как лексические инновации / С. Воркачев // Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 85–96.
8. Журі літературної премії «НОС» оголосило шорт-лист номінантів. – Режим доступу : <http://bukvoid.com.ua/events/premii/2012/10/31/181552.html>.
9. Завтра НБУшне евро одним стрибком спробує наздогнати ринкове. – Режим доступу : <http://expres.ua/news/2013/01/13/80318>.
10. «Зняти міліціонера» – нова громадська ініціатива. Приєднуйся до руху "копвотч". – Режим доступу : <http://rionews.com.ua/mixed/nonpublished/now/n1296102658>.
11. **Ильина Л. А.** Лексическое заимствование: переход иноязычий или внутриязыковое создание? / Л. Ильина, О. Сычева. – Режим доступу : http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/4_98/17_ILINA.HTM.
12. **Ильина Л. А.** Методологические проблемы исследования процесса лексического заимствования / Л. Ильина // Лексика и фразеология языков народов Сибири. – Новосибирск, 1984.
13. **Ильина О. В.** Семантическое освоение русским языком иноязычных лексических инноваций / О. Ильина // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Новосибирск, 1998.
14. **Іванова П. М.** Лексичні інновації у французькому політичному дискурсі. – Режим доступу : http://www.nbuv.gov.ua/portal/natural/Nvnu/filolog/2007_4/6/5.pdf.
15. Із травня в країні фіксувалася щомісячна дефляція по 0,2–0,3 %, яка у вересні змінилася інфляцією 0,1 %. – Режим доступу : ["http://gazeta.ua/articles/business/_deflyaciya-0-2-vidobrazhennya-padinnya-vvp-i-zmertvinnya-dilovoji-aktivnosti-eks/476685"> Gazeta.ua](http://gazeta.ua/articles/business/_deflyaciya-0-2-vidobrazhennya-padinnya-vvp-i-zmertvinnya-dilovoji-aktivnosti-eks/476685)
16. Євро. – Режим доступу : <http://uk.wikipedia.org/wiki/Євро>.
17. **Конопацька Я.** Особливості інтеграції нових лексичних одиниць у систему мови / Я. Конопацька // Вісник Львів. ун-ту. Серія іноземні мови. 2012. – Вип. 19. – С. 174–179.
18. **Кронгауз М.** Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М. : Астрель : CORPUS, 2012. – 480 с.
19. Латвія у 2014 році вступить в єврозону. – Режим доступу: http://ipress.Ua/news/latviya_u_2014_rotsi_vstupyt_v_ievrozonu_zakon_15028.html.
20. **Мазурик Д. В.** Інноваційні процеси в лексиці сучасної української літературної мови (90-і роки ХХ ст.) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Д. В. Мазурик. – Л., 2002. – 21 с.
21. **Мартиненко И. С.** Когнитивно-семантические и структурные особенности заимствованных устойчивых сочетаний современного русского языка и их английских прототипов (теоретико-экспериментальное исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. С. Мартиненко. – Пятигорск, 2009. – 26 с.
22. **Маршалл Н.** Лексические инновации в сфере туристической рекламы / Н. Маршалл // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 2. – Воронеж : ВГУ, 2002. – Режим доступу : http://lse2010.narod.ru/yazik_kommunikatsiya_i_sotsialnaya_sreda_vipusk2_2002/nmarshall_leksicheskie_innovatsii_v_sfere_turisticheskoi_reklami.
23. **Новий тлумачний словник української мови** : у 4 т. / укл. В. Яременко, О. Сліпушко. – К. : Аконіт, 2000.
24. Податкова, «нагнувши» недобросовісників, «нагребла» купу грошей. – Режим доступу : <http://businessua.com/tarify/podatкова-nagnuvshi-nedobrosovisnikiv-nagrebla-kupu-groshei.html>.

25. **Полякова Т. М.** Лексичні інновації іншомовного походження в сучасній російській мові (на матеріалі мови ЗМІ останнього десятиріччя XX – початку XXI ст.) : дис. ... канд. наук: 10.02.02 – 2004 / Т. Полякова. – Режим доступу : <http://www.lib.ua-gu.net/diss/cont/335695.html>.
26. **Радбиль Т. Б.** Инновационные процессы в лексике и грамматике русского языка Интернетета / Т. Б. Радбиль. – Режим доступу : CroaticaetSlavicaIadertina, Zadar, 2008. – С. 237–244.
27. «Регіонал» Ярослав Сухий : У ЗМІ має поменшати «чорнухи» та «порухи». – Режим доступу : http://24tv.ua/home/showSingleNews.do?regional_yaroslav_suhiy_u_zmi_maye_pomenshati_chornuhi_ta_pornuhi&objectId=259649.
28. Рейдер. – Режим доступу : [http://uk.wikipedia.org/wiki/Рейдер_\(економіка\)](http://uk.wikipedia.org/wiki/Рейдер_(економіка)).
29. Рейчел Хоровіц і Денні Стронг готують байопік про боксера Шугар Рей Робінсона. – Режим доступу : <http://www.tv.net.ua/news/cinema/1050714578-reychel-horovic-i-denni-strong-gotovyat-bayopik-o-boksere-shugar-rey-robinsone.html>.
30. Ритейлер. – Режим доступу : http://www.businessvoc.ru/bv/TermWin.asp?word_id=27049&rating=false&lastQueried=false.
31. **Словник іншомовних слів** : 23 000 слів та термінологічних словосполучень / уклад. Л. О. Пустовіт та ін. – К. : Довіра, 2000. – 1018 с.
32. **Словник сучасного українського сленгу** / упор. Т. М. Кондратюк. – Харків : Фоліо, 2006. – 350 с.
33. Спин-офф. – Режим доступу : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Спин-офф>.
34. Тарантіно зніме спін-офф «Безславних виродків». – Режим доступу : http://www.ukrinform.ua/ukr/news/tarantino_znime_spin_off_bezslavnih_virodkiv_1783225.
35. Тігіпко : Уряд дасть підприємцям бізнес-омбудсмена. – Режим доступу : http://zaxid.net/home/showSingleNews.do?tigipko_uryad_dast_pidpriyemtsyam_biznesombudsmena&objectId=1265484.
36. **Тойтукова А. О.** Лексические инновации в русском языке начала XXI века : дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / А. О. Тойтукова. – Красноярск, 2009. – 178 с.
37. Треjder. – Режим доступу : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Треjder>.
38. У Ющенка звинуватили Бондарчука в спробі «рейдерського захоплення» партії. – Режим доступу : <http://www.pravda.com.ua/news/2013/01/26/6982300/>.
39. Українських зірок можна замовити до себе в сауну для сексу за кілька тисяч євро. – Режим доступу : <http://novost.woflort.net.ua/українських-зірок-можна-замо/>.
40. Фаріон розповіла про досягнення щодо бандеризації України. – Режим доступу : http://gazeta.ua/articles/politics/_farion-rozpovila-pro-dosyagnennya-schodo-banderizaciji-ukrajini/475453.
41. Хакер. – Режим доступу : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Хакер>.
42. Хакери зламали один із урядових сайтів США. – Режим доступу : http://www.ukrinform.ua/ukr/news/hakeri_zlamali_odin_iz_uryadovih_saytiv_ssha_1790549.
43. **Харук Є. В.** Лексичні інновації у сучасній англійській мові / Є. Харук. – Режим доступу : http://www.rusnauka.com/27_NNM_2009/Philologia/52974.doc.htm.
44. Шортлист. – Режим доступу : http://ru.wikipedia.org/wiki/Короткий_список.

Надійшла до редколегії 11.02.13

УДК 811.161.1'373.46

М. Н. Бондарчук

Национальный авиационный университет (г. Киев)

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ФРЕЙМОВОЙ МОДЕЛИ АВИАЦИОННОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

На основі вияву семантичної структури російських авіаційних термінів запропоновано методику дослідження когнітивно-концептуального змісту фреймової моделі концепту «двигун літального апарата».

Ключові слова: когнітивне термінознавство, фреймова модель, концепт, російська авіаційна терміносистема.

На основе выявления семантической структуры русских авиационных терминов предложена методика исследования когнитивно-концептуального содержания фреймовой модели концепта «двигатель летательного аппарата».

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, фреймовая модель, концепт, русская авиационная терминсистема.

In the article the groundwork of cognitive-conceptual content of frame-based model of concept «Aircraft engine» researching methods was suggested, on the basis of semantical structure of the Russian aviation terms' education.

Keywords: cognitive terminology, frame model, concept, Russian aviation term-system.

Когнитивное терминоведение, успешно развивающееся с конца 90-х годов в России и в Украине, – наиболее перспективное современное направление терминологических исследований, стремится не просто к описанию, но к объяснению фактов и явлений, связанных с полипарадигмальностью современного научного знания. Когнитивный подход в терминоведении важен «не только для изучения особенностей развития научного познания, но и для изучения путей развития человеческой культуры и цивилизации в целом» [6, с. 33].

Когнитивная сущность термина связана с особенностями структуры репрезентируемого им знания. Являясь результатом когнитивной деятельности специалиста, эта структура знания представляет собой интеграцию нескольких видов знания: знания об определённом фрагменте мира, об оперировании языковыми единицами; «каждый из видов знания, репрезентованных в термине как в языковом знаке, основан на определённом опыте взаимодействия человека с миром, причем главным оказывается профессиональный опыт и специальные знания, выработанные в определённой науке» [9, с. 139].

В результате когнитивных операций четкая языковая форма термина передаёт большой объём знаний, поэтому представление о строении и организации терминсистем следует рассматривать именно в когнитивно-дискурсивном аспекте: «Закрепив полученную человеком информацию, термин сам становится инструментом познания, поскольку даёт возможность обобщать научные факты, умножать знания и передавать их следующим поколениям» [8, с. 68]. Кроме того, термин концентрирует творческое усилие научной мысли, фиксирует определённый этап научного познания, создаёт условия для эффективной научной деятельности человека.

Проблемы когнитивного терминоведения в настоящее время исследуют многие учёные, в частности, Л. М. Алексеева, М. Н. Володина, Е. Й. Голованова, В. М. Лейчик, Л. А. Манерко, В. Ф. Новодранова, Т. И. Орёл, Т. С. Пристайко и др.

Поскольку язык с точки зрения когнитологии является одним из важнейших способов организации знания, он представляет собой систему фреймов. Аппарат фреймов, используемый в когнитивной лингвистике, позволяет выявлять когнитивные структуры в терминосистемах.

Построение когнитивных структур представлено в работах И. С. Гаврилиной, К. А. Громовой, Т. В. Дроздовой, М. Ю. Дементьевой, В. И. Заботкиной, Л. В. Ивиной, Л. С. Рудинской, посвященных исследованию англоязычной терминологии, некоторые концепты авиационной терминосистемы русского языка (**летательный аппарат, полёт летательного аппарата**) были предметом исследования в наших статьях [3].

Цель данной статьи – описать номинативное пространство авиационной терминосистемы, связанное с концептом **двигатель летательного аппарата**, используя приёмы фреймового анализа.

Понятие концепта в когнитивной лингвистике соотносится с теми смыслами, которыми оперирует человек в процессе интеллектуального освоения мира, и поэтому концепт определяется как «термин, служащий объяснению ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [7, с. 90]. В языке концепт может быть вербализован отдельными словами, словосочетаниями, предложениями и целыми текстами. Для передачи конкретного концепта достаточно значения отдельного слова.

Термин, отражая уровень познания профессионально-научного знания, сам становится инструментом познания. Исследование терминологии в когнитивном аспекте предполагает построение когнитивно-понятийных концептов профессионально-научной сферы знания, определение взаимосвязи между структурами знания в их языковом выражении. Моделирование данных концептуальных систем опирается на положение о когнитивно-дефиниционном характере терминов, позволяющем оперировать терминами как элементами научного знания [5].

В общем пространстве терминосферы авиации можно выделить несколько предельно широких по значению семантических концептов: **конструкция летательного аппарата, движение летательного аппарата, полёт летательного аппарата, двигатель летательного аппарата** и т. п.

Учитывая, что, согласно основополагающим положениям когнитивной лингвистики, концепты номинируются не в результате случайного стечения обстоятельств, а на основе представлений, складывающихся о них в процессе практической деятельности людей, наиболее адекватным подходом к исследованию значения и структуры терминов, по-видимому, следует признать метод, предлагаемый фреймовой семантикой.

Фреймовая семантика как когнитивное направление лингвистики начала изучать и обосновывать связь лингвистической и энциклопедической информации при создании номинативных единиц. «Можно сказать, – отмечает Ч. Филлмор, – что в этом отношении подход семантики фреймов к значению существенно более энциклопедичен, чем подход традиционный» [12, с. 66]. В рамках когнитивного подхода становится ясным, что значение формализуемо только посредством обращения ко всему хранящемуся в памяти комплексу знаний, которыми обладает отдельный индивид и весь языковой социум.

По мнению А. В. Баранова и Д. О. Добровольского [2], именно фреймы обладают внутренней структурой, элементы которой представлены сложной конфигурацией стратумов. В стратумах может содержаться информация различной сте-

пени сложности: от простого признака до специальных фоновых знаний или даже энциклопедических данных. Каждый стратум со своим содержанием отражает стереотипные знания об определённой сущности в мире, а не является простым перечислением её основных свойств.

Под фреймом, вслед за Ч. Филлмором, мы понимаем «набор слов, каждое из которых обозначает определённую часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого» [11, с. 49]. Структурная организация фрейма является иерархической, то есть представляет собой структуру, состоящую из узлов и отношений [7]. Фреймы, задаваемые перечислением признаков, всегда являются открытыми в том смысле, что они всегда могут быть дополнены не включёнными в первоначальное перечисление уточняющими признаками. Однако при этом фреймы обладают склонностью к сужению и фокусированию внимания на любой его части.

Представление системы фреймов как иерархически организованных конфигураций с вышестоящими и нижестоящими фреймами, а также со свойством перемещения и фокусирования внимания на определённых стратумах, создаёт основу для выявления концептуально-языковой структуры терминов, определяющей положение концептов во фреймовой структуре.

Используя метод компонентного анализа и опираясь на вышеизложенные теоретические положения, представляется возможным на основе выявления семантической структуры терминов и выборки их из авиационных словарей разработать методику построения фреймов концепта **двигатель летательного аппарата** (термины выбраны из Авиационной энциклопедии [1], Словаря авиационных терминов [4] и учебников для студентов авиационных вузов [10]).

Важным этапом построения фреймовой структуры является выявление центральной части концепта, её основных составляющих. Проанализировав концептуальное содержание фрагмента авиационной терминосистемы, объединённого общим семантическим компонентом *двигатель летательного аппарата* (в дальнейшем для краткости используем термин *двигатель*, опуская вторую часть – *летательный аппарат*, мотивируя тем, что авиационная терминология не может функционировать без летательного аппарата), мы выделили центральную часть терминологического концепта (суперконцепт) – *воздушно-реактивные двигатели*, а также его основные (опорные) составляющие, которыми являются субконцепты *газотурбинные (компрессорные) двигатели* и *бескомпрессорные двигатели*.

Разнообразие типов летательных аппаратов и требований, предъявляемых к их силовым установкам, привели к большому количеству типов и модификаций *воздушно-реактивных двигателей*. Выделенные нами основные терминологические когнитивно-понятийные субконцепты являются базовыми данной фреймовой структуры, они обусловлены общим концептуальным значением – *способом сжатия атмосферного воздуха, от которого зависит перемещение летательного аппарата*. Опираясь на данное положение, мы попытались классифицировать номинативные единицы данного концепта.

При выделении понятийных стратумов и отнесении номинативной единицы к какому-либо из них использовался семантико-логический критерий, основанный на определении общего семантического компонента, который выражает понятие в наиболее общей, абстрактной и нейтральной форме и входит в семантический смысл определяемого термина. Такой общий семантический компонент выделяется с помощью компонентного анализа, предполагающего разложение значения слова на семантические компоненты (семи).

Анализ составляющих нижний уровень терминологических когнитивно-понятийных субконцептов показал, что термин *двигатель* выступает индентифи-

катором, об'єднуючим когнітивно-понятійні термінологічні стратуми, в складних номінаціях яких він виконує роль структурно-семантичного центру – домінанти, являясь виразителем гіперсеми, а також виконуючи роль гіпероніма. Стратуми включають уточнюючі дифференціальні або гіпонімічні семантики, виражені експліцитно.

При дослідженні номінацій, об'єднаних домінантою-гіперонімом 'двигатель', ми можемо спостерігати термінологічні стратуми другого порядку, включаючи уточнюючі дифференціальні або гіпонімічні семантики:

'форма двигателя' (звездобразный двигатель, винтовой двигатель, орбейный двигатель, Х-образный двигатель, Y-образный двигатель, H-образный двигатель, V-образный двигатель, W-образный двигатель);

'размер двигателя' (малогабаритный двигатель, полноразмерный двигатель);

'назначение двигателя' (самолётный двигатель, вертолётный двигатель, двигатель двойного назначения, двигатель аварийного спасения капсулы, двигатель сопровождения);

'тип двигателя' (ротативный двигатель, прямоточный двигатель, поршневого двигателя);

'функциональность двигателя' (нульсирующий двигатель, ориентируемый двигатель, управляющий двигатель, разрешённый к лётной эксплуатации);

'надёжность двигателя' (двигатель с большим сроком службы, двигатель с малым сроком службы, двигатель с большой степенью надёжности, малоресурсный двигатель);

'двигатель этапов полёта' (двигатель пуска, двигатель старта, двигатель подъёма, двигатель полёта);

'экономичность двигателя' (двигатель экономичный в эксплуатации, двигатель с высоким к.п.д.);

'модификация двигателя' (модифицированный двигатель, рекомбинационный двигатель);

'трансформация двигателя' (поворотный реактивный двигатель);

'испытание двигателя' (двигатель испытания, проходящий лётные испытания двигателя);

'особенности охлаждения двигателя' (неохлаждаемый двигатель, двигатель водяного охлаждения, двигатель воздушного охлаждения, двигатель жидкостного охлаждения, двигатель с предварительным охлаждением, двигатель с вентиляторным охлаждением, двигатель с испарительным охлаждением).

Аналізуючи понятійну, семантичну структуру когнітивно-понятійних термінологічних стратумів другого порядку, спостерігаємо, що вони, в свою чергу, піднімаються вгору по ієрархічній сходах, стаючи опірними для стратумів третього порядку, і знову поділяються на понятійні термінологічні стратуми четвертого порядку.

Дифференціальні семантики при цьому процесі природно стають для них гіперонімічними, і тоді в понятійному стратумі *месторасположение* гіперонімом 'месторасположение двигателя' включає номінації, об'єднані гіпонімічними семантиками:

'место двигателя в конструкции летательного аппарата' (крыльевой двигатель, хвостовой двигатель, подкрыльный двигатель, фюзеляжный двигатель, хвостовой двигатель, рулевой двигатель, двигатель реактивного винта, двигатель стеклоочистителя, верхнеклапанный двигатель);

'место двигателя по отношению к фюзеляжу' (передний двигатель, боковой двигатель, центральный двигатель, горизонтально расположенный двигатель, внешний двигатель, двигатель, подвешенный под фюзеляжем);

‘**месторасположение внутри**’ (*внутрифюзеляжный двигатель, внутрикрыльевой двигатель, утопленный двигатель, двигатель в гондоле, двигатель в крыле*);

‘**особенности расположения**’ (*перевернутый двигатель, наклонно установленный двигатель*);

В понятийном стратуме четвертого порядка ‘**конструкция двигателя**’ гипероним ‘**конструкция**’ объединяет номинации понятийного стратума, в котором также можно выделить дополнительные, уточняющие дифференциальные семы в стратумах пятого порядка:

‘**количество камер в конструкции**’ (*трёхкамерный двигатель, четырёхкамерный двигатель*);

‘**количество цилиндров конструкции**’ (*одноцилиндровый двигатель, многоцилиндровый двигатель*);

‘**расположение цилиндров**’ (*двигатель с радиально расположенными цилиндрами, двигатель с крестообразным расположением цилиндров, двигатель с перевернутыми цилиндрами*);

‘**наличие дополнительной детали в конструкции**’ (*двигатель с толкающим винтом, двигатель с поворотными соплами, двигатель с турбокомпрессором, двигатель с форсажной камерой, двигатель с клапанным механизмом, двигатель с поворотной подвеской*);

‘**отсутствие дополнительной детали в конструкции**’ (*двигатель без форсажа, двигатель без нагнетателя, бесклапанный двигатель, бесфорсажный двигатель*).

Такое же явление наблюдается и в понятийном стратуме *характеристика двигателя*: гипероним ‘**характеристика двигателя**’ включает номинации, объединённые дифференциальными гипонимическими семами:

‘**характеристика скорости двигателя**’ (*многоскоростной двигатель, сверхзвуковой двигатель*);

‘**характеристика топлива двигателя**’ (*двигатель на твёрдом топливе, двигатель на химическом топливе, бензиновый двигатель*);

‘**характеристика мощности двигателя**’ (*мощный двигатель, сверхмощный двигатель, низкооборотный двигатель, двигатель с высокой удельной тягой, двигатель с большой тягой, двигатель с регулируемой тягой*).

В данных когнитивно-понятийных стратумах чётко прослеживаются терминосочетания, находящиеся в гиперо-гипонимических отношениях, а также в отношениях **градации** (*дозвуковой двигатель, околзвучковой двигатель, сверхзвуковой двигатель, гиперзвуковой двигатель; мощный двигатель, сверхмощный двигатель, однорядный звёздообразный двигатель, двухрядный звёздообразный двигатель, многорядный звёздообразный двигатель*).

Антонимичные термины создаются или за счет структуры (употребление предлогов **С** (наличие) и **БЕЗ** (отсутствие): (*двигатель с наддувом* ≠ *двигатель без наддува*) или за счет антонимичных прилагательных и наречий (*двигатель левого вращения* ≠ *двигатель правого вращения*, *двигатель с большим ресурсом* ≠ *двигатель с малым ресурсом*, *двигатель уменьшенной мощности* ≠ *двигатель увеличенной мощности*, *двигатель с вертикально расположенными цилиндрами* ≠ *двигатель с горизонтально расположенными цилиндрами*).

Итак, в номинативном пространстве авиационной терминосистемы можно выявить межфреймовые связи, о наличии которых свидетельствуют общие вершинные узлы (инварианты) фреймов: 1) *форма*, 2) *размер*, 3) *назначение*, 4) *тип*, 5) *функциональность*, 6) *надёжность*, 7) *этапы полётов*, 8) *экономичность*,

9) модифікація, 10) трансформація, 11) испытание, 12) особенности охлаждения, 13) конструкция, 14) характеристика двигателя.

Как видим, с возникновением когнитивного терминоведения стало возможным новейшее представление о строении и организации терминосистем, об основополагающих признаках термина, позволяющих показать его сущность как с когнитивной, так и с коммуникативной точек зрения.

По аналогии с проведенным исследованием основного терминологического субконцепта **двигатель летательного аппарата** можно проанализировать такие субконцепты, как **шасси летательного аппарата**, **крыло летательного аппарата** и т. д.

Таким образом, использование когнитивного подхода при исследовании номинативного пространства авиационной терминосистемы позволило с достаточной полнотой реконструировать фреймовую модель концепта **двигатель летательного аппарата**. Данная модель представляет собой гиперогипонимическую иерархическую систему, в которой, как и в других концептах исследуемой терминосистемы, вершинные уровни фрейма зафиксированы и представлены опорными концептами, узлы нижних уровней (субконцепты, терминологические стратумы) содержат информацию, которая дополняет и уточняет опорные концепты. Опорные концепты, в свою очередь, представляют собой весьма сложно структурированные фреймы второго и третьего порядка, заполненные собственными субконцептами, терминологическими стратумами, дополняющими и уточняющими информацию вышенаходящихся субконцептов. Так соотносённые фреймы объединяются в системы и связываются межфреймовыми отношениями.

В данной фреймовой модели между терминоточетаниями чётко прослеживаются не только гиперогипонимические, но и парадигматические отношения: градация и антонимия.

Предложенная методика исследования одного из основных концептов авиационной терминосистемы даёт возможность проводить подобные перспективные исследования когнитивно-концептуального содержания других широких по значению концептов не только применительно к авиационной терминосистеме, но и для других отраслевых терминосистем, что очень важно для расшифровки, десемантизации терминов и для уточнения их дефиниций, а также исследование создаёт базу для терминологической лексикографии.

Библіографічні посилання

1. **Авиация: Энциклопедия** / гл. ред. Г. П. Свищев. – М. : Большая Рос. энциклопедия, 1994. – 736 с.
2. **Баранов А. Н.** Концептуальная модель значения идиомы / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Когнитивные аспекты лексики. – Тверь : ТГУ, 1991. – С. 20–37.
3. **Бондарчук М. Н.** Когнитивный подход к исследованию авиационной терминосистемы / М. Н. Бондарчук // Система і структура східнослов'янських мов : зб. наук. праць. – К. : Знання України, 2005. – С. 156–161.
4. **Боргест Н. М.** Краткий словарь авиационных терминов / Н. М. Боргест, А. И. Данилин, В. А. Комаров / под ред. В. А. Комарова. – М. : Изд-во МАИ, 1992. – 210 с.
5. **Володина М. Н.** Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) / М. Н. Володина. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 128 с.
6. **Гринёв С. В.** Терминоведение на пороге третьего тысячелетия / С. В. Гринёв // Научно-техническая терминология : научно-техн. реф. сб. – Вып. 1. – 2000. – С. 31–34.
7. **Краткий словарь когнитивных терминов** / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лизина // под общей ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – 248 с.

8. **Новодранова В. Ф.** Когнитивные науки и терминология / В. Ф. Новодранова // Научно-техническая терминология : научно-техн. реф. сб. – 2000. – Вып. 2. – С. 68–70.
9. **Новодранова В. Ф.** Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей (LSP) / В. Ф. Новодранова // Когнитивная лингвистика : новые проблемы познания : сб. науч. тр. – М. : Рязань, 2007. – Вып. 5. – С. 136–140.
10. **Теория авиационных газотурбинных двигателей** : учебник / Волянская Л. Г., Кулик Н. С., Панин В. В. и др. – К. : Книжное изд-во НАУ, 2005. – 500 с.
11. **Филлмор Ч. Дж.** Об организации семантической информации в словаре / Ч. Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 14. – М. : Прогресс, 1983. – С. 23–60.
12. **Филлмор Ч. Дж.** Фреймы и семантика понимания / Ч. Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 52–93.

Надійшла до редколегії 26.12.12

УДК 811.161.1'38

Н. А. Гайдук

Мариупольский государственный университет

ОБРАЗНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ТРАКТОВКИ И ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА

Розглянуто поняття образності та образних засобів мовлення з позиції лінгвістики, подано класифікацію основних видів образних засобів, а також визначено роль образності у формуванні мовної картини світу.

Ключові слова: образність мовлення, троп, художній образ, внутрішня форма слова, лексичне значення, мовна картина світу.

Рассмотрены понятия образности и образных средств речи с точки зрения лингвистики, дана классификация основных видов образных средств, а также определена роль образности в формировании языковой картины мира.

Ключевые слова: образность речи, троп, художественный образ, внутренняя форма слова, лексическое значение, языковая картина мира.

This article discusses the concept of imagery and imagery speech funds from the point of view of linguistics, classification is given of the main types of imagery funds speech, and also defined the role of imagery in the formation of the language picture of the world.

Keywords: the imagery of speech, trails, artistic image, the inner form of the word, the lexical meaning, language picture of the world.

Образность – это сложная и многозначная категория стилистики, лингвистики, литературоведения, психологии, философии, культуристики, фольклористики, имеющая различные интерпретации в связи с разнообразным осмыслением понятия и термина *образ*. Слова «*образность*», «*образный*» имеют несколько трактовок, особенно, если употребляются вместе с понятиями «*поэтический*», «*творческий*», «*художественный*». По определению А. Ф. Лосева, в таких случаях «*образ* получает с трудом формулируемую массу семантических оттенков и становится по-разному семантически нагруженным» [8, с. 175].

Образность в широком смысле этого слова – это живость, наглядность, красочность изображения как неотъемлемый признак любого вида искусства, форма

осознания окружающей действительности с позиций некоего эстетического идеала. Частное ее проявление есть образность речи.

Целью данной статьи является рассмотрение понятий образности и образности речи, анализ основных подходов к понятиям, а также определение связи между трактовкой понятия и аспектом изучения и описания образных средств языка. При этом будут решаться следующие проблемы: трактовка понятия «образность» в лингвистике и смежных науках, анализ основных подходов к категории образности в современной лингвистике, в том числе и изменение подхода к образности в связи с выдвиганием на первый план образа как категории когнитивной лингвистики. Теоретическая значимость работы состоит в более детальной разработке понятия образности речи, в разграничении таких базовых понятий, как образ, образные средства и образность, полученные результаты практически связаны с дальнейшим использованием их в учебно-преподавательской деятельности, для составления методических пособий и рекомендаций.

Стилистика рассматривает образность речи как особую стилевую черту, получающую наиболее полное выражение в языке художественной литературы. По определению Ирины Голуб, «попадая в художественный контекст, слово включается в сложную образную систему произведения и неизменно выполняет эстетическую функцию» [4, с. 271].

Более узкое понимание образности речи основано на использовании слов в переносном значении, с измененной семантикой. При этом слова, получающие образное значение, в художественном контексте в какой-то степени теряют свою номинативную функцию и приобретают яркую экспрессивную окраску. Изучение образного значения слова в этом смысле направлено на исследование лексических приемов, придающих речи эстетико-художественное значение. Дело усложняется тем, что, как замечает Д. Б. Ольховиков, «производное слово-термин «образность» находится в сложных отношениях синонимии с рядом близких по значению семантико-стилистических категорий: «выразительность», «экспрессивность», «метафоричность» (в широком смысле слова), в работах некоторых авторов – «символичность» и «поэтичность» (к примеру, у А. А. Потебни)» [9, с. 341].

Стилистика, главным образом, рассматривает образные средства с точки зрения возможности их употребления в том или ином контексте, в использовании образности в текстах различных стилевых жанров: художественном, научном, публицистическом и т. д.

Рассматривая образность с учетом различных к ней подходов, выделяем образность *тропеическую*, основанную на употреблении слов и выражений в переносном значении, сопоставимую с понятием металогии, и *нетропеическую* образность, сопоставимую с понятием автологии [4, с. 280]. Под нетропеической образностью понимается ее соответствие авторскому эстетическому заданию, тропеическая образность и понятие художественного образа рассматривается в литературоведении гораздо шире, под образом там понимается категория эстетики, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности, о чем подробнее будет сказано ниже.

Нетропеическая образность не обязательно связана с изобразительностью; она может быть обусловлена лишь соответствием речевой единицы авторскому эстетическому заданию, его художественной мотивированностью, целенаправленностью в составе целого произведения, что свойственно любой речевой единице художественного текста. Нетропеическую образность такого рода можно, вслед за А. М. Пешковским, В. Д. Левиным, Д. Н. Шмелевым и другими, назвать общей образностью.

Основа теории образа в литературоведении берет свое начало в античности, более развернутое понятие дается в немецкой классической эстетике, в частности, у Гегеля. По Гегелю, художественный образ – это результат идеализации определенного явления. В литературоведении понятие «художественный образ» – одно из ключевых понятий, особенно в тех направлениях литературоведения, которые исходят в своей основе из эстетической природы искусства.

Несомненно, в теории образа бытуют положения, которые нуждаются в уточнении, конкретизации, согласовании с результатами художественного восприятия, однако, тем не менее воспроизведение любого предмета, явления в его целостности есть образ. Именно поэтому к образам относят тропы, а также родственные им стилистические приемы, и понимают под образностью речи ее насыщенность теми или иными тропами, так называемыми «фигурами переосмысления». Тропы привносят в описание предметов неожиданные, часто трудно совместимые друг с другом в обыкновенном описании предмета ассоциации.

Требует уточнения положение относительно отождествления или смешения разных уровней структуры произведения – его предметного мира и речи. Роль тропов в создании образов произведения огромна, однако сами они не входят в его предметный мир, оставаясь при этом вспомогательными. Таким образом, литературоведение рассматривает тропику как одно из основных средств создания мира литературного произведения, при этом четко разграничивая речевую образность с внутренними образами произведения.

Однако, если в литературоведении при описании понятия «образ», «образность», мы оперируем термином «троп», то в стилистике – термином «внутренняя образность» слова или словосочетания. В языкознании мы рассматриваем понятия «внутренняя форма слова», «лексическое значение слова», «переносное значение слова». Внутренняя форма слова есть семантическая и структурная соотношенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка, способная возникать в представлении говорящих. Внутренняя форма указывает на причину того, почему данное конкретное значение выражено тем или иным и никаким другим сочетанием звуков.

Внутреннюю форму слова также рассматривают как основной признак, положенный в основу номинации при образовании лексического значения слова. При этом признак, положенный в основу номинации, может быть не столько существенным, сколько ярким, «бросаться в глаза». Этим объясняется тот факт, что в различных языках одно и то же явление может быть названо на основе различных признаков называемого предмета.

Учение о внутренней форме слова в первую очередь связано с именами В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни. Как известно, А. А. Потебня внутренней формой слова называл «отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [11, с. 98]. По В. фон Гумбольдту, внутренняя форма языка – система понятий, отражающая особенности мировоззрения носителей определенного языка и закрепленная внешней формой языка.

Одним из ключевых вопросов теории номинации является вопрос соотношения лексического значения слова и внутренней формы слова. Лексическое значение – соотношенность звуковой оболочки слова с соответствующими предметами или явлениями объективной действительности или просто то, что слово обозначает. Лексическое значение включает в себя не всю совокупность признаков, присущих предмету, явлению, а только лишь наиболее существенные. При этом выделяются признаки, по которым определенный предмет выделяется из ряда однородных, а

также устанавливаються различия между данным рядом и другими рядами предметов, явлений, действий и т. д.

Так, известно, что не все слова могут иметь одно лексическое значение; каждое из значений многозначного слова определяется только в контексте. Значение, производное от основного лексического значения слова, относящееся к нему метонимически, метафорически или ассоциативно, посредством пространственной, временной или других зависимостей, называется переносным, или производным.

Переносное значение может становиться главным и наоборот. Такие изменения в семантической структуре слова могут быть обусловлены эмоционально-оценочными, ассоциативными и другими факторами воздействия. Именно в переносных значениях слова и прослеживаем образность, связь образов с внутренней формой слова, что является основным аспектом изучения образности речи лингвистикой.

Понятие образности и образа рассматривается также в новых научных направлениях – в когнитивной психологии и когнитивной лингвистике. Когнитивизм, как новое направление психологической науки, возник в середине XX века. Предметом когнитивизма стала организация и функционирование внутренних мыслительных процессов человека. В когнитивной психологии, по определению Р. Солсо, образ понимается как «репрезентация в уме не присутствующего объекта или события» [12, с. 252]. А основной задачей образа является сохранение в памяти событий и явлений реальности в виде некоторой «картинки в голове», «проекции сцен из реального мира».

Подобное представление об образе восходит к идеям структурализма, где образ рассматривается как психическая репрезентация сенсорного опыта, представленная в сознании как память об этом опыте. Однако в когнитивной психологии образ не определяется как копия, слепок с действительности, поскольку представляет собой синтез, конструкцию отдельных элементов действительности, объединение которых в реальном мире может быть невозможным (например, *единорог, едущий на мотоцикле*).

В системе когнитивных характеристик процесса переработки информации категория образа раскрывается в контексте понятий «мысленные образы» и «распознавание образов». Основной характеристикой мысленных образов (ментальных репрезентаций) является способность индивида формировать образ «когнитивной карты». Авторы, представляющие когнитивное направление, рассматривают образы как ментальные репрезентации реальности, функционально эквивалентные объектам внешнего мира. Главной задачей образов при этом выступает кодирование конкретной информации для хранения ее в структуре памяти, что выступает связующим звеном между пространством внутренней реальности и реальным миром, то есть когнитивный образ – это субъективная репрезентация предмета с набором признаков, который избыточен для построения конкретного действия.

Когнитивная лингвистика – наука еще более молодая, нежели когнитивная психология, и возникшая на основе последней, находится на современном этапе в процессе постоянного развития. В когнитивной лингвистике понятие образа непосредственно связано с понятием «языковой картины мира».

Понятие «картина мира» относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человеческого бытия. Существует столько картин мира, сколько имеется способов мировидения. Языковая картина мира не стоит в ряду специальных картин мира, она им предшествует, поскольку невозможно понимать мир, не зная языка. Таким образом, языковая картина мира формирует в человеческом сознании представление об окружающей его действительности.

Именно языковая картина мира считается наиболее устойчивой, потому изучение языковой картины мира становится наиболее значимым для всех сфер знания.

Когнитивная лингвистика рассматривает картину мира как целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром. Познавая мир, человек составляет свое представление о мире, т. е. в его сознании возникает определенная «модель мира» и, в том числе, «языковая модель мира». Если мир – это взаимодействие человека с окружающей его действительностью, то картина мира – это результат переработки информации о человеке и окружающей его действительности. Все явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутренних образов, это так называемое «смысловое поле», «система значений», то есть картина мира – это система образов, в том числе и тех, которые находят свое воплощение в языке.

Выдвижение на первый план образа как категории когнитивной лингвистики изменяет вектор лингвистических исследований: возрождает интерес к паремологии, прецедентным феноменам, языковой игре и т. п., то есть понятие образности приобретает с развитием когнитивных наук новые грани. Кроме того, в художественном творчестве возникают новые образы, новые средства их выражения, что позволяет уточнить классификацию образных средств, хотя, несомненно, основой является их традиционная классификация.

Традиционно к основным видам тропов относят метафору, метонимию и синекдоху с их подвидами. Но наряду с этим к тропам также причисляют и ряд оборотов, где основное значение слова не сдвигается, а обогащается путем раскрытия в них новых, дополнительных «созначений», поэтому во многих случаях теоретики колеблются: к тропам отнести тот или иной оборот, либо же к фигурам. Однако, оставляя в стороне данные разногласия, рассмотрим следующие основные виды тропов на примерах из произведений Т. Толстой и В. Пелевина.

Метафора – употребление слова в переносном значении. «*Поплыли разноцветные домики*», «*реденькие и жиденькие звезды*» [10, с. 28].

Метонимия – замена одного названия предмета другим на основе их смежности. «*И злые доспехи ползут на берег, точат свой кинжал*» [14, с. 18].

Синекдоха – троп, основанный на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного соотношения между ними; считается разновидностью метонимии. «*А ты, оказывается, голова*» [10, с. 67].

Эпитет – образное определение какого-либо предмета или действия, влияющее на выразительность определяемого слова. «*Тонкая голубая плёнка неба*», «*бездонная чернота космоса*», «*бархатная тьма*», «*загадочный и неземной свет*» [10, с. 4].

Сравнение – раскрытие значения слова путем сопоставления его с другим по какому-либо общему признаку. «*Хороша девушка: глаза темные, коса русая, щеки – как вечерняя заря, когда к завтрему ветра ожидаем, – так и светятся. Брови – дугой, али, как теперь велено будет звать, коромыслом...*» [13, с. 9]; «*Росту Никита Иваныч небольшого, телом щуплый, бороденка паршивая, глазки махонькие, как у курицы, а на голове волосиц – ужастии*» [13, с. 10].

Перифраза – описательный оборот, употребляемый вместо какого-либо слова, словосочетания. Общеязыковые перифразы получают устойчивый характер, фразеологизируются или находятся на пути к фразеологизации. «*Обошелся посредством носового платка...*» [13, с. 33]. В данном случае перифраз выступает как средство эвфемизации.

Гипербола – преувеличение, доведенное до «невозможности». «И как завидишь издали родные горники на плетне, так слеза и брызнет. Вот не дать соврать, на аршин брызгает! Право!..» [13, с. 2].

Литота – обратный гиперболе образный прием, основанный на чрезмерном преуменьшении признаков предмета. «Муравей, ставший после смерти двумя тончайшими лепёшечками» [10, с. 56].

Антонимазия – троп, состоящий в употреблении собственного имени в качестве нарицательного, рассматривается наряду с синекдохой как разновидность метонимии. «И сколько было этих донжуанов...» [14, с. 30].

Аллегория – выражение отвлеченных понятий в конкретных художественных образах. У Т. Толстой аллегория прослеживается в самом названии романа «Кысь». Это есть аллегорическое обозначение Руси [13, с. 1].

Олицетворение – наделение неодушевленных предметов свойствами и признаками человека. Особым видом олицетворения является персонификация – полное уподобление неживого предмета человеку. «Линолеум тихо, но неприятно завизжал» [10, с. 66].

Ирония – выражение в словах противоположного их значению смысла, употребление слов в отрицательном смысле, прямо противоположном буквальному. Ирония создает ощущение, что обсуждаемый предмет не таков, как кажется. «Нет, кое-кто, конечно, трудится. Наши бизнесмены... фермеры (у, паразит, развел свиней под самым носом...), врачи (знаем! им только взятки брать да коньяк трескать!), банкиры (нахапает денег и бежать), ученые (от них просто трясет, не знаю почему, но, право, трясет!)» [14, с. 29]. Последнее высказывание выводит понятие «образность» за рамки слова, вставные конструкции содержат эмоционально-экспрессивные составляющие, которые как бы передают иную, отличную от авторской, точку зрения, и расцвечивают описание неожиданными образами.

Итак, лингвистический образ представляет собой абстрактное понятие, которое находит реальное воплощение в языке и речи, а точнее, восходит к речевой образности. Материальную основу лингвистического образа формируют языковые единицы различных уровней. В качестве минимальной единицы языка, способной передавать образ, традиционно рассматривается слово. Ниже уровня быть не может, поскольку в создание образа всегда включены процессы семантического характера. Однако перспективным представляется исследование образности речи на уровне выше лексического – на уровне словосочетания, предложения, сверхфразового единства.

Становление новых подходов к понятиям «образность речи», «образность» в первую очередь обусловлено развитием идей современной лингвистики. С другой стороны, совершенствование научных понятий, таких как образность, невозможно без наблюдения за живой речью, так как именно изменения в речевой практике актуализируют те или иные вопросы лингвистической теории.

Библиографические ссылки

1. **Бацевич Ф. С.** Очерки по функциональной лексикологии. / Ф. С. Бацевич, Т. А. Космеда. – Львов : Свет, 1997. – 392 с.
2. **Введенская Л. А.** Русский язык и культура речи : учеб. пособие для вузов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Катаева. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 544 с.
3. **Виноградов В. В.** Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Просвещение, 1977. – С. 162–189.
4. **Голуб И. Б.** Стилистическое использование в речи многозначных слов и омонимов / И. Б. Голуб // Стилистика русского языка : учеб. пособие. – М. : Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с. – Режим доступа : <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/>.

5. **Есакова М. Н.** Когнитивные аспекты переводов художественных произведений / М. Н. Есакова // Вестник Москов. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 1. – С. 32–43.
6. **Камчатнов А. М.** А. А. Потебня и А. Ф. Лосев о внутренней форме слова / А. М. Камчатнов // Русский филологический вестник. – 1998. – № 1/2. – Режим доступа : <http://www.lingvotech.com/potebnyailose>.
7. **Латышев Л. К.** Перевод: теория, практика и методика преподавания / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. – М. : Академия, 2003. – 327 с.
8. **Лосев А. Ф.** Проблемы художественного стиля / А. Ф. Лосев. – К. : Перун, 1994. – 275 с.
9. **Ольховиков Д. Б.** «Образность» как категория филологического описания текста / Д. Б. Ольховиков // Res Linguistica. – М. : Знание, 1999. – 341 с.
10. **Пелевин В.** Омон Ра / В. Пелевин. – М. : Вагирус, 2001. – 176 с.
11. **Потебня А. А.** Слово и миф / А. А. Потебня. – М. : Наука, 1989. – 203 с.
12. **Солсо Р.** Когнитивная психология / Р. Солсо. – СПб. : Питер, 2002. – 592 с.
13. **Толстая Т. Н.** Кысь / Т. Н. Толстая. – М. : Подкова, 2000. – 136 с.
14. **Толстая Т. Н.** Двое : Разное / Т. Н. Толстая. – М. : Подкова, 2002. – 215 с.
15. **Чернец Л. В.** Образ в литературном произведении / Л. В. Чернец. – Режим доступа : <http://www.kostromka.ru/revyakin/literature/458.php>

Надійшла до редколегії 08.02.13

УДК 811.163.2'373.611

Цв. Н. Георгиева

*Институт за български език «Проф. Любомир Андрейчин»
при Българската академия на науките*

ЗА НЯКОИ НОВИ СУФИКСАЛНИ ИМЕНА ЗА ЛИЦА В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК¹

Проанализовано чоловічі родові імена осіб, утворені за допомогою чужих суфіксів у кінці ХХ і початку ХХІ ст. Ці назви розглянуто з урахуванням словотворчого форманта. Вони охарактеризовані залежно від словотворчих категорій і твірної одиниці. В якості інновації визначено не лише створення похідних слів як кінцевий результат, але і появу нових і активізацію старих словотворчих засобів. Серед імен осіб існують і деривати, які за змістом співвідносяться з атрибутивним сполученням, але в чий формальній структурі експліковано тільки один з компонентів твірної одиниці. Як найпродуктивніші визначено форманти *-ист/-онист* і *-джий(а)/-[а]джий(а)*.

Ключові слова: болгарська мова, імена осіб, словотворчий формант, суфіксація, інновація

Проанализированы мужские родовые имена лиц, образованные с помощью чужих суффиксов в конце ХХ и начале ХХІ в. Эти названия рассмотрены с учетом словообразовательного форманта. Они охарактеризованы в зависимости от словообразовательных категорий и производящей единицы. В качестве инновации определено не только создание производных слов как конечный результат, но и появление новых и активизацию старых словообразовательных средств. Среди имен лиц существуют и дериваты, которые по смыслу соотносятся с атрибутивным сочетанием, но в чьей формальной структуре эксплицирован только один из компонентов производящей единицы. Как самые продуктивные определены форманты *-ист/-онист* и *-джий(а)/-[а]джий(а)*.

Ключевые слова: болгарский язык, имена лиц, словообразовательный формант, суффиксация, инновация.

© Георгиева Цв. Н, 2013

¹ Статията е изготвена с финансовата подкрепа на Фонд «Научни изследвания» при Министерството на образованието, младежта и науката на Република България (грант ДТК 02/52/2009).

The article presents an analysis of the masculine gender names of people that were formed with foreign suffixes at the end of the XX and the beginning of the XXI century. Names are reviewed in the light of their word formation pattern. They were classified according to the word formation categories and the forming unit. Innovation is not only the creation of derivative words as an outcome, but also the appearance of new and the activation of old word formation tools. Among the names of people we can find derivatives that in the light of their meaning could be associated with attributive combination, but in their formal structure only one of the components of the forming unit is explicated. The most productive formants are *-ист/-онист* and *-джий(а)/-[а]джий(а)*.

Keywords: Bulgarian language, names of people, word formation formant, suffixation, innovations.

Растящите номинативни потребности на социума и влиянието на английския език са сред основните причини за появата на множество неологизми в българския език след 1989 г. (година преломна за политическия, икономическия и социалния живот в България). Попълването на лексикалната система става главно чрез заемането на лексеми и структурни компоненти от други езици (преди всичко от английския) и образуването на нови производни думи.

Сред дериватите особено голям е броят на съществителните имена, образувани чрез суфиксация, като немалка част от тях са имена за лица (ИЛ). Това определя интереса на някои изследователи към този тип лексеми.

Създадените неологизми в периода 1990–2003 год. са анализирани пообстойно единствено в съпоставителен план – със словашкия или с чешкия език [5; 6; 1]. В една и съща година излизат студията на Ем. Пернишка «Структурни и семантични особености на новите имена за лица в българския и чешкия език (1990–2000)» [6] и монографията на Цв. Аврамова «Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век» [1]. За разлика от Ем. Пернишка, която разпределя ИЛ в девет групи, Цв. Аврамова разглежда новите думи като проява на различни тенденции (тенденция към интернационализация, национализация, демократизация, интелектуализация, аналитизъм и прагматична тенденция). Според Ем. Пернишка най-многобройни през изследвания период са десубстантивните деятелни имена (определени като *nomina actoris* според ономазиологичната теория на М. Докулил), които най-често се образуват със суфиксите *-ист*, *-джия*, *-ец* и *-ник*. До същия извод може да се стигне и при прегледа на анализирания от Цв. Аврамова езиков материал.

И през новия век продължава словопроизводството на суфиксални ИЛ, които обаче до този момент не са били обект на самостоятелно изследване.

В настоящата статия ще бъдат анализирани част от имената за лица, които са образувани през 90-те години на миналия и първото десетилетие на новия век, а именно – съществителните имена от мъжки род, образувани с чужди суфикси.

При анализа се отчита времето на възникване на неологизмите. Въз основа на източниците, от които са ексцерпирани дериватите [7 и 8], се говори за два периода: първи – от 1990 до 2000 г., втори – от 2001 до 2010 г.

Настоящата статия си поставя за цел да определи: към кои словообразователни категории (СК)¹ принадлежат езиковите единици, кои са най-активните суфиксални форманти (СФ) през двата периода и какви иновации се наблюдават при ИЛ.

Предварителният анализ на дериватите (около 200 на брой) показва тяхната принадлежност към следните категории:

1. СК *nomina agentis*²

¹ В настоящото изследване се споделя в общи линии изложеното от Цв. Аврамова мнение относно съдържанието на словообразователните категории [1, с. 24–29].

² Приема се мнението, че отименните деятелни имена са подобни на отглаголните, тъй като изразяват активно отношение към действие, макар и неексплицитно [2; 4 и др.]. Затова двата вида съществителни, назоваващи деятели, тук се определят като деривати от СК *nomina agentis*.

Отименни nomina agentis

1.1. Група с обща словообразователна парафраза (по-нататък ГОСП) ‘някой, който действа върху нещо’, напр.: *гумаджия* < *гума*, *сноубордист* < *сноуборд*;

1.2. ГОСП ‘някой, който произвежда нещо’, напр.: *дюнерджия* < *дюнер*, *софтуерист* < *софтуер*;

1.3. ГОСП ‘някой, който участва в нещо, занимава се с нещо, практикува нещо’, напр.: *приватизатор* < *приватизация*, *телемаркетолог* < *телемаркетинг*;

1.4. ГОСП ‘някой, който прави нещо с помощта на дадено средство’, напр.: *шпагист* < *шпага*, *перкусионист* < *перкусия*;

1.5. ГОСП ‘някой, който действа (работи) някъде’, напр.: *рецепционист* < *рецепция*, *топлофикатор* < *топлофикация*;

Отглаголни nomina agentis

1.6. ГОСП ‘някой, който действа върху нещо’, напр.: *сканьор* < *сканира*, *миксатор* < *миксира*;

2. СК nomina disponentis

ГОСП ‘някой, който притежава нещо’, напр.: *облигационер* < *облигация*, *сублицензиант* < *сублиценз*;

3. СК nomina possessiva¹

ГОСП ‘някой, който е част от нещо, членува в нещо’, напр.: *синдикалист* < *синдикална организация*, *атакаджия* < (партия) «Атака»;

4. СК nomina experiencer

ГОСП ‘някой, който има склонност, изпитва чувство към нещо или изповядва, поддържа нещо’, напр.: *аудиофил* < *аудио|музика*, *антиглобалист* < *анти-глобализъм*;

5. СК nomina attributiva

ГОСП ‘някой, който е носител на нещо (качество)’, напр.: *хардкораджия* < *хардкор*, *транссексуалист* < *транссексуалност*.

В настоящата статия формантът се приема като организираща единица на изследвания езиков материал, тъй че представеният по-нататък анализ на ИЛ е структуриран по степен на продуктивност на суфиксите.

- Имена за лица със СФ **-ист/-онист**

С формант **-ист** са създадени деривати от всички посочени по-горе СК, като най-много са производните от *nomina agentis* (3 група) и *nomina experiencer*. Неологизмите са образувани по следните схеми: СО (< ПщЕ^{съществително})²+СФ, напр. *ролерист* (1.1.), *софтуерист* (1.2.), *акупунктурист* (1.3.), *шпагист* (1.4.), *телевизионист* (1.5.), *хобист* (2.), *царист* (3.), *алкайдист* (4.), *перфекционист* (5.), СО (< ПщЕ^{прилагателно+съществително})³+СФ (*синдикалист* ‘някой, който членува в *синдикална организация*’), СО (< ПщЕ^{съществително+съществително}+СФ_{-ист} (*йеховист* ‘някой, който членува в (религиозната секта) «Свидетелите на Йехова»’) и СО (< ПщЕ^{глагол}+СФ (*стъкмист* ‘някой, който *стъкмява* нещо (данни) за/пред някого’). Голяма част от дериватите имат нови, включително и чужди (най-често английски) по произход произвеждащи основи. Известно е, че между ИЛ на **-ист** и съществителните на **-изъм** съществува мотивационна връзка (*клиентелист* < *клиентелизъм*, *парапланерист* < *парапланеризъм*, *трансхуманист* < *трансхуманизъм*, *перфекционист* < *перфекционизъм*). Въз основа на словообразователните парафрази обаче се уста-

¹ Тук се придържама към мнението на Е. А. Земская за съдържанието на тази СК [5, с. 96]. Цв. Аврамова използва термина *nomina pertinentia* [1, с. 78].

² Със съкращението СО се означава словообразователната основа, а с ПщЕ – произвеждащата единица.

³ От многосъставната ПщЕ само маркираният в наклонен шрифт текст е експлициран в повърхностната структура на деривата.

нови, че в най-ново време деятелните имена на **-ист** влизат в деривационна връзка с глаголи (*лобист* < *лобира*, *стъкмист* < *стъкмява*) и със съществителни на **-инг** (*кайтсърфист* ‘някой, който практикува *кайтсърфинг*’, *скайсърфист* ‘някой, който практикува *скайсърфинг*’).

Повечето деривати с формант **-ист** са термини от различни области, като най-много неологизми назовават лица, които работят (професионално или непрофесионално) някъде (напр. *арбитражист*, *бодибордист*, *графитист*, *гольфист*, *наркоаферист*, *паркурист*, *рекламист*, *сноубордист* и др.), а също и лица, които членуват в нещо (партия, организация и под.) или са привърженици, последователи, почитатели на нещо или някого (напр. *антиглобалист*, *атакист*, *бесепист*, *мунист*, *посткомунист*, *саддамист*, *сексист*, *трансхуманист*, *трашметалист*, *фундаменталист* и др.).

През последните двадесет години дериватите със СФ **-ист** са 43% от изследваните суфиксални имена и заемат първо място по многобройност сред тях. Трябва да се отбележи, че за разлика от първия период, когато производните със СФ **-ист** отстъпват първенството на производните с **-джий(а)/-[а]джий(а)**, през втория период те са водещи, тъй като **-ист** запазва относително висока активност.

- Имена за лица със СФ **-джий(а)/-[а]джий(а)**¹

Със суфикс **-джий(а)/-[а]джий(а)**² са образувани деривати от всички СК (без отглаголните *nomina agentis*) и то по две схеми – СО (< ПщЕ_{съществително}) + СФ (*таксиджия* (1.1.), *дюнерджия* (1.2.), *брейкаджия* (1.3.), *бухалкаджия* (1.4.), *фирмаджия* (2.), *атакаджия*³ (3.), *спагетаджия* (4.), *спинаджия* (5.) и СО (< ПщЕ_{прилагателно+съществително}) + СФ (*патентаджия* ‘някой, който плаща *патентен данък*’). Най-многобройни са названията от *nomina agentis*, следвани от *nomina possessiva*, *nomina experienter*, *nomina disponentis* и *nomina attributiva*. Прави впечатление, че след 2001 г. няма създадени ИЛ от категорията *nomina disponentis*. Неологизмите принадлежат към разговорната лексика и имат за произвеждащи основи думи от домашен и чужд произход.

През последните двадесет години се активизира моделът, при който дериватите се образуват от лексоидна основа⁴ (*боп*аджия < [боп] [(НС)БОП ‘(Национална служба за) борба с организираната престъпност’], *герба*джия < [герб] (ГЕРБ ‘Граждани за европейско развитие на България’), *спина*джия < [спин] (СПИН ‘Синдром на придобитата имунна недостатъчност’) и др.).

Като специфична особеност може да се посочи съкратеният вид на ПщЕ във формалната структура на някои деривати, създадени през първия период (напр. *бензин*джия ‘някой, който работи на *бензиностанция*’, *бутер*джия ‘някой, който приготвя нещо от *бутерпесте*’, *чейнджа*джия ‘някой, който притежава *чейнджбюро*’ и др.).

Формантът **-джий(а)/-[а]джий(а)** е на второ място по активност след суфикса **-ист**. С него са образувани 38% от дериватите с чужди суфикси. През първия период производните с **-джий(а)/-[а]джий(а)** изпреварват по количество

¹ В изследването се приема, че [а] е структурен асемантичен елемент, част от суфикса.

² Образоването на производни названия за лица в повечето случаи става чрез разширения вариант на форманта.

³ Със словообразователна парафраза ‘някой, който членува в (партия) «Атака»’.

⁴ Под *лексойд* се разбира особен вид номинационна езикова единица, която е вторична по отношение на някакво графемно съчетание (тук тя се представя в скоби – [боп], [герб]); съществуват и други, напр. [бетеа], [седесе] и пр. – съответните инициални абривиатури са (НС)БОП, ГЕРБ, БТА, СДС). Лексоидът съществува обикновено само в разговорната реч като звуков комплекс със собствено ударение, има граматичен род и (понякога) форми за число и може (или е потенциално възможно) да се членува. Лексоидът има характеристика на субстантив [3].

имената със СФ **-ист** (срв.: 52 за първия период и 32 за втория). През втория период активността на форманта от турски произход значително намалява.

- Имена за лица със СФ **-ор/-[а]тор**

С формант **-ор** и вариант **-[а]тор** са образувани деривати от СК *nomina agentis* – групи 1.2., 1.3., 1.5. и 1.6. (съответно *ремиксатор* < *ремикси*, *приватизатор* < *приватизация*, *топлофикатор* < *топлофикация*, *плажор* < *плажува* и др.) и *nomina experienter* (*евроинтегратор* < *евроинтеграция*). Формантът влиза в контакт както с именни, така и с глаголни основи. Дериватите са създадени по схемите СО (< ПщЕ_{съществително}) + СФ (*презентатор* < *презентация*) и СО (< ПщЕ_{глагол}) + СФ (*миксатор* < *миксира*).

- Имена за лица със СФ **-ьор**

Новите деривати със СФ **-ьор** назовават лица според тяхната професия или временна заетост. Те са от СК *nomina agentis* (3. и 6.). Създават се по схеми СО (< ПщЕ_{съществително}) + СФ (*маркетьор* < *маркетинг*) и СО (< ПщЕ_{глагол}) + СФ (*рекетьор* < *рекета*). Иновация в българския език е образуването на производни имена със суфикс **-ьор** от ПщЕ, завършващи на **-инг** (срв. *телемаркетьор* < *телемаркетинг*, *франчайзьор* < *франчайзинг*). Имената за лица със суфикс **-ьор** са едва 3% от общия брой деривати.

- Имена за лица със СФ **-ер/-онер**

Със суфикс **-ер**, вариант **-онер**, са образувани неологизми от СК *nomina agentis* (*конфекционер* < *конфекция* (1.2.), *телевизионер* < *телевизия* (1.5.), *nomina disponentis* (*облигационер* < *облигации*) и *nomina experienter* (*рокер* < *рок* ^{музика}), *nomina attributiva* (*корупционер* < *корупция*). ИЛ са създадени по схемата СО (< ПщЕ_{съществително}) + СФ. И при някои от тези деривати (напр. *рокер*) СО формално съответства на част от произвеждащия композитум. Неологизмите са стилистично неутрални. Формантът е слабо продуктивен.

- Имена за лица със СФ **-[о]лог**

Имената с **-[о]лог** назовават лица, които са специалисти в определена област на науката. Неологизмите принадлежат към СК *nomina agentis* (3. и 6.) – напр. *антивирусолог*, *клонинголог*, *циганолог*, *телемаркетолог*; *имплантолог*. Формантът е слабо продуктивен. Въпреки това той привлича вниманието, тъй като създаването на производни с него е новост за българската словообразователна система. Традиционно ИЛ на **-[о]лог** имат за ПщЕ лексеми, завършващи на **-[о]логий(а)**, поради което се определят като производни, получени чрез парадигматична деривация. Посочените ИЛ обаче са суфиксални. Неологизмите *циганолог*, *клонинголог* и *телемаркетолог* са създадени по схема СО (< ПщЕ_{съществително}) + СФ, като последният се съотнася с име на **-инг** (*телемаркетинг*), а *клонинголог* – с отглаголно съществително на **-не** (*клонирание*). Дериватът *имплантолог* (< *имплантира*) е образуван по схема СО (< ПщЕ_{глагол}) + СФ. Неологизмът *антивирусолог* има за произвеждаща единица атрибутивно съчетание (*антивирусна защита*), от което само адекватът е експлициран в повърхностната му структура. Той е образуван по схема СО (ПщЕ_{прилагателно} + съществително) + СФ.

- Имена със СФ **-фил**

С формант **-фил** са образувани три деривата от категорията *nomina experienter* по схема СО (< ПщЕ_{съществително}) + СФ – *аудиофил* ‘някой, който обича *аудио* ^{музика}, *аудио* ^{продукти}’, *еврофил* ‘някой, който е привърженик на *евро* ^{интеграцията}’ *хомофил* ‘някой, който има предпочитания към *хомо* ^{еекеуализма}’. Дериватите са построени по нов за българската словообразователна система модел, при който във формалната си структура те съдържат в съкратен вид ПщЕ. Производните са създадени през втория период.

Към изброените до тук групи ИЛ трябва да се добавят и единични случаи на деривати, образувани с форманти: **-[o]ман** (*графитоман* < *графити*¹ от *nomina ex-regienser*); **-ант/-[u]ант** (*квалификант* < *квалификация* – от *nomina agentis* 3.; *сублицензиант* < *сублиценз* – от *nomina disponentis*; **-чик** (*разработчик* < *разработка* – от *nomina agentis* 6.; *номенклатурчик* < *номенклатура* – от *nomina possessiva*).

В заключение може да се посочи, че процесът на създаване на суфиксални мъжкородови ИЛ с чужди суфикси е по-активен през първия период. До началото на XX век най-много неологизми са образувани с формантите **-джий(а)/-[a]джий(а)** и **-ист/-онист**. През втория период настъпва промяна в активността на формантите. Продуктивността на турския по произход суфикс **-джий(а)/-[a]джий(а)** намалява, което дава възможност на форманта **-ист/-онист** да бъде водещ през първото десетилетие на новия век. Като цяло значително по-малко са дериватите със суфикси **-ор/-[a]тор** и **-ьор**, а най-малко – с **-ер/-онер**, **-[o]лог**, **-чик** и **-[o]ман**. Като новост за българската суфиксална система може да се посочи и придобиването на словообразователни възможности на формантите **-[o]лог**, **-[o]ман** (за първия период) и **-фил** (за втория период).

Прави впечатление, че новите названия са създадени основно от субстантивни основи. Значително по-малко са деадективните и девербативните деривати. Повечето неологизми формално се извеждат от еднословна ПЩЕ. Съществуват обаче и деривати, които смислово се съотнасят с *именна конструкция*, но в чиято формална структура е експлициран само един от компонентите на ПЩЕ (*антивирусолог* < *антивирусна защита* и др.). Формантите, с които се образуват такива деривати, са **-ист** и **-джий(а)/-[a]джий(а)**, **-[o]лог**. Като специфична особеност може да се посочи създаването на суфиксални ИЛ със СФ **-джий(а)/-[a]джий(а)** и **-фил**, при които в словообразуването участва *съкратена субстантивна основа* (напр. при *уейфаджия* < *уейф* *музика*, *еврофил* < *евро* *интеграция* и др.). Образоването на суфиксални деривати с пълнозначна част компонент от мотивиращ композитум е иновация за българския език. Като новост за българската словообразователна система може да се посочи още активизирането на стари словообразователни средства, както и придобиване на деривационни способности на определени форманти, както и самите нови наименования като краен резултат от иновационните процеси.

Всички тези прояви, свързани със създаването на мъжкородови ИЛ с чужди суфикси в българския език, се вписват в общата езикова картина, в която тенденцията към интернационализация е водеща.

Библиографическите ссылки

1. **Аврамова Цв.** Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век / Цв. Аврамова. – С. : Heron press. – 2003.
2. **Балтова Ю.** Сложните съществителни имена в българския книжовен език през епохата на Възраждането (Словообразователно-семантичен и функционален анализ) : дис. ... канд. филол. наук / Ю. Балтова. – С.: 1978.

¹ Думата *хериноман* не се включва в изследването, тъй като е мотивирана от *хериномания* (при направена справка в *Българския национален корпус* (<http://search.dcl.bas.bg/>) се оказва, че лексемата *хериномания* е съществувала още преди 80-те г. на XX в.). За *графитоман* (образуван през първия период) подобни сведения не бяха събрани. Пак по данни на *Българския национален корпус* лексема *графитомания* се появява в българския език едва в средата на втория период, поради което има основание *графитоман* да се приеме за образувана с формант **-[o]ман**.

3. **Георгиева Ц.** Словообразуване по инициални абривиатури (I) / Цв. Георгиева // Български език. – 2012. – № 4. – С. 29–42.
4. **Димитрова М.** Nomina agentis в книжовния български език / М. Димитрова // Известия на Института за български език. – 1962. – IX. – С. 141–210.
5. **Земская Е. А.** Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М. : URSS. – 2009.
6. **Пернишка Ем.** Някои типологични характеристики на имената за лица в книжовния български и словашки език / Ем. Пернишка // Български език. – 1993–1994. – № 5–6. – С. 437–440.
7. **Пернишка Ем.** Структурни и семантични особености на новите имена за лица в българския и чешкия език (1990 – 2000) / Ем. Пернишка // Dynamika a inovace v češtině a bulharštině (90. léta 20. století). – Pr. : Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 2003. – S. 5–18.
8. **Пернишка Ем.** Речник на новите думи и значения в българския език / Ем. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. – С. : Наука и изкуство. – 2001. – 309 с.
9. **Пернишка Ем.** Речник на новите думи в българския език (от края на ХХ и първото десетилетие на ХХІ в.) / Ем. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. – С. : Наука и изкуство. – 2010. – 515 с.

Надійшла до редколегії 27.02.13

УДК 811.161.1'371

И. А. Герасименко

*Горловский институт иностранных языков
Донбасского государственного педагогического университета*

СЛОЖНЫЕ СЛОВА С КОЛОРООСНОВАМИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Проаналізовано лінгвокультурну семантику російських складних слів з колороосновами. Описано склад, семантику та функціонування складних слів з колороосновами, які використовуються носіями російської лінгвокультури.

Ключові слова: колоратив, лінгвокультурний, російська мова, семантика.

Проанализирована лингвокультурная семантика русских сложных слов с колороосновами. Описаны состав, семантика и функционирование сложных слов с колороосновами, которые используются носителями русской лингвокультуры.

Ключевые слова: колоратив, лингвокультурный, русский язык, семантика.

This present paper deals with the examination of the cultural linguistic content of adjectival compound words with the colour nomination in Russian. The object of illustration is the quantitative correlation, semantic and functioning of these units.

Keywords: colour term, cultural linguistics, Russian language, semantics.

Носители русской лингвокультуры относительно лексический недостаток цветообозначений восполняют за счёт разных средств, в числе которых сложные слова. Несмотря на наличие исследований в отношении сложных слов с колороосновами (см., например, работы В. В. Краснянского, А. П. Василевича, М. А. Бобуновой, М. Ю. Закурдаевой и др.), изучение этой группы прилагательных сводится, в основном, к рассмотрению их значений. Поэтому *цель* данной статьи – проанализировать состав, семантику и функционирование сложных слов с колороосновами, которые используют носители русской лингвокультуры в качестве

компонентов устойчивых оборотов, народнопоэтических выражений и литературно-художественных сочетаний.

Как показывают наблюдения учёных, а также наш материал исследования, словосложение вследствие наличия широкого арсенала лексико-морфологических средств русского языка стал «продуктивным путём создания» цветообозначающей лексики [4, с. 30]. Богатые возможности лексического и словообразовательного аппарата русского языка привели к возникновению сложных слов с колороосновами, которые частично используются в составе фразем и народнопоэтических выражений, а также представлены широким списком лексем в литературно-художественных текстах. Активное пополнение состава колоративов с помощью таких адъективов связано с изменениями цветовосприятия у человека, «с его стремлением к дифференциации и детализации цветовых реляций» [7, с. 129], что может быть обусловлено превалированием понятийной (логической) формы мышления над мифической (образной) его современных носителей.

По составу и семантике анализируемые сложные слова подразделяются в русском языке на 1) двухкомпонентные структуры, состоящие из (а) колорооснов (*бело-розовый*), (б) колороосновы и выражающей тон и насыщенность основы (*тёмно-русый, светло-жёлтый*), (в) колороосновы и выражающей дополнительные качественные характеристики основы (*белошёлковый*), (г) колороосновы и выражающей элементы внешности, части тела, а также предметы основы (*черноокий*); 2) многокомпонентные сложные слова (*серо-буро-малиновый, чёрно-мутно-прозрачный*). Данные образования представлены общеупотребительными, распространёнными в языке разных жанровых систем и идиостилей, а также авторскими (оказиональными) прилагательными. Во фраземах и народнопоэтических выражениях используются общеупотребительные, закреплённые лексикографическими источниками, сложные слова с колороосновами. В языке художественной литературы задействованы, кроме общеупотребительных сложных слов, оказиональные, спорадически используемые адъективы.

Количественное соотношение сложных слов с колороосновами во фразеологии, языке фольклора и языке художественной литературы различное. Так, в составе фразем нами зафиксированы только (1) двухкомпонентные прилагательные, состоящие из колороосновы и выражающей дополнительные качественные характеристики основы (в) и из колороосновы и выражающей элементы внешности и определённую часть тела основы (г). Сложные слова (в) репрезентированы во фраземах лексемами *бел-горюч, белокаменный, белодубовый: Кто бел-горюч камень алатырь изложет, тот мой заговор переможет* [9, с. 407]; *белокаменная Москва* [6, с. 87]; *За белы руки принимали, за столы белодубовы сажали, за скатерти браные, за яства сахарные, за питья медвяные* [9, с. 426]. В данных адъективах элемент *бел-*, кроме «цветового» значения ‘белый’, наделён дополнительными смыслами ‘волшебный’, ‘праздничный’, ‘нарядный’. В свою очередь, сложные слова, состоящие из колороосновы и выражающей элементы внешности и части тела основы (г), представлены в составе устойчивых сочетаний прилагательными *черноволосый, желтоглазый, желторотый, сизокрылый, златоперстый, златорогий*. Колороосновы в данных сложных словах (в том числе и субстантивированных) буквально и иносказательно обозначают цвет реалий: *Сивая лошадь черноволосому пуце не ко двору; Желтоглазые завистливо живут* (где *желтоглазые* ‘легковые извозчики, приезжающие в Петербург на извозный промысел и делающие конкуренцию петербургским’); *желторотый птенец* ‘молодой’, ‘наивный’, ‘неопытный’; *Аврора златоперстая* (иноск., в подражание Гомеру) ‘утренняя заря’; *олень златорогий* (иноск.) ‘солнце’; *Сизокрылый, молодой! / Ты не вей, не вей гнезда / На ракитовом кусту*. За данными колороосновами

коллективное сознание закрепило сему цвета (белого, чёрного, жёлтого, золотого, сизого), а также дополнительные позитивные ('чистый', 'красивый', 'блестящий') и негативные ('коварный', 'предательский', 'наивный') созначения. Фактически сложные слова с колороосновами в составе фразем осмысливаются носителями русской лингвокультуры как лексемы, имеющие и "цветовую" семантику, и дополнительные положительные и отрицательные коннотации.

Во фразеологии не зафиксированы сложные слова, состоящие из колорооснов (а) и колороосновы и выражающей тон и насыщенность основы (б), а также многокомпонентные лексемы (2). По сути, в устойчивые сочетания не входят сложные слова, детализирующие цветовую гамму и конкретизирующие различные спектральные оттенки. Возможно, такое употребление вызвано особенностью лексического состава языка, который функционировал в период превалирования мифической (образной) формы мышления над понятийной (логической). В результате, в словах и выражениях нашли отображения не столько буквальные ("цветовые") значения, сколько сакральные, профанные, мифопоэтические представления о действительности в виде лингвокультурных образных, символических и иносказательных смыслов.

В языке устного народного творчества сложные слова с колороосновами представлены более широким списком лексем. Помимо наличия адъективов, состоящих из колороосновы и выражающей дополнительные качественные характеристики основы (в), а также колороосновы и выражающей элементы внешности и части тела основы (г), в устно-поэтической речи используются сложные слова, включающие две колороосновы (а) или колорооснову и выражающую тон и насыщенность основу (б).

К числу таких прилагательных относятся актуализирующие цвет (а) слова *бело-розовый, красно-зелёный, рудожёлтый*. Например: *Цветочки мои / Бело-розовые!* [14, с. 303]; *Ещё по полю, полю, / Красны девицы идут, / Виноградье красно-зелено моё* [10, с. 169]; *Постланы мосты да все кирпичныи, / Сыпаны пески да рудожёлтыи* [8, с. 201]. Из данного списка лексем в языке русского фольклора наиболее последовательно используется колоратив *рудожёлтый*. Данный эпитет выступает постоянным речевым актуализатором песков. Переносными значениями это и другие сложные слова (а) не наделены.

Сложные слова, обозначающие тон или насыщенность цвета (б), употребляются для выражения значения «комплексного оттеночного цвета» [5, с. 125]. В свето-цветовые лексемы (б) включены так называемые «модификаторы» (термин А. П. Василевича [7, с. 10]) типа используемых в народнопоэтической речи *тёмно-, светло-, бледно-*. В сочетании с ними семантика таких слов, как например, *тёмно-русый, тёмно-карий, светло-жёлтый, бледно-розовый*, сводится «к одному значению» [5, с. 126]. Ср.: [...] *её белое, нежное лицо, чёрные брови, карие глаза, тёмно-русые волосы вились по плечам* [11 (2), с. 537]; *Собирал себе жеребчиков тёмно-кариих, / Тёмно-кариих жеребчиков, нелегченных* [10, с. 221]; *Всё ходил да обнимал / В поле пень берёзовый. / Думал, милая моя / В кофте бледно-розовой* [14, с. 607]. В русской лингвокультуре выделенные колоративы осмысливаются как средства детализации «оттенков цветов» [4, с. 110] при описании цвета волос, масти животных, артефактов.

Сложные слова, передающие дополнительные качественные характеристики (в), отмечены в языке фольклора прилагательными *сер-горюч, бел-горюч, крут-красён, белояровый, бел-волокнист, бел-полотняный, белодубовый, белокаменный, белотканый, белошёлковый, белобархатный, чернбархатный, чернопашенный*. Например: *Как пошёл Садко к Ильмень-озеру, / Садился на бел-горюч камень / И начал играть в гуселки яровчаты* [10, с. 240]; *Я посею, я посею / Лён-*

конопель, лён-конопель, / Тонок, долог, тонок, долог, / **Бел-волокнуист, бел-волокнуист** [10, с. 97]; **Выходил на крут-красён бережок, / Раздёрнул бел-полотняный шатёр** [3, с. 185]; **Насыпал ему пшеницу белоярову** [3, с. 256]; **Сидят молодцы в белом шатре, / Во белом шатре белополотняном** [3, с. 142]; **Походил он на конюшню белодубову** [3, с. 355]; **Я займу, займу палаты белокаменны, / Только я пуцу в палаты белокаменны – / Опраксеюшку возьму всё Королевичну** [3, с. 150]; [...] **просит у царя собрать ему [...] тринадцать белотканых шатров с золотыми узорами** [11 (2), с. 214]; **Наскакало татар да много-множество, / Наметали арканы белошёлковы, / Сохватили удала добра молодца** [3, с. 258]; **Уж поставили нонче во чисто поле / Уж как бел шатёр да белобархатный** [3, с. 199]; **Приезжат тогда он во чёрной шатёр, / Во чёрной шатёр да чернобархатный** [3, с. 193]; **Да про всех-то крестьян чернопашенных** [3, с. 245]. В фольклорной традиции данные колоративы – это слова, «цветовое» значение которых осложнено определённой поэтической нагрузкой. Указанные лексемы, присутствуя в разнообразных контекстах народного творчества, используются для создания поэтических образов. Поэтому они наделены не только денотативным, но и коннотативным символическим и оценочным содержанием. Лексемы, в которых совмещён цветовой компонент с оценочным, являются типичными для языка устного народного творчества (см. об этом, например, работы А. Т. Хроленко, М. А. Бобуновой, С. В. Супряги). Некоторые из таких наиболее значимых для русской лингвокультуры единиц (*бел-горюч, белокаменный, белодубовый*) закрепились в составе устойчивых сочетаний.

В ряде случаев сложные слова содержат «цветовую» семантику элементов внешности и определённой части тела (г). К данной группе относятся адъективы (в том числе и субстантивированные) *белолицый, бело-круглолицый, белогубый, белоглазый, сероглазый, черноокий, черноглазый, чернобровый, краснощёкий, краснозобый, сизокрылый, синекрылый, сивогривый, сиволапый* и семантически близкие им соответствия. Ср.: *Ни малая, ни великая, / Личиком, личиком / Бело-круглолицая* [10, с. 151]; *А поедем мы за има теперь с угоною, / А й чтобы королевская как щенядь да белогубая / А чтобы ёна могла да намы фастати* [8, с. 664]; *Кума, спроси у сероглазого, / Меня жалеет ли* [10, с. 136]; **Чернобровый, черноглазый / У меня милёночек** [10, с. 132]; *Синички-сестрички, тётки-чечётки, / Краснозобые снегирюшки, / Щеглята-молодцы, воры-воробы!* [10, с. 174]; *Нечистый дух ударился о сырую землю и обернулся сизокрылым орлом [...]* [11 (1), с. 480]; *Царь призвал этого солдата: «Ты как, – говорит, – смел моих лучших генералов сиволапыми обозвать?!»* [11 (2), с. 480]. Выделенные сложные слова участвуют в отображении народного мировосприятия цвета в совокупности с оценочными (позитивными, негативными) компонентами (*бело-круглолицый* ‘красивый’, *сиволапый* ‘неуклюжий’, *белоглазый* ‘необычный’). Однако не всегда семантику рассматриваемых сложных слов можно однозначно описать. «Такие компоненты фольклорного слова, как парадигматичность, оценочность, иерархичность и семиотичность, определяют семантическую широту опорных слов устно-поэтического текста, из-за чего практически невозможно предельно точно и объективно истолковать смысл фольклорных наименований», – пишет относительно подобных случаев М. А. Бобунова [1, с. 19]. Показательно, что некоторые двухкомпонентные структуры, состоящие из колороосновы и выражающей элементы внешности и части тела основы (г), закрепились и в составе фразем (*белолицый, сизокрылый*).

Что касается многокомпонентных структур (2), то такие сложные слова не используются в народнопоэтической речи (как и в составе фразеологизмов). Этот

факт может свидетельствовать о том, что многокомпонентные колоративы не являются типичными средствами экспликации цвета в русском языке.

В языке художественной литературы сложные слова (а), выраженные двумя колороосновами (в том числе и с производной цветовой номинацией), представлены широким списком лексем. Большинство таких лексем является некодифицированными авторскими образованиями, с помощью которых выражаются исключительно «цветовые» (оттеночные) значения. Ср. семантику следующих адъективов в сочетаниях *красно-бронзовые волосы* (И. Бунин), *иссера-седые волосы* (Л. Андреев), *янтарно-алый осенний парк* (И. Северянин), *серебряно-красный месяц* (З. Гиппиус), *червоно-красное золото кудрей* (А. Блок), *имбирно-красный лес* (Б. Пастернак) и т. п. Наличие подобных новообразований, как справедливо считает В. Г. Кульпина, отражает «процесс постоянного развития колористических сложений» [7, с. 129]. Их появление направлено на конкретизацию цвета, детализацию оттенков цветов, что, видимо, может быть обусловлено особенностями понятийного (логического) мышления его современных носителей.

Определённые сложные слова с двумя колороосновами (а), будучи конвенционально закреплёнными, регулярно используются в разных идиостилиях. К таким общеупотребительным колоративам относятся, например, выделенные адъективы в составе синтагм *закаты медно-красные* (С. Городецкий), *иссиня-чёрные волосы* (А. Блок); *жёлто-серые веки* (А. Солженицын), *молочно-серое небо* (Л. Андреев); *янтарно-жёлтый свет солнца* (Б. Пастернак). Лексемы, состоящие из колорооснов (а), как видно из примеров, используются исключительно для описания цвета. Других сем (помимо спектральных) такие лексемы не имеют.

Для ряда сложных слов, выраженных двумя колороосновами (а), возможна мена порядка следования компонентов составных частей (*бело-розовый / розово-белый, серо-пепельный / пепельно-серый, лилово-серый / серо-лиловый, серо-свинцовый / свинцово-серый, чёрно-бурый / буро-чёрный, серо-чёрный / чёрно-серый, чёрно-белый / бело-чёрный*). Перестановка элементов в целом не влияет на семантику таких колоративов – данные слова наделены семантически близкими «цветовыми» значениями: *О тёплый, о розово-белый, / О горький миндальный цветок! / Зачем ты мой дух онемелый / Проклятой надеждой ожёг?* (З. Гиппиус) и *Когда в майский полдень проходишь под цветущими яблонями, то с них падают бело-розовые лепестки [...]* (Л. Андреев); *[...] все лица были серо-пепельные, все лица были бледные и чужие* (Л. Андреев) и *[...] чернота одежд его казалась светом среди ослеплённой позолоты, пепельно-серых лиц и высоких окон, сеявших тьму* (Л. Андреев). При мене компонентов «цветовая» семантика сохраняется в структуре значения таких колоративов.

Для некоторых сложных слов в определённом лексемном окружении приемлем лишь один вариант следования частей. Например, по отношению к существительным *фильм, снимок, изображение* может использоваться только лексема с ведущей частью *чёрно-*: *Только один он, Саша, и остался хранителем малого знания о той жизни, что прожили люди, изображённые на чёрно-белых снимках [...]* (З. Прилепин). В русском языке за моносемантическим адъективом *чёрно-белый* закрепилось значение ‘нецветной’ по отношению к узкому кругу объектов. В результате, данная лексема наделена ограниченной валентностью, выступая ключевой составляющей строго очерченного ряда слов. Напротив, его «перевёртыш» (термин В. В. Краснянского [5, с. 119]) не обладает подобными характеристиками. Сложное слово *бело-чёрный* как ‘бело-чёрный’ употребляется для описания цвета разных реалий: *[...] беспорядочно теснились, становились на дыбы и*

громоздились друг на друга снеговые **бело-чёрные облака** над лесною прогалиной (Б. Пастернак). Поэтому данный колоратив носители русской лингвокультуры вводят в сочетания с неограниченным составом лексем, как, собственно, и большинство состоящих из колорооснов слов (а), которые, к тому же, при мене порядка следования компонентов сохраняют идентичную семантику. Ср. [...] **лица были серо-пепельные** [...] (Л. Андреев) и [...] **чернота одежд его казалась светом** [...] **пепельно-серых лиц** [...] (Л. Андреев) в упомянутых выше примерах.

Общеупотребительные и индивидуально-авторские сложные слова (а), образованные с помощью аффиксации первого компонента структуры (например, -о в *багряно-*, *буро-*; -е в *сине-*; -оват + -о в *зеленовато-*, *желтовато-* и под.) используются для описания как двух цветов (*ткань в чёрно-красный ромбик* у Пресняковых), так и одного – среднего между двумя обозначенными (*серо-голубые глаза* у Л. Улицкой). Во втором случае спектральная семантика разных колорооснов «накладывается друг на друга» [5, с. 124].

Лексемы, состоящие из колороосновы и оттеночной основы (б), представлены в языке художественной литературы широким, по сравнению с народнопоэтическим, списком единиц. В такие сложные слова, помимо колороосновы, входят модификаторы. Среди них – используемые не только в литературно-художественных, но и в фольклорных текстах элементы *тёмно-*, *светло-*, *бледно-*. В художественной речи употребляются и другие составляющие. Например, препозитивные *тускло-*, *блекло-*, *ярко-*, *мутно-*, *смутно-*, *прозрачно-*, *сумеречно-*, *дымчато-*, *дымно-*, *табачно-*, *хмуро-*, *сахарно-*, *берёзово-*, *лунно-*, *нежно-*, *свеже-*, *ослепительно-*, *густо-*, *грязно-*, *туманно-*, *драгоценно-*, *матово-*, *калено-*, *огненно-*, *пламенно-*, *жарко-*, *жгуче-*, *разгорячённо-*, *равнодушно-*, *непросветно-*, *молочно-*, *мучнисто-*, *немошно-*, *болезненно-*, *мертвенно-*, *трупно-*, *воспалённо-*, *дегтярно-*, *бычино-*, *жуково-*, *углисто-*, *чернозёмно-*, *чугунно-* и постпозитивные *-тёмный*, *-светлый*, *-бледный*, *-яркий*, *-сумеречный*, *-мглистый*, *-чистый*, *-пламенный*, *-дымчатый*, *-дымный*, *-огненный*, *-пёстрый*, *-радужный*, *-блещущий*. Из этого списка к «стандартизированным световым основам в первой части» [5, с. 128] принадлежат элементы *тёмно-*, *светло-*, *бледно-*, *ярко-*, *огненно-*, *пламенно-*, *дымчато-*, *густо-*, *туманно-*, реализованные в составе кодифицированных [12; 13] слов типа *тёмно-русый*, *светло-жёлтый*, *бледно-голубой*, *ярко-белый*, *огненно-красный*, *пламенно-рыжий*, *прозрачно-зелёный*, *дымчато-серый*, *густо-голубой*, *туманно-золотистый* и под. К кодифицированным основам во второй части сложных слов (б) относятся *-тёмный*, *-светлый*, *-бледный*, *-яркий*, *-огненный*, *-пёстрый*, *-радужный*. В сочетании с перечисленными модификаторами колороосновы (в том числе и с производной цветовой номинацией) актуализируют конкретизированные спектральные признаки, выражают «градуальные» и «светлотные» оттенки (термины В. К. Харченко [12, с. 4, 5]). Ср. семантику некоторых из них в выражениях *тёмно-розовое лицо* (Л. Улицкая), *светло-жёлтая полоска света* (М. Шолохов), *ярко-лиловое небо* (З. Гиппиус); *огненно-белое солнце* (Л. Андреев). Из рассматриваемого списка сложных слов только адъективы *тёмно-русый*, *светло-жёлтый*, *бледно-розовый* употребляются в народнопоэтической речи. Объём таких, конкретизирующих цветовые оттенки, лексем свидетельствует о нетипичности их употребления в языке фольклора.

Некоторые оттеночные «модификаторы» (б) в художественной речи (*тускло-*, *блекло-*, *грязно-*) принадлежат к числу регулярно используемых только в сочетании с определёнными колороосновами. Речь идёт о словах *тускло-сизый*, *тускло-голубой*, *тускло-багровый*, *блекло-голубой*, *блекло-золотистый*, *блекло-*

зелёный, грязно-серый, грязно-красный, грязно-жёлтый, грязно-бурый, грязно-седой, грязно-соловый. Например: *тускло-голубая даль* (Вяч. Иванов), *блекло-голубые глаза* (А. Солженицын), *грязно-соловая лошадь* (И. Бунин). В ряде случаев такие, обозначающие тон и насыщенность цвета кодифицированные компоненты входят в состав окказиональных сложных слов. Это редко используемые в художественной речи (1–2 примера в нашей картотеке) лексемы *тёмно-рудой, голубовато-тёмный, бледно-восковой, густо-синий, густо-рыжий, сине-пламенный, зеленопламенный*. Ср. семантику некоторых слов в следующих сочетаниях: *бледно-восковое лицо* (Л. Улицкая), *дымчато-белое облако* (М. Шолохов), *сине-пламенное море* (З. Гиппиус), *зеленопламенный цветок* (З. Гиппиус). Как видно из примеров, носители русской лингвокультуры с помощью колороосновы обозначают цвет, а сочетающийся с ней элемент используют для конкретизации и уточнения цветового признака, оттенка или качества цвета.

К числу окказиональных для языка художественной литературы оттеночных модификаторов (б) относятся части *жгуче-, ослепительно-, жарко-, хмуро-, табачно-, калёно-, бычино-, трупно-, немоцно-, воспалённо-, берёзово-, лунно-, мраморно-, жидко-, разгорячённо-, равнодушно-, неприродно- непросветно-, сумеречно-, дегтярно-, смутно-, чугунно-, улисто-, туманно-, чернозёмно-, драгоценно-, -дымчатый, -дымный, -сумрачный, -мглистый, -чистый, -блещущий*, с помощью которых в определённом контекстуальном окружении вербализуется тон и насыщенность цвета. Ср. использование некоторых из них в составе адъективов *табачно-красный взгляд* (А. Солженицын); *жидко-зеленоватые тени* (И. Тургенев); *равнодушно-жёлтый огонь* (А. Ахматова); *желтовато-дымчатая вятка* (Б. Пастернак); *багрово-дымное прошлое* (Л. Андреев); *синева-то-сумрачное небо* (И. Бунин); *багряно-мглистая пыль* (Ф. Сологуб); *белоблещущая стена* (З. Гиппиус). Выделенные сложные слова мы относим к окказиональным структурам вследствие незакреплённости их лексикографическими источниками (например, [12;13]) и спорадичности использования в художественной речи (в нашей картотеке 1–2 случая употребления).

Так же, как и некоторые колоративы (а), сложные слова, включающие колорооснову и выражающую тон и насыщенность основу (б), употребляются в языке художественной литературы с меньшей порядком следования компонентов. Ср. лексемы *светло-кофейный* и *кофейно-светлый*: *Она-то смотрела как врач, но глаза-то были светло-кофейные* (А. Солженицын); [...] *Вега, легконогая, воодушевлённая, с кофейно-светлыми глазами, вся чуждая земному праху – и она же выносит на эту веранду свою воздушную, нежную, прелестную – но постель* (А. Солженицын). Видимо, перестановка компонентов в этих сложных словах, как и в большинстве подобных адъективов (а), приводит не к изменению спектральной семантики, а лишь к уточнению, какой свето-цветовой признак референта превалирует.

Адъективы, выражающие, кроме цветовых, дополнительные качественные признаки (в), представлены индивидуально-авторскими и общеупотребительными образованиями. К регулярно используемым, зафиксированным в словарях и справочных изданиях элементам относятся части *-бархатный / бархатисто-, пыльно- / -пыльный, песчано-*. Носители русской лингвокультуры вводят данные компоненты в состав таких слов, как например, *жёлто-бархатный, бархатисто-чёрный, пыльно-золотистый, сизо-пыльный, чёрно-пыльный, песчано-жёлтый*, которые употребляют в сочетаниях типа *жёлто-бархатный свет* (А. Белый), *сизо-пыльная туча* (И. Бунин), *чёрно-пыльные комья* (А. Белый). Из данного

списка сложных слов (в) только адъективы *бархатисто-чёрный, чёрно-пыльный, песчано-жёлтый* зафиксированы в словарях [2; 12]. Остальные лексемы являются некодифицированными, так как в справочных изданиях [2; 12; 13] не отмечены. Использование таких общеупотребительных и окказиональных структур направлено на описание цветовых свойств в сочетании с дополнительными (качественными) признаками референтов.

Не включены в словари и другие лексемы, состоящие из колороосновы и выражающей дополнительные качественные характеристики основы (в), которые, будучи окказиональными, используются в языке художественной литературы. В число таких сложных слов входят колороосновы с компонентами *зеркально-, плюшево-, зернисто-, иглисто-, изморозно-, кудлато-, шершаво-, сыровато-, низко-,* реализованные, например, в сочетаниях *кудлато-седая* голова (А. Солженицын); *шершаво-золотистая* листва (Б. Пастернак); *низко-малиновый* свет от очага (Л. Улицкая) и т. п. За счёт лексических ресурсов языка список подобных слов имеет неограниченные возможности к расширению. При этом включённые в эти и подобные адъективы колороосновы передают исключительно цветовые характеристики.

К окказиональным сложным словам с постпозитивными основами, выражающими качественные характеристики (в), принадлежат используемые в языке художественной литературы лексемы с компонентами *-пыльный, -песчаный, -деревянный, -электрический, -нагретый, -крапчатый.* Данные элементы зафиксированы, например, в составе сочетаний *сизо-пыльная* туча (И. Бунин), *жёлто-электрический* вечер (А. Солженицын); *коричнево-крапчатая* бабочка (Б. Пастернак). Как было сказано выше, авторы спорадически используют эти и подобные им структуры. Более того, сложные слова с указанными компонентами не употребляются в составе устойчивых сочетаний и народнопоэтических выражений, не фиксируются в словарях и справочных изданиях (например, в: [2; 12; 13]).

С помощью сложных слов (г) носители русской лингвокультуры передают «цветовую» семантику определённых элементов внешности, частей тела, а также неодушевлённых предметов. Такие структуры образованы с помощью колороосновы и постпозиционного нецветового компонента *-ногий, -окий, -чубый, -чубатый, -косматый, -кудрявый, -крылый, -рогий, -гривый, -нёрый, -грудый, -брюхий, -пузый, -шинельный* и под. Данные адъективы используются в составе выражений типа *чёрноокий* сержант (А. Солженицын); *белокудрявый* мерин (И. Бунин); *златорогий* закат (Н. Клюев); *желтобрюхая* туча (М. Булгаков). В этих сложных словах колорооснова наделена исключительно «цветовой» семантикой, других значений она не несёт. Такие структуры в языке художественной литературы имеют спорадическое употребление. Однако некоторые из них закреплены в словарных изданиях. Речь идёт о лексемах *белокрылый, черноокий, черногрудый, желторотый,* которые отмечены в: [2], *черноногий,* зафиксированное в: [2; 12], *желтобрюхий,* отображённое в: [12; 13], которые к окказиональным лексическим средствам не принадлежат.

К часто используемым в языке художественной литературы сложным словам, которые состоят из колороосновы и выражающей элементы внешности, части тела, а также предметы основы (г), относятся прилагательные *белобрысый, белокурый, краснощёкий,* а также лексемы с компонентами *-волосый, -лицый, -рылый, -усый, -бородый, -бровый, -головый, -глазый, -зубый, -губый, -кожий, -тканый, -верхий, -листый.* Ср. семантику некоторых из данного списка адъективов в следующих сочетаниях: *белобрысая* девица (Б. Пастернак); *краснощёкий*

мужик (И. Тургенев); *желтоволосый человек* (А. Солженицын), *седоусый профессор* (М. Булгаков), *черноглазые присяжные* (И. Тургенев), *голубоглазый хмель* (О. Мандельштам), *чернотканый шатёр* (Н. Клюев); *зеленолистый цветок* (З. Гиппиус). Из данного списка прилагательных ряд лексем функционирует в составе устойчивых сочетаний, а также фольклорных выражений. Это используемое во фразеологических оборотах слово *черноволосый*, зафиксированное в составе фразем и народнопоэтических выражений прилагательное *златорогий*, употребляемые в языке фольклора адъективы *черноокий*, *черноглазый*, *краснощёкий*. Некоторые компоненты являются общими для фразеологии и языка художественной литературы (*-лицый*, *-глазый*, *-крылый*), для языка фольклора и языка художественной литературы (*-лицый*, *-губый*, *-глазый*, *-окий*, *-бровый*, *-волосый*, *-крылый*). Как следствие, многие из этих сложных слов в силу регулярности использования зафиксированы в словарных и справочных изданиях – *златорогий* (трад.-поэт.), *краснощёкий*, *черноволосый*, *черноглазый*, *черноокий* (трад.-поэт.), *желтоволосый*, *желтолицый*, *желтоусый*, *краснолицый*, *белобрысый* (эмоц.-экспр., пренебр.), *белокурый* (эмоц.-экспр.), *белоголовый*, *белозубый*, *рыжебородый*, *русоголовый*, *русоволосый*, *седоволосый*, *седоусый*, *седобородый*, *кареглазый*, *голубоглазый*, *зеленоглазый*, *черноусый*, *чернобровый*, *черноглазый*, *чернокожий*, *чернобородый*, *чернозубый*, *зеленолистый*. В составе данных лексем колорооснова осмысливается как средство представления “цветового” значения, осложнённого, в ряде случаев, дополнительными позитивными или негативными коннотациями.

Многокомпонентные сложные слова (2), как было сказано выше, не употребляются в составе устойчивых сочетаний, а также народнопоэтических выражений. Эти моносеманты спорадически используются в языке художественной литературы. В числе таких структур – трёхкомпонентные лексем, состоящие, например, из колорооснов (*серо-буро-малиновый*, *оранжево-сине-багровый*), колорооснов и компонентов, обозначающих тон (*чёрно-мутно-прозрачный*); пятикомпонентное слово *оранжево-розово-ало-багряно-багровый*. Адъектив *серо-буро-малиновый* является известным в языке словом, которое лексикографически закреплено в качестве разговорной лексемы с шуточной семантикой («серо-буро-малиновый – неопределённого, «излишне пёстрого цвета» [12, с. 392]). Данное прилагательное используется как с компонентом *цвет*, так и без него. Например: *На смотрителе был растёгнутый пиджак – долгополый и охватистый, как бушлат, кой-где и подштопанный, а цвета того самого из присказки – серо-буро-малинового* (А. Солженицын). Другие многокомпонентные лексем (2) – *оранжево-сине-багровый*, *оранжево-розово-ало-багряно-багровый*, *чёрно-мутно-прозрачный* – относятся к числу окказиональных структур. Ср.: *Опустишь на кровать / И в подушку зарюю я голову / И закрою глаза. / Оранжево-сине-багровые кольца / Завертелась, столкнулись и густо сплелись, / В ушах золотые звенят колокольцы* (С. Чёрный); *Оранжево-розово-ало-багряно-багровый закат – наслаждение* (А. Солженицын); *Он смотрел чёрно-мутно-прозрачную рентгеновскую плёнку и одобряюще кивал* (А. Солженицын). Такая маргинальность многокомпонентных лексических единиц обусловлена нетипичностью их образования, разветвлённостью семантики и специфичностью употребления.

Итак, сложные слова с колороосновами представлены в русской лингвокультуре широким списком лексем. Возникновение таких структур вызвано богатými лексическими ресурсами и широкими возможностями словообразовательного аппарата. Сложные слова с колороосновами как «исторически подвижная часть лексического состава» языка [5, с. 119] представлены двух- (1 а, б, в, г),

трёх- и многокомпонентными (2) лексемами. Данные адъективы используются только для обозначения “цветовых” (1 а, д; 2) и оттеночных значений (1 б, д; 2), для описания цвета и дополнительных качественных характеристик (в), для выражения цветовых признаков элементов внешности, определённой части тела, а также неодушевлённых предметов (г). В русской фразеологии закреплены только лексемы (в), (г), в народнопоэтической речи – двухкомпонентные адъективы (а), (б), (в), (г). В языке художественной литературы используются сложные слова разных групп, образуя самый большой (по сравнению с фразеологическим фондом и устно-поэтической речью) список рассматриваемых прилагательных с колоросновами. И хотя такие лексемы «являются в основной своей массе редкоупотребляемыми словами» [5, с. 123], всё же они увеличивают «возможности выражения цвета в десятки раз» [4, с. 110]. Наличие широкого состава сложных слов говорит о беспрецедентном «по интенсивности процесса вхождения в языковой обиход новых терминов» [4, с. 30]. Считаем, что дальнейшее изучение состава и семантики этой группы слов будет способствовать конкретизации полученных здесь выводов.

Библиографические ссылки

1. **Бобунова М. А.** Словарь языка русского фольклора : лексика былины / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – 314 с.
2. **Букчина Б. З.** Слитно или раздельно? : (опыт словаря-справочника) : ок. 82000 слов / Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая. – 5-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1985. – 876 с.
3. **Былины** / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Селиванова Ф. М.]. – М. : Сов. Россия, 1988. – 576 с.
4. **Василевич А. П.** Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов-цветообозначений / А. П. Василевич // Этнопсихолингвистика / [Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю., Крюков А. Н. и др. ; отв. ред. и авт. предисл. Сорокин Ю. А.]. – М. : Наука, 1988. – С. 58–64.
5. **Краснянский В. В.** Сложные цветообозначения русской речи / В. В. Краснянский // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. ст. памяти В. А. Белошапковой / [сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелёва]. – М. : Индрик, 2001. – С. 119–130.
6. **Михельсон М. И.** Русская мысль и речь. Своё и чужое : опыт русской фразеологии : [в 2-х т.] / М. И. Михельсон. – СПб. : Типография Академии Наук. – Т. 1. – 1903. – 779 с.
7. **Наименования цвета в индоевропейских языках** : системный и исторический анализ / отв. ред. А. П. Василевич. – М. : КомКнига, 2007. – 320 с.
8. **Онежские былины** : [в 3-х т.] / [записанные А. Ф. Гильфердингом]. – Изд. 4-е. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 1. – 1949. – 735 с. – (АН СССР ; Ин-т рус. лит-ры).
9. **Русские пословицы и поговорки** ; под ред. В. Аникина ; предисл. В. Аникина; [сост. Селиванов Ф., Кирдан Б., Аникин В.]. – М. : Худож. лит., 1988. – 431 с.
10. **Русский фольклор** / [сост. и примеч. В. Аникина]. – М. : Худож. лит., 1986. – 367 с.
11. **Сказки** : [в 3-х кн.] / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Круглова Ю. Г.]. – М. : Сов. Россия. – Кн. 1. – 1988. – 544 с.; Кн. 2. – 1989. – 576 с.
12. **Харченко В. К.** Словарь цвета : реальное, потенциальное, авторское : свыше 4000 слов в 8000 контекстах / В. К. Харченко. – М. : Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2009. – 532 с.
13. **Частотный словарь русского языка** : около 40000 слов / под ред. Л. Н. Засориной. – М. : Рус. яз., 1977. – 936 с.
14. **Частушки** / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова]. – М. : Сов. Россия, 1990. – 656 с.

Надійшла до редколегії 08.02.13

УДК 811.161.2'373,46

Н. О. Гимер

Львівський державний університет внутрішніх справ

ТЕРМІНИ ЯК ОСНОВА ФАХОВОЇ МОВИ

Проаналізовано фахову мову косметики та косметології у сучасному українському термінознавстві; окреслено основні її складові компоненти; розглянуто погляди провідних вчених на поняття «фахова мова».

Ключові слова: фахова мова, термін, термінологія, професіоналізм, косметика та косметологія.

Проанализирована профессиональная лексика косметики и косметологии в современном украинском терминоведении; охарактеризованы главные ее компоненты; рассмотрены концепции ученых-лингвистов о понятии «профессиональная лексика».

Ключевые слова: профессиональная лексика, термин, терминология, профессионализм, косметика и косметология.

In the article the judgments of leading linguists concerning the «professional language» term definition in modern science of terminology are analyzed. The components of the professional language of cosmetics and cosmetology are examined.

Keywords: professional language, term, terminology, professionalism, cosmetics and cosmetology.

Номинація (процес і результат) є мовним моделюванням дійсності через її інтеріоризацію в мисленні, вербалізацією концептів згідно із системно-структурною й ономасіологічною організацією певної мови. Процеси найменування повинні задовольняти потреби комунікації, зокрема в галузі науки, адже вільно володіти науковим дискурсом, спрямовувати та коригувати дослідження науковець може тільки за наявності уніфікованої, стандартизованої системи термінів.

В Україні цілеспрямована термінологічна робота особливо актуальна в наш час, тому що розбудова незалежної держави зумовила розширення сфери функціонування української мови, а відповідно й національної термінології.

Упродовж останніх років українська фахова лексика стала об'єктом багатьох досліджень, що пов'язано з процесом державотворення та утвердження української літературної мови в усіх сферах державно-політичного та культурного життя суспільства.

Мова – це завжди відкрита, а не ізольована система. На неї впливають і зовнішні, і внутрішні чинники. До *зовнішніх*, зокрема, належать наявність певного соціального устрою, зв'язки з іншими державами (політичні, економічні, торговельні, культурні), до *внутрішніх*: особливості мовної системи (лексичного складу, словотвору, граматики, орфографії тощо). Окрім того, мова не догматична у своєму розвитку. У ній постійно відбуваються динамічні процеси: одні слова зникають, інші ж, навпаки, з'являються, ще інші – змінюють своє значення або переходять з однієї мовної системи до іншої.

У сучасних соціокультурних умовах спостерігаємо використання лексики, пов'язаної зі сферою виробництва косметичних засобів, їх застосування, а також із відповідною науковою галуззю – косметологією.

Косметика – це засоби догляду за шкірою, волоссям, нігтями. *Косметологія* – галузь клінічної медицини, яка вивчає характер і механізми виникнення косметичних вад і розробляє способи їхнього усунення, приховування

та профілактики. Як медична галузь, косметологія тісно пов'язана з дерматологією, фармакологією, хімією, анатомією, хірургією, тому в її складі органічною є фахова лексика цих галузей науки. Косметичні засоби, як і косметологічні операції та процедури, усувають вади зовнішності, оздоровлюють організм, надають людині привабливого вигляду й відчуття фізичного та естетичного комфорту. У названій сфері людської діяльності вживається фахова лексика: *шампунь, тонік, скраб, знежирення, ластовиння, косметична хірургія, космецевтика* тощо.

Поняття «*фахова мова*» (нім. «*Fachsprache*») вперше з'явилося в німецькій лінгвістиці, тому в цій мові воно є найкраще опрацьованим і його визначення є найбільш поширеним. Так, німецький лінгвіст Лотар Хоффман визначає фахову мову як «сукупність усіх мовних засобів, які використовуються у спеціально окресленій комунікативній сфері з метою досягнення порозуміння між усіма фахівцями галузі» [9, с. 48]. Для Лотара Хоффмана найважливішим у дослідженні фахових мов є «стосунки фахових мов і національної літературної мови» [9, с. 48].

Дослідник намагається спочатку окреслити концепт загальнонаціональної мови, щоб після цього висвітлити шляхи розв'язання проблеми. Загальнонаціональна мова складається, на його переконання, з окремих фахових мов. У британській та американській лінгвістиці для позначення фахово маркованої лексики використовують термін «*language for special purposes*» (LSP) – «мова спеціального призначення», який увійшов у вжиток на кінці ХХ століття. Під спеціальним призначенням розуміють сфери суспільних відносин (наука, економіка, право, мистецтво, медицина тощо).

Лінгвісти подають різні дефініції терміна «фахова мова». Фахова мова – середовище народження й розвитку термінології. Як зазначає Т. Кияк, «терміносистеми слід досліджувати лише в руслі їхньої функціональної ваги в контексті, власне, фахових мов» [1]. Вважаємо, що «*фахова мова*» – це сукупність усіх мовних засобів, які використовують у конкретній сфері, щоб забезпечити взаєморозуміння комунікантів. *Фахова мова* – це також варіант загальноновживаної мови, який слугує основою до пізнання та визначення фахових об'єктів їхнього дослідження та розуміння, а також для специфічних комунікативних потреб фаху. Фахова мова – це засіб для оптимального порозуміння фахівців щодо проблем свого фаху; для неї характерні специфічна фахова лексика і спеціальні норми вибору, застосування і частотність загальнономовних лексичних та граматичних засобів. Вона існує не як самостійна форма прояву мови, а актуалізується у фахових текстах, які, окрім шару фаховомовного, містять завжди і загальнономовні елементи. Фаховій мові властиві певні ознаки. Оскільки кожна з них має власні традиції, що склалися історично, тому виявляє й певні притаманні їй власні особливості, пов'язані не лише з фахом, а й з мовним вираженням. Тобто специфічна лексика фахових мов не є однорідною. У лінгвістичній літературі виділено такі ознаки фахової мови:

- тісний зв'язок з певною науковою галуззю;
- специфічний набір мовних одиниць;
- вибір та використання мовних структур загальноновживаної лексики в межах фахової мови;
- дотримання норм літературної мови на рівні морфології, лексики, синтаксису й організації тексту;
- міжрегіональний характер фахових мов;

- наявність писемної та усної форм.

В українському мовознавстві відомі різні погляди на сутність поняття «фахова лексика». Деякі вчені (А. Д'яков, Т. Кияк, З. Куделько) [2] вважають, що спеціальну (фахову) лексику є підстави ототожнювати з термінологією, інші (Г. Мацюк, Т. Панько, Л. Симоненко) – розмежовують фахове мовлення та термінологію [6]. *Фахова лексика* – це сукупність усіх лексичних номінацій комунікативно-професійної сфери. До фахової лексики зараховують професіоналізми, які не належать до терміносистем, а до лексики наукових галузей.

Усі фахові мови виконують дві основні функції:

- функцію позначення, найменування вузькопрофесійних спеціальних понять і систем понять (предметів, ознак, дій, процесів);
- функцію особливого найменування загальновідомих понять, що надає цьому поняттю підвищеної виразності, експресивності, емоційності.

Актуальність дослідження зумовлена потребою цілісного і всебічного аналізу фахової мови косметики й косметології. Функціонування цієї лексики в науковій та науково-виробничій сфері, а також широке використання її в загальномовній комунікації детермінує встановлення загальних та специфічних закономірностей формування лексичної системи КК.

До фахової мови КК варто зараховувати професіоналізми, номені, термінологію косметики та косметології (ТКК) й прошарок загальноживаної лексики, яка служить для опису термінологічних понять. Проте основою фахової лексики, на наш погляд, є терміни, серед яких можемо виділити дієслова: *доглядати, усувати, очищувати, фарбувати, зволожувати, змивати, обгортати, злучувати* та ін.; іменники: *обличчя, руки, ноги, нігті, щоки, рум'яна, ніс, губи, зовнішність, вигляд, постава, дзеркало, гребінь*; прикметники: *зовнішній, красивий, акуратний, естетичний, запашний, тонкий, чутливий, нормальний, комбінований, блискучий, здоровий*.

Важливим засобом вираження терміна є його внутрішня семантична структура із узагальненим інваріантним компонентом та змінними диференційними, як основа трактування терміна, а також фаховий текст, який конкретизує об'єкти певної терміносистеми.

Номенклатура – це система позначень класів однорідних предметів, що належать до одного ряду на підставі свідомо обраних зовнішніх ознак цих предметів. Іншими словами, це сукупність назв (номенів) конкретних об'єктів певної науки, техніки мистецтва тощо (на відміну від термінів, що позначають певні абстраговані поняття галузей науки). А. Рейцак [4, с. 71–79] детально зупиняється на виокремленні номенклатури, узагальнюючи наукові думки, що знайшли своє відображення в теоретичних дослідженнях О. Реформатського [5, с. 67–83], Р. Піотровського [3, с. 27–35]. У лексиці КК це такі назви: набір компанії Мері Кей «*Оksamитові ручки*», блиск для губ «*МК Автограф*», олівець-стік «*Таймвайз*», туалетна вода «*Триб'ют*», лосьйон для тіла «*Обійми кохання*», система «*Ідеальне рішення*», комплекс «*Кальмосенсінг*». Слід додати, що номенклатура кожної галузі знання й діяльності утворюється особливими способами і визначається значною мірою екстралінгвальними причинами.

Фахова мова КК – не однотипна за своєю структурою, бо має ядро і периферію. *Ядром* цієї термінолексики є власне терміни КК, а *периферією* – терміни дерматології, гігієни, фармакології, хімії, фітології, етики та естетики. Терміни, що перебувають на периферії, частково вже розглядали науковці.

Кожна система термінів (термінологічна система) є якісно новим об'єктом, має свої внутрішні закономірності. Існує чіткий взаємозв'язок, який реалізується через використання одних і тих самих термінів у різних термінологічних системах, що призводить до появи багатозначних термінів: *тонік, маска, крем, спрей, дезодорант, гель, пудра, помада, перука*. Наприклад, у косметології: *КРЕМІИ, ів, мн.* – напіврідкі препарати, менш в'язкі, ніж мазі; використ. для лікування та догляду за шкірою [9, т. 1, с. 638]; у кулінарії: *КРЕМ* – густа солодка маса зі збитих вершків, молока, масла, яєць, цукру з додаванням різних спецій, кави, шоколаду, горіхів і т. ін., що вживається у виготовленні тортів, тістечок, а також як десерт [8, с. 463]; у взуттєвій промисловості: *КРЕМ* – паста для шкіряного взуття [8, с. 463].

Аналізуючи термінологічну лексику галузі косметології, ми спробували подати власне розуміння її ієрархічної структури, виділивши кілька рівнів: мікросистема, мінісистема, макросистема, мегасистема, суперсистема.

Мікросистема, де окремих термін є мовно-поняттєвою одиницею, що складається з елементів плану вираження і плану змісту: *АБРАЗИВНІСТЬ*, -ності, ж. Властивість твердого тіла стирати інше тіло або самому стиратися у процесі тертя [8, с. 2], *БІОКРЕМ*, -у, ч. Крем для шкіри, до складу якого входять біологічно активні речовини, що стимулюють діяльність клітин шкіри і поліпшують поверхневий кровообіг [8, с. 59].

Мінісистема як сукупність термінів, лексико-семантична група, що охоплює назви реалій (методів лікування, процедур, засобів догляду, назв професій, приладів), наприклад: *колорування, епіляція, золоте армування, фотоліфтинг, ревіталайзинг, підтягнення шкіри* – назви процесів; *аквафтем, дермакол, сироватка, тонік* – назви косметичних засобів; *візажист, колорист* – назви професій; *вапоризатор, закріплювач* – назви приладів. На цьому рівні вже самі терміни є елементами, між якими існують внутрішньогрупові зв'язки.

Макросистема – сукупність термінів певної галузі знань, у якій реалізуються міжгрупові зв'язки, наприклад гіперо-гіпонімічні: *склерування – мікросклерування – макросклерування – кріосклерування – термосклерування*.

Мегасистема – термінологічне поле в межах певної літературної мови, де одиницями виступають галузеві терміносистеми, між якими існують зв'язки, а також відносини між термінологією та іншими лексичними розрядами. Наприклад, багатозначні терміни: *секрет, молочко, крем, віск, тон, фон*. Термін *СЕКРЕТ* у термінології КК позначає речовину, яку виробляють залози людини і тварини. Використовують для створення різних косметичних засобів. У військовій термінології *СЕКРЕТ* – додатковий сторожовий пост із кількох осіб, виставлений таємно на найбільш небезпечних підступах з боку противника, а також місце розташування такого поста [8, с. 263].

Унормування спеціальної лексики КК неможливе без детального аналізу термінів інших близьких галузевих термінологій, тому що вони безпосередньо входять до складу аналізованої термінології. Відсотковий коефіцієнт наявності цих термінів у косметичній галузі можна відобразити так: терміни дерматології становлять 25 %, фармакології – 10 %, хімії – 9 %, фізіології – 8 %, анатомії – 6 %, біології – 2 %, психології – 2 %.

Суперсистема – система, в якій діють закони, властиві термінології як лексичній категорії будь-якої мови. У цій системі зреалізовано міжмовні зв'язки. Відповідно, суперсистемою слід вважати усі терміни, що вживають у галузі медицини, терміни, що існують у багатьох мовах світу, об'єднані схожістю значення, а часом і вимови та написання, тобто це слова та їхні сполучення з однаковою

змістовою структурою. Суперсистема характеризується наявністю інтернаціональної лексики: *фон, фіксатор, салон, парфумерія, одеколон, манікюр, макіяж, фен, шампунь, спреї, герпес, баланс, дермабразія, епіляція*. Найбільше термінів з тих, що входять до суперсистеми, – це латинізми і грецизми: *ЕПІЛЯЦІЯ*, і, ж. – epilatio, onis f [e- + pilus волос]; Е. Epilation – видалення волосся разом з волосяною цибулиною [9, т. 1, с. 423], *КОНЦЕНТРАЦІЯ*, і, ж. – concentration, onis f [con- (cum-) + G. κέντρον kentron центр]; Е. concentration – 1) скупчення, згущення, зосередження чого-н. в одному місці; 2) відношення вмісту компонента в р-ні або суміші; 3) зосередження процесу збудження або гальмування, що раніше поширився [9, т. 1, с. 627], *ЕКСФОЛІАЦІЯ*, і, ж. – exfoliation, onis f [ex- + folium листок]; Е. exfoliation – злущування пластів багатошарового епітелію [9, т. 1, с. 402]. Також у суперсистемі є терміни з інших європейських мов: *СПИРТ* – від англ. spirits – дихання, дух [7, с. 637], *СПРЕЙ*, – від англ. spray [7, с. 639], *ТОНІК* – від англ. tonic water – тонізуюча вода [7, с. 679], *ТУШ* – від нім. tushe [7, с. 699], *НЕСЕСЕР* – від фр. Necessaire – потрібний, необхідний [7, с. 465].

Українська наукова мова галузі косметики та косметології формується відповідно до таких загальних мовних тенденцій: адекватність, або поняттєва точність; деривативність, або здатність творити похідні; економність, або стислість написання; евфонічність, або милозвучність.

Дослідження фахової мови косметики та косметології як основи фахового мовлення сприятиме збагаченню інформаційно-технологічного розвитку суспільства, удосконаленню, упорядкуванню й унормуванню галузевої термінології. Оскільки кожна мовна одиниця дихотомна – має план змісту і план вираження, то і кожна галузева система – це єдність понять та їх позначень – термінів.

Бібліографічні посилання

1. Д'яков А. Основи термінотворення : семантичні та соціолінгвістичні аспекти / А. Д'яков, Т. Кияк, З. Куделько. – К. : Вид. дім «KM Academia», 2000. – 218 с.
2. Кияк Т. Р. Прагматичні аспекти стандартизації української термінології / Т. Р. Кияк // Мовознавство. – 1993. – № 1. – С. 35–38.
3. Пиотровский Р. Г. К вопросу об изучении термина / Р. Г. Пиотровский // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та : Сер. филол. наук. – 1961. – Вып. 18. – С. 27–35.
4. Рейцак А. Терминология и номенклатура / А. Рейцак // Вопросы разработки научно-технической терминологии. – Рига, 1973. – С. 71–79.
5. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1967. – С. 68–75.
6. Симоненко Л. О. Біологічна термінологія : формування та функціонування : навч. посібник / Л. О. Симоненко. – Умань, 2006. – 103 с.
7. Словник іншомовних слів / за ред. О.С. Мельничука. – К., 1989.
8. Технологія косметичних засобів : навч. посіб. для студентів фармац. спец. вищих навчальних закладів / О. Г. Башура, Н. П. Половко, Т. М. Ковальова та ін. – Вінниця : НОВА КНИГА, 2007. – 357 с.
9. Українсько-латинсько-англійський медичний тлумачний словник : близько 33000 термінів / уклад. Л. І. Петрух та ін. ; за ред. М. Павловського та ін. ; ред.-лексикограф та авт. передм. Л. М. Полюга. – Львів : Вид. спілка «Словник» Львів. держ. мед. ун-ту, 1995. – Т. 1. – 651 с. ; Т. 2. – 786 с.
10. Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache: Eine Einführung / L. Hoffmann, Gunter Naer. – Tubingen : 1985. – S. 53.

Надійшла до редколегії 09.01.13

УДК 811.111'373

Л. А. Глухова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ФРЕЙМА «ГЛАВА КОЛЛЕДЖА» В БРИТАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Розглянуто особливості вербалізації фрейму ГОЛОВА КОЛЕДЖУ як однієї зі складових концепту ОСВІТНІЙ МЕНЕДЖМЕНТ. Представлено лексичні одиниці, які вербалізують поданий фрейм у британській мовній картині світу.

Ключові слова: концепт, концептуальна картина світу, мовна картина світу, фрейм, вербалізація, освітній менеджмент.

Рассмотрены особенности вербализации фрейма ГЛАВА КОЛЛЕДЖА как одной из составляющих концепта ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ. Представлены лексические единицы, вербализующие данный фрейм в британской языковой картине мира.

Ключевые слова: концепт, концептуальная картина мира, языковая картина мира, фрейм, вербализация, образовательный менеджмент.

The article deals with the peculiarities of verbalization of the frame HEAD OF THE COLLEGE as one of the components of the concept EDUCATIONAL MANAGEMENT. Lexical units, which verbalize the analyzed frame in British linguistic picture of the world, are shown.

Keywords: concept, conceptual picture of the world, linguistic picture of the world, frame, verbalization, educational management.

Язык любого народа – это универсальный инструмент, который отображает и называет предметы, явления, факты ситуаций действительности, ценностные ориентиры, жизненные стратегии и сценарии поведения, которые являются семиотическим результатом концептуальной репрезентации действительности в этносознании [10, с. 441]. Именно это значение заложено в понятие «языковая картина мира», в которой отражены научные, донаучные и примитивные знания и которая является важной частью национальной культуры каждого народа, а представления человека о действительности основано на использовании понятия «концептуальная картина мира», которая формируется в сознании человека с приобретением жизненного опыта или в процессе общения – при помощи языка. Не зря В. Гумбольдт подчеркивал тот факт, что дух народа и его язык влияют друг на друга [3, с. 165].

Следует отметить, что проблема взаимосвязи языка и мышления принадлежит к числу очень давних, но все еще не до конца решенных. Между этими феноменами существует некая взаимосвязь, на основе которой лингвисты различают две картины мира: концептуальную и языковую. Концептуальную картину мира рассматривают как более широкое понятие, она является основой формирования языковой картины мира. Так как концептуальная картина мира связана с набором знаний о мире, ее отождествляют с концептосферой этноса. Языковая картина мира создается в процессе номинации, ее минимальным и ключевым элементом является слово. Именно языковой образ мира является средством экспликации знаний, которые составляют концептуальную картину мира [5, с. 70].

Минимальной единицей концептуальной картины мира является *концепт* – сложное ментальное образование, являющееся объектом исследования когнитивной лингвистики – довольно молодой области лингвистических знаний, которая вот уже несколько десятилетий привлекает внимание исследователей своей сложностью и многообразием. Одной из центральных проблем когнитивной лингвис-

тики является процесс концептуализации, под которым традиционно понимают один из процессов познавательной деятельности, состоящий в осмыслении и упорядочивании результатов внутреннего рефлексивного опыта человека и представлений об объектах, явлениях действительности и их признаках. Результатом концептуализации является создание концептуальной системы – системы концептов в сознании индивида или коллективном сознании этноса, который воспроизводит в виде структурированных и упорядоченных знаний представления о мире, действительности и результаты внутреннего рефлексивного опыта [10, с. 298].

Понятие «концепт» является довольно сложным и многоаспектным, что является причиной различий в его определениях. Подобная дифференциация вызвана несколькими разными подходами к природе концепта: лингвокультурологическим (Ю. Степанов, В. Карасик, Г. Слышкин), в рамках которого под концептом понимают результат столкновения значения слова с личным и этническим культурным опытом человека; культурологическим [11], когда концепт трактуют как основное звено культуры в ментальном мире человека; лингвистическим [1], основной идеей которого есть понимание семантики языкового знака как средства формирования содержания концепта, и лингвокогнитивным (Е. Кубрякова, И. Стернин, З. Попова), представители которого анализируют концепт с семантико-семасиологической точки зрения, предполагающей поиск языковых реализаций этого ментального образования.

В нашей работе мы руководствуемся последней точкой зрения на концепт – лингвокогнитивной, поскольку именно она, на наш взгляд, позволяет наиболее полно и точно объяснить выбор языкового средства для вербализации понятия, содержащегося в сознании представителя определенного народа. Следствием этого является, по нашему мнению, рассмотрение национальной специфики и национальной маркированности концептов. Именно эту точку зрения мы используем в качестве ключевой для достижения *цели* нашей работы: выявить особенности вербальной репрезентации концепта ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ и показать, какие именно лексемы служат репрезентантами фрейма ГЛАВА КОЛЛЕДЖА, который является одной из составляющих исследуемого концепта, а также описать основные когнитивные признаки, которые формируют этот фрейм.

Объектом нашего исследования выступают единицы лексического уровня языка, которые вербализуют концепт ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ, а точнее – один из фреймов, который составляет его структуру, – фрейм ГЛАВА КОЛЛЕДЖА.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что исследованию языковой репрезентации актуальных в современном обществе концептов посвящено большое количество работ. Украинские, российские и зарубежные представители когнитивной парадигмы лингвистического исследования Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Ч. Филлмор, С. Жаботинская, Е. Селиванова в своих работах выявляют ментальные структуры, существующие в сознании носителей языка, и определяют, какими именно языковыми средствами они объективируются в языке. Для этого, кроме концептов, они считают необходимым использовать еще несколько структур ментального пространства: фреймы, гештальты, сценарии, блоки, прототипы, скрипты, слоты, схемы и т. д.

При исследовании наиболее значимых для общества концептов используют разнообразный методологический инструментарий. Это может быть ономаσιологический и семасиологический анализ, дефинитивный и компонентный анализ, концепт может быть рассмотрен как гештальтное образование [7] или как фреймовая структура [13]. Указанные методики дают возможность выявить особенности структуры концепта, эксплицировать его семантическую наполненность, изучить разнообразие

средств репрезентации концепта, а также позволяют проследить закономерности его национально-языкового выражения, частотность и регулярность.

Одной из точек зрения на структуру концепта является точка зрения М. Никитина, который считает, что концепты отличаются степенью простоты-сложности. Разделение на простые и сложные концепты является условным и зависит от того, какой именно вектор исследования выбирает лингвист [8, с. 61]. Это утверждение является актуальным для фрейма, который, с точки зрения Ч. Филлмора, представляет собой систему концептов, соотносящихся таким образом, что для понимания одного из них необходимо осознать всю структуру, в которую входит данный концепт: если хотя бы один концепт этой структуры вводится в текст или речь, остальные автоматически становятся доступными [9, с. 162]. Структурно фрейм состоит из вершинных узлов, содержащих всегда актуальную для данной ситуации информацию, и терминальных узлов, или слотов, которые заполняются информацией из конкретной ситуации и представляют собой субфреймы [4, с. 289–290].

В нашем исследовании мы будем пользоваться методом фреймового анализа, так как он, по нашему мнению, позволяет глубже и детальнее рассмотреть сложный концепт ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ, являющийся, как было указано выше, объектом нашего исследования.

Рассмотрению и анализу понятия «образовательный менеджмент» посвящено большое количество работ зарубежных, российских и украинских исследователей. Однако общего и однозначного мнения о том, что именно содержит в себе понятие «образовательный менеджмент», все еще не существует. Понятие «образовательный менеджмент» рассматривают с разных точек зрения, акцентируя внимание на том, что оно объединяет в себе педагогические и психологические (Ф. Декер, М. Певзнер и др.), социальные и экономические (П. Друкер, В. Смолей и др.), маркетинговые аспекты и аспекты менеджмента (А. Барановский, Х. Гайслер и др.), и характеризуют образовательный менеджмент как новую отрасль науки, как коммуникативный процесс, как функцию, связанную с выполнением управленческих действий, как искусство управления.

Что касается лингвистического аспекта данной проблемы, ею не занимались ранее. Именно этот факт объясняет *актуальность* данной работы.

Общая черта вышеназванных исследований сферы образовательного менеджмента состоит в том, что понятие «образовательный менеджмент» охватывает закономерности, принципы, функции и методы управления образовательными процессами и системами [2, с. 25], а также понятия, которые связаны с управленческими приёмами, направленными на качественную реализацию услуг образования, принципами стандарта образования и повышения эффективности образовательного процесса, структурой высшего учебного заведения, планированием и реализацией его учебной и исследовательской деятельности [6]. Кроме того, концепт ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ также содержит в себе такие составляющие, как аппарат управления, методы управления, администрирование, финансовая деятельность, международное сотрудничество и т. д. На основе этих составляющих мы считаем возможным выделить в структуре концепта ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ фрейм ГЛАВА КОЛЛЕДЖА, так как, по нашему мнению, он имеет непосредственное отношение к администрированию учебного заведения.

Материалом нашего исследования служат лексические единицы, которые вербализуют понятие «глава колледжа» в двух крупнейших коллегиальных университетах Великобритании – Кембриджском (31 колледж) и Оксфордском (38 колледжей). Выбор этих университетов объясняется их первым местом в рейтинге

2011–2012, представленном рейтинговой системой The Times Higher Education [14], и тем, что они являются ведущими высшими учебными заведениями не только Великобритании, но и всей Европы.

Необходимо отметить, что под понятием «коллегиальный университет» понимается такой университет, который состоит из ряда самоуправляющихся колледжей, обладающих собственной территорией, включающих жилые помещения для студентов и преподавателей, столовую, библиотеку и залы отдыха [12]. Лексические единицы были отобраны с официальных веб-сайтов представленных высших учебных заведений. Имеющийся фактический материал позволил определить особенности парадигмы фрейма, а также языковые средства вербализации понятия «глава колледжа» в британской языковой картине мира.

В ходе исследования мы выявили, что в британской языковой картине мира понятие «глава колледжа» вербализуется с помощью девяти лексических единиц: *Warden, Master, Principal, Dean, President, Rector, Provost, Mistress, Fellow*.

Пять из указанных выше лексических единиц являются общими для Кембриджского и Оксфордского университетов: *Master, Principal, President, Warden, Dean*. Что касается оставшихся четырех лексем, две из них (*Mistress and Fellow*) являются особенностью Кембриджского университета и не используются с целью языковой репрезентации понятия «глава колледжа» в Оксфордском университете, еще две (*Provost and Rector*) являются особенностью Оксфордского университета и, соответственно, не используются при вербализации данного понятия в Кембриджском университете.

Для того чтобы лучше и точнее показать и объяснить особенности вербализации анализируемого фрейма, мы используем полевой метод, то есть предлагаем ввести парадигму фрейма ГЛАВА КОЛЛЕДЖА в виде двух полей (для Кембриджского (рис. 1) и Оксфордского (рис. 2) университетов соответственно), ядрами которых служит понятие «глава колледжа».

Парадигма фрейма ГЛАВА КОЛЛЕДЖА (Кембриджский университет)

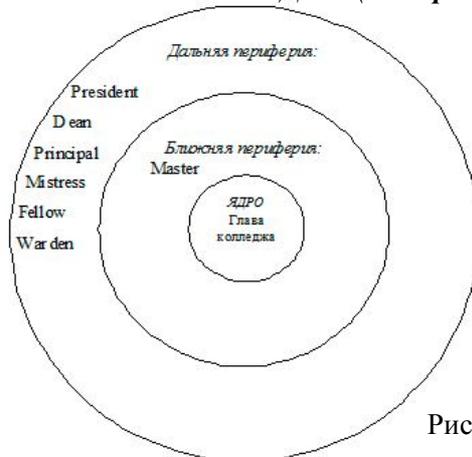

Рис. 1

Итак, ядром фрейма ГЛАВА КОЛЛЕДЖА в структуре концепта ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ в Кембриджском университете является само понятие «глава колледжа», а его парадигму формируют семь лексических единиц: *Master, President, Dean, Principal, Mistress, Fellow, Warden*. Принадлежность лексемы к дальней или ближней периферии определена частотностью использования лексической единицы в современном английском языке для вербализации понятия «глава колледжа» в Кембриджском университете.

Ближнюю периферію поля образує лексема *Master*, так як її використовують в дев'ятнадцяти коледжах Кембриджського університету для вербалізації поняття «глава коледжа».

Дальнюю периферію поля образують шість оставшихся лексических одиниць: лексему *President* використовують для мовної репрезентації поняття «глава коледжа» в п'яти коледжах Кембриджського університету, лексическіє одиниці *Dean* і *Principal* – в двох коледжах кожен, лексическіє одиниці *Mistress*, *Fellow* і *Warden* актуалізують данне поняття в одному коледжі кожен.

Ядром фрейма ГЛАВА КОЛЛЕДЖА в структурі концепта ОБРАЗОВАТЕЛЬНИЙ МЕНЕДЖМЕНТ в Оксфордському університеті, як і в Кембриджському університеті, являється само поняття «глава коледжа», а його парадигму образують семь лексических одиниць: *Principal*, *Warden*, *Master*, *Dean*, *President*, *Rector*, *Provost*. Приналежність лексеми к області ближней или дальней периферии здесь также обусловлена частотностью использования лексической единицы, вербализующей понятие «глава коледжа» в британском варианте современного английского языка.

Парадигма фрейма ГЛАВА КОЛЛЕДЖА (Оксфордский университет)

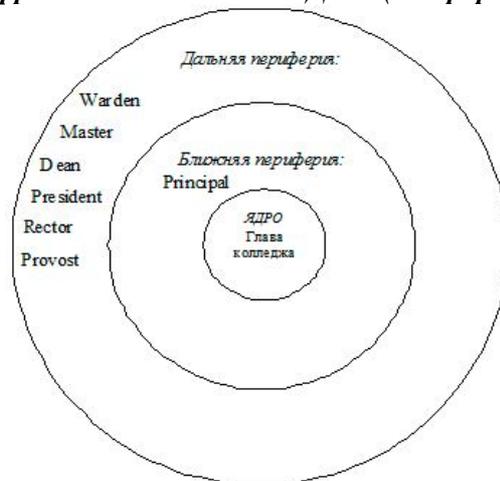

Рис. 2

Ближнюю периферію поля здесь образует лексема *Principal*. Анализ фактического материала показал, что ее используют в тринадцати коледжах Оксфордского университета для вербалізації поняття «глава коледжа».

Остальные шесть лексем образуют дальнюю периферію поля: в семи коледжах Оксфордского университета для вербалізації поняття «глава коледжа» используют лексическую единицу *Warden*, лексемы *Master* и *President* актуалізують данне поняття в шести коледжах кожен, в трех коледжах главу называют *Provost*, в двух – *Rector*, в одном – *Dean*.

Если говорить об особенностях актуализации фрейма ГЛАВА КОЛЛЕДЖА в британской языковой картине мира в целом, можно представить общий фрейм, в котором показаны языковые средства для вербалізації поняття «глава коледжа» (см. рис. 3).

Ядром фрейма является само понятие «глава коледжа», ближнюю периферію образует лексическая единица *Master*, так как частота ее использования для актуализации фрейма ГЛАВА КОЛЛЕДЖА в британской языковой картине мира составляет 37 %.

Остальные восемь лексических единиц находятся дальше от ядра и образуют дальнюю периферію фреймового поля. Частота использования лексической

єдиниці *Principal* в цілях вербалізації поняття «глава коледжа» складає 22 %, *President* – 16 %, *Warden* – 12 %, *Dean* – 4 %, *Provost* – 4 %, *Rector* – 3 %, *Fellow* – 1 %, *Mistress* – 1 %.

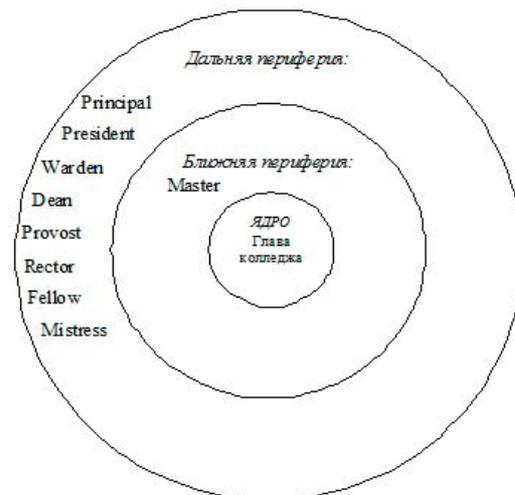

Рис. 3

С целью выявления обусловленности выбора лексической единицы для вербалізації поняття «глава коледжа» в британской языковой картине мира было проведено два типа анализа указанных лексем: анализ словарных дефиниций и диахронический анализ.

В результате исследования мы выявили, что хронология использования той или иной лексической единицы для вербалізації поняття «глава коледжа» не является постоянной. С появлением новых коледжей в один и тот же период времени использовались различные лексические единицы. Так, например, лексема *Master* (эта лексема, к тому же, была первой, которую использовали для вербалізації данного поняття в первом коледже Кембриджского университета Peterhouse College в 1284 году; однако в самом раннем коледже Оксфордского университета – St Edmund Hall, который был основан шестью годами ранее (1278 г.), главу коледжа назвали лексической единицей *Principal*) использовалась для именованія главы коледжа в Кембриджском университете как в XIII веке, так и в XIX веке, а лексическую единицу *President* в этих целях использовали и в XV веке, и в XX веке, то есть нельзя выделить четкие отрезки времени, когда бы использовалась лишь одна из перечисленных лексических единиц для вербалізації поняття «глава коледжа», а лексему *Warden* для вербалізації поняття «глава коледжа» использовали лишь один раз – так называют главу самого нового коледжа анализируемого университета – Robinson College, который был основан лишь в 1977 году. Однако в структуре Оксфордского университета данную лексическую единицу начали использовать еще в 1379 году для называнія главы в New College. Такое же несистемное использование касается и других лексических единиц и в Кембриджском, и в Оксфордском университетах.

Что касается анализа словарных дефиниций, то ведущие толковые словари (Longman Dictionary of Contemporary English, Macmillan Dictionary, Oxford Dictionary, Collins Dictionary, A New English Dictionary on Historical Principles) указывают, что все анализируемые лексические единицы объединены одной общей дефиницией: *someone in charge of a college in a British university*. Иными словами, семантическая наполняемость каждой лексической единицы (в рамках исследуемого концепта ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ) частично идентична. Любопытным является тот факт, что понятие «глава коледжа», заложенное в

значении указанных лексических единиц, является особенностью именно британской языковой картины мира и характерно для когнитивного восприятия британцев именно в рамках анализируемых двух высших учебных заведений – Кембриджского и Оксфордского университетов. Если рассматривать данные лексические единицы детальнее, их семантическая наполняемость будет несколько шире.

Несколько лексических единиц (*Dean and Fellow*) представляют в этом ракурсе особый интерес. Так, например, наиболее общепринятым значением лексемы *Dean* в сфере образовательного менеджмента, которое заложено в когнитивном сознании носителей и пользователей-неносителей современного английского языка, является значение «глава одного из факультетов высшего учебного заведения», лексемой *Fellow* в других колледжах этих же университетов называют *члена совета или научного общества колледжа*. Подобные вещи вызывают определенные трудности в использовании лексических единиц с целью вербализации понятия «глава колледжа», а также могут стать причиной некоторого замешательства в когнитивном восприятии из-за ярко выраженной полисемии анализируемых лексических единиц.

Таким образом, на наш взгляд, использование той или иной лексической единицы для вербализации понятия «глава колледжа» является лингвокогнитивно и исторически обусловленным и свидетельствует о национальной специфике вербализации фрейма ГЛАВА КОЛЛЕДЖА в британской языковой картине мира, а также об особой концептуальной репрезентации данного фрейма в британском этносознании и требует дальнейшего исследования на материале лексики образовательного менеджмента других европейских высших учебных заведений.

Библиографические ссылки

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Барановский А. И. Образовательный менеджмент : актуальные процессы становления / А. И. Барановский // Современные наукоемкие технологии. – 2008. – № 1. – С. 25–28.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.
4. Дейк Т. А. ван Язык, познание, коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
5. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж, 2001. – С. 75–80.
6. Князев Е. А. Кадры управления в высшем образовании как приоритет для устойчивого развития высшей школы / Е. А. Князев. – М. : Прогресс, 2001. – 186 с.
7. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. Герцена, 2003. – 277 с.
8. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1 (001). – С. 53–64.
9. Полюжин М. М. Функціональний і когнітивний аспекти англійського словотворення : монографія / М. М. Полюжин. – Ужгород : Закарпаття, 1999. – 240 с.
10. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова – Полтава: Довкілля-К, 2011. – 844 с.
11. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
12. Тип высшего учебного заведения. – Режим доступа : http://www.educationindex.ru/article_how_to_choose_university_and_course_for_postgraduate_degree_ru.aspx
13. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 52–59.

14. **Top Universities in Europe.** – Режим доступа : www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/

Надійшла до редколегії 11.02.13

УДК 81'255.2:6

Н. В. Грицькова

Донбаський державний технічний університет (м. Донецьк)

ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДУ ТЕХНІЧНИХ ТЕКСТІВ КОМП'ЮТЕРНОЇ ТЕМАТИКИ

Досліджено проблеми перекладу науково-технічних комп'ютерних текстів, проаналізовано найуживаніші способи перекладу термінів у галузі кібернетики та інформаційних технологій; охарактеризовано сучасний стан термінологічної системи зазначеної галузі знань.

Ключові слова: фахова мова, транслітерація, адаптоване транскодування, описовий переклад, акронім.

Исследованы проблемы перевода научно-технических компьютерных текстов, проанализированы самые употребительные способы перевода терминов в сфере кибернетики и информационных технологий; охарактеризовано современное состояние терминологической системы указанной области знаний.

Ключевые слова: профессиональный язык, транслитерация, адаптивное транскодирование, описательный перевод, акроним.

The problems of translating scientific and technical computing texts are examined in the article. The author analyses the most generally used translating methods of the terms in the field of cybernetics and information processing technologies. The modern state of the terminological system of the mentioned field of knowledge is characterized.

Keywords: professional language, transliteration, adaptive transcoding, descriptive translation, acronym.

Постановка проблеми в загальному вигляді та її зв'язок з важливими науковими та практичними завданнями. На сучасному етапі розвитку суспільства все більш вагому роль відіграє обмін інформацією у професійних сферах різних напрямків. Це особливо важливо для галузі кібернетики, комп'ютерних та інформаційних технологій, які отримали стрімкий розвиток в останні декілька років.

Процес навчання іноземним мовам у немовному виші повинен бути спрямований на засвоєння студентами професійного словникового запасу, підготовку до читання оригінальної літератури зі спеціальності та розвиток навичок та вмій професійно зорієнтованого спілкування.

При підготовці студентів комп'ютерних спеціальностей основним напрямом у навчанні є письмовий переклад автентичних текстів з професійної тематики. Поряд із цим важливим також є навчання побудові усних висловів на професійну тематику, оскільки придбання таких навичок допоможе сьогоднішнім студентам у подальшому спілкуванні з фахівцями-носіями різних мов. Особлива увага при викладанні іноземної мови за професійним спрямуванням повинна приділятися термінам, тобто словам, які використовують фахівці конкретної галузі.

Аналізуючи останні дослідження і публікації проблемного поля науково-лінгвістичних пошуків у сучасному освітньому просторі, доречно згадати роботи В. Коптілова, Т. Кияка, Н. Кашишин, А. Д'якова [1], В. Карабана [2] та ін. Наше дослідження ґрунтується також і на працях, присвячених вивченню термінів у га-

лузі інформаційних технологій, які торкаються питання їхнього перекладу. Це, зокрема, філологічні доробки І. Соколової, Н. Монарчик, І. Кучман.

Теоретичні основи термінології були закладені ще в 30-ті роки ХХ ст. О. Реформатським, Г. Винокуром і розвинуті сучасними лінгвістами О. Суперанською, В. Даниленко, Л. Буяною, Т. Панько, С. Гриньовим, Т. Каде, В. Лейчиком та іншими.

У мовознавчій літературі по-різному трактується співвідношення спеціальної й загальноживаної лексики. Між словами загальноживаної лексики і термінами не можна провести чіткої межі, адже практично будь-яке самостійне слово може увійти до розряду спеціальної лексики внаслідок його термінологізації.

Таким чином, система термінів пов'язана із системою загальноживаної лексики, проте повністю з нею не збігається, адже терміни утворюються не тільки внаслідок надання словам загальноживаної мови спеціального значення, але й шляхом запозичень і штучного створення нових слів.

Для слова характерна єдність звучання, змісту й іменованої речі; для терміна головним виявляється зміст, зв'язок із поняттям. Проте за лексичними й синтаксичними зв'язками термін сприймається як слово. У процесі термінологізації загальної лексики відбувається зміна або обмеження денотата. Термінові властива абстракція, незалежне функціонування в межах термінологічного поля, осмисленість внутрішньої форми, обмеженість чисельності. Термін представляє видові відношення й потребує дефініції. Однак слід зазначити, що у сфері спеціального мовлення професійне просторіччя поширене навіть більше, ніж термінологічні одиниці. Спільними рисами для термінології й професійної лексики є спеціалізація значення й утворення на цій основі специфічних лексико-семантичних систем, обмеження кількості користувачів цієї лексики і сфер уживання. Професіоналізми є неофіційними, але загальноприйнятими серед спеціалістів розмовними термінами. Проте дослідники відмежовують професіоналізми від термінів. Межуючи одне з одним, терміни мають більш впорядкований та нормалізований характер, у той час як професіоналізми є напівофіційними лексичними одиницями, які вживаються вузьким колом фахівців, причому переважно в розмовній мові. Незважаючи на ці істотні відмінності, між цими двома сферами лексики існує безперервний взаємобмін, і професіоналізм може існувати також і як синонім терміна [1, с. 174].

Розвиток мови – об'єктивний процес, у якому основну роль відіграє молоде покоління як найбільш гнучкий прошарок населення. Найяскравіше це явище проявляється на зламі епох, у періоди стрімких соціальних процесів, а також під час розвитку науки і техніки, а у нашому випадку – під час розвитку нових комп'ютерних технологій. У цьому питанні українська мова, безперечно, знаходиться під впливом англійської мови. І ми не зможемо зупинити цей процес доти, поки самі не станемо створювати щось нове в галузі комп'ютерних технологій.

Так, досліджуючи комп'ютерну термінологічну систему, І. Кучман зауважує, що комп'ютерна термінологія у своєму функціонуванні і словотворі підпорядкована законам української мови. Зокрема, найпоширенішими способами словотворення у комп'ютерній лексиці є афіксальний, безафіксний, а також лексико-семантичний [4, с. 165].

Н. Монарчик приділяє увагу аналізу способів перекладу, які застосовуються для інтерпретації англійських комп'ютерних термінів засобами української мови та визначення особливостей перекладу відповідної фахової мови [5, с. 27].

І. Соколова відносить термінологічну систему галузі інформаційних технологій до наймолодших систем та досліджує утворення неологізмів у зазначеній галузі, а також аналіз шляхів їх адекватного перекладу іншими мовами [7, с. 46].

Актуальність термінологічної проблематики весь час зростає, причому на перший план висувається зіставне вивчення терміносистем, оскільки воно допомагає глибше проникнути в суть специфіки кожної термінологічної системи. Застосування зіставного методу при вивченні одиниць різних мовних рівнів має певну традицію, що ґрунтується на працях В. Гака, Ф. Циткіної, В. Лейчика, М. Докуліла, В. Скалічки та ін. Основою зіставного методу є системно-функціональне вивчення мови як органічного цілого.

Підставою для порівняння при цьому є релевантні закономірності системи мови, що відкривають можливість поглибленого вивчення як внутрішньомовних явищ, так і міжмовних зв'язків. Інтерес сучасних дослідників (О. Тараненко, І. Кочан, М. Кочерган, В. Манакін, А. Левицький), виявлений до зіставного вивчення мов, свідчить про його цінність і перспективність.

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми, яким присвячено статтю. Через складність, питання перекладу комп'ютерних термінів не отримало повного дослідження. Кожен із авторів присвячує увагу одному з аспектів їх перекладу, розглядаючи терміни у складі граматичних конструкцій, термінів-дериватів, термінів-скорочень та ін. Терміни, які представляють окрему субмову в контексті перекладу, рідко стають предметом дослідження в наукових працях. Існує думка, що термін треба перекладати терміном, повним та абсолютним еквівалентом. Однак не завжди легко віднайти цей еквівалент, а іноді його взагалі немає.

Формулювання цілей статті (постановка завдання). **Мета** статті – проаналізувати найуживаніші способи перекладу термінів у галузі кібернетики, комп'ютерних та інформаційних технологій.

Вклад основного матеріалу. Фахова мова – сукупність усіх мовних засобів, уживаних в обмеженій професійною ділянкою сфері комунікації для забезпечення взаєморозуміння між людьми, які працюють у цій галузі. Функціонування фахової мови забезпечує докладно визначена термінологія. Словник професійних висловів містить вузькогалузеві лексеми, міжгалузеві наукові терміни, професіоналізми (виробничу лексику), номенклатурні назви, професійний жаргон, арготизми і загальноживані лексеми.

У зв'язку з інформаційним бумом, коли загальна кількість інформації подвоюється через кожні 5–6 років, виникає проблема її опрацювання. Тут маємо чергове протиріччя: з одного боку, фахівець зобов'язаний стежити за новими досягненнями у своїй спеціальності, з іншого, – він не в змозі віднайти й засвоїти інформацію необхідного об'єму. Та йому не обов'язково знайомитися з усією літературою, де можлива присутність для нього інформаційного „галасу”, надлишкових чи відомих знань [3, с. 4].

Комп'ютерну лексику починають використовувати не лише комп'ютерники, але й люди, які зовсім не мають ніякого відношення до професійної інформаційної сфери, оскільки це явище досить швидко вливається в життя сучасного суспільства. Процес набуття нової лексики, більша частина якої є переробленими на місцевий лад англійськими словами, породило спочатку запозичення, а потім і терміни нової субкультури. Так, зрозумілі більшості слова, такі, як *юзер*, *вінда*, користуються більшою популярністю, ніж їхні літературні еквіваленти *користувач*, *операційна система Windows*.

Глобальна інформатизація формує кіберсуспільство, спричиняючи розвиток відповідної фахової мови. Такий процес неминує породжує необхідність всебічного розуміння нових термінів та їх адекватного перекладу. Сьогодні актуальність

перекладу англійських комп'ютерних термінів продиктована необхідністю перекладу технічної документації, літератури й інших програмних продуктів.

Складність перекладу комп'ютерної тематики полягає в тому, що багато комп'ютерних термінів належать до безеквівалентної лексики, але це не означає неможливість їх перекладу. Для комп'ютерної лексики характерне застосування мовної гри і засобів мовної експресії. Поступово комп'ютерні терміни здобувають перекладацькі відповідності, і цей процес вивчення проходить досить динамічно.

Під час дослідження перекладу комп'ютерної термінології використовують декілька шляхів перекладу. Ми визначили чотири основних.

1. Транскрипція та транслітерація.

За нашими спостереженнями, ці засоби перекладу рідко застосовуються у чистому вигляді. Частіше використовують транскрипцію зі збереженням елементів транслітерації. Способом транслітерації / транскрипції перекладено, наприклад, такі англійські терміни: *operator* – *оператор*, *monitor* – *монітор*, *portal* – *портал*, *server* – *сервер*, *laser* – *лазер*, *decoder* – *декодер*, *processor* – *процесор*, *buffer* – *буфер*, *hacker* – *хакер*, *browser* – *браузер*, *router* – *роутер*, *moderator* – *модератор*.

Серед прикладів чистої транскрипції можна навести терміни *cache* – *кеш*, *slash* – *слеш*, *BASIC* – *Бейсик*. Приклади транслітерації більш численні: *port* – *порт*, *adapter* – *адаптер*, *assembler* – *асемблер*, *cursor* – *курсор*, *supervisor* – *супервізор*. Для адекватного перекладу термінів, виражених одним словом, необхідно враховувати, що подвоєння приголосних між голосними не передається, як, наприклад, у випадку з терміном *processor* – *процесор*. Літера *г* у кінці терміна передається як звук [r], незалежно від того, чи вимовляється він у слові-джерелі, наприклад: *monitor* – *монітор*, *scanner* – *сканер*.

Перевагою транслітерації/транскрипції у якості способу перекладу є їх надійність. Перекладаючи таким чином малознайоме, не досить вивчене поняття, перекладач, по суті, передає лише його звукову оболонку. А змістовна сторона цього поняття стає зрозумілою через контекст, і є змога уникнути пояснення та інтерпретації його особливих характеристик на мові перекладу. Ця модель перекладу на сьогодні найпоширеніша при перекладі комп'ютерних термінів. У цьому випадку англійський термін здобуває українську морфологію, парадигму відмінювань і дієвідмін, зберігаючи при цьому вихідний корінь у написанні кирилицею. Транслітерація і транскрипція є надзвичайно продуктивними засобами перекладу і збагачують прошарок не тільки стандартної лексики, а й жаргонної, наприклад, *upgrade* – *апгрейд*, *user* – *юзер*, *shareware* – *шаровари* (ресурс, доступний для сумісного використання) [6, с. 375]. Якщо транслітерація / транскрипція використовується, в основному, при перекладі окремих слів-термінів, то переклад термінологічних словосполучень здійснюється більше засобами калькування та експлікації.

2. Спосіб адаптованого транскодування.

Адаптоване транскодування – це вид мовного посередництва, при якому відбувається не тільки транскодування (перенесення) інформації з однієї мови на іншу (що має місце й при перекладі), але і її перетворення (адаптація) з метою викласти її в іншій формі, обумовленій не організацією цієї інформації в оригіналі, а особливим завданням міжмовної комунікації.

Специфіка адаптованого транскодування визначається орієнтацією мовного посередництва на конкретну групу рецепторів перекладу або на задану форму перетворення інформації, що міститься в оригіналі. Способом адаптованого транскодування перекладено такі терміни: *profile* – *профіль*, *matrix* – *матриця*, *domain* – *домен*, *card* – *карта*, *directory* – *директорія*, *command* – *команда*; *viewer* – *в'ювер*.

Цьому способу перекладу притаманні такі особливості, як використання в українській мові пом'якшення в кінці слова (модуль), родового закінчення в мові під час перекладу термінологічних словосполучень (*device modification* – *модифікація пристрою*), однієї приголосної замість подвоєння приголосних між голошними (*buffer* – *буфер*).

Особливо часто транскодування термінів відбувається в тих випадках, коли термін у мові перекладу складається з міжнародних терміноелементів латинсько-го або давньогрецького походження. Також можна зустріти такий підвид транскодування, як змішане транскодування: *on-line* – *он-лайн*; *interface* – *інтерфейс*; *organizer* – *органайзер*; *device* – *девайс*; *chat* – *чат*; *chipset* – *чіпсет*; *adaptor* – *адаптор*; *chorus* – *хорус*.

3. Калькування.

Під час перекладу текстів комп'ютерної тематики вживаються повні семантичні кальки (тобто кальки, де всі терміноелементи вихідної мови послівно або поморфемно передані українськими елементами): *process* – *handling procedure* – *процедура управління процесом*; *disk storage* – *дискоса пам'ять*; *current drive* – *поточний дисковод*; *image recognition* – *розпізнавання зображення*, і неповні семантичні кальки (де частина терміноелементів перекладена не українським елементом, а способом транслітерації: *cyberworld* – *кіберсвіт*). Кальковані слова найбільш схильні до асиміляції, та інколи їх виділяють в окрему групу translation loans (запозичення при перекладі). Калькування частіше застосовується для перекладу термінологічних словосполучень. За нашими спостереженнями, нерідко в процесі перекладу комп'ютерних термінів транскрипція і калькування використовуються одночасно. Наведемо такі приклади: *control panel* – *панель управління*, *matrix printer* – *матричний принтер*, *file system* – *файлова система*.

За допомогою калькування перекладаються назви технологічних стандартів, назви програмних продуктів, нових ресурсів комп'ютерного обладнання (*movable table* – *рухомий стіл*, *self-cooling* – *самоохолодження*, *line service* – *лінійна служба*, *floating zero* – *плаваючий нуль*, *target search* – *пошук цілі*, *self-loading* – *самозавантаження*), корпорацій (*Nvidia*, *AMD*, *Novell*, *Microsoft*, *Intel* і ін.). Наприклад, назви двох фірм (*Microsoft* і *Intel*) вживаються частіше інших. Очевидно, через це вони іноді (особливо в публіцистиці, на відміну від офіційних документів) записуються кирилицею – *Майкрософт* або *Мікрософт* і *Інтел*.

4. Описовий переклад.

Під час такого методу слово замінюється в мові перекладу словосполученням, яке адекватно передає зміст слова. При застосуванні описового перекладу важливо переконатися, що в мові перекладу відсутній перекладний відповідник, щоб не створювати термінологічні дублети в мові перекладу. Зрозуміло, що перекладні словники ще не могли його зафіксувати, проте він може бути зафіксований, зокрема, у вже перекладеній літературі.

Для того щоб правильно застосувати такий прийом перекладу, необхідно добре знати предметну сферу тексту, що перекладається, щоб правильно розкрити зміст позначеного терміном поняття. Розглянемо такі приклади: *burning* – *запис компактдиска*; *cross fade* – *плавний перехід від одного звукового фрагмента або відеокліпа до іншого*; *deluxe* – *розширена версія програмного пакета, яка включає додаткові програми чи можливості*; *freeware* – *безкоштовне програмне забезпечення*; *software* – *програмне забезпечення*; *log* – *текстовий файл звіту, в який записують усі дії, які виконує програма, і їх результати*; *shareware* – *умовно-безкоштовне програмне забезпечення, з яким можна працювати протягом певно-*

го часу; wizard – інтерактивний інструмент для покрокового виконання різних операцій; protocol – метод передачі даних, outscriber – вихідний пристрій відтворення даних [2].

Термінологічні словосполучення часто використовуються у вигляді аббревіатур / акронімів, більшість з яких є загальнозживаними у галузі інформаційних технологій. Скорочення як засіб утворення слів залишається одним з найбільш продуктивних у сучасній англійській мові, що пояснюється тенденцією до збільшення темпу життя і до економії мовних засобів. Наявність акронімів є однією з типологічних ознак, притаманних науково-технічному типу тексту. Акроніми є одним з видів економії мовних засобів і слугують компресії інформації на лексичному рівні. Використання аббревіатур / акронімів стає можливим завдяки тому, що адресат ІРТ володіє спільним з автором тезаурусом.

В ІРТ з інформаційних технологій поширене вживання акронімів спричинено відносною чисельністю багатокомпонентних термінологічних словосполучень, скорочення яких необхідно для економії місця. Наприклад: ROM – Read Only Memory, RAM – Random Access Memory, SIP – Single In-line Package, SDLC – Synchronous Data Link Control, TCP/IP – Transmission Control Protocol/Internet Protocol.

Висновки. Наукова стаття не претендує на повне та всебічне висвітлення досліджуваної багатоаспектної проблеми. Для інтерпретації англомовних комп'ютерних термінів та породження на цій підставі українських відповідників використовуються такі найуживаніші способи перекладу: транслітерація, транскрипція, адаптоване транскодування, калькування, описовий переклад.

Перспективи подальших розвідок ми вбачаємо у встановленні засобів перекладу неотермінів у галузі кібернетики, комп'ютерних та інформаційних технологій.

Бібліографічні посилання

1. Д'яков А. Основи термінотворення : семантичні та соціолінгвістичні аспекти / А. Д'яков, Т. Кияк, З. Куделько. – К. : КМ Academia, 2000. – 218 с.
2. Карабан В. І. Переклад англійської наукової і технічної літератури. Граматичні труднощі, лексичні, термінологічні та жанрово-стилістичні проблеми / В. І. Карабан. – Вид. 4, випр. – Вінниця : Нова книга, 2004. – 576 с.
3. Кияк Т. Функції та переклад термінів у фахових текстах / Т. Кияк // Вісник Національного ун-ту «Львівська політехніка». Серія «Проблеми української термінології». – 2008. – № 620. – С. 3–5.
4. Кучман І. Переклад англійських термінів у галузі комп'ютерних технологій / І. Кучман // Вісник Житомир. держ. ун-ту імені Івана Франка. – 2005. – № 23. – С. 164–166.
5. Монарцик Н. Специфіка перекладу англомовних термінів галузі комп'ютерних наук / Н. Монарцик // Вісник Луганськ. нац. ун-ту імені Тараса Шевченка. – 2005. – № 10. – С. 25–32.
6. Новий російсько-українсько-англійський тлумачний словник з інформатики. Основні терміни : близько 3300 термінів / уклад. : М. Д. Гінзбург, Л. І. Білоусова, І. М. Корніловська та ін.; за ред. М. Д. Гінзбурга. – Харків : Корвін, 2002. – 656 с.
7. Соколова І. Моделі утворення комп'ютерних термінів англійської мови та їх переклад українською / І. Соколова // Дні науки : матер. II Міжнар. науково-практ. конф., 17–28 квітня 2006. – Дніпропетровськ, 2006. – Т. 18. – С. 44–47.

Надійшла до редколегії 27.11.12

УДК 811.112.2'11.

Г. П. Дьяконов

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФОРМИРОВАНИЕ НОРМАТИВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ В ГЕРМАНИСТИКЕ

Розглянуто особливості формування нормативних концепцій у дискурсі розвитку німецької германістики. Проаналізовано концепції формування нормативних критеріїв німецької мови та створення системи норм.

Ключові слова: норма, мовні товариства, модель.

Рассмотрены особенности формирования нормативных концепций в дискурсе немецкой германистики. Проанализированы концепции формирования нормативных критериев немецкого языка и создания системы норм.

Ключевые слова: норма, языковые общества, модель.

The article considers peculiarities of the formation of linguistic norm concepts in the discourse of German linguistics. Concepts of creation of normative system in German are being analyzed.

Keywords: norm, language societies, pattern.

Процесс формирования системы норм современного немецкого языка и становление теоретического фундамента этого процесса в настоящее время представляет собой одно из направлений исследований в публикациях, в которых рассматриваются различные аспекты развития немецких языковых норм [1; 2]. Вместе с тем по-прежнему требуют более детального изучения те моменты, которые оказали решающее влияние на формирования лингвистических концепций в рамках дискурса о едином немецком языке. В этой связи представляется актуальным рассмотреть становление ранних концепций немецких языковых обществ, которые отражают динамику развития лингвистической теории и становление системы единых наддиалектных норм. Этот аспект не только стал ключевым элементом в теоретических работах языковых обществ, но и оказал определенное влияние на построение целостной системы языковых норм формирующегося единого национального языка.

Интерес вызывает тот факт, что диалектно обусловленная полифония регионально ограниченных языковых норм в среде языковых обществ рассматривается как фактор, тормозящий формирование системы единых норм, имеющих общенациональный обязательный характер. Оставляя за рамками статьи социально-исторические реалии того периода, достаточно описанные в исследовательской литературе и определявшие этапы становления единого национального немецкого языка, отметим растущее понимание ограниченной возможности использования норм всех существующих диалектов для рационально нормированного национального языка. Под влиянием идей сакрального дискурса о непосредственной генетической связи немецкого языка с праязыком любой из диалектов предлагалось рассматривать как конструкт более низкого уровня, образовавшийся в результате распада единого языка. При этом такой конструкт рассматривался как не способный адекватно передавать нормативные параметры разрушенного единого праязыка в силу того, что он не обладал в полной мере всеми его качествами. В основу подобных рассуждений была положена концепция изначальной фундаментальной кор-

ректности, чистоты и точности немецкого языка, который противопоставляется неустойчивому и хаотичному, ненормированному узусу диалектов. Подобное противопоставление норм употребления, принятых в среде языковых обществ, и ненормированного употребления или, говоря языком обществ, «неправильных привычек» составляет один из ключевых теоретических постулатов, призванных обосновать необходимость создания предписывающих норм. Особо следует выделить формирующееся осознание необходимости опираться при этом на равно значимые общие языковые явления в среде диалектов и корректное использование языковых средств, и осознание необходимости исключить моменты узкодиалектного характера, которые, с точки зрения единой системы норм, рассматриваются как нормативно субуровневые. Вероятно, именно этот факт можно интерпретировать как ключевое рациональное зерно, определившее впоследствии видение конкретных путей создания (вернее, воссоздания – в соответствии с лингвистической логикой того периода) единого нормированного национального языка.

Подобные факты, как и прочие теоретические рассуждения, опирающиеся на существовавшие на тот момент философские доктрины и лингвистические концепции, можно признать существенным звеном теоретического наследия немецких барочных языковых обществ. Большинство сохранившихся документальных материалов затрагивают при этом, главным образом, вопрос о генезисе немецкого языка, его истоках и возможных направлениях его дальнейшего развития в условиях активного взаимодействия с другими европейскими национальными языками. Лингвистический дискурс языковых обществ того времени свидетельствует о безоговорочном и безусловном принятии сакральной концепции появления и дальнейшей дифференциации языков. Вместе с тем представители немецких барочных языковых обществ фактически заложили основы лингвистического дискурса современной германистики и стали местом апробации языковых концепций, призванных в равной степени обосновать и легитимировать статус языка формирующейся нации.

Выстраивание системы теоретических аргументов, укрепляющих позиции формирующегося немецкого языка, позволяет заметить концептуальное стремление использовать в качестве фундаментального критерия качественные и количественные характеристики лексического состава и его функциональной реализации. Такой подход можно считать вполне закономерным, поскольку члены барочных языковых обществ рассматривали подобный подход как наиболее легко реализуемый и в то же время наиболее эффективный. Его результатом в первую очередь должны были стать систематизированные лексикографические источники, которые, помимо прочего, фиксировали бы и нормативные аспекты как в описательной, так и в предписывающей форме. Исходной точкой рассуждений опять-таки являлась лингвофилософская интерпретация сакрального дискурса о генезисе немецкого языка и его непосредственной связи с праязыком. Опираясь на этот дискурс Гейнц, а за ним и Цезен фактически начинают рассматривать генезис немецкого языка как факт, априорно определяющий его уровень как качественно абсолютный. Подобный подход предполагал, что практически любой элемент корпуса немецкого языка изначально заложен в природе, изначально предопределен с точки зрения генезиса и может быть зафиксирован в пределах корпуса словаря. При этом становится очевидной тенденция к интерпретации самой лексической системы формирующегося немецкого языка как некой изначальной сакральной данности, которая способна покрыть абсолютно все потенциальные потребности носителей языка. Следует подчеркнуть, что в рамках такого подхода всту-

паєт в определенное противоречие открытость языковой системы (и обусловленная этим динамика развития словарного состава) и изначально предопределенные, мыслящиеся как статичные, квантитативные границы лексикографических источников. Реализация подобного подхода в действительности означает, что формирование корпуса словаря немецкого языка фактически имеет репродуктивный характер, воспроизводя сакрально уже заложенные в его первооснове единицы и определяющие их критерии. Такой подход давал возможность теоретически обосновать самодостаточность лексического состава немецкого языка и самодостаточность его словообразовательных средств, изначально способных к репродукции формативов лексем-обозначений развивающегося социума. Это, в свою очередь, позволяло в дальнейшем не только выдвинуть идею неприятия иноязычной лексики, но и абсолютизировать эту идею, как нормативно легитимную [3, II, с. 518].

Одной из особенностей лингвистической мысли того периода следует признать интенсивный дискурс, призванный укрепить позиции формирующегося национального языка среди других языков, что отражается в утверждениях о безусловном фактическом равноправии немецкого языка среди прочих уже сформировавшихся на тот момент европейских языков, о его способности быть столь же приемлемым для передачи научных знаний и прочих функций, как и другие языки. Справедливо ставя под сомнение попытки ограничить способность любого существующего языка адекватно вербализировать когнитивные процессы и их результаты, Харсдерфер, например, в своих рассуждениях подчеркивает неправомерность попыток рассматривать такую функцию языка исключительно как прерогативу одного или даже нескольких конкретных языков, подчеркивая универсальный характер этого явления. Его вывод о способности самого немецкого языка генерировать новые лексемы, адекватно отражающие окружающую действительность, имеет принципиальное значение в связи с тем, что в рамках формируемого нормативного дискурса использование заимствованных иноязычных лексем следовало заменить передачей содержательной стороны за счет реализации словообразовательного потенциала немецкого языка, естественно вытекающей из его способности адекватно отображать любые явления окружающего мира.

Особый интерес вызывает дальнейшее развитие этой идеи, выразившееся в стремлении казуально связать утрату аутентичной праформы немецкого языка с несоблюдением норм употребления языка со стороны его носителей. Именно этим, якобы, и обусловлена частичная утрата изначальной внутренней чистоты и изначального совершенства, что деструктивно сказалось на лингвистических параметрах языка, негативно повлияв на его способность адекватно и полно отображать окружающую действительность [4, 10]. В этой связи, сознавая необходимость определенных изменений в языковой практике, представители языковых обществ предлагали в качестве наиболее приемлемого пути «возрождения» немецкого языка корректное применение собственных языковых норм, то есть предлагали использовать конвенциональные нормы, формировавшие узуальные параметры их социетарной коммуникации. Идея такого подхода к нормированию заключалась в том, чтобы таким путем постепенно добиться внедрения и последующего закрепления нормативных стандартов языковых обществ не только среди узкого круга их участников, но и транспонировать эти нормы на более высокий уровень, добиваясь их надрегионального функционирования. Отдельного упоминания заслуживает идея о соответствии лингвистических стандартов определенным историческим обстоятельствам, поскольку именно из этого вытекало их точность и уместность. Создание именно таких норм, которые были бы основаны

на учете фундаментальных языковых закономерностей, и должно было объективно привести носителей языка в конечном итоге к практике нормированного языкового употребления, исключая ненормированные речевые акты, независимо от социального статуса самих носителей языка.

Отдельно следует отметить наметившееся постепенное смещение акцента с уже упомянутого выше концептуального отождествления немецкого языка с праязыком, игравшим чрезвычайно важную роль в теоретическом дискурсе того времени. Становится очевидным тот факт, что использовавшаяся ранее пассивная проекция нормативного аспекта сакрального дискурса постепенно заменяется растущим осознанием крайней необходимости и исключительной важности систематической филологической работы по изучению и эмансипации формирующегося национального немецкого языка. В свою очередь, это вызывает определенные изменения в иерархии сложившихся представлений и теоретических концепций. При этом становится все более очевидным, что активный поиск фактов, призванных подтвердить гипотетическую генетическую связь немецкого языка с сакральным праязыком, постепенно утрачивает свою актуальность. На первый план все больше выдвигается необходимость в таких теоретических постулатах, которые можно было бы использовать для теоретического обоснования и поддержки процессов формирования единого национального языка. Этот момент, как кажется, имеет принципиальное значение, поскольку отражает концептуальное изменение направления теоретической мысли в филологии того периода. На языке современной германистики этот момент, скорее всего, можно интерпретировать как ослабление господствовавшего до определенного времени диахронического подхода и осознание необходимости актуализации синхронического плана филологических исследований. Такая переориентация должна была закономерно привести к описанию и формированию системы актуальных норм национального языка, что, в свою очередь, позволило бы вновь убедиться в совершенстве его орфографии, словоупотребления и других его аспектов. Результаты такой языковой работы (*Spracharbeit*) должны были неизбежно привести к тому, что немецкий язык обретет всеобщее признание и займет подобающее ему место среди прочих европейских языков [5, с. 124].

Разумеется, было бы не совсем корректно утверждать, что лингвистический дискурс немецких барочных языковых обществ уже заключал в себе в сформировавшемся виде все основополагающие концепции и идеи, определившие вектор развития современной германистики. Вместе с тем едва ли можно также оспаривать тот факт, что ранние концепции барочных обществ формируют основы системного представления и интерпретации языковых фактов и их последующей интеграции в дискурс о зарождающемся национальном языке в контексте формирования немецкой нации. Процессы систематического нормирования немецкого языка естественно концентрируются, главным образом, вокруг текстовой практики языковых обществ. Акцентирование необходимости текстовой репрезентации языковых норм и результатов процессов языкового нормирования подчеркивает концептуальную новизну оценки реальной степени нормативности со стороны языковых обществ. Создание гомогенной системы норм, призванной трансформировать волюнтаристические речевые акты в нормированную общественную практику, можно рассматривать в качестве центрального звена программ барочных немецких языковых обществ. Чтобы придать фиксируемым нормативным положениям статус более существенный, чем статус формального перечня устойчивых общих закономерностей, было необходимо существование текстовых материалов,

которые, помимо фиксации предлагаемых норм, возвели бы их в стандарт, придав им, таким образом, абсолютный обязательный характер. Представители языковых обществ могли, таким образом, предложить собственные текстовые документы в качестве уже легитимного нормативного ориентира. С другой стороны, таким путем решалась задача по формированию и обоснованию предпосылок для последующей акцептации узких социетарных норм и восприятия самих представителей языковых обществ в качестве легитимной нормирующей силы. Подобно однотипным европейским объединениям, немецкие барочные языковые общества демонстрируют переход от имитации норм предшественников к утверждению собственных концептов и векторов лингвистического нормирования. В работах, раскрывающих суть лингвистических рассуждений, отражаются стандарты, основанные на языковых фактах уже не классических источников пошлого времени, а на фактах современных и актуальных для них источников. В своей совокупности все это и позволило указанным концепциям оказать непосредственное влияние на формирование арсенала лингвистических идей XVII века, равно как и последующих этапов развития германистики.

Библиографические ссылки

1. **Kügel Werner**: Geschichte und Gedichte des Pegnesischen Blumenordens. – B. 2. – Shaker Media, Aachen, 2008.
2. **Newman Jane O.**: Pastoral Conventions, Poetry, Language, and Thought in Seventeenth-Century. – Nuremberg, Baltimore, London: The Johns Hopkins Un. Pr., 1990.
3. **Harsdörffer, G. P.**: Delitiae Mathematicae et Physicae: Der Mathematischen und Philosophischen Erquickstunden Zweyter Teil. – Nürnberg, 1651. Reprint Frankfurt, Keip Verlag, 1990.
4. **Schottelius, Justus Georg**: Ausführliche Arbeit von der Teütschen Haupt Sprache/ Worin enthalten Gemelter dieser Haupt Sprache Urankunft/ Uraltertuhm/ Reinlichkeit/ Eigenschaft Vermögen/ Unvergleichlichkeit/ Grundrichtigkeit/ zumahl die SprachKunst und VersKunst Teutsch und guten theils Lateinisch völlig mit eingebracht/ wie nicht weniger die Verdoppelung/ Ableitung/ die Einleitung/ Nahmwörter/ Authores vom Teütschen Wesen und Teutscher Sprache/ von der verteutschung/ Item die Stammwörter der Teütschen Sprache samt der Erklärung und derogleichen viel merkwürdige Sachen. Abgetheilet In Fünf Bücher. Ausgefertiget von Justo-Georgio Schottelio D., Braunschweig 1663. Nachdruck, hrsg. v. Wolfgang Hecht, 2. Bde., Deutsche Neudrucke. Reihe: Barock 11/12, Tübingen 1967. // Schottelius, Justus Georg: Ausführliche Arbeit Von der Teutschen Hauptsprache 1663, hrsg v Wolfgang Hecht, Teil I-II, Tubmgen Niemeyer 1967(= Deutsche Neudrucke, Reihe Barock, Bd 11, 12), Teil I, S. 5.
5. **Harsdörffer Georg Philipp**: Prob und Lob der Teutschen Wolredenheit. Das ist: deß Poetischen Trichters Dritter Theil... Zu nachrichtlichem Behuff Aller Redner/Poeten/ Mahler/ Bildhauer und Liebhaber unsrer löblichen Helden Sprache angewiesen durch Ein Mitglied der Hochlöblichen Fruchtbringenden Gesellschaft, Nürnberg 1653. – Nachdruck in : Georg Philipp Harsdoerffer, Poetischer Trichter. – Darmstadt, 1969.

Надійшла до редколегії 20.02.2013

УДК 811.161.2'373.611

К. В. Дюкар

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

ОСОБЛИВОСТІ СТРУКТУРИ Й СЕМАНТИКИ ОКАЗІОНАЛЬНИХ ІМЕННИКІВ ІЗ АБСТРАКТНИМ ЗНАЧЕННЯМ У МОВОТВОРЧОСТІ Т. МЕЛЬНИЧУКА ТА С. САПЕЛЯКА

Досліджено структурно-семантичні особливості okazionalnih субстантивів із абстрактним значенням у мовотворчості Т. Мельничука та С. Сапеляка. Виявлено й описано найпоширеніші відхилення від узуальних канонів в авторському дериваційному процесі. Розглянуто множинність комбінацій okazionalного поєднання твірної бази й форманта в межах однієї словотвірної моделі. Проаналізовано явище черезкрокової деривації та появи лакун у словотвірних ланцюжках. Висвітлено вплив контексту на встановлення напрямку похідності.

Ключові слова: неологізм, okazionalізм, норма, структурно-семантичне відхилення, словотвірна модель, узуальна/неузуальна деривація.

Исследованы структурно-семантические особенности okazionalных субстантивов с абстрактным значением в словотворчестве Т. Мельничука и С. Сапеляка. Определены и описаны распространенные отклонения от узуальных канонів в авторском деривационном процессе. Рассмотрена множественность комбинаций okazionalного сочетания образующей основы и деривационного форманта в рамках одной словообразовательной модели. Проанализировано явление чересступенчатой деривации и появления лакун в словообразовательных цепочках. Освещен вопрос влияния контекста на установление направления производности.

Ключевые слова: неологизм, okazionalизм, норма, структурно-семантическое отклонение, словообразовательная модель, узуальная/неузуальная деривация.

The article analyzes the structural and semantic features of some occasional substantives of abstract value in poetry of T. Melnychuk and S. Sapeliak. The most common deviations from the usual norms of authoric derivative process are investigated and described. Attention is paid to the multiplicity of combinations of occasional incorporation of the base and derivational morphemes within a word-building model. The phenomenon of through stepper word formation and occurrence of gaps in derivational chains is studied. The influence of context on the establishment of derivation areas, as well as the variability of motivation derived words is considered.

Keywords: neologism, occasionalism, norm, structural and semantic deviation, derivational model, usual / unusual derivation.

Наприкінці ХХ – початку ХХІ століття внаслідок низки соціально-економічних, суспільно-політичних і науково-технічних зрушень в українському суспільстві виникає значна кількість нових слів. Починає зростати й інтерес учених до інноваційних явищ у комунікативній системі. Поступово розширюється коло питань, пов'язаних із виникненням неологізмів у мові. Так, започаткований у працях О. Земської, Е. Ханпїри, М. Калніязова, О. Ликова, В. Лопатїна теоретичний аспект вивчення неологізмів поступово перетворився на окремий напрямок у мовознавстві – неологію, у якому наразі успішно здійснюють дослідження Ж. Колоїз, Д. Мазурик, О. Жижома, Є. Карпїловська, О. Сербенська та інші науковці. Одним із перспективних векторів розгляду новацій сьогодні є неузуальні словотвірні процеси в мові художньої літератури, яким присвячені роботи О. Попової, Т. Юрченко, Г. Вокальчук, Л. Гливїнської. Попри значну увагу лексикологів, неологів, семасіологів, стилїстів і граматистів до різних аспектів авторської деривації (структура, семантика, особливості функціонування), субстантивні неканонїчні новації з абстрактним значенням у творчості Т. Мельничука та С. Сапеляка окремо не аналізувалися. Отже, *метою* нашої роботи є з'ясування

структурно-семантичних особливостей okazіональних іменників із абстрактною семантикою, які вживаються в поетичній мові Т. Мельничука та С. Сапеляка. Об'єкт аналізу – семантика і структура неuzuальних утворень. Основною джерельною базою стали такі збірки віршів: «Поезії» у трьох томах Т. Мельничука, «Во ім'я Слова», «Тривалий рваний зойк», «Без шаблі і вітчизни» С. Сапеляка.

Для художнього осмислення дійсності кожен митець намагається відшукати такі мовні засоби та звороти, які б максимально точно передавали авторський задум, естетичну концепцію, світогляд і світосприйняття, не порушуючи при цьому гармонійності зовнішньої форми творів. Величезна кількість художніх, стилістичних, концептуальних настанов зумовлює безперервний, динамічний рух письменника до нових форм і значень, тобто нових слів; на цьому ґрунті з'являються авторські неологізми, які подекуди відзначаються okazіональністю дериваційного процесу. У мовознавчих студіях останні дістали назву «інноваційні неuzuальні деривати», або «okazіоналізми». Уважаємо, що найбільш точно та повно зміст цього терміна передає визначення, запропоноване О. Турчак: «Okazіоналізм – незвичне, експресивно забарвлене слово чи стійке сполучення слів (нове за значенням і формою, або тільки за значенням, або тільки за формою), яке по-новому, свіжо, оригінально називає предмети, явища дійсності, утворене з порушенням законів словотворення чи мовної норми, існує лише в певному контексті, у якому воно виникло, має свого автора й характеризується такими ознаками: належністю до сфери мовлення, відтворюваністю, залежністю від контексту, повною чи частковою затемненістю семантики, одноразовістю й нерегулярністю використання, ненормативністю, новизною, експресивністю й індивідуальною належністю» [15, с. 7]. Аналіз явища okazіональності в мовотворчості поетів здійснюємо в компаративному аспекті, фіксуємо різного рівня структурно-семантичні відхилення від узуальних канонів.

Субстантивні деривати становлять найбільшу групу okazіоналізмів у поезіях Т. Мельничука та С. Сапеляка. Найпродуктивнішим із морфологічних способів словотвору неuzuальних іменників є суфіксальний. У межах авторських неканонічних новацій домінують одиниці на позначення абстрактних понять. Словотвірні засоби, що виражають цю семантику, у поетів різні. Так, однією з найпродуктивніших в узусі моделлю із суфіксом *-ість* послуговується і С. Сапеляк, утворюючи поодинокі okazіоналізми на зразок *стороність*, *троноємствєнність*. Зазначені слова цікаві не лише своєю подекуди надскладною структурою та затемненістю семантики, а й інтерпретаційною варіативністю. Звертаємо увагу на два типи аналізованих структур. Репрезентантом першого є неологізм *стороність*, який, судячи із загального змісту контексту, мотивується субстантивом *сторона*: «котилося коло / з діжечки-барила / понад потічок / ще й летіла горлиця / чумаченьком чалим / понад полем-суходолем / там купайла там купайла / гей бояри прикотили / і в каліні-каліноньці / забарились / в святойванському жупані / гей купайло / красні китиці / шлюбносватальні / купайле купайле / з якої *стороності*...? / – парубоцької...» [12, с. 67]. Ідеться про порушення норм сполучуваності твірної бази й афікса, оскільки в сучасній українській літературній мові слова з *-ість* становлять переважно відад'єктивні похідні: *радість* ← *радий*, *певність* ← *певний*, *сміливість* ← *сміливий* тощо. Наголошуємо також на тому, що аналізований okazіоналізм у цілому повторно номінує реалію, названу мотиватором, адже з висловлювання стає очевидним, що мова йде про сторону (бік) у значенні «лінія спорідненості». Це, на наше переконання, зумовлено низкою концептуальних вимог поета до змісту строфи, які потребували не просто редуплікації значення «запрошені з боку парубків», а особливої форми. Утворення нового слова не могло не позначитися на семантиці деривата – з'явився іменник із високим ступенем абстрактності.

Другий тип характеризується не лише структурно-семантичною надскладністю, а й варіативністю встановлення напрямку похідності. Так, одиниця *троноємственність*, якщо враховувати узуальні аналогії на зразок *багатозначність* ← *багатозначний*, може мотивуватися прикметником *троноємственний*. Із формального погляду жодних відхилень від узуальної моделі *прикметникова твірна база + -ість* немає. Відсутність мотивувального слова в системі української мови, однак, свідчить про порушення нормативної деривації, пов'язані з так званим черзкроковим словотворенням і наявністю лакун у словотвірному ланцюжку, заповнених гіпотетичними моделями мотиваторів, відновлення яких необхідне для правильного встановлення мотиваційних зв'язків між мотивувальним і мотивованим. Про okazіональність черзкрокової деривації говоримо з позицій традиційного розуміння словотвірної норми, оскільки, згідно з концепціями окремих дериватологів (А. Нелюба), вищезгадане явище не є порушенням словотвірного канону. Наведений спосіб утворення новації *троноємственність* найочевидніший, але не єдиний. Як відомо, установа мотивації спирається на семантику мотивата, яка в нашому випадку відзначається високим ступенем затемненості й потребує залучення контексту. Із метою виключення помилкового потрактування значення okazіоналізму наведемо рядки з поезії, у яких він функціонує: «*камінь свободи / на березі життя / пам'ятник земної тронноємственності / віщує окровавлення вітру / і снігу і дівування дерев / в кольорі дитиннім / переймення мови смерті...*» [12, с. 71]. Із загального змісту строфи стає зрозумілим, що неологізм – метафоризований семантичний аналог словосполучення «спадкоємність трону». Якщо перший компонент інновації не викликає жодних складнощів у потрактуванні, то другий – потребує особливої уваги. Через низку логіко-асоціативних аналогій із російськими словами «преемственный», «преемник» та «преемственность» можемо припустити, що йдеться саме про наступність і спадкоємність. Відповідно, другий компонент становить трансформований калькований варіант російського слова «преемственный», поширений унаслідок інтерференції на Східній Україні. Зауважимо, що значний період життя С. Сапеляка нерозривно пов'язаний зі Слобожанщиною, отже, це припущення не позбавлене сенсу. Можемо й дещо поіншому кваліфікувати компонент «ємственність». Зважаючи на загальновідомий факт того, що одним із провідних мотивів поезії С. Сапеляка є релігійність, а мова його лірики багата на церковні слова, то, можливо, друга частина okazіоналізму також пов'язана з церковною лексикою. В останній нерідко трапляються одиниці «преемственный» і «преемственность», наприклад, «Українська Православна Автокефальна Церква з канонічно **преемственною** ієрархією», «Апостольська **преемственність** митрополита Андрія». У будь-якому разі кожна гіпотеза має право на існування, оскільки не позбавлена раціонального зерна. Крім того, у підсумку кожна свідчить на користь того, що другий складник неологізму *троноємственність* – це модифікація слова «преемственный» або «преемственность». Вищеокреслене дає підстави вважати, що okazіоналізм міг утворитися в один із наведених нижче способів:

- 1) *троноємственність* ← *троноємственний* ← *ємственний трон* ← *преемственний трон*;
- 2) *троноємственність* ← *тронопреемственний* ← *преемственний трон*;
- 3) *троноємственність* ← *троноємственний* ← *тронопреемственний* ← *преемственний трон*;
- 4) *троноємственність* ← *тронопреемственність* ← *преемственність трону*;
- 5) *троноємственність* ← *тронопреемственність*.

Полімотивованість неологізму виникає внаслідок того, що на певному словотвірному ступені відбулася депрефіксація, украй рідке та нетипове для літературної мови явище, яке І. Улуханов [16, с. 39] і О. Ликов [3, с. 62–65] називають редеривацією, або зворотним словотворенням, і відносять до виявів okazіональності. Перший, другий і третій напрямки похідності свідчать про суфіксальний спосіб творення з одночасною редеривацією в одній із ланок. Такі мотиваційні зв'язки впливають із припущення, що у словотворенні беруть участь компонент «трон» і «преемственный». Четвертий і п'ятий ланцюжки вказують на депрефіксований спосіб творення новації. Із огляду на це говорити про суфіксальний шлях утворення не маємо підстав. Ці напрямки постають на ґрунті гіпотези про те, що друга частина okazіоналізму мотивована іменником «преемственность». Незалежно від шляху творення новації троноемственность, словотвірний ланцюжок міститиме лакуни, а дериваційний процес супроводжуватиме депрефіксація, що засвідчує значне відхилення від словотвірних норм сучасної української літературної мови. Перелік ланцюжків із потенційними мотиваторами неодеривата троноемственность можна продовжувати, оскільки форма та зміст новації вимагають усебічного аналізу, який у межах однієї наукової статті здійснити важко. На наш погляд, найбільш переконливими є другий і третій ланцюжки, оскільки редеривація, ймовірно, відбулася якщо не на останньому, то на передостанньому словотвірному кроці з метою певного спрощення морфемної структури слова відповідно до ритмомелодійних, концептуальних і стилістичних настанов С. Сапеляка.

Розгляд okazіоналізмів, утворених за допомогою суфікса -ість, засвідчив, що неuzuальна мовотворчість С. Сапеляка характеризується не лише значною кількістю структурно-семантичних відхилень від дериваційних канонів літературної мови, а й інтерпретаційно-змістовою надскладністю. У таких інноваціях найчастіше фіксуємо черезкрокове словотворення й наявність лакун у словотвірному ланцюжку.

У віршах Т. Мельничука з формантом -ість функціонують здебільшого узувальні одиниці (зимність, осінність, удовиність), що не мають відхилень від словотвірних норм літературної мови, хоча трапляються й окремі приклади okazіональних похідних на зразок зависть із трансформованим відповідником суфікса -ість. Для цих неодериватів властивою є структурна та смислова складність. Остання, зокрема, виявляється в тому, що поза контекстом okazіоналізм помилково можна потрактувати як діалектний варіант слова «заздрість». Інновація, однак, означає заметіль: «...і не страшна нам буде сніжна зависть / січнева не злякає заволока / і пустить Україна скіфську зав'язь / таких, як ми скіф'яток волооких» [7, с. 239–240]. Словосполучення «сніжна зависть», без сумніву, є метафоричним осмисленням понять «метелиця», «хуртовина», «сильний вітер зі снігом». Із одного боку, припускаємо, що новація зависть постає на базі образної аналогії – під дією вітру сніг кружляє, утворюючи завитки. Із другого – не виключаємо можливості того, що під неологізмом автор має на увазі подібні до виття звуки, характерні для явищ природи (виття вітру, завивання метелиці). Крім того, поетичні твори – це, насамперед, художнє осмислення дійсності, у якому органічно сполучаються образно-візуальні, звукові, органолептичні характеристики явищ. Зважаючи на це, одиниця зависть може становити елемент так званого прийому синестезії, який передбачає поєднання в одному тропі різних асоціацій, пов'язаних із природною здатністю людини переживати й синтезувати враження, одержані від кількох органів чуття. Оскільки нами з'ясовано, що okazіоналізм на образно-асоціативному рівні пов'язаний із процесом завивання (й у значенні «закручувати», й у значенні «утворювати звуки»), то припускаємо такий напрямок похідності: зависть ← за-

вивати. Фіксуємо okazіональне поєднання дієслівної твірної бази з -исть, який в узусі бере участь у творенні відприкметникових похідних.

Менша кількість інновацій, утворених за високопродуктивною в літературній мові моделлю з -ість, у віршах Т. Мельничука не свідчить про відсутність okazіональних абстрактних номенів у його ліриці як таких. Поет обирає інші засоби, серед яких малопоширений у нормативному словотворі дериваційний тип із суфіксом давнього походження -інь. Констатуємо, що okazіоналізми з цим афіксом частотно одні з найпоширеніших у мовотворчості поета, наприклад: макітрінь, місяцінь, хвостінь, журботінь, морозінь, чужінь тощо. В узусі іменники цієї моделі є відприкметниковими похідними з семантикою простору: височінь ← високий, глибочінь ← глибокий, широчінь ← широкий. Натомість у поета найчастіше твірними виступають непохідні іменникові, рідше віддієслівні субстантивні чи девербативні основи: місяцінь ← місяць, березінь ← береза, журботінь ← журбота, дрімотінь ← дрімота, терпінь ← терпіти. Фіксуємо неканонічне поєднання твірної бази й суфікса, що дає змогу констатувати okazіональність аналізованих мотивів. Звертаємо також увагу на варіативність мотивації деяких одиниць (дієслівну, прикметникову чи субстантивну), що вже свідчить про вихід за межі нормативного словотвору: морозінь ← мороз, морозити; веселінь ← веселити, веселий тощо. Наголошуємо на тому, що правильно встановити напрямок похідності можна лише в контексті, оскільки поза ним останній приклад за аналогією до узуальної дериваційної моделі можна вважати відприкметниковим похідним. Така полімотивованість, до речі, становить одну з особливостей іменникового словотворення Т. Мельничука. Окрім того, помітною рисою інновацій, яка також засвідчує їхній вихід за межі узусу, є те, що ці одиниці здебільшого позбавлені локативності, властивої нормативній деривації. Акцентуємо на тому, що загальне значення абстрактності мотивовані одиниці зберігають. Автор пропонує надзвичайно широку палітру нових семантичних відтінків. Похідні з постпозиційним афіксом -інь поділяємо на кілька типів.

Перший і найпоширеніший тип – це відіменникові субстантиви на кшталт макітрінь, водогрінь, морозінь, місяцінь, хвостінь, у яких значення абстрактності має найвищий рівень. Звертаємо увагу на транспозицію в лексико-граматичній категорії «конкретне – абстрактне» у процесі деривації новацій: макітрінь (абстр.) ← макітра (конкр.), морозінь (абстр.) ← мороз (конкр.), хвостінь (абстр.) ← хвіст (конкр.), місяцінь (абстр.) ← місяць (конкр.). Твірна база на позначення конкретного поняття, поєднуючись із посткореневим афіксом із загальним словотвірним значенням абстрактності, спричиняє перехід у межах категорії «конкретне – абстрактне». Нетиповість мотивувального для цього словотвірного типу дає підстави вважати такі трансфери супровідними виявами okazіональності на семантико-граматичному рівні.

Окремого розгляду, переконані, потребує одиниця макітрінь. Маємо, насамперед, звернути увагу на те, що потрактування значення неодеривата викликає певні труднощі. Ідеться про той унікальний випадок, коли контекст не просто не допомагає однозначно інтерпретувати новацію, а навпаки, впливає на варіативність її семантики: «аж замакітрилася / макітрінь / і у збанок-дзвінкотінь / наче в хату невеличку / їде їде на запічку / поховалась дітворінь...» [8, с. 200–202]. Зважаючи на припущення, що мова йде про одиничне поняття, зазначаємо невідповідність поєднання іменникової твірної бази та форманта узуальної моделі *прикметникова основа + -інь*. Можемо, однак, і дещо по-іншому інтерпретувати цю одиницю. Припускаючи, що макітрінь становить збірне поняття, говоримо про відсутність будь-яких ознак порушення дериваційних норм. Кваліфікувати неологізм таким чином дає підстави наявності в узусі обмеженої кількості похідних, утворе-

них на позначення збірних понять за словотвірною моделлю *іменникова твірна база + -інь*: *волосінь* ← волос. Із огляду на це неправомірно зараховувати новачію до okazіональних утворень.

Не можемо оминати увагою й okazіоналізм *місяцінь*, який відзначається не лише порушенням напрямку похідності, транспозицією в лексико-граматичній категорії, а й метафоризацією значення на базі домінування однієї з другорядних сем мотиватора. У контексті цей неологізм позначає місячне сяйво: «ніч дрімає / в дрімотінь / місяць сіє *місяцінь* / водограйлик водоґрінь / млин біжить / лиш млин біговітрінь» [8, с. 200–202], твірна база місяць'- позначає небесне світило, однією з характеристик якого є яскраве світло. У мотиваті сема 'сяйво' перетворюється на основне значення слова. Акцентуємо також на тому, що поза контекстом інтерпретувати новачію складно, адже її помилково можна мотивувати омонімом на позначення відтинку часу місяць.

Неодериват водоґрінь походить від субстантивного композита водоґрай і відзначається низкою структурних особливостей, які є наслідком okazіонального словотворення. Так, під час деривації твірна основа водоґрай- зазнала усічення компонента -aj-, що викликано дією семантико-дериваційної аналогії в контексті: «ніч дрімає / в дрімотінь / місяць сіє *місяцінь* / водограйлик **водоґрінь** / млин біжить / лиш млин **біговітрінь**» [8, с. 200–202]. Автор «нанизує» новачію однієї словотвірної моделі, що, відповідно, спричиняє утворення одиниць одного дериваційного типу: дрімотінь – місяцінь – водоґрінь – біговітрінь. Констатуємо, що дія словотвірної аналогії, коли за інерцією продукуються новачію однієї моделі, – одна з особливостей іменникового okazіонального словотворення Т. Мельничука.

Важливим моментом, на наш погляд, є також те, що okazіоналізми першого типу мають високий рівень абстрактності значення, затемнену семантику й відзначаються інтерпретаційною складністю. Це можна пояснити приєднанням до твірних основ на позначення конкретних понять афікса із загальною дериваційною семантикою абстрактності, що після лексико-граматичної транспозиції похідних спричиняє труднощі у співвіднесенні новачію з будь-якими явищами об'єктивної дійсності, вимагаючи залучення образно-асоціативного мислення до процесу потракування новачію.

Другий тип становлять одиниці на зразок журботінь, дрімотінь, які під час утворення не зазнають транспозицій у межах лексико-граматичних категорій: дрімотінь (абстр.) ← дрімота (абстр.), журботінь (абстр.) ← журбота (абстр.). Вони мають менш затемнену семантику й дещо нижчий (порівняно з похідними першого типу) рівень абстрактності. Цікаво, що останній приклад мотивується іменником, який у словниках маркований як розмовне слово. Безперечно, відносити цей факт до виявів okazіональності неправомірно, однак зафіксувати необхідно, оскільки він безпосередньо впливає на семантичне навантаження й пов'язані з цим особливості функціонування в контексті. Okazіональність інновацій, насамперед, зумовлюється порушеннями норм сполучуваності твірної основи й форманта (приєднання афікса до іменникової бази, замість передбаченої узусом прикметникової).

До третього типу okazіоналізмів словотвірної моделі з суфіксом -інь належать поодинокі похідні – назви осіб на зразок чужінь. Відзначимо, що цей неологізм має узуальні дублети чужинець, чужак, від яких відрізняється затемненістю семантики. Походить інновація від субстантивованого прикметника чужий. Формальні показники засвідчують відповідність нормативній моделі, а семантико-синтаксичні – указують на те, що мотиватор перейшов із прикметника в іменник, а потім, поєднавшись із афіксом і вийшовши при цьому за межі дериваційного канону, утворив okazіоналізм чужінь. Із цього випливає, що такі неодеривати від-

значаються чи не найнижчим ступенем абстрагованості значення. Не можемо оминати також той факт, що поза контекстом *чужінь* можна потрактувати як *чужину*, тобто антонімічне поняття до слова «батьківщина», однак рядки з вірша Т. Мельничука свідчать про те, що йдеться саме про особу: «Гойда-айя, гойда-люлю, / То твій тато, то не *чужінь*... / Твоя мама, як зозуля, / А твій ненько – ключчя кужіль» [6, с. 215]. Констатуємо не лише доволі цікаве з точки зору «конфронтації» форми та змісту порушення норм сполучуваності твірної бази й афікса, а й набуття останнім невластивого для нього словотвірного значення особи за походженням чи місцеперебуванням.

Отже, малопоширений у нормативному словотворі дериваційний тип із посткореневим афіксом давнього походження *-інь* у мовотворчості Т. Мельничука відзначається високою продуктивністю. Оказіональні субстантиви цієї моделі характеризуються різноманітними порушеннями норм деривації, зокрема поєднанням твірних баз і формантів, набуттям нехарактерних для похідних цього типу значень збірності, назви особи тощо. Особливістю цих інновацій, безперечно, є різний ступінь абстрактності семантики, продиктований авторськими вимогами до контексту. Окрім того, у словотворчості поета суфікс *-інь* виявляє здатність до омонімії та полісемії, що свідчить про утворення нових словотвірних типів із цим афіксом.

У ліриці С. Сапеляка словотвірна модель із суфіксом *-інь*, за якою утворюються похідні на зразок *терпінь*, виявилася найменш продуктивною. Фіксуємо також окремі випадки деривації новацій цього типу із *-інь* – трансформованим відповідником суфікса *-інь*, наприклад, *сліпотинь*. Мотиваторами таких інновацій переважно є дієслова й іменники замість передбаченого узусом прикметника: *терпінь* ← *терпіти*, *сліпотинь* ← *сліпота*. Вихід за межі узуального дериваційного процесу спричиняє порушення норм сполучуваності твірної основи й форманта. Особливістю оказіоналізму *сліпотинь* є те, що в контексті він метафоризується й позначає істоту, імовірно, жінку: «З келишечком в руці і з квіткою чужою. / Стояла Ти... Моя стояла *сліпотинь*... / Любове, Ти?.. Жовтіє квіточка левкою...» [12, с. 115]. Зазначимо, що в узусі похідних, утворених за допомогою форманта *-інь* / (*-інь*), на позначення істот віднайти не вдалося. Особливості функціонування безпосередньо пов'язані з непрозорістю семантики неодеривата, наближення до значеннєвого ядра якої вимагає не лише залучення контексту, а й асоціативного зіставлення на базі логіко-змістових зв'язків оказіоналізму з мотиватором «сліпота». Словники фіксують переносне вживання цього слова: «Нездатність, невміння помічати те, що відбувається навколо, правильно оцінювати його» [14, с. 364]. Можемо стверджувати, що новація позначає жінку, через яку ліричний герой не помічає й не може адекватно оцінювати нічого довкола себе. Такий своєрідний метафоризований синтез формує семантику неодеривата, що вимагає особливої форми, якої в межах узусу С. Сапеляку віднайти не вдалося. Важливо зазначити, що трансформація суфікса *-інь*, імовірно, пов'язана з намаганням автора уникнути помилкової інтерпретації оказіоналізму. Йдеться про те, що з цим афіксом новація мала б вигляд *сліпотинь* і на рівні логіко-асоціативних зв'язків могла розпадатися на компоненти «сліпий» і «тінь», що абсолютно не вписується у визначену концепцію й загальне змістове навантаження поезії.

Продуктивна узуальна дериваційна модель *прикметникова твірна база + -от(a)*, за якою утворюються субстантиви з семантикою якості, властивості, для мовотворчості Т. Мельничука взагалі не характерна, а в поезії С. Сапеляка фіксуємо лише поодинокі приклади на зразок *гріхота*, *снігота*. На відміну від канонічного напрямку похідності (*чистота* ← *чистий*, *доброта* ← *добрий*, *теплота* ← *теплий*), наведені оказіоналізми мотивуються іменниками: *гріхота* ← *гріх*, *снігота* ←

сніг, що суперечить узуальним нормам сполучуваності дериваційних основ і афіксів під час творення номенів на позначення абстрактних понять. Попри однаковий напрямок похідності, okazіоналізми мають різний ступінь абстрактності, який, як зазначалося вище, залежить від того, до якої лексико-граматичної категорії (конкретне чи абстрактне) належить мотиватор. Мотивоване гріхота відзначається вищим ступенем абстрактності, оскільки абстрактна семантика мотивувального поєднується з абстрактним значенням форманта. Із огляду на це можемо говорити про напівпрозоре значення неологізму порівняно з okazіоналізмом снігота, що має затемнену семантику завдяки тому, що мотиватор репрезентує конкретне поняття. Отже, інноваційні неодеривати в мовотворчості С. Сапеляка, утворені за словотвірною моделлю з суфіксом -от(а), характеризуються структурною невідповідністю узуальним нормам і пов'язаними із цим особливостями семантики.

Отже, okazіоналізми зі словотвірними афіксами -ість(-исть), -інь(-инь), -от(а) утворюються переважно за відомими українській літературній мові словотвірними моделями, які відповідно до вимог контексту зазнають структурно-семантичних модифікацій унаслідок незвичних поєднань твірних баз і формантів, а також низки супровідних семантико-граматичних змін. Констатуємо множинність комбінацій okazіонального поєднання твірної бази та дериваційного форманта в межах однієї словотвірної моделі в мовотворчості С. Сапеляка, що, безперечно, становить одну з особливостей його ідіостилу. Звертаємо увагу на кількісне домінування абстрактних okazіоналізмів із посткореневими афіксом -інь у словотворчості Т. Мельничука, на відміну від поодиноких прикладів незузальних субстантивів цієї моделі в поезіях С. Сапеляка. Акцентуємо на явищі черезкрокової деривації та появи лакун у словотвірних ланцюжках в авторському мовотворчому процесі С. Сапеляка. Окремо відзначимо виявлену нами пряму залежність між установленням напрямку похідності, множинністю мотивації похідних, їхньою інтерпретаційною й семантичною надскладністю та контекстом. Таким чином, аналіз okazіональних іменників із абстрактним значенням становить перспективний напрям, що потребує подальшого вивчення.

Бібліографічні посилання

1. **Карпіловська Є. А.** Незузальне словотворення : правила «гри без правил» / Є. А. Карпіловська // Вісник Київ. нац. лінгвіст. ун-ту. – Серія : Філологія. – 2005. – Т. 8. – № 1. – С. 106–117.
2. **Колоїз Ж. В.** Українська okazіональна деривація : монографія / Ж. В. Колоїз. – К. : Акцент, 2007. – 310 с.
3. **Лыков А. Г.** Окказионализм и языковая норма / А. Г. Лыков // Грамматика и норма. – М., 1977. – С. 62–83.
4. **Мазурик Д. В.** Поетичні okazіоналізми : традиція і сучасність / Д. В. Мазурик // Культура слова. – К., 2000. – Вип. 55–56. – С. 45–51.
5. **Мельничук Т. Ю.** Несімо любов планеті / Т. Ю. Мельничук. – Ужгород : Карпати, 1967. – 42 с.
6. **Мельничук Т. Ю.** Поезії : у 3-х т. / Т. Ю. Мельничук. – Коломия : Вік, 2003. – Т. 1. – 254 с.
7. **Мельничук Т. Ю.** Поезії : у 3-х т. / Т. Ю. Мельничук. – Коломия : Вік, 2003. – Т. 2. – 255 с.
8. **Мельничук Т. Ю.** Поезії : у 3-х т. / Т. Ю. Мельничук. – Коломия : Вік, 2003. – Т. 3. – 496 с.
9. **Нелюба А. М.** Черезкрокове словотворення й інноваційні явища в українській мові (на зразках суфіксальних дериватів) [Електронний ресурс] / А. М. Нелюба // Вісник Дніпропетров. нац. ун-ту. Серія : Мовознавство. – 2009. – Вип. 15. – Т. 1. – Режим доступу : http://www.nbuv.gov.ua/Portal/Natural/Vdpu/Movozn/2011_17_1/article/5.pdf.

10. **Плющ М. Я.** Граматика української мови : у 2 ч. – Ч. 1. Морфеміка. Словотвір. Морфологія : підручник / М. Я. Плющ. – К. : Вища шк., 2005. – 286 с.
11. **Сапеляк С. Є.** Без шабл і вітчизни : Вірші / Степан Євстахійович Сапеляк. – Торонто : Дослідний Інститут «Україніка», 1989. – 128 с.
12. **Сапеляк С. Є.** Во ім'я Слова : поезії / С. Є. Сапеляк. – Х. : Майдан, 2007. – 154 с.
13. **Сапеляк С. Є.** Тривалий рваний зойк : поезії / передм. П. Мовчана / С. Є. Сапеляк. – К. : Рад. письменник, 1991. – 189 с.
14. **Словник української мови** : в 11 т. / [за ред. І. К. Білодіда]. – К. : Наук. думка 1971. – Т. 9. – 832 с.
15. **Турчак О. М.** Оказіоналізми в мові української преси 90-х років ХХ століття : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. М. Турчак. – Дніпропетровськ, 2005. – 19 с.
16. **Улуханов И. С.** Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М. : Наука, 1977. – 252 с.

Надійшла до редколегії 13.02.13

УДК 811.161.1'42

М. И. Жадлун

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОБРАЗ НЕВЫ В ПОЭЗИИ А. АХМАТОВОЙ

Зроблено концептуальний аналіз ціннісного компонента поетичної картини світу А. Ахматової – річки Невы. Виокремлено контекстуально зумовлені наповнення лексеми «Нева» у поетичних текстах А. Ахматової.

Ключові слова: поетичний твір, поетична картина світу, концепт «ВОДА», лексема «Нева», лексема «Петербург».

Осуществлен концептуальный анализ ценностного компонента поэтической картины мира А. Ахматовой – реки Невы. Выделены контекстуально обусловленные наполнения лексем «Нева» в поэтических текстах А. Ахматовой.

Ключевые слова: поэтическое произведение, поэтическая картина мира, концепт «ВОДА», лексема «Нева», лексема «Петербург».

The article deals with conceptual analysis of the value component of the poetic picture of the world of A. Akhmatova – River Neva. Identify all the possible tokens filling the river Neva in poetic texts A. Akhmatova.

Keywords: poetry, poetic picture of the world, the concept of «water», lexeme «Neva», lexeme «Petersbourg».

Проблема создания поэтического текста всегда привлекала внимание различных ученых, ведь поэтическое произведение – это зафиксированный результат когнитивных и ментальных процессов, происходящих в сознании творца (поэта).

Изучением поэтического текста занимались М. М. Бахтин, В. М. Жирмунский, Ю. М. Лотман, Л. В. Щерба, В. Б. Шкловский, Р. О. Якобсон. На сегодняшний день исследователями поэтических произведений являются Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, В. З. Демьянков и др.

Создавая поэтические строки, автор формирует свою собственную картину мира. Поэтическая картина мира, по утверждению В. А. Масловой, представляет собой «субъективный образ объективного мира» [10, с. 41]. Такая картина мира «индивидуальна, так как она создаётся в текстах одного человека, представителя определённого народа». «Языковые пространства поэтической картины мира отра-

жают внутренний мир автора и переломленный в его сознании мир внешний» [10, с. 41].

Руководствуясь данными положениями, нам представляется правомочным взглянуть на поэтический мир А. Ахматовой с ценностных позиций. **Объектом** исследования в нашей работе стал лексический репрезентант концепта «ВОДА» – Нева. Выбор данного объекта исследования был продиктован тем, что вода в целом является одной из первостихий в национальной образности русской поэзии, а в системе ценностных координат поэтической модели мира А. Ахматовой занимает одно из ключевых позиций. Значимость воды подтверждается высказыванием исследователя национальных образов мира Г. Гачева, который называет ее одним из важнейших элементов картины мира русского этноса [7, с. 213].

Полная выборка и анализ стихотворений А. Ахматовой с лексическим компонентом *Нева* (30 словоупотреблений) позволила выявить следующие смысловые наполнения лексемы:

- 1) река Нева – доминанта Петербурга;
- 2) река Нева – географическая координата, топоним (место действия и развития событий, о которых повествуется в стихотворениях);
- 3) река Нева – элемент пейзажа;
- 4) река Нева – «спутница», «свидетельница» личных драм лирической героини;
- 5) река Нева – символ очищения, времени, потери и забвения.

«Все места, где я росла и жила в юности, больше не существуют: Царское Село, Севастополь, Киев, Слепнево, Гунгербург (Усть-Нарва). Уцелел – Херсонес (потому что он вечный), Париж – по чьему-то недосмотру и Петербург-Ленинград, чтобы было, где преклонить голову...» [5, с. 297] – не случайно А. Ахматова выбирает Петербург-Ленинград в качестве своего последнего пристанища. Ведь большую часть жизни поэтесса прожила именно в Петербурге. Город стал «свидетелем» её творческой и человеческой судьбы.

Несмотря на то, что поэтесса родилась у Чёрного моря в Одессе, своим родным городом она считала Петербург. Об этом свидетельствуют исследователи жизни и творчества А. Ахматовой: И. Верболовская («Горькой любовью любимый: Петербург Анны Ахматовой» [6]), Д. Хренков («Анна Ахматова в Петербурге – Петрограде – Ленинграде» [11]).

Будучи бесконечно влюблённой в этот город, А. Ахматова восхищалась Невой – доминантным символом Петербурга:

*«О, есть ли что на свете мне знакомай,
Чем штилей блеск и отблеск этих вод!»* [3, с. 194].

Многочисленные водные пространства Северной столицы (Большая Нева, Малая Нева, Большая Невка, Малая Невка, Фонтанка, Мойка, канал Грибоедова, Крюков канал и т. д.), главенствующее место среди которых, безусловно, занимает Нева, являются её яркой отличительной чертой:

*«Оттого мы любим строгий,
Многоводный темный город»* [3, с. 88].

А. Ахматова боготворила город на Неве, была ему «верна»:

*«Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные мрачные сады
И голос Музы еле слышный»* [3, с. 89].

Строки:

*«Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега»* [3, с. 84]

свидетельствуют о том, что поэтесса любовалась рекой, а глагол «любить», употребленный как в настоящем, так и в прошедшем времени, свидетельствует о том, что Ахматова «возвращалась» к Неве, чтобы снова и снова запечатлеть её в памяти.

Поэтесса всегда противопоставляла две столицы – Петербург и Москву. В этом смысле интересны следующие ассоциации:

*«Переулочек, переулок...
Горло петелькой затянул.
Тянет свежест с Москвы-реки.*

...

Мне бы снова мой черный платок.

Мне бы невской воды глоток [3, с. 147].

Отсюда следует, что Москва для А. Ахматовой ассоциируется со смертью (стихотворение написано в 1922 г., а в 1921 г. умирает Л. Н. Гумилёв, первый муж поэтессы), а невская вода Петербурга – с живительной влагой, способной вернуть её к жизни.

Таким образом, Нева, будучи лексическим репрезентантом концепта «ВОДА» в индивидуально-авторской картине мира А. Ахматовой, является неотъемлемым компонентом концепта «ПЕТЕРБУРГ», символом духовной родины поэтессы.

Следующее смысловое наполнение лексемы «Нева» – Нева в значении географическая координата, топоним.

Так, в стихотворении «Я пришла к поэту в гости...», посвященном встрече А. Ахматовой и А. Блока, Нева выступает в роли географической доминанты:

*«Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы»* [3, с. 72].

В данных строках речь идет об известном биографическом факте, когда в одно из воскресений 1913 года А. Ахматова принесла А. А. Блоку свои стихи на Офицерскую улицу, 57, расположенную неподалеку устья Невы, чтобы он их подписал. Поэт сделал лаконичную надпись: «Ахматовой – Блок» [3, с. 378].

Левый берег Невы в стихотворении, посвященном графу В. П. Зубову, также является местом действия событий, о которых вспоминает А. Ахматова:

*«И дом припоминая темный
На левом берегу Невы,
Смотрю как ласковы и томны
Те розы, что прислали Вы»* [3, с. 36].

«Анна Андреевна называет дом графа Зубова тёмным не потому, что там происходило что-то нехорошее, а потому, что этот дом, точнее, дворец, был облицован чёрным мрамором. В своём роскошном дворце Валентин Платонович, богач, искусствовед и меценат, основал в 1912 году Институт истории искусств, где читали лекции самые известные деятели культуры, а в легендарном Зелёном зале с малахитовым камином регулярно устраивались концерты» [4, с. 321].

В стихотворении «Покорно мне воображенье», посвященном Н. В. Недоброву, «другу и вдохновителю, автору лучшей статьи о её (А. Ахматовой) творчестве» [4, с. 374], левый берег Невы аналогично предыдущим примерам – пространственная координата:

*«Покорно мне воображенье
В изображеньи серых глаз.
В моём тверском уединеньи
Я горько вспоминаю Вас.
Прекрасных рук счастливый пленник
На левом берегу Невы,*

*Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели Вы» [3, с. 50].*

Нельзя не отметить, что левый берег Невы в целом был знаковым местом в жизни Ахматовой. В разные годы пребывания в Петербурге поэтесса жила на левом берегу Невы (Фонтанный дом, Тучков переулок и др.), поэтическое кабаре «Бродячая собака», завсегдатаем которого была А. Ахматова, также находилось на левом берегу, и в конце концов тюремная очередь в «Кресты», где держали жертв сталинских репрессий, среди которых были её муж (Николай Гумилёв) и сын (Лев Гумилёв) тянулась вдоль левого берега Невы.

Отличительной чертой индивидуального стиля поэтессы было то, что она в своих стихотворениях заостряла внимание на конкретных деталях пейзажа. В. М. Жирмунский заметил, что питербургский пейзаж был поэтическим открытием А. Ахматовой [8, с. 109]. Приведем наглядные примеры:

*«Но когда над Невой длится
Тот особенный, чистый час
И проносится ветер майский
Мимо всех наводных колонн» [3, с. 84];*
*«На Неве под млеющим паром
Начинается ледоход» [3, с. 86];*
*«Только вёсла плескались мерно
По тяжёлой невской волне» [3, с. 90];*
*«Солнце ниже и Нева туманней,
А надежда всё поёт вдали» [3, с. 196],*
*«Без фонарей как смоль был черен невский вал,
Глухонемая ночь вокруг стеной стояла» [3, с. 272];*
*«И сразу вспомнит он зимний небосклон
И вдоль Невы несущуюся вьюгу,
И сразу вспомнит, как поклялся он
Беречь свою восточную подругу» [3, с. 131].*

Если бы стихи Ахматовой можно было нарисовать, то они непременно были бы выполнены в импрессионистическом стиле. Поэтесса запечатлевает внешний мир в его подвижности (движение ветра над рекой, движение ледохода, несущаяся над Невой вьюга, плеск вёсел). Стихотворения наполнены светом и цветом (закат солнца, белые ночи – «чистый час», туманная Нева, «черен невский вал»). Создание пейзажа Ахматовой подобно нанесению на холст красок художником – постепенно, отдельными мазками.

По утверждению автора «Энциклопедии символов» Е. А. Шейниной, стихия воды во всех мировых традициях является символом женского начала [12, с. 48]. Примечательно, что лексема «Нева» женского рода, следовательно, можно предположить, что именно поэтому поэтессе было легко делиться с нею (рекой) собственными переживаниями. Река часто становилась «свидетельницей» встреч и расставаний А. Ахматовой с дорогими людьми:

*«В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались
Была в Неве высокая вода.
И наводнения в городе боялись
Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине – нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! –
Затем что воздух был совсем не наш,
А как подарок Божий – так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен» [3, с. 50].*

Данное стихотворение о несостоявшейся любви было посвящено поэту графу В. А. Комаровскому и является ответом на его стихи [3, с.374]:

*«Видел тебя красивой лишь раз. Как дымное море,
Сини глаза. Счастливо лицо. Печальна походка.
Май в то время зацвел, и воздух светом и солью
Был растворён. Сияла Нева. Теплом и весною
Робкою грудью усталые люди дышали.
Ты была влюблена, повинувшись властному солнцу,
И ждала – а сердце, сгорая, пело надеждой.
Я же, случайно увидев только завесу.
Помню тот день. Тебя ли знаю и помню?
Или это лишь молодость – общая чаша?»*

Как видим, образ Невы присутствует в обоих стихотворениях, но если у Комаровского Нева – это пейзажная деталь, то у Ахматовой данный образ наполнен куда более глубоким смыслом. С одной стороны, в ахматовском стихотворении высота воды в реке может олицетворять те эмоции, чувства, которыми была переполнена лирическая героиня стихотворения («*В последний раз мы встретились*», «*Последняя из всех безумных песен*» – акцент на слово последний / последняя), словно река, которая вот-вот выйдет из берегов. Но с другой стороны, если учитывать, что «Нева почти всегда (за исключением редких весенних наводнений) стоит в своих берегах на одном уровне, при этом очень высоком. Вода наполняет город как бы до самых краёв» [9, с. 10], тогда строка «*Была в Неве высокая вода*» – это не более чем отличительная черта данной реки в период половодья. Следовательно, это имплицитное выражение времени встречи.

А. Ахматова была натурой влюбчивой. Но любовное чувство героини в ее стихах зачастую передаётся в минорных тонах, и в это описание включается образ Невы:

*«Как ты можешь смотреть на Неву,
Как ты смеешь всходить на мосты?
Я недаром печальной слыву
С той поры, как привиделся ты»* [3, с. 83] –

посвящены В. Н. Недоброво, другу поэтессы, автору статьи о её творчестве.

*«Я не взглянула на Неву,
На озарённые граниты,
И мне казалось – наяву
Тебя увижу, незабывый...»* [3, с. 91] –

эти строки обращены к художнику и витражисту Б. Арнапу.

В данных отрывках интересны выражения «*Как ты можешь смотреть на Неву*», «*не взглянула на Неву*», которые усиливают передачу душевного состояния поэтессы. Можно предположить, что для поэтессы видеть Неву является необходимым условием ее жизни, как бы своеобразным глотком воздуха, а в тягостные минуты она даже не может на нее смотреть.

Посредством водной стихии поэтесса передает свои чувства к Н. Н. Пунину, с которым прожила 15 лет:

*«От тебя я сердце скрыла,
Словно бросила в Неву...
Прирученной и бескрылой
Я в доме твоём живу»* [3, с. 181].

Показательным является и использование притяжательного местоимения при описании Невы, которое подчеркивает ее значимость в жизни поэтессы:

*«Я бросила тысячи звонниц
В мою ледяную Неву,
И я королевой бессонниц
С той ночи повсюду слыву»* [4, с. 69].

Двустигшія «*От тебя я сердце скрыла, / словно бросила в Неву...*», «*Я бросила тысячу звонниц / В мою ледяную Неву*» вызывают ассоциацию с фразеологизмом «концы в воду», но не в его прямом значении – ‘скрыть следы преступления’, а в перифразированном – скрыть чувства.

Нева оказалась «свидетельницей» не только личных драм героини, но и немим «наблюдателем» горестных минут всего русского народа. Речь идет о поэме «Реквием» – литературном памятнике всем жертвам сталинских репрессий. Поэма проникнута чувством всенародного горя:

«Перед этим горем гнутся горы,

Не течёт великая река,

Но крепки тюремные затворы,

А за ними «каторжные норы»,

И смертельная тоска» [3, с. 196].

Пережив расстрел мужа и арест сына, Ахматова завещает:

«А если когда-нибудь в этой стране

Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,

Но только с условием не ставить его

Ни около моря, где я родилась:

Последняя с морем разорвана связь

...

А здесь, где стояла я триста часов

И где для меня не открыли засов.

...

И голубь тюремный пусть гулит вдали,

И тихо идут по Неве корабли» [3, с. 202].

Общеизвестно, что вода обладает целебной и очистительной силой. По утверждению А. Н. Афанасьева, «Вода рек священна. Ею крестят при первом освящении, ею смывают грехи, очищают тело и душу» [2, с. 57]. Подобное восприятие реки находим и у А. Ахматовой:

«Принеси же мне горсточку чистой,

Нашей невской студеной воды,

И с головки твоей золотистой

Я кровавые смою следы» [3, с. 209] –

стихотворение «Памяти Вали» посвящено «памяти мальчика, погибшего во время бомбардировки Ленинграда» [3, с. 406].

Согласно «Энциклопедии символов» [12, с. 58], река – символ необратимого потока времени. Символ потери и забвения, символ постоянной изменчивости.

Так, в стихотворном отрывке:

«Сердце бьётся ровно, мерно,

Что мне долгие года!

Ведь под аркой на Галерной

Наши тени навсегда...

Ты свободен, я свободна,

Завтра лучше, чем вчера, –

Над Невой темноводной,

Под улыбку холодной

Императора Петра» [3, с. 68] –

темноводная Нева отождествляется с Летой, рекой забвения.

А строки из «Венка мертвым», посвященные О. Мандельштаму:

«Это наши проносятся тени

Над Невой, над Невой, над Невой,

Это плещет Нева о ступени,

Это пропуск в бессмертие твой» [3, с. 250]

аналогічно представлению славян о том, что вода – начало и конец мира, так как все появляется из воды и в воду уходит.

Все сказанное, на наш взгляд, свидетельствует о значительной семантической насыщенности лексического репрезентанта концепта «ВОДА» – Нева – в рассмотренных поэтических контекстах. Данный репрезентант, безусловно, является ценностным компонентом поэтической картины мира А. Ахматовой.

Примечательно то, что Нева Ахматовой в различных смысловых интерпретациях имеет либо нейтральную окраску, либо окрашена исключительно в темные тона, да и все приведенные стихотворения написаны на минорный лад. Ю. Анненков в «Дневнике моих встреч» так описывает поэтессу: «Грусть была, действительно, наиболее характерным выражением лица Ахматовой. Даже – когда она улыбалась» [1, с. 78]. Этой грустью были наполнены и стихотворения А. Ахматовой. Да и не может быть иначе у человека со столь сложной судьбой.

Выполненное исследование лексемы «Нева» позволило сделать вывод о том, что индивидуально-авторская картина мира поэтессы базируется на многовековых наивных представлениях русского народа о воде (реке), следовательно, поэтическая картина мира А. Ахматовой включает в себя русскую языковую картину мира, но все же в большей степени поэтесса запечатлевает собственное видение образа Невы, которое не всегда прозрачно и понятно, но конечно же трагически-прекрасно и притягательно.

Вильгельм фон Гумбольдт писал: *«Великий человек вкладывает свою личность в свое произведение и тем самым продлевает свое бытие далеко за пределами своей жизни»*. Такова и А. Ахматова, которая своей гениальной поэзией обогатила национальную культуру собственной картиной мира, собственным мировосприятием.

Библиографические ссылки

1. Анненков Ю. Дневник моих встреч / Ю. Анненков. – М. : Захаров, 2001. – С. 77–96.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. – М. : Современный писатель, 1994–1995. – 400 с.
3. Ахматова А. Сочинения: в 2 т.: Стихотворения и поэмы / сост. и подгот. текста М. М. Кралина. – М. : Правда, 1990. – Т. 1. – 448 с.
4. Ахматова А. Сочинения: в 2 т. : Стихотворения разных лет / сост. и подгот. текста М. М. Кралина. – М.: Правда, 1990. – Т. 2. – 432 с.
5. Ахматова А. Записные книжки (1958–1966) / А. Ахматова. – М.–Torino, 1996. – С. 297.
6. Верболовская И. Горькой любовью любимый: Петербург Анны Ахматовой / И. Верболовская. – СПб. : Изд-во «Журнал Нева», 2002. – 335 с.
7. Гачев Г. Г. Национальные образы мира / Г. Г. Гачев. – М., 1999. – 369 с.
8. Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм / В. М. Жирмунский. Теория литературы: Поэтика. Стилистика. – Л., 1977. – С. 106–133.
9. Лихачёв Д. С. Небесная линия города на Неве / Д. С. Лихачёв // Наше наследие. – 1989. – № 1. – С. 8–13.
10. Маслова В. А. Поэт и культура : концептосфера Марины Цветаевой : уч. пособие / В. А. Маслова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 256 с.
11. Хренков Д. Анна Ахматова в Петербурге – Петрограде – Ленинграде / Д. Хренков. – Л., 1989. – 222 с.
12. Шейнина Е. А. Энциклопедия символов / Е. А. Шейнина. – М. : ООО «Изд-во АСТ» ; Харьков : «Торсинг», 2003. – 591 с.

Надійшла до редколегії 20.01.12

С. Ю. Жарко, І. М. Шпілько

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ОСОБЛИВОСТІ РОЗБУДОВИ ЛЕКСИКОНУ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ (на матеріалі віддієслівних іменників)

Досліджено особливості розбудови лексичної системи української мови на основі віддієслівних іменників. З метою простежити зміни у функціонуванні та структурно-семантичному наповненні проаналізовано не лише віддієслівні іменникові новотвори, а й уживані в мові лексеми.

Ключові слова: віддієслівні іменники, процесуальне значення, структурно-семантичні особливості, моделювання дериватів.

Исследованы особенности развития лексической системы языка на материале отглагольных существительных. С целью проследить изменения в функционировании и структурно-семантическом наполнении проанализированы не только новообразованные отглагольные существительные, но и употребляемые в языке лексеми.

Ключевые слова: отглагольные существительные, процессуальное значение, структурно-семантические особенности, моделирование дериватов.

The specificity of the Ukrainian lexical system's extension is under study on the examples of verbalised nouns in the thesis. The structural and semantic transformations of the Ukrainian vocabulary are in the focus of the research.

Keywords: verbalised nouns, word-formation format, structural and semantic peculiarities, lexical derivations.

Розбудова лексикону сучасної української мови надзвичайно стрімко здійснюється в останні десятиліття. З одного боку, це зумовлено зрушеннями в політичній та економічній системах суспільства, швидким розвитком науки, техніки, уніфікацією інформаційного простору та культурними потребами особистості. З іншого – «мовний розвиток стимулює безперервна зміна мовних смаків, оцінок, які не завжди збігаються з традиційними, усталеними та закріпленими узусом, що обов'язково спричиняє появу в системі несподіваних окремих лакун, які логічно мають бути чимось заповнені» [7, с. 6]. Епоха тоталітарного режиму надмірно гальмувала еволюцію української мови, тому демократизація нашого суспільства дала можливість свободи вибору мовних засобів, дозволила вийти за межі стандарту, моделювати нові лексеми на власний розсуд. Мовну розкутість, творчу свободу сьогодні активно демонструють ЗМІ.

Динаміка словникового складу української мови на сучасному етапі має певні закономірності, оскільки мовні зміни позначені не лише необхідністю звичайного процесу номінації нових реалій, а й намаганням активізувати власне мовні ресурси, замінити неприродні для нашої мови лексеми «рідними» словами, повернути забуті, свідомо вилучені раніше найменування. Тому увага вітчизняних лінгвістів сьогодні зосереджена на процесах нормування лексичної системи української мови, особливостях утворення нових слів, зокрема okazіональних, функціонуванні запозичень, активізації пасивного резерву лексики. Плідними в цій царині є праці Є. А. Карпіловської, Н. Ф. Клименко, Ж. В. Колоїз, Л. П. Кислюк, Д. І. Мазурик, О. А. Стишова тощо.

Мета нашої статті – дослідити тенденції розбудови словникового складу української мови на основі віддієслівних іменникових новотворів, а також загаль-

новживаних субстантивів з метою виявлення змін у їх функціонуванні та структурно-семантичному наповненні.

Зосередження уваги саме на віддієслівних номінаціях пояснюється кількома причинами. По-перше, віддієслівні утворення становлять значний масив похідних слів мови; по-друге, вони позначають різноманітні реалії дійсності і є наслідком як лексичної, так і синтаксичної деривації. У процесі формування синтаксичних дериватів лексичне значення вихідної одиниці не змінюється, а сама одиниця, набуваючи нових категорійних і граматичних ознак, переходить в іншу частину мови. Тобто не відбувається поняттєвого аналізу означуваного, а лише змінюється спосіб вираження певного значення [4, с. 76], порівняйте: *випасати худобу* – *випас худоби*, *читати книгу* – *читання книги*.

Лексична деривація зумовлює не лише трансформацію процесуальної ознаки в нову граматичну форму, а й суттєві семантичні зрушення, оскільки лексичні деривати позначають інші реалії дійсності. Якщо дієслово позначає дію, процес, то утворений таким чином віддієслівний іменник, може іменувати особу, що є виконавцем цієї дії; об'єкт, місце, засіб її виконання, наприклад: *читати* – *читач*, *читальник*, *читальня*; *відливати* – *відливальник*, *відливок*.

Закономірності віддієслівних похідних (утворених унаслідок лексичної деривації) зумовлені, зокрема, семантичною природою дієслова – називати ситуацію, учасники якої можуть іменуватися окремими словами, у тому числі й твірними. Вони утворюються як реалізація валентностей мотивувального дієслова [3, с. 233]. Оскільки дія передбачає місце, де вона відбувається, час її протікання, її виконавця чи знаряддя, цей момент стає семантичною основою для розгортання відповідного словотвірного гнізда й утворення цілої низки іменників: *шити* – *шило* (знаряддя), *швець* (агент), *шов* (результат), *звідси шиття* – (об'єкт або результат дії); *читати* – *читач*, *читець* (агент), *читання*, *читанка* (об'єкт дії); *читальня* (місце дії). Таким чином, теоретично кожне дієслово може слугувати твірною базою для найменування особи, що є виконавцем позначеної ним дії. А відсутність у мові окреслених лексем зумовлює трансформування процесуального значення в нову субстантивну номінацію з метою заповнення наявної лакуни.

Процес утворення досліджуваних похідних уможливується також широким вибором словотвірних засобів, завдяки яким відбувається граматичне оформлення нової реалії. Як відомо, система іменникового словотвору оперує різноманітними суфіксальними морфемами (як продуктивними, так і непродуктивними). Наприклад, для найменування особи як виконавця дії, названої мотивувальним дієсловом, слугують суфікси -ник (-альник, -івник), -тель, -ець, -ач, -ар, -ок, -ун тощо. Це дає можливість, з одного боку, утворювати похідні за різними моделями, а з іншого – конструювати варіативні лексеми (словотвірні синоніми), додаючи до однієї дієслівної основи синонімічні суфікси. Однак, як слушно зауважив Л. Булаховський: «...ніколи, ні в яку епоху мовцями не були і не могли бути використані до кінця всі формальні можливості, надані мовою; кожна наступна епоха у своїх новотворах керувалася не загальною тенденцією до системності, а рядом асоціацій, з одного боку, з тим, що уже реально в мові відбулося, і, з іншого боку, з тим, що потребувало вираження» [1, с. 130]. До того ж поява номінацій та їх закріплення в мові зумовлені суспільною необхідністю.

Тож потреба в нових, містких, яскравих номінаціях, свобода вибору дериваційних засобів, їх різноманітність, а також намагання вийти за межі типового, традиційного, з одного боку, а з іншого – націоналізація мови, потреба у виробленні і укоріненні її питомих рис, дія аналогії спричинили до утворення й уживання цілої низки інноваційних лексем, зокрема в системі віддієслівного словотворення.

У складі віддієслівних іменникових новотворів переважну частину становлять найменування осіб як виконавців дії, названої мотивувальним дієсловом (про підстави активного їх утворення йшлося вище), а саме: *очільник, вручант, розчарувальник, мітингувальник, репрезентатор, пошуковик, приватівець, гусівник* тощо. Наприклад: *Студенти Рівненщини озвучили очільнику області проблеми, які нині їх турбують, а це працевлаштування, житлове питання, облаштування студентського побуту та інші* (ЛУ, 12.06.12, с. 32); *Тільки майдан зупинив наступ антинезалежницьких рейтингів, але не самих «розчарувальників»* (ЛУ, 12.06.11, с. 30); *Він (Рибаків) обернувся довкола, виловив десяток знаних московських тусівників* (ПіК, 21.04.12, с. 41). Вони сконструйовані за наявними в мові моделями, однак на даному етапі її розвитку є індивідуально-авторськими утвореннями, які функціонують, головним чином, у ЗМІ. Ці деривати вирізняються відтінком новизни, до певної міри незвичайності, і перспективи їх подальшого використання та входження до мовної системи залежать від узусу. Прийняті й узагальнені узусом інновації «фільтруються» нормою і можуть певним чином вплинути на неї [6, с. 23].

Наступну групу віддієслівних іменникових новотворів становлять субстантиви зі значенням «об'єкт або результат дії, що названа мотивувальним дієсловом», зокрема: *приносини* – «те, що принесли», *забої* – «те, що виникло через забиття», *паркування* – «місце, де паркують автівки», *тягучка* – «те, що утворилося через уповільнений рух транспорту (транспорт *тягнеться*)». Наприклад: *Побіжний погляд на **приносини**: гарний друк, гарний папір* (ЛУ, 7.06.12, с.1); *Деякі учасники хоча й нарікали на синці та **забої**, але жартома* (Топіс: Соціальний пульс, 21.01.13); *Пропозиція платити за **паркування** через мобільний не сприймається* (СТБ: Вікна – Новини, 07.11.11.). Ці іменники, як і уживані в мові деривати зі значенням «об'єкт або результат дії, названої мотивувальним дієсловом», змодельовані за діючими законами мови. Проте для оформлення субстантивів з цим значенням в українській мові здебільшого використовують суфікси **-к-а, -ок, -унок, -ач, -ник, нульовий**. Порівняйте: *випічка, відливок, подарунок, вимикач, кресленник, надкол*. Суфікси **-ин, -анн-я**, а також **нульовий**, завдяки яким оформлено іменники *приносини, паркування, забої*, переважно слугують для утворення синтаксичних дериватів (хоча значна частина з них пройшла два етапи деривації, у результаті чого сформовано синтаксичний, а потім лексичний дериват, як-от: *читати* – *читання* «опредметнена дія» – *читання* – «те, що читають»). Тобто йдеться про багатозначність цих суфіксальних формантів, через що, як нам здається, семантична структура оформлюваних ними номінацій не достатньо прозора. Крім того, зневиразненню значення охарактеризованих найменувань сприяють аналогічні похідні, що є наслідком синтаксичної деривації і вживаються на позначення опредметненої дії, порів.: *приносини* – *відвідини, перемовини* тощо.

Поповнення лексики сучасної української мови здійснюється також завдяки віддієслівним іменникам, що є наслідком синтаксичної деривації. Наприклад: *гасанина* – «опредметнена дія, виражена дієсловом гасати», *перепроба* – «опредметнена дія, виражена дієсловом перепробувати», *міксування* – «опредметнена дія, виражена дієсловом міксувати», тощо.

Примітним є те, що номінація *гасанина* (як і ціла низка інших) не слугує засобом називання нової реальності, оскільки у словниковому складі нашої мови функціонує субстантив *гасання* на позначення опредметненої дії, вираженої дієсловом *гасати*. Порів.: *Гасанина по малих містах і містечках Австрії, Швейцарії, Швеції, Німеччини стає неминучою похідною від міжнародної літературної кар'єри* (СТБ: Вікна – Новини, 17.12.12). *На Прикарпатті гасання ночами на автівці знову призвело до загибелі молодого хлопця* (СТБ: Вікна – Новини, 01.02.11). Отже,

введення цього деривата в обіг спричинене пошуками нових, очевидно, більш природних, зручних для нашої мови форм. Те саме маємо з іменником *зауваги*, запропонованим не так давно до використання ЗМІ. Він сьогодні конкурує з уживаним у мові субстантивом *зауваження*.

Пошуки нових, притаманних українській мові форм, слів, відновлення її «прикметних» рис – виразна ознака еволюції мови. Її мінливість зумовлена не лише спробами моделювати нові номінації, але й вибирати з наявних лексичних пар ті, які демонструють національні риси мови.

У словниках української мови чимало словотвірних синонімів на зразок *читач, читальник; креслення, кресленник, креслюнок; відвідування, відвідини; грабіж, грабунок* тощо. За різними моделями конструюються й нові деривати, як-от: *мітингувальник і мітингар*. Та мовна практика засвідчує, що ці й подібні пари, точніше їх складники, неоднаково адаптуються в мовленнєвому середовищі. Конкуруючи між собою, один з них розширює межі свого уживання, укорінюється в мові, а іншим послуговуються рідше, поступово останній пасивізується. На переконання Є. Карпіловської, «конкурування номінацій відбиває діяльніший, активний аспект сучасної україномовної номінації. Водночас воно великою мірою спричинене і задане системою мови, наявними в ній моделями домінування та засобами їхнього оформлення...» [6, с. 5–6].

Натомість спостерігаємо зворотний процес. Маловживані, а то й зовсім забуті лексеми «повертаються до життя». Тож іменник *відвідини*, який за частотою вживання значно поступався іменнику *відвідування*, останнім часом розширює своє функціонування в ЗМІ. Порівняйте: *У вівторок президент Ірану Махмуд Ахмадінежад прибув до Єгипту. Це – перші відвідини країни іранським керівником з часу Ісламської революції 1979 року* (СТБ: Вікна – Новини, 01.02.13). *Віктор Янукович прибув із державним візитом до Туркменістану. Відвідини триватимуть до 14-го лютого* (СТБ: Вікна – Новини, 10.02.13).

Зміни, пов'язані з активізацією одного словотвірного синоніма й усуненням іншого, простежуються також з іменниками *читач, читальник; грабіж, грабунок, переговори, перемовини*. Кожна з цих лексем зафіксована і тлумачними, і орфографічними словниками української мови, однак тривалий час носії мови послуговувалися лише іменниками *читач, грабіж, переговори*. Сьогодні ж повернулися до вжитку деривати *читальник, грабунок, перемовини*. На нашу думку, повернення в мовлення названих та аналогічних іменників засвідчує все ж і тяжіння мови до системності, залучення до процесу її розбудови власне мовних ресурсів, створення нових слів за зручними для мови моделями.

Уведення в мовний обіг «пасивних» лексем може супроводжуватися певними семантичними змінами в їх структурі. Так, Великий тлумачний словник сучасної української мови фіксує таке лексичне значення іменника *перемовини*: «Те саме, що розмови» [2, с. 735]. Однак у ЗМІ іменник *перемовини* уживається із значенням «переговори», про що свідчить як паралельне використання цих іменників в одному тексті, такі заміщення дериватом *перемовини* субстантива *переговори*. Порівн.: *У Брюсселі відновилися перемовини європейських лідерів щодо бюджету на 2014–2020 рр.* (ПіК, 28.04.12, с. 21). *Перемовини щодо розблокування роботи парламенту продовжаться о 18.00. Про це на брифінгу в Верховній Раді сказав лідер УДАРу Віталій Кличко. За його словами, переговори триватимуть до того часу, поки не буде остаточно узгоджено питання персонального голосування* (СТБ: Вікна – Новини, 22.02.13).

Мовні зміни, пов'язані з активізацією одного з наявних у мові словотвірного варіанта й усуненням іншого, помічено також у науковому стилі. Так, тривалий час іменник *креслення* уживали як зі значенням «Дія за значенням *креслити*», так і

зі значеннями «Умовне графічне зображення якогось об'єкта, виконане за допомогою креслярських інструментів на папері, кальці тощо; кресленик, креслюнок» [2, с. 463]. «Навчальний предмет у загальноосвітній школі...» [2, с. 463]. Натомість останнє десятиліття замість іменника *креслення* на позначення графічного зображення пропонують уживати іменник *кресленик*, що перебував у складі пасивного лексикону мови. Порівн.: *У навчальному посібнику висвітлено питання, пов'язані з читанням та деталюванням креслеників. Посібник створено відповідно до програми дисципліни «Технічне креслення та інженерна графіка»* [4, с. 2]. Уведення іменника *кресленик*, як нам здається, спричинене не лише прагненням повернути застарілу лексему, стільки намаганням розмежувати завдяки різним формальним засобам найменування опредметненої дії та об'єкта, на який спрямована ця дія, тобто залучити різні суфікси для оформлення лексичного й синтаксичного дериватів. Як уже зазначалося, суфікс **-ник** належить до найпродуктивніших засобів творення лексичних дериватів, тоді як суфікс **-енн-я** переважно конструє синтаксичні деривати (*мовлення, ділення, вивчення* тощо).

Крім утворення нових та активізації «пасивних» лексем, у нашій мові відбувається також усунення невластивих їй одиниць та моделювання нових, що відповідають мовним законам і уподобанням, зокрема *відвідувач, завідувач, виконувач*.

Отже, розбудова словникового складу української мови здійснюється як під впливом мовних, так і позамовних чинників. Прикметними рисами еволюції лексичної системи мови на сучасному етапі її розвитку є не лише формування нових найменувань з метою заповнення наявних лакун, а й творчі «шукання», намагання моделювати номінації за придатними, більш зручними моделями, демонструючи в такий спосіб національні риси мови; активізація «пасивних» ресурсів мови та їх адаптація в сучасному мовленнєвому середовищі.

Бібліографічні посилання

1. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка : в 2-х т. / Л. А. Булаховский. – К. : Рад. шк., 1952. – Т. 1. – 446 с.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К., Ірпінь : ВТФ «Перун», 2003. – 1440 с.
3. Вихованець І. Теоретична морфологія української мови : академічна граматики української мови / І. Вихованець, К. Городенська. – К. : Пульсари, 2004. – 400 с.
4. Гетьман О. Г. Деталювання креслеників загального виду : навч. посібник для студентів теплоенергетичного фак.-ту / О. Г. Гетьман, Н. В. Білицька, Г. В. Басков. – К. : Акцент, 2011. – 365 с.
5. Городенська К. Г. Реалізація семантичного потенціалу дієслів у синтаксичних дериватах / К. Г. Городенська // Словотвірна семантика східнослов'янських мов. – К. : Наук. думка, 1983. – С. 102–113.
6. Карпіловська Є. Тенденції розвитку сучасного українського лексикону : чинники стабілізації інновацій / Є. Карпіловська // Українська мова. – 2007. – № 4. – С. 3–15.
7. Колоїз Ж. В. Українська okazionalna деривація : монографія / Ж. В. Колоїз. – К. : Акцент, 2007. – 311 с.

Джерела

ЛУ – «Літературна Україна»

ПіК – «Політика і культура», часопис

СТБ – Український загальнонаціональний телеканал СТБ

Тonіs – український загальнонаціональний телеканал Tonіs

Надійшла до редколегії 24.02.13

Г. А. Иванова

Вятский государственный гуманитарный университет (г. Киров, РФ)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: ВАРИАНТНОСТЬ И ПРОБЛЕМА НОРМАЛИЗАЦИИ

Розглянуто термінологічну варіантність у метамові лінгвістики, проблему нормалізації лінгвістичної термінології та шляхів її вирішення.

Ключові слова: лінгвістична термінологія, лінгвістична варіантність, формальні варіанти слова, нормалізація, критерії нормативності термінів.

Рассмотрена терминологическая вариантность в метаязыке лингвистики, проблема нормализации лингвистической терминологии и пути ее решения.

Ключевые слова: лингвистическая терминология, терминологическая вариантность, формальные варианты слова, нормализация, критерии нормативности терминов.

The article is devoted to the problem of terminological variability in the metalanguage of linguistics, the normalization problem of linguistic terminology and ways of it's deciding.

Keywords: linguistic terminology, terminological variability, formal variants of a word, normalization, criterions of terminological norm.

В современных исследованиях, посвященных терминологической вариантности, констатируется неизбежность этого явления для развивающихся терминосистем. Более того, терминологическая вариантность признается объективным состоянием системы специальных знаков.

Лингвистическая терминология также находится в сфере действия общих законов языка, согласно которым не может существовать взаимно однозначного соответствия «понятие – слово» или «понятие – денотат». Процесс научного (лингвистического) мышления, развитие и функционирование лингвистического метаязыка приводят к возникновению терминологических вариантов – формальных и семантических. Под терминологическими вариантами в работе понимаются формальные модификации одной и той же лексемы (термина), объединенные общностью терминологического и грамматического значений.

Примечательно, что в лингвистической терминологии представлены все типы формальных вариантов слова, свойственные общелитературному языку. К ним относятся, прежде всего, фонетические (в широком смысле) разновидности лингвистических терминов: 1) акцентологические (*интёрфикс – интерфикс, композит – композит, метонимия – метонимия*); 2) орфоэпические (*[дэ]ривация – [де]ривация, лек[сэ]ма – лек[се]ма, с[лэ]нг – с[ле]нг*); 3) фонематические (*местоименный – местоимённый, оксиморон – оксюморон, умлаут – умляут*); 4) орфографические (*атрибут – аттрибут, диэреза – диереза, собственнолингвистический – собственно лингвистический, сложносуффиксальный – сложно-суффиксальный, эвфония – евфония*) и 5) графические (*архетип – *, йота – j, script – скрипт*).

Тождество морфолого-словообразовательной структуры не является необходимым признаком терминологических вариантов (О. С. Ахманова, Л. П. Крысин, В. В. Лопатин и др.), что дает возможность признать существование словообразовательных вариантов термина. (Ср. определение варианта слова в [5, с. 17], включающее признак морфологического тождества и исключающее словообразовательную вариантность). Отношениями словообразовательной вариантности связаны

следующие лингвистические термины: *моносемия* – *моносемизм*, *предикативно-атрибутивный* – *атрибутивно-предикативный*, *повтор* – *повторение*, *синонимия* – *синонимика*, *топонимия* – *топонимика*, *целийный* – *целевой*.

Грамматическое варьирование представлено родовыми модификациями терминов языкознания: *аллолекс* – *аллолекса*, *граф* – *графа*, *кальк* (*устар.*) – *калька*, *комполит* – *комполита*, *морф* – *морфа*, *парадигм* (*устар.*) – *парадигма*, *титло* – *титла*, *цитат* (*устар.*) – *цитата*.

Кроме того, в лингвистической терминологии отмечаются многообразные вариации составных по структуре (полилексемных) терминов. В этом, по мнению Т. М. Горшковой [6, с. 23], проявляется стремление лингвистического метаязыка к описательности (аналогичная ситуация наблюдается в метаязыках других гуманитарных дисциплин).

В лингвистической метаязыковой сфере тождества доля вариантности достаточно велика (прежде всего это касается метаязыка традиционного описания). Причиной фонетического и грамматического варьирования в метаязыке лингвистики являются, в основном, исторические закономерности развития звукового и грамматического строя языка и характер адаптации заимствованных терминов, их неравномерная русификация. Многие терминологические варианты (фонематические, орфоэпические, акцентологические, в меньшей степени – родовые) лексикализованы и нередко представляют собой «реликтовое явление» [5, с. 22] в русском литературном языке. Метаязык лингвистики, по-видимому, относится к тем языковым структурам, которые «консервируют» фонетическое и грамматическое варьирование коммуникативно и системно.

Безусловно, некоторые причины, породившие вариантность в лингвистической терминологии, отмирают и количество вариантов-«реликтов» уменьшается; с другой стороны, появляется множество новых, требующих фонетического и грамматического освоения терминов-заимствований из английского языка (реже – других языков), а следовательно – новых терминологических вариантов, возникающих в процессе адаптации.

Наряду с конкуренцией терминологических вариантов, в метаязыке лингвистики отмечается тенденция к их расподоблению – тождество переходит в различие. Избыточные дублетные (вариантные) формы семантически и стилистически дифференцируются и используются как средство передачи:

1) разных значений – общелитературного и терминологического; ср., например, акцентно-фонематические варианты *опрошение* (общелит.) – *опрошенье* (лингв.), *ротовой* (общелит.) – *ртовый* (лингв.), *временный* (общелит.) – *временной* (лингв.), *полевой* (общелит.) – *полевый* (лингв.), *языковый* (общелит.) – *языковой* (лингв.);

2) специальных значений, соответствующих разным областям знания и деятельности человека; ср. акцентологические варианты *афазия* (лингв.) – *афазия* (мед.), *полифония* (муз.) – *полифония* (лингв.) и фонематические *эллисис* (лингв.) – *эллис* (геом.);

3) специальных лингвистических значений, соответствующих разным разделам науки о языке или обозначающих разные лингвистические объекты; ср. грамматические (родовые) варианты *формант* (термин словообразования) – *форманта* (термин фонетики) и *граф* (один из дифференциальных признаков графемы) – *графа* (вариант графемы).

В этом, в частности, заключается коммуникативная функция терминологических вариантов, позволяющих выразить мысль более точно, что в конечном счете приводит к оптимизации процесса профессиональной (научной) коммуникации (см.: [4, с. 10]).

Терминологическая вариантность способствует индивидуализации, спецификации метаязыка лингвистики: профессиональные терминологические варианты слов служат своеобразными его маркерами. Маркированными являются, например, широко распространенные в лингвистической терминологии фонематические варианты с основой *дву-* (*двосоставный, двугласный, двусложный, двувидовой* и т. д.), которые также носят реликтовый – книжный и несколько архаичный – характер в отличие от нейтральных общелитературных слов с основой *двух-* (*двухъярусный, двухместный, двухэтажный* и др.).

Следует отметить, что в гуманитарной терминологии в целом и в терминологии языкознания в частности сказывается «отсутствие единой общественной оценки вариантных форм, а также постоянной и целенаправленной нормализаторской политики» [5, с. 135]. Несмотря на обилие в сфере лингвистической терминологии вариантных терминологических единиц, словари лингвистических терминов, лингвистические энциклопедии и тезаурусы фиксируют варианты терминов крайне непоследовательно и нерегулярно, без учета их орфоэпических и грамматических (а нередко и акцентологических) особенностей, не охватывая всего объема варьирующихся единиц. Между тем информация о вариантах произношения и акцентуации термина, равно как и его грамматическая характеристика (отнесенность к тому или иному роду, частеречная принадлежность, способы образования основных форм словоизменения), представляют особый интерес даже для специалистов в области языкознания. «...Информация такого рода часто уникальна и не выводима из знания регулярных правил» [3, с. 105].

В связи с вышеизложенным встает вопрос об унификации, упорядочении и нормализации лингвистической терминологии. Конечная цель упорядочения (унификации, нормализации) терминологии, по Ю. Д. Апресяну, – «построение оптимальной системы наиболее удобных с разных точек зрения терминов», причем эта система должна быть построена «не на понятийной, а на лингвистической основе, не со стороны логики, а со стороны лингвистики» [1, с. 54]. Сознательное нормирование должно быть направлено на совершенствование средств выражения; не на полное устранение избыточных терминологических единиц, а на ограничение чрезмерно широкого и малооправданного варьирования терминов, на сведение вариантов к рациональному минимуму [7, с. 8]. (Ср. также мнение В. М. Лейчика: «Следует также сказать, что в последнее время подход к отбираемым для унификации терминам становится менее жестким: признается правомерность использования ... определенного числа семантических и формальных вариантов (синонимов, морфо- и фоновариантов)...» [8, с. 209]).

Нормативная оценка вариантов лингвистических терминов может быть осуществлена после глубокого и всестороннего изучения лингвистической терминосистемы, выявления особенностей ее формирования и становления, ее характера, специфики функционирования и определения основных тенденций развития.

С одной стороны, нормативность терминологии языкознания как частной подсистемы лексической системы общелитературного языка определяется общезыковыми нормами (орфоэпическими, акцентологическими, орфографическими, грамматическими) и отражает общие закономерности и тенденции развития литературного языка. Так, действием закона экономии языковых средств объясняется возникновение вариантов *перфект, силлепс, литота* (первоначально *перфектум, силлепис, литотес*). Тенденция к упрощению и удобству произношения проявляется в ассимиляции звуков (ср. *адлатив* и *аллатив*); гаплогонии (ср. *морфофология* и *морфонология*); метатезе частей слова (ср. *морфофология* и *фономорфология*); ритмическом равновесии термина, то есть перемещении ударения в

многосложных словах с начальных и конечных слогов на срединный слог (ср.: *метафора́* – *метафо́ра*, *иерогли́ф* – *иеро́глиф*, *интерфи́кс* – *инте́рфикс*).

С другой стороны, с нормативной точки зрения термины языкознания обладают некоторыми особенностями, обусловленными определенной независимостью лингвистической терминотерминологической системы, самостоятельностью ее формирования и развития. Так, в отступление от правил орфографии с целью сокращения количества компонентов составного термина в метаязыке лингвистики принято дефисное написание терминов *косвенно-возвратные глаголы*, *собственно-безличный глагол*, *собственно-инфинитивное предложение*, *лицо неопределенно-выраженное* и т. д. Не соответствует требованиям акцентологической нормы общелитературного языка употребление терминологического сочетания *подви́жный ударение*. Ср., например, общелит. *подви́жный* ‘легкий в движениях’ (*ребенок*, *лицо*) и *подвижной* ‘могущий передвигаться, передвигающийся, связанный с передвижением’ (*состав*, *части машины*). Специфично и, по-видимому, определяется терминологической традицией, а не правилами грамматики общелитературного языка образование формы множественного числа термина *гомеоте́левтон* (мн. ч. – *гомеотелевты*).

Нередко выбор того или иного варианта требует экстралингвистических знаний: истории формирования и становления метаязыка языкознания, истории лингвистических учений. Так, при оценке членов коррелятивной пары *дискурс* – *дискурс* предпочтение, по-видимому, следует отдать варианту с ударением на конечном слоге, так как возникновение термина *дискурс* (от франц. *discourse* ‘речь’) связано с французской лингвистической традицией. (Впоследствии Э. Бенвенист употребил его в значении ‘речь, присваиваемая говорящим’ и противопоставил такой форме речи, как объективное повествование – франц. *recit*). Появившийся позднее, под влиянием английской модели ударения, вариант *дискурс* носит, скорее, общенаучный характер.

Нормативная оценка вариантных терминов лингвистики должна производиться с учетом таких признаков, как темпоральная (хронологическая) характеристика и внедренность (воспроизводимость, употребительность, распространенность, общепринятость) термина.

В русской лингвистической терминологии, как и в общелитературном языке, число равноправных вариантов невелико – метаязык также стремится избавиться от избыточных, семантически и стилистически незначимых элементов. Ср.: *аграф́ия* – *аграфиа́*, *инфи́кс* – *инфи́кс*; [*дэ*]риват – [*д’э*]риват, *паронома́зия* – *паронома́сия*; *аллофон* – *аллофона́*, *аллолекс* – *аллолекса́*, *алломорф* – *алломорфа́*, *морф* – *морфа́*. Основную массу варьирующихся терминологических единиц составляют варианты неравноправные, при этом один из членов вариантной парадигмы выступает в качестве основного, доминирующего варианта. Ср.: *пре́фикс* (*префикс*), *гексаме́тр* (*гексаметр*), *двуязы́чие* (*двоязычие*), *йот* (*иот*), *аллегориа́* (*аллегория*), *калька́* (*кальк*), *цитата́* (*цитат*).

Неравноправные коррелятивные пары можно охарактеризовать с точки зрения темпоральной – устаревшее или устаревающее / актуальное (современное). Современность – одно из нормативных требований, предъявляемых к термину. В соответствии с этим требованием устаревший вариант не рекомендуется к употреблению (ср.: *соврем. гексаме́тр, иерогли́ф; аббревиату́ра; парадигма, цитата́; синоним, омоним, суффи́кс* и *устар. екса́метр, гексаме́тр, гиерогли́ф; аббревиату́ра; парадигм, цитат; синоним, омоним, суффи́кс*). Устаревающий вариант допускается в метаречи, но является менее желательным, чем основной (ср.: *анапест, взрывно́й* и *устар. анапе́ст, взры́вный*).

Как было отмечено выше, другим нормативным признаком термина является внедренность. Внедренность определяется степенью употребительности термина в речи (широко употребителен / достаточно употребителен / редко употребляется), которая устанавливается количественным методом. Следует отметить, что дифференциация терминологических вариантов по темпоральному признаку означает их различие и с точки зрения употребительности: устаревший и устаревающий варианты в сфере функционирования лингвистического термина являются менее частотными.

Внедренность лингвистического термина-варианта находится в прямой зависимости от наличия / отсутствия фиксации его в словарях, прежде всего – терминологических (лексикографический критерий). Наиболее распространенным, например, является вариант *титло*, включенный в словники восьми обследованных современных словарей (толковых, орфографических, орфоэпических, энциклопедических); термин *титла* относится к мало распространенным вариантам, так как зафиксирован лишь в трех словарях.

Внедренность терминологического варианта определяется также с учетом синтагматического критерия (критерия вхождения), в соответствии с которым наиболее употребительные варианты регулярно используются в составе полилексемных терминологических единиц; малоупотребительные варианты встречаются в их составе достаточно редко. Так, анализ производных полилексемных терминов с терминологическими элементами *морф* – *морфа* показывает, что вариант *морф* является наиболее употребительным по сравнению с его коррелятом *морфа*, встретившимся в составе многословного термина лишь один раз. Таким образом, равноправие вариантных терминов *морф* – *морфа*, о котором информируют нас нормативные словари, является, по-видимому, относительным. Ср. также мнение Н. В. Перцова, который считает, что выбор языковой формы *морф* / *морфа* зависит от языкового вкуса исследователя [9, с. 82].

Некоторые варианты представляют собой единичные случаи индивидуально-авторского употребления лингвистических терминов и, как правило, не воспроизводятся в научной речи и не находят отражения в словарях. Ср.: *диэреза* (А. А. Реформатский), *остраннение* (В.Б. Шкловский), *просторечье* (Б. Н. Головин) и узуальн. *диэреза*, *остранение*, *просторечие*. В качестве примеров индивидуально-авторского варьирования терминов языкознания можно привести также орфоэпические варианты, зафиксированные в устной речи некоторых лингвистов. Ср.: *фо[не]ма*, *фо[не]матический* (узуальн. *фо[нэ]ма*, *фо[нэ]матический*), *[рэ]ма* (узуальн. *[ре]ма*), *[прэ]фикс* (узуальн. *[пре]фикс*).

За пределами терминологической нормы оказываются устаревшие варианты (бывшая норма терминопотребления) и варианты, являющиеся следствием прямого нарушения нормы. Последние немногочисленны и, как правило, не характерны для речи носителей метаязыка лингвистики: обычно они встречаются в речи неологов (ср.: норматив. *алфавит*, *апостроф*, *дефис*, *цероглиф*, *метонимия*, *табу* и ненорматив. *алфавит*, *апостроф*, *дефис*, *метонимия*, *табу*).

Итак, необходим диалектический подход к проблеме унификации лингвистической терминологии: с нормативной точки зрения требуется устранение существующего «терминологического хаоса», упорядочение и нормализация вариантных терминов; с коммуникативно-прагматической – сохранение отдельных вариантных форм как коммуникативно значимых единиц.

Оптимальные вариантные формы лингвистических терминов выявляются посредством их нормативной оценки, опирающейся на соответствующие критерии. К ним относятся: 1) темпоральная характеристика термина (хронологический критерий); 2) воспроизводимость термина; 3) употребительность термина в речи

(критерий частотности); 4) сочетаемость термина (синтагматический критерий, или критерий вхождения); 5) степень представленности в словарях (лексикографический критерий). Кроме того, рекомендуемые варианты должны находиться в соответствии с тенденциями развития данной терминосистемы или общеязыковыми тенденциями.

Установление релевантных в коммуникативном отношении терминологических единиц связано с выявлением коммуникативно значимых различий вариантов форм – семантических, функционально-стилистических, собственно прагматических, определяющих функционирование лингвистических терминов в научном (лингвистическом) тексте и способствующих поддержанию вариантности в лингвистическом метаязыке.

Библиографические ссылки

1. **Апресян Ю. Д.** Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля / Ю. Д. Апресян // Лексикографический сборник. – М. : Наука, 1962. – № 5. – С. 52–72.
2. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 576 с.
3. **Баранов А. Н.** Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
4. **Гак В. Г.** Языковые преобразования : Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований / В. Г. Гак. – Изд. 2-е, испр. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 408 с.
5. **Горбачевич К. С.** Вариантность слова и языковая норма : на материале русского языка / К. С. Горбачевич / отв. ред. Ф. П. Филин. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 240 с.
6. **Горшкова Т. М.** Термины языка и термины речи / Т. М. Горшкова // Термины в языке и речи : межвуз. сб. – Горький : Изд. ГГУ, 1985. – С. 21–25.
7. **Даниленко В. П.** Лингвистические основы упорядочения научно-технической терминологии / В. П. Даниленко, Л. И. Скворцов // Вопросы языкознания. – 1981. – № 1. – С. 7–16.
8. **Лейчик В. М.** Терминоведение : Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : КомКнига, 2006. – 256 с.
9. **Перцов Н. В.** Инварианты в русском словоизменении / Н. В. Перцов. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 280 с.

Надійшла до редколегії 28.02.13

УДК 811.161.1'373.46

Е. А. Конопелькина

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ-ДЕЯТЕЛЕЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА (на материале специальных словарей)

Проаналізовано номінативні одиниці зі значенням особи-діяча, що функціонують в економіко-правничій сфері російської мови. На матеріалі, вилученому з різноманітних лексикографічних джерел, виділено 17 тематичних груп найменувань, які кваліфікують особу за

найактуальнішими для економічної сфери ознаками, та 3 тематичних групи найменувань особи-діяча, що репрезентують економіко-юридичну сферу в області законності та правопорядку.

Ключові слова: термінологія економіки та права, найменування особи за родом діяльності, тематичні групи.

Проанализированы номинативные единицы со значением лица-деятеля, функционирующие в экономико-правовой сфере русского языка. На материале, извлеченном из разнообразных лексикографических источников, выделено 17 тематических групп наименований, квалифицирующих лицо по наиболее актуальным для экономической сферы признакам, и 3 тематических группы наименований лиц-деятелей, репрезентирующих экономико-юридическую сферу в области законности и правопорядка.

Ключевые слова: терминология экономики и права, наименование лиц по роду деятельности, тематические группы.

Nominative units with the meaning of Nomina Agentis that function in the economic and legal area of the Russian language have been analyzed. Studying the information, obtained from different lexicographical sources, 17 thematic groups of denominations that denominate person according the most actual features of economic area and 3 thematic groups of Nomina Agentis that represent economic and legal area in the sphere of law and order have been found out.

Keywords: economic and legal terminology, denomination of persons according their area of activity, thematic groups.

Качественные перемены, произошедшие в российской экономике в процессе перехода к рыночным формам хозяйствования, как уже было не раз отмечено [4], потребовали ощутимого изменения и дополнения подъязыка экономики. Эти изменения в значительной мере коснулись наименований лиц по роду деятельности (НЛ), многие из которых являются как частью специального языка экономики, так и принадлежностью общелитературного языка. Произошедшие изменения привели, прежде всего, к формированию нового общественного слоя – разного рода предпринимателей, бизнесменов, коммерсантов и других участников новых экономико-правовых отношений. В свою очередь, начавшееся в обществе «выдвижение новых влиятельных групп» вызвало появление в языке множества заимствований и новообразований, называющих представителей этих «групп». Активное пополнение группы наименований лиц по роду деятельности в экономико-правовой сфере (далее – ЭПС) русского языка обуславливает актуальность исследований, направленных на выявление особенностей структурно-семантической организации этого пласта лексики, условий его формирования и функционирования. **Целью** настоящего исследования является выявление тематической структуры рассматриваемой совокупности номинативных единиц, сформированной путем сплошной выборки из различных словарей русского языка. В список проанализированных лексикографических источников вошли следующие типы словарей: 1) комплексные, общеотраслевые одноязычные экономические словари, а также словарь терминов экономики и права; 2) узкоотраслевой словарь банковских терминов; 3) общеотраслевые русско-английские и англо-русские словари. Созданная база лексикографических данных в отдельных случаях сопоставлялась с данными общих толковых словарей русского языка, словарей иностранных слов, Словаря современных понятий и терминов.

Общее количество наименований лиц, извлеченных нами из толковых и двуязычных словарей по экономике и праву, составило 3730 лексических единиц, из них 3550 – это наименования лиц по роду деятельности. Анализируя этот разнообразный лексикографический материал с позиции цели нашей работы, мы попытались выделить основные тематические группы наименований лиц по роду деятельности, которые представлены в указанных словарях.

При выделении лексико-тематических групп мы основывались на подробной семантической классификации русских имен лица, проведенной

А. С. Белоусовой [1; 2] и положенной в основу Русского семантического словаря (см. «Названия лица по характерным признакам: по свойству, состоянию, отношению, по связям, по действию, функции» в [3]). При этом выбирались те признаки, которые обладают наибольшей дифференциальной силой в отношении наименований лиц, собранных по материалам специальных словарей. Их состав существенно отличается от состава имен лиц, входящих в подмножество «Названия лица по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, функциям, отношениям в хозяйственной, экономической сферах деятельности» во 2-м томе Русского семантического словаря [3].

Следует также отметить, что в ряде случаев отнесение конкретного наименования лица к той или иной группе (подгруппе), как отмечают исследователи, может быть связано с определенными трудностями, обусловленными сочетанием «дифференцирующих сем, отражающих признаки, относящиеся к противопоставляемым группировкам». При этом «принимается решение оказывается в некоторой степени условным» [4, с. 33].

Отнесение терминов со значением лица к той или иной группе осложняется также тем, что значительная часть терминов имеет, согласно словарным данным, два и более значений, что связано, главным образом, с их употреблением в разных областях экономической и правовой деятельности. Ср., например, значения следующих терминов: *администратор* – «административное должностное лицо; управляющий делами; попечитель над наследственным имуществом; лицо, назначенное судом для управления делами компании, находящейся на грани банкротства или признанной банкротом» [СЭП]; *принципал* «1. основной, главный должник в обязательстве...; 2. физическое или юридическое лицо, по поручению которого и за чей счет агент (брокер) осуществляет биржевые операции; 3. фирма, инвестиционный банк, скупающие на вторичном рынке ценные бумаги с тем, чтобы затем перепродать их с прибылью; 4. лицо, по просьбе которого банк ... (гарант) выдает гарантийное обязательство его кредитору (бенефициару) об уплате денежной суммы...» [БЭС]; *спонсор* – «1) поручитель; гарант; 2) физическое или юридическое лицо, финансирующее экономический проект, проведение социальных мероприятий; 3) заказчик, организатор, устроитель крупного мероприятия» [СЭС].

Кроме того, в редких случаях один и тот же термин (чаще всего заимствованный) может обозначать лицо как по отношению к занимаемой должности или профессиональной деятельности, так и по отношению к деятельности временного характера, т. е. как субъекта определенных экономических отношений. Например, термин *трейдер* может обозначать и «работника брокерской фирмы», и «юридическое и физическое лицо, обладающее правом заключать сделки на бирже», и вообще «торговца» [СЭС]; аналогично соотносятся значения термина *диспозит*: «1. уполномоченный по делам фирмы, компании, распорядитель, управляющий; 2. физическое или юридическое лицо, располагающее свободными суммами на счету у комиссионеров или у корреспондентов банка» [БЭС] и др.

В силу отмеченного становится очевидным, что построение детальной семантической классификации, учитывая общий объем фактического материала, может являться темой отдельного исследования. В настоящем исследовании мы хотим лишь показать семантическую неоднородность анализируемого пласта наименований.

Всего нами было выделено 17 частично пересекающихся по составу групп терминологических наименований, обозначающих лиц по роду деятельности в экономической сфере, и 3 тематические группы наименований деятелей по отношению к правопорядку и закону. Во многих случаях НЛД, отнесенные к конкретной группе экономических или правовых терминов, являются общими для обеих

сфер, однако для чистоты классификации мы сочли целесообразным размежевать эти две взаимопроникающие сферы. При отнесении номинативной единицы к той или иной подгруппе мы в первую очередь учитывали характерные признаки, отраженные в компонентах значения данных лексических единиц. Следует отметить, что исследуемая лексика, представленная в толковых специальных словарях, с одной стороны, и в двуязычных – с другой, существенно различается по объему, значительно преобладая в переводных словарях. Согласно нашим подсчетам, из 3550 НЛД в толковых словарях-источниках содержится только около 1300 названий лиц, что составляет 37 %. Разница в количестве зафиксированных названий лиц возникает за счет более широкого представления в двуязычных словарях видовых наименований, толковые же словари отражают основную базовую лексику, среди которой преобладают однословные номинации. Исходя из отмеченного, при выделении тематических парадигм и подборе иллюстративного материала мы в первую очередь опирались на данные толковых специальных словарей.

По нашим данным, наименования лиц-деятели анализируемой сферы входят в следующие тематические группы и подгруппы:

1. Общие наименования лиц – субъектов экономико-правовой деятельности: *лицо, физическое лицо, юридическое лицо, контрагент, субъект, экономический субъект, сторона* и др.;

2. Общие наименования лиц, занятых в сфере предпринимательства: *антрепренер, предприниматель, бизнесмен, коммерсант, кустарь, лавочник, монополист, негодник, олигарх, фабрикант, фирмач*;

3. Наименования лиц, занятых руководящей деятельностью, управлением: *временный администратор, вице-президент (должностное лицо корпорации), губернатор биржи, директор, коммерческий директор, распорядительный директор, менеджер, менеджер среднего звена, топ-менеджер, начальник планово-производственного отдела, руководитель высшего звена, руководящий служащий, управляющий, ведущий управляющий, управляющий инвестиционными фондами* и др.;

4. Наименования лиц по профессиональной (постоянной) деятельности в сфере экономики:

4.1. НЛ по профессиональной торговой, посреднической деятельности, *агент-делькредере, торговый агент, брокер, авиаброкер, вексельный брокер, сток-брокер, брокер в торговом зале, биржевик, галерист, джоббер, дилер, инвестиционный дилер, коммивояжер, комиссионер, кулисье, маклер, курсовой маклер, гоф-маклер, судовой маклер, маклер по фрахтованию судов, оптовый перекупщик, трейдер* и др.;

4.2. НЛ по профессиональной деятельности в сфере финансов, бухгалтерского учета, торговых и хозяйственных расчетов, экономического анализа: *актуарий, аудитор, внешний аудитор, индивидуальный аудитор, бухгалтер, бухгалтер-аналитик, бухгалтер-ревизор, бухгалтер-калькулятор, инкассатор, тальман, таксатор, финансист, экономист, аналитик по инвестициям* и др.;

4.3. НЛ по профессиональной деятельности в сфере страхового, хозяйственного, налогового, таможенного и гражданского права: *аджастер, диспашер, омбудсмен, соло-арбитр, стивидор, сюрвейер, тальман, береговой тальман, аварийный комиссар* и др.;

4.4. НЛ по профессиональной деятельности в сфере маркетинга, рекламы, связей с общественностью: *вендор, маркетолог, копирайтер, рекламный агент, туристический агент, пресс-секретарь, специалист по связям с общественностью* и др.;

4.5. Наименования лиц, занятых делопроизводством, работой по подбору кадров, а также в сфере компьютерных, информационных технологий: *секретарь, делопроизводитель, референт, секретарь-референт, менеджер по подбору кадров, сотрудник отдела кадров, специалист по информационным технологиям, программист, «хантер»;*

4.6. НЛ по профессиональной деятельности в сфере обслуживания, ведения хозяйства: *привратник, дворецкий, домоправитель, мажордом, метрдотель, эконома (экономка) и др.;*

4.7. Наименования лиц, занятых подсобными работами, исполнением деловых поручений, охраной предприятия: *весовщик, сортировщик, разносчик, упаковщик, курьер, посыльный, рассыльный, охранник, секьюрити и др.*

5. НЛ по отношению к покупке и (или) продаже: *арбитражер, аукционер, дистрибьютор, закупищик, продавец, покупатель, продавец лицензии, продавец опциона, добросовестный покупатель, франшизист, франшизор, «делатель рынка», «жертва продольной пилы» и др.;*

6. НЛ по отношению к платежам, выплатам, вложениям, владению ценными бумагами, акциями и т. д., а также их выпуску: *акцептант, аннуитант, бенефициар, бенефициарий, векселедержатель, векселепредъявитель, вкладчик, владелец-бенефициар ценных бумаг, дебитор, депозитор, депозитарий, жирант, заемщик, заимодавец, закладчик, залогодатель, залогодержатель, инвестор, индосант, индосат, кредитор, налогоплательщик, плательщик, неплательщик, регрессат, регрессант, реквирент, ремитент, ссудодатель, ссудополучатель, трассат, трассант, эмитент, активный инвестор, «белый сквайр», «белый рыцарь», «черный рыцарь» и др.;*

7. НЛ по отношению к договору на выполнение какого-либо вида работ, в том числе договору подряда, производства, хранения, поставки и перевозки товаров: *грузовладелец, грузополучатель, грузоотправитель, заказчик, заказчик инвестиционных проектов, застройщик, девелопер, изготовитель, дольщик, производитель, товаропроизводитель, товаризготовитель, пользователь, потребитель, работодатель, рекламодаватель, рекламопроизводитель, товароотправитель, товарополучатель, заказчик, заказчик инвестиционных проектов, клиент, поставщик, подрядчик, субподрядчик, поклажедатель, контрактор и др.;*

8. НЛ по отношению к договору страхования и поручительства, опеке, дарению, наследованию: *андеррайтер, гарант, даритель, дарополучатель, доверитель, душеприказчик, завещатель, наследник, наследодатель, опекун, попечитель, поручитель, правопреемник, страховщик, страхователь, субститут и др.;*

9. НЛ по отношению к аренде, найму, временному пользованию чем-либо: *арендатор, субарендатор, арендодатель, квартирнаниматель, квартиросъемщик, подписчик, эксплуатант, фрахтователь, фрахтовщик и др.;*

10. НЛ по невлладению собственностью, материальными средствами / владению богатством, большой собственностью: *бедные, малоимущие, малообеспеченные, неимущие, паупер, люмпен, клошар, банкир, богатый, магнат, миллионер, нувориш, «воротила» и др.;*

11. НЛ по владению предприятием или заведением, другим видом собственности, имущества: *землесобственник, собственник, лесопромышленник, промышленник, судовладелец, землевладелец, владелец завода, владелец земельного участка, владелец недвижимости, владелец предприятия, владелец склада и др.*

12. НЛ по совместному участию в чем-либо, отношениям партнерства и соперничества: *компаньон, главный компаньон, партнер в совместном предприятии, «спящий» партнер, тайный партнер, партнер по рынку, потенциальный*

партнер, товарищ, полный товарищ, соарендатор, совладелец, соучредитель, конкурент, основной конкурент, потенциальный конкурент и др.;

13. НЛ по источнику (способу) получения средств существования: *бюджетник, иждивенец, пенсионер, рантье;*

15. НЛ по месту проживания, гражданству или их отсутствию: *гражданин, резидент, репатриант, экспатриант, беженец, иммигрант, мигрант, нелегал, эмигрант, вынужденный переселенец, лицо без гражданства, бомж;*

16. НЛ по их профессиональным качествам, отношению к работе, квалификации и уровню занятости: *вольнорабочий, прогульщик, совместитель, трудовоголик, работоголик, труженник, тунеядец, эксперт, новатор, «летун», халявщик, шабашник.*

17. Собирательные наименования совокупностей лиц, принадлежащих ЭПС: *агентура, адвокатура, администрация, буржуазия, бюрократия* (‘слои крупных чиновников, работников государственного аппарата’ [АЛ]), *директорат, жюри, клиентура, кочевая клиентура, клика, лобби, аграрное лобби, промышленное лобби, маклериад* (‘основной рабочий персонал биржи’ [БЭС]), *менеджмент* (Экон. 2. *Собир.* Менеджеры [АЛ]), *топ-менеджмент* (*Собир.* Топ-менеджеры [АЛ]), *начальство* (*разг.* Совокупность руководителей... [ССПТ]), *персонал, административно-управленческий персонал, младший обслуживающий персонал, персонал основной деятельности, персонал промышленных предприятий, руководящий управленческий персонал, «толпа»* (биржевые дилеры и брокеры [БЭС]) и др.

Наименования деятелей по отношению к области общественного порядка и правопорядка, в свою очередь, подразделяются на три подгруппы:

1. Наименования лиц, осуществляющих охрану общественного порядка:

1.1. Наименования лиц по отношению к созданию и соблюдению законов: *законодатель, законовед, законник;*

1.2. НЛ – специалистов в области права: *правовед, правовик, юрист, юрист исправительного заведения, юрист-международник* и др.;

1.3. НЛ, имеющих отношение к судебным органам: *адвокат, главный адвокат, адвокат защиты, арбитр, атторней, барристер, судья, заседатель, присяжный, обвинитель, обвинитель в суде, защитник, общественный защитник, судебный исполнитель, взыскатель, поверенный в суде* и др.

1.4. НЛ, работающих в административных органах по охране общественного порядка: *милиционер, досмотрщик, омовец, полицейский, постовой, тюремщик;*

1.5. НЛ, обозначающие специалистов в области правопорядка, в частности, специалистов по расследованию уголовных преступлений: *криминалист, криминолог, детектив, дознаватель, частный детектив, сыщик, следователь, следователь по особо важным делам* и т. д.

2. Наименования лиц, характеризующихся непрофессиональным отношением к системе правоохранительных и судебных органов:

2.1. Наименования лиц, обращающихся в судебные и административные органы за защитой своего права, интереса: *заявитель, заявитель в страховании, истец, гражданский истец, проситель, жалобщик, кляузник, сутяга; ответчик, гражданский ответчик; свидетель, свидетель в суде* и др.;

2.2. Наименования лиц, сотрудничающих с органами охраны правопорядка на непрофессиональной основе: *информатор, доносчик, осведомитель, стукач, понятой, провокатор.*

3. Наименования лиц – нарушителей общественного порядка, правопорядка. В эту подгруппу входят обозначения нарушителей закона, т. е. лиц, совершивших преступления. Преступление – это общественно опасное деяние (действие), пося-

гающее на общественный строй, личность, политические, имущественные и другие права и свободы граждан [БЮС, БЭС]. Эта подгруппа дифференцируется в зависимости от обозначения вида преступления, к которым относятся государственные преступления, военные преступления, преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, преступления против личной собственности граждан, хозяйственные преступления, преступления против правосудия и т. д. [БЮС]. В соответствии с этим можно выделить следующие подгруппы имен, обозначающих лиц, преступающих закон:

3.1. Общие наименования лиц, идущих против каких-либо общественных установлений (правил, обычаев), а также законов: *нарушитель, правонарушитель, деликвент, преступник*.

3.2. Наименования лиц, занимающихся мошеннической деятельностью, спекуляцией:

а) общие наименования мошенников и спекулянтов: *мошенник, жулик, махинатор, конмэн, спекулянт; комбинатор, обманщик, очковтиратель, шулер, гешфтмахер* ('делец, беспринципный спекулянт' [ССПТ]);

б) наименования мошенников по способу действия или области деятельности: *аферист, шантажист, аскер* (от англ. *ask* – спрашивать, осведомляться; 'мошенник, хитростью выманивающий деньги' [ССПТ]), *барсеточник* ('мошенник, ворующий сумки и ценные вещи (чаще барсетки) из салона автомобиля' [АЛ]); *бумажный «крючок»* ('человек, пытающийся вручить чек, выписанный на несуществующий счет' [СЭП]), *венчурер* ('предприниматель, идущий на риск; спекулянт; авантюрист' [СЭП]), «динамитчик» (*бирж. жарг.* 'энергичный продавец, продающий ненадежные товары или ценные бумаги' [БЭС]); *кидала, лохотронщик* (*жарг.* мошенник [АЛ]), *наперсточник* ('тот, кто организует игру в наперсток, жулик, обманщик' [БЭС]) и др.;

в) наименования лиц, занимающихся спекуляцией на бирже: «*бык*» ('спекулянт, который скупает или сохраняет ранее скупленные товары или ценные бумаги в ожидании повышения цен' [БЭС]), «*медведи*» ('биржевые спекулянты, играющие на понижение курса ценных бумаг, валют, товаров' [БЭС]), «*защищенный медведь*», «*бычья клика*», «*медвежья клика*» ('группа брокеров-спекулянтов' [БЭС]), «*овца*» ('спекулянт, ведущий на бирже игру вслепую' [БЭС]), «*профессионал*» ('спекулянт на бирже, который все свое время посвящает спекулятивным сделкам на разницу' [БЭС]); «*тублика*» (*бирж., жарг.* 'мелкие спекулянты' [БЭС]), *скальпер* ('полный член биржи, спекулянт на колебаниях цен' [БЭС]), *биржевой спекулянт, спекулянт ценными бумагами; спекулянты, сбивающие курс; «флиппер»* ('спекулянт, игрок на бирже' [БЭС]), *шиканер* ('недобросовестный торговец' [БЭС]) и т. д.;

3.3. Наименования лиц, совершивших государственные преступления (измена Родине, шпионаж, террористический акт, вредительство, бандитизм, контрабанда, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг): *изменник, лазутчик, шпион, террорист, вредитель, бандит, гангстер, мафиози, злоумышленник, контрабандист, фальшивомонетчик, валютчик, казнокрад*;

3.4. Наименования лиц, совершивших воинские преступления, а именно: преступления против установленного порядка несения воинской службы, совершенные военнослужащими, а также военнообязанными во время прохождения ими учебных или проверочных сборов: *дезертир, диверсант, мародер*;

3.5. Наименования лиц, совершивших преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности: *убийца, братоубийца, киллер, самоубийца, уголовник, насильник, захватчик, киднепер, клеветник, подстрекатель, пособник*;

3.6. Имена лиц, совершивших преступления против личной собственности граждан: *грабитель, вооруженный грабитель, вор, вор-домушник, вымогатель, рэкетир, рейдер, «налетчик», конокрад, пират, угонщик, хайджекер* (угонщик самолета);

3.6. Существительные, обозначающие лиц, совершивших хозяйственные преступления. В семантике агентивных имен, рассматриваемых в данной подгруппе, содержится указание на вид хозяйственных преступлений: *бракодел, браконьер, злостный браконьер, взяточник, взятодатель, вымогатель взятки, бутлегер; расточитель, растратчик, расхититель, несун, фрэк/фрик* (телефонный гангстер);

3.7. Существительные, обозначающие лиц, совершивших преступления против правосудия: *лжесвидетель, укрыватель, укрыватель краденого, укрыватель преступника*.

Таким образом, проведенное исследование показало, что наименования лиц-деятелей, функционирующие в экономико-правовой сфере русского языка, представляют собой довольно разветвленную тематическую сферу. Естественно, что выделенные тематические группы представляют собой открытые классы, которые будут постоянно пополняться и обновляться по мере развития соответствующей концептосферы.

Библиографические ссылки

1. Белоусова А. С. К построению лексико-семантической классификации слов в связи с задачами толковой лексикографии / А. С. Белоусова // Словарные категории : сб. науч. ст. – М. : Наука, 1989. – С. 92–95.
2. Белоусова А. С. Русские имена существительные со значением лица / А. С. Белоусова // Вопросы языкознания. – 1981. – № 3. – С. 71–84.
3. **Русский семантический словарь** / [под ред. акад. Н. Ю. Шведовой]. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. – М. : Азбуковник, 2000. – I том: Слова указующие (местоимение). Слова именующие: Имена существительные. (Всё живое. Земля, Космос). – 800 с.
4. Труфанова Н. О. Проблема номинации лиц в финансово-экономической терминологии (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Труфанова Наталья Олеговна. – М., 2006. – 214 с.

Словари

- АЛ** – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. – М. : Эксмо, 2006. – 1136 с.
- БЭС** – Большой экономический словарь / под ред. А. И. Азрилияна. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Ин-т новой экономики, 2002. – 1280 с.
- БЮС** – Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Кругских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфра-М, 2002. – 704 с.
- ССПТ** – Словарь современных понятий и терминов. – 4-е изд., дораб. и доп. / сост., общ. ред. В. А. Макаренко. – М. : Республика, 2002. – 527 с.
- СЭС** – Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – М. : Инфра-М., 2000. – 480 с.
- СЭП** – Словарь современных экономических и правовых терминов / под ред. В. Н. Шимова и В. С. Каменкова. – Мн. : Амалфея, 2002. – 816 с.

Надійшла до редколегії 21.09.12

УДК 811.161.2'366.5

Н. М. Костусяк

Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки (м. Луцьк)

ФУНКЦІЙНІ ОСОБЛИВОСТІ ГРАМЕМИ БАЖАЛЬНОЇ МОДАЛЬНОСТІ

Системно проаналізовано бажальну модальність як граему категорій морфологічної модальності, синтаксичної модальності та лексико-граматичної модальності, акцентовано увагу на її значеннєвих параметрах, охарактеризовано основні типи конструкцій з бажальною модальністю, виокремлено предикатні компоненти, що структурують висловлення зазначеного різновиду.

Ключові слова: синтаксична модальність, морфологічна модальність, лексико-граматична модальність, бажальна модальність, предикат, присудок.

Системно проанализирована желательная модальность как граммема категорий морфологической модальности, синтаксической модальности и лексико-грамматической модальности, сделан акцент на ее смысловых параметрах, охарактеризованы основные типы конструкций с желательной модальностью, выделены предикатные компоненты, структурирующие выражение указанной разновидности.

Ключевые слова: синтаксическая модальность, морфологическая модальность, лексико-грамматическая модальность, желательная модальность, предикат, сказуемое.

In the article the conditional modality as grammeme of categories of morphological modality, syntactic modality and lexical and grammatical modality is systematic described, their parameter values are outlined on, the basic types of designs with wishing modality are characterized, predicate components, that structuring expression of this kind are singled out.

Keywords: syntactic modality, morphological modality, lexical and grammatical modality, wishing modality, predicate.

У сучасному мовознавстві маємо чимало наукових студій, у яких за об'єкт розгляду обрано модальність. Цій проблемі присвячено праці Ш. Баллі, О. В. Бондарка, Г. О. Золотової, В. З. Панфілова, В. Г. Гака, В. М. Бондаренка, В. Б. Касевича, В. О. Плунгяна тощо. В україністиці великий внесок у розбудову теорії модальності зробили О. С. Мельничук, А. П. Загнітко, Л. О. Кадомцева, А. П. Грищенко, Н. В. Гуйванюк, М. В. Мірченко, В. М. Ткачук, В. Д. Шинкарук та ін. Попри те, що протягом останніх десятиріч вітчизняні й зарубіжні лінгвісти-теоретики активно досліджують модальність, і досі немає усталеного погляду на її структуру й репертуар виражальних засобів. Уточнення потребують питання, пов'язані з визначенням стосунку розглядуваної величини до одного (синтаксичного) чи кількох ярусів мови, а також рівня абстрактності її категорійної змістової основи. Функційно-категорійний підхід, що став засадничим для низки сучасних граматичних теорій, дає змогу потрактувати модальність із нових методологічних позицій, відійти від одновимірного розгляду й охарактеризувати її як одиницю багаторівневої системи. Опис модальності та сукупності всіх її складників повинен ґрунтуватися передовсім на їхній суб'єктивних параметрах та виразному комунікативно-прагматичному спрямуванні. Такі принципи вважаємо пріоритетними за аналізу однієї з граем зазначеної категорійної величини – бажальної (оптативної) модальності. **Мета** статті полягає в поглибленому комплексному дослідженні бажальної модальності як граєми морфологічної, синтаксичної та лексико-граматичної модальності, теоретичному обґрунтуванні сукупності її кваліфікаційних ознак. Для досягнення поставленої мети ставимо

перед собою такі *завдання*: 1) охарактеризувати модальність як міжрівневу надкатегорію сучасної української літературної мови, з'ясувати типологічні ознаки та графемну спеціалізацію трьох її складників – морфологічної модальності, синтаксичної модальності та лексико-граматичної модальності, визначити місце графеми бажальної модальності в цьому складному категорійному механізмі; 2) описати значеннєві параметри й формальні маркери морфологічної бажальної модальності; 3) обґрунтувати кваліфікаційні ознаки синтаксичної бажальної модальності; 4) визначити диференційні ознаки та головні функційні вияви лексико-граматичної бажальної модальності.

Модальність – складна, суб'єктивно спрямована комунікативно-прагматична міжрівнева надкатегорія, що лежить в основі мовленнєвих актів і репрезентує різнопланове ставлення мовця до витлумаченого фрагмента дійсності. Багатовекторну сутність модальності відбивають особливості її структурування. Складниками досліджуваної надкатегорії виступають категорії морфологічної модальності, синтаксичної модальності й лексико-граматичної модальності.

Специфіку морфологічної модальності визначає наявність виразних комунікативних ознак, пов'язаних із відображенням ірреальних (суб'єктивних) відношень. Змістова структура ірреальності ґрунтується на опозиції передбачуваність дій, процесів, станів – бажаність дій, процесів, станів, що зумовлює виокремлення чотирьох графем – графеми умовної модальності, графеми наказової, графеми спонукальної й графеми бажальної модальності.

Структурна схема синтаксичної модальності як складника комплексної надкатегорії модальності, що перебуває в безпосередньому зв'язку з категорією комунікативної настанови, ґрунтується на протиставленні реальних дій, процесів, станів діям, процесам і станам ірреальним (гіпотетичним, передбачуваним, бажаним (із семантикою волевиявлення)). На нижчому рівні членування вона охоплює вісім графем із конкретнішою категорійною змістовою основою – розповідну модальність, питальну модальність, спонукальну модальність, бажальну модальність, умовну модальність, стверджувальну/заперечну модальність, вірогідну модальність і переповідну модальність.

Лексико-граматична модальність, маючи найбільше суб'єктивне спрямування, об'єднує графеми достовірної модальності, логічної модальності, переповідної модальності, емоційно-оцінної модальності, ілюктивної модальності, центральну сферу засобів формального вияву яких становлять прості семантично ускладнені конструкції з модальними (вставними) одиницями, що відповідно до формально-змістових ознак поділяються на речення та утворені внаслідок редукції речень словосполучення й слова; а також графеми бажальної модальності, потенційної модальності й необхідної модальності, маркування яких пов'язане лише із семантичним навантаження предикатів, що на формально-синтаксичному підрівні корелюють зі складеним дієслівним присудком, складеним іменним присудком, ускладненою моделлю дієслівного й іменного складених присудків, простим присудком. У певних випадках роль модальних модифікаторів виконують аналітичні синтаксичні слова-морфеми. На відміну від морфологічної модальності та синтаксичної модальності, графемне членування категорії лексико-граматичної модальності великою мірою пов'язане зі змістовим наповненням мовних одиниць.

Подана новітня концепція надкатегорії модальності дає змогу констатувати, що бажальна модальність є складником морфологічної, синтаксичної та лексико-граматичної модальності. Дослідження зазначеної графеми як компонента морфологічної модальності пов'язане з вивченням способових форм дієслів, зок-

рема, бажального способу. Докладний розгляд синтаксичної бажальної модальності зумовлює опис основних типів конструкцій, що є маркерами розгляданого модального значення. Аналіз указаної грамеми на тлі лексико-граматичної модальності ґрунтується на семантиці окремих лексем зі значенням бажальності. Перевага запропонованого підходу в намаганні комплексно охопити всі функційні можливості бажальної модальності. Наукову об'єктивність і повноту її дослідження забезпечує послідовне дотримання комунікативно-прагматичної схеми аналізу.

В основі вирізнення грамеми морфологічної бажальної модальності лежать семантико-граматичні параметри. Її змістові ознаки полягають у відображенні волевиявлення мовця, спрямованого на самого себе чи третіх осіб [1, с. 232]. Тобто мовець, повідомляючи про дію, є її ініціатором, адресатом волевиявлення та його безпосереднім виконавцем, тому в аналізованій граемі значення апелятивності нейтралізовано, наприклад: *Ти знаєш, зараз мені Кавказ весь час стоїть перед очима... Поїхати б туди, поглянути!..* (В. А. Шевчук); *...Хоч би заснути...* (Л. Костенко); *Поставити б десь на березі річки курінь, завести пасіку...* (Ю. Мушкетик); *Взяти б таку діляночку на зруб* (Г. Тютюнник). За граматичної інтерпретації бажальної модальності необхідно зосередити увагу на її морфологічних показниках. У сучасній лінгвістиці вчені виокремлюють різну кількість форм бажального способу. В академічному виданні за редакцією І. К. Білодіда В. М. Русанівський указує на наявність тільки першої особи однини й третьої особи однини та множини [4, с. 397]. У колективній праці «Грамматика української мови: морфологія» він розмежовує особові та неособові форми. Особовими вважає форми умовного способу, поєднані з аналітичними компонентами *хай, нехай* [1, с. 232]. На думку К. Г. Городенської, «типичним виразником бажальної модальності є аналітична неособова форма, у якій поєднано інфінітив з морфемою б» [3, с. 262], наприклад: *Ось так сісти б на коня і поїхати до Києва* (П. Загребельний); *От би на став заглянути, може, тамки під кригою риби надушилось* (Є. Гуцало); *У Власівці ліс хороший, та тільки б нам не переплатити* (Г. Тютюнник). Наступну групу в ієрархії морфологічних форм бажальної модальності становлять сполуки компонентів *хай, нехай* і першої особи однини та множини умовного способу, наприклад: *Хай би я зустрівся з друзями; Хай би ми поїхали на екскурсію*. За деяких контекстуальних умов граему бажального способу супроводжують компоненти *коли б, хоча б, хоч би, якби, аби* та ін., наприклад: *Ідеш, ідеш... Хоч би вже відпочити* (Л. Костенко); *Хоч би садибу дали таку, як треба* (Г. Тютюнник); *Нам аби його виманити з Січі...* (Ю. Мушкетик). Своєрідність предиката, вираженого бажальним способом, визначають прості реченнєві побудови односкладного та двоскладного типу.

У сучасній українській літературній мові бажальна модальність є складником синтаксичної модальності. Особливість синтаксичних побудов оптативної модальності полягає в тому, що це зазвичай окремі прості речення. Роль репрезентанта їхньої внутрішньосинтаксичної будови переважно виконує співвідносний із присудком головний член речення у формі бажального способу, наприклад: *Послухати б – хоч краєм вуха – козацькі думи, спогади...* (В. А. Шевчук); *– Ех, злетіти б на вороного та вихопити із піхов шаблю! – блиснув козак очима. – Хоч перед смертю глянути б... – пригас, пригас* (В. А. Шевчук); *Заснути б швидше...* (В. А. Шевчук); *Послати б їй ці думи, ці щирі сльози сина* (В. А. Шевчук); *– Нема на світі кращого, ніж ця земля... – схвильовано сказав Тарас. – Умерти б тут і злитися навек із нею...* (В. А. Шевчук); *– Коли б гуртом, усім слов'янським миром... – сказав не скоро*

Костомаров. – **З'єднати б** усіх слов'ян... (В. А. Шевчук); **Не схопити б** застудної хвороби (Ю. Мушкетик).

Дієслова бажального способу функціонують в односкладних та двоскладних структурах. У межах односкладних виокремлюємо інфінітивні конструкції (предикатний компонент становить сполуки «інфінітив + б», «коли б (хоч би, якби, аби та ін.) + інфінітив»). Наприклад: *Майнула думка – не влучити б у Киляну* (Ю. Мушкетик); *В голові пульсувала одна думка – дотягнути б до села* (Ю. Мушкетик); **Не бачити б** такого ніколи й плачу такого дитячого ніколи **б не чути** (Є. Гуцало); *О, коли б його зрозуміти...* (Р. Горак); *...хоч би до вечора дістатись до підніжжя гір* (Р. Іванчук); *...якби тільки стати на ноги* (П. Загребельний). Двоскладні речення з дієсловами бажального способу бувають кількох типів – із формально вираженим підметом у називному відмінку та аналітичною особовою формою, утвореною «морфемою *хай (нехай)* і морфемами першої особи однини й множини умовного способу» [3, с. 262], а також неповні речення з лексично не вираженим (нульовим) підметом. Наприклад: *Хай би ми хоч раз заговорили громом так, як весняні хмари!* (М. Олійник); *...аби тільки не розлучали їх...* (Р. Іванчук); *...тільки б на чужину не погнали, тільки б од неї, од матері, не відірвали* (Є. Гуцало).

Периферію синтаксичних побудов із дієсловами бажального способу формують двоскладні конструкції з предикатами якості, роль супровідних елементів яких виконують компоненти *якби, аби та ін.*, наприклад: *Ах, якби його життя було довге!* (П. Загребельний). З-поміж висловлень бажальної модальності найменш уживані еліптичні побудови, наприклад: *Хоч би деревце яке, хоч би пеньок поблизу...* (Є. Гуцало); *Якби твої гроші та до моїх волів та коней...* (Ю. Мушкетик); *О скільки нам, Боже, ти степу одміряв! Долини і кручі, – якби навпростець!* (Л. Костенко).

Отже, комунікативно-інтенційний зміст синтаксичних одиниць бажальної модальності дає змогу всередині цієї групи виділити відповідні граматичні зони, сформовані відповідно до їхнього рангового співвідношення. Центр бажальних конструкцій становлять прості з формально-синтаксичного боку побудови, що позначають бажані для мовця дії чи стани. Відповідно до цього синтаксичні одиниці з компонентом, співвідносним із головним членом речення у формі бажального способу дієслова, центральні. Ознаками периферійності позначені двоскладні структури зі складеними присудковими одиницями, вираженими відповідними зв'язками та прикметниками, а також еліптичні конструкції. Така кваліфікація ґрунтується на первинних семантичних та синтаксичних функціях і підтверджує неоднаковий характер змістової та синтаксичної організації всіх синтаксичних одиниць бажальної модальності.

У сучасній українській мові бажальна модальність має статус грамеми лексико-граматичної модальності. Мовний вияв розглядуваної грамеми однини пов'язаний лише із семантичним навантаженням предикатів, що на формально-синтаксичному підрівні корелюють зі складеним дієслівним присудком, складеним іменним присудком, ускладненою моделлю дієслівного й іменного складених присудків, простим присудком. Грамему бажальної модальності формують предикати, які вказують на дію, процес чи стан, із модифікованими в модальному плані допоміжними аналітичними компонентами – модальними дієсловами (*бажати, воліти, мріяти, прагнути, хотіти (захотіти)*), їхніми прикметниковими еквівалентами (*охочий, рад, радий*), зрідка – відіменниковими дериватами (*охота*). Допоміжні модальні дієслова функціонують у ролі зв'язок і передають деякі власне-дієслівні категорії, зокрема власне-дієслівну категорію часу та граматичну категорію способу. І. Р. Вихованець вважає ці компоненти «перехідними одини-

цями між аналітичними синтаксичними морфемами і словами» [2, с. 125]. Якщо роль модального модифікатора виконує елемент прикметникового типу, то складений дієслівний присудок містить зв'язку *бути*, що є додатковим засобом вираження категорій часу чи способу, оскільки названі модальні одиниці таких формальних показників не мають. Імплицитний вияв компонента *бути* пов'язаний зі значенням теперішнього часу. Такі ж структурно-семантичні особливості характерні й для співвідносних із присудками головних членів односкладних речень. Наприклад: *...Вишеньський у свою чергу бажав збагнути духовну сутність людей...* (Р. Іваничук); *Козаки воліли лишатися на валу...* (Ю. Мушкетик); *Вони мріяли одружитись* (Р. Горак); *Але невже ж перевелись на тлю Мільйони тих, що прагли душу й тіло За неї положити без жалю?!* (Н. Горик); *Ми <...> прагнем зробити великі в житті відкриття* (О. Богачук); *...все небо хотілося загорнути в обійми...* (Й. Струцюк); *Дуже-бо хотілося йому пошлюбити сестру ромейського імператора Василя...* (П. Загребельний); *Захотіла свічку поставити в церкві – церква зачинена* (Й. Струцюк); *Зрозуміти хочу Той стукіт серця, ті дивні очі* (Н. Горик); *...кожен охочий викурити з кошовим люльку* (Ю. Мушкетик); *Гетьман рад був якнайскоріше побачити його* (Б. Лепкий); *...він <...> радий був утекти – не вдавалося* (Ю. Мушкетик); *Дуже вже нам охота на них подивитися, а головне, поглянути, що на них написано* (Г. Тютюнник).

Функційними еквівалентами допоміжних одиниць із модальним значенням бажання є також стійкі сполуки на зразок *виявляти бажання, відчувати бажання, мати бажання, горіти / згорати від бажання, палати бажанням / від бажання* тощо. Оскільки лексико-семантичну основу таких присудкових компонентів становить інфінітив повнозначних дієслів, то їх уважаємо різновидом дієслівних складених присудків. Наприклад: *...султан виявив бажання їхати на Ок-Мейдан* (П. Загребельний); [Сковорода. – Н. К.] *горів бажанням віддати їм не тільки те, що знає, а й те, що знатиме...* (В. А. Шевчук); *У Зинджирли-медресе Іслама вчили ненавидіти невірних, і він палав бажанням спробувати крицю своєї карабели на гяурських головах, покуштувати, зрештою, волі...* (Р. Іваничук). За деяких контекстуальних умов у висловленнях поданого вище зразка спостерігаємо фазову модифікацію, пор.: *...тут іще є дами, які горять бажанням з ним познайомитись...* (В. А. Шевчук) і *Побачивши перед собою порівняно невелике військо урусів, він, незважаючи на немолоді літа, загорівся, мов хлопчисько, бажанням здобути перемогу і прославитися серед родів своїх* (В. Малик).

З-поміж способів вираження бажальної модальності зрідка натрапляємо на конструкції з ускладненою моделлю іменного складеного присудка чи співвідносного з присудком головного члена речення. У ній поєднано елементи дієслівного складеного присудка з дещо видозміненим іменним складеним присудком. Допоміжний елемент ускладненої моделі виражають форми модальних дієслів, проміжне місце між допоміжною частиною та іменною частиною складеного іменного присудка займає дієслово-зв'язка у формі інфінітива, наприклад: *...людина <...> бажає у всіх відношеннях бути чистою і чесною* (Р. Іваничук); *...не про щастя дбає, а прагне бути корисним!* (В. А. Шевчук); *Саме сьогодні, і саме тут, над Веселухою, їй захотілося бути, як ніколи, пригожою...* (Й. Струцюк); *Ольга стала “притчею во язицях”. Іч, яка грамотна! За професора захотілось, мудрою хотіла бути!* (Р. Горак).

Тенденцію до вираження бажальної модальності простежуємо й у конструкціях, де компоненти *бажати, воліти, жадати, мріяти, прагнути, хотіти* тощо функціонують як самостійні предикатні одиниці й своєю валентністю передбачають наявність об'єктної синтаксеми, наприклад: *...а мої вої бажують військової здобичі!* (В. Малик); *...нині ж міщани зажадали кари вин-*

ним (Р. Іваничук); *Володимир Глібович тільки й мріє про новий похід!* (В. Малик); *Смутки, болі, радощі, надії... Кожне серце, скупане у них, Прагне слів, тісніших за обійми, І скарбів, значніших від земних...* (Н. Горик); *Тепла хотілось, затишку мені!* (Л. Костенко); *Захотілося рівності!* (О. Богачук). Подібну модальну семантику передають складнопідрядні об'єктно-з'ясувальні речення, у головній частині яких перебуває предикат на зразок *бажати, воліти, мріяти, прагнути, хотіти* та ін., що для реалізації свого валентного потенціалу потребує залежної синтаксичної одиниці, наприклад: *Уранці Славута встав і забажав, щоб йому натопили лазню* (В. Малик); *Гм, я волів, щоб у мене було більше синів...* (В. Малик); *Часто він відкладав книжку і мріяв, як він буде складати екзамени, як увійде в залу, де сидять учені мужі, скине картуза з голови і почне викладати все, що він знає...* (О. Басараб).

Отже, бажальній модальності як грамеми категорій морфологічної, синтаксичної та лексико-граматичної модальності притаманні специфічні значеннєві характеристики й аналітичні та синтетичні формальні показники. Семантика бажальної модальності базується на волевиявленні мовця, спрямованому до самого себе чи до третіх осіб. Тобто мовець є ініціатором дії, адресатом волевиявлення та його безпосереднім виконавцем. Відповідно до зазначеної комунікативної мети розглядувана грамема має сукупність своєрідних модально маркованих засобів. Як складник морфологічної модальності вона пов'язана з бажальним способом дієслова, зокрема аналітичними одиницями «інфінітив + б», «хай, нехай + перша особа однини та множини умовного способу», «коли б (хоча б, хоч би, якби, аби та ін.) + інфінітив чи особова форма дієслова». У сучасній українській мові бажальне значення експлікують прості реченнєві побудови односкладного та двоскладного типу, предикатний компонент яких репрезентують дієслова та спрямовані у вербальну площину прикметники. Зрідка суб'єктивно-модальне бажальне значення маркують еліптичні конструкції. Мовний вияв бажальної лексико-граматичної модальності пов'язаний із семантичним навантаженням предикатів, що на формально-синтаксичному підрівні корелюють зі складеним дієслівним присудком, складеним іменним присудком, ускладненою моделлю дієслівного й іменного складених присудків, простим присудком. Порушені в статті проблеми перспективні для детального вивчення інших граем морфологічної модальності, синтаксичної модальності та лексико-граматичної модальності.

Бібліографічні посилання

1. **Безпояско О. К.** Граматика української мови. Морфологія : підручник / О. К. Безпояско, К. Г. Городенська, В. М. Русанівський. – К. : Либідь, 1993. – 336 с.
2. **Вихованець І. Р.** Частини мови в семантико-граматичному аспекті : монографія / І. Р. Вихованець. – К. : Наук. думка, 1988. – 256 с.
3. **Вихованець І. Р.** Теоретична морфологія української мови : Академ. граматика української мови / І. Вихованець, К. Городенська ; за ред. чл.-кор. НАН України І. Вихованця. – К. : Унів. вид-во «Пульсари», 2004. – 398, [2] с.
4. **Сучасна українська літературна мова** : морфологія / за заг. ред. І. К. Білодіда. – К. : Наук. думка, 1969. – 583 с.

Надійшла до редколегії 23.01.13

УДК 811.161.1'38

Е. К. Куварова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

БИНАРНЫЙ ВОКАТИВ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

Обґрунтовано поняття бінарного вокатива як звертання, що двічі фігурує в листі або в одному й тому ж, або в модифікованому вигляді. Виділено та охарактеризовано структурні типи бінарного вокатива: дублюючий, редукований, розширений і модифікований.

Ключові слова: вокатив, звертання, лист, епістолярний текст, адресант, адресат.

Обосновано понятие бинарного вокатива как обращения, дважды фигурирующего в письме либо в одном и том же, либо в модифицированном виде. Выделены и охарактеризованы структурные типы бинарного вокатива: дублирующий, редуцированный, расширенный и модифицированный.

Ключевые слова: вокатив, обращение, письмо, эпистолярный текст, адресант, адресат.

A concept binary vocative as an appeal, twice appearing in a letter either in the same or in the modified form is grounded. Structural types of the binary vocative, such as duplicating, reduced, extended and modified, are selected and described.

Keywords: the vocative, appeal, letter, epistolary text, addresser, addressee.

Епістолярний текст, як, впрочем, і будь-якою іншою, створюється в розрахунок на визначеного адресата. Обращення до конкретного людини або групі людей може бути при цьому виражена в тексті різними мовними засобами. Так, науковий текст уже самим використанням в ньому спеціальної лексики тієї або іншої сфери знань орієнтований на прочитання людьми, володіючими відповідною термінологією і маючими відповідну теоретичну підготовку. Однак мова виробляє і спеціальні засоби, які служать для встановлення і підтримки контакту. Вивчаючи ці засоби, М. С. Скаб обґрунтовує наявність в мові специфічної функціональної сфери апеляції, представляючої собою семантико-грамматичний комплекс, що складається з двох частин: предикатної і предметної [13]. Предметна сфера апеляції пов'язана з іменуванням адресата, до якого звертається мовлячий, і представлена в першу чергу звертанням, хоча поряд з адресуючим звертанням широко використовуються і інші засоби організації спрямованості мови, зокрема косвенна адресация, спеціальні метатексти, міждометія і т. д. [2, с. 34–64].

Звертання, або вокатив (ці терміни часто використовуються як синоніми, см., напр. [11, с. 43]), неодноразово ставало предметом лінгвістических досліджень в різних аспектах: розглядалась його морфологічна природа [7], статус в системі синтаксических одиниць [8; 9], семантичні ознаки [6; 10], комунікативні функції [1; 12]. Вивчалось звертання і в епістолярних текстах [3; 5; 15], причому увага вчених привертало в першу чергу початкове звертання листа, декларувалась його обов'язковість як одного з етикетних елементів початку листа [4], акцентувалась також зв'язь епістолярних звертань з ідіостилем письменника. Між тим епістолярний вокатив має ряд специфічних властивостей, які не дозволяють отождествлять його виключно з початковим звертанням листа, обов'язковість якого, крім того, взагалі не настільки безумовна: існує велика кількість листів різних авторів, в початку яких звертання відсутнє. При цьому воно може бути вставлено в середину тексту або навіть в кінцівку листа, в склад закріплювальної етикетної

формулы, а иногда и вообще отсутствовать, как это имеет место, например, в письмах М. П. Мусоргского [с. 25, 36, 38–39, 125, 156, 269], П. И. Чайковского [с. 4, 5, 39, 90, 113, 165, 178, 189], С. А. Есенина [с. 96–97, 106–107], Б. Л. Пастернака [с. 50–51, 59–60, 62–64, 65–67, 70–71, 266–267, 280, 343–347, 355–358], К. Г. Паустовского [с. 14, 16, 36, 84, 87, 89, 96, 104, 126, 258, 297, 307, 340] и др.

В представленном исследовании мы рассмотрим только один тип эпистолярного вокатива, который мы квалифицировали как бинарный.

Вокатив в письме представляет собой слово (антропоним или апеллятив): *Таня; профессор; родная* – или вокативную конструкцию: *Дорогой Серёжа; милый друг Арсений; Милостивый государь Пётр Иванович; Уважаемый господин редактор; милая мамочка* и т. п.

Эпистолярный вокатив, помимо собственно обращения, в ряде случаев реализуется адресующим метатекстом, иногда предваряющим обращение, что имеет место, например, в следующем случае:

Господам старшинам Артистического кружка в Москве.

Милостивые государи,

благодарю Вас за сочувствие опере «Борис Годунов», выраженное в любезном письме, помеченном двенадцатым числом октября 75 г. [Мусоргский, с. 215].

Ещё пример сочетания адресующего метатекста и прямого обращения в начале письма. Здесь метатекст, по-видимому, предназначен для тех, кто передаст записку адресату:

Татьяне Алексеевне.

Танюша, мне стало очень плохо. Ужасные боли в груди и в сердце. Никого нет.

Если что случится, солнышко мое, береги себя, Алешку и Галку.

Очень я тебя люблю, даже сказать не могу. И Алешку и Галочку.

Не горюйте очень [Паустовский, с. 410].

Эпистолярный вокатив в зачине письма, в основной его части или в концовке нередко представляет собой косвенную адресацию, то есть обозначение адресата «в третьем лице», подобное, по словам В. Е. Гольдина, особо вежливым формам обращения к собеседнику в некоторых языках (немецком, польском, шведском и др.) [2, с. 51–52], например: *Донья Анна-Лаура, столь любезно относящаяся к маленьким животным (аквариум в Берлине), надеюсь, ещё любезнее отнесётся к крупным* [Мусоргский, с. 99].

Итак, эпистолярный вокатив – это лингвистическая фигура, которой автором письма обозначен адресат как субъект или объект коммуникации. Фигура эта может быть непосредственным обращением, косвенной адресацией, адресующим метатекстом и даже совмещать разные формы адресации.

Основной функцией обращения в письме является установление контакта между адресантом и адресатом, и если контакт устанавливается один раз, то соответствующее обращение мы называем **моновокативом**. Но зачастую адресант не ограничивается единственным вокативом и неоднократно обращается к своему адресату в тексте самого письма, как это имеет, например, место в больших по объёму письмах, требующих переключения внимания адресата, в полемических письмах или в письмах с особой эмоционально-экспрессивной нагрузкой, близких по своей стилистике живому общению людей. При этом часто наблюдается варьирование и всей вокативной конструкции, и только отдельных её компонентов. Такого рода вокатив представляет собой комплекс адресующих номинаций, пронизывающий текст письма, и может быть охарактеризован как рассеянный вокатив или **поливокатив**, который мы определяем как многократное, от трёх и более раз,

обращение автора письма к своему адресату. Так, в письме, адресованном Л. И. Шестаковой, сестре М. И. Глинки и музыкально-общественной деятельнице, к которой М. П. Мусоргский относился с чрезвычайной теплотой, он обращается: *Голубушка моя, Людмила Ивановна ... моя голубушка ... Родная Вы моя ... голубушка ... голубушка моя ... дорогая наша Людмила Ивановна* [Мусоргский, с. 203–204].

Частный и весьма распространённый случай поливокатива – **бинарный вокатив**, состоящий из двух компонентов, который и будет предметом нашего исследования. Под бинарным вокативом мы понимаем обращение, дважды фигурирующее в письме. Такое обращение может повторяться либо в неизменённом, либо в модифицированном виде.

Расположение первого и второго компонентов бинарного вокатива в письме варьируется. Достаточно типичен случай, когда они распределяются между зачином и концовкой, образуя, вместе с заключительной этикетной формулой и подписью адресанта, конструктивную рамку письма. Вот пример бинарного вокатива, когда обращением *Милая Галя!* начинается текст письма, а второе обращение включено в состав заключительной этикетной формулы: *Прощайте, милая, и писать не могу. Горько, обидно, хоть плачь. Сергей* [Есенин, с. 177]. Иногда второй компонент бинарного вокатива начинает постскриптум или приписку, расположенную после подписи адресанта, также образуя рамку вокруг основного текста:

Флоренция.

18 февраля / 2 марта 1890 г.

Hôtel Washington.

Голубушка Аня! [текст письма]

Засим крепко обнимаю. Всем твоим поклоны. Надеюсь, что ты уже совсем здорова.

[П. Чайковский]

Аня, Аня, если кончу, славная будет опера [Чайковский, с. 238].

При этом оба компонента вокатива могут представлять собой не только два прямых обращения, как в приведённом выше примере, но и комбинацию прямой и косвенной адресации. Вот сочетание начального обращения: *Танюша, я только что получил твою телеграмму. Спасибо,* – и косвенной адресации в конце письма: *Целую очень, очень, свою Таньку. Котя* [Паустовский, с. 272].

Не всегда, однако, бинарный вокатив обрамляет собственно послание. Оба компонента бинарного вокатива могут располагаться в начале письма, таким, например, образом: *Аня! Откуда ты взяла, голубушка, что я испытал неудовольствие от твоего письма?* [Чайковский, с. 232]. Второй компонент может не заключать послание, а находиться в середине письма и практически на любом расстоянии от первого. В подобной ситуации повторное обращение либо просто поддерживает хотя бы вербальный контакт адресанта с адресатом, либо выступает в функции обращения-регулятива, в том числе и регулятива, по терминологии В. Е. Гольдина, идеального, т. е. регулятива типа *браток, дружище, голубчик* и т. п. [2, с. 110], как это имеет место, например, в письмах М. П. Мусоргского [с. 128, 174, 175, 191, 216–217, 226, 229, 278], П. И. Чайковского [с. 14–15, 35–38, 40–41, 69–70, 89, 122, 128–129, 132, 136–137, 139, 143–144, 169–170, 217, 232] и др.

Есть и примеры такой композиции писем, когда традиционный зачин, включающий обращение, вообще отсутствует или же не содержит никаких форм адресации, и лишь где-то в третьем – четвёртом абзаце, а то и дальше, автор наконец обозначает адресата, а в конце письма вновь обращается к нему. Так расположены компоненты бинарного вокатива в письмах М. П. Мусоргского [с. 148–149], П. И. Чайковского [с. 35–38] и др.

В структурном плане бинарный вокатив представляет собой четыре основных типа: **дублирующий, редуцированный, расширенный и модифицированный**. В дублирующем воспроизводится первое обращение, то есть имеет место его повтор. Чаще всего повторяется антропоним, обычно это имя и отчество или имя адресата, например: *Вот я и выехал к Вам, Арсений Аркадьевич, и еду – не спущу, хотя бы и на душу грех надавил.* <...> *Вот пока первая поездка к Вам, Арсений Аркадьевич* [Мусоргский, с. 149]; *Танюша, посылаю два выправленных экземпляра «Броска на юг». Один – для «Советского писателя», другой для «Московского рабочего».* <...> *Целую тебя, Танюша* [Паустовский, с. 390]. Форма имени при этом может меняться, в интимной и дружеской переписке используются разные варианты имени, домашние имена, прозвища: *Олюшка ... Олюша* [Пастернак, с. 112–114], *Крол ... Кролик* [Паустовский, с. 108–109], *Зверунья-певунья ... зверуша* [Паустовский, с. 157–158], *Серый ... Серяк* [Паустовский, с. 227–228]. В дублирующем вокативе антропоним может иметь при себе детерминанты типа *милый, дорогой, милейший, добрейший*. Зафиксированы также вокативные конструкции, в которых антропониму предшествует регулятив *голубушка* или словосочетание *милый друг*. Единичными примерами в проанализированном нами материале представлен дублирующий вокатив, компоненты которого не содержат антропонима и включают повторяющееся клише *милостивый государь* [Мусоргский, с. 181], детерминированный апеллатив *милейшая барыня* [Мусоргский, с. 192] или субстантивированный адъектив *дорогой мой* [Мусоргский, с. 116–117]. Следует отметить, что конструкции, образующие дублирующий вокатив, как правило, слабо распространены и достаточно стереотипны.

Частным случаем дублирующего вокатива является повтор вокативной конструкции с перестановкой образующих её компонентов при сохранении лексического состава конструкции: *дорогой мой ... мой дорогой* [Мусоргский, с. 134–135], *мой любимый Арсений ... любимый мой Арсений* [Мусоргский, с. 199–200]. Пример бинарного вокатива такого типа находим и в одном из писем Б. Пастернака, текст которого предварён обращением: *Дорогая Оля!* – а постскриптум начинается так: ***Олечка, дорогая, и если только это возможно, то не откладывай поездки в долгий ящик...*** [Пастернак, с. 96–97].

При редуцированном бинарном вокативе второе обращение сокращено и из него исключаются либо детерминанты собственно обращения, либо само обращение, с теми или иными вариациями осуществляемой редукции. Чаще всего наблюдается редукция детерминантов, расширяющих антропоним в составе вокативной конструкции, в результате второй компонент бинарного вокатива представляет собой антропоним, обычно имя (И.) или имя и отчество (И. О.). Вот примеры вокатива этого типа, где детерминант представлен адъективом: *милый И. О. ... И. О.; дорогая И. О. ... И. О.; многоуважаемый И. О. ... И. О.; дорогой мой И. О. ... И. О.; прекраснейший И. О. ... И. О.; добрейшая И. О. ... И. О.; добрая и милая И. О. ... И. О.; дорогой(ая) И. ... И.; дорогой мой И. ... И.; милый(ая) И. ... И.; милый мой И. ... И.; И., родной, маленький ... И.; И., родной ... И.; И., родной мой ... И.; И., дорогой ... И.; И., дорогой мой ... И.* В качестве детерминанта могут выступать и апеллативы, такие как статусные обращения-клише типа *милостивый государь*, регулятивы: *милостивый государь И. О. ... И. О.; милостивая государыня И. О. ... И. О.; голубушка И. ... И.; голубчик И. ... И.; И., голубушка ... И.; милый друг И. ... И.* Если вокативная конструкция – первый компонент бинарного вокатива включает два или более детерминантов, то редукции может подвергаться один из них: ***Многоуважаемая и добрейшая Юлия Петровна! ... До свиданья, добрейшая Юлия Петровна! Кланяюсь всем вашим*** [Чайковский, с. 294–295]. Иногда редукции в составе бинарного вокатива подвергаются и детерминанты при

стержневом слове – апеллятиве: *голубушка моя ... голубушка; милейшая моя барыня ... барыня; голубушка Вы моя, дорогая барыня ... дорогая барыня.*

Антропоним, как доминанта вокативной конструкции, исключается из второго компонента редуцированного вокатива реже, чем детерминанты, хотя есть примеры и такого рода: *дорогой И. ... дорогой; дорогой мой И. ... дорогой мой; друг И. ... друг; голубушка И. ... голубушка; голубушка И. О. ... голубушка; И., голубушка ... голубушка.* Второй компонент бинарного вокатива в этом случае представлен апеллятивом, причём распространители апеллятива также могут быть опущены: *милый друг И. ... друг; милый друг, И. О. ... друг; мой милый друг И. ... друг; голубушка наша И. О. ... голубушка; дорогая голубушка И. О. ... голубушка; дорогая наша голубушка, И. О. ... голубушка; наш светлый друг, графиня И. О. ... графиня.* Возможен и такой вариант, когда во втором компоненте редуцированного вокатива остаётся только субстантивированный адъектив, как в письме С. Есенина А. Мариенгофу, которое начинается обращением *Милый Рыжий!*, а второе обращение сопутствует формуле прощания: *До свидания, милый* [Есенин, с. 171–172].

Редукция онима в вокативной конструкции иногда сопровождается перестановкой остающихся её компонентов и их функциональной переориентацией. Так, в первом компоненте бинарного вокатива *Дорогой мой и всегда дорогой généralissime, несмотря ни на что и ни на кого ... мой дорогой* [Мусоргский, с. 182] лексемы *дорогой, мой* детерминируют собственно обращение *généralissime*, во втором же компоненте адъектив *дорогой* субстантивируется, а лексема *мой* становится его детерминантом. Ещё примеры редуцированного вокатива с перестановкой компонентов: *милый друг И. ... друг милый; мой дорогой И. ... дорогой мой; голубушка моя дорогая, И. О. ... дорогая моя голубушка; дорогая моя голубушка, И. О. ... голубушка моя.*

Во вторую часть расширенного вокатива вносятся какие-то дополнения к первой номинации адресата. Например: *милая И. ... милая моя И.; И. ... И., милая; И. ... И., родная моя; И. ... моя радостная И.* При этом первый компонент бинарного вокатива в большей мере соответствует требованиям этикета и выполняет фатическую функцию; второй же компонент включает детерминанты с семантикой субъективной оценки или притяжательное местоимение *мой*, употребление которого в составе обращения сокращает коммуникативную дистанцию между адресантом и адресатом. В этих случаях, по-видимому, можно говорить о том, что сам акт эпистолярной коммуникации создаёт предпосылки для эмоционального сближения её участников, что и находит своё выражение в семантике второго компонента бинарного вокатива. Вот пример расширенного вокатива в одном из писем М. П. Мусоргского В. В. Стасову, как нам кажется, иллюстрирующий эту мысль: *Дорогой мой généralissime, дрянь дело. ... Приступал к письму с поганым тоскливым чувством какой-то долгой разлуки с Вами, дорогой мой, и, сдаётся мне, единственный меня сознающий généralissime. И ведь в ту же минуту о диспуте российских мужей мечтания пошли – как только поотлегло* [Мусоргский, с. 210–211].

Наиболее многочисленны и разнообразны в обследованном нами материале случаи модифицированного бинарного вокатива. Модификация осуществляется путём замены детерминанта в вокативной конструкции, либо полной замены вокатива, либо замены с частичным сохранением компонентов конструкции. Замена детерминанта наблюдается, как правило, в вокативной конструкции, которая представляет собой детерминированный антропоним или апеллятивно-антропонимический комплекс (термин В. И. Супруна [14]), при этом антропоним повторяется как в первом, так и во втором компоненте бинарного вокатива: *милый И. О. ... дорогой И. О.; милый И. О. ... голубчик И. О.; друг мой И. О. ... милый*

И. О.; многоуважаемая И. О. ... добрейшая И. О.; добрейшая, милая И. О. ... добрейшая, дорогая И. О.; многоуважаемая, добрейшая И. О. ... дорогая И. О.; добрейшая И. О. ... многоуважаемая И. О.; добрейшая И. О. ... дорогая И. О.; милая, добрейшая И. О. ... дорогая И. О.; добрейшая И. О. ... милая И. О.; дорогая И. О. ... милая И. О.; дорогая И. О. ... добрая И. О.; дорогая И. О. ... добрейшая И. О.; многоуважаемая, добрейшая И. О. ... милая И. О.; добрейшая И. О. ... милейшая И. О.; дорогая И. О. ... бедная, добрейшая И. О.; дорогой И. ... милейший И.; милая И. ... голубушка И.; голубушка И. ... И., дорогая; голубушка И. ... милая И.; голубушка И. ... бедная, милая И.; голубчик мой И. ... милый мой И.; милый друг И. ... милый мой И; И, милый ... И., дорогой; И., дорогой ... И., родной.

В случае замены вокативной конструкции с частичным сохранением её компонентов в составе бинарного вокатива повторяется детерминант. Чаще всего это адъективы *милый, дорогой, мой*, апеллятивы *друг, голубчик, голубушка*. Повтор лексем с семантикой позитивной оценки актуализует коннотативный компонент, «стёршийся» вследствие их этикетного употребления, эксплицирует стремление адресанта организовать коммуникативное пространство наиболее комфортным для адресата образом, подчеркнуть значимость данного взаимодействия.

В модифицированном вокативе антропоним, однозначно обозначающий адресата, что существенно для установления контакта, регулярно присутствует в первом компоненте бинарного вокатива и часто опускается во втором, когда контакт уже установлен. Как отмечает Л. П. Рыжова, обращение как компонент текста реализует все те коммуникативные функции, которые присущи языковой системе в целом [12, с. 84], и мы полагаем, что это утверждение справедливо также в отношении эпистолярного вокатива. Однако иерархия функций может варьироваться: если для начального вокатива фатическая функция является ведущей, то второе обращение в письме выполняет прежде всего оценочно-характеризующую функцию, а затем уже фатическую, поддерживая контакт. Второй компонент бинарного вокатива зачастую представляет собой субстантивированный адъектив, то есть именование адресата по его признаку: *дорогой мой, мой славный, моя милая, маленький мой, родная моя, родимый* и т. п. Нередки также описательные номинации перифрастического типа: *милый мой пинтенбрюрский житель* [Чайковский, с. 266], *хороший мой друг* [Мусоргский, с. 277], *мальчик, мой «рыжик»* [Паустовский, с. 416], *маленький человечек* [Паустовский, с. 58], *моя отшельница* [Паустовский, с. 400].

Как видим, эпистолярный вокатив – это не только обращение как элемент зачина письма, но гораздо более сложная лингвистическая фигура. Её строение определяется как структурой собственно вокативной конструкции, так и соотношением разных видов адресации, а также характером повтора обращения или вокативной конструкции в тексте письма. Бинарный вокатив, то есть дважды фигурирующее в письме обращение к адресату, по своей структуре представлен четырьмя основными типами: дублирующим, редуцированным, расширенным и модифицированным. Функциональная нагруженность бинарного вокатива определяется тем, что он выполняет фатическую функцию, обеспечивая первой своей частью установление контакта между корреспондентами в начале коммуникации, а второй – поддержание контакта в процессе чтения письма адресатом. Повтор лексем с семантикой позитивной оценки в составе бинарного вокатива способствует реализации оценочно-характеризующей функции обращения и созданию благоприятных условий для взаимодействия коммуникантов. Рамочная же структура бинарного вокатива – явление этикетной нормы, чаще всего ритуальное, связанное с особо уважительным (и даже подобострастным) отношением адресанта к адресату.

Библиографические ссылки

1. Буравцова Н. Ю. Национально-культурные особенности статусных обращений в русском языке: история и современность : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Надежда Юрьевна Буравцова. – М., 2006. – 182 с.
2. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 128 с.
3. Захарова В. Е. О функциях и структуре начального обращения в частных письмах А. П. Чехова / В. Е. Захарова. – Режим доступа : <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st019.shtml>
4. Катаржина С. Л. Этикетные формулы в письмах к друзьям русской творческой интеллигенции начала XX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Светлана Леонидовна Катаржина. – Орск, 2001. – 20 с.
5. Кыштымова Т. В. Ономастическая игра в письмах А. П. Чехова к брату (на примере обращений и самопрезентаций) / Т. В. Кыштымова // Известия Уральск. гос. ун-та. – 2008. – № 60. – С. 221–225.
6. Маркелова Т. В. Обращение и оценка / Т. В. Маркелова // Русский язык в школе. – 1995. – № 6. – С. 76–81.
7. Мизин О. А. К морфологии обращения / О. А. Мизин // Русский язык в школе. – 1980. – № 5. – С. 75–77.
8. Попов А. С. Обращения-предложения в современном русском языке / А. С. Попов // Русский язык в школе. – 1958. – № 5. – С. 36–39.
9. Проничев В. П. Синтаксис обращения / В. П. Проничев. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – 88 с.
10. Райлянова В. Е. Семантичний простір звертання в сучасній російській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 – російська мова / В. Е. Райлянова. – Дніпропетровськ, 2001. – 17 с.
11. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
12. Рыжова Л. П. Коммуникативные функции обращения / Л. П. Рыжова // Семантика и прагматика синтаксических единств : межвуз. темат. сборник. – Калинин : Калининский гос. ун-т, 1981. – С. 76–86.
13. Скаб М. С. Функціональна сфера апеляції в українській мові (семантика, граматики, прагматика, стилістика) : дис... д-ра філол. наук: 10.02.01 – українська мова / Мар'ян Стефанович Скаб. – Чернівці, 2002. – 451 с.
14. Супрун В. И. Антропонимы в вокативном употреблении / В. И. Супрун // Известия Уральск. гос. ун-та. – 2001. – № 20.
15. Черняева А. Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Алла Борисовна Черняева. – СПб., 2008. – 187 с.

Источники фактического материала

16. Есенин С. А. Собр. соч. в 5 т. – Т. 5. Автобиографии, статьи, письма / подгот. текста и прим. А. А. Козловского, А. М. Марченко и др. – М. : ГИХЛ, 1962. – 456 с.
17. Мусоргский М. П. Письма. – 2-е изд. – М. : Музыка, 1984. – 446 с.
18. Пастернак Б. Л. – Переписка Бориса Пастернака / сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака. – М. : Худож. лит., 1990. – 575 с.
19. Паустовский К. Г. Собр. соч. в 9 т. – Т. 9. Письма. 1915–1968 / сост., подгот. текста и примеч. Л. Левицкого. – М. : Худож. лит., 1986. – 542 с.
20. Чайковский П. И., Танеев С. И. Письма / сост. и ред. В. А. Жданов. – М.: Госкультпросветиздат, 1951. – 558 с.

Надійшла до редколегії 21.12.12

УДК 811.161.3'373.7

Л. У. Кулік

Гомельскі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт імя П. В. Сухого

АДМОЎНЫЯ СТЭРЭАТЫПЫ І ЭТАЛОНЫ Ў САМАТЫЧНЫХ ФРАЗЕАЛАГІЗМАХ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

У лінгвокультурологічным аспекці досліджена антистереотыпы і антиэталоні у соматичній фразеологіі білоруськоў мовы; раскрыта культурна-нацыянальную інфармацыю, якая закодваная ў внутрышній форме фразеалогізмаў; встановлена відмінні та характэрні як эталонам, так і стереотыпам рысы.

Ключовыя словы: фразеалогічная адзінца, код культуры, антистереотып, антиэталон, соматызм.

В лингвокультурологическом аспекте исследованы антистереотипы и антиэталоны в соматической фразеологии белорусского языка; раскрыта культурно-национальная информация, закодированная во внутренней форме фразеологизмов; установлены отличительные и характерные как для стереотипов, так и для эталонов черты.

Ключевые слова: фразеологическая единица, код культуры, антистереотип, антиэталон, соматизм.

In the article in the linguo-cultural aspect the anti-stereotypes and anti-models of the somatic phraseology of the Byelorussian language are researched in the linguo-cultural aspect; the cultural-national information which is encoded in internal form of the phraseological units are revealed; the distinguishing and typical features of the stereotypes and models are fixed.

Keywords: phraseological unit, code of the culture, anti-stereotype, anti-model, somatizm.

З улікам антрапацэнтрычнага падыходу да вывучэння мовы, характэрнага для сучасных лінгвістычных даследаванняў, вялікую цікавасць уяўляе лінгвакультуралагічнае вывучэнне фразеалагічнага складу кожнай мовы. Менавіта ў фразеалагічных адзінках (далей – ФА) найбольш ярка выяўляюцца вобраз чалавека, яго характар і стан, паводзіны, а таксама падкрэсліваюцца культурная ўнікальнасць і нацыянальная непаўторнасць носьбітаў мовы.

Нягледзячы на тое, што замежныя навукоўцы [2; 14; 17 і інш.] ужо даўно і актыўна разглядаюць ФА не толькі як адзінкі мовы, але і як адзінкі культуры, да апошняга часу ў працах айчынных лінгвістаў ФА вывучаюцца ў асноўным у структурна-семантычным аспекце, а іх унутраная форма, вобразы, протасітуацыі, пакладзеныя ў аснову, што ўтрымліваюць, экспліцытна і імпліцытна, культурна-нацыянальную інфармацыю, застаюцца па-за ўвагай [6; 12; 18 і інш.]. У сувязі з гэтым пытанне аб даследаванні ФА ў лінгвакультуралагічным аспекце, дэкадзіраванне іх як адзінак культуры з'яўляецца актуальным і патрабуе асаблівай увагі.

Раскрыць сувязь паміж «мовай» культуры і ўнутранай формай, словамі-кампанентамі ФА становіцца магчымым толькі з улікам асноўных адзінак лінгвакультуралогіі: сімвалаў, квазісімвалаў, эталонаў, стэрэатыпаў. Менавіта яны, выступаючы неад'емнымі складнікамі пэўнага культурнага кода, «з'яўляюцца неабходнымі для моўнага мадэліравання таго ці іншага феномена нацыянальнай культуры, для фарміравання моўнай карціны свету ў выглядзе вобразных уяўленняў» [1, с. 281]. Пад культурным кодам, у сваю чаргу, разумеецца «сістэма знакавых цел матэрыяльнага і духоўнага свету, якія з'яўляюцца носьбітамі культурных сэнсаў» [5, с. 9].

Ролю эталонаў і стэрэатыпаў культуры пачынаюць выконваць ФА, у якіх замацаваны тыповыя для носьбітаў мовы вобразы і сітуацыі. Падкрэслім, у самім фарміраванні ФА, г. зн. «у адборы вобразаў, прасочваецца іх сувязь з культурна-нацыянальнымі стэрэатыпамі і эталонамі. Гэта інфармацыя затым як бы ўваскрашаецца ў канатацыях, якія адлюстроўваюць сувязь асацыятыўна-вобразнай асновы з культурай (эталонамі, сімваламі, стэрэатыпамі)» [13, с. 71]. Каб перадаць сутнасць пэўнай рэаліі, ментальных вобразаў і характарыстык, чалавек выкарыстоўвае моўныя знакі, у якіх закадзіраваны фізічны і культурны вопыт асобы.

Мэта нашага артыкула – выяўленне і характарыстыка закадзіраваных у ФА адмоўных стэрэатыпаў (дакладней – антыстэрэатыпаў), эталонаў (антыэталонаў) на прыкладзе самай колькасна прадстаўленай у беларускай літаратурнай мове групы ФА з кампанентам-саматызмам (1848 саматычных ФА беларускай мовы, выдзеленыя метадам суцэльнай выбаркі са «Слоўніка фразеалагізмаў беларускай мовы» І. Я. Лепшава [11]).

Сярод саматычных ФА колькасна пераважаюць адзінкі з адмоўна-ацэнным адценнем, бо, як вядома, тэндэнцыя да адлюстравання адмоўнай ацэнкі ў ФА лічыцца агульнай заканамернасцю, акрамя таго, гэта тлумачыцца вострай рэакцыяй беларусаў на адмоўныя асаблівасці чалавечага ўсведамлення і мовы «чляніль адмоўны вопыт больш рупна, чым станоўчы, які ўспрымаецца як норма» [4, с. 67]. Акцэнтуючы ўвагу на адмоўным, носьбіты мовы выпрацоўваюць правілы этыкету, паводзін. У сувязі з гэтым заканамерна, што «ў фразеалагічным складзе замацоўваюцца ў большасці не эталонныя і стэрэатыпныя культурныя канатацыі, а якраз тыя, якія адхіляюцца ад іх, таму адзінкі фразеалогіі, выступаючы ў якасці экспанентаў культурных знакаў, маніфестуюць антыэталоны і антыстэрэатыпы» [16, с. 310].

Вызначэнне паняцця «стэрэатып» у шматлікіх лінгвістычных даследаваннях паказвае на існаванне розных яго тлумачэнняў. Так, напрыклад, А. П. Леўчанка пад стэрэатыпам разумее рэпрэзентацыю прататыпа няпоўным, частковым вобразам з'явы, які абмяжоўваецца канатацыямі і не мае дэфінітыўнага сэнсу, са структурай, закрытай для новай інфармацыі [9, с. 341]. В. У. Красных разглядае стэрэатып як некаторую структуру «ментальна-лінгвальнага комплексу, якая фарміруецца інварыянтнай сукупнасцю валентных сувязей, якія прыпісваюць дадзенай адзінцы і якія рэпрэзентуюць вобраз-уяўленне феномена, які стаіць за дадзенай адзінкай, у яго [вобраза-ўяўлення] нацыянальна-культурнай маркіраванасці пры пэўнай прадказальнасці напраўленых сувязей (вектараў асацыяцый)» [8, с. 232]. Пад стэрэатыпам намі разумеюцца замацаваныя ў свядомасці асобы альбо цэлага калектыву пэўныя вобразы і паняцці, якія валодаюць трывала замацаванай за імі семантыкай, матэрыялізуюцца ў маўленні праз словы, спалучэнні слоў альбо ФА і ствараюць культурна-моўны вобраз. Менавіта сукупнасць кагнітыўных стэрэатыпаў нацыі вызначае «нацыянальны спосаб успрымання і разумення рэчаіснасці», альбо нацыянальны менталітэт пэўнага народа [15, с. 59].

Так, ФА *пуза / живот на нос лезе* 'хто-н. у стане цяжарнасці; звычайна пра жанчыну, якая не знаходзіцца ў шлюбе' адлюстроўвае складзенае ў свядомасці беларусаў мінулых стагоддзяў стэрэатыпнае адмоўнае стаўленне да незамужняй цяжарнай жанчыны, што ўзмацняецца яшчэ і ўжываннем размоўнай лексемы *пуза*, якая амаль заўсёды нясе адмоўную канатацыю.

У ФА *абіваць бакі / бокі* 'знаходзіцца дзе-н. без пэўнага занятку', 'нічога не рабіць, гультаяваць, лодарнічаць'; *адлежваць бакі* 'гультаяваць, пазбягаць працы'; *ляжаць на баку* 'нічога не рабіць, гультаяваць' саматычны кампанент *бок*

у спалучэнні з дзеяслоўнымі кампанентамі адлюстроўвае негатыўныя адносіны носьбітаў мовы да стэрэатыпных сітуацый «гультайства» і «бяздзейнасць».

У ФА *курыная галава* кампанент *галава* суадносіцца з саматычным, а кампанент *курыная* – з заморфным кодам культуры. Адмоўна-ацэначнае адценне дадзенай ФА надае ад’ектыўны кампанент, які з’яўляецца «несумяшчальным» па семантыцы з кампанентам-саматызмам, у выніку чаго ўзнікаюць алагічныя меркаванні аб чалавеку. У вобразнай аснове ФА знаходзіцца метафара, якая атаясамлівае разумовыя здольнасці чалавека з разумовымі магчымасцямі курыцы (наяўнасць невялікага па аб’ёму галаўнога мозга курыцы тлумачыцца яе непрапарцыянальна малой галавой, а таксама тым, што за большую частку рэфлексаў адказвае ствалавая частка мозга), перадаючы такім чынам грэблівыя адносіны да асобы. Спалучэнне заморфнага і саматычнага кампанентаў стварае стэрэатыпны вобраз неразумнага чалавека. Акрамя таго, у вобразнай аснове ФА знаходзіцца архетып-проціпастаўленне «мужчына – жанчына», што адлюстроўвае «стэрэатыпнае ўяўленне аб жанчыне як аб чалавеку з нізкім інтэлектуальным узроўнем, чые разумовыя здольнасці ніжэй за здольнасці мужчыны» [3, с. 344].

Сувязь з заморфным кодам культуры прасочваецца і ў ФА з кампанентам *рогі*: *насіць рогі* ‘быць раганосцам – мужам, якому здраджвае жонка’; *настаўляць рогі* ‘здраджваць мужу, становячыся палюбоўніцай іншага мужчыны’, ‘ашукваць мужа, стаўшы палюбоўнікам яго жонкі’ і інш. Стварэнне адмоўнай стэрэатыпнай сітуацыі ў ФА ўзыходзіць да старажытнай народнай культуры, міфалогіі, а ўжыванне кампанента *рогі* як утварэння на галовах жывёл у якасці часткі цела чалавека абумоўлівае негатыўную канатацыю ФА. Акрамя саматычнага і заморфнага, ФА суадносіцца з рэлігійным кодам культуры: у яе вобразнай аснове замацаваны ўяўленні аб знешнім выглядзе антрапаморфнай істоты – чорта.

Адной з прызнаных стэрэатыпных рыс чалавека, якая адмоўна ўспрымаецца ў беларусаў, з’яўляецца нерашучасць. Такая адметнасць асобы падкрэсліваецца ФА *падтульваць / падціскаць хвост / хвасты* ‘спалохаўшыся чаго-н., становіцца больш асяржожным, траціць самаўпэўненасць’. Негатыўная канатацыя выяўляецца за кошт пераўвасаблення, пераносу ўласцівасці паводзін сабакі на чалавека. Адмоўныя асацыяцыі выклікае сам вобраз сабакі, які здаўна надзелены негатыўнай ацэнкай у славянскай ментальнасці.

Міжасобасныя адносіны таксама прадстаўлены ў ФА беларускай мовы, дзе знайшла адлюстраванне ацэнка адмоўнай стэрэатыпнай сітуацыі ‘біць, біцца; прымяняць фізічную сілу’: *лічыць зубы / скабы* ‘моцна біць каго-н.’; *на кулаках выносіць* ‘б’ючы, выправаджваць, выганяць’; *распускаць рукі* ‘біцца, збіваць каго-н.’ і інш. Відавочна, што ўзнікненне ФА, якія зафіксавалі такія негатыўныя паводзіны асобы, тлумачыцца жаданнем носьбітаў мовы выявіць адмоўнае стаўленне да такога спосабу вырашэння ўзаемаадносін паміж людзьмі ці падвергнуць іх крытыцы.

Яркай адмоўнай канатацыяй характарызуецца ФА *адпіць мазгі* ‘ў выніку п’янства страціць здольнасць нармальна паводзіць сябе’. Дадзеная ФА як адзінка культуры рэпрэзентуе ўяўленні носьбітаў мовы аб магчымасці чалавека разумна думаць, разважаць, паводзіць сябе. Вобраз ФА ствараецца на аснове метанімічнага суаднясення часткі і цэлага (мозг – розум) і з’яўляецца характэрнай для негатыўнай ацэнкі. А ў цэлым ФА сама выступае стэрэатыпам для ацэнкі і характарыстыкі паводзін асобы. Негатыўная ацэнка п’янства ў беларускай фразеалогіі асабліва выразна выяўляецца ў ФА з саматычнымі кампанентамі тыпу

заліваць вочы ‘напівацца п’яным, многа выпіваць (гарэлкі, віна і пад.)’, ‘напойваць каго-н., даводзіць да стану ап’янення’ і *хмель ударыў у галаву* ‘хто-н. ап’янеў’, дзе *вочы* выступаюць адзінкай вымярэння ўжывання спіртнога, а *галава* – адзінкай вымярэння разумовых здольнасцей, тым аб’ектам, які падвяргаецца ўздзеянню хмелю.

Падпадае пад увагу і адмоўна характарызуецца няздольнасць чалавека да выразнага маўлення, што зафіксавана ў ФА праз спалучэнне саматычнага кампанента з дзеяслоўнымі: *язык блытаецца / блытаўся* ‘хто-н. не можа выразна гаварыць, сказаць што-н.’; *язык заплятаецца / заплятаўся* ‘хто-н. не можа выразна гаварыць, сказаць што-н.’, у якіх *язык* як абраны кампанент ФА набывае функцыі органа маўлення і функцыі замяшчэння чалавека.

І наадварот, такая адмоўная стэрэатыпная рыса, як балбатлівасць, таксама падвяргаецца крытыцы і асуджэнню: *доўгі / даўгі язык* ‘балбатлівасць, схільнасць гаварыць лішняе, няўменне захоўваць тайну’; *язык без касцей* ‘хто-н. вельмі балбатлівы, гаворыць лішняе’ і інш. Яшчэ больш высокую ступень негатыўнай ацэнкі нясуць ФА, у якіх не толькі асуджаецца балбатлівасць, але і пустаслоўе: *мянціць / мянташыць языком / языкам і пляскаць языком* ‘гаварыць упустую, пустасловіць’ і інш. У вобразе ФА кампанент *язык*, дзякуючы ўвасабленню, уключаецца ў антрапаморфную метафару і сімвалічна замяшчае здольнасць чалавека гаварыць, што матывавана метанімічным атаясамліваннем *языка* і маўленчай здольнасці чалавека.

Неабходна адрозніваць ад стэрэатыпаў эталоны, статус якіх набываюць аб’ект, паняцце альбо рэалія ў выпадку праяўлення імі пэўнай універсальнай якасці ў найвышэйшай ступені, і таму існаванне эталона немагчыма без супастаўлення альбо параўнання. Іншымі словамі, эталон уяўляе сабой узор, з якім параўноўваюць што-небудзь, а таму пад эталонам, услед за В. М. Тэліяй, разумеем «характаралагічную вобразную падмену якасцей чалавека альбо прадмета якой-небудзь рэаліяй – персонай, натуральным аб’ектам, рэччу, якія становяцца знакам дамінуючага ў іх з пункта погляду штодзённа-культурнага вопыту, якасці» [17, с. 242].

Саматычныя кампаненты ў складзе ФА маюць сімвальнае значэнне «індыкатара стану» [7], і амаль любая рэалія ў свядомасці носьбітаў мовы можа пераўтварыцца ў эталон для вымярэння якасцей чалавека. Так, у ФА *ні вуха ні рыла* (не разумець, не ведаць) ‘зусім нічога’ кампаненты-саматызмы выступаюць эталонам нязначнасці. Вобраз ФА адлюстроўвае ўяўленні аб *вуху* і *рыле* як аб мінімальна значных для продажу альбо ежы частках цела жывёлы. ФА мае на ўвазе абавязковую наяўнасць у чалавека ведаў аб чым-н. і выступае ў ролі эталона, ступені разумення і ўсведамлення чаго-н. асобай.

У ФА *галава <i>два вухі* ‘нездагадлівы, прастакаваты чалавек’ кампанент-саматызм *вуха* ў спалучэнні з кампанентам-саматызмам *галава* рэпрэзентуе вобраз не вельмі разумнага чалавека. Вобраз ФА ўзыходзіць да старажытнай саматычнай формы ўспрымання часткі як цэлага. У аснове ФА ляжыць метанімія, якая падкрэслівае наяўнасць у асобы толькі галавы і вушэй, пры гэтым на разумовыя здольнасці асобы ўвага зусім не акцэнтуюцца.

ФА *мазгі набакір* ‘хто-н. прыдуркаваты, з дзівацтвам’ з’яўляецца антыэталонам чыйго-н. інтэлекту, кемлівасці. Вобраз ФА ствараецца сукупнасцю саматычнай, рэчыўнай і прасторавай метафар, пры гэтым *мозг* атаясамліваецца з галаўным уборам, г.зн., што ён (мозг) па-за межамі галавы. Іншымі словамі, ФА

перадае эталоннае ўяўленне аб парушэнні месца знаходжання мазгоў і даводзіць аб нізкім узроўні разумовай дзейнасці чалавека.

Цікавасць выклікае ФА *ставіць калом вочы* 'злосна, праяўляючы варожасць, глядзець на каго-н.' у сувязі з тым, што звычайна форма вока, дакладней, яго зрэнка выступае эталонам круга, а ў ФА саматызм *вока* ў спалучэнні з дзеясловам *ставіць* і назоўнікам *кол* набывае характарыстыкі антыэталона: саматызм *вока* выступае квазісімвалам моцнай зброі, што матывуецца кампанентам *кол*, г. зн. погляд метафарычна прыпадабняецца колючаму прадмету, зброі.

Суаднясенне кампанентаў ФА з саматычным кодам культуры выяўляе закладзіраваныя ў іх культурныя сэнсы. Так, у ФА *пераварочвацца дагары нагамі* 'змяняцца карэнным чынам, станавіцца зусім іншым'; *ставіцца з ног на галаву* 'змяняцца карэнным чынам, ператваючыся ў сваю процілегласць'; *ставіць з ног на галаву* 'змяняць што-н. карэнным чынам', 'даводзіць што-н. да поўнага беспарадку, хаатычнага стану; ператрасаць што-н.' саматызм *ногі* выступае эталонам нізу, а *галава* – верху (параўн. прыказка *вышэй галавы не падскочыш / не скочыш* 'больш за тое, на што здольны, што ў тваіх магчымасцях, не зробіш' [10, с. 97]), а разам яны ўяўляюць сабой меру, эталон у адлюстраванні катэгорыі вымярэння па вертыкалі. Вось чаму названыя ФА нясуць адмоўнае стаўленне да сітуацый, калі гэтыя меры, эталоны парушаюцца альбо скажаюцца.

Непрыемную перашкоду, якая раздражняе сваёй прысутнасцю, у беларускай мове параўноўваюць з анамальнымі ўтварэннямі на целе чалавека – *бяльмом* і *ціпуном*: (быць, з'яўляцца, станавіцца) *бяльмом на воку* '(быць і пад.) вялікай, непрыемнай перашкодай, якая раздражняе сваёй прысутнасцю (наяўнасцю)'; (як, нібы) *бяльмо на воку* '(як) вялікая перашкода, што раздражняе сваёй прысутнасцю (наяўнасцю)'; *скула ў баку / пад бокам* 'вялікая, балючая перашкода, што раздражняе сваёй наяўнасцю'; *як скула* 'вялікая перашкода, што раздражняе каго-н. наяўнасцю ці прысутнасцю'. У аснове ФА знаходзіцца акультуранае ўспрымання пэўнай перашкоды шляхам прыпадабнення нехарактэрным для здоровага чалавека ўтварэнням на целе, у выніку чаго ФА набываюць негатыўную ацэнку.

Такім чынам, асноўная розніца паміж стэрэатыпам (антыстэрэатыпам) і эталонам (антыэталонам) заключаецца ў тым, што ў аснове першага знаходзіцца абмежавана-гарызантальнае бачанне рэчаіснасці, якое, як правіла, ажыццяўляецца праз вобразна-матываваныя параўнанні, што ў сваю чаргу абазначаюць розныя сітуацыі, а другі ўяўляе сабой пэўны вобраз, успрымання якога іерархічна-вертыкальнае. Пры гэтым эталоны падкрэсліваюць пэўныя якасці асобы або прадмета, а стэрэатыпы дэкадзіруюць сітуацыі, якія ў сваю чаргу характарызуць паводзіны чалавека. У такім выпадку кампанент ФА з'яўляецца культурна-маркіраваным і патрабуе звароту да ўнутранай формы ўсяго фразеалагізма, а ў сувязі з гэтым да яго вобразна-асацыятыўнай асновы.

У той жа час аналіз ФА з саматычным кампанентам паказвае, што як стэрэатыпы, так і эталоны могуць выяўляцца не толькі праз замацаваны ў фразеалогіі комплекс уяўленняў носьбітаў мовы аб сябе, але і непасрэдна праз кампаненты ФА, якія пры гэтым выконваюць ролю эталонаў альбо задзейнічаны ў стварэнні стэрэатыпных сітуацый. Эталоны і стэрэатыпы нясуць у сябе пэўную каштоўнасцю арыетнацыю, якая замацавана за імі пэўнай калектыўнай свядомасцю папярэдніх пакаленняў, і дазваляюць адказаць на пытанне: як чалавек разумее сваё цела і праз яго спасцігае акаляючы свет. Менавіта праз

дэкадзіраванне эталонаў і стэрэатыпаў становіцца магчымым дакладна ўявіць фрагмент моўнай карціны свету носьбітаў мовы.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. **Алефиренко Н. Ф.** Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 416 с.
2. **Алефиренко Н. Ф.** Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М. : ЭЛПИС, 2008. – 471 с.
3. **Большой фразеологический словарь русского языка.** Значение. Употребление. Культурологический комментарий / редкол.: В. Н. Телия (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд. стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
4. **Графова Т. А.** Смысловая структура эмотивных предикатов / Т. А. Графова // Человеческий фактор в языке : Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В. Н. Телия. – М., 1991. – С. 67–99.
5. **Гудков Д. Б.** Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
6. **Даніловіч М. А.** Граматычная характарыстыка фразеалагізмаў [наук. выд.] / М. А. Даніловіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 110 с.
7. **Красавский Н. А.** Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Н. А. Красавский. – Волгоград, 2001. – 40 с.
8. **Красных В. В.** «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
9. **Левченко О. П.** Атрибут, прототип, стереотип у фразеологічнай карціні свету / О. П. Левченко // Мовні та концептуальні карціны свету : зб. наук. пр. – 2004. – Вип. 10. – С. 338–346.
10. **Лепешаў І. Я.** Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мінск : «Беларус. асац. «Конкурс», 2006. – 544 с.
11. **Лепешаў І. Я.** Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. – 2 т.
12. **Лепешаў І. Я.** Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дапам. для студэнтаў філал. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 271 с.
13. **Маслова В. А.** Культурно-национальная специфика русской фразеологии / В. А. Маслова // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. – М., 2004. – С. 68–76.
14. **Мокиенко В. М.** Славянская фразеология : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов / В. М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1980. – 207 с.
15. **Попова З. Д.** Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М : АТС : Восток – Запад, 2007. – 314, [6] с.
16. **Телия В. Н.** Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от миропониманию) / В. Н. Телия // Славянское языкознание / IX Междунар. съезд славистов. Доклады российской делегации, Братислава, сент. 1993 г. : сб. докл. [Рос. акад. наук, Отд-ние лит. и яз. ; Нац. комис. славистов Рос. Федерации] ; отв. ред. Н. И. Толстой. – М., 1993. – С. 302–314.
17. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 288 с.
18. **Янкоўскі Ф. М.** Беларуская фразеалогія / Ф. М. Янкоўскі. – Мн. : Нар. асвета, 1981. – 79 с.

Надійшла до редколегії 04.02.13

УДК 811.161.2'373.45

О. М. Лапінська

Національна металургійна академія України (м. Дніпропетровськ)

НЕОЛОГІЧНА ЛЕКСИКА НА БАЗІ АНГЛІЦИЗМІВ У МОВІ ТВОРІВ УКРАЇНСЬКОЇ ХУДОЖНЬОЇ ЛІТЕРАТУРИ КІНЦЯ ХХ – ПОЧАТКУ ХХІ ст.

Розглянуто неологічну лексику на базі англiцизмiв в українському художньому тексті кінця ХХ – початку ХХІ ст., способи її творення, причини вживання неологізмів.

Ключові слова: неологічна лексика, англiцизми, неологізми, індивідуально-авторські неологізми, оказіоналізми.

Рассмотрена неологическая лексика на базе англицизмов в украинском художественном тексте конца ХХ – начала ХХІ вв., способы ее образования, причины употребления неологизмов.

Ключевые слова: неологическая лексика, англицизмы, неологизмы, индивидуально-авторские неологизмы, окказионализмы.

The article deals with neologisms based on Anglicisms in the language of the Ukrainian fiction at the end of 20-th century – at the beginning of the 21-st century, their formation, the reasons of using of neologisms.

Keywords: neologisms, Anglicisms, individual author's neologisms, occasional words.

В українській художній літературі досить інтенсивно функціонують індивідуально-авторські неологізми, чи, як ще їх називають, оказіоналізми, загальномовні неологізми.

Проблеми оказіоналізмів, питання про розширення семантики слів вивчали В. П. Ковальов, К. Ю. Голобородько, Ж. В. Колоїз, Л. І. Мацько, О. А. Стишов, О. М. Турчак, О. А. Земська, Н. І. Фельдман, О. Г. Ликов, В. В. Лопатін, Е. І. Ханпіра, В. М. Хохлачова та ін. У російській мові були досліджені новотвори В. Хлебнікова, А. Білого тощо. Ю. І. Жабаєва аналізувала структурно-семантичні та функціональні особливості оказіоналізмів В. Висоцького [6]. Г. О. Винокур вивчав потенційні слова в поезії В. Маяковського [4].

Більшість дослідників у галузі неології вказували на неоднорідність неологізмів і виділяли серед них загальномовні неологізми, створені на позначення нових фактів дійсності, та індивідуально-авторські, створені з художньою метою. Індивідуально-авторські не стають частиною мовної системи й не виходять за межі комунікативної ситуації, у якій вони виникли, а загальномовні з часом набувають поширення, хоч і не втрачають своєї новизни. Тому за загальномовними неологізмами поступово закріпився термін «неологізм», а за індивідуально-авторськими – «оказіоналізм» [10, с. 6]. О. А. Габінська зауважує, що оказіоналізми можна називати неологізмами, адже новий – не тільки вперше створений чи зроблений, який нещодавно з'явився, але й незнайомий, маловідомий. Оказіоналізми – це нові слова, невідомі раніше літературній мові, точніше – більшості її носіїв, для яких кожне таке слово сприймається як нове, незвичне, незалежно від того, з якою метою воно утворене [5, с. 29]. Єдиної думки щодо визначення неологізмів, індивідуально-авторських неологізмів, новотворів, оказіоналізмів у мовознавстві немає.

Авторські новотвори, неологізми, okazіоналізми, утворені на основі англіцизмів, вжиті в художніх текстах й аналізовані в нашій роботі, об'єднуюмо під загальною назвою – неологічна лексика на базі англіцизмів.

Незважаючи на велику кількість праць, присвячених неологізмам й okazіоналізмам, неологічну лексику на базі англіцизмів у мові творів української художньої літератури кінця ХХ – початку ХХІ ст. докладно не вивчали, хоча способи її виникнення та особливості функціонування становлять значний науковий інтерес. Дослідження цих явищ є метою нашої статті.

Багатство стилю мови сучасної художньої літератури дозволяє словесно відобразити гаму відтінків значення нових явищ і реалій позамовного світу. Неологічну лексику, утворену на базі англіцизмів, за частинимовною належністю поділяємо на: 1) іменники (*джипак, крезик, бьоздники, дреди*); 2) прикметники (*честерфільдський, дредастий, оф-бродвейський, бонні-клайдівський*); 3) дієслова (*забрєндувати, заїнсталювати, зафільмувати, клінувати, джипувати, ланчувати, стопнути*); 4) прислівники (*попсово, перфектно, тунельно, фольклорно*).

Аналізована нами неологічна лексика утворюється за допомогою стилістично забарвлених суфіксів, префіксів та складанням.

Іменникові okazіоналізми в мові української художньої літератури кінця ХХ – початку ХХІ століття зазвичай творяться суфіксальним способом за такими словотвірними типами (СТ):

1) відіменниковий СТ із суфіксом *-ств-*, за допомогою якого утворюються слова із значенням абстрагованої якості, дії: *іміджмейкерство, кілерство, нїттерство*;

2) відіменникові СТ із суфіксами *-ик-*, *-чик-*, *-ник-*, *-їк-*, за допомогою яких утворюються емоційно забарвлені слова на позначення осіб і конкретних предметів переважно із зменшено-пестливим відтінком: *ліфтїк, крезик, сейфік, менеджментїк, Нью-Йорїк, спонжїк, бьоздники, плейбойчик, бєбік, Джонїк*. Суфікс *-ик-* за своїм походженням спільнослов'янський і вживається, в основному, на означення пестливості [1, с. 110]. Т. І. Вендіна стверджує, що мутаційний суфікс *-їк-* в українській мові утворює такі продуктивні типи, як назви із значенням особи або предметів [3, с. 79];

3) відсубстантивні СТ із фемінними суфіксами *-иць-*, *-ичк-*, *-к-*, *-ух-* з відтінком негативної оцінки та розмовності: *герлиця, герличка, хїпарка, тїнейджерка, джипїстка, джипачка, джипуха*;

4) СТ із суфіксом *-ак-* на позначення чітко оформлених предметів має відтінок розмовності: *джипак*;

5) СТ із суфіксом *-ович-* для утворення okazіонального імені по батькові від назви предмета: *Комбайнович*.

Помітним явищем серед неологічних іменників є похідні назви, утворені шляхом складання слів або суфіксально-складним способом: *найтбари* < найт і бар, *драйвери-дальнобої* < дравер(и) і дальнобої, *трешори-філологи* < трешори і філологи, *гіпї-журналісти* < гіпї та журналісти, *фул-контакт* < фул і контакт, *тїві-контроль* < ТВ і контроль, *севрюги-фрї* < севрюга і фрї, *Манї-сМог* < манї та смог, *Луску-сотка* < луску і сотка, *god-доги* < god (Бог) і дог(и) за аналогією до хот-доги, *хардтаймївци* < хард і тайм, *грїнпїсївци* < Грїн і Пїс.

Неологізм *фул-контакт* вживається переважно як спортивний термін у кїкбоксингу та карате. Л. Литвинчук застосував транслїтерацію англїйського словосполучення з притаманним йому значенням в англїйській мові «повний контакт»: «... саме ці два кроки дозволили йому уникнути *фул-контакту* зі стїною, обїйти будівлю справа і потрапити до середини» (Л. Литвинчук).

Серед прикметникових новотворів переважають okazіоналізми, які передають збільшену кількість ознаки за допомогою суфікса *-езн* (*файнезний*) і конфікса найвищого ступеня порівняння *най-...-іш-* (*найандеграундніший*) та конфікса-гібрида *оф-...-ськ-* (*оф-бродвейський*). До okazіональних прикметників також належать утворення з суфіксами *-н-*, *-ов-*, *-аст-*, *-ськ-* та його похідних *-івськ-*, *-овськ-*, *-євськ-*, які виражають: велику міру ознаки (*джинсастий*, *дредастий*), ознаку за відношенням до певного предмета чи особи *гіповий* квартирник, *ню-ейджові* дзвіночки, щось *драйвове*, *андерграундова* пора, *андеграундне* кіно, *честерфільдський* коньяк, *панківські* барикади, *драйвівський* горлопан, *бонні-клайдівський* стиль, щось *бредберієвське*, *геловінівський* гарбуз, *сейфовське* підземелля. Окремі okazіоналізми творяться за аналогією до дієприкметників, напр.: *юзаний* програвач, *крейзануті* люди.

Нові вербати в художніх текстах найчастіше виникають унаслідок префіксального способу творення від дієслів на позначення певного виду діяльності особи. Серед префіксальних дієслівних okazіоналізмів у художніх текстах виділяємо okazіоналізми, утворені додаванням префікса *за-* до безпрефіксного дієслова-неологізму: *фільмувати* – *зафільмувати*, *інстальовати* – *заінстальовати*, *брендувати* – *забрендувати*.

У творенні неологічних дієслівних похідних від англійських іменникових і дієслівних основ беруть участь суфікс *-ува-*, напр.: *брендувати*, *ланчувати*, *джи-пувати*, *клінувати*, *-а-*, напр.: *аскати*, *юзати*, *крекати* та *-ну-*, напр.: *стопнути*. Новотвір *забрендувати*, як і *брендувати*, як свідчать матеріали ЗМІ, почав вживатися, головним чином, у зв'язку з розвитком нових технологій і з підготовкою до Євро-2012. М. Соколян послуговувалася цим дієсловом у творі «Сторонні в домі», надрукованому у 2006 році: «... було виїнято хол та суміжні території. Рекламний відділ мережі радіостанцій доклав увесь свій гігантський творчий потенціал, аби прикрасити і «забрендувати» приміщення, як то кажуть на їхній дикунській говірці» (М. Соколян). Англійське слово *бренд*, за нашими спостереженнями, має великий словотвірний потенціал у сучасній мові. У словнику «Словотворчість незалежної України. 1991–2011» зафіксовано лексему *брендизація*, утворену через ступеневим способом від «*брендизувати*» < *бренд* [9, с. 60]; в інтернет-виданнях ми зафіксували також слово *брендування*.

Незначну кількість прислівників-новотворів у мові новітньої художньої літератури утворено за допомогою суфікса *-о*: *фольклорно*, *попсово*, *перфектно*, *тунельно*. Названі індивідуально-авторські прислівники порушують словотвірні закономірності української мови, оскільки творяться не від якісних, а від відносних прикметників. Це стає можливим унаслідок розвитку переносних значень у твірних прикметників: «Євка байдуже перегортала решту морських пейзажів. *Попсово* і красиво» (І. Карпа); «... бо їм досить кількох / не відомих нікому жінок / для *Перфектно* закручених драм» (М. Савка); «Прикметно, що найкращі – найбагатші художньо і *фольклорно* – казки та легенди мають суперечливі завершення» (М. Соколян); «І лице її – пляма цементу, яким заліпилась діра, / Де *тунельно* висвистує протяг по давній (дівоцькій!) гордині ...» (О. Забужко).

Щоб зрозуміти деякі новотвори, читач має володіти англійською мовою. Так, напр., *дредастий* < *дреди* < *dreadlocks* (жахливі локони, патли; дреди), *бьоздники* < *бьоздей* (дні народження). Напр.: «Вони слухали Боба Марлі, але не були схожі на Кролика або кроликів, хоч *дредасті*» (Т. Жеребецький); «Принаймні двічі на рік – на *бьоздниках* Інни і Артура...» (В. Терлецький).

Певні авторські неологізми перейшли до розряду загальноновживаних неологізмів або жаргонізмів і вживаються в розмовному мовленні, інтернет-

сленгу: *фул-контакт, тіві-контроль, чорнопарний, ліфтик, плейбойчик, гіповий, юзаний, нігтерство, кілерство, іміджмейкерство, бєбік, есемеси, герла, аскати, крєкати, хіпарки, андеграундний, грінпісівці, калькулювати, секс-шопний, зафільмульмувати, забрендувати, попсово, перфектно, найфешенебельніший, джінсики, по-лузерськи*. Деякі наведені лексеми – це неологічна лексика, вживана в мові художньої літератури інколи з іншим відтінком значення. Напр., неологізм *кілерство* вживається на позначення професії, а Л. Степовичка вживає його як синонім смерті. Часом важко зрозуміти, чи певна лексема є авторським неологізмом чи загальномовним неологізмом, уживаним в Інтернеті, мові ЗМІ, розмовному мовленні, але не зафіксована словниками.

У словнику «Словотворчість незалежної України. 1991–2011» [9] зафіксовані такі лексеми, як *чорнопарівський, юзерський, есемеска, есемесочка, андеграундник, фільмувати*.

Отже, словотвірний аналіз неологічної лексики на базі англїцизмів свідчить про продуктивність суфіксального способу. При творенні іменників значну активність виявляють суфікси *-ик, -ік, -к-, -ник-, -ств-, -иц-, -ичк-, -іц-, -ак-*. Для прикметників-оказіоналізмів характерні такі суфікси: *-ов-, -аст-, -івськ-, -езн-, -анут-, -н-, -ов-*. Оказіональні дієслова утворюються за допомогою префікса *за-*, суфіксів *-ува-, -а-, -ну-*. Для творення невеликої кількості прислівників використовується суфікс *-о*.

Л. П. Крисін і Ю. Хак Су, аналізуючи словотворчі можливості іншомовних неологізмів у російській мові, говорять про продуктивність прикметникових суфіксів *-ов-, -н-, -ськ-* [8, с. 17]. Ці ж суфікси та їх варіанти є продуктивними й для творення неологічної лексики на базі англїцизмів і в українській мові.

Подекуди письменники утворюють оказіоналізми за допомогою додавання українського закінчення до варваризму, що зазвичай написаний мовою оригіналу: *traffic-jam 'iv, the table-om, KMart 'i, e-mail 'om, sms-u / SMSu / есемеси, піпли, Ролс-ройсі, next 'y, Absolute 'y, Microsoft-a, please 'om*. Апостроф виконує роз'єднувальну функцію при утворенні гібридів за допомогою додавання українських закінчень до англїйських слів. Автори цих оказіоналізмів таким чином підкреслюють різномовне їх творення, відокремлюючи флексію апострофом або дефісом. Англїйські лексеми реалізують себе в системі українського відмінювання, набуваючи відмінкових закінчень і вступаючи в синтаксичний зв'язок зі словами в українських контекстах. В українській мові XIX століття випадки дооформлення англїйських вкраплень українськими флексіями були поодинокими. Ми ж маємо численні приклади, що підтверджують здатність англїйських варваризмів, вкраплень вступати в синтаксичні зв'язки у складі українського художнього тексту: «Підживлене пилом урбанізаційним / Пожвавлене крещендо години пік / Карколомне божевїлля над варивом *traffic-jam 'iv*» (С. Поваляєва); «кавказ був вклеєний до основного тексту / кобзар був вкладений до торби на сідлі / і верхи сидячи й очікуючи *next 'y* / жер яблуко очищене від тлі» (І. Бондар-Терещенко); «дні складаються плізком / за старим перелазом / не відробишся *please 'om* / не проскочиш благбазом» (І. Бондар-Терещенко); «коли *sms-u* приходять порожні / у результаті помилки, / пам'ятай: / хтось про тебе думає» (О. Галета); «День інший, маловідмінний, лишень що вже тебе нема і ти плювала на мої чотири *SMSu*» (І. Карпа); «... слати факси і *есемеси* / і звалювати пошвидше до своєї Риги» (Ю. Андрухович); «... і видав я *піплам* спіч по повній програмі...» (С. Поваляєва); «Чи це нічого не означає і пояснити цей феномен так само неможливо з точки зору традиційної етимології, чому по-українському стіл називається саме столом, а не *the table-om* ...» (Н. Сняданко); «декому ніколи не відписував / (привіти виступую переважно *e-mail 'om*)» (В. Махно); «дорогою він заходить / до крамниці з ал-

коголем / і купує / півлітрову пляшку *Absolute*'у / і витрачає двадцять доларів (В. Махно); «... укрівський Білл Гейтс без *Microsoft*-а... медія-прожектор і піар-прожектор, і просто зять – Піня» (М. Матіос); «Світ рейву, хаосу і *acid-jazz-a*» (П. Загребельний); «читає їм якусь незвичну прозу / один – поцупив у *KMart* і возик...» (В. Махно). *K Mart* «Кей-март» – мережа універсальних магазинів [department store] «Кей-март» [*Kmart Corp.*], що продають товари за зниженими цінами [discount store]... Символ недорогих товарів і послуг [13].

Або, навпаки, присвійний відмінок англійської мови ('s) додається до слов'янського імені: «Концепція показу моделей «*Maisha* 'S і Капна» (І. Карпа).

Інколи письменники, утворюючи okazіоналізми, вдаються до явища синекдохи, напр., *мас-медії* «... *мас-медіям* всяким, / лижуть, скажімо, п'яти» (М. Кривенко); *піпли* «... прямо на Майдані Незалежності – під ноги ошизілим *піплам!*» (С. Поваляєва); *сайкобіли*: «... чувака звать Стоун, він басист *сайкобілів* «Робін-бонс» (С. Поваляєва). «*Сайкобілі* (анг. *Psychobilly*) – жанр рок-музики, що поєднує експресію і агресивність панк-року з мелодикою кантрі і рокабіллі» (<http://ru.wikipedia.org>). «Okazіоналізми мають у своєму розпорядженні цілу низку зразків і способів творення слів, властивих тільки їм, це і змушує вважати okazіональне словотворення особливою підсистемою словотворення» [12, с. 481].

До інтралінгвальних чинників появи неологізмів відносять тенденцію до регулярності й тенденцію до експресивності [10, с. 10]. У сучасній художній літературі, на нашу думку, тенденція до експресивності є одним із головних факторів виникнення okazіоналізмів. Прагнення до експресивності є навмисним порушенням мовних норм. Інколи це призводить до певної надлишковості, що виникає за рахунок появи okazіоналізмів як еквівалентів до вже існуючих у мові слів: *дівка* / *дівчина* / *дівчинка* – *герла* / *герлиця* / *герличка*. Як бачимо, на основі англійського іменника *girl* у мові українського художнього тексту виник цілий словотвірний ряд: «... вже націлівся на його *герлу*, попри давню дружбу й закони чоловічої честі...»; «... а потім *герличку* з Москви...»; «А ось – *герлиця*...» (С. Поваляєва). Т. Г. Юрченко наголошує, що «особливі функції в семантичній структурі тексту виконують комплексні словотвірні одиниці, словотвірні гнізда, які ґрунтуються на тотожності кореневої морфеми. Компоненти словотвірних гнізд, які належать до одного або різних лексико-граматичних класів, зберігають спільний семантичний «ген» кореневої морфеми, забезпечуючи змістову цілісність висловлювання» [11, с. 9]. Напр.: *креза*, *крейза*, *крейзанутий*, *крезик*; *драйв*, *драйвовий*, *драйвівський*; *герла*, *герличка*, *герлиця*; *джипуха*, *джипістка*, *джипачка*, *джипувати*. Пор.: «...бо *Креза* покликала найкращі місцеві й приїжджі групи, які грають в акустиці» (В. Терлецький); «...фабрика «Скалка і *Крезик*» (М. Соколян); «...ніби я якийсь повний *крейза* і Україна теж *крейзанута*» (Т. Жеребецький); «Євдокія гриміла потужним двигуном *джипа*. Як її тепер називати? *Джипуха*, *джипістка*, *джипачка*?» «Євдокія відважно «*джипувала*» серед цих грандіозних руїн, як усі водії, дивлячись тільки вперед, мовчала, мовчав і Со-винський» (П. Загребельний).

Неологізми, сформовані на основі англійських запозичень, напр., *бьоздник*, *герла*, *герлиця*, *креза*, зустрічаються в молодіжному сленгу й російської мови [2, с. 33]. Тобто вони не є індивідуально-авторськими неологізмами, а вживаються авторами українських художніх творів зі стилістичною метою для привернення уваги читача.

Подекуди авторські неологізми можуть бути результатом мовної економії, тобто економії знакових засобів вираження. Серед таких новотворів закон мовної економії виявляється, в основному, за допомогою словоскладання, оскільки складні слова компактні за формою, їх семантика легко сприймається. Для знавців

англійської мови внутрішня форма англіцизмів-оказіоналізмів є прозорою. Все це зумовлює їх перевагу над словосполученнями: *хардтаймівці, найтбари, трешиори-філологи, драйвери-дальнобої, промо-акції, торба-party, пост-арт, фортепарті, Лиску-сотка, супермегапістолет, бізнес-краля, www-залежний, нью-ейджовий*. Напр.: «*Нова катастрофа – Лиску-сотка також зникли – тютюнові ознаки часу*» (С. Поваліяєва). Лексема *шоубіз* – це загальноновживаний неологізм. Але в романі С. Поваліяєвої його вжито у варіативному написанні: *шоубіз / шоубиз*.

Аналізуючи індивідуально-авторські неологізми, хочемо наголосити, що творення слів-гібридів – розповсюджене явище в сучасній художній літературі. Такі лексеми виникають унаслідок свідомого поєднання різностильових основ і словотворчих формантів, здебільшого англійських і питомих, а отже, творення нового слова відбувається «всупереч правилам морфотактики сучасної дериваційної граматики» [7, с. 98]. Напр., у художньому тексті: *кілерство, ніттерство* зі значенням дії, збірності (пор. *студентство*), *ліфтик, сейфік, блокнотик, крезик, менеджментик, спонжик* із пестливим відтінком (пор. *братик, вузлик*).

Отже, як свідчить аналіз, неологічна лексика на базі англіцизмів, що зустрічається в українських художніх текстах, утворюється переважно морфологічними способами словотвору: суфіксальним, префіксальним, префіксально-суфіксальним, конфіксальним, складанням. Проаналізовані оказіоналізми, з одного боку, є результатом словотворчих актів і демонструють той чи той спосіб словотворення, з іншого – ці слова засвідчують лексичне збагачення і водночас поповнення стилістичної системи мови новими лексичними засобами виразності.

Бібліографічні посилання

1. **Бевзенко С. П.** Исторична морфологія української мови. Нариси із словозміни і словотвору / С. П. Бевзенко. – Ужгород: Закарпатське обласне вид-во, 1960. – 415 с.
2. **Береговская Э. М.** Молодежный сленг: формирование и функционирование / Э. М. Береговская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32–41.
3. **Вендина Т. И.** Дифференциация славянских языков по данным словообразования / Т. И. Вендина. – М.: Наука, 1990. – 169 с.
4. **Винокур Г. О.** Маяковский – новатор языка / Г. О. Винокур // О языке художественной литературы. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 317–405.
5. **Габинская О. А.** Типы причин словотворчества / О. А. Габинская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. – 153 с.
6. **Жабаева Ю. И.** Структурно-семантические и функциональные особенности окказионализмов В. Высоцкого: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / Ю. И. Жабаева. – Саранск, 2010. – 21 с.
7. **Клименко Н. Ф.** Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі: монографія / Н. Ф. Клименко, Є. А. Карпіловська, Л. П. Кислюк – К.: Видавничий Дім Дмитра Бурого, 2008. – 335 с.
8. **Крысин Л. П.** О словообразовательных возможностях иноязычных неологизмов / Л. П. Крысин, Ю. Хак Су // Филологические науки. – 1998. – № 3 – С. 15–21.
9. **Словотворчість незалежної України. 1991–2011: словник** / [укл. А. Нелюба]. – Х.: Харків. історико-філол. товариство, 2012. – 609 с.
10. **Турчак О. М.** Оказіоналізми в мові української преси 90-х років ХХ століття: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 «Українська мова» / О. М. Турчак. – Д., 2005. – 19 с.
11. **Юрченко Т. Г.** Оказіоналізми у творчості Павла Загребельного: структурно-семантичний і стилістичний аспекти: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 «Українська мова» / Т. Г. Юрченко. – К., 2003. – 18 с.
12. **Янко-Триницкая Н. А.** Оказиональное словообразование / Н. А. Янко-Триницкая // Словообразование в современном русском языке. – М.: Индрик, 2001. – С. 462–482.

13. **ABBYU Lingvo3**. Електронний словарь, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.abbyu.ua/products/linguistic/lingvo

Надійшла до редколегії 25.01.13

УДК 811.161'373.45

Т. О. Лелека

Кіровоградський державний педагогічний університет імені Володимира Винниченка

ПРОЦЕС РЕАКТИВІЗАЦІЇ АНГЛО-АМЕРИКАНСЬКИХ ЗАПОЗИЧЕНЬ В УКРАЇНСЬКІЙ І РОСІЙСЬКІЙ МОВАХ КІНЦЯ ХХ – ПОЧАТКУ ХХІ СТОЛІТТЯ

Розглянуто динамічний процес реактивізації англо-американських запозичень. Повернення англо-американизмів до активного складу лексики з пасивного носіями двох споріднених мов, української та російської, розглянуто як результат впливу на мову соціальних факторів, спричинених мовними контактами.

Ключові слова: реактивізація, активний склад лексики, пасивний склад лексики, споріднені мови, мовні контакти.

Рассмотрен динамический процесс реактивизации англо-американских заимствований. Возвращение англо-американизмов к активному составу лексики из пассивного носителями двух родственных языков, украинского и русского, рассмотрено как результат влияния на язык социальных факторов, вызванных языковыми контактами.

Ключевые слова: реактивизация, активный состав лексики, пассивный состав лексики, родственные языки, языковые контакты.

The paper deals with the research of the dynamic process of reintensification of the English and American loans. The returning of the angloamericanisms to the active lexis from the passive in two cognate languages, Ukrainian and Russian, is determined by the social reasons caused by language contacts.

Keywords: reintensification, active lexis, passive lexis, cognate languages, language contacts.

Останнім часом у науковій літературі привертає увагу явище, котре ще не лексикалізувалося у певному терміні. Йдеться про назву процесу повернення до вжитку значної кількості запозичених лексем, які використовувалися раніше, але з певних соціальних та ідеологічних причин були витіснені з мовної практики.

Процес повернення з пасивного до активного фонду лексичних одиниць на межі ХХ – початку ХХІ століття неодноразово досліджувався Н. Валгіною, М. Геращенко, О. Єрмаковою, В. Костомаровим, О. Міловановою та іншими.

Науковці проаналізували використання повернених слів у порівнянні з їхнім ужитком у радянський період в одній мові. Реактивізація англо-американських запозичень у споріднених мовах на початку ХХІ століття, що дозволяє виявити особливості зазначеного процесу у зіставленні та відповідає сучасним тенденціям процесу мовного контактування, вивчена недостатньо. Детального дослідження не отримали багато аспектів процесу повернення іншомовної лексики, а саме: основні чинники системної організації лексико-семантичного рівня.

Таким чином, актуальність роботи зумовлена необхідністю комплексного лінгвістичного опису процесу реактивізації лексичних одиниць, представлених у лексикографічних джерелах, з урахуванням особливостей їх функціонування у середині ХХ та на початку ХХІ століття.

Об'єктом дослідження є реактивізовані англо-американські запозичення в українській та російській мовах зазначеного періоду.

Предметом дослідження став семантико-лексикографічний опис динаміки смислової структури англо-американізмів, реактивізованих на початку ХХІ століття.

Матеріалом дослідження є англо-американські запозичення, зафіксовані у словниках української та російської мов різних періодів.

Мета дослідження – виявити особливості процесу реактивізації англо-американізмів у двох споріднених мовах та описати лексичні одиниці у семантико-лексикографічному аспекті.

Зазначена мета передбачає виконання таких **завдань**:

- встановити статус реактивізованої лексики в контексті мовних змін та виявити причини її пасивізації та подальшого повернення;
- дослідити семантичні особливості реактивізованих англо-американізмів в українській і російській мовах.

Методологічною основою дослідження стали: принцип системності мовних явищ і одиниць; принцип взаємозв'язку та взаємозумовленості мови, історії та культури суспільства; принцип руху від фактів мови до соціальних причин.

Для позначення масового переходу слів із пасивного до активного фонду у науковій термінології поки що не існує єдиного найменування. Мовознавці використовують такі терміни: «реабілітація лексики», «актуалізація лексики», «депасивізація лексики», «розширення референтної співвіднесеності лексики», «ренеологізація».

Лінгвісти не лише по-різному позначають зазначене явище, вони також розуміють його неоднаково.

Визначаючи термінологічні найменування зазначених понять, О. Стишов вказує на повернення у вжиток зафіксованих раніше в нашій національній мові й культурі лексичних одиниць, вилучених у недавні часи з певних ідеологічних причин, і послуговується терміном «актуалізація» [20, с. 10]. У своїх працях Д. Баранник пише про активне поповнення української мови новими словами та новими значеннями відомих раніше слів, переміщення певної частини спеціальної лексики до розряду широковживаної [2, с. 12]. Лінгвіст О. Муромцева відзначає «активізацію слів», здавна відомих у мові [11, с. 194]. У дослідженнях лексичних процесів Л. Мацько послуговується термінологією «актуалізація застарілих слів» [12, с. 45].

У своєму дослідженні ми диференціюємо актуалізовану та реактуалізовану лексику, услід за Г. Складєвською. Актуалізовані слова – це часто уживані лексичні одиниці, що отримали семантичні, стилістичні та оціночні зміни завдяки трансформаціям у суспільно-політичному житті країни [22, с. 12].

Активізація – значно ширше поняття, ніж реактивізація, оскільки за першим терміном закріпилися й інші значення зі стрижневою семантикою «ставати активним», «посилення активності».

Натомість термін «актуалізація» на позначення процесів поповнення пасивного чи активного словника видається недоцільним, оскільки це поняття у мовознавстві традиційно тлумачиться як семантико-стилістичне наголошення вільного і фразеологічно зв'язаного слова, порушення узвичаєних синтаксично-семантичних зв'язків у словосполученнях та реченнях.

Реактивізація мовних одиниць передбачає не тільки зростання частотності використання слова, але й зміну його стилістичного статусу (від архаїзмів до неологізмів). Та обставина, що реактивізація певної лексеми супроводжується її активізацією в мовній практиці, є лише супровідним, другорядним фактом.

Лексика, що повертається з пасивного до активного використання, – це слова, що раніше асоціювалися з категоріями буржуазного суспільства і мали відповідні коментарі у словниках, а тепер позначають сучасні реалії [8, с. 13].

Реактивізація – це повернення одиниць пасивного складу до активного використання у конкретний історико-культурний період під впливом зовнішніх факторів, що супроводжується семантичними, стилістичними та іншими змінами у смисловій структурі слова [4, с. 9].

Для комплексного опису реактивізованої лексики необхідно використовувати факторний аналіз, який характеризує зовнішню та внутрішню зумовленість процесів активізації та пасивізації.

Серед позамовних факторів реактивізації, які опосередковано викликають семантичні зміни, виокремлюються:

1) поява в українській і російській реальностях понять, орієнтованих на західні моделі розвитку суспільства (наприклад, укр. *клерк* – конторський службовець, діловод, конторник, бюровець [16, с. 986], рос. *клерк* – конторщик, офісний работник [10, с. 338]; укр. *менеджер* – фахівець з управління сучасним виробництвом (різного роду керівники підприємств, фірм, організацій тощо) [16, с. 100], рос. *менеджер* – руководитель или управляющий, отвечающий за определённое направление деятельности предприятия (менеджер по персоналу, инвестиционный менеджер, менеджер по связям с общественностью, финансовый менеджер, риск-менеджер, бренд-менеджер, экаунт-менеджер, менеджер по продажам), управляющий проектом (менеджер проекта) или целой компанией (топ-менеджер). В последнее время к менеджерам причисляют всех лиц, ответственных за определённое направление, в том числе и неруководящих должностей) [10, с. 776];

2) переосмислення суспільством соціальних, політичних та культурних понять (наприклад, укр. *бізнес* – діло, заняття, яке приносить доход, підприємницька або комерційна діяльність; сукупність різноманітних за змістом видів діяльності з метою одержання прибутку [16, с. 58], рос. *бизнес* – предпринимательская экономическая деятельность, приносящая доход, прибыль [10, с. 97]; укр. *істеблішмент* – правлячі, привілейовані групи суспільства, а також вся система влади і управління, за допомогою якої вони досягають свого панування [16, с. 224]; рос. *истеблишмент* – правящие и элитарные группы общества [10, с. 208] тощо.

Важливу роль у складі словникової семантичної системи слів у період їх знаходження у пасивному фонді становлять компоненти, які виконують функцію обмеження.

Першу групу складають словникові ремарки, що визначають норми і практику використання слів. Наприклад, у словниках середини ХХ століття зазначено:

укр. *чартер* – мор. аренда судна на один рейс [18, с. 770];

рос. *чартер* – мор. Договор между владельцем и фрахтователем на аренду судна на определенный термин [17, с. 727].

У словниках початку ХХІ століття зазначені ремарки відсутні, наприклад:

укр. *чартер* – договір між судновласником і фрахтувальником на оренду судна або його частини на певний рейс або термін. Поняття фрахтування судна ділиться на фрахтування на рейс, рейсовий чартер (договір перевезення вантажу), або фрахтування на час (тайм-чартер) – який, у свою чергу, є договором майнового найму судна [16, с. 776];

рос. *чартер* – договор между владельцем средства транспорта и нанимателем [10, с. 757].

До другої групи належать слова, що мають обмежувальні семи, які вказують на місце явища у суспільному житті відповідного періоду.

Під обмежувальною семою, репрезентованою у словниковому тлумаченні, розуміємо компонент смислової структури семем, який обмежує зміст або використання слова, несе інформацію про позамовну реальність і вказує на місце поняття або явища у дійсності суспільства відповідного періоду.

До цієї групи належать такі підгрупи:

1. Історико-культурні, локальні, часові семи, що обмежують суспільну ситуацію, в якій знаходиться об'єкт номінації. Наприклад, у словниках середині ХХ століття зазначено:

укр. *кіднепінг* – викрадення дітей у поважних осіб [18, с. 351];

рос. *киднеппинг* – похищение ребенка с участием важной особы – председателя исполкома [17, с. 297].

Сема 'поважна' в українській мові та 'важная' в російській для опису людини обмежували використання слова.

У словниках початку ХХІ століття зафіксовано:

укр. *кіднепінг* – викрадення дітей з метою одержання викупу [16, с. 677];

рос. *киднеппинг* – похищение человека, как правило, ребенка [10, с. 708].

2. Етно-соціальні та етнічні семи, що виражають ідеологію, ставлення соціуму до об'єктів номінації. Наприклад, у словниках ХХ століття зазначено:

укр. *аутсайдер* – у капіталістичних країнах – підприємство, що не входить до складу монополії [18, с. 84];

рос. *аутсайдер* – в капиталистических странах – предприятие какой-либо отрасли производства, которое не входит в монополистическое объединение предпринимателей этой отрасли [17, с. 79].

Укр. *концерн* – багатогалузева корпорація в капіталістичних країнах [19, с. 381];

рос. *концерн* – один из видов капиталистических монополий: объединение предприятий под господством одного или небольшой группы капиталистов [22, с. 333].

В українській мові сема 'капіталістичний' та в російській 'капиталистический' стали обмежувальними для використання слів у радянський період.

У словниках початку ХХІ століття зафіксовані такі визначення:

укр. *аутсайдер* – 1) підприємство, що не входить до монополістичних об'єднань і веде з ними конкурентну боротьбу; 2) біржовий спекулянт-непрофесіонал; 3) команда або спортсмен, що посідає одне з останніх місць у турнірній таблиці; 4) перен. про кого-, що-небудь, що не відповідає яким-небудь вимогам, відстає від інших у якому-небудь відношенні; 5) про людину, ізольовану від якого-небудь середовища, від товариства, не визнану ким-, чим-небудь; 6) брокер, який не є членом біржі, але який має дозвіл на роботу в торговельному залі при дотриманні встановлених правил біржової роботи [16, с. 29];

рос. *аутсайдер* – 1) мелкое или среднее предприятие какой-либо отрасли производства, не входящее в монополистическое объединение этой отрасли; 2) команда или спортсмен, занимающие одно из последних мест в соревновании (в спорте); 3) перен. Тот, кто оказывается последним, отстает в каком-либо деле [10, с. 27].

Укр. *концерн* – одна з найбільш розвинених форм монополістичних об'єднань, що характеризується єдністю власності і контролю [14, с. 456];

рос. *концерн* – одна из форм объединения разных предприятий с высоким уровнем концентрации и централизации капиталов и производства [10, с. 470].

Сучасні словникові тлумачення втратили обмежувальні компоненти. Виявлено, що вони частково зберігаються в семемах, що відбивають історичний аспект

значення, але більша частина компонентів у зв'язку з поверненням слів до активного використання втрачена повністю.

У дослідженні встановлено, що повернені англо-американізми в українській і російській мовах входять до словникової системи мови замінюючи інші засоби вербалізації концептів.

Серед реактивізованої лексики виявлено такі основні тематичні групи:

1) економіка (укр. *брокер, концерн, маркетинг, менеджмент*; рос. *брокер, концерн, маркетинг, менеджмент* тощо);

2) політика (укр. *ліберал, лобі, парламент, спікер*; рос. *либерал, лобби, парламент, спикер* тощо);

3) соціальний устрій (укр. *дансинг, кіднепінг, скаутизм*; рос. *дансинг, киднептинг, скаутизм* тощо);

4) освіта (укр. *коледж*; рос. *колледж* тощо).

На основі тематичної класифікації було розроблено раніше існуючі семантичні опозиції, повернені в лексичну систему після реактивізації англо-американізмів в українській і російській мовах, а також ланцюги в різних кореляціях, наприклад:

а) ієрархічні (укр. *учбовий заклад – школа, лицей, гімназія, кадетський корпус, технікум, коледж, університет*; рос. *учебное заведение – школа, лицей, гимназия, кадетский корпус, техникум, колледж, университет та інші*);

б) протиставлення по антонімічному типу (укр. *лідер – аутсайдер*, рос. *лидер – аутсайдер* тощо);

в) протиставлення по синонімічному типу (укр. *Верховна Рада – парламент*; рос. *Федеральное собрание – парламент*; укр. *керівник – менеджер*; рос. *руководитель – менеджер* тощо).

Отже, в українській і російській мовах простежується динаміка лексичної норми, зокрема відбувається активне оновлення словникового складу за рахунок активізації лексики пасивного фонду. Це так звані реактивізаційні процеси, які слугують одним із важливих шляхів збагачення мови. Реактивізація означає повернення одиниць пасивного словникового складу до активного використання, що спричинене соціально-економічними перетвореннями в країні і супроводжується семантичними змінами слів.

Важливу роль у семантичній структурі реактивізованих слів відіграють обмежувальні компоненти, а саме словникові ремарки або обмежувальні семи. У сучасних тлумаченнях вони майже повністю втрачені.

Реактивізовані англо-американізми заповнюють відсутні ланки лексико-семантичних систем української та російської мов і входять у відносини ієрархії, протиставлення по синонімічному та антонімічному типах з питомими словами.

Процес реактивізації англо-американізмів в українській і російській мовах сприяє поверненню раніше існуючих семантичних опозицій, що зумовлено позамовними факторами, де основна роль належить орієнтації пострадянських суспільств на західні суспільно-політичні моделі розвитку.

Перспективи подальшого дослідження можуть бути пов'язані з особливостями використання реактивізованих англо-американізмів в українському та російському дискурсі: текстах ЗМІ, творах сучасної публіцистики та художньої літератури тощо.

Бібліографічні посилання

1. **Андрейченко Л. Н.** К вопросу о разграничении морфемного, словообразовательного и этимологического анализа / Л. Н. Андрейченко // Вопросы языкознания. – 1996. – № 12. – С. 18–24.

2. **Баранник Д. Х.** Українська мова на порозі ХХІ століття / Д. Х. Баранник // Дослідження з лексикології і граматики української мови : зб. наук. праць / за ред. Д. Х. Баранника. – Дніпропетровськ : Навчальна книга, 2000. – С. 6–15.
3. **Булыко А. Н.** Современный словарь иностранных слов / А. Н. Булыко. – М. : Мартин, 2006. – 848 с.
4. **Валгина Н. С.** Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
5. Великий тлумачний словник сучасної української мови / [уклад. і гол. ред. В. Т. Бусел]. – К. : Ірпінь : ВТФ «Перун», 2001. – 1440 с.
6. **Герашенко М. Б.** Реактивизация лексики к началу ХХІ века : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М. Б. Герашенко. – Белград, 2009. – 21 с.
7. **Ермакова О. П.** Жизнь российского города в лексике 30-х–40-х годов ХХ века : Краткий словарь ушедших и уходящих слов и выражений / О. П. Ермакова. – Калуга, Москва : Эйдос, Фланта, Наука, 2008, 2011. – 340 с.
8. **Земская Е. А.** Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – М. : Наука : Фланта, 2004. – 240 с.
9. **Костомаров В. Г.** Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров. – М. : СПб. : Златоуст, 1999. – 320 с.
10. **Крысин Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2007. – 944 с.
11. **Лесных Е. В.** Архаизация лексики русского языка ХХ века : дисс. ... канд. филол. наук / Е. В. Лесных. – М., 2001. – 243 с.
12. **Мацько Л.** Лексичні зміни та їх відображення в мові сучасної преси / Л. Мацько // Мовознавство. – 1988. – № 6. – С. 41–47.
13. **Милованова О. В.** Актуализированная лексика русского языка новейшего периода : по материалам толковых словарей : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О. В. Милованова. – Воронеж, 2001. – 21 с.
14. **Новий словник іншомовних слів** / уклад. О. Сліпушко. – К. : Аконіт, 2007. – 847 с.
15. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – [4-е изд., доп. и измен.]. – М. : Оникс, 2008. – 1200 с.
16. **Семотюк О. П.** Сучасний словник іншомовних слів / О. П. Семотюк. – Х. : Веста : Ранок, 2007. – 464 с.
17. **Словарь иностранных слов** / под ред. В. В. Пчелкина. – М. : Рус. язык, 1987. – 608 с.
18. **Словник іншомовних слів** / за ред. О. С. Мельничука. – К. : УРЕ, 1985. – 776 с.
19. **Словник української мови** : в 11 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства / [за ред. І. К. Білодіда]. – К. : Наук. думка, 1980. – 976 с.
20. **Стишов О. А.** Особливості розвитку лексичного складу української мови кінця ХХ ст. / О. А. Стишов // Мовознавство. – 1999. – № 1. – С. 7–15.
21. **Стернин И. А.** Язык и национальная картина мира / И. А. Стернин, З. Д. Попова. – Воронеж, 2002. – 60 с.
22. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца ХХ столетия : более 7000 слов и устойчивых сочетаний / под. ред. Г. Н. Складневской. – М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. – 894 с.
23. **Филипенко А. М.** Внутренняя форма идиом в когнитивной перспективе / А. М. Филипенко // Вестник Москов. ун-та. – Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 4. – С. 82–96.
24. **Черникова Н. В.** Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере / Н. В. Черникова. – М., 2000. – 136 с.
25. **Шмелёв Д. Н.** Архаические формы в современном русском языке / Д. Н. Шмелёв. – М. : Учпедгиз, 1960. – 218 с.

Надійшла до редколегії 05.02.13

УДК 821.111(73)

Г. В. Липин

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЭЗРА ПАУНД-ПЕРЕВОДЧИК: ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА

Розглянуто лінгвофілософську концепцію ідеографічного перекладу, яку розробляв Езра Паунд, засвоюючи відкриття культури Сходу Ернестом Феноллозою. Проаналізовано лексикографічний та етимологічний підходи Езри Паунда до освоєння поезики класичної китайської та японської літератури.

Ключові слова: ієрогліф, ідеограма, жанр хайку, переклад-освоєння.

Рассмотрена лингвофилософская концепция идеографического перевода, которую разрабатывал Эзра Паунд под влиянием открытий культуры Востока Эрнестом Феноллозой. Проанализированы лексикографический и этимологический подходы Эзры Паунда к освоению поэтики классической китайской и японской литературы.

Ключевые слова: иероглиф, идеограмма, жанр хайку, перевод-освоение.

The aim of the paper is to analyze Ezra Pound's linguistic and philosophic preferences in setting forth the idea of ideogrammic translation that was cultivated under the influence of Ernest Fenollosa. The research focuses on lexicographic and etymographic philosophy of appropriating the Chinese and Japanese classic literature poetics.

Keywords: hieroglyphics, ideogram, haiku, translation-appropriation.

Цель статьи – заполнить малоизученную страницу истории художественного перевода с языков изолирующего типа анализом ярких исследовательских и творческих открытий незаслуженно забытого Эрнеста Феноллозы и его знаменитого «ученика по Востоку» Эзры Паунда. Они не только внесли огромный вклад в мировую литературу, одними из первых создав переводы на английский язык китайской и японской классики, выступив, хранителями культуры Востока на Западе, но и стали основателями нового поэтического переводческого метода – «ideogrammic translation». Лингвофилософское, поэтологическое обоснование этого метода Эзра Паунд разрабатывал на протяжении многих лет, ориентируясь на исследование ученого-востоковеда Эрнеста Феноллозы «Китайский иероглиф как средство поэзии» [1]. В идеограмме он видел кладезь мудрости и арсенал мыслей, возможность «not to read, but to see the meaning» [21]. Переводчик, по мысли Паунда, должен видеть в иероглифе палимпсест, различать многоуровневые пласты в слове, чтобы схватить главный стержень значения. И хотя его переводы были «лексикографическими», выполненными с помощью словарей и специалистов-синологов, общепризнанными остаются его заслуги в поэтическом переводческом освоении культуры Востока.

В русской культуре близкими по погружению в восточный материал можно назвать переводы китайской классической поэзии (Цюй Юань, Цзя И, Ли Бо, Ли Шан-инь, Мэй Яо-чэнь, Вэнь Тун) Анной Ахматовой. Она, как и А. Гитович, переводила по подстрочникам, которые для них готовили замечательные китаисты, в том числе Виктор Васильевич Петров. И если атрибуцию китайских источников переводов Н. Гумилева из Ли Бо, Ду Фу, Ли Вей точно установить не удастся – внимание поэта сосредоточено, скорее, на созвучии текстов со своими представлениями о Китае, то китайские источники переводов Ахматовой можно точно

указать, не только соотнеся по названию (чего нет у Гумилева), но и по точности передачи главного образа стихов. Задача Ахматовой во многом сродни установкам Паунда: следовать за подстрочником, воссоздавая образ переводимого текста. Переводоведческих работ, в которых бы анализировались ее переводы китайской поэзии, к сожалению, пока нет.

Ситуация с изучением переводческого наследия Паунда иная. Его переводы изучают и на Востоке и на Западе. Видный специалист в области художественного перевода С. Басснетт считает, что оправданием для Паунда-переводчика служат его прекрасные переводы, сохранившие стилевые особенности оригинала [3]. Другой видный знаток перевода Дж. Стейнер [24, p. 377] называет его переводы в «Поднебесной» «шедеврами», которые принципиально изменили «чувство языка». Однако в изучении наследия Паунда преобладают работы, посвященные влиянию восточной поэзии на оригинальное творчество поэта в общем художественно-эстетическом аспекте. О его лингвистических переводческих усилиях в освоении классической традиции китайской и японской поэзии, японской драмы Но через процесс постижения самого «вещества» литературы – слова-иероглифа – фундаментальных исследований пока нет. Кроме того, восторженная оценка Томасом Элиотом деятельности Эзры Паунда не как переводчика, а как, прежде всего, «изобретателя китайской поэзии для нашего времени» («the inventor of Chinese Poetry for our time» [5, p. xvi]) во многом повлияла на недооценку и переводческих открытий Паунда.

Статья видного российского синолога В. Малявина «Китайские импровизации Эзры Паунда» [2, с. 246–277], несомненно, заслуживает внимания как одна из первых профессиональных работ на постсоветском пространстве, посвященная поэтическим открытиям культуры Китая Эзрой Паундом. Однако концепция исследователя относительно паундовского перевода-импровизации, во многом созвучная классическому определению знатока в этой области Кеннера, назвавшему достижения Паунда-переводчика «brilliant improvisations» [11, p. 24], значительно упрощает сложный механизм многолетней разработки поэтом лингвофилософских принципов «освоения» классической культуры Китая и Японии, которые он сформулировал как свой знаменитый поэтический «ideogrammic method» [15]. Не учитывается важный фенолозовский принцип, которому следовал Паунд: не переводить, не импровизировать, а эстетически осваивать принципы древней восточной поэзии, основополагающие принципы иероглифической письменности. Освоение и импровизация понимаются Паундом как принципиально разные процессы. Последнее предполагает творчески независимый путь, в то время как первый – это вдохновенное, проникновенное изучение образца, внутреннее созвучие и сродство с ним. «Find a derivative or an equivalent» – такова главная установка Паунда поэта-переводчика [20, p. 170–171].

В статье рассматривается восточный аспект переводческой деятельности Эзры Паунда, который по-разному оценивается как паундоведами, так и переводоведами-синологами. Диапазон оценок довольно широк: от «перевода-аккомпанемента», «поэтического перформанса» [6, p. 85–100] до «перевода сущностного подобия», «перевода-реставрации первоначального восприятия оригинала» [12, p. 19]. Фен Лан пытается выстроить алгоритм паундовского переводческого процесса, основанного на этимографической интерпретации («etymographic interpretation»), выявляя в нем стремление поэта восстановить утраченное восприятие оригинального текста и реконструировать его по нормам современной куль-

туры («to restore the lost original perception and then bring them to bear on contemporary cultural reconstruction») [12, p. 32].

В 1915 г. выходит сборник паундовских переводов китайской поэзии «Поднебесная», в 1916 г. он публикует свои переводы японских пьес Но. Видный специалист в области истории и теории перевода Эдвин Гентцлер считает, что, несмотря на то, что Э. Паунд остается одной из самых влиятельных фигур в области переводческой теории и практики, его заслуги переводчика и критика по-прежнему недооценены [8, p. 15–24].

Важно подчеркнуть, что взгляды Паунда на перевод, его оценки своих и чужих переводов не собраны и не изданы отдельной книгой: его мысли разбросаны на страницах многочисленных журналов («New Age», «BLAST» и др.). Отсюда актуальность шагов по систематизации его взглядов по этому вопросу.

В статье рассмотрены переводческие принципы, сформулированные Эзрой Паундом в процессе работы над переводами китайской и японской литературы, выяснены основные принципы созданного им переводческого жанра, который мы предлагаем определять как перевод-гlossарий, уточняя предложенные специалистами определения: «этимологическая интерпретация», «перевод-импровизация». В отличие от А. А. Ричардса – отца Новой критики и сторонника точного в своей однозначности перевода-интерпретации текста как «первоосновы опыта» («a primary body of experience» [23, p. 252]), Эзра Паунд выстраивал свою переводческую концепцию на принципиально иной идее. В ее основе не «интерпретация» оригинала, не «импровизация», а точная передача деталей, окраски каждого слова, каждого отдельного образа – то, что он именуется принципом «светящихся деталей» («luminous details») в противовес методу *multitudinous details* [22, p. 21].

Все написанное о переводе Эзрой Паундом и переведенное им самим можно распределить на два периода. Ранний, имажистский, и поздний имажистско-вортицистский. Если первый был отмечен отказом от традиционных форм и обращением к освоению поэтики японского жанра хайку (*haiku-like pattern* [13, p. 207]), то следующий этап – это полное подчинение перевода воссозданию энергии чужого слова. Во внешней противоречивости – и в самой теории, и в соотношении теории и собственной практики перевода, и в переводческой позиции в отношении разных языков – отразилась эволюция его взглядов на искусство перевода. Материал всегда диктовал новую поэтическую стратегию. В статье 1929 различие между переводом-интерпретацией и «иным переводом» он видит в том, что первый – это сопровождение оригинала («an accompaniment»), а «иной перевод – это сложное поэтическое вхождение переводчика в оригинал, достижение «эстетической независимости»: «The “other sort”, I mean in cases where the “translator” is definitely making a new poem, falls simply in the domain of original writing, or if it does not it must be censured according to equal standards» [21, p. 251]. Такой перевод сосредоточен не на «значении» оригинала, а на «движениях слов», которые заряжены силой традиции, остротой ассоциаций. Еще до знакомства с рукописями Феноллозы Паунд начал раздумывать над переводом как особой моделью поэтического творчества: «blood brought to ghosts» [11, p. 150]. В его восточных «Cantos» теория перевода явлена также отчетливо, как и его теория искусства.

Эстетика Вортекса – новая художественная культура мощи и энергии – сложилась в результате общих усилий Эзры Паунда и Уиндема Льюиса. Их цель – создать новый язык поэзии, сломить старую систему поэтического мышления, изменить восприятие мира: «the image is not an idea. It is radiant node or cluster; it is what I can, and must perforce, call a VORTEX, from which, and through which, and into

which, ideas are constantly rushing» [16, p. 92]. Этот поиск нового в стихе и новых подходов к переводу был во многом связан с постижением Паундом китайских идеограмм, в которых он, вслед за Эрнестом Феноллозой, открыл свой источник поэтического вдохновения. В 1913 г. он стал обладателем сино-японских рукописей этого ученого-востоковеда и его главного труда «The Chinese Written Character as a Medium for Poetry» [7], оказавшего огромное влияние на Паунда – поэта и переводчика. Однако специалистам известно и другое: еще до знакомства с рукописями Феноллозы Паунд серьезно интересовался китайской письменностью.

Изучая и осваивая толкования Феноллозой древней китайской письменности, Паунд обратился к переводам стихотворений Ли Бо и других китайских поэтов и издал книгу переводов «Поднебесная» (1915). В этот период он только начинал постигать китайский язык. 14 стихотворений в этом сборнике (из 150 в рукописях Феноллозы) были переведены им верлибром непосредственно с китайского по комментированным подстрочникам, сделанным Феноллозой. Большинство синологов критиковало эти переводы Паунда, отмечая явные неточности. Однако достоинства этих переводов тоже были очевидны. Исследователь Вай-лим Йип в своей работе «Ezra Pound's Cathay» признал, что в них отражено главное – «the central concerns of the original author ... no other translation has assumed so interesting and unique a position as *Cathay* in the history of English translations of Chinese poetry» [26, p. 14]. Позже в 1917 г. Паунд перевел по подстрочным глоссам, которые составил Феноллоза, японские пьесы Но.

В ранний период его больше интересовали проблемы классической культуры и литературы Китая и Японии. Серьезно изучать китайскую письменность он начал с 1936 г. [11, p. 194–195]. Но еще до знакомства с рукописями Феноллозы Паунд разрабатывал идеографическую поэтику в стихах, написанных на основе известных переводов с китайского, выполненных Г. А. Гайлсом, «пере-переводя» некоторые из них [11, p. 194–195].

Так, в «Fan-Piece, For Her Imperial Lord»: «O Fan of white silk, /clear as frost on the grass-blade, /You also are laid aside» [19, p. 111]) – Паунд полностью меняет структуру, создавая трехстрочное хайку. В переводе у Гайлса этого нет, нет и намека на жанр хайку («O fair white silk, fresh from the weaver's loom, / Clear as frost, bright as the winter snow...» [9, p. 101]). И дело здесь не только в иной длине контекста, объем которого у Гайлса (10 строк пентаметром) сокращен Паундом до трех строк, а в самом принципе неожиданного (в стиле «прыжка Басе») противопоставления и взаимодействия самостоятельных образов (веер и придворная дама).

По мнению авторитетного исследователя Р. Минера, до Паунда интерес к Востоку – Китаю и Японии – не был таким проявленным [13]. «Вихрь» в изучение восточной культуры внес Эзра Паунд – открыватель новых культурных горизонтов в западной поэзии. С его переводами и освоениями китайской и японской поэзии, японского театра Но, переводами из Конфуция, Ли Бо, Ван Вей, Ду Фу связывают начало нового этапа в истории «освоения» Востока Западом: «[he] could both dramatize the discoveries which had been made and shape them into some of the most important poetry of the first half of the new century» [13, p. 106].

В китайском иероглифе Паунда покорял не его смысл, а явленный в нем объект («things in action»). В этом он видел главное различие западного и восточного мировосприятия. Для Востока «красное» определяется не абстракцией слова, а соотносительностью с объектом: фламинго, розой, вишней. В основе всех его размышлений о переводе и искусстве – новая концепция поэтического языка. В эссе «Как читать» Паунд рассмотрел способность языка быть «charged or energized»

[20, p. 170]. Он выделил «мелопозію» (значимость музыкальности), фанопозію (зрительное представление об объекте) и логопозію как игру интеллекта («the dance of the intellect among words» [20, p. 170]). Паунд считал, что мелопозія представляет известную сложность для перевода, за исключением отдельных фрагментов, фанопозія – переводима «почти или частично», а логопозія – не переводима вообще [20, p. 170]. Чтобы понять логопозію в тексте, переводчик должен определить время, место, контекст. Но главное здесь – «to determine the original author's state of mind» [20, p. 170–179]. Именно точность «установления» этого, а не только интуиция – определяют его позицию переводчика. Слово, созданное переводчиком, для Паунда – всегда катализатор индивидуального смысла оригинала – это не буквальная точность и не имитация. Исследователи называют его перевод «Homage to Sextus Propertius» важным явлением в культуре, вызовом господствующим представлениям о переводе, открывшим новое пространство для освоения культуры. Дональд Дэви считает, что пафос этого перевода «продемонстрировать, как **не** надо переводить» [4, p. 58].

Таковыми же принципами Паунд руководствовался при переводе с китайского и японского эстетически близких ему произведений. В его переводах отчетлива не только его знаменитая поэтическая интуиция при трансляции культур, но и способность филолога представить оригинальный текст англоязычному читателю. Он писал, что перевод «проверяется ощущением прямого контакта с великим оригиналом» («we test a translation by the feel...» [18, p. 271]).

Уже вначале паундовского интереса к Востоку этот принцип определял многое в его поисках возможности передать культуру Востока в стихе. Позднее, после изучения рукописей Феноллозы, этимологическая интерпретация оригинала, прорастающая из этимологической зримости иероглифа, видится Паунду идеальным средством для о-своения и вос-становления иероглифического текста. Главным становится не то, **что** обозначается словами перевода, а то, **как** это обозначенное словом перевода, прорастает из концепции исходного текста.

Несправедливость критиков в отзывах на его переводы не может не вызывать стремление разобраться в проблеме. Знаменательно, что самыми гневными критиками были как раз те, кто не знал ни китайского, ни и японского языков. Более того, проблема идеографичности восточных языков остается дискуссионной. Так, профессор Kahori Tateishi в работе «Ideograms in modern perspective» (2008) [10], изучая природу японского языка, отмечает свойственную восточному (китайскому и японскому языкам) идеографичность, не отрицая, а подчеркивая важность для этих языков наглядного образа («the importance of physical/visual aspect of language»). Принимая упреки в лингвистической слабости своих переводов, Паунд отмечал свою переводческую сверхзадачу: запустить процесс постижения читателем оригинала («the aim of driving the reader's perception further into the original») [18, p. 172]. Паунд заявлял, что переводчик не может сделать всю работу за лингвистически ленивого читателя, «он может лишь указать, где находится сокровище» [24, p. 200]. Успешный перевод всегда «божественная случайность» («divine accident» [24, p. 25]),

Главная заслуга Э. Паунда не только в раскрытии интерпретационного потенциала культуры Востока, не только в привитии английскому поэтическому «дискурсивному языку» новой идеограмматической восточной объектной простоты, но и в разработке концепции перевода, в основе которой вера в возможность идеографического представления значащих иероглифов, вера в их «самосущественный» смысл. И если свои переводы пьес Но поэт называл «re-creations», т. е.

переводом как одной из форм автономного существования произведения, то освоение Паундом «Аналектов» Конфуция, которым он посвятил многие годы, специалисты считают настоящими творческими переводами [25]. Изучение этого аспекта переводческой деятельности Паунда – тема отдельного исследования.

Библиографические ссылки

1. **Липин Г. В.** У истоков трансквилизационной компаративной поэтики: «Китайский иероглиф как средство поэзии» Эрнеста Феноллозы / Г. В. Липин // Вісник Луганськ. нац. ун-ту імені Тараса Шевченка. – 2012. – № 9 (244). – С. 201–207.
2. **Малявин В. В.** Китайские импровизации Паунда / В. Малявин // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М. : Наука, 1982. – С. 246–277.
3. **Bassnett Susan.** Reflection of Translation / Susan Bassnett. – Bristol : Multilingual Matters, 2011. – 192 p.
4. **Davie Donald.** Pound / Donald Davie. – Glasgow : Fontana, 1975. – 125 p.
5. **Eliot Thomas.** Introduction / Thomas Eliot // Selected Poems of Ezra Pound. 1908–1959 / Ed. by T.S.Eliot. – London : Faber and Faber, 1975. – P. xi–xviii.
6. **Engler Balz.** Reading and Listening: The Modes of Communicating Poetry and their Influence on the Texts / Balz Engler. – Berne : Francke, 1982. – 144 p.
7. **Fenollosa Ernest.** The Chinese Written Character as a Medium for Poetry / Ernest Fenollosa / Ed. by Ezra Pound. – San Francisco : First City Lights Edition, 1968. – 51 p.
8. **Gentzler Edwin.** Contemporary Translation Theories / Edwin Gentzler. – Clevedon, Buffalo : Multilingual Matters Ltd., 2001 – 232 p.
9. **Giles Herbert.** A History of Chinese Literature / Herbert Giles. – N. Y. : Cornell University Library, 2009. – 476 p.
10. **Kahori Tateishi.** Ideograms in Modern Perspective: The Reconfiguration of Textual Places in Anglo-American and Japanese Modernisms: [A Dissertation in Comparative Literature] / Tateishi Kahori. – Pennsylvania State University, 2008. – 230 p.
11. **Kenner Hugh.** The Pound Era / Hugh Kenner. – Berkeley : University of California Press, 1971. – 624 p.
12. **Lan Feng.** Ezra Pound and Confucianism: Remaking Humanism in the Face of Modernism / Feng Lan. – Toronto : University of Toronto Press, 2004. – 256 p.
13. **Miner Roy.** The Japanese Tradition in British and American Literature / Roy Miner. – Princeton : Princeton University Press, 1958. – 312 p.
14. **Po-ting Fang (Grace).** Mirrors in the Mind : Chinoiserie in Ezra Pound's Translations of Chinese Poetry / Fang Po-ting // Norwich Papers. – 1998. – Vol. 6. – No Dec. – P. 85–100.
15. **Pound Ezra.** ABC of Reading / Ezra Pound. – N.Y. : New Directions, 1934. – 212 p.
16. **Pound Ezra.** Gaudier-Bzreska: A Memoir Ezra Pound. – N. Y. : New Directions, 1970. – 147 p.
17. **Pound Ezra.** How to Read / Ezra Pound. – D.Harmsworth, 1931. – 55 p.
18. **Pound Ezra.** Literary Essays of Ezra Pound / Ezra Pound / Ed. by T. S. Eliot. – London : Faber and Faber, 1954. – 484 p.
19. **Pound Ezra.** Lustra [Текст] / Ezra Pound. – N. Y. : Haskell House, 1973. – 115 p.
20. **Pound Ezra.** Polite Essays. – London : Faber and Faber, 1937. – 207 p.
21. **Pound Ezra.** Pound's Cavalcanti: An Edition of the Translations, Notes, and Essays / Ezra Pound / Ed. by David Anderson. – Princeton : Princeton University Press, 1983. – 297 p.
22. **Pound Ezra.** Selected Prose. 1909–1965 / Ezra Pound. – London : Faber and Faber, 1973. – 480 p.
23. **Richards Ivory.** Toward a Theory of Translation / Ivory Richards // Studies in Chinese Thought / Ed. by Wright Arthur F. – Chicago : University of Chicago Press, 1953. – P. 247–262.
24. **Steiner George.** After Babel / George Steiner. – Oxford : Oxford University Press, 1991. – 526 p.
25. **Sullivan J. P.** Ezra Pound and Sextus Propertius: a Study in Creative Translation / J. P. Sullivan. – London : Faber and Faber, 1964. – 192 p.
26. **Yip Wai-lim.** Ezra Pound's Cathay / Wai-lim Yip. – Princeton : Princeton University Press, 1969. – 274 p.

Надійшла до редколегії 14.01.13

Е. Л. Ляпичева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

АНИМАЛИЗМЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СФЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Розглянуто такий лінгвістичний фактор формування семантичного поля «Фауна», як функціонально-стильова приналежність анімалізмів. Розмовні та книжні назви тварин класифіковано за темами, у відповідності зі словниковими позначками, за характером вираженої у слові оцінки, за «внутрішньою формою» слова, за джерелом виникнення.

Ключові слова: семантичне поле, розмовні та книжні анімалізми, тематична класифікація, оцінність слова, внутрішня форма слова.

Рассмотрен такой лингвистический фактор формирования семантического поля «Фауна», как функционально-стилевая принадлежность анимализмов. Разговорные и книжные названия животных классифицированы по темам, в соответствии со словарными пометами, по характеру выраженной в слове оценки, по «внутренней форме» слова, по источнику возникновения.

Ключевые слова: семантическое поле, разговорные и книжные анимализмы, тематическая классификация, оценочность слова, внутренняя форма слова.

This article considers such a linguistic factor of the formation of the semantic field «Fauna» as functional-style belonging of animalisms. Conversational and bookish names of animals are classified by the topic, in accordance with the dictionary litters, the character of appreciation expressed in the words, the «inner form» of the word, according to the source of origin.

Keywords: semantic field, conversational and bookish animalisms, thematic classification, estimation of words, the inner form of the word.

Изучение семантических полей слов было и остаётся актуальным объектом изучения как в рамках системно-структурного подхода к языку, так и в рамках антропоцентрической парадигмы, выдвинувшей требования когнитивного и лингвокультурологического изучения языка. Как представляется, сегодня задача изучения семантических полей ещё более назрела, так как исследование слов как выразителей концептов уже проводится, а изучение семантических полей как репрезентантов концептосферы – нет.

В рамках системно-структурного подхода исследовались различные поля слов: наименования цвета, терминов родства, мебели, временных отрезков и т. д. Наименования животных также не один раз становились объектом полевого изучения, но они всегда рассматривались не в полном объёме: например, изучались отдельные тематические и семантические группы названий: общие, половые, детёныши, дикие, домашние животные, птицы, породы, масти лошадей, наименования по сельскохозяйственным функциям, собирательные, субъективно-оценочные, стилистически окрашенные, областные [8]; лошади [3], паразиты [9], рыбы [5]. Рассматривались устойчивые сравнения с зоосемизмами, переносные значения анимализмов, толкуемые через слово *человек* или его эквиваленты. Проводилось сопоставительное изучение анимализмов в русском, испанском [16], украинском [17], китайском [6], английском [1] и других языках. Изучались зооморфная метафора [7], отзоонимические прилагательные [18]. Анимализмы не раз становились предметом научного изучения в рамках различных видов дискурса: поэтического (поэзия Ю. Мориц [12], мифологического (русские сказки [13]), народно-поэтического (словарь В. И. Даля [14]), политического [3]). Внимания за-

служивают также тематическая классификация анимализмов в «Русском семантическом словаре» [15]; исследование сексуальных парадигм анимализмов М. А. Кронгаузом [11] и русских фразеологизмов с названиями животных Т. В. Козловой [10].

Сейчас же стоит задача сплошного изучения всего объёма лексем рассматриваемого поля. Изучение семантического поля требует выявления лингвистических и нелингвистических факторов формирования поля. К лингвистическим факторам формирования семантического поля обычно относят языковые причины расширения поля слов. Как показывает наше исследование, на формирование поля названий животных оказали влияние такие языковые факторы, как функционально-стилевая принадлежность слова, отнесённость слова к активному / пассивному запасу, наличие «внутренней» формы слова, синонимичность и вариантность названий, их омонимичность и паронимичность.

В данной статье мы ставим *цель* изучить на материале «Большого толкового словаря русского языка» [2] функционально-стилевую принадлежность анимализмов. Она реализуется в решении ряда задач:

1. Исследовать разговорную и книжную анимальную лексику по темам и в соответствии со словарными пометами.

2. Изучить разговорную лексику по характеру выраженной в слове оценки, по «внутренней форме» слова.

3. Исследовать религиозно-мифические анимализмы с точки зрения их происхождения.

На основании функционально-стилевой принадлежности слова среди анимализмов выделяются: 1) **разговорные в широком смысле слова (96 слов)** (со словарными пометами «разговорное» (41 слово), «народно-разговорное» (26 слов) – к этой группе примыкают слова с пометами «диалектное» (1), «охотничье» (5 слов), «рыболовецкое» (2), – (всего 34 слова); «народно-поэтическое» (8 слов), «ласкательное» (3 слова), «разговорно-сниженное» и «жаргонное» – всего 3 слова) и 2) **книжные** (специальные зоологические со словарными пометами и без них, а также религиозно-мифические) (**77 слов**).

Рассмотрим **разговорную лексику** в широком смысле слова (96 слов). Для слов с пометой «разговорное» актуален такой классификационный признак, как характер выраженной в слове оценки. По этому признаку разговорные слова можно разбить на следующие группы: 1) лексика с нейтральной оценкой называемого животного (18 слов); 2) слова со значением уменьшительности или ласкательности (14 слов); 3) слова с увеличительным и пренебрежительным значением (9 слов).

Разговорная лексика с нейтральной оценкой животного (18) может быть разделена на группы в зависимости от словообразующего разговорного суффикса и характера производящей основы: 1) слова, образованные от адъективной основы с помощью суффикса -к-, -ушк- (*чистокровка* – «породистое животное», *чернобурка* – «серебристо-чёрная лисица», *холмогорка* – «корова холмогорской породы», *гремучка* – «гремучая змея», *каурка* – «лошадь каурой масти», *хохлатка* – «курица», *хохлушка* – «курица»); 2) слова, образованные от глагольной основы с помощью суффикса -к- (*квочка* – «курица-наседка, клуша», *пустолайка-1* – «о собаке, лающей попусту, без нужды», *хрюшка* – «свинья, поросёнок»); 3) слово, образованное от основы имени существительного с помощью суффикса -к-, имеющего значение единичности (*селёдка* – «сельдь, обычно как готовый продукт питания»); 4) слова непроеводные или образованные усечением суффикса производящей основы (*саврас-1* – «лошадь саврасой масти; простая рабочая лошадь», *улитка* – «улитка», *кура-1* – «курица», *ящеры-2* – «общее название наземных по-

звончаних животиных (пресмыкающихся и земноводных), обитавших в доисторическую эпоху); 5) слово, образованное от адъективной основы с помощью суффикса -арь (*сизарь* – «сизый голубь»); 6) слова, образованные от адъективной основы с помощью суффикса -ин(а) (*скотина-1* – «скот-1», *животина* – «домашнее животное»).

Слова со значением уменьшительности или ласкательности (14) по типу словообразовательного средства могут быть разделены на следующие группы: 1) слова с суффиксом -ок (*жучок-2* – «насекомое истачивающее деревянные части зданий», *трёхлеток* – «животное в возрасте трёх лет», *телок* – «телёнок, маленький бычок»); 2) отглагольные слова с суффиксом -ушк(а) (*телушка* – «тёлка», *копчушка* – «мелкая копчёная рыба»); 3) непроизводные слова, возможно ранее членимые (*чушка-1* – «поросёнок, молодая свинья», *букашка-1* – «всякое мелкое насекомое»); 4) непроизводные слова, имеющие нейтрально-стилевые синонимы с суффиксом -к(а) (*пичуга-1* – «маленькая птичка, пташка», *птаха* – «небольшая птица»); 5) слово с суффиксом -к(а) (*моська-1* – «мопс, маленькая собачка»); 6) слово с суффиксом -ик (*2-шарик* – «дворовая непородистая собака (первоначально распространённая кличка»); 7) отглагольное слово с суффиксом -унь(я) (*щебетунья-1* – «птичка, которая щебечет»); 8) слово со связанным суффиксом (*кутёнок* – «щенок»); 9) квазислова детской речи (*утя* – «утка (в речи детей, в разговоре с детьми)»).

Слова с увеличительным и пренебрежительным значением (9) делятся на: 1) слова с суффиксом -ак / -як (*сизяк* – «сизый голубь», *чужак-1* – «о человеке или животном из чужих мест», *прусак* – «рыжий таракан»); 2) слова с суффиксами -няг(а), -ач, -ыш, -иш (*дворняга* – «беспородная дворовая собака», *носач* – «человек, а также животное или птица с большим носом», *опарыш* – «червь, заводящийся в протухшей рыбе, канализационных отбросах, использующийся в качестве приманки на рыбной ловле», *чудище-1* – «страшное чудовище»); 3) непроизводные слова (*шавка* – «маленькая собачка, комнатная или дворняжка», *барбос-1* – «о большой, обычно дворовой собаке (в прошлом кличка)»).

С точки зрения тематики разговорная лексика включает такие тематические группы, как «животные из окружения человека» (20 слов) – *гремучка*, *сизарь*, *сизяк*, *букашка-1*, *пичуга-1*, *птаха*, *щебетунья-1*, *прусак*, *носач*, *опарыш*, *улитка*, *жучок-2*, *моська-1*, *2-шарик*, *дворняга*, *барбос-1*, *пустолайка-1*, *шавка*, *чужак-1*, *чернобурка*; «домашние животные» (17 слов) – *холмогорка*, *хрюшка*, *каурка*, *саврас-1*, *хохлатка*, *хохлушка*, *квочка*, *кура-1*, *утя*, *трёхлеток*, *телок*, *телушка*, *кутёнок*, *1-чушка-1*, *скотина-1*, *животина*, *чистокровка*; «животные, используемые в пищу» (2 слова) – *селёдка*, *копчушка*; «доисторическое животное» (1 пример) – *ящеры-2*; «вымышленное животное» (1 пример) – *чудище-1*. Наличие, наряду с нейтрально-стилевым, разговорного названия наиболее актуально для наименования животных из окружения человека и домашних животных. Так, в группе наименований животных из окружения человека разговорный оттенок имеют многие названия дворовых собак и птиц, а в группе домашних животных – названия копытных животных, их детёнышей и птиц. Наиболее распространёнными классификационными признаками для животных, имеющих разговорные номинаты, являются отнесённость к домашним животным (8 примеров), окрас или масть животного (5 слов) – *сизарь*, *сизяк*, *чернобурка*, *каурка*, *саврас*; маленький размер (5) – *букашка-1*, *пичуга-1*, *птаха*, *жучок-2*, *моська-1*; возраст животного (5) – *трёхлеток*, *телок*, *телушка*, *кутёнок*, *1-чушка-1*. Далее классификационные признаки выстраиваются в следующем порядке: отнесённость к дворовым собакам (3), признак животного (3) – *носач*, *чужак-1*, *гремучка*; порода или вид (2) – *холмогорка*, *гремучка*; действие животного (2) – *пустолайка-1*, *щебетунья-1*; животные как

продукт питания (2) – *селёдка, копчушка*; домашние животные (2) – *улитка, опарыш*; чистота породы (1) – *чистокровка*; вредитель (1) – *жучок-2*; насекомое дома (1) – *прусак*; доисторическое (1) – *ящеры-1*; вымышленное животное (1) – *чудище-1*.

К народно-разговорной лексике, кроме слов с пометой «народно-разговорное, с нашей точки зрения, относится также охотничье-рыболовецкая и диалектная лексика, не имеющая в словаре пометы «разговорное», но по сути являющаяся таковой, так как она употребляется в устной речи охотников и рыболовов, а также в речи людей, живущих на определённой территории, например: *свежьё* – «собир. свежепойманная рыба», *подлинь* – «собир. птица в период линьки», *слёток* – «молодая птица, только начавшая вылетать из гнезда», *огнёвка-2* – порода лисиц с красноватой шерстью», *легаши* – «собака легавой породы, отыскивающая дичь чутьём и делающая перед ней стойку», *гончак* – «группа пород охотничьих собак, специально тренируемых для гона зверей», *борзая* – «группа пород охотничьих собак, отличающихся быстрым бегом, острой длинной мордой, длинными тонкими ногами и поджарым телом», *сорога* – «плотва на севере Европейской части России, Урале, в Сибири». В целом народно-разговорная лексика включает 33 слова, относящиеся к таким тематическим группам: 1) названия птиц (*цыпка-1* – «курица, цыплёнок», *цыплятница-2* – «наседка», *клуша-1* – «курица-наседка», *индюшка* – «индейка», *утица* – «утка», *пугач* – филин», *мартын / мартышка* – «крачка», *чернобровка* – «птица отряда куликов», *подлинь* – «собир., охотн. птица в период линьки» и др. – всего 11 слов); 2) названия псовых (*легаши, гончак, борзая, бирюк* – «волк (обычно одиночка)», *огнёвка-2* – порода лисиц с красноватой шерстью» – всего 5 слов); 3) названия пресмыкающихся (*медянка-2* – «гадюка», *козюля* – «гадюка», *ужак* – «уж», *медянка-3 / медяница* – «ящерица») – всего 4 слова; 4) названия насекомых (*мизгирь* – «паук», *карамора* – «длинноногий комар», *жигалка* – «муха с колющими щетинками на хоботке» – всего 3 слова); 5) названия червей (*глиста-1* – «глист», *2-шитик* – «личинка ручейника или другого насекомого, обитающего в песке на дне водоёма (используется как наживка)» – всего 2 слова); 6) названия домашних копытных животных (*перелярок* – «животные прошлогодного выводка (об овцах, волках)», *теля* – «телёнок» – всего 2 слова); 7) названия медведей (*умка* – «белый медведь», *ошкуй* – «белый медведь» – всего 2 слова); 8) названия рыб (*свежьё* – «собир. свежепойманная рыба», *сорога* – всего 2 слова); 9) единичные названия лося, лягушки (*сохатый* – «рогатый, с ветвистыми рогами (о лосе)», *лягва* – «лягушка» – всего 2 слова).

Важным аспектом классификации народно-разговорной лексики является «внутренняя форма» слова, так как данная лексика в большой мере отражает народный взгляд на мир. При анализе «внутренней формы» слова нельзя обойтись без определения словообразующего суффикса и характера производящей основы слова. По указанным основаниям народно-разговорную лексику можно разделить на такие группы: 1) слова с непрозрачной этимологией (11 примеров) (а) нечленимые (6 слов): *сорога, мизгирь, карамора, 2-шитик, ошкуй, мартын*; б) с неполной членимостью, т. е. со связанными суффиксами (5 слов): *клуша, бирюк, козюля, медянка-2,3, медяница*; 2) слова, содержащие народно-разговорный вариант суффикса, корня или вариантную грамматическую форму (7 примеров): *индюшка, утица, ужак, теля, лягва* (слово *теля* характеризуется отсутствием суффикса по сравнению с нейтрально-стилевым *телёнок*); 3) отадъективные зоосемизмы, образованные с помощью народно-разговорного суффикса (4 слова): *свежьё, легаши, гончак, умка*; 4) отглагольные зоосемизмы с народно-разговорным суффиксом или приставкой (4 примера): *слёток, пугач, жигалка, подлинь*; 5) отсубстантивные зоосемизмы с народно-разговорным суффиксом (2 слова): *огнёвка-3, цыплятница*;

б) слова, образованные субстантивацией: *борзая*, *сохатый* (2 слова); 7) отадъективный приставочно-суффиксальный зоосемизм (1 пример): *перярок*; 8) зоосемизм, образованный сложно-суффиксальным способом (1 пример): *чернобровка*. Таким образом, среди этимологических моделей народно-разговорных зоосемизмов с прозрачной «внутренней формой» превалируют отадъективные номинации по признаку животного (группы 3, 6, 7, 8 – всего 8 слов), на втором месте названия по действию животного (группа 4 – 4 слова).

Народно-поэтическая и традиционно-народная лексика могут быть объединены в одну группу, состоящую из 8 слов (больше всего в ней названий копытных – 4 слова: *бугай* – «бык-производитель», *бурёнка* – «корова (первоначально распространённая кличка коровы бурой масти)», *савраска* – «саврасый конь (светлогнедой с чёрным хвостом и гривой)», *буланка* – «буланный конь (светло-рыжий с чёрным хвостом и гривой)»; *косой* – «о зайце», *котофей* – «кот», *норушка* – «мышка, живущая в норке», *гад-1* – «земноводное или пресмыкающееся»). Признак окраски лежит в основе 3 анимализмов этой группы (*бурёнка*, *савраска*, *буланка*). Среди словообразовательных моделей доминирует суффиксация с помощью суффикса -к- (*бурёнка*, *савраска*, *буланка*).

К ласкательным анимализмам относятся: *гуля-1* – «ласковое название голубя (в речи детей и в речи, обращённой к детям)», *мурлыка* – «о коте, кошке», *курочка-1* – «уменьшительно-ласкательное к *курица*»; к разговорно-сниженным и жаргонным – *цуцик-1* – «щенок, небольшая собака» и др. Среди этимологических моделей слов с прозрачной «внутренней формой» выделяется модель «действие (звучание животного) → его название»: *гуля*, *мурлыка*. Доминирующим словообразовательным средством ласкательных и жаргонно-сниженных анимализмов является суффикс (в словах: *мурлыка*, *курочка-1*, *цуцик-1*).

Рассмотрим **книжные анимализмы (62 слова)**, которые делятся на специальные и религиозно-мифические.

I. Специальная лексика (56 слов). Анимализмы этой подгруппы могут иметь пометы «зоологическое», «биологическое», «специальное» или не иметь их совсем. Весь пласт специальной лексики делится на такие группы:

1) названия отрядов (24 слова):

а) млекопитающих (9 слов): *ййцекладущие* – «клоачные (название отряда млекопитающих с одним выводным отверстием – клоакой; к нему относятся *утконос* и *ехдна*; однопроходные)», *рукокрылые* – «отряд млекопитающих с приспособленными для полёта конечностями, к которому относятся летучие мыши», *шерстокрылы* – «отряд ночных млекопитающих, конечности и хвост которых соединены широкой, покрытой шерстью перепонкой», *ящеры-1* – «отряд млекопитающих с удлинённым, покрытым роговыми чешуями телом, с маленькой головой, с длинным хвостом, с короткими лапами с сильными когтями (обитают в Африке и Юго-Восточной Азии)», *насекомоядные* – «отряд млекопитающих, к которому относятся ёж, крот, землеройка», *копытные* – «животные отряда млекопитающих, имеющие копыта (к ним относятся антилопы, слоны, лошади, свиньи, верблюды и т. п.)», *парнокопытные* – «отряд млекопитающих с двумя одинаково развитыми пальцами: бегемот, корова, свинья», *хоботные* – «отряд почти вымерших млекопитающих, к которому относятся слоны», *приматы* – «отряд наиболее высокоорганизованных млекопитающих – полуобезьян, обезьян и человека»;

б) насекомых (8 слов): *термиты* – «отряд насекомых жарких стран, живущих сообществами в больших гнёздах разной формы (наземных и подземных) и являющихся вредителями древесины», *таракановые* – «отряд насекомых, к которому относятся разные виды тараканов», *пузыреногие* – «отряд насекомых с узким длинным телом с двумя слабо развитыми коготками и присасывательными пу-

зырьками на лапках», *чешуекрылые* – «отряд насекомых, к которому относятся бабочки», *сетчатокрылые* – «отряд насекомых с крыльями, покрытыми густой сетью мелких жилок», *прямокрылые* – «отряд насекомых с узкими длинными крыльями (кузнечики, сверчок, саранча)», *жесткокрылые* – «название отряда насекомых, жуки», *двухвостки* – «название отряда бескрылых насекомых с членистым телом, заканчивающимся парой членистых нитей»;

в) рыб (3 слова): *скупбриевые* – «отряд морских промысловых рыб, к которому относятся скумбрия, тунец», *сельдеобразные* – «отряд костистых рыб, к которому относятся сельдьевые и анчоусовые», *окунеобразные* – «отряд костистых рыб»;

г) птиц (3 слова): *сизоворонковые* – «отряд птиц, к которому относятся сизоворонки, зимородки, удода», *веслоногие* – «название отрядов семейства водоплавающих животных», *голубеобразные* – «отряд птиц, к которому относятся три семейства: голуби, рябки и дронты»;

д) пресмыкающихся (1 слово): *чешуйчатые* – «отряд пресмыкающихся (змеи, ящерицы), туловище которых покрыто роговой чешуёй, щитками».

2) названия семейств (24 слова):

а) насекомых (8 примеров): *древогрызы* – «семейство жуков, обитающих в сухой древесине», *пестряки* – «семейство жуков с пёстрыми надкрыльями», *мертвояды* – «семейство жуков, питающихся трупами, личинками других насекомых, растениями», *перистокрылки* – «семейство жуков с очень узкими перистыми крыльями с бахромой из волосков по краям»; *древоточцы-1* – «семейство ночных бабочек, чьи гусеницы питаются древесиной», *пестрянки* – «семейство дневных и сумеречных бабочек с яркой пёстрой окраской крыльев»; *саранчовые* – «название семейства насекомых, к которому относятся разные виды саранчи»; *паутинные клещи* – «семейство членистоногих семейства настоящих клещей класса паукообразных, паразитирующих на листьях и стеблях растений»;

б) птиц (8 слов): *ястребиные* – «семейство птиц отряда хищных, к которому относятся орёл, коршун и беркут», *соколиные* – «семейство птиц отряда хищных, к которому относятся сокол, кобчик и др.»; *тетеревинные* – «семейство птиц отряда куриных, к которому относятся тетерев, куропатка, глухарь, рябчик», *фазановые* – «семейство птиц отряда куриных, к которому относятся фазан, павлин, перепел, цесарка»; *чистиковые* – «семейство птиц: чистик, кайра, гагарка», *утиные* – «семейство птиц, к которому относятся утка, гусь, лебедь», *голубиные* – «семейство птиц отряда голубеобразных, голуби»;

в) млекопитающих (4): *нарваловые* – «семейство зубатых китов, к которому относятся нарвал, белуха»; *псовые / собачьи* – «семейство хищных млекопитающих, к которому относятся собаки, волки, лисицы, песцы, шакалы»; *оленьевые* – «семейство млекопитающих парнокопытных животных», *долгопяты* – «семейство полуобезьян отряда приматов с длинными пальцами и светящимися в темноте глазами»;

г) рыб (2 примера): *сельдевые* – «семейство рыб, к которому относятся сельдь, иваси, килька», *окуневые / окунёвые* – «название семейства промысловых рыб со сжатым с боков или веретенообразным телом, к которому относятся окунь, судак, ёрш»;

д) земноводные (1 пример): *скрытожаберные* – «семейство отряда хвостатых земноводных, у которых сохраняются жаберные дуги, но жабры отсутствуют»;

е) червей (1): *неридовые* – «семейство морских кольчатых червей»;

3) общие и собирательные анимализмы-термины (8 слов): *ихтиофаг* – «животное, питающееся рыбой», *зоофаг* – «растение или животное, питающееся микроорганизмами или другими животными», *фитофаг* – «животное, питающееся только растительной пищей», *псаммон* – «совокупность животных и растительных организмов, обитающих во влажных слоях прибрежных песков», *зоопланк-*

тон – «совокупность мелких животных в толще морской воды», *планктон* – «скопление мельчайших растительных и животных организмов (бактерий, водорослей, моллюсков, личинок), живущих в толще воды морей, рек, озёр и переносимых течением», *холоднокровные* – «обладающие непостоянной температурой тела, меняющейся в зависимости от температуры окружающей среды», *пернатые* – «птицы»;

4) названия классов животных (6 примеров): *жгутиковые* – «класс одноклеточных типа простейших, характеризующийся наличием у них жгутиков», *гельминты* – «паразитические черви – возбудители болезней человека, животных и растений», *паукообразные* – «класс членистоногих животных», *голотурии* – «класс морских беспозвоночных животных типа иглокожих», *ракообразные* – «класс водных членистоногих животных с расчленённым на сегменты телом, покрытым панцирем, и с многочисленными расчленёнными конечностями», *насекомые* – «класс беспозвоночных членистоногих животных, к которому относятся муха, пчела, клоп, муравей и др.»;

5) названия подотрядов животных (5 слов): *сольпуги* – «паукообразные отряда членистоногих (обитают в тропиках и субтропиках); *фаланги*», *сверчковые* – «подотряд насекомых отряда прямокрылых, в который входят *сверчки*, *медведки* и т.п.», *жвачные* – «название подотряда млекопитающих отряда парнокопытных», *нежвачные* – «подотряд млекопитающих отряда парнокопытных (*бегемоты*, *свины*)», *широконосые обезьяны* – «название группы высших приматов»;

6) названия подцарств животных (3 примера): *беспозвоночные* – «многочисленная группа животных, не имеющих позвоночника (к ним относятся *простейшие*, *губки*, *кишечнополостные*, *моллюски* и т.п.)», *черепные* – «позвоночные», *слизевики* – «низшие бесхлорофилльные организмы; *слизевики* встречаются в виде слизистой массы на гниющих стволах и листьях деревьев»;

7) названия подтипов животных (2): *членистоногие* – «высший и самый обширный тип беспозвоночных, тело и конечности которых разделены на членики», *хордовые* – «тип высших животных, обладающих хордой на какой-либо стадии их развития»;

8) названия подклассов животных (2): *двоякодышащие* – «подкласс рыб, дышащих не только жабрами, но и лёгкими», *сумчатые* – «подкласс млекопитающих, которые донашивают детёнышей в сумке»;

9) названия подсемейств животных (2): *пчелиные* – «название группы семейства жалоносных насекомых отряда перепончатокрылых», *ящеричные змеи* – «ядовитые змеи семейства ужей, серовато-оливковой окраски с тёмными продольными полосами на боках, питающиеся ящерицами, змеями и грызунами».

II. Религиозно-мифические (6). Слова этой группы присходят из религиозных источников (Библия) или из культурно и исторически значимых текстов: мифов, легенд: *агнец* – «ягнёнок как жертвоприношение», *змий-1* – «змей», *Змий-2* – «в Библии дьявол-искуситель, представший перед Евой», *тварь-1* – «живое существо», *телец* – «телёнок, молодой бычок (обычно как жертвоприношение)», *вепрь* – «дикий кабан, свинья».

Мы видим, что специальная лексика преобладает над культурной. Такое распределение лексики внутри выделенных групп показывает объективное, не зависящее от языка количественное соотношение групп животных разных ступеней иерархичности в зоологической классификации (семейств и отрядов животных больше, чем остальных групп). Доминирование специальной лексики над религиозно-мифической связано с актуальностью зоологической классификации животных для их наименования, с отсутствием другого объективно сложившегося инструментария для называния животных.

Таким образом, мы можем сделать следующие **выводы**:

В семантическом поле «Фауна» разговорные анимализмы преобладают над книжными. По характеру выраженной в слове оценки разговорные анимализмы делятся на слова с нейтральной оценкой животного; слова со значением уменьшительности или ласкательности; слова с увеличительным и пренебрежительным значением, которые образуются способом суффиксации по различным моделям. Незначительная часть разговорных анимализмов представляет собой непроектируемые слова.

По тематике разговорная лексика делится на группы названий животных из окружения человека (20 слов); домашних животных (17 слов); животных, используемых в пищу (2 слова); доисторических животных (1 пример); вымышленных животных (1 пример). К народно-разговорной лексике относится также охотничье-рыболовецкая и диалектная лексика, включающая обозначения птиц, псовых, пресмыкающихся, насекомых, червей, домашних копытных животных, медведей, рыб и др.

Среди этимологических моделей народно-разговорных зоосемизмов с прозрачной «внутренней формой» преобладают отадъективные номинации по признаку животного, на втором месте – названия по действию животного.

Среди народно-поэтической и традиционно-народной лексики больше всего названий копытных. Ласкательная окраска присуща номинациям голубя, кота, мышки, курочки, разговорно-сниженная – наименованиям собаки, коровы, вши.

В свою очередь книжные анимализмы делятся на специальные и религиозно-мифические. Первые включают названия отрядов, семейств, классов, подотрядов, подцарств, подтипов, подклассов, подсемейств животных; общие и собирательные анимализмы-термины. Религиозно-мифические анимализмы происходят из религиозных источников (Библия) или из культурно значимых и исторических текстов – мифов и легенд.

В перспективе необходимо изучение экстралингвистических факторов формирования поля анимализмов. Это позволит сравнить, какой тип факторов в большей степени влиял на создание этого поля. При условии изучения факторов формирования других полей слов возможно сопоставление причин формирования различных лексических полей, а значит – выявление общих закономерностей их возникновения.

Библиографические ссылки

1. **Адаменко П. А.** Лексико-семантическая группа слов, обозначающих сельскохозяйственных животных (на материале английского языка) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / П. А. Адаменко. – Л., 1971.
2. **Большой толковый словарь русского языка** / [авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов] – СПб. : Норинт, 2003. – 1536 с.
3. **Вершинина Т. С.** Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. С. Вершинина. – Екатеринбург, 2002. – 225 с.
4. **Волкова О. Н.** Лексико-семантическая и словообразовательная характеристика наименований лошадей в русском языке: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Волкова. – К., 1982. – 242 с.
5. **Герд А. С.** Проблемы формирования научной терминологии (на материале русских научных названий рыб) : автореф. дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / А. С. Герд. – Л., 1967. – 27 с.
6. **Голубовська І. О.** Метафорико-символічні іпостасі зоонімів у рамках фрагмента мовної картини світу «Царство тварин» (на матеріалі української, російської, англійської та китайської мов) / І. О. Голубовська // Мовознавство. – 2003. – № 6. – С. 61–68.

7. **Жерібко Н. Н.** Зооморфізм как лингвистический и философский термин / Н. Н. Жерібко // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Серія «Мовознавство» – 2005. – № 2/1. – С. 128–133.
8. **Зайченко Н. Ф.** Парадигматические отношения в лексико-семантической группе «Наименования животных» / Н. Ф. Зайченко // Русское языкознание. – К.: Выща шк., 1988. – Вып. 17. – С. 108–115.
9. **Каледина Е. В.** Система наименований паразитов человека в современном русском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Е. В. Каледина. – Таганрог, 2002. – 18 с.
10. **Козлова Т. В.** Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. – М. : Дело и Сервис, 2001 – 208 с.
11. **Кронгауз М. А.** Семантика : учеб. для студ. лингв. фак. высш. уч. заведений / М. А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд. центр «Академия», 2005. – 352 с.
12. **Ляпичева Е. Л.** О семантике и функциях названий животных в поэзии Ю. Мориц для детей / Е. Л. Ляпичева // Лексико-граматичні інновації в сучасних слов'янських мовах: матер. Всеукр. наук. конф. (Дніпропетровськ, 26–28 березня 2003 року). – Дніпропетровськ : ПБП «Економіка», 2003. – С. 235–239.
13. **Павлова И. В.** Фреймовый подход к анализу образа птицы как антропозооморфного существа в русских народных сказках // Актуальні проблеми менталінгвістики : зб. статей за матеріалами 4-ї Міжнар. конф., Черкаси, квітень 2005 р. – С. 102–104.
14. **Романова Е. В.** Названия домашних животных в словаре В. И. Даля / Е. В. Романова // Материалы по русскому и славянскому языкознанию. – Воронеж, 2003. – Вып. 26. – С. 292–296.
15. **Русский семантический словарь.** Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений; РАН. Ин-т рус. яз. / [под общей ред. Н. Ю. Шведовой]. – М. : Азбуковник, 1998. – Т 1: Слова указующие (местоимения). Слова именуемые; имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). – 1998. – 800 с.
16. **Скиданенко Ю.** Зооморфізми в російській та іспанській мовах: порівняльний аналіз і проблеми перекладу / Ю. Скиданенко // Філологічні науки : зб. наук. праць Полтавського держ. пед. ун-ту ім. В.Г. Короленка. – Вип. 4–5. – Полтава, 2000. – С. 177–187.
17. **Ужченко В. Д.** Концепт журавель в українській мовно-фразеологічній картині світу / В. Д. Ужченко // Наукові записки Луганськ. нац. педагог. ун-ту: зб. наук. праць. Концептологія: світ – мова – особистість. – 2005. – С. 49–58.
18. **Цыганкова А. В.** Семантическая структура отзоонимных прилагательных в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Цыганкова. – Екатеринбург, 1998. – 223 с.

Надійшла до редколегії 14.02.13

УДК 811.161.3'373.7

В. А. Ляшчинская

Гомельські дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны

КАНЦЭПТУАЛІЗАЦЫЯ ЗАКАНЧЭННЯ ЖЫЦЦЯ ЧАЛАВЕКА Ў БЕЛАРУСКАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ

На матеріалі фразеологічних одиниць білоруської літературної мови, що об'єднані загальним значенням 'вмерти', виявлено способи концептуалізації закінчення життя людини, оцінка й характеристика, національне уявлення й філософія смерті білорусів, які закладені у фіксованих одиницях через представлення образу, внутрішньої форми.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, концептуалізація, вмерти, образ, внутрішня форма, оцінка, культурно-національна інформація.

На матеріалі фразеологічних одиниць белорусского літературного языка, объединенных общим значением 'умереть', выявлены способы концептуализации окончания жизни человека, оценка и характеристика, национальное представление и философия смерти белорусов, заложенные в фиксированных единицах посредством представления образа, внутренней формы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, концептуализация, умереть, образ, внутренняя форма, оценка, культурно-национальная информация.

Basing on Belarusian phraseological units with the common meaning 'to die', the article investigates the ways for conceptualization of a person's end of life, evaluation and attitude, national perception and philosophy of death of the Belarusians, comprised within phraseological units through visualisation of the image, their inner form and components.

Keywords: phraseological units, conceptualization, to die, image, inner form, evaluation, cultural information.

У апошні час з улікам антрапацэнтрычнага падыходу да вывучэння мовы і яе адзінак, кагнітыўнай накіраванасці іх даследавання ўсё большую ролю набываюць фразеалагізмы «як самастойныя духоўныя каштоўнасці» (В. Л. Архангельскі), як адметныя адзінкі, здольныя кансерваваць форму і змест. Фразеалагічныя адзінкі (ФА) з'яўляюцца вынікам жыццёвага вопыту і мудрасці многіх мінулых пакаленняў народа і крыніцай атрымання ведаў і ўстановак яго культуры, спосабаў пазнання свету і іх вербальнага адлюстравання для наступных пакаленняў. Зыходзячы з гэтых устаноў аб ФА, паспрабуем вызначыць тыя веды, уяўленні беларусаў, тыя культурныя каштоўнасці, якімі кіраваліся нашы продкі і якія яны пакінулі нам адносна адной з цэнтральных тэм светаўспрымання, светаразумення і яго асэнсавання – завяршэння жыцця чалавека на зямлі. Гэтае пытанне не было прадметам даследавання, а ФА, што рэпрэзентуюць надыход смерці, не былі аб'ектам вывучэння ў беларускім мовазнаўстве. Хаця лексіка-фразеалагічны склад семантычнага поля 'смерць', нярэдка ў супастаўленні 'жыццё-смерць', у розны час быў аб'ектам увагі А. Б. Юмінавай (1999), С. М. Талстой (1999), В. Ю. Апрэсяна (2002), В. Ужчанкі (1994, 2003), І. Б. Івановай (2008), О. В. Батарчук (2009) і іншых рускіх і ўкраінскіх даследчыкаў.

Актуальнасць вывучэння ФА акрэсленай групы абумоўлена неабходнасцю поўнага і сістэмнага даследавання моўнай карціны свету, пад якой разумеецца сукупнасць ведаў пра свет, адлюстраваных у мове, а таксама важнасцю вызначэння спосабаў атрымання і інтэрпрэтацыі ведаў, бо мова разглядаецца як пэўная канцэптэуальная сістэма і як сродак афармлення ведаў пра свет. А поўнае і сістэмнае даследаванне моўнай карціны свету магчыма шляхам паступовага і паслядоўнага вывучэння фрагментаў гэтай карціны. І тое, што смерць – адно з найбольш важных паняццяў у жыцці беларусаў у мінулым, як і цяпер, адзін з істотных фрагментаў карціны свету, сведчыць ужо толькі колькасць ФА, зафіксаваных у сучаснай беларускай літаратурнай мове: метадам суцэльнай выбаркі выдзелена каля 350 фразеалагізмаў [7], збор і сістэматызацыя якіх вялася метадам суцэльнай выбаркі паводле вызначэння семы 'смерць' у лексікаграфічнай дэфініцыі ФА.

Аналіз лексікаграфічных дэфініцый ФА, аб'яднаных у семантычнае поле 'смерць', дазваляе выдзеліць некалькі фразеасемантычных мікрапалёў, а самае шматлікае мікраполе і па сутнасці ядро фразеасемантычнага поля 'смерць' складаюць ФА, аб'яднаныя агульным значэннем 'перастаць жыць, памерці' (110 ФА). Шматлікасць ФА тлумачыцца найперш тым, што ў іх адлюстроўваюцца розныя "віды" і "спосабы" заканчэння жыцця чалавекам (памерці, загінуць, закончыць жыццё самагубствам, быць забітым, замучаным, расстраляным).

У залежнасці ад «спосабу» надыходу смерці ў фразеасемантычным мікраполі 'перастаць жыць, памерці' выдзяляецца некалькі мікрагруп (усяго 5), вызначэнне і аналіз складнікаў якіх дазваляе выявіць пэўны спосаб канцэптэуалізацыі заканчэння

жыцця чалавекам і пэўную ў кожным выпадку ацэнку і дадатковую культурную інфармацыю.

1. Першая мікрагрупа ФА 'закончыць жыццё сваёй смерцю' адлюстроўвае заканамернасць заканчэння жыцця чалавека ў выніку старасці, хваробы. Тут надыход смерці падаецца як заканамерны і зусім зразумелы этап завяршэння зямнога жыцця. Гэты «спосаб» надыходу смерці прадстаўлены найперш як адыход чалавека з гэтага свету ў той свет: *адпраўляцца на той свет, адыходзіць з гэтага свету, адыходзіць у іншы свет, адыходзіць у лепшы свет, адыходзіць на той свет, адыходзіць у вечнасць*. ФА канстатуе уяўленні чалавека аб наяўнасці «таго свету», што характарызуецца як «лепшы» ці абазначаецца як «вечнасць». У ФА *адыходзіць з гэтага свету* адзначаецца пра гэты свет, што мяркуе існаванне мяжы паміж двума светамі. Акрамя таго, назавем ФА *Бог прыбраў* 'хто-н. памёр', дзе матыў той жа – адыход у іншы свет, толькі вобраз Бога асацыіруецца з яго воляй канца жыцця каго-небудзь.

Адзначаныя ФА такім чынам канстатуе уяўленне аб пераходзе чалавека з адной сутнасці (жыццё на гэтым свеце) да другой (працяг жыцця на тым свеце). Разуменне смерці як вечнага жыцця на тым свеце рэпрэзентуецца і ў ФА *загадаць /наказаць доўга жыць* 'памерці', дзе свабоднае прачытанне спалучэння і пераноснае значэнне ФА ўступае у супрацьлегласць, але менавіта дзякуючы пераасэнсаванню словаспалучэння перададзена разуменне чалавека аб «доўгім» жыцці на тым свеце ў параўнанні з кароткім на гэтым.

Як відаць, смерць, паводле вобразаў і ўнутранай формы прыведзеных вышэй ФА, абазначае толькі змену фазы, надыход новага этапу існавання чалавека пасля яе. Зразумела, такі падыход і такое разуменне смерці ў мінулым – сведчанне адсутнасці ў чалавека страху, боязі перад смерцю. Аб гэтым сведчыць і той факт, што такі пераход катэгарызуецца праз выкарыстанне матыву пэўнага шляху, дарогі, падарожжа. У ФА гэты матыў перадаецца з дапамогай дзеясловаў руху, перамяшчэння тыпу *адыходзіць, адпраўляцца, ісці* ці аддзеяслоўных назоўнікаў *адыход, зыход*. ФА падмацоўваюць і ілюструюць глыбіню фальклорнай «памяці» пра дарогу, якая «ў беларускай міфалагічнай традыцыі ўвасабляе сувязь з іншасветам і светам памерлых» [2, с. 133].

Матыў дарогі – адзін з самых пашыраных у беларускіх ФА з агульным значэннем 'памерці'. Ён рэалізуецца і ў ФА *пайсці /сысці ў магілу /зямлю* 'памерці', дзе ўжо толькі канечны пункт дарогі адметны ад «таго свету» як замагільнага жыцця ў раі. У прыведзенай ФА ўяўленне аб смерці перадаецца праз дарогу з паверхні зямлі ў яе глыбіні, назад у зямлю (рэалізуецца яшчэ матыў зямлі). У ФА захоўваецца ўяўленне пра дарогу пакойніка да магілы ці зямлі, з якой чалавек звязвае не толькі рытуал пра пахаванне, але і пра зямлю як зямельку-маці, якая ўсё дае чалавеку пры яго жыцці на зямлі і забірае яго пасля смерці, калі цела як матэрыяльную сутнасць хаваюць у зямлю ці ў магілу /труну /дамавіну.

Ведаючы вытокі такой злучанасці беларусаў з зямлёй пасля смерці, пашаны да яе, зразумелым, але не менш цікавым і выключна дасціпным выступае выражэнне адносінаў беларусаў да зямлі ў ФА з дапамогай вобраза «шлюбу» пакойніка з зямлёй ці вызначэння суджанай альбо суджанага (*ажаніцца з <сырою> зямлёй* 'памерці, загінуць' і *замуж за <пана> Пясоцкага* (збірацца) 'паміраць'). У ФА засведчана размежаванне адносна полу пакойніка: мужчына жэніцца, жанчына замуж ідзе. ФА *замуж за <пана> Пясоцкага* пабудавана па псеўдавобразнай, каламбурнай мадэлі, дзе кампанент-назоўнік *Пясоцкі* паводле свайго паходжання імітуе прозвішча, якое з'яўляецца каламбурным ўтварэннем ад агульнага назоўніка *пясок* 'зямля, дзе хаваюць, якой закопваюць пакойніка' з дапамогай суфікса *-ск-* па аналогіі з тыповымі беларуска-польскімі прозвішчамі на -

скі [4, с. 78]. У выніку назіраецца, з аднаго боку, абманная вобразнасць прыведзенай ФА, з другога боку, у ёй рэалізуецца як бы канкрэтны выпадак за кошт прозвішча. Якраз гэта і выяўляе, як мяркуе В. М. Макіенка, «імкненне да максімальнай канкрэтызацыі больш агульнага паняцця, пераўтварэнне ў паняцце адзінкавае, якое захоўвае пры гэтым з дапамогай моўных асацыяцый сувязь з агульным» [8, с. 198].

Матыў дарогі абыгрываецца і ў жартоўнай беларуска-польскай ФА *адпраўляцца /ісці /ехаць да Абрама /Абрагама на піва* ‘паміраць’ ці як вынік дарогі – *трапіць да Абрагама /Абрама на піва* ‘памерці’, дзе яшчэ выразней выяўляецца адсутнасць страху ў нашых продкаў перад смерцю і нават, наадварот, ілюструецца ўспрыманне гэтага як радаснай падзеі. Пацвярджэннем служыць этымалагічны экскурс І. Я. Лепшава да фразеалагізма *адпраўляцца /ісці /ехаць да Абрама /Абрагама на піва*: «Узнік па мадэлі з ужо існуючым, сэнсава тоесным фразеалагізмам *адправіцца на той свет*. *Абрам* – біблейскі персанаж, якога пасля смерці Бог за пакорлівасць і адданасць узяў у нябеснае царства. *Адправіцца да Абрама* – першапачаткова ‘адправіцца на той свет, дзе знаходзіцца Абрам’. *А на піва* – дасціпны жартоўны дадатак, які (паводле М. А. Даніловіча) каламбурна накладвае на імя біблейскага персанажа іншае, тоеснае, пашыранае ў мінулым стагоддзі сярод яўрэйскага насельніцтва Польшчы і Беларусі імя *Абрам* (як гаспадар карчмы, куды заходзілі і «на піва»)) [6, с. 33].

Пра матыў дарогі сведчыць і ФА *сыходзіць /сходзіць са сцэны* ‘пераставаць існаваць, паміраць’, якая склалася «ў выніку паўторнай метафарызацыі зыходнага словазлучэння», што распаўсюджана ў акцёрскім асяроддзі, і лічыцца калькай з англійскай мовы (*quit the stage*) [6, с. 360]. У ФА своеасабліва спалучана адно з уяўленняў пра надыход смерці, якое рэалізуецца праз матыў дарогі (кампанент-дзеяслоў руху *сыходзіць*) і новае яго праяўленне (кампанент-назоўнік *сцэна*), тым самым працягваючы матыў дарогі з улікам новых рэалій жыцця. Тут не ўказваецца «пункт назначэння», а, наадварот, называецца пункт адпраўлення, дзе сцэна ў метафарычным асэнсаванні выступае арэнай жыцця чалавека.

Захаванне ўласцівых хрысціянскай культуры ўяўленняў пра смерць чалавека ў мінулым выяўляюць тыя ФА, у якіх канцэптуалізуецца выражэнне разумення смерці як аддзяленне душы ад цела, дзе душа – вышэйшая інстанцыя, тое вечнае, што застаецца пасля смерці, а цела – фізічнае, матэрыяльнае, што знікае. Пры гэтым аддзяленне душы можа быць дзеяннем таго, хто памірае (*аддаць духі* ‘памерці’, *аддаваць Богу душу* ‘паміраць’), самога духа (*дух выйшаў /вылецеў /выскачыў* ‘хто-н. памёр (часцей раптоўна, імгненна)’, *душа вон* ‘хто-н. адразу, раптоўна памёр’), а можа быць і дзеяннем «трэцяй» асобы (*Бог прыбраў* ‘хто-н. памёр’). ФА *аддаваць Богу душу* паходзіць ад «слоў памінальнай малітвы, звернутае да Бога: «Прими душу раба Твоего» [3, с. 59]. У паасобных ФА замест кампанента *душа* выкарыстоўваецца *дух*, што звязана з адлюстраваннем абавязковасці адной працэдуры: памерлы абавязкова павінен выпусціць дух, што вельмі важна (*дух вон* ‘хто-н. памёр (часцей раптоўна, імгненна)’, *дух выпусціць* ‘памерці’, *дух спускаць* ‘паміраць’), бо можна і не заўважыць гэта пры раптоўнай смерці (*духу не ўказаць* ‘тут жа, адразу памерці’). У адных выпадках кампаненты *душа* і *дух* выкарыстоўваюцца як варыянтныя, у другіх – як адметныя кампаненты, пра што ўжо адзначалася вышэй.

Да папярэдніх ФА, паводле агульнасці кампанента, далучаецца ФА *загавець душой* ‘памерці’, унутраная форма якой выяўляе перасэнсаванне значэння дзеяслова *загавець*, які, паводле лексікаграфічнага тлумачэння, мае значэнне ‘пачаць гавець’ [9, с. 294] і з’яўляецца вытворным ад *гавець* са значэннем ‘у веруючых – пасціць і хадзіць у царкву, рыхтуючыся да споведзі’ [10, с. 8]. У выніку

метафарычнага пераасэнсавання дзеяслоўнага словазлучэння ўзнікае ўстойлівы выраз для наймення і характарыстыкі яшчэ аднаго спосабу адыходу ў вечнасць, калі душа «посціць», адыходзячы ад цела.

Сярод ФА семантычнай мікрагрупы ‘закончыць жыццё сваёй смерцю’ выдзяляюцца тыя, узнікненне якіх матывавана абрадавай практыкай падрыхтоўкі нябожчыка ў апошнюю дарогу, захаванне і памінанне яго. Значэнне ‘памерці’ ў ФА асацыіруецца з вобразам складзеных рук, якія сімвалізуюць спакой, адсутнасць работы ў пакойніка (*згарнуць рукі і складваць /складаць рукі ‘памерці’*), выцягнутых ног пры гарызантальным палажэнні (*выпростаць ногі ‘паміраць’; выцягнуць ногі ‘памерці’*), цела, пакладзенага ў труну як апошні дом, апошняе прыстанішча (*ляжыцца ў магілу /труну /дамавіну /зямельку ‘паміраць’*). З ліку варыянтных кампанентаў звернем увагу на адным – *дамавіне*, які найбольш дакладна перадае семантыку ўсяго рада, бо, паводле народных уяўленняў, дамавіна – «жытло нябожчыка на «тым свеце», што адлюстравана ў самой семантыцы слова; у больш шырокім сэнсе – адзін з сімвалаў смерці» [2, с. 132]

Цікавы вобраз ФА *на паповы сані* (збірацца) ‘паміраць’, паходжанне якога звязана з хрысціянска-рэлігійным рытуалам адпявання пакоўніка папам у царкве і больш старажытным рытуалам-провадамі пакойніка на санях. Сані, паводле меркавання рускіх даследчыкаў, выступаюць сімвалам смерці, паколькі «на Русі са старажытных часоў для перавозкі пакойнікаў ужываліся сані. Хавалі на санях нават у летні час: волакам, рукамі цягнулі шырокі полаз з пакойнікам на пагорак, абкладвалі любімымі ім рэчамі і сухімі галінамі, абпырсквалі гарачай петушынай крывёй і спальвалі» [3, с. 622].

І яшчэ адна ФА – *пачыць /спачыць у бозе*, як лічыцца, паводле свайго ўзнікнення – «царкоўная хрысціянская формула, асабліва часта адзначаная ў памінальных малітвах, у рытуальных памінаннях» [3, с. 59]. Яна канстатуе значэнне ‘памерці’ і сваім вобразам ілюструе абранасць Богам пакойніка і яго вернасць Богу.

Як відаць, ва ўсіх прыведзеных вышэй ФА адлюстроўваюцца стэрэатыпныя ўяўленні пра смерць, а складзеныя рукі, выцягнутыя ногі, ляжанне ў труне ці дамавіне – гэтыя стэрэатыпныя спосабы перадачы вобразнага мыслення пра смерць.

Той жа сэнс, але іншы вобраз і адметнае моўнае выражэнне філасофіі жыцця пасля смерці перадаюць ФА *заснуць вечным сном* і *заснуць на векі* ‘памерці’, *спаць вечным сном* і *спаць у сырой зямлі* ‘быць мёртвым, пахаваным’. Тут асноўнае ўяўленне пра канец зямнога жыцця чалавека асацыіруецца з нерухомасцю, сном, які, паводле заўвагі У. І. Коваля, у сферы народнай духоўнай культуры «мае негатыўную маркіраванасць, паколькі ён асэнсоўваецца як своеасаблівая разнавіднасць формы смерці» [5, с. 136]. Але ці толькі «негатыўную маркіраванасць» перадаюць адзначаныя ФА? Разгледзім больш падрабязна гэтыя ФА.

У ФА паняцце ‘памерці’ абазначана дзеясловамі *заснуць* і *спаць*, адпаведна чаму паняцце ‘смерць’ замяняецца назоўнікам *сон*, тым самым выяўляючы іх сінанімічныя сувязі: памерці – заснуць /спаць і смерць – сон. У ФА *спаць у сырой зямлі* ўказваецца яшчэ і месца, дзе хаваюць чалавека, які спіць-памёр, – *сырая зямля*. Акрамя таго, у дзвюх ФА назіраецца актуалізацыя аднакаранёвых слоў – *заснуць – сном* і *спаць – сном*, што яшчэ больш узмацняе, акцэнтуючы ўвагу на тым разуменні, што смерць – гэта перш за ўсё сон, а памерці ці быць мёртвым – *заснуць вечным сном, спаць вечным сном*. Такая сувязь з’яўляецца асновай успрымання нашымі продкамі пакойніка (звернем увагу на ўнутраную форму лексемы *пакойнік*, якая таксама скіроўвае да паняцця ‘пакой’, які асацыяваўся ў жыцці са сном) як чалавека, які заснуў вечным сном, вызваліўся ад жыццёвых клопатаў. Выкарыстанне метафар «смерць – сон», «памерці – заснуць», канатацыйны аспект іх семантыкі дазваляюць выявіць яшчэ адно ўяўленне аб смерці – мудрыя і

спакойныя адносіны беларуса да смерці, яе ўспрымання як непазбежнага канца клопатнага жыцця жывых на зямлі. Разам з тым такая намінацыя заканчэння жыцця (заснуць, спаць) захоўвае семантычную двухпланавасць, вобразнасць і эстэтычнасць успрымання.

Яшчэ адзін вобраз, а з ім і яшчэ адно ўяўленне пра смерць чалавека і спосаб катэгарызацыі ілюструе ФА *адаваць канцы* 'паміраць', якая, як можна меркаваць, значна пазнейшая паводле часу свайго ўзнікнення, паколькі тут смерць разумеецца адметна ад перададзеных уяўленняў ва ўсіх аналізаваных вышэй ФА з зафіксаванымі ў іх паняццямі і асэнсаваннем пра смерць як спадчыны рэлігійна-міфалагічнай культуры. У ФА *адаваць канцы* рэалізуецца разуменне чалавека аб смерці як аб канцы ўсяго, завяршэнні жыцця без яго працягу ў замагільным свеце. Такое ўяўленне прыйшло на змену папярэднім (дарога ў іншы свет, пераход да вечнага жыцця, аддзяленне душы ад цела, злучэнне з зямлёй, дарога да Бога, у рай, наступленне вечнага сну), было выпрацавана з прыходам антырэлігійнай культуры і стала найбольш характэрным для савецкага часу і ў пэўнай ступені як працяг пасля яго. Магчыма, гэты факт можа растлумачыць і адзінкаваць фразеалагічнай рэпрэзентацыі: смерць разглядаецца як канец, а таму няма пра што і гаварыць.

І яшчэ дзве ФА канстатуюць аб завяршэнні жыцця не адной пэўнай асобы, а масава, але пры гэтым акцэнтуюцца ўвага на прычыне, высакароднай мэце – абароне чаго-ці каго-небудзь: *кроў льецца /ліецца /лілася /пральецца* 'гінучы, паміраючы, пакутуючы людзі, абараняючы каго-, што-н.'; *ліць /праліваць кроў* 'гінучы, паміраць ці пакутаваць, абараняючы каго-, што-н.', у якіх выкарыстаны вобраз крыві як аднаго з асноўных паказчыкаў масавай бойні людзей.

У адрозненне ад нейтральнай ацэнкі амаль усіх пералічаных вышэй ФА з агульным значэннем 'перастаць жыць, ці памерці', акрамя толькі некалькіх жартоўных, выдзяляецца цэлая падгрупа ФА з тым жа значэннем, але адметных паводле выражэння ў іх негатывнай канатацыі. Гэта аднаструктурныя прастамоўныя ФА *адкідаць /адкідваць канькі, адкідваць капыты, адкідваць хвост, задзіраць капыты, задзіраць ногі*, да якіх далучаецца ФА з *капылоў* <далоў> з агульным для ўсіх значэннем 'памерці'.

У названых ФА грубасць і нетактоўныя адносіны ў выражэнні да таго, хто памёр, выяўляюцца дзякуючы ўжыванню кампанентаў-лексем *канькі, капыты* замест ног, а таксама кампанентаў *капыты і хвост*, як частак, што належаць жывёле і адпаведна асацыіруюцца з негатывам. ФА *адкідваць капыты, адкідваць хвост, задзіраць капыты* – вынік пераносу прыкметы знешняга выгляду мёртвай скаціны ці з жывёльнага свету на чалавека (заўважым, дарэчы, што гэтыя тры ФА ўжываюцца яшчэ і са значэннем 'здыхаць (пра скаціну)'. Дзеяслоўныя фразеалагічныя словазлучэнні пры іх прамым прачытанні даводзяць аб смерці як разуменні яе праз непатрэбнасць чалавеку ног-апоры (ФА з дзеясловам *адкідаць*, дзякуючы якому рэалізуецца сема 'адмаўляцца, быць непатрэбным') ці аб іх перамяшчэнні ў процілеглы бок (ФА з дзеясловам *задзіраць*, дзякуючы значэнню якога 'падняць угору' рэалізуецца сема 'ляжаць, падняўшы капыты-ногі ўверх').

Прастамоўная ФА *даваць дуба* 'паміраць' узнаўляе асацыятыўную сувязь паміж памерлым і дубам як адной з самых цвёрдых парод дрэва. Параўн. дзеясловы *дубянець* 'мерзлучы, страчваць рухомасць, адчувальнасць' і 'зацвердзяваць, карчанець (пра труп) [10, с. 207], *задубянець, задубець* 'зробіцца цвёрдым, нягнуткім, каляным', *задубяnelly, задубелы* 'які стаў цвёрдым, нягнуткім, каляным' [10, с. 310] ці, напрыклад, лексемы ў наступных кантэкстах з мастацкіх твораў І. Шамякіна: *Твар яго [наведвальніка] быў абветраны да задубення скуры...* ("Сэрца на далоні"); .. *як бы з задубелай скурай на твары* ("Шлюбная ноч"). ФА

даваць дуба визначає метафаричны вобраз ‘памерці – стаць цвёрдым, нерухомым, як дуб’.

2. Асобную семантычную мікрагрупу ў складзе фразеасемантычнага мікраполя ‘перастаць жыць, памерці’ складаюць ФА, якія даводзяць аб канцы жыцця чалавека, які мог бы яшчэ жыць, але да гэтага прычыніліся ці маюць месца пэўныя абставіны, што і прывялі да заканчэння жыцця, магчыма, і заўчаснага, – семантычная мікрагрупа ‘закончыць жыццё ў пэўных умовах’.

Гэта ФА, дэфініцыі якіх даводзяць аб смерці чалавека ва ўмовах бою, ваенных падзей (*злажыць свае косці* ‘загінуць у баі’, *класці /складаць галаву /галовы* ‘гінуць у баі, ахвяроўваць сабой’, *легчы касцьмі /касцямі* ‘загінуць у баі’), у пэўных побытавых умовах (*звярнуць <сабе> галаву /шыю, зламаць сабе галаву /шыю, скруціць <сабе> галаву /шыю, скруціць /зламаць <сабе> вязы* ‘скалечыцца, загінуць’; *накладаць галавой* ‘гінуць, прападаць’), пра што, як можна меркаваць, акцэнтуюць дзеясловы *скалечыцца* ці *прападаць* у іх дэфініцыях (хаця не адмаўляюцца і ваенныя ўмовы), альбо не даюць ніякіх каментарыяў, у якіх умовах загінуў чалавек (*загрымець касцямі* ‘загінуць’; *навярнуць галавой* ‘загінуць’).

Вобразная аснова пералічаных ФА выяўляе найбольш стэрэатыпнае ўяўленне аб канцы існавання чалавека на аснове перадачы метанімічнага пераносу часткі (галавы ці шыі альбо касцей) на цэлае (жыццё чалавека). А ў залежнасці ад умоў канчыны ФА даюць і адпаведную ацэнку пэўнаму канцу, што выяўляецца на ўзроўні найперш выбару ў кожным выпадку дзеяслоўных кампанентаў. Калі ў баі, то станоўчая ці нейтральная ацэнка, што адлюстроўваюць дзеяслоўныя кампаненты ФА *злажыць свае косці, класці /складаць галаву /галовы, легчы касцьмі /касцямі*. У дзвюх ФА яшчэ перададзена ўяўленне нашых продкаў аб неабходнасці захавання «цэласнасці» пакойніка, пра што сведчыць выкарыстаны кампанент *косці*, якія трэба «злажыць» для рэалізацыі гэтай «цэласнасці». А ў ФА *класці /складаць галаву /галовы* перададзена ўяўленне аб суаднесенасці чалавека і галавы як асноўнай часткі яго цела.

Калі ж чалавек гіне ў іншых умовах, то, як правіла, выразна выступае адмоўная ацэнка, якая перадаецца з дапамогай дзеяслоўных кампанентаў *звярнуць, зламаць, скруціць, навярнуць*, якія называюць і даюць негатывную характарыстыку дзеяння адносна галавы ці шыі, у выніку чаго наступае смерць.

Зусім іншы вобраз, але празрыстая матывацыя прадстаўлена ў ФА *легчы трупам* ‘загінуць. Часцей пры выкананні гатоўнасці рашуча адстойваць што-н.’, а ўсё разам, у тым ліку дэфініцыя ФА, вызначае, як правіла, станоўчую ацэнку і вызначае адпаведнае выкарыстанне.

Крыху асобна стаяць ФА *не знасіць галавы* ‘не мінуць пакарання, не ўцалець; загінуць’ і *перастала /перастане біцца сэрца* ‘што-н. памёр ці загінуў’. Першая сваім вобразам і ўнутраным складнікам вобразнай асновы служыць для абазначэння немінучай смерці шляхам страты галавы як заканамернасці пакарання смерцю таго, хто парушыў пэўныя правілы і законы жыцця ці, наадварот, выступіў супраць таго, хто гэта зрабіў. Вось чаму ў залежнасці ад абставін ФА можа мець то станоўчую, то адмоўную ацэнкі. А ФА *перастала /перастане біцца сэрца* выяўляе асэнсаванне чалавекам смерці на аснове самапазнання – спынення работы асноўнага органа кровазвароту – сэрца. ФА як нельга лепш выяўляе відавочную сувязь наіўнага і навуковага пазнання смерці, перадае высокае гучанне і мае адпаведнае выкарыстанне ў маўленчай практыцы.

3. Адметнымі бачацца ФА, у якіх канстатуецца надыход смерці чалавека ў выніку фізічнага ўздзеяння другой асобы – забойства, што і выдзяляе іх у асобную фразеасемантычную мікрагрупу ‘перастаць жыць у выніку забойства’.

У ФА гэтай мікрагрупы асноўную ролю адыгрываюць, па-першае, кампаненты-дзеясловы, што абазначаюць фізічнае ўздзеянне, накіраванае на каго-небудзь; па-другое, кампаненты-саматызмы, тыя найменні частак цела чалавека, якія ў складзе ўстойлівых адзінак у выніку метаніміі выступаюць сімваламі жыцця. А таму выканаць дзеянне, названае дзеясловам, у адносінах да органаў ці частак цела чалавека – гэта пазбавіць чалавека жыцця, прывесці яго да смерці. І тут выдзяляюцца такія кампаненты-саматызмы, як: 1) галава ці шыя (*адарваць галаву, адкруціць галаву, звярнуць галаву /шыю* ‘знішчыць каго-н.’, *знімаць /здымаць галаву* ‘забіваць, знішчаць каго-н.’, *паскручваць галовы* ‘знішчыць, забіць каго-н. (пра многіх, усіх)’, *скручваць шыю /галаву* ‘знішчаць, забіваць каго-н.’), 2) кішкі (*вымотваць кішкі* ‘даводзіць да смерці, забіваць каго-н. Звычайна як пагроза’, *выпусціць кішкі* ‘знішчыць, забіць ці зарэзаць каго-н.’), 3) жылы (*вымотваць жылы* ‘даводзіць да смерці, забіваць каго-н.’), 4) кроў (*заліць крывёю (-й)* ‘збіць, знішчыць ці параніць шмат людзей (у выніку тэрору, ваенных дзеянняў і пад.)’, *ліць /праліваць кроў* ‘забіваць, знішчаць каго-н. на вайне’). Так, кроў для носьбіта беларускага нацыянальнага вобраза свету прадстаўляецца як жыццёвая сіла, а таму заліць, ліць, праліць кроў – пазбавіць чалавека жыццёвай сілы.

Адметна выступае ФА *знайсці сабе магілу* ‘загінуць, быць забітым’, бо, па-першае, агенс ФА сам ішоў на смерць; па-другое, ФА ўжываецца з выражэннем шкадавання, спачування таму, у адносінах да каго адрасуецца ФА; па-трэцяе, у ёй канстатуецца метафара “закончыць жыццё, памерці – знайсці магілу”.

І яшчэ адну разнавіднасць у межах мікрагрупы ‘перастаць жыць у выніку забойства’ складаюць некалькі дзеяслоўных ФА з адметным вобразам і з супрацьлегласцю ўспрымання той ацэнкі, якую выклікаюць іх кампаненты. Так, дзеяслоўныя кампаненты *адпраўляць, гнаць, заганяць, зводзіць, зжываць, пасылаць, пускаць, уганяць* называюць спосаб знішчэння, пазбаўлення кім-небудзь жыцця другога чалавека і, зразумела, выклікаюць асуджэнне, нясуць адмоўную канатацыю. А кампаненты ФА, што называюць ці ўказваюць месца, дзе такім чынам забітыя апынуцца пасля гэтага (*той свет, царства нябеснае*), перадаюць устойлівую і замацаваную за імі станоўчую ацэнку. У выніку ФА ўказваюць на спосаб заканчэння жыцця – уздзеянне другога, але пры гэтым як бы яны “ўзнагароджаны”, бо пераходзяць у той свет, у царства нябеснае (*адпраўляць /пасылаць на той свет* ‘забіваць, знішчаць, даводзіць да смерці’, *заганяць на той свет* ‘даводзіць да смерці’, *пускаць на той свет* ‘забіваць, знішчаць, расстрэльваць’, *пускаць у царства нябеснае* ‘забіваць, знішчаць’), ці выражаюць шкадаванне ў сувязі з заканчэннем жыцця на гэтым свеце (*зводзіць са свету* ‘даводзіць да смерці, гібелі; знішчаць каго-н.’, *зжываць са свету* ‘ствараючы невыносныя ўмовы, даводзіць каго-н. да смерці; губіць, знішчыць’), а яшчэ на наяўнасць магілы, труны ці зямлі як месца захавання *гнаць /заганяць /уганяць у магілу /труну /зямлю* ‘даводзіць да смерці’, *зводзіць у магілу /дамавіну* ‘даводзіць да смерці, гібелі каго-н.’, *мяшаць з зямлёй* ‘забіваць, знішчаць’). Вось чаму ўсе пералічаныя ФА часцей за ўсё ўжываюцца ў маўленні аднаго чалавека ў знак шкадавання і спачування да другога, жыццё якога закончылася ў выніку фізічнага спосабу знішчэння, забойства кім-небудзь трэцім.

Да вышэй названых далучаецца яшчэ некалькі ФА, дзе выкананне фізічнага ўздзеяння кагосьці (дзеясловы *вымаць /даставаць, вытрасці, выпусціць*) накіравана на самае важнае, галоўнае, на сутнасць чалавека – яго душу і/ці дух: *вымаць /даставаць душу /духі* ‘даводзіць да смерці, знішчаць каго-н.’, *вытрасці душу* ‘знішчыць, забіць каго-н.’, *дух выпусціць* ‘забіць каго-н.’, што ў пэўнай ступені, але па-новаму звязана з вядомым уяўленнем заканчэння жыцця як аддзяленнем души ад цела, але ўжо насільна (*вымаць /даставаць, вытрасці*).

А вось прастамоўная ФА *адпраўляць у Магілёўскую губерню* ‘забіваць, знішчаць’ – гэта спецыфічная адзінка з «нерэальнага», але вобразная і зараз устарэлая адзінка беларускай мовы, якая ўтварылася пад уплывам і на ўзор ФА *адправіць на той свет*, а спалучэнне ў *Магілёўскую губерню* – вядомы каламбур.

У складзе семантычнай мікрагрупы ‘перастаць жыць у выніку забойства’ выдзяляюцца ФА, у аснове якіх метафарычна вобразна перададзены спосаб знішчэння каго-небудзь. Гэта з’есці, што азначае не пакінуць у наяўнасці (*жыўцом з’есці /праглынуць* ‘замучыць, загубіць нападамі, ганеннем’, *з’есці з трыбухамі /вантробамі* ‘замучыць, загубіць нападамі, ганеннем’), спаліць, ці пазбавіць жыцця чалавека агнём, пажарам (*пускаць свечкай да бога* ‘паліць, спальваць, знішчаць агнём’; *пускаць з дымам да бога* ‘паліць, спальваць, знішчаць агнём’), выканаць забойства з дапамогай рук (*накладваць рукі* ‘пазбаўляць жыцця, забіваць, знішчаць каго-н.’). ФА *пускаць свечкай да бога* выяўляе апеляцыю да вобраза Бога і вызначаецца сваёй адметнасцю, асабліва ў параўнанні з астатнімі ФА паводле супрацьлегласці паміж насільным спосабам смерці і канатацыйным аспектам значэння, паколькі ФА служыць для выражэння спачування, шкадавання да таго, хто загінуў з прычыны такой яго смерці.

У асобных ФА акцэнтуюцца ўвага на мэце, дзеля якой адбываецца забойства каго-небудзь: *пераступіць цераз труп* ‘загубіць каго-н. для дасягнення сваёй мэты’, *прыбіраць з дарогі* ‘знішчаць каго-н., хто перашкаджае ў дасягненні якой-н. мэты’. Вобразы ФА якраз і нясуць тую адмоўную ацэнку і выражаюць адмоўнае стаўленне да дасягнення кім-небудзь сваёй мэты такімі спосабамі, бо яны парушаюць правілы, законы ў адносінах да памерлых

А ФА *к ногю і пад ногаць /кіпец* ‘знішчыць, ліквідаваць, забіць’ фізічную расправу з чалавекам, яго знішчэнне перадаюць праз вобраз пазногця як сродку ажыццяўлення гэтага дзеяння па аналогіі з забіваннем насякомых, што вядзе да выражэння негатыўнага стаўлення, выказвання знявагі і пад.

Некалькі ФА, аб’яднаных агульнай семай ‘знішчыць, забіць каго-н.’, адрозніваюцца ад папярэдніх, бо яны могуць ужывацца яшчэ і пры пагрозе адной асобай другой (<i>зубоў не збярэш /назбіраеш ‘будзеш знішчаны, загінеш ці атрымаеш вельмі моцны ўдар’; <i>касцей не збярэ /збярэш ‘будзе знішчаны, загіне.’; *мокрае месца не застанецца /засталося* ‘хто-, што-н. будзе знішчаны’).

4. Асобную мікрагрупу ў складзе фразеасемантычнага мікраполя ‘перастаць жыць, памерці’ складаюць некалькі ФА, у якіх адлюстроўваецца адзін са спосабаў забойства каго-небудзь – расстрэл: *адпраўляць у штаб Духоніна, выводзіць /пускаць /спісваць у расход, ставіць да сценкі /сцяны* ‘расстрэльваць’, *пускаць кулю ў лоб* ‘забіваць каго-н. з агнястрэльнай зброі’, *пускаць да бога* ‘знішчаць, расстрэльваць’. Кожная з названых ФА характарызуецца сваім вобразам, з якіх дзве апошнія празрыста матываваныя, а дзве першыя абавязаны метафарычнаму пераасэнсаванню свабодных словазлучэнняў. У ФА *адпраўляць у штаб Духоніна* знайшла адбітак гістарычная падзея: 20 лістапада 1917 г. пасля заняцця Стаўкі ў Магілёве на вакзале генерал М. М. Духонін (1876–1917), які ўзначальваў у 1917 г. Вярхоўнае Галоўнакамандаванне рускай арміі, стаў адной з першых ахвяраў бальшавіцкага тэрору – быў расстраляны. А ФА *выводзіць /пускаць /спісваць у расход* абавязана сваім паходжаннем тэрміналагічнаму спалучэнню: бухгалтары гэтым састаўным тэрмінам абазначаюць выдаткі, тое, што расстрачана і ўжо адсутнічае.

5. І апошняю семантычную мікрагрупу складаюць ФА, якія аб’яднаны агульным значэннем ‘закончыць жыццё самазабойствам’: *накладаць на сябе рукі* ‘канчаць жыццё самагубствам’ і *пусціць сабе кулю ў лоб* ‘страляючы ў сябе, канчаць жыццё самагубствам’, празрыстая матывацыя якіх даводзіць спосаб самагубства.

Такім чынам, ФА, аб'яднання агульным значэннем 'перастаць жыць, памерці', прадстаўлены ў беларускай фразеалогіі колькасна і перадаюць ад пакалення да пакалення разнастайнасць ўяўленняў пра смерць. сродкамі фразеалогіі вызначаецца тое, што з'яўляецца найбольш важным. У фразеалагізмах адлюстраваны тыя ўяўленні і паняцці пра заканчэнне часу зямнога быцця чалавека як спосаб выражэння ацэнкі, перадачы адносін да кожнага віду смерці з улікам каштоўнаснага паказчыка, і ў выніку ФА выступаюць сродкам захавання гэтай інфармацыі як своеасаблівых наказаў і ўстановак для новых пакаленняў беларусаў.

Пры гэтым улічваецца, па-першае, надыход смерці чалавека як заканамерны працэс і пераход у іншы замагільны свет – рай ці пекла, на неба ці ў зямлю, як мяжу і канец зямнога жыцця, як завяршэнне ўвогуле існавання; па-другое, надыход смерці як вынік фізічнага ўздзеяння аднаго чалавека на другога ў разнастайнасці спосабаў іх здзяйснення. І калі адны ФА (семантычная мікрагрупы 'закончыць жыццё сваёй смерцю') зафіксавалі і захоўваюць найперш хрысціянска-рэлігійныя ўяўленні пра смерць (пераход у іншы свет, адыход душы ад цела, злучэнне цела з зямлёй, засынаць) ці адлюстроўваюць яе абазначэнне на аснове знешніх, назіральных сімптомаў ці характэрных адзнак пахавальнага рытуалу (складзеныя рукі, выцягнутыя ногі і інш.), а ў выніку гэтага сведчаць пра адсутнасць страху чалавека перад смерцю, то другія ФА (семантычныя мікрагрупы 'загінуць, быць забітым', 'перастаць жыць у выніку забойства', 'расстраляць', 'закончыць жыццё самазабойствам') канстатуюць разнастайнасць спосабаў знішчэння аднаго чалавека другога і даводзяць пра факты самагабства як канца жыцця.

Адзначаецца пэўная частка ФА, у якіх выяўляецца спалучанасць хрысціянска-рэлігійных уяўленняў пра смерць як заканамерны працэс праз найперш кампаненты *Бог, душа, дух* з фізічнымі спосабамі знішчэння (*адкруціць, вымаць, даставаць, вытрасці, выпусціць* і інш.), якія не стасуюцца з гэтымі паняццямі. Такое спалучэнне, з аднаго боку, характарызуе памяць, захаванне рэлігійных уяўленняў пра смерць і дазваляе выразіць станоўчыя адносіны, выразіць ацэнку (шкадаванне, перажыванне і пад.) канчыне чалавека, якая наступае ў выніку пэўных, але неспрыяльных умоў ці, што яшчэ горш, фізічнага ўздзеяння іншай асобы. З другога боку, такое аб'яднанне адлюстроўвае новыя «спосабы» надыходу смерці ў новых умовах. І ўсё гэта выяўляецца дзякуючы фразеалагічнаму значэнню, асаблівасць якога, паводле М. Ф. Алефірэнкі, «праяўляецца ў другасным узнёўленні моўнай карціны свету, якое ўзбагачаецца вопытам інтэлектуальна-эмацыянальнага асваення носьбітамі мовы адпаведнага «кусочка» рэальнасці» [1, с. 129]. Адметнасцю фразеалагічнага значэння з'яўляецца яго вобразнасць, таму што фразеалагізацыя звязана з працэсам метафарызацыі, пры якім адбываецца сумяшчэнне канцэптасфер розных паняццяў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. **Алефіренко Н. Ф.** Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия) : монография / Н. Ф. Алефіренко, Л. Г. Золотых. – Астрахань : Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 2000. – 220 с.
2. **Беларуская міфалогія:** Энцыклапедычны слоўнік / С. Санько [і інш.]; склад. І. Клімковіч. – 2-ое выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.
3. **Бирих А. К.** Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. – 926 с.
4. **Буракова М. У.** Анамастыка, тэрміналогія і фразеалогія : вучэб.-метад. дапам. / М. У. Буракова, В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2011. – 166 с.

5. **Коваль В. И.** Фразеология народной духовной культуры : состав, семантика, происхождение : монография / В. И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2011. – 196 с.
6. **Лепешаў І. Я.** Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭН, 2004. – 448 с.
7. **Лепешаў І. Я.** Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. – Т. 1. А–Л / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672; Т. 2. М–Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
8. **Мокиенко В. М.** Славянская фразеология : учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». – 2-е изд., испр. и доп. / В. М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1989. – 287 с.
9. **Тлумачальны слоўнік беларускай мовы** : у 5 т. – Т. 1. А–В. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. энцыклапедыі, 1977. – 608 с.
10. **Тлумачальны слоўнік беларускай мовы** : у 5 т. – Т. 2. Г–К / [Рэд. тома А. Я. Баханькоў]. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. энцыклапедыі, 1978. – 768 с.

Надійшла до редколегії 01.02.13

УДК 811.161.2'367.4

О. Г. Межов

Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки (м. Луцьк)

РОДОВИЙ ВІДМІНОК ЯК МОРФОЛОГІЧНИЙ ВАРІАНТ ЛОКАТИВНОЇ СИНТАКСЕМИ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Проведено системне дослідження локативних синтаксем сучасної української літературної мови у зв'язку із семантичними і валентними типами предикатів. Описано прийменниковий родовий відмінок як морфологічний засіб вираження категорії локатива в елементарних та неелементарних простих реченнях, його лексичне наповнення.

Ключові слова: локативна синтаксема, предикат, прийменник, відмінок, родовий відмінок.

Проведено системное исследование локативных синтаксем современного украинского литературного языка в связи с семантическими и валентными типами предикатов. Описан родительный падеж с предлогом как морфологическое средство выражения категории локатива в элементарных и неэлементарных простых предложениях, его лексическое наполнение.

Ключевые слова: локативная синтаксема, предикат, предлог, падеж, родительный падеж.

In the article system research of locativ syntaxem modern literary Ukrainian in connection with the semantic and valency types of predicates. Prepositional genitive case as morphological facilities of expression of category of locativ are described in the elementary and unelementary simple sentences, its lexical filling.

Keywords: locativ syntaxema, predicat, pretext, case, genitive.

До найважливіших завдань сучасної синтаксичної теорії належить виділення і функціональний аналіз семантичних категорій речення, які знаходять свій вияв у мінімальних семантико-синтаксичних одиницях – синтаксемах. Локативна семантика, як одна з найбільш поширених у реченнєвій структурі, реалізується в локативних синтаксемах, що виділяються на основі відповідних змістових відношень з предикатом речення. Для локативної синтаксеми характерні правобічна валентна позиція стосовно предиката, специфіка значеннєвих відтінків, найбагатша система засобів вираження. Вона разом із суб'єктом, предикатом та іншими субстанційними компонентами формує значну кількість семан-

тично елементарних речень української мови, тому без усебічного дослідження цієї мінімальної одиниці не можна глибоко пізнати природу речення як основної синтаксичної одиниці, а без цього неможлива побудова викінченої синтаксичної теорії.

У сучасній українській граматиці проблеми локативної мінімальної семантико-синтаксичної одиниці (локативної синтаксеми, категорії локативності) досліджували І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська, А. П. Загнітко, М. В. Мірченко, Т. Є. Масицька, М. І. Степаненко та ін., однак спеціальної праці, присвяченої аналізу родового приєменникового відмінка як морфологічного варіанта локативної синтаксеми, немає. *Метою* пропонованої статті є детальний опис приєменникового родового відмінка як засобу вираження локативної синтаксеми в елементарних та ускладнених простих реченнях сучасної української літературної мови. Заявлена мета зумовлює необхідність розв'язання таких *завдань*: з'ясування впливу семантичних і валентних типів предикатів на приєменниково-відмінкове варіювання категорії локативності та її лексичне наповнення; визначення ролі приєменників у семантичній диференціації родового локативного відмінка. Локативна синтаксема як мінімальна семантико-синтаксична одиниця має ряд диференційних ознак: субстанційність, периферійність, пасивність, правобічна позиція стосовно предиката в системі мови, валентний зв'язок з динамічними / статичними дієслівними предикатами. Вона переважно вживається при трьох розрядах локативних дієслів: власне-локативних, локативних дієсловах процесу і локативних дієсловах дії, які І. Р. Вихованець об'єднує в окремий семантичний тип локативних предикатів [4, с. 256–257]. Характерну рису таких предикатів становить наявність у їхній структурі локативного постфікса (у граматичній традиції – приєменника), який диференціює лексичні значення дієслів і викликає семантичну варіантність локативних субстанційних синтаксем. Цікаву інтерпретацію локативних елементів, традиційно виділюваних як приєменники, подав на матеріалі англійської мови американський лінгвіст У. Л. Чейф. Дослідник стверджує, що дієслова стану і нестану, внутрішньо не являючи собою локативних, можуть бути факультативно перетворені на локативне дієслово за допомогою додавання до дієслівних коренів дериваційної одиниці, названої локативізатором [10, с. 183–86].

Більш аргументоване, на наш погляд, трактування цих одиниць І. Р. Вихованцем, який поєднання дієслів локативного стану (місцеперебування), локативного процесу, локативної дії і так званого приєменника з просторовим значенням кваліфікує як локативний комплекс. У ньому виділяються автономніше з формально-синтаксичного боку локативне дієслово загального просторового значення і неавтономна у формально-синтаксичному плані, але містка з семантичного погляду аналітична синтаксична локативна морфема, яка диференціює загальну просторову семантику предиката [3, с. 104–108]. З таким локативним комплексом валентно сполучається локативна субстанційна синтаксема, семантичними різновидами якої виступають: 1) варіанти із значенням статичної локалізації; 2) варіанти з динамічним значенням напрямку руху (початкового і кінцевого пункту); 3) варіанти з динамічним значенням шляху руху. Вони зумовлені передусім відповідними типами предикатів.

Особливістю локативної синтаксеми порівняно з іншими субстанційними є те, що її морфологічними варіантами виступають приєменниково-відмінкові форми. Морфологічна, як і семантична, своєрідність локативних синтаксем зумовлена численною групою локативних приєменників, які поєднуються з відмінками для вираження статичного і динамічного просторового значення. У визначенні статусу приєменника сформувався три основні підходи. Перший, найбільш пошире-

ний у слов'янському мовознавстві, кваліфікує прийменник як службове слово, включаючи його до загального ряду частин мови [8, с. 332; 6, с. 14–15]. Другий підхід визначає прийменник як особливу морфему. Концепцію морфемної природи прийменника, яка використана і в нашому дослідженні, теоретично обґрунтував Є. Курилович [7, с. 66–67, 175–181], а поглибив, розбудував і послідовно застосував на матеріалі прийменникової системи сучасної української літературної мови І. Р. Вихованець [1, с. 5–24, 50–59; 2, с. 29–30]. Третій підхід розглядає прийменник як самостійне слово. Автором цієї концепції в українському мовознавстві є І. К. Кучеренко, який вважає прийменники прислівниками узагальненого значення [9, II, с. 13–152]. Проблема статусу прийменника тісно пов'язана з питанням про його семантику. Класифікація просторових прийменників ґрунтується на двох семантичних протиставленнях: 1) динамічність – статичність; 2) контактність – дистантність [5, с. 333].

Морфологічними варіантами субстанційних локативних синтаксем виступають місцевий, орудний, знахідний, родовий і давальний відмінки. У системі відмінків місцевий і орудний закріпилися здебільшого для вираження просторових орієнтирів-предметів статичної локалізації, а знахідний і давальний – для вираження просторових орієнтирів-предметів динамічної локалізації. Родовий відмінок, як найпродуктивніший морфологічний засіб вираження локативних мінімальних одиниць, займає проміжне місце, часто вживаючись на позначення як статичної, так і динамічної локативності: місця, вихідного і кінцевого пунктів руху, шляху руху. Власне-локативні дієслова і дієслова локативного процесу зумовлюють використання родового на позначення статичної локалізації, а локативні дієслова дії – вживання родового відмінка на позначення динамічної локалізації, пор.: *Біля містка внизу, на косі річки, розташувалися подорожні* (І. Ле); *Стояв біля вікна спиною до дверей* (Г. Тютюнник); *Тільки що доїжджав до воріт, аж сотник виїжджає з двору* (А. Чайковський).

Родовий прийменниковий у підсистемі засобів вираження значення початкового пункту руху виступає фактично єдиною формою. Прийменники передають основне значення – різну локалізацію вихідного пункту руху, а форма родового – специфічне значення спрямування (віддалення). Прийменники *від* (*од*), *з* (*із*, *зі*), *з-за*, *з-поза*, *з-над*, *з-понад*, *з-під*, *з-понад*, *з-перед*, *з-поперед*, *з-поміж* (*з-помежи*), *з-проміж*, *з-межи* (*з-між*), *з-посеред*, *з-позад* з родовим відмінком при дієсловах руху виражають **вихідний пункт руху**, у семантичну систему якого входять значення руху: 1) в напрямку від предмета: *До того ж коні стомилися – мчали від Переяслава, не переводячи духу ...* (В. Малик); 2) від крайньої точки предмета: *І в поля від батьківської хати в'ється слід маленької ноги* (М. Рильський); 3) зсередини предмета: *І козаки із хатів-куренив виходжали* (В. Сосюра); 4) з поверхні предмета: *З гори – видно Рудикові – сходить униз наймит* (Г. Косинка); 5) з місця за предметом: *Комендант устав, випхався з-за парти* (І. Ле); 6) з місця перед предметом: *Він мчав щодуху – і перехожі сипонули врозтіч з-поперед кінських копит* (В. Малик); 7) з місця над предметом: *Лише з-над хмар часом прилине Прощання з літом журавлине* (П. Тичина); 8) з місця під предметом: *З-під мосту виїхав назустріч вантажний автомобіль*; 9) з місця, оточеного рядом предметів: *Отроходін ... несподівано виштовхнувся наперед з-поміж сусідів* (В. Барка).

Родовий прийменниковий відмінок є також одним із засобів вираження семантичного компонента у функції **кінцевого пункту руху**, займаючи в цій підсистемі незначне місце. Форма родового відмінка у прийменниково-відмінкових конструкціях кінцевого пункту руху передає спрямування до предмета, вона є семантично навантаженою. Родовий прийменниковий виражає дистантний і контактний рух щодо кінцевого пункту, кожен з яких далі членований на ряд різновидів.

Дистантний кінцевий рух, який допомагають передати прийменники *до, в бік, в напрямку, в напрямі, в напрямку до, в напрямі до, наперед, назад*, має два різновиди: рух без вказівки на сторону предмета (рух з наближенням до предмета, загальний напрямок руху в бік предмета) і рух із вказівкою на певну сторону предмета (рух у простір перед предметом, рух у простір за предметом), напр.: *Він таки ... довів мандрівників до свинцевого родовища* (О. Донченко); *До нього підійшов дід Дунай* (М. Стельмах); *Франко простував убік вулиці Зиблікевича* (Р. Іваничук); *Здавалося, щось двигалося в напрямі до панського дому ...* (О. Кобилянська); *Наперед воїнства ... виїхали вершники на конях* (С. Скляренко); *Не одягаючись, пішов назад брами* (Василь Шевчук); *Вершники мчали назад полків* (Ю. Яновський). Контактний рух, який виражають прийменники *всередину, до, насеред, вглиб*, має ряд семантичних різновидів: рух всередину предмета, рух у центр предмета, межа руху, напр.: *Голова ставить прапор біля хвіртки і покачачому тупцює всередину хати* (В. Яворівський); *Народ так і поринув до хати* (Б. Лепкий); *За лічені секунди хлопець заплив насеред озера* (З газети); – *Всім перейти вглиб кімнати, до столу!* (І. Багрянний); *Доїхали на таксі до самого порту* (А. Дімаров).

Родовий прийменниковий входить у групу форм, що виражають **шлях руху**. Спеціалізованою формою для вираження цього значення виступає лише родовий із прийменником *мимо*, який позначає динамічну локалізацію близько просторового орієнтира: *Соколюки проїздили мимо сільради* (В. Земляк). Прийменники *вздовж, вдовж, вподовж, подовж, поздовж, повздовж* з родовим при дієсловах цілеспрямованого руху вказують на переміщення в напрямі довжини предмета: *Юра і Ваня зірвалися і побігли щодуху вдовж вулиці* (Ю. Смолич); *Одарка, мов якась примара, майнула поздовж шляху* (І. Ле). Родовий із прийменниками *поперек, впоперек (упоперек)* виражає переміщення в напрямку ширини предмета: *Підемо прямо поперек поля до Сули та понад нею ...* (В. Малик).

Родовий прийменниковий місця (**статичної локалізації**) при власнелокативних дієсловах *бути, перебувати, опинятися, розташовуватися* та локативних дієсловах процесу *сидіти, стояти, лежати, висіти* входить як семантично розгалужений важливий компонент у підсистему просторових засобів. Простежимо нейтралізацію значення відмінка, а змісто́ве релятивне навантаження у прийменниково-відмінковій формі припадає на прийменники, які виражають статичну локалізацію (місце) предмета в межах і поза межами просторового орієнтира. Частина прийменників можуть передавати дистантне розташування без вказівки на сторону предмета: близькість (*біля, коло, побіля, близько, близько від, поблизу (поблиз), недалеко, недалеко від, неподалік, неподалік від*): *В кінці червня 1651 року Хмельницький розташувався біля річки Пляшівки і чекав на хана* (Р. Іваничук); ... *неподалік Тульчина перебував славетний російський полководець О. В. Суворов* (І. Цюпа); віддаленість від просторового орієнтира (*оддалік, оддалік від(віддалік), поодаль, далеко від*): *Вкрита соломою, чепурна хатина стояла оддалік від центру містечка, в незабрукованім провулку* (М. Олійник); *Чоловік сидів собі віддалік від князівського двору* (П. Загребельний); проміжне розташування (*між (межи), поміж (помежи), проміж*): *Дорога лежить поміж високих трав* (Н. Рибак); *Сидів проміж нас подорожній* (Леся Українка); ... *проміж їх – голосний, могучий, лаючий голос* (О. Кобилянська).

Великою різноманітністю відзначені прийменники з родовим, які виражають дистантну локалізацію з вказівкою на конкретну сторону просторового орієнтира. З-поміж них треба виділити групи горизонтальної локалізації, вертикальної локалізації і локалізації по колу. Найбільш повно представлена прийменникова група горизонтальної локалізації, у рамках якої виділяємо передусім два різнови-

ди родового прийменникового, пов'язані з розрізненням місця перед передньою частиною предмета-орієнтира (*перед, попереду, поперед, спереду*) і його задньою частиною (*позад, позаду, ззаду*): **Перед мене щасливе море, море голів** (П. Тичина); **Попереду заgonу стояли колони** (Р. Іваничук); **Попереду полку командири і гармоністи** (О. Довженко); **Але ви десь позаду мене** (В. Дрозд); **Позад нього стояла Величка** (П. Загребельний).

Інші прийменники передають специфічні семантичні відтінки в межах значення горизонтальної локалізації: а) *проти, навпроти, напроти, супроти, наспроти, просто* – симетричне розташування предметів, спрямування один до одного їхніми передніми сторонами: **Навпроти графа Орлова ... стояли Тарас Шевченко та Пантелеймон Куліш** (Р. Іваничук); б) *поряд, поруч, обіч, побіч, збоку і збоку від* – розташування когось / чогось з бічної сторони і поблизу просторового орієнтира, напр.: **Збоку стола стоїть нерозпакована скриня з книжками** (В. Винниченко); в) *ліворуч, ліворуч від, праворуч і праворуч від* – уточнюють локалізацію з лівого або правого боку, а *обабіч, обіруч, обіруч від, пообіч* – з обох боків просторового орієнтира: **За вечерею парубок сидів ліворуч від Яся** (О. Іваненко); **Уже кілька днів ми працюємо в похмурому низькому лабіринті, розташованому праворуч від вхідного коридору** (З газети); **Обабіч шляху трупи убитих німців** (І. Ле); г) *край і кінець* – розміщення на близькій відстані від кінцевої частини або самого краю предмета: **З гнітливими думками стояла Єлька край шляху під шатром нічного дерева** (О. Гончар); **Кінець столу сидів Михайло** (А. Головка); г) *осторонь і осторонь від* – локалізацію у просторі на незначній віддалі від просторового орієнтира (без вказівки на його сторону): **Чоловік стояв осторонь від усіх, заглибившись у свої невеселі думки** (В. Малик).

Прийменники *вище, повище, нижче, пониже* з родовим виражають різні параметри вертикальної локалізації відносно просторового орієнтира. Прийменники *вище, повище* позначають місце над просторовим орієнтиром: **І от на висоті Ай-Петрі Ми опинились – вище хмар** (М. Рильський); **Снігу було повище колін** (А. Чайковський). Прийменники *нижче, пониже* вказують на розташування чогось під просторовим орієнтиром: **За кілька метрів нижче дядька стояла струнка мальована дівчина...** (В. Нестайко); **Станула геть аж вже пониже «Білого каменя»...** (О. Кобилянська). Основними засобами вираження розміщення по колу є прийменники *навколо, довкола*, роль їхніх стильових еквівалентів (у жанрах художньої літератури та в усному мовленні) виконують прийменники *навкруг (навкруги), довкруг (довкруги), круг, округ (округи), кругом*, напр.: **Збиралися статеchno, як лелеки, навколо нього тихі мужики** (Д. Павличко); **Зацікавлені люди були довкола хати Галини Ткачук** (З газети); **А наше – все круг нас** (М. Рильський).

Сполуки родового з прийменниками *всередині, серед, посеред, посередині, поверх, вверх, вверху, в(у)* передають контактне розташування з двома його різновидами – внутрішнє розташування і розташування на поверхні предмета. Прийменник *всередині* окреслює внутрішні межі просторового орієнтира значно чіткіше, ніж еквівалентний йому прийменник *в(у)* з місцевим відмінком, пор.: **Всередині редути стояла хата сотника з приліпленням до неї куренем** (А. Чайковський). На відміну від форми *всередині + родовий відмінок*, що позначає нецентральну внутрішню локалізацію, прийменники *серед, посеред і посередині* з родовим відмінком стосуються центральної внутрішньої локалізації: **Він стояв серед вулиці, біля клумачка ...** (В. Земляк); **Уляна стояла посеред класу** (О. Довженко); **Посередині парку стояв пам'ятник видатному письменнику** (З газети). Прийменники *поверх, зверху, зверх* з родовим відмінком позначають локалізацію на поверхні предмета: **... рука лежала поверх ковдри** (Ю. Яновський); **Вони були в палаті зверху терема** (С. Скляренко).

У рамках горизонтальної і вертикальної локалізації наявні форми *вздвж*, *здвж*, *вподвж*, *впродвж*, *подвж*, *повздвж*, *поздвж* з родовим, що вказують на місце чогось у напрямку довжини в межах такого просторового орієнтира або при тій його стороні, які характеризуються протяжністю, і можуть виражати, отже, як контактне, так і дистантне розташування: *Уздвж того водного шляху ... завис Вавилон* (В. Земляк); *Здвж куреня стояв довгий стіл, а по обох боках – лави* (А. Чайковський); *На них [буксирах] уздвж бортів мішки з піском, кулемети й хоробра команда* (Ю. Яновський). Виразно протиставлені зазначеним прийменниково-відмінковим формам прийменники *поперек* і *впоперек*, характерну особливість яких становить контактна локалізація в межах просторового орієнтира, але в напрямку його ширини: *А Фріц лежить поперек ліжка* (В. Винниченко); *... тоді дмухнула на лампу й тихо лягла впоперек полу* (А. Головка); *... поперек протоптаной в снігу стежини лежав горілиць ... дід Живосил* (В. Малик).

Отже, локативні синтаксеми входять у валентну рамку локативних дієслів. Залежно від типу предикатів (власне-локативних стану, процесуально-локативних, акціонально-локативних) в елементарних простих реченнях функціонують субстанціальні локативні статичні синтаксеми і локативні динамічні синтаксеми в родовому прийменниковому відмінку. На семантичну диференціацію родового локатива впливають також прийменники. У пропонованій статті зосереджено увагу лише на одному із засобів вираження категорії локативності. Подальші наукові розвідки в цьому плані передбачають ґрунтовний опис усієї сукупності морфологічних і позиційних варіантів локативної синтаксеми, що дасть змогу здійснити системний функціональний аналіз цієї мінімальної синтаксичної одиниці.

Бібліографічні посилання

1. **Вихованець І. Р.** Прийменникова система української мови : монографія / І. Р. Вихованець. – К. : Наук. думка, 1980. – 286 с.
2. **Вихованець І. Р.** Частина мови в семантико-граматичному аспекті : монографія / І. Р. Вихованець. – К. : Наук. думка, 1988. – 256 с.
3. **Вихованець І. Р.** Нариси з функціонального синтаксису української мови : монографія / І. Р. Вихованець. – К. : Наук. думка, 1992. – 222 с.
4. **Вихованець І. Р.** Граматика української мови. Синтаксис : підручник / І. Р. Вихованець. – К. : Либідь, 1993. – 368 с.
5. **Вихованець І. Р.** Теоретична морфологія української мови : академ. граматики укр. мови / І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська ; за ред. І. Р. Вихованця. – К. : Унів. вид-во «Пульсари», 2004. – 400 с.
6. **Колодяжний А. С.** Прийменник : матеріали до лекцій з курсу сучасної української літературної мови / А. С. Колодяжний. – Х. : Вид-во Харк. ун-ту, 1960. – 165 с.
7. **Курилович Е.** Очерки по лингвистике : сб. статей / Е. Курилович. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 456 с.
8. **Курс сучасної української літературної мови** : у 2 т. / за ред. Л. А. Булаховського. – К. : Рад. школа, 1951. – Т. 2 : Синтаксис. – 408 с.
9. **Кучеренко І. К.** Теоретичні питання граматики української мови. Морфологія: в 2 ч. / І. К. Кучеренко. – К. : Вид-во Київ. ун-ту, 1961–1964. – Ч.1. – 1961. – 172 с.; Ч. 2. – 1964. – 159 с.
10. **Чейф У. Л.** Значение и структура языка : монография / У. Л. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 482 с.

Надійшла до редколегії 16.01.13

И. И. Меньшиков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СИЛЬНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ И СФЕРА ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ

Запропоновано більш широке у порівнянні з традиційним тлумачення сильного синтаксичного зв'язку як зв'язку, що вимагається конструктивно, уточнено деякі його метаязикові аспекти, а також характер і сфера реалізації. Показано, що сильним може бути не тільки будь-який із підрядних синтаксичних зв'язків, а й сурядний зв'язок, і зв'язок предикативний.

Ключові слова: синтаксичний зв'язок, сильний зв'язок, сильна підрядність, сильна сурядність, предикативний зв'язок.

Предложено более широкое по сравнению с традиционным толкование сильной синтаксической связи как связи, затребованной конструктивно, уточнены некоторые её метаязыковые аспекты, а также характер и сфера реализации. Показано, что сильной может быть не только любая из подчинительных синтаксических связей, но и сочинительная связь, и связь предикативная.

Ключевые слова: синтаксическая связь, сильная связь, сильное подчинение, сильное сочинение, предикативная связь.

More wide explanation of the strong syntactic connection as a connection, which is constructively demanded, in comparison with the traditional one is supposed, some its metalanguage aspects, its character and sphere of realization are identified. It is shown, that not only any of subordinate syntactic connections can be the strong one, but also coordinative and predicative connections.

Keywords: syntactic connection, strong connection, strong subordination, strong coordination, predicative connection.

Речевые цепи, реально функционирующие в любом языке, представляют собой, как правило, определённую последовательность так или иначе, т. е. формально и /или по смыслу, связанных между собой слов и конструкций, включая какие-то их аналоги, а самой значимой лингвистически является при этом, конечно же, синтаксическая связь, определяемая как семантико-грамматическое отношение между компонентами некоторой речевой цепи, позволяющее лингвистически осмыслить эту цепь и квалифицировать её в качестве той или иной синтаксической единицы [8, с. 207]. Синтаксические связи чрезвычайно разнообразны как в смысле средств и способов вербальной маркировки репрезентируемых ими отношений, так и в смысле степени необходимости такой маркировки при установке на прагматику коммуникации, когда, по сути дела, и может актуализироваться противопоставление необходимости и допустимости определённых речевых комбинаций, а отсюда и противопоставление сильной и слабой синтаксической связи.

В метаязыке современного синтаксиса понятие сильной и слабой связи соотносится, как правило, только с подчинением и с такими детерминантами подчинительной связи, как абсолютивная и неабсолютивная [4, с. 487], предсказующая и непредсказующая, обязательная и необязательная [13, с. 378–380; 16, с. 452], обязательная и факультативная [3, с. 54] и т. п., однако только один из этих детерминантов: **обязательная** – может, на наш взгляд, характеризовать то, что обычно понимается под собственно сильной связью, хотя и этот параметр подчинительной связи вместе с его антиподом – **необязательной** – свободно, по В. А. Белошапковой, сочетается, как минимум, с признаком предсказуемости, а

сама связь в целом ряде синтаксических конструкций может оказаться и предсказующей обязательной, и предсказующей необязательной, и непредсказующей обязательной, и непредсказующей необязательной [13, с. 395]. При этом все приведенные комбинации рассматриваются опять же как разновидности только подчинительной связи [11, с. 10; 13, с. 378–380], а именно управления [3; 9; 14; 15 и др.] или, вслед за А. М. Пешковским [7, с. 285, 338], несколько шире – управления и примыкания [1; 6; 10; 12 и др.]. Указаны на этот счёт и некоторые соображения относительно конструкций с обязательным согласованным определением, таких, в частности, как *девушка с голубыми глазами* или *сидеть с закрытыми глазами*, конструкций, в которых характер связи не вызывается синтаксическими свойствами определяемого существительного, а обусловлен, как считает В. А. Белошапкина, лексическими или даже экстралингвистическими причинами [13, с. 380].

Не вникая слишком глубоко в теорию вопроса, в том числе и в различные толкования понятия валентности как способности слова вступать в синтаксические связи с другими элементами речи [5, с. 79–80; 14, с. 93–94], отметим только, что общий формальный признак сильной подчинительной связи заключается в том, что некий компонент речевой цепи по нормам грамматики данного языка не может функционировать в этой цепи без какого-нибудь его распространителя, без зависимого от него слова или подчиняющейся ему конструкции: *Он интересуется готикой; Он был верен своей клятве; Он сказал, что скоро вернётся* и т. п., – тогда как при слабой связи наличие такого распространителя необязательно, а если он и есть, то его характер ничем жёстко не регламентирован. Например: *Он проснулся (внезапно, на крыше, в семь утра, не желая этого...); Он был болен (очень, гриппом, целый месяц, с третьего марта...); Он встал (чтобы уйти; когда открылась дверь; потому что не мог иначе...)*. В первых трёх примерах связь сильная, поскольку с незамещённой позицией дополнения предикативные основы этих предложений как самостоятельные синтаксические единицы существовать не могут и, соответственно, ни в одном из них занимающие указанную позицию слова опущены быть не могут. В трёх последующих – слабая связь, не требующая обязательного дополнения сказуемого чем-либо, в частности, из того, что указано в скобках.

Есть в лингвистике и несколько иная постановка вопроса о сильной связи. Так, характеризуя и описывая различные виды подчинительной синтаксической связи, некоторые лингвисты, и в частности Ю. И. Беляев [2, с. 25], И. Р. Выхованец [16, с. 452] и К. Ф. Шульжук [17, с. 24], в качестве одного из её дифференциальных признаков декларируют **силу связи** и соотносят этот признак опять же с предсказующей и обязательной подчинительной связями без, естественно, их отождествления. Сила связи при этом может быть разной в зависимости от конкретных условий коммуникации и её лингвистического сопровождения. Идея, на наш взгляд, вполне перспективная, но требующая доработки в том, во всяком случае, её аспекте, который касается определённых, желательно заранее заданных параметров такой силы, подобных, скажем, тем, которые задаются при определении синтаксической зависимости как зависимости двусторонней (предикативная связь), односторонней (подчинительная связь) и отсутствующей (сочинительная связь) [16, с. 549]. Без содержательной конкретизации параметров силы связи какими-то рамками и частными её свойствами, позволяющими выделить определённые её типы, сам этот термин дифференциальным признаком ни подчинения, ни какой-либо иной связи быть не может даже и с оговоркой, что сила связи в тех или иных синтаксических фигурах может быть большей или меньшей [2, с. 28–29]. Сила связи и сильная связь – явления разного плана, непосредственно не вступающие на уровне метаязыка в родовидовые отношения, во всяком случае

без маркировки тем или иным термином уровня градации того, что квалифицируется в качестве силы связи. Собственно сильная связь как связь необходимая, обязательная либо есть, либо её нет, и когда она имеет место между компонентами какой-то речевой цепи, то не может быть меньшей или большей, если к тому же – и это принципиально – не ограничивать понятие сильной связи рамками связи подчинительной, а тем более только рамками управления и примыкания. Сфера реализации сильной синтаксической связи гораздо шире подчинительных отношений, шире той или иной формы гипотаксиса.

В качестве обязательного синтаксического партнёра некоторого компонента той или иной речевой цепи могут в реальной устной и письменной речи функционировать не только какие-то его распространители, синтаксически подчиняющиеся ему слова и конструкции, но и такие фрагменты этой цепи, которые не вступают с ним в иерархические отношения. И если в качестве базового дифференциального признака сильной синтаксической связи принять её **обязательность** не только при подчинении, но и при любом ином типе синтаксических отношений между словами, при которых один из компонентов того или иного речевого образования не может функционировать без какого-то иного компонента, являющегося в соответствующей конструкции его синтаксическим партнёром, то в качестве сильной синтаксической связи, наряду с определёнными видами подчинительных отношений, в том числе и согласования (ср.: *Сегодня плохая погода; Именно таким образом можно всё уладить; Он изучает английский язык; Его не перевели на второй курс* и т. п.), следует квалифицировать и целый ряд иных семантико-грамматических отношений: в первую очередь, конечно же, предикативную связь, а также целый ряд конструктивных синтаксических образований при сочинительной связи, не говоря уже, например, о синтаксической юкстапозиции и о различного типа связях нестандартных, связях внесистемных [8, с. 247–286].

Предикативная связь, как связь между подлежащим и сказуемым [5, с. 379–380, 454–455], является сильной уже по определению соответствующих компонентов предикативного ядра основной коммуникативной единицы: подлежащего – как главного члена двусоставного предложения, признак которого определяется в сказуемом [5, с. 231], и сказуемого – как главного члена двусоставного предложения, обозначающего признак предмета, названного подлежащим [5, с. 318]. Аналогичные толкования подлежащего и сказуемого, а соответственно и отношений между ними, приведены в энциклопедии «Русский язык» [10, с. 212, 293], в энциклопедии «Украинский язык» [16, с. 446, 493] и в целом ряде других изданий как справочного, так и учебного характера. Да и в практике общения, если, разумеется, не говорить об эллиптированных конструкциях (а это особая проблема), коммуникативно не будут значимыми ни сам по себе состав подлежащего, например *Мой друг* или, скажем, *Декан филологического факультета*, ни состав сказуемого – *живёт в Киеве* или *вчера вернулся из командировки*.

С сочинительной связью дело обстоит несколько сложнее, и обязательное наличие у некоторого компонента речевой цепи синтаксического партнёра, связанного с ним собственно сочинительными или соподчинительными отношениями, может быть обусловлено разными причинами: типом самой сочинительной связи, скажем, её открытостью или закрытостью, аналитическим или синтетическим способом маркировки этой связи, характером функционирующих в соответствующих конструкциях союзов и целым рядом других факторов. И вот сразу же несколько примеров.

1. *На столе лежали, какие-то книги, разные журналы, вчерашние газеты.*
2. *На столе лежали красные, синие, зеленые, чёрные карандаши.*
3. *На столе лежали не только сегодняшние, но и вчерашние газеты.*

4. *Это касается как студентов, так и преподавателей.*

5. *Купи мне, пожалуйста, для пирога либо яблок, либо яблочного повидла.*

6. *У него не было с собой ни бумаги, ни карандаша, ни обыкновенной шариковой ручки.*

7. *Часами наградили директора школы, коробкой конфет завуча, грамотой учителя химии.*

8. *Директора школы наградить часами, завуча коробкой конфет, учителя химии грамотой.*

В первом предложении все сочинительные связи между однородными подлежащими слабые. Любой компонент соответствующего открытого сочинительного ряда может быть удалён из этого предложения, а само оно, как самостоятельная синтаксическая единица, при любой редукции этого ряда (*На столе лежали письма; На столе лежали какие-то книги; На столе лежали разные журналы; На столе лежали вчерашние газеты*) не будет разрушено. Во втором примере по тем же показателям мы имеем слабое соподчинение.

В третьем и четвёртом примерах сочинительная связь уже сильная, поскольку соответствующие однородные члены предложения связаны между собой парными союзами, что автоматически указывает на наличие у первого из них, как минимум, одного синтаксического партнёра, который, как и он сам, не может быть удалён из данной коммуникативной единицы без её разрушения. Не будут в полной мере коммуникативно значимыми ни конструкции *На столе лежали не только сегодняшние газеты* и *Это касается как студентов*, ни тем более конструкции *На столе лежали но и вчерашние газеты* и *Это касается так и преподавателей*.

Следующие два примера иллюстрируют ситуацию, при которой сочинительная связь становится сильной по, условно говоря, требованию формирующих её союзов, характер которых обязательно предполагает тот или иной способ перечисления, когда обозначение первого компонента предполагает наличие второго и последующих, а фразы типа *Купи мне, пожалуйста, для пирога либо яблок* или *У него не было с собой ни бумаги* оказываются лингвистически несостоятельными. Однако сильная сочинительная связь в такого рода конструкциях формально реализуется только между первым и каким-то одним, обычно вторым, компонентом перечислительного ряда, поскольку все последующие в принципе могут быть опущены. Предложения *У него не было с собой ни бумаги, ни карандаша* и *У него не было с собой ни бумаги, ни обыкновенной шариковой ручки* вполне нормативны, в них к тому же сохранены и перечислительные отношения.

Очень интересную, на наш взгляд, синтаксическую фигуру иллюстрируют в рассматриваемом нами плане последние два предложения, в которых в общем-то речь идёт об одном и том же с различным, правда, актуальным членением соответствующих высказываний.

Сочинительную связь в седьмом и восьмом предложениях можно, по всей вероятности, усмотреть только между дистанцированными в этих предложениях словами группы *часами, коробкой, грамотой* и группы *директора, завуча, учителя*. Специальных средств маркировки обязательного перечисления в этих группах нет, нет, казалось бы, и оснований говорить здесь о сильной сочинительной связи, и в частности о сильном соподчинении, поскольку вполне допустимы и абсолютно нормативны редуцированные модификации этих предложения: *Часами наградили директора школы* и *Директора школы наградили часами*. И тем не менее в заданном их представлении выделено даже по два слова, которые в соответствующих фразах не могут быть опущены. Более того, таких слов может быть и больше: *Часами наградили директора школы, коробкой конфет завуча, грамотой учителя химии, путёвкой в санаторий учителя биологии, неделей отгула математика...*

Получается, таким образом, что каждому слову первой группы как своего рода антецеденту обязательно сопутствует какое-то слово из второй группы и расширение одной группы необходимо влечёт за собой включение в предложение новых слов, находящихся между собой в соподчинительных отношениях и маркированных морфологически. Аналогичные синтаксические фигуры могут актуализироваться и при определённых комбинациях частей сложного предложения усложнённого типа. Например: *Если наш клиент знаком с этим человеком, он наверняка подойдёт и поздоровается с ним, если клиент его не знает, он не встанет со своего места.* Выделенный фрагмент приведенной конструкции, находящийся в сочинительных отношениях со второй частью приведенного сложного предложения (ср. очевидное: *Наш клиент наверняка подойдет и поздоровается с этим человеком, если он знаком с ним, и / но / или / клиент не встанет со своего места, если этого человека он не знает*), опустить нельзя. Связь здесь, безусловно, сочинительная и, безусловно, если руководствоваться критерием обязательного наличия у некоторого фрагмента речевой цепи его синтаксического партнёра, сильная.

Итак, сильная синтаксическая связь – это не какая-то экзотика, не разновидность той или иной подчинительной связи, а явление нормативное, сопутствующее в определённых условиях коммуникации всем основным типам семантико-грамматических отношений между словами: подчинительным, сочинительным и предикативным, – и даже единственно возможное как связь между компонентами ядра предикативной основы двусоставного предложения. И думается в связи с этим, что противопоставление в метаязыке синтаксиса сильной и слабой синтаксической связи должно быть первой дихотомией соответствующей категории, причём независимо от её конкретизации, от того, какие виды и разновидности синтаксических отношений канонизируются в лингвистике той или иной терминосистемой.

Библиографические ссылки

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
2. Беляев Ю. И. Синтаксис современного русского литературного языка / Ю. С. Беляев. – Херсон : Изд-во Херсон. гос. ун-та, 2003. – 496 с.
3. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – М. : Высш. шк., 1973. – 424 с.
4. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1970. – 768 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 686 с.
6. Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 416 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 512 с.
8. Попова І. С. Фундаментальні категорії українського синтаксису (одиниця, зв'язок, модель) / І. С. Попова. – Д. : ДНУ, 2009. – 432 с.
9. Русская грамматика : в 2-х т. – М. : Наука, 1980. – Т. 2 : Синтаксис. – 710 с.
10. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ф. П. Филина. – М. : Сов. энцикл., 1979. – 432 с.
11. Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка / О. Б. Сиротинина. – М. : Высш. шк., 1980. – 141 с.
12. Современный русский литературный язык / под ред. П. А. Леканта. – М. : Высш. шк., 1988. – 416 с.
13. Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. – М. : Высш. шк., 1981. – 560 с.

14. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 811 с.
15. Сучасна українська літературна мова / за ред. М. Я. Плющ. – К. : Вища шк., 2006. – 432 с.
16. Українська мова. Енциклопедія / за ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка. – К. : Укр. енцикл., 2000. – 752 с.
17. Шульжук К. Ф. Синтаксис української мови / К. Ф. Шульжук. – К. : ВЦ «Академія». 2004. – 408 с.

Надійшла до редколегії 04.02.13

УДК 811.161.1'373.45

И. Н. Мозовая

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКЕ РЕКЛАМЫ

Розглянуто теоретичні проблеми, які пов'язані з осмисленням процесів запозичення у російській мові, визначенням їх причин, класифікацією типів мовних елементів, що запозичуються. Окреслено деякі дискусійні питання, що стосуються становлення метамови теорії запозичення. Теоретичні положення проілюстровано матеріалами сучасної комерційної реклами.

Ключові слова: запозичення, типи запозичень, метамова теорії запозичень, інішомовні слова в контексті комерційної реклами.

Рассмотрены теоретические проблемы, связанные с осмыслением процессов заимствования в русском языке, определением их причин, классификацией типов заимствуемых языковых элементов. Очерчены некоторые дискуссионные вопросы, относящиеся к становлению метаязыка теории заимствований. Теоретические положения проиллюстрированы материалами современной коммерческой рекламы.

Ключевые слова: заимствование, типы заимствований, метаязык теории заимствований, иноязычные слова в контексте коммерческой рекламы.

Theoretical problems, connected with comprehension of adoption process in the Russian language, understanding its causes, classifying types of loan-elements were researched. Some issues dealing with the metalanguage of adoption theory were outlined. Theoretical footing is illustrated by examples from modern commercials.

Keywords: loan-word, types of loan-elements, metalanguage of adoption theory, loan-words within the context of modern commercials.

Заимствование иноязычной единицы – сложный многосторонний процесс, в котором выделяется несколько аспектов. Л. П. Крысин обозначает следующие актуальные вопросы в исследовании заимствования: какое явление считать заимствованием; причины заимствования; виды или типы мигрирующих элементов; виды или типы иноязычных слов как наиболее часто и регулярно заимствуемых языковых единиц; освоение слова в заимствующем языке и разные стороны этого заимствования; признаки освоения иноязычного слова, позволяющие считать его заимствованным [7, с. 10].

В настоящей статье предпринята попытка систематизировать существующие подходы к пониманию заимствования, использованию наиболее употребительных терминов, обозначающих разные типы заимствованной лексики, и разработать более или менее надежные критерии для отграничения применяемых но-

минаций. В качестве иллюстративного материала привлечены контексты, репрезентирующие язык современной коммерческой рекламы, размещенной на страницах так называемых «глянцевых» журналов.

Из всех перечисленных выше проблем наиболее важными для данного исследования являются вопросы о том, что считать заимствованием, и о терминологическом аппарате, обозначающем это явление. В научной литературе термин *заимствование* используется для обозначения процесса и результата этого процесса. Двувидовая природа глагола *заимствовать*, на которую накладывается фактор индивидуального и общего в языке, определяет различное употребление термина «заимствование»: 1) факт имплантации, т. е. собственно попадания иноязычной единицы в язык как на индивидуальном, так и на общезыковом уровне: «Каждое заимствование, по-видимому, делается сначала каким-то одним человеком, а затем принимается и повторяется многими другими, и, возможно, весь процесс повторяется снова и снова» [19, с. 344–345]; 2) процесс адаптации или усвоения в языке; 3) результат процесса усвоения; 4) комплекс всех стадий: «Заимствование является процессом, во время которого происходит постепенное продвижение от разовых, окказиональных использований данного заимствования, по пути его постепенного освоения средствами языковой системы и, в конце концов, включения его как полноправного элемента в систему языка-рецептора с присвоением характеристик, свойственных исконным единицам соответствующих классов» [2, с. 60].

Языковые заимствования – явление многогранное, так как язык состоит из отдельных ярусов. В связи с этим родовое понятие «заимствование» включает в себя заимствование морфемы, лексическое заимствование, семантическое заимствование, синтаксическое заимствование. Все виды заимствования находятся в иерархической взаимосвязи, и лексическое заимствование является первой ступенью иноязычного влияния [7, с. 19]. Фонологические, морфологические, синтаксические заимствования невозможны без заимствования лексического, без накопления в языке иноязычных слов с одинаковыми характеристиками. «Слова заимствуются всегда целиком, отдельные словообразовательные суффиксы и окончания никогда не заимствуются. Однако при заимствовании большого пласта слов, содержащих один и тот же суффикс, эти слова, точно так же, как и слова родного языка с одинаковым суффиксом, могут образовать группу, которая со временем может стать продуктивной» [13, с. 469]. Учитывая, что каждый отдельно взятый язык – это самостоятельный организм, действующий по своим законам, не нуждающийся в заимствовании фонетической системы, грамматического строя из другого языка, обычно рассматривается процесс перемещения слов из одного языка в другой (лексическое заимствование).

Термином *заимствование* обозначается как процесс перехода единиц из одного языка в другой, так и заимствованные слова (в принципе, единицы языка любого уровня). Вопрос о терминологическом разграничении понятий «заимствование» и «заимствованное слово» (см. об этом: [7, с. 18]) до сих пор остается нерешенным. Разнобой существует и в наименовании неисконных слов: *иноязычная лексика, заимствованная лексика, иноязычные слова, заимствованные слова, иноязычные заимствования*, – при этом в каждый из терминов нередко вкладывается различный смысл. В частности, Л. П. Крысин относит к термину *заимствование* все слова, которые перешли из какого-либо языка, то есть ставит знак равенства между терминами *заимствование* и *иноязычное слово* [8; 7]. Другие же ученые предпочитают разграничивать эти понятия, исходя из того, что «заимствования полностью подвергаются изменениям в системе принимающего языка, в то время как иноязычная лексика сохраняет признаки своего иноязычного происхождения» [5, с. 8]. В связи с таким подходом существует узкое понимание заимствования

как иноязычного слова, отвечающего критериям освоенности. Так, Ю. С. Сорокин и В. М. Аристова отмечают, что заимствованными словами принято считать те слова, которые в достаточной степени освоены заимствующим языком [15; 1].

В то же время некоторые ученые предлагают опосредованное решение, к которому присоединяемся и мы: когда терминологически или логически важно разграничить процесс и единицу языка, логичнее использовать словосочетания *процесс заимствования* и *заимствованные слова*, *заимствованная лексика* (также конкретные наименования, например, *иноязычное слово*, *варваризм*, *экзотизм* и т. д.) [12, с. 67; 11].

В отличие от полностью освоенных заимствований, в кругу заимствованной лексики выделяются слова, которые сохраняют следы своего иноязычного происхождения в виде звуковых, орфографических, грамматических и семантических особенностей, чуждых исконным словам. Такие слова вслед за многими исследователями мы называем иностранными, или иноязычными. Отметим, что полностью освоенные заимствования вполне органично сосуществуют рядом с новыми в текстах русскоязычной рекламы, например: «*III Ежегодная конференция «Управление персоналом в Сибири 2005: Корпоративная культура и мотивация» ... Конференция адресована: топ-менеджерам, руководителям структурных подразделений, специалистам и консультантам в области управления персоналом...*» (СФ, № 40/2005, с. 54); «*Хочешь ориентироваться в модных молодежных брендах? Обрати внимание на Broadway. Это немецкая марка, которая выпускает актуальную casual-одежду. ... Коллекции обновляются каждый сезон: дизайнеры марки, разрабатывая ту или иную линию, учитывают все международные тенденции фэшн-индустрии, при этом создают индивидуальный стиль марки...*» (Cosmo, 08/2006, с. 16) (подчеркиванием выделены освоенные, полужирным – новые заимствования. – И. М.).

Заимствованная лексика появляется в языке-реципиенте по разным причинам. Лингвисты представляют как внутри-, так и внеязыковые факторы, влияющие на вхождение иностранного слова в язык. Комплексное рассмотрение причин лексического заимствования представлено в работах Л. П. Крысина, Г. И. Миськевич и Л. К. Чельцовой, В. И. Зарецкой, Т. В. Новиковой и многих других. Обобщенно эти причины можно представить в виде следующего перечня:

– потребность в наименовании (новой вещи, нового явления и т. п.): *блейзер*, *чипсы*, *гамбургер*; например, наименование новой разновидности мобильных телефонов: «*Мобильная почта. Письма одновременно приходят в почтовый ящик рабочего компьютера и в смартфон/PDA*» (Ф., 10/2005);

– необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия: *обслуживание – сервис*, *наблюдение – мониторинг*, *наклейка – стикер*. Например: «*В конкурсе участвуют dvd со специальным стикером акции, купленные в сети «Союз» и других музыкальных магазинах*» (HeL., 10/2005 – реклама видео); ср.: «*стикер* (< от англ. *to stick* – приклеивать, липнуть) – небольшие листы бумаги для записей с нанесенной с одной из сторон клеящей полоской» [СИСВ] и *наклейка* – «2. Ярлык, этикетка, бумажка, наклеенные на что-л.» [БТС];

– необходимость в специализации понятий – в той или иной сфере, для тех или иных целей: *вывоз – экспорт*, *проверка – аудит*, *подделка – контрафакт*; ср.: «*Защити себя от контрафакта – покупай VELVET прямо у производителя*» (Ф., 08/2005 – реклама сигарет) слово *контрафакт*, производное от французского заимствования *контрафакция* (ср. *контрафакция* (фр. *contrefaction* – подделка) Экон. Использование какими-л. организациями, фирмами и т. п. чужих (обычно широко известных) товарных знаков и эмблем [БТС]) обозначает не просто под-

делку, а подделку артефакта промышленным способом и преимущественно используется в экономико-юридической сфере языка;

– тенденция в заимствующем языке к образованию структурно аналогичных слов или наличия класса слов, структурно однотипных с воспринимаемыми лексическими единицами: *джентльмен, полисмен, спортсмен, рекордсмен, бизнесмен, конгрессмен, бармен...* В рекламных публикациях последнего десятилетия появилось заимствование **фронтмен**, обозначающее ведущего артиста музыкальной группы и еще не зафиксированное словарями, ср.: «...*настоящая популярность к ней (Джессике Симпсон. – И. М.) пришла после того, как она вышла замуж за музыканта Ника Лише, бывшего фронтмена группы 98 Degrees*» (Cosmo, 09/2004, с. 83); «*Новая работа Тома Йорка, фронтмена культовой английской группы Radiohead, как всегда таинственна...*» (Кор., № 38/2006, с. 80);

– тенденция к соответствию нерасчлененности, цельности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначающего (так называемый принцип экономии): *продвижение товара в местах продаж – мерчандайзинг; технология дистанционного обслуживания клиентов – телебанкинг* и др.;

– наличие в заимствующем языке сложившихся систем терминов, обслуживающих ту или иную тематическую область, профессиональную среду и т. п.: *пользователь – юзер* в профессиональном языке программистов;

– социально-психологические причины: престижность иностранного слова: *торжественное представление – презентация* чего-либо; *покупки – шопинг, парковка – паркинг*; например, характеристика офисного центра в рекламе включает и такой параметр: *крытый паркинг – 688 м/м* (Ф., окт., 2005). «**Паркинг** (англ. *parking*) – место, предназначенное для стоянки (парковки) автомобилей» [СИСВ].

В последние годы исследователи отмечают еще одну причину заимствования слов, непосредственно связанную с языком рекламы, – это процессы глобализации. В частности, В. М. Лейчик пишет: «...глобализация, распространяющаяся в нашу эпоху, в частности, на продукцию зарубежных, в том числе международных фирм, консорциумов, холдингов, приводит к тому, что в русском языке используются пришедшие из-за границы элементы языка рекламы, и неизбежны процессы «транспонирования» наименований данной продукции и рекламных текстов, которые ее сопровождают. ... Политика глобализма своеобразно и многообразно отражается в выборе языка, на котором реализуется реклама в России» [6, с. 470–471].

К спорным вопросам современной теории заимствований относится и вопрос о *типах лексических заимствований*.

Существующие классификации заимствований исходят из разных оснований. Наиболее распространенными являются типологии, построенные на характере заимствуемого материала. Так, Э. Хауген выделяет собственно заимствования (когда заимствуется и значение и звуковая оболочка слова) и гибридные заимствования (производные от заимствованного слова). Этот тип заимствованных слов состоит частично из родного, частично из иностранного материала. К гибридным заимствованиям относятся слова, имеющие в своем составе иноязычные и греко-латинские морфемы [19, с. 210]. Д. С. Лотте выделяет буквальные и трансформированные заимствования. Под буквальными заимствованиями понимается «слово, перенесенное в данный язык из какого-либо языка в том виде (в той форме), в котором оно в нем существует в момент заимствования» [9, с. 10–11]. Трансформированные заимствования – это слова, подвергшиеся языковой трансформации принимающего языка и в процессе заимствования трансформированные (по типу суффиксации). В трансформируемых заимствованиях присутствует элемент сло-

вотворчества, который обусловлен не только фонетическими законами принимающего языка.

По наблюдению Э. Ф. Володарской, посвятившей ряд работ англо-русским языковым контактам, «лингвистический материал, подвергшийся заимствованию, может иметь различную природу: звуки, буквы, фонетические правила, слова, морфологические единицы, стилистические элементы, междометия и т. д. Как и любые другие иностранные слова, английские заимствования входят в русский язык как в форме собственно заимствований, так и в форме калек и полукалек» [3, с. 100].

Накопление заимствованных слов со схожей фонетической или словообразовательной структурой приводит к выделению и обособлению фонетических (очень редко) и словообразовательных элементов, к которым также иногда применяют термин *заимствование*. Так, можно привести ряд исследований, где говорится о процессе заимствования словообразовательных средств и о заимствованных словообразовательных элементах [4; 16; 14].

В вопросе отбора заимствуемого материала получает развитие направление, затрагивающее вопросы словообразования на базе иноязычных элементов, что обусловлено накоплением словообразовательных средств иноязычного происхождения в русском языке. На современном этапе в связи с этим уже обозначена проблема, касающаяся выявления природы сложных слов, имеющих иноязычные компоненты (типа *рок-опера*), так как подобные слова могут быть и заимствованы, и образованы в русском языке [14, с. 87]. Интенсивность заимствования, особенно сфокусированного на одном (английском) языке-доноре, спонтанно увеличивает и количество потенциальных словообразовательных элементов, имеющих прототипы в данном (английском) языке, что делает актуальной дальнейшую разработку этой проблемы.

В связи с характером заимствуемого материала при описании заимствований встает вопрос о калькировании. Ю. С. Маслов пишет об этом: «Говоря о заимствованиях, различают «материальное заимствование» и «калькирование»..., при котором «перенимается лишь значение иноязычной единицы и ее структура (принцип ее организации), но не ее материальный экспонент: происходит как бы копирование иноязычной единицы с помощью своего, независимого материала» [10, с. 201].

Большинством исследователей принимается классификация калек Н. М. Шанского (лексические кальки – словообразовательные и семантические – и фразеологические) [20].

Словообразовательные кальки бывают полными, когда калькируется вся словообразовательная структура иноязычного слова, и частичными (полукальками), когда замене подвергается лишь часть словообразовательной структуры иноязычного образца (напр.: в слове *телевидение* калькирована в английском *television* только вторая часть (*-vision* — видение), а первая часть *tele-* сохраняется в иноязычной форме, восходит к греческому *tele* ‘вдаль, далеко’ и является интернациональным словообразующим элементом).

В. М. Феоктистова указывает на наличие гибридных полукалек (оказиональных и узуальных), в которых одна из частей слова остается в оригинальном написании (к гибридным калькам относятся слова с первым компонентом: VIP-, PR-, Internet-, Web-, CD-) [18]. Г. С. Онуфриенко называет модели, по которым образуются такие гибридные кальки, экспериментальными [17, с. 91].

Анализ рекламных материалов показывает, что в языке современной коммерческой рекламы активно функционируют материально и заимствованные иноязычные единицы, в том числе и гибридные образования, включающие заимствованные компоненты (первые или вторые), например: «*Дополнительная информа-*

ция об **ИТ**-подразделении корпорации Intel: www.intel.ru/it) (СФ, №40/2005, с. 87) и «Группа Verysell работает в области информационных технологий с 1990 года и занимает ведущие позиции в сферах **ИТ**-консалтинга, системной интеграции и дистрибуции компьютерной техники» (СФ, №40/2005, с. 31); **ИТ** < англ. – *information technologies* и кириллический вариант заимствования **ИТ** – *информационные технологии*.

Отметим, что гибриды, образованные путем соединения аббревиатуры или лексемы, написанной латиницей, и слова в кириллической графике, являются яркой приметой терминологии сферы высоких технологий (компьютерная техника, радио-, видеотехника, мобильные телефоны и т. п.) и совершенно закономерно присутствуют в рекламе соответствующей техники, например: *3G-мобильник, TFT-дисплей, TV-выход, TransFlash-карта, Qwerty-клавиатура, VGA-камера* и др. Ср.: «*Smart Wireless Devices представляет новую оригинальную Bluetooth-гарнитуру SBH-770*» (Тз, 08/2006, с. 36); «*Мистер Тончунг Samsung 2540. Это самый тонкий в мире 3G-телефон, оснащенный внутренним 2,3-дюймовым экраном QVGA-разрешения...*» (Тз, 08/2006, с. 46); «*...Вам удобно использовать холодильник как доску объявлений и галерею семейных фотографий? Через USB-порт можно загрузить в него оцифрованную информацию...*» (Нат., 08/2006, с. 14).

В отдельных случаях в рекламных текстах встречаются как материальные заимствования, так и их кальки. Например, в журнале «Тз» в одном рекламном материале, посвященном новой мобильной технологии Push-to-talk, используется неадаптированное заимствование (включение): «*Запуск технологии Push-to-talk оператором Life – новый прорыв для украинской мобильной связи. ... Современная мобильная технология Push-to-talk (в переводе «нажми и говори») работает по принципу игрушечных раций «воки-токи», только чуть-чуть сложнее», а в другом, размещенном на той же странице, – его калька: «Свершилось! Оператор мобильной связи Life первым в Украине запустил в коммерческую эксплуатацию услугу передачи голосовых сообщений «Нажми и говори», базирующуюся на технологии Push-to-talk. ... для пользования услугой «Нажми и говори» абоненту понадобится телефон с поддержкой Push-to-talk. «Нажми и говори» позволяет передавать сообщение одновременно 20 абонентам, что может оказаться удобным способом оповещения коллег об изменении текущих планов и переносе встречи» (Тз, 08/2006, с. 50–51); ср. также рекламу фестиваля: «*Эдинбург: театральный фестиваль Fringe. Дословный перевод названия одного из особо любимых публикой театральных фестивалей – «На грани». Это официально признанный Книгой рекордов Гинесса самый большой театральный фестиваль в мире... Но Fringe – не только фестиваль-рекордсмен...*» (MINI, 07/2006, с. 194).*

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение и описание явления заимствования из других языков в настоящее время характеризуется отставанием теоретической базы исследования, что практически выражается в отсутствии единого подхода к систематизации иноязычной лексики и терминопотреблению при ее описании. В то же время реальная практика показывает, что безусловной приметой языка русскоязычной коммерческой рекламы является засилье в нем иноязычных элементов, вызванное разными причинами. Мы полагаем, что проведенное исследование в определенной степени поможет систематизировать и в какой-то мере упорядочить применяемую в данной области терминологию.

Библиографические ссылки

1. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке) / В. М. Аристова. – Л. : ЛГУ, 1978. – 151 с.

2. **Брейтер М. А.** Процесс языкового заимствования как способ реализации коммуникативных потребностей в рамках межкультурного взаимодействия / М. А. Брейтер // Лингвокогнитивные проблемы коммуникации. – М., 1997. – С. 49–65.
3. **Володарская Э. Ф.** Заимствование как отражение русско-английских контактов / Э. Ф. Володарская // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 96–118.
4. **Камалов Н. К.** Роль внутренних и внешних факторов в процессе заимствования словообразовательных средств : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н. К. Камалов. – М., 1981. – 22 с.
5. **Кошкарлова Н. Н.** Структурно-семантические особенности и степень адаптации англоязычной частично ассимилированной лексики в русском компьютерном подязыке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н. Н. Кошкарлова. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
6. **Лейчик В. М.** Язык рекламы в контексте глобализации и этнизации / В. М. Лейчик // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2-х кн. / отв. ред. Г. П. Нешименко. – М. : Наука, 2006. – Кн. 1. – С. 447–475.
7. **Крысин Л. П.** Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
8. **Крысин Л. П.** О новых иноязычных заимствованиях в лексике современного русского литературного языка / Л. П. Крысин // Вопросы культуры речи. – Вып. 5. – М., 1964. – С. 71–90.
9. **Лотте Д. С.** Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. – М. : Наука, 1982. – 148 с.
10. **Маслов Ю. С.** Введение в языкознание / Ю. С. Маслов. – М. : Просвещение, 1987. – 272 с.
11. **Мозовая И. Н.** Типы иноязычных слов в аспекте теории метаязыка неологии / И. Н. Мозовая // Вісник Дніпропетров. ун-ту. Мовознавство. – Вип. 18. – 2012. – С. 142–151.
12. **Новикова Т. В.** Англо-американские заимствования-варваризмы в современном русском языке: 1990-е годы : дисс. ... канд. филол. наук / Т. В. Новикова. – СПб., 2003. – 182 с.
13. **Пауль Г.** Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960.
14. **Плотицын В. Н.** Словообразование на базе иноязычных по происхождению компонентов сложных слов в современном русском языке / В. Н. Плотицын // Новые слова и словари новых слов / под ред. Н. З. Котеловой. – Л., 1990. – С. 86–89.
15. **Сорокин Ю. С.** Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е гг. XIX в. / Ю. С. Сорокин. – М. : Наука, 1965. – 565 с.
16. **Степанова Л. В.** О словообразовательном и стилистическом потенциале заимствованных формантов субстантивов на *-енция*, *-анция* в русском языке / Л. В. Степанова // Историко-типологическое изучение разноразличных языков. Лингвистические исследования 1984. – М., 1984. – С. 188–193.
17. **Онуфрієнко Г. С.** Міжмовні гібриди в інноваційному вимірі / Г. С. Онуфрієнко // Вісник Дніпропетров. ун-ту. Мовознавство. – Вип. 11. – Т. 2. – 2005. – С. 87–93.
18. **Феоктистова И. М.** Иноязычные заимствования в русском литературном языке 70–90-х годов XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Рус. язык» / И. М. Феоктистова. – Тверь, 1999. – 20 с.
19. **Хауген Э.** Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – Вып. 6. – М. : Прогресс, 1972. – С. 344–382.
20. **Шанский Н. М.** Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 2-е изд., испр. – М. : Просвещение, 1972. – 327 с.

Список сокращений

- БТС** – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
- СИСВ** – Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Е. С. Зенович. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 778 с.
- Кор.** – Корреспондент (журнал)

Нат. – Натали (журнал)
СФ – Секрет фірми (журнал)
T₃ – T₃ [Технології третього тисячелеття] (журнал)
Cosmo – COSMOPOLITAN (журнал)
F. – Forbes (журнал)
Hel. – Hello! (журнал)

Надійшла до редколегії 10.11.12

УДК 811.161.2'373

М. М. Мохосоєва

Донецький національний університет

ІННОВАЦІЙНІ ПРОЦЕСИ В ЛЕКСИЦІ НА ПОЗНАЧЕННЯ СМАКУ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Досліджено інноваційні процеси у лексиці на позначення смаку в сучасній українській мові. Найбільш активними шляхами поповнення досліджуваної лексики є розвиток лексичних значень і словотворення. Лексичні значення густативних лексем розвиваються з появою нових лексико-семантичних варіантів у складі багатозначного слова. Продуктивними способами утворення густативної лексики є морфологічна деривація та словоскладання.

Ключові слова: лексика на позначення смаку, полісемія, морфологічний (афіксальний) спосіб словотворення, композити.

Исследованы инновационные процессы в лексике со значением вкуса в современном украинском языке. Наиболее активными способами пополнения исследуемой лексики являются развитие лексических значений и словообразование. Лексические значения густативных лексем развиваются вследствие появления новых лексико-семантических вариантов в составе многозначного слова. Продуктивными способами образования густативной лексики являются морфологическая деривация и словосложение.

Ключевые слова: лексика со значением вкуса, полисемия, морфологический (аффиксальный) способ словообразования, композиты.

The article is devoted to the research of innovative processes in the lexis of taste in modern Ukrainian Language. The main formative sources of lexis under study are the development of lexical meanings and word formation. Lexical meanings of gustatory lexical units develop as a result of appearance of new lexico-semantic variants as a part of a polysemantic word. Productive formative sources of gustatory lexical units are morphological derivation and word composition.

Keywords: gustatory lexical units, polysemy, morphological (affixal) way of formation, composition.

Густативною називаємо лексику на позначення смаку (від лат. *gustatus*¹ 'смак, смакове відчуття'). Смакові відчуття постають одним із видів сенсорного механізму сприйняття, основною функцією яких є визначення якості споживаної їжі, що здійснюється шляхом аналізу смакових характеристик харчових речовин, а також поліпшення апетиту.

Найменування смаку належать до перцептивної лексики, яка відіграє важливу роль у відображенні об'єктивної дійсності. Проблеми вивчення лексичних одиниць викликають особливий інтерес, оскільки саме в лексиці найбільш яскраво відображена національна специфіка мови.

Сенсорна лексика в різних аспектах вивчалася певним колом дослідників: Н. Д. Арутюнова, О. А. Вербицька, О. М. Вольф, В. В. Грідасов, В. В. Дятчук, В. В. Попова, Л. О. Пустовіт, І. Г. Рузін, І. П. Устинова, А. Н. Шрамм та ін..

Словниковий склад є найбільш чутливим до різноманітних зовнішніх факторів впливу, на ньому постійно відбивається дія внутрішніх законів розвитку мови.

Метою роботи є встановлення шляхів поповнення густативної лексики (далі – ГЛ).

Корпус ГЛ представлений прикметниками, іменниками і дієсловами на позначення смаку, отриманими шляхом суцільної вибірки з тлумачних словників української мови загальною кількістю 1096 одиниць. За одиницю дослідження прийнято лексико-семантичний варіант (далі – ЛСВ) багатозначних лексем на позначення смаку.

Лексика на позначення смаку в сучасній українській мові поповнюється:

1) шляхом розвитку лексичних значень; 2) словотвірним способом.

І. Розвиток лексичного значення густативної лексеми пов'язаний з появою нових ЛСВ у складі багатозначного слова. ГЛ в українській мові характеризуються розвиненою полісемією. Питання про багатозначність слова, про характер зв'язків між окремими ЛСВ в його структурі було предметом уваги лінгвістів у різні часи. Полісемія мовних одиниць представляє собою «мовну універсалію, в якій проявляється віддзеркалююча і узагальнююча здатність мислення та мови» [6, с. 5; 12, с. 102]. Як семантична універсалія, полісемія слова дозволяє у згорнутому вигляді відбивати велику кількість пов'язаних між собою концептів, відображає найважливішу властивість пізнання і мислення узагальнено відтворювати дійсність. Процес розвитку значення реалізується у метафоризації на основі порівняння за спорідненими ознаками та асоціаціями одного значення з іншим [7, с. 22].

У структурі значення ГЛ виділяються два рівні: а) перцептивний, який містить інформацію про еталон смаку (під еталонним смаком розуміємо вказівку на нього в тлумачному словнику); б) неперцептивний, що має інформацію про переосмислену ознаку – метафоричне і символічне значення.

Неологізація лексичного складу мови відбувається за появи нових ЛСВ у полісемантичному слові. Полісемантичним густативним лексемам української мови властиве утворення особливого типу мовної метафори – синкретичної. Синкретична метафора утворюється в результаті змішування чуттєвих сприйнятів, найпростіший вид такої метафори знаходиться у межах чуттєвих відчуттів. Більш складні зближення відбуваються за межами чуттєвого сприйняття: у сферах емоційного сприйняття, психічних станів, емоційних реакцій.

Так, від прямого номінативного значення *смак*₁ 'одне з п'яти зовнішніх чуттів, що виникає в людини й тварини за подразнення слизової оболонки язика харчовими та деякими нехарчовими речовинами' походить ЛСВ *смак*₆ 'розвинене почуття прекрасного, здатність до естетичної оцінки', що називає абстрактне відчуття на позначення внутрішніх властивостей людини [14, с. 896].

За характером відношень між ЛСВ можна визначити кілька структур полісемантичного слова. Існують три основних топологічних типи залежності між ЛСВ: 1) радіальна полісемія, при якій усі похідні ЛСВ мотивовані одним і тим же прямим значенням; 2) ланцюжкова полісемія, за якої кожне наступне значення мотивоване другим, найближчим до нього значенням; 3) радіально-ланцюжкова полісемія, яка сполучає два згадані типи [3, с. 92].

У прикметнику *солодкий* з прямим значенням *солодкий*₁ 'який має приємний смак, властивий цукрові, медові і т. ін.' у результаті розвитку значення з'явилися такі ЛСВ: *солодкий*₂ 'те саме, що смачний'; *солодкий*₃ 'який викликає приємні відчуття, дає насолоду'; *солодкий*₄ перен. 'який дає відчуття приємності або вира-

жає задоволення, радість, насолоду»; *солодкий*₅ перен. 'сповнений достатку, щастя, радості, задоволення'; *солодкий*₆ перен. 'підкреслено ласкавий, облесливий'; *солодкий*₇ перен. 'сердечний, щирий, приємний' [14, с. 906].

Дослідження топологічної структури лексеми *солодкий* уможливило встановлення мотивувальної семи 'приємність'. Метафоричне перенесення за подібністю емоційного враження від відчуття солодкого смаку і приємних почуттів утворюють ланцюжковий зв'язок, поєднуючи значення *солодкий*₁ і *солодкий*₂; *солодкий*₁ та ієрархічно підпорядковані *солодкий*₃, *солодкий*₄, *солодкий*₅; *солодкий*₁ і *солодкий*₇.

У ході дослідження топологічної структури лексеми *гіркий* встановлено мотивувальну сему 'неприємність'. В українській мові лексема *гіркий* має такі значення: *гіркий*₁ 'який має своєрідний їдкий, різкий смак (напр. хіна, гірчиця); прот. *солодкий*'; *гіркий*₂ у знач. ім. *гірка* 'горілка'; *гіркий*₃ перен. 'сповнений горя, біди; тяжкий' // 'який завдає горя, болю, гіркоти; дошкульний, вразливий' // 'викликаний горем, прикрістю; який виражає горе, страждання'; *гіркий*₄ перен. 'який зазнав горя, біди' // 'уживається у значенні *гіркі сльози, горе* і т. д.' [16, с. 74–75; 14, с. 183].

Від прямого номінативного значення походить іменник *гірка* у значенні горілка, це значення є національно специфічним для української мови. Всі інші ЛСВ утворюються при метафоричному перенесенні негативного емоційного враження від гіркої смаку: *гіркий* → 'горе', 'біда', 'страждання'.

Згідно з даними тлумачного словника, прикметник *кислий* має такі ЛСВ: *кислий*₁ 'який має своєрідний гострий смак, схожий на смак оцту, лимона тощо' // у знач. ім. *кисле* 'що-небудь кисле'; *кислий*₂ 'який утворився внаслідок бродіння' // 'якого виділяють бродильні речовини; прокислий (про запах)'; *кислий*₃ перен. 'незадоволений, пригнічений, похмурий, сумний' // 'який виражає незадоволення, пригніченість, нудьгу, сум (про обличчя, настрій, голос і т. ін.)'; *кислий*₄ 'який містить кислоту або вказує на наявність кислоти' [14, с. 426–427]. Значення *кислий*₂, *кислий*₃, *кислий*₄ утворилися від номінативного значення *кислий*₁. Переносне значення *кислий*₃ мотивоване виразом обличчя людини при відчутті кислого смаку.

Л. А. Лисиченко вказує на те, що «пряме й похідне значення можуть називати конкретні поняття, але ці поняття характеризують явища з різних сфер» [3, с. 62], напр.: смак → хімічна кислота: *кислий*₁ 'який має своєрідний гострий смак, схожий на смак оцту, лимона тощо' → *кислий*₄ 'який містить кислоту або вказує на наявність кислоти' [14, с. 426–427].

Більшість дослідників (Н. Д. Бессарабова, О. М. Веселовський, С. Д. Кацнельсон, О. О. Потебня, Г. М. Склярєвська) схиляється до думки, що метафоричне перенесення відбувається на підставі загального семантичного елемента (компонента). При цьому іноді в метафорі актуалізується сема, яка не тільки не є релевантною для денотата, а навіть суперечить звичайному уявленню про об'єкт. Лексичне значення метафори може бути пов'язане з вихідним денотатом і детерміноване його властивостями, але ці властивості не фіксуються у семантичній структурі вихідного значення, а виокремлюються з її глибин [9, с. 47]. Наприклад, тлумачним словником української мови зафіксоване переносне значення *солодкий*₆ перен. 'підкреслено ласкавий, облесливий'. Виникнення значення *солодкий*₆ пов'язане з тим, що приблизно у другій половині XVIII століття лексема на позначення солодкого смаку набуває значення 'неприємний', 'нудотно-облесливий', 'лицемірний', 'підлесливий', 'пихатий', 'манірний' [4, с. 99]. Пейоративне значення *солодкий*₆ поєднується із *солодкий*₁ паралельним підпорядкуванням.

На думку С. Ульмана, у процесі семантичного розвитку слів діють дві протилежні тенденції: одні слова спрямовані на розширення свого значення, інші – на його звуження [13, с. 70–108]. Розширення значення слова – це збільшення кіль-

кості понять, що позначаються, при розширенні значення слово стає більш вживаним. На семантичному рівні розширення постає як усунення деяких диференційних сем, виражених у значенні слова, уточнення ідеографічного, стилістичного або емоційного характеру: $A+a \rightarrow A$, де заголовна літера – архісема (родове поняття), мала літера – диференційна сема [8, с. 219]. У семантичному розвитку густативних лексем відбувається розширення (узагальнення, зсув) значення у випадку, коли процес семантичного розвитку йде від позначення конкретної ознаки до відображення значень більш загального характеру, напр.: *солодкий*₁ → *солодкий*₃ (див. тлумачення вище); *солодкий*₁ → *солодкий*₄; *солодкий*₁ → *солодкий*₅. Ознака ‘приємний’, яка виражена в більш загальних значеннях *солодкий*₃, *солодкий*₄, *солодкий*₅, позбавлена вказівок на конкретне смакове відчуття.

Звуження зводиться до включення в семантему деяких компонентів такої ж якості: $A \rightarrow A+a$. Звуження значення – це обмеження кількості понять, що позначаються, тобто кількості названих предметів і явищ, у результаті чого виникає нове значення слова. При звуженні значення слово спеціалізується, стає менш вживаним. Цей семантичний процес є поширеним у полісемантичних словах смаку, напр.: *смак*₇ ‘схильність, любов до чого-небудь, зацікавлення чимось; уподобання’ → *смак*₈ ‘манера, стиль, зразок’ [17, с. 392].

Іншим продуктивним способом утворення ГЛ є морфологічні способи деривації та словоскладання.

Дослідження уможливило виокремлення таких диференційних компонентів в ГЛ: ‘інтенсивність’ (сильний, слабкий смак), ‘оцінка’ (приємний, неприємний смак).

Значення інтенсифікації у лексемах смаку актуалізується через афіксацію та словоскладання. Прикметники на позначення смаку класифікуються за трьома ступенями інтенсивності ознаки: недостатній, помірний і надмірний [10, с. 167].

Недостатній ступінь інтенсивності смаку реалізується за допомогою формантів *не-* (*несолоний*), *недо-* (*недосолений*), *напів-* (*напівсолодкий*), *мало-* (*малосольний*), *-уват-* (*солодкуватий*), *-юват-* (*солонцюватий*), *-ав-* (*солодкавий*).

Префікси української мови (*не-/ зне-/ без-*) у сполученні з прикметниковою основою виражають значення протилежності ознаки, тобто слугують для заперечення ознаки, названої прикметником [1, с. 97]: *смачний* → *несмачний*; *солодкий* → *несолодкий*; *гіркий* → *негіркий*; *солоний* → *несолоний*, *знесолений*, *безсольовий*; *кислий* → *некислий*; *спілий* → *неспілий*, *нестиглий*; *варений* → *неварений*; *смажений* → *несмажений*; *зрілий* → *незрілий*; *їстівний* → *неїстівний* тощо. Префікс *не-* у складі ад’єктивів із семантикою смаку «виражають ознаку, що протиставляється відповідним прикметникам без цього префікса» [10, с. 187], у результаті чого реалізуються значення відсутності смаку і неповноти вияву смаку. Префікси з негативним модусом надають прикметникам смаку зворотних (негативних) характеристик.

Вищезгадані афікси «виражають частковий вияв ознаки предмета, названого мотивувальним словом» [10, с. 183], реалізують семантичну функцію неповноти у складі похідних, які фіксують наявність якоїсь частини кількості того, що було у вихідній одиниці. Відприкметникові утворення позначають смакову якість за безпосереднім фізичним вираженням: *солоний* → *солонуватий*, *недосолений*, *малосольний*, *напівсолоний*; *солодкий* → *напівсолодкий* і т. п. Синонімічні префіксоїди *напів-*, *недо-*, препозитивний префіксоподібний компонент *мало-* виступають формальними представниками предикатної семантики. У прикметниковому мікрополі ці афікси займають приядерну (напівпериферійну) зону [5, с. 7–11], напр.: *напівсолодкий*, *напівсолоний*, *напівпрісний*, *напівгіркий*; *недосолений*, *недозрілий*, *малосольний*.

Синонімічні суфікси української мови *-уват-* і *-ав-* розрізняються сферами вживання. Перший належить до стилістично нейтральних словотвірних засобів, другий характерний для стилю художньої літератури та розмовно-побутового мовлення [1, с. 99]. Префікси *під-*, *при-* у поєднанні із суфіксом *-ен-* надають значення неповного ступеня вияву ознаки лише поодиноким прикметникам: *підкислений*, *підсолоджений*, *присолоджений*.

Ознака ‘надмірний вияв’ смаку в прикметниках української мови передається афіксально і за допомогою редуплікації.

У результаті застосування афіксів відбувається «прирощення значення», збільшення «обсягу» ознаки, якості, оцінної характеристики:

– синонімічні префікси *пере-*, *пре-* зі значенням найвищого ступеня: *пересолений*, *пресолодкий*, *прегіркий*;

– складні прикметники з другим компонентом у найвищому ступені використовуються в українській мові для передачі інтенсивного смаку з елементами оцінки: *кислючий-прекислючий*, *кислючий-кислючий*, *солодкий-пресолодкий*, *гіркий-прегіркий*;

– суфіксально-префіксальні способи словотворення: конфікси *пере-...-ен(ий)*: *пересолений*, *пересолоджений*, *перецукрований*; *най-...-(і)ш(ий)*, що утворює форму найвищого ступеня якості у прикметниках: *найтекучіший*, *найгостріший*, *найсолодший*, *найкисліший*, *найсмачніший*;

– суфікси зі значенням збільшеності і згрубілості ознаки: *-уч-* (*-юч-*), *-уц-* (*-юц-*), *-ин-(а)*, напр.: *солодючий*; *кислючий*, *кислющий*; *гіркучий*, *гіркущий*, *кислятина*;

– за допомогою редуплікації виникають нові композити: *кислий-кислий*, *солодкий-солодкий*.

Продуктивним при утворенні надмірного ступеня вияву ознаки в українській мові є префікс *пре-*, що має підсилювальне значення і був запозичений зі старослов'янської мови [15, с. 558]. «У слов'янських мовах префікс *пре-* має значення дуже високого ступеня якості» [2, с. 17] і вживається як у простих, так і в складних словах: *пресолодкий*, *солодкий-пресолодкий*, *гіркий-прегіркий*, *кислий-прекислий*, *кислючий-прекислючий*.

Префікс *най-* і суфікс *-іш-* (конфікс *най-...-іш-*) утворюють форму найвищого ступеня якості у прикметниках, напр.: *гострий* → *найгостріший*; *пекучий* → *найпекучіший*; *солодкий* → *найсолодший*; *кислий* → *найкисліший*.

Дієслова української мови зі спільною семою ‘дати забагато смаку’ об'єднані спільним префіксом *пере-* і мають об'єктом іменник у знахідному відмінку: *пересолити*, *пересахарити* / *перецукрувати*, *переперчити*, *перегірчити*, *перекислити* (кого, що).

Префікс української мови *при-* споріднений з литовським *prīe* ‘додача при торгівлі’. За його допомогою утворюється ряд дієслів на позначення кулінарних найменувань: *приправляти*, *приправити*, *присмачувати*, *присмачити*, *присолоджувати*, *присолодити*; а також віддієслівних іменників зі значенням додавання смаку: *присмачування*, *приправлення*, *присолоджування*. Віддієслівно-іменникові суфікси *-енн-я*, *-анн-я*, конфікси *у-...-енн-я*, *у-...-ув-анн-я*, *о-...-ув-анн-я* позначають дію, стан, процес: *усолодження*, *усолоджування*, *осолоджування*.

Значення позитивної / негативної оцінки реалізується у густативній лексиці також шляхом морфологічної деривації. Синонімічні форманти української мови *-еньк-*, *-есеньк-*, *-ісіньк-*, *-юсіньк-* надають словам значення зменшеності, пестливості, виразний експресивний відтінок суб'єктивно-оцінного значення: *смачненький*, *солоденький*, *солоненький*; *солодюсінький*, *солодісінький*, *кислесенький*, *кислюсінький*. Словотворчі форманти з яскравим суб'єктивним забарвленням сполу-

чаються з основами якісних прикметників, що виражають абсолютні або градуйовані ознаки.

У ході дослідження ГЛ виявлено композити української мови, які відносяться до двох типів за належністю останнього компонента до цієї чи тієї частини мови: 1) іменники-композити – 30 одиниць, 2) прикметники-композити – 52 одиниці.

За типом зв'язку компонентів у густативних композитах їх можна поділити на дві групи: 1) утворені композицією, або основоскладанням з одночасним приєднанням з'єднувальних елементів та суфіксів; 2) утворені юкстапозицією (словоскладанням).

1. Композити, утворені композицією, або основоскладанням мають таку продуктивність у густативних лексемах в українській мові: 30 іменників та 48 прикметників. Для утворення густативних композитів цього типу використовуються з'єднувальні елементи *-о-*, *-е-* та суфікс *-н-*, напр.: *сол-е-утворення*, *сол-е-твор-н-ий*, *солодк-о-мов-н-ий*.

2. Композити-прикметники української мови, утворені юкстапозицією (словоскладанням), нараховують 4 одиниці. Це прикметники на позначення основних смаків, в яких першим компонентом є прислівник уточнювальної семантики: *напів + солодкий = напівсолодкий*, *напів + кислий = напівкислий*, *напів + гіркий = напівгіркий*, *напів + солоний = напівсолоний*.

За типом зв'язку складових компонентів у композитах розрізняємо композити з підрядним і сурядним відношенням основ.

1. Найпоширенішим типом композитів є конструкції типу «підрядний компонент + опорний компонент» (атрибутивні), у яких перший компонент конкретизує другий, напр.: *кислотривкість*; *солеутворення*. ГЛ української мови представлена 30 іменниками і 26 прикметниками-композитами з підрядним відношенням основ.

2. Складні слова з сурядним відношенням основ – копулятивні прикметники-композити, компоненти яких є граматично та семантично самостійними, при цьому значення цілого виражає нове поняття, напр.: *гірко-солодкий*, *кислосолодкий*, *солодко-кислий*. Композити ГЛ з сурядним відношенням основ нараховують 26 прикметників.

Таким чином, основними інноваційними процесами в лексиці на позначення смаку в сучасній українській мові є поява нових лексико-семантичних варіантів та утворення слів за допомогою морфологічної деривації.

Розвиток лексичних значень густативної лексики реалізується у полісемантичному слові при метафоризації, у більшості випадків за наявності мотивувальної семи. Особливістю прямих і похідних значень полісемантичних прикметників смаку є те, що пряме значення називає конкретне смакове відчуття, а похідне – абстрактне, на позначення внутрішніх властивостей, емоційного враження, психічного стану людини.

За допомогою морфологічних (афіксальних) способів словотворення та словоскладання утворюються базові категорії густативної лексики: інтенсивність та оцінка.

Бібліографічні посилання

1. **Волох О. Т.** Сучасна українська літературна мова. Морфологія. Синтаксис / О. Т. Волох, М. Т. Чемерисов, Є. І. Чернов. – К. : Вища шк., 1989. – 334 с.
2. **Горпинич В. О.** Сучасна українська літературна мова. – К. : Вища шк., 1999. – 207 с.
3. **Лисиченко Л. А.** Багатозначність у лексико-семантичній системі : структурний, семантичний, когнітивний аспекти / Л. А. Лисиченко. – Х. : Основа, 2008. – 272 с.

4. **Матвеева Т. М.** Перцептивная категория вкуса и лингвистические средства ее реализации: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 «Теория языка» / Татьяна Михайловна Матвеева. – Челябинск, 2005. – 200 с.
5. **Митяй З.** Словотвірні засоби вираження неповноти вияву ознаки прикметників // Мова та історія : періодичний збірник наукових праць. – К., 1997. – С. 7–11.
6. **Ольшанский И. Г.** Лексическая полисемия в системе языка и тексте (на материале немецкого языка) / И. Г. Ольшанский, В. П. Скиба. – Кишинев : Штиинца, 1987. – 127 с.
7. **Пастернак Г. Ю.** До характеристики емоційно-оцінної лексики на позначення особистих рис людини в діалектах / Г. Ю. Пастернак // Семасіологія і словотвір : зб. наук. праць [АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні] ; ред. Л. С. Паламарчук. – К. : Наук. думка, 1989. – 192 с.
8. **Русанівський В.** Структура лексичної та граматичної семантики / В. Русанівський. – К. : Наук. думка, 1988. – 236 с.
9. **Скляревская Г. Н.** Семантический посредник метафоризации. Семантические виды языковой метафоры / Г. Н. Скляревская ; главн. ред. Д. Н. Шмелев // Метафора в системе языка. – СПб. : Наука, 1993. – 155 с.
10. **Сучасна українська літературна мова** / М. Я. Плющ, С. П. Бевзенко, Н. Я. Грипас та ін. ; за ред. М. Я. Плющ. – 6-те вид., стер. – К. : Вища шк., 2006. – 430 с.
11. **Сучасна українська літературна мова. Морфологія.** – К. : Наук. думка, 1973. – 583 с.
12. **Чеснович Е. П.** Полисемия и контекст / Е. П. Чеснович // Реализация значения и контекст. – Л., 1975. – С. 100–118.
13. **Ullmann S.** Principles of Semantics. A linguistic approach to meaning / S. Ullmann. – 2nd ed. (with additional material). – Glasgow ; Oxford, 1959. – P. 70–108.

Джерела ілюстративного матеріалу

14. **Великий тлумачний словник сучасної української мови** / уклад. В. Т. Бусел та ін. – К., Ірпінь : Перун, 2004. – 1440 с.
15. **Етимологічний словник української мови** : у 7 т. – Т. 4. ; ред. В. Т. Коломієць, В. Г. Скляренко та ін.; уклад. Р. В. Болдирев та ін. – К. : Наук. думка, 2004. – 653 с.
16. **Словник української мови** : в 11 т. – Т. 2. / ред. І. К. Білодід, А. А. Бурячок, Г. М. Гнатюк та ін. ; укл. А. П. Білоштан, М. Ф. Бойко та ін. – К. : Наук. думка, 1971. – 550 с.
17. **Словник української мови** : в 11 т. – Т. 9. / ред. І. К. Білодід, А. А. Бурячок, Г. М. Гнатюк та ін. ; укл. І. С. Назарова, О. П. Петровська, Л. Г. Скрипник та ін. – К. : Наук. думка, 1978. – 916 с.

Надійшла до редколегії 03.01.13

УДК 811.161.2'373.45

А. В. Онанченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ (на материале ЛСГ «компоненты переводческого процесса»)

Проаналізовано запозичення ЛСГ «компоненти перекладацького процесу», що входить до термінології перекладознавства, з точки зору формальної структури терміна та походження іншомовних компонентів, що утворюють терміни даної групи.

Ключові слова: інтернаціональні елементи, іншомовні запозичення, запозичене слово, іншомовне слово, складені терміни-гібриди, однословні терміни.

© Онанченко А. В., 2013

224

Проанализированы заимствования ЛСГ «компоненты переводческого процесса», входящей в терминологию переводоведения, с точки зрения формальной структуры термина и происхождения иноязычных компонентов, образующих термины данной группы.

Ключевые слова: интернациональные элементы, иноязычные заимствования, заимствованное слово, иноязычное слово, составные термины-гибриды, однословные термины.

In the article borrowings of lexico-semantic group «components of the translation process» which belong to translation terminology are under analysis from the point of view of the formal structure and origin of foreign components that make up the terms of the group.

Keywords: international elements, foreign borrowings, loan words, foreign words, composite terms-hybrids, single-word terms.

Определенные процессы второй половины XX и начала XXI столетий, среди которых глобализация, информатизация, специализация новых знаний и стремление к единству теоретической базы, оказывают значительное влияние на появление в языке интернациональных терминов. Поскольку переводоведение считается относительно молодой и стремительно развивающейся наукой, изучение формирования её терминологии становится актуальной темой исследований. *Цель* данного исследования – рассмотреть соотношение национального и иноязычного в терминологической номинации понятий переводоведения, изучить специфику функционирования интернациональных элементов в формальной структуре терминов переводоведения.

Многие лингвисты, в частности Т. Л. Канделаки, В. П. Даниленко, Д. С. Лотте, Б. Н. Головин, Л. А. Капанадзе, Р. Ю. Кобрин, Т. С. Пристайко, А. А. Реформатский, В. А. Татаринев и другие, рассматривают в своих работах аспекты терминологии, уделяя особое внимание термину как языковому материалу. Не ставя задачу определения понятия «термин» в данной статье, обратимся к вопросу о заимствованиях в терминосистемах и заимствованных терминах.

За последние десятилетия русскоязычная терминология переводоведения, как и многие другие терминосистемы русского языка, абсорбировала множество терминов греческого, латинского, французского происхождения, что привело к двоякому отношению учёных к заимствованию терминов: одни считают этот процесс аномальным для языка, другие же полагают, что это позволяет расширить состав лексики перенимающего языка.

Под заимствованием О. С. Ахманова понимает «1. обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов; 2. слова и конструкции, вошедшие в данный язык в результате заимствования» [1, с. 150–151]. Также заимствование определяется как «переход элементов одного языка в другой как результат языковых контактов, взаимодействия языков, а также сами элементы – слова, морфемы, синтаксемы, перенесённые из одного языка в другой» [7, с. 84]. В «Большом энциклопедическом словаре» даётся подобное толкование этого термина, но отмечается, что «заимствование может быть устным (воспроизводит общий фонетический облик слова) или письменным, книжным (когда производится транслитерация слова)» [2, с. 407].

Среди различных толкований термина «заимствование» следует выделить определение Ю. С. Сорокина: «Процесс заимствования иноязычных слов есть процесс двусторонний. Это не только простая передача готовых элементов одним языком во владение другому языку, это вместе с тем процесс их органичного освоения системой данного языка, их приспособление к его собственным нуждам, их преобразование – формальное и семантическое – в условиях данной системы» [10, с. 174]. Л. П. Крысин также подразумевал двусторонность этого процесса,

называя заимствование «процессом перемещения языковых элементов из одного языка в другой» [5, с. 18].

Отметим, что Н. М. Шанский не разграничивает понятия «заимствованное слово» и «иноязычное слово», называя заимствованием «всякое слово, пришедшее в русский язык извне, даже если оно по составляющим его морфемам ничем не отличается от исконно русских слов» [11, с. 33].

В определении понятия заимствования в «Большой российской энциклопедии» Ю. Н. Караулова (2003) учтены предшествующие значения, и «заимствование» трактуется как: «1) переход элементов одного языка в систему другого языка как следствие более или менее длительных контактов между этими языками; 2) слово или оборот, вошедшие в язык в результате перехода» [8, с. 132]. Итак, заимствованием может называться как процесс, так и результат перехода слова и его элементов из одного языка в другой.

В нашем исследовании мы попытаемся установить, каковы реальные отношения заимствованных терминов переводоведения с традиционной терминологией и общеупотребительной лексикой русского языка.

Кроме многочисленных лексических заимствований, прямо или опосредованно входящих в словарный состав русского языка, в последнем активно используются иноязычные элементы (корни, аффиксы в однословных терминах) и компоненты (слова в терминах-словосочетаниях), с помощью которых образуются многочисленные гибридные термины. Постоянное увеличение общего фонда заимствованных и гибридных наименований свидетельствует о возрастании межязыкового сходства различных терминологических подсистем русского языка с другими, в первую очередь западноевропейскими, языками.

С точки зрения формы С. В. Гринев-Гриневиц выделяет 2 основные группы терминов [3, с. 121]: слова и словосочетания. В свою очередь, слова бывают однословными терминами, которые делятся на простые (корневые), аффиксальные (образованные с помощью корня и аффикса), сложные (с двумя и более корневыми морфемами). Большинство изучаемых терминов переводоведения являются словосочетаниями, которые, в свою очередь, делятся на многословные и полилексемные.

При рассмотрении терминосистемы «компоненты переводческого процесса» мы обнаружили, что наиболее распространенными структурами (56 % из 139 выбранных терминов) в исследуемой терминосистеме являются составные термины-гибриды, представленные существительным и прилагательным, в которых как минимум одно слово заимствовано из латинского, греческого или французского языков, но имеет при этом русские окончания, что связано с адаптацией термина в языке, например: *лексические соответствия* (греч. *lexis* – относящийся к словарю, к словам, словарный), *лингвистический компонент* (нем. *Linguistik*, от лат. *lingua* язык; от латинского *componens* – слагающий, составляющий), *переводческие универсалии* (от лат. *universalis* – общий), *национальные реалии* (от средневекового лат. *realis* – вещественный), *модальные символы* (*modal* < новолат. *modalis* < лат. *modus* – мера, способ; наклонение; от греч. *symbolon* – знак, опознавательная примета), *дейктические слова* (гр. *deiktikos* – служащий для более точного или подчеркнутого обозначения), *зашифрованный текст* (франц. *chiffre* – совокупность условных знаков), *коммуникативная единица* (лат. *communicare* – делать общим, связывать, общаться) и пр.

24 % (33 ед.) изученных терминов, принадлежащих к данной тематической группе, являются однословными терминами с заимствованными корневыми морфемами: *деSCRIPTOR* (от латинского *descriptor* – описывающий) – слово, обобщающее содержание фразы, текста, выражающее смысл высказывания, ключевое

слово; **детерминатив** (от лат. determinatio – определение) – показатель при существительном, выражающий грамматическое значение определенности (артикл, местоименное прилагательное); **инвариант** (от латинского invariants – неизменяющийся) – функциональное содержание исходного сообщения, определяемое коммуникативной установкой и функциональными характеристиками переводимого высказывания и соотношения между ними; **клише** (франц. cliché) – стереотипные слова и фразы в переводе; **когнаты** (лат. cognati, букв. родственники) – слова двух языков, совпадающие по форме; **коннотация** (лат. connotare – означать) – дополнительные ассоциации, которые слово вызывает в сознании носителей данного языка; **лакуны** (от лат. lacuna – углубление, впадина) – отсутствие лексических эквивалентов в одном языке обозначениям, преимущественно национальных реалий, в другом; **оригинал** (лат. originalis – начальный, врожденный, от origo – происхождение) – подлинник; **плеоназм** (греч. pleonasmus – излишество) – избыточность выражения как постоянное свойство языковой единицы; **эквивалент** (от позднелат. aequivalens – равнозначный, равноценный) – межъязыковой синоним в переводе и др.

Заметим, что составные термины-гибриды, являются более понятными для восприятия, чем однословные термины-заимствования, что, возможно, и объясняет преобладание словосочетаний в русскоязычной терминологии переводоведения, а именно в данных тематических группах.

Ярким примером может послужить часто употребляемый термин **ложные друзья переводчика**, который закрепился в переводческой среде именно в данной форме, но имеет длинный синонимический ряд, в котором одно слово в словосочетании является заимствованием: **ложный эквивалент, междуязычные аналогизмы, межъязыковые аналогизмы, межъязыковые омонимы, псевдоэквивалентные пары слов**. В свою очередь, источник семантической эквивалентности С. В. Гринев объясняет варьированием формы термина, использованием в номинации различных аспектов одного объекта, существованием специального и разговорного терминов, полного и краткого вариантов и т. д. [3].

Показателем того, что терминология постепенно адаптируется в русском языке, могут послужить результаты исследований. Так, нами было установлено, что однословные термины русского происхождения данной группы составляют 5 %, словосочетания – 15 %, например: **выходное предложение, выходной текст, единица перевода, единица содержания, исходная единица, канцеляризм, крылатое слово, лексические соответствия, непереводаемая игра слов, оборот, переводема, подлинник, временный эквивалент, вторичное значение, высказывание** и т. д.

Проиллюстрируем употребление терминов, принадлежащих данной ЛСГ, в специальном тексте: «Текст перевода функционирует не только как текст на ПЯ, но и как **переводной текст** на ПЯ» [9, с 147].

«Так, географические названия имеют **постоянные соответствия**, которые, как правило, создаются имитацией в переводе звучания иноязычного названия» [4].

В исследуемой терминосистеме имеются также многословные термины, состоящие из 3-х и более слов, в которых зачастую присутствуют заимствованные морфемы: **дифференциальный семантический компонент, дополнительный (второстепенный) семантический компонент, инвариант в синхронном переводе, коммуникативно-равноценные переводные эквиваленты, маркеры внутренних переходов, маркеры последовательного указания на одного и того же референта, маркеры темпоральных отношений, случайно безэквивалентные слова** и пр. Стремление к точности и полноте обозначения понятия объясняет появ-

ление в русскоязычной терминологии многокомпонентных терминов и словосочетаний.

Многословные термины – явление, присущее терминологии, а тем более еще молодой науке переводоведению, в которой специалистам приходится пользоваться пояснительными конструкциями ввиду отсутствия однословных терминов для номинации того или иного явления. По мнению В. М. Лейчика, в сфере терминообразования действуют те же закономерности, что в сфере образования любых лексических единиц определенного естественного языка, но в терминообразовании некоторые способы получают преимущественное распространение, а другие отходят на задний план [6].

Анализ специфики рассматриваемой терминосистемы, описывающей компоненты переводческого процесса, позволяет сделать вывод о явном преобладании заимствования как способа номинации терминов переводоведения. Из рассмотренных нами 139 терминов данной группы 56 % принадлежит сложным и составным терминам-гибридам, 24 % – однословным заимствованиям-гибридам, 15 % – сложным и составным русскоязычным терминам, 5 % – однословным заимствованиям-гибридам. Иноязычные терминоэлементы латинского, греческого, французского происхождения частично либо полностью вошли в язык и успешно ассимилировались в структуре одно- и многокомпонентных терминов. Данное исследование показывает активность и продуктивность языковой гибридизации как яркую черту современного терминообразования. Интернациональные элементы способствуют узнаваемости терминов и облегчают международное общение. Термины-гибриды указывают на тенденцию, с одной стороны, к интернационализации, а с другой – к сохранению национальных элементов в терминологической номинации.

Библиографические ссылки

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1966. – С. 150–151.
2. **Большой энциклопедический словарь. Языкознание** / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 683 с.
3. **Гринев-Гриневиц С. В.** Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
4. **Казакова Т. А.** Теория перевода (лингвистические аспекты) [Электронный ресурс] / Т. А. Казакова. – Режим доступа : web-local.rudn.ru/web-local/prep/prep_96/load/seminar_1.doc.
5. **Крысин Л. П.** Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
6. **Лейчик В. М.** Терминоведение: предмет, методы, структура. / В. М. Лейчик. – 3-е изд. – М. : ЛКИ, 2007. – 256 с.
7. **Русский язык. Энциклопедия** / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Репринт «Лингвистический энциклопедический словарь», 1979. – 432 с.
8. **Русский язык. Энциклопедия.** / гл. ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. – 704 с.
9. **Сдобников В. В.** Теория перевода / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : Восток-Запад, 2006. – 445 с.
10. **Сорокин Ю. С.** Развитие словарного состава русского языка. 30–90-е гг. XIX в. / Ю. С. Сорокин. – М.–Л. : Наука, 1965. – 565 с.
11. **Шанский Н. М.** Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1972. – 328 с.

Надійшла до редколегії 24.02.12

УДК 811.161.2'42

Е. И. Панченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

SMS И ТЕЛЕГРАММА: ЭВОЛЮЦИЯ СЖАТОГО ТЕКСТА

Розглянуто нову форму стислого тексту – СМС – у порівнянні з телеграмою. Наведено статистичні дані, проаналізовано лінгвістичні особливості текстів СМС та телеграм у російській мові. Увагу звернуто на наявність численних ознак стислого тексту в названих письмових повідомленнях.

Ключові слова: стислий текст, лінгвістичні аспекти, мобільний телефон, СМС, телеграма, компресія.

Рассмотрена новая форма сжатого текста – СМС – в сравнении с телеграммой. Приведены статистические данные, проанализированы лингвистические особенности текстов СМС и телеграмм в русском языке. Обращено внимание на наличие многочисленных признаков сжатого текста в указанных письменных сообщениях.

Ключевые слова: сжатый текст, лингвистические аспекты, мобильный телефон, СМС, телеграмма, компрессия.

The article deals with the description of a new form of compressed text – SMS – in comparison with telegrams. The article gives statistical data, analyzes linguistic peculiarities of Russian SMS and telegrams. The author pays attention to various compression signs in the given texts.

Keywords: compressed text, linguistic aspects, mobile phone, SMS, telegram, compression.

В данной статье в общем виде ставится проблема исследования одного из современных видов сжатого текста – СМС-сообщения в сравнении с текстом телеграммы. Актуальность данного исследования обусловлена значительной ролью сжатых текстов во многих сферах деятельности человека (реферирование, аннотирование, сообщение новостей, SMS-переписка и др.). Объем информации, накопленной человечеством, огромен и постоянно увеличивается. Для ее усвоения, хранения и передачи пользователям так или иначе приходится прибегать к сжатым текстам. Актуальность исследования сжатого текста (СТ) обусловлена тем, что СТ, будучи широко распространенным в различных сферах человеческой деятельности способом общения, представляют собой своеобразное явление со своими устойчивыми параметрами и четкой прагматической направленностью как в статике, так и в динамике.

Исследование краткости и компрессии текста ведут В. Г. Адмони, Э. Н. Алянская, Л. С. Бархударов, В. В. Бузаров, Н. А. Винокуров, В. Н. Глаголев, Э. М. Дубенец, Б. П. Дюндик, О. Есперсен, В. П. Кобков, С. С. Комарова, А. Т. Кукушкина, А. В. Леонтьев, С. И. Литвин, А. Мартине, Л. Л. Нелюбин, Г. Пауль, Е. Д. Поливанов, О. И. Реунова, Б. А. Серебренников, А. Сеше, Ю. С. Степанов, Н. С. Трубецкой, З. Хэррис, О. Ю. Ястреб, И. И. Инфантова, К. М. Сухенко и многие другие авторы. В исследованиях современных лингвистов большое внимание уделяется тем разновидностям произведений научно-технического, официально-делового, газетно-публицистического и в определенной мере художественного стиля, которые характеризуются значительной степенью экономии языковых средств. Так, в работах М. А. Васильевой и Е. И. Закгейм, В. П. Кобкова, Т. И. Ковальчук, В. Ю. Мироновой, И. П. Севбо, Э. Ф. Скороходько, В. И. Соловьева и ряда других авторов рассматриваются композиционные и лингвистические особенности образцов СТ научно-технического и официально-делового стиля.

Новыми разновидностями СТ этого стиля, появившимися в последние годы, можно, по-видимому, считать дайджест, форум, он-лайн-статью. Многие современные исследователи – М. Кастельс, Н. Луман, М. Маклюэн, Дж. Семпси, А. Турен, Ю. Хабермас, У. Эко – посвятили свои работы анализу мира электронной коммуникации, но при этом они концентрировались, в основном, на возможностях и нюансах, которые обеспечивает коммуникация через Интернет. В аспекте лингвистического анализа СМС-коммуникации следует упомянуть работы А. Ю. Дрёминой, В. И. Земзеревой, А. В. Леонтьевой, С. А. Никитина, М. Ю. Авдониной, А. В. Палковой, М. Ю. Сидоровой, N. S. Baron, C. Bush, D. Crystal, N. Döring, C. Frehner, Y. Hård af Segerstad, S.C. Herring, A. Zelenkauskaitė, R. Ling, C. Tagg, C. Thurlow. Однако проблема, связанная с лингвистической спецификой новых разновидностей сжатого текста, еще остается нерешенной.

Целью данного исследования является рассмотрение параметров такого нового лингвистического построения, как SMS-сообщение, в его сравнении с телеграммой.

Как отмечает Ю. Венедиктова, «реализуя стремление современных людей к возможности экономически выгодного общения в любое время суток и из любой точки планеты вне зависимости от местонахождения «собеседника», научно-технический прогресс вызвал к жизни абсолютно новое уникальное средство коммуникации, объединяющее в себе функции телефона с его возможностью общения в режиме реального времени и телеграммы с ее письменной краткой формой изложения» [1, с. 20].

СМС-коммуникация является принципиально новым видом общения, основными характеристиками которого являются: опосредованность сотовым телефоном; дистантность (разделение коммуникантов в пространстве и отсутствие зрительного контакта между ними); особый способ кодирования информации, связанный, прежде всего, с техническими ограничениями канала сообщения (не более 160 символов на латинице и не более 70 символов на кириллице); «устно-письменный» характер речи; личный характер общения; диалогичность (возможность моментального обмена репликами); преимущественно неофициальный характер общения и т. п.

Особый интерес представляет исследование текстов коротких сообщений с точки зрения действия закона экономии и его реализации в речи, поскольку он оказывает решающее влияние на формирование основных лексических, грамматических и семиотических характеристик СМС-подъязыка. «Принцип экономии» в том числе воплощается через такие стилистические средства, как эллипсис и умолчания, что добавляет СМС-коммуникации эмоциональности и экспрессивности, приближая ее к формату устной беседы.

СМС-коммуникация возникла в результате научно-технического прогресса на рубеже XX–XXI веков. Среди существующих сегодня четырех основных видов электронного общения (электронная почта, социальные сети Интернета, Служба мгновенных сообщений и СМС) самым популярным является именно общение с помощью коротких текстовых сообщений посредством мобильного телефона.

SMS – это технология, позволяющая осуществлять приём и передачу коротких текстовых сообщений сотовым телефоном. Сегодня услуги SMS – это не только прямой обмен сообщениями между абонентами телефонной сети, но и широкий спектр разнообразных информационных сервисов, в числе которых прогноз погоды, банковское обслуживание, инструмент осуществления платежей, телеголосование или возможность проверки состояния своего счета. Текстовая коммуникация может быть либо асинхронной (SMS-коммуникация), либо синхронной – мобильный чат. Канал передачи сообщения непосредственным образом влияет на

особенности кодирования информации, которые, в свою очередь, определяют такие основные черты СМС-текстов, как краткость; ограниченный объем; большое количество компрессивных единиц; использование дополнительных семиотических знаков; использование латиницы (в русском языке); коммуникативное новаторство, связанное с активным приспособлением языка к условиям новой коммуникативной среды [2].

Как СМС, так и телеграмма являются сжатым текстом. Под этим термином мы понимаем сообщение, объективированное подобно любому иному тексту в письменной форме, построенное путем сокращения полного текста либо созданное как изначально краткое, предназначенное при необходимости для дальнейшего развертывания в более объемный текст. Сжатый текст имеет повышенную информативную насыщенность по сравнению с первичным полным вариантом, что достигается благодаря разнообразным обязательным и факультативным средствам всех уровней языка.

С формальной точки зрения сжатые тексты можно разделить на нормированно сжатые и форсированно сжатые, т. е. составленные с нарушением каких-либо существующих норм современного литературного языка. Примером первого типа могут быть тезисы научного сообщения, второго – телеграмма или СМС.

Создание особого коммуникативного феномена – сжатого текста – можно считать проявлением творческой речевой деятельности субъекта, и в большинстве случаев стандартизация СТ касается внешних, экстралингвистических признаков данного речевого произведения, тогда как непосредственно текстовая, лингвистическая часть предоставляет составителю значительные возможности для осуществления его творческого замысла.

СМС-текст характеризуется определенным уникальным набором лексических, грамматических и семиотических характеристик. На формирование этих характеристик СМС-подъязыка решающее влияние оказывает «принцип экономии». Компрессия достигается за счет использования как специфических средств, так и за счет традиционных приемов сокращения.

Один из крупнейших современных лингвистов Дэвид Кристалл приводит следующую классификацию образований, присущих именно СМС-общению [6, с. 54]:

– соединение сокращенных и полных слов: *hldmecls* – ‘hold me close’ – «обними меня»;

– соединение логограмм и сокращенных слов: *2bctnd* – ‘to be continued’ – «продолжение следует»;

– сочетание нестандартного написания с логограммами: *cu2nite* – ‘see you tonight’ – «увидимся вечером».

К категории специфических способов сокращения относится применение фонетического принципа орфографии; техники консонантного письма; логограмм; элиминации знаков препинания и пробелов; транслита (в русскоязычных коротких текстовых сообщениях).

Принцип экономии усилий при наборе текста через клавиатуру телефона обуславливает использование знаков одного регистра, т.е. написание всего текста только прописными или строчными буквами. Следует отметить, что написание СМС заглавными буквами часто выполняет функцию дополнительного привлечения внимания, являясь аналогом повышенного тона или даже крика при межличностном общении. Иногда для сокращения длины сообщения автор пропускает пробелы, при этом начинает каждое слово с заглавной буквы. Приведем несколько примеров шуточных СМС.

Тарифный план – Простой. Все звонки по 2 цента с 37 по 45 минуту каждого третьего часа с 17 по 23 число каждого 2 месяца.

*ТЕПЕРЬ ВАШИ СМС БУДУТ ТРАНСЛИРОВАТЬСЯ ЧЕРЕЗ INTERNET.
ЗАРАНЕЕ БОЛЬШОЕ СПАСИБО.*

К одной из самых ярких особенностей СМС-коммуникации относится включение в текст логографических символов – цифр, букв, буквенно-цифровых сочетаний и типографских знаков, призванных замещать буквы, слоги и даже целые слова. В большинстве случаев логограммы используются для замещения слов или части слов благодаря омонимичности звучания – по принципу фонологической аппроксимации:

Новый тариф «Кончай 3,14деть» – посекундная тарификация, каждая секунда вдвое дороже предыдущей!

К наиболее частотным цифрам, характерным для русского СМС-подъязыка, относятся 1 (*Иаковий – одинаковий*), 2 (*2жды – дважды*), 3 (*смо3 – смотри*), 5 (*5но – пятно*) и 7 (*7естр – семестр*).

Типичными для СМС приемами компрессии являются также элиминация «немых» букв: *лесница, сонце*; замена буквосочетаний: *купаца* вместо *купаться*, *щастье* вместо *счастье*; употребление одной буквы вместо удвоенной: *имениник* вместо *именинник* и т. д.

В текстах СМС отмечается наличие большого количества синтаксических редуций (эллипсов) различных типов. Самый частотный тип синтаксической редуции – отсутствие личного местоимения в функции подлежащего, что является характерным признаком сжатого текста и типично также для телеграмм.

Стремление продуцентов СМС-текстов к экономии средств, усилий и времени обусловило тенденцию к аграмматизму. К основным отклонениям от пунктуационных норм относится опущение знаков препинания, дефисов в сложных словах, пробелов после пунктуационных знаков и между словами, например:

У нас в чувствах идет прогресс

Сильно очень.

Прочитай мою смс

Я люблю тебя это срочно.

Среди всех типов компрессивов, используемых в СМС-переписке, самую обширную группу представляют инициальные аббревиатуры. Их количество постоянно увеличивается в силу, во-первых, появления все новых и новых сокращений; а, во-вторых, стремительного пополнения языка аббревиатурами, образованными по механизму аналогии. Во время СМС-общения коммуниканты используют как общепринятые усечения, так и создают новые компрессивы:

Инициальному сокращению подвергаются как наиболее частотные слова (*н/П – Привет*) и словосочетания (*со/СО – Стечение Обстоятельств*), так и целые предложения (*мббил/МББИЛ – Могло Бы Быть И Лучшее, ЕМНИП – Если Мне Не Изменяет Память*) – явление, ранее не свойственное русскому языку).

Являясь одним из самых популярных способов сокращения, усечения стали неотъемлемой частью СМС-переписки. Наиболее типичным видом сокращений является апокопа: *бу – бу(дешь)*. Реже встречаются аферезис: *бук – (ноут)бук*, случаи смешанного типа сокращения (апокопа + аферезис): *Доров – (З)доров(о)* и синкопы: *элка – эл(ектрич)ка*.

К языковым средствам компенсации отсутствия невербальных компонентов относится использование кавычек или астерисков для передачи интонационных особенностей высказывания; капитализации в качестве имитации повышения громкости голоса и акцентуации; дефисов, разрядки или многократного дублирования букв в слове в качестве имитации намеренного изменения темпа речи; многоточия для имитации пауз; фонетического написания для передачи особенностей

произношения индивида; аббревиатур или словесного описания для передачи мимики, телодвижений и эмоций и т. д.

Большинство пользователей услугой СМС, ощущая важную роль соблюдения «принципа вежливости» в процессе коммуникации, стремятся в сокращенном виде сохранить необходимые для его реализации речевые элементы, например: *Доброе! – Доброе (утро)!, дорово – (З)дорово, Пр – Пр(ивет), Прет – Пр(ивет), Dob ut! – Dob(roe) ut(ro)!*; *С.Н. – Спокойной Ночи, Л.С.Ж. – Люблю, Скучаю, Жду; насиб – (с)насиб(о); pls – pl(ea)s(e), пжлст – п(о)ж(а)л(уї)ст(а).*

Уникальной чертой русской СМС-коммуникации является применение латиницы. Соотношение частоты использования кириллицы и латиницы в русских СМС-сообщениях составляет приблизительно 2:1. На фоне стопроцентной русифицированности современных мобильных телефонов доля сообщений, набираемых при помощи латиницы, выглядит вполне внушительно. Основное преимущество латинской раскладки продиктовано экономической выгодой (одно сообщение на латинице вмещает 160 знаков вместо 70 символов кириллического формата). Однако при этом адресанты сталкиваются с необходимостью конверсии кириллицы в латиницу, что привело к появлению значительного количества вариантов индивидуальных транслитов.

Как отмечает А. Палкова [3], СМС-сообщения, как и сообщения в чатах, проявляют многочисленные лексические признаки, характерные для устной разговорной речи, например, авторы СМС часто используют разговорные, молодежные выражения, а также диалектизмы и англицизмы (особенно в приветствиях и прощаниях). Коммуникация посредством СМС напоминает диалоги, состоящие чаще всего из 2–4 реплик. Типичны структуры «вопрос – ответ», «констатация факта – комментарий». Как правило, СМС используются для решения следующих коммуникативных задач: предложение / договоренность, сообщение о каком-либо факте / отчет, поздравление, признание в любви, флирт, «моментальный снимок» (сообщение о том, что человек делает или видит в данный момент), выяснение, доступен ли потенциальный собеседник для общения, т. е. может ли он сейчас говорить.

Телеграммы, которые в прошлом представляли собой достаточно распространенный тип общения, в значительной мере утратили свою роль, однако по-прежнему существуют жесткие стандарты их построения, что в значительной мере отличает их от СМС. Так, текст телеграммы и подпись отправителя должны быть написаны буквами русского или латинского алфавита. Текст телеграммы излагается кратко, без союзов и предлогов (если при этом не искажается содержание: в частности, отрицание «не» опускать нельзя), с сокращенными обозначениями знаков препинания:

Цифры в подаваемой телеграмме могут быть написаны либо знаками цифр, либо словами. Содержащиеся в тексте телеграммы числовые значения, точность передачи которых важна для пользователя, должны быть написаны отправителем полными словами. Знаки «точка», «запятая» и «кавычки», а также «скобка» могут быть написаны в телеграмме либо полными словами, либо сокращенными словами («тчк», «зпт», «квч» и «скб» соответственно), либо соответствующими символьными знаками.

Знаки «вопросительный знак», «тире» («минус»), «плюс» и «дробная черта» могут быть написаны либо полными словами, либо соответствующими символьными знаками. Знаки «номер», «двоеточие» и «восклицательный знак» могут быть написаны либо полными словами, либо сокращенно («нр», «двтч» и «вскл» соответственно). Другие знаки могут быть написаны только полными словами.

Знаки препинания в виде соответствующих символьных знаков, кроме символьного знака «-», должны быть написаны в телеграммах после предыдущего

слова (группы цифр) без интервала. Символьный знак «+» (плюс) между словами, цифрами, группами букв, группами цифр и смешанными группами должен быть написан с интервалом между предшествующим и последующим словом и считаться за отдельное слово.

Все знаки, написанные полным или сокращенным словом, должны быть написаны с интервалом между предшествующими и последующими словами, цифрами и знаками. Приведем пример типичной телеграммы.

ПРОСИМ ВЫСЛАТЬ ТЕКСТ ИЗМЕНЕНИЯ НР ОДИН ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ СЕРТИФИКАЦИИ ПРОДУКЦИИ РФ ТЧК ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ОАО ТЮМЕНЬГАЗ ЧИГИН [4].

Сжатые тексты воплощают существующую, по мнению ряда лингвистов, экстралингвистическую тенденцию к возможно более точному способу изложения с точки зрения содержания и более экономному способу изложения с точки зрения выразительных средств. Необходимость выражения в сжатом тексте в силу указанных выше причин самых различных мыслей при ограниченном количестве единиц языка предполагает разнообразное сочетание функций того или иного текста, ту или иную его стилистическую отнесенность и другие характеристики, которые с течением времени становятся все менее стандартизованными.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что сжатые тексты с течением времени и с ускорением темпа современной жизни приобретают все большее значение во всех сферах языка. Таким образом, СМС-сообщения представляют собой новый вид текстов, отличающийся «экономичным стилем» (редукция на орфографическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях), обусловленным особенностями средства коммуникации, и в то же время наличием многочисленных признаков концептуальной устности в письменных сообщениях. Исследования в этой области особенно перспективны, как перспективно всё, что связано с новыми технологиями. Очевидно также, что новые средства коммуникации будут и дальше развиваться и совершенствоваться, подгоняемые прогрессом и главным требованием, предъявляемым сегодня к передаче информации (в том числе и вербальной): быстрее, проще, короче.

Библиографические ссылки

1. **Венедиктова Ю. Е.** СМС-сообщения: опыт типологического исследования (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Ю. Е. Венедиктова. – М., 2011. – 22 с.
2. **Леонтьева А. В.** Компрессия современного электронного дискурса / А. В. Леонтьева // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – М. : Изд-во МГОУ, 2009. – № 2. – С. 41–45.
3. **Палкова А. В.** SMS как новая форма коммуникации / А. В. Палкова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология» (лингвистика и межкультурная коммуникация). – Вып. 4. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. – С. 93–102.
4. **Правила оказания услуг телеграфной связи**, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2005 г. № 222 [по состоянию на 10 марта 2009 г.]. – Пункт 3.
5. **Сидорова М. Ю.** «Засоряют ли СМС-сообщения русский язык?», или «На зеркало неча пенять...» [Электронный ресурс] / М. Ю. Сидорова. – Режим доступа : <http://marina.doma.narod.ru/inet/sms.html> – Дата обращения: 05.10.2011. – Загл. с экрана.
6. Crystal D. Txtng: the gr8 db8. – Oxford University Press, 2008. – 241 p.

Надійшла до редколегії 08.01.13.

УДК 811.161.1'42

А. Н. Пикалова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФУНКЦИИ ИМЕНТЕЛЬНОГО ТЕМЫ В УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

Здійснено функціональний аналіз конструкцій розмовного синтаксису на матеріалі усної наукової мови (лекції). Виділено конструкції називного теми в усних наукових монологах, зроблено їх класифікацію за функціональними характеристиками.

Ключові слова: лекція, розмовна конструкція, спонтанність, усність, називний теми, функція.

Выполнен функциональный анализ конструкций разговорного синтаксиса на материале устной научной речи (лекции). Выделены конструкции именительного темы в устных научных монологах, сделана их классификация по функциональным характеристикам.

Ключевые слова: лекция, разговорная конструкция, спонтанность, устность, именительный темы, функция.

The article is devoted to the functional analysis of the constructions of syntax of spoken language in the oral scientific speech (lectures). There are identified constructions of nominative of theme in the oral scientific monologues and done its classification based on its functional specification.

Keywords: lecture, spoken construction, spontaneity, orally, nominative of theme, function.

Устная речь интересовала лингвистов на всех этапах развития науки. Особенно актуальным и дискуссионным вопрос изучения устной речи стал с возникновением возможности её изучения, что связано с изобретением магнитофонных записей. Следует отметить, что до пятидесятих годов устной речью или не занимались вовсе, или исследовали её на материале разговорной речи персонажей художественной литературы. Однако при изучении реальной устной речи и речи, использованной писателями в качестве разговорной, выделяется ряд несоответствий между этими двумя системами, что свидетельствует о нецелесообразности и, возможно, не очень высокой научной ценности работ, в которых речь персонажей изучается как устная речь реального общения.

С возникновением технических возможностей изучение устной речи становится одним из наиболее дискуссионных вопросов в современной лингвистике. Развитие средств массовой информации приводит к распространению устной речи практически во все сферы современной жизни. Это приводит к тому, что элементы разговорной речи проникают во все функциональные стили речи на всех языковых уровнях.

Ю. М. Скребнев, указывая на «колоссальную роль письменности в жизни общества», говорит, что «непосредственное устное языковое общение продолжает оставаться важнейшей сферой функционирования языка» [6, с. 7]. Так, среди специфических черт разговорной речи он выделяет лексические и синтаксические как наиболее значимые и по отношению к синтаксису пишет: «Синтаксис является абсолютно доминирующим аспектом формирования разговорной специфики» [6, с. 75]. Мы, соглашаясь с Ю. М. Скребневым, считаем сферу синтаксиса одним из наиболее показательных уровней с точки зрения проникновения разговорных конструкций в другие сферы коммуникации.

Научный стиль, который характеризуется строгим отбором языковых средств, представляется нам одним из наиболее интересных для изучения с точки зрения проникновения в него разговорных конструкций.

Несмотря на то, что процесс проникновения синтаксических конструкций, которые являются специфическими для разговорной речи, был отмечен давно, ещё О. А. Лаптевой [7], вопрос не теряет актуальности, особенно в наше время, когда меняются социальные отношения в мире, пересматривается его однополярность, возникает даже термин «клиповое сознание». Сознание человека меняется, а, соответственно, меняется и язык. Всё чаще мы наблюдаем проникновение элементов разговорной речи в научный стиль. Это ставит вопрос о необходимости его нормирования и приводит к появлению таких монографий, как например, «Культура письменной научной речи» В. Э. Морозова [4].

Особенно актуальной в период развития новых форм коммуникации становится устная реализация научного стиля. Этой теме посвящаются не только лингвистические работы, но и психолингвистические. Так, например, И. Н. Рыбка написала диссертацию на тему «Психолингвистическое исследование особенностей устного научного монологического текста» [5].

Цель данной статьи заключается в функциональном анализе конструкций разговорного синтаксиса на материале устной научной речи, реализуемой в лекциях. Перед нами стоит две **задачи**: а) выделить конструкции с именительным темой (далее ИТ. – *А. П.*) в научно-популярных лекциях, транслируемых на телеканале «Культура» в рамках серии «Академия», и б) проанализировать их с точки зрения выполняемых ими функций.

Несмотря на то, что проблема классификации именительного темой неоднократно рассматривалась в отдельных диссертационных исследованиях [3; 1], в определении этой конструкции до сих пор существуют разногласия.

В нашей статье берутся во внимание конструкции ИТ, которые соответствуют признакам, выделенным О. А. Лаптевой в исследовании, посвящённом русскому разговорному синтаксису: 1) высказывание расчленяется на две грамматически самостоятельно оформленные части; 2) одна из его частей, являющаяся одним из информативных центров, оформляется в виде группы именительного падежа, в другой части предсказывается сообщение относительно денотата, названного этой группой; 3) именительный темой занимает позицию субъекта; 4) именительный темой имеет инициальное положение в высказывании; 5) именительный темой обычно имеет распространенный состав; 6) вторая часть высказывания имеет местоименный коррелят (личное местоимение) именительного темой [2, с. 140].

В письменной речи сегментированные конструкции употребляются специально, с заранее установленной целью. По отношению к устной речи это не всегда справедливо. ИТ может употребляться сознательно, для экспрессивности речи, а может возникать и под воздействием факторов, не зависящих от прямой воли говорящего.

Для установления функций, выполняемых ИТ в лекциях, очень важную роль играет контекст, в котором эти конструкции употреблены, их лексическая наполненность, а также интонация, с которой они реализуются в речи.

Следует отметить, что частота употребления ИТ мало зависит от тематики научной информации. Так, например, конструкции ИТ выявлены в лекциях гуманитарной направленности: *Вообще все события, которые (вот) вызревали в ходе этой войны, они распались на определенные этапы* (А. Н. Сахаров. Дипломатия 1939–1945 годов); в естественно-научных лекциях: *Поэтому патриотические качества с указанием на истоки ... они укрепляют нас и мысль, что мы всё можем. Можем. Можем. Можем. Надо, чтобы это понимали все* (С. Э. Шноль.

У истоков молекулярной биологии); в лекциях, посвящённых технической тематике: *Так что, скорее всего, это не так. И скорее всего, вот это распределение чёрных дыр по массам, оно не искаж... не сильно искажено эффектами наблюдательной селекции, а близко к реальности* (А. М. Черепашук. Новые формы материи во Вселенной. Оптические исследования рентгеновских двойных звездных систем).

При этом гораздо большее значение в употреблении ИТ имеет манера изложения лектора, его способ подачи материала, степень подготовленности композиционной структуры самой лекции и темп, с которым лектор преподносит информацию.

Так, с одной стороны, в лекциях, которым свойственен размеренный темп речи и чёткая логически выстроенная композиция, ИТ не встречаются вовсе или же их количество сведено к минимуму. Например, в двух лекциях доктора биологических наук С. Э. Шноля «Космофизические факторы в случайных процессах» нами не было выявлено ни одной конструкции с ИТ. С другой стороны, если лекция проходит в быстром темпе, на неё гораздо больше влияет спонтанность устной речи и, как результат, употребление ИТ более частотно. Так, в двух лекциях доктора физико-математических наук, академика РАН А. М. Черепашука «Новые формы материи во Вселенной. Оптические исследования рентгеновских двойных звёздных систем» нами было выявлено 52 конструкции ИТ.

Проанализировав четыре лекции академика РАН В. В. Иванова «Индоевропейские языки и миграции индоевропейцев», «Этрусский язык: лингвистика, археология, история», «Языки большого города в истории человечества», «Макросемьи языков и расселение человека из Африки», мы обнаружили, что конструкции с ИТ в них употребляются соответственно 6, 0, 0 и 1 раз. Этот факт подтверждает то, что употребление ИТ в речи лектора зависит в первую очередь не от информативной содержательности лекции, а от личности лектора и его манеры преподнесения информации.

В результате анализа 30 лекций мы пришли к выводу о том, что употребление в речи конструкций с ИТ, независимо от того, сознательно эта конструкция была употреблена лектором или автоматически, как следствие некоторой клишированности устной речи, не случайно. Учитывая особенности использования конструкций с ИТ и выполняемую ими функцию, их можно разделить на несколько групп.

1. Называя какое-то явление или предмет, лектор может давать к нему поясняющие замечания в виде придаточных определительных, причастных оборотов или несогласованных определений, после которых следует собственно рема высказывания. При письменной линейной реализации речи в повторной номинации или же в возвращении к названному объекту посредством употребления местоимения нет необходимости, ведь читающий может в любой момент вернуться взглядом к началу фразы. Однако в устной форме реализации высказывания для достижения большей ясности речи говорящий может прибегнуть к такому «возвращению» и тогда мы имеем дело с ИТ.

Примеры таких конструкций: *То магнитное поле, которое рисовал, оно вытягивается из Солнца. ... Даже такая шутка «даже на Солнце есть пятна», она очень важная, потому что, когда на Солнце есть пятна, Солнце становится особенно активным и опасным* (Л. М. Зеленый. Солнечная империя); *Если мы сами не можем во всех пространствах, то понятно, человек, выросший в другой культуре, в другой действительности, у него есть реальная потребность общаться в конкретных коммуникативных пространствах* (Н. С. Борисов. Возвышение Москвы в 14–15 веках).

Употребление в устной речи таких конструкций вполне оправданно. Это связано с ограничениями оперативной памяти человека и со стремлением говорящего как бы вернуться к предмету речи.

К этой же группе принадлежат и конструкции следующего типа: *И вы видите, что, как ни странно, эти громадные тяжёлые планеты (Юпитер у нас где-то здесь находится) они находятся совсем близко к своим звёздам, ближе, чем Меркурий* (Л. М. Зеленый. Солнечная империя); *А вот эволюция скопления галактик (это, значит, зелёным отмечена) она получается из анализа тоже оптических наблюдений* (А. М. Черепашук. Новые формы материи во Вселенной. Оптические исследования рентгеновских двойных звездных систем).

В этих примерах вводная фраза не поясняет ИТ; она вызвана технической необходимостью обращения к слайду. Так, лектор начинает фразу ИТ, затем как бы отвлекается от темы, указывая на определённые объекты на слайде, и возвращается обратно к теме высказывания, напоминая о ней местоимением. На письме, в виду того, что читатель имеет возможность обращаться к структурным элементам текста в любом порядке, такое уточнение может быть реализовано в виде сноски, а не как одна фраза.

Таких ИТ в научных публичных лекциях большинство.

2. К следующей группе мы относим конструкции ИТ, которые используются лектором для облегчения восприятия информации слушателями. При этом объект высказывания выносится в инициальное положение, для того чтобы те, кто воспринимает информацию, смогли как бы «настроиться» и «подготовиться» к восприятию новой информации. Важной характеристикой таких конструкций, которые ещё А. М. Пешковским были названы «лекторскими именительными», является особая интонация и пауза между двумя сегментами.

ИТ для облегчения восприятия слушателем реализуются, например, в таких конструкциях: *К сожалению, сын Василия I Василий II. Он не сумел продолжить дело отца. ... Так вот Куликовская битва. О ней очень много написано, о ней очень много споров среди историков. ... Иван Калита. Он правил Московским княжеством с 1325 по 1340 год* (Н. С. Борисов. Возвышение Москвы в 14–15 веках).

В эту же группу входят конструкции, типа: *Но вот эта схема. Она работает как некая голограмма* (Ю. Е. Прохоров. Русский язык в поликультурном пространстве); *Ну, значит, вот такая крупномасштабная структура. Она как раз получается только в том случае, если мы учтём, что 25 % тяготеющей массы – это тёмная материя* (А. М. Черепашук. Новые формы материи во Вселенной. Оптические исследования рентгеновских двойных звездных систем). В данном случае между первым и вторым сегментами лекторы указывают на экран, демонстрируя то, что они называют, а затем уже продолжают своё высказывание, начиная замещающим местоимением.

К этому типу можно отнести и такие конструкции: *Внук великого французского правителя Филиппа IV Красивого. Почему ему не стать королём Франции?* (Н. И. Басовская. Столетняя война); *И Фёдор Михайлович Достоевский. Как вы думаете, в чём он сам полагал своё наибольшее величие?* (М. Н. Эпштейн. От гуманитарных наук к гуманитарным технологиям). Данные два примера отличаются от предыдущих тем, что они выполняют номинативную функцию с некоторой экспрессивностью, обусловленную структурой второй части высказывания, представляющей собой риторический вопрос.

3. К третьему типу мы относим конструкции, которые, в отличие от предыдущих, выполняют функцию «облегчения самого себя». В таких конструкциях местоименный коррелят следует после ИТ сразу, контактно, без паузы между сегментами. Здесь мы имеем дело с типичной разговорной конструкцией, она яв-

ляется своеобразным клише для разговорной речи: *У Юпитера такой большой размер и такая большая плотность, что его ядро, оно даже просто стало... водород при очень большом давлении становится металлом. ... И оказалось, что это число пятен, оно очень много определяет в околоземном космическом пространстве* (Л. М. Зеленый. Солнечная империя); *Но вот в целом, в целом, эта проблема геополитики, она была связана с интересами не только государственными, не только слоя помещиков, там, и буржуазии, но и с интересами, конечно, всего народа* (А. Н. Сахаров. Дипломатия 1939–1945 годов).

К этой же группе можно отнести конструкции, связанные с так называемым «самоисправлением». В частности, в следующем примере местоименный коррелят употребляется в связи с необходимостью скорректировать падеж ИТ: *В Галактике звезд типа Солнца и ещё меньшей массы большинство, массивные яркие звёзды их там во много-много раз меньше* (А. М. Черепашук. Новые формы во Вселенной. Оптические исследования рентгеновских двойных звездных систем).

В разграничении функций, выполняемых конструкциями второго и третьего типа, важно учитывать контекстуальную позицию ИТ, интонацию, темп речи, с которым проговариваются сегменты, и длительность паузы между ними.

4. В четвёртую группу входят конструкции, которые выполняют функцию заполнения пауз. В некоторых случаях пауза может возникнуть в связи с экстралингвистическими факторами. Так, например, лектор, находясь возле экрана, где показан определённый объект, называет его. После этого он возвращается к своему столу, где с помощью опорных записей озвучивает информацию об этом объекте. В данном случае местоименный коррелят используется для заполнения паузы, возникшей по техническим причинам.

Например, лектор, находясь у экрана и указывая на него указкой, озвучивает первый сегмент фразы: *(Вот) Тунгусский метеорит*, далее в процессе передвижения от экрана к ноутбуку (в котором у лектора, вероятно, содержится план-конспект лекции), он смотрит в него и озвучивает окончание фразы: *он эквивалентен примерно по мощности бомбе, которая была сброшена на Хиросиму* (Л. М. Зеленый. Солнечная империя). Таким образом данная конструкция с ИТ выполняет функцию заполнения ситуативной паузы, вызванной техническими условиями.

Ещё один пример возникновения паузы, связанной с техническими условиями проведения лекции и с психологическими особенностями мышления человека: лектор, смотря в ноутбук, начинает фразу: *Кстати говоря, проблема второго фронта....* Затем, переводя свой взгляд от ноутбука к аудитории, он употребляет местоимение и тем самым как бы даёт себе время для того, чтобы перенастроить внимание, и продолжает фразу: *она была тесно связана с проблемой не только геополитического противодействия Советскому Союзу, прежде всего, но и противодействия продвижению социализма на Запад* (А. Н. Сахаров. Дипломатия 1939–1945 годов).

Конструкции ИТ могут заполнять паузы хезитации. Например, назвав объект, лектор обдумывает, что же следует о нём сказать далее, и, чтобы заполнить возникшую паузу, он употребляет местоимение. В таком примере *Ну, (вот) видите... Даже такая ошибка.... Она тоже дала... дала много интересных последствий* (Л. М. Зеленый. Солнечная империя) можно проследить как лектор строит фразу. Сначала он называет ИТ, затем, подбирая в уме необходимые слова для выражения ремы высказывания, он озвучивает местоимение, чтобы заполнить паузу хезитации. При этом за время «озвучивания» местоимения фраза во внутренней речи лектора не получает достаточно чёткой оформленности, что приво-

дит к возникновению второй паузы хезитации, которая, в свою очередь, заполняется уже не местоимением, а повтором словоформы *дала*.

При выделении функции замещения паузы хезитации следует большое внимание уделять темпу, интонации и контексту высказывания. Обычно в таких фразах пауза длительнее обычного, могут повторяться некоторые части высказывания, возможно использование невербальных средств выражения колебания, таких как покашливание или прочищение горла: *На самом деле действительно у Фобоса ... у него плотность меньше, чем ожидалось* (Л. М. Зеленый. Солнечная империя); *И волею судеб вот эти два изгоя ... они искали объединения, искали путей друг друга, искали помощи друг у друга* (А. Н. Сахаров. Дипломатия 1939–1945 годов).

Таким образом, мы приходим к выводу, что функционирование ИТ в научно-популярной лекции обусловлено влиянием спонтанности устной формы речи, под воздействием которой в речи лекторов реализуются конструкции, в целом, чуждые научному стилю. При этом наличие и частотность употребления разговорных конструкций в речи лекторов в большей степени зависит от индивидуально-авторской манеры изложения научной информации, и в меньшей – от тематики лекции.

Функционирование разговорных синтаксических конструкций в устной научной речи нельзя назвать «случайным», так как они выполняют ряд важных функций. Так, попадая в речь лектора, ИТ может облегчить понимание новой информации, которая преподносится в два этапа: наиболее значимый компонент выносится в инициальное положение и на нём акцентируется внимание слушателей; благодаря этому то, что будет сказано лектором далее, воспримется легче.

Проникновение разговорных конструкций в «замкнутый» научный стиль свидетельствует не только о процессах демократизации языка, но и о тенденции русского языка к аналитизму, основным проявлением которого считается синтаксическая расчленённость. Однако употребление разговорных конструкций в научной речи не разрушает основ грамматического строя языка, а представляет собой лишь этап развития, который связан с применением массовых средств коммуникации (радио, телевидения), широких устных контактов, распространяющих устную форму литературного языка – научную и публицистическую речь.

Наблюдения над особенностями употребления структур разговорного синтаксиса в лекциях дают возможность глубже проследить стилистические изменения, которые происходят в научном стиле и являются отражением общих процессов, характеризующих развитие русского литературного языка в настоящее время.

Библиографические ссылки

1. Дрозд Н. В. Именительный темы как особая разновидность номинативных предложений : дисс. ... канд. филол. наук / Н. В. Дрозд. – М., 2006. – 165 с.
2. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис / О. А. Лаптева. – М. : Наука, 1976. – 399 с.
3. Майорова Л. Е. Именительный представления и именительный темы как явления экспрессивного синтаксиса : дисс. ... канд. филол. наук / Л. Е. Майорова. – Л., 1984. – 149 с.
4. Морозов В. Э. Культура письменной научной речи / В. Э. Морозов. – М. : Гос. ИРЯ А. С. Пушкина, 2007. – 268 с.
5. Рыбка И. Н. Психолингвистическое исследование особенностей устного научного монологического текста : дисс. ... канд. филол. наук / И. Н. Рыбка. – Уфа, 2007. – 177 с.
6. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев. – Саратов : Изд-во СГУ, 1985. – 210 с.

7. **Современная русская устная научная речь** / под ред. О. А. Лаптевой. – Т. 2 (Синтаксические особенности). – М. : НГЦ «Консерватория», 1994. – 416 с.

Надійшла до редколегії 11.02.13

УДК 811.161.1'373

Л. П. Попко

*Государственная академия руководящих кадров культуры и искусств
Министерства культуры и искусств Украины (г. Киев)*

ИНГ-ИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА КАК ПРОБЛЕМА НЕОЛОГИИ

Розглянуто проблеми функціонування англomовного компонента -інг у сучасній російській мові. Описано словотворчий потенціал цього компонента та його стилістичне вживання. Ключові слова: неологізм, неологія, запозичення, словотвір, словотвірний компонент.

Рассмотрены проблемы функционирования англоязычного компонента -инг в современном русском языке. Описаны словообразовательный потенциал данного компонента и его стилистическое использование.

Ключевые слова: неологизм, неология, заимствование, словообразование, словообразующий компонент.

The article deals with the problems of English component -ing in modern Russian. The derivational potential of the component and its stylistic usage are described.

Keywords: neologism, neology, borrowing, derivation, derivational component.

Данная статья написана в русле актуальных лингвистических исследований, поскольку изучение проблемы неологии в современном языкознании связано с появлением все новых и новых потоков неологизмов, обусловленных различными причинами. Интенсификация инновационных процессов обуславливает повышение интереса лингвистов к проблемам неологии вообще (Э. И. Ханпира, В. Г. Лыков, В. В. Лопатин, Н. В. Бакина, В. А. Габинская, Е. А. Земская, А. В. Брагина, А. В. Березовенко и др.), украинской в частности (Г. Н. Виняр, Д. В. Мазурик, А. Самойлова и др.), располагает к осмыслению природы неологизмов и к систематизации неологического материала. Однако еще остается ряд частных проблем, которые не получили достаточного освещения в лингвистической литературе.

Целью данной статьи является анализ роли английского форманта –ИНГ в создании русских неологизмов.

В процессе становления нового качества слов внешние факторы взаимодействуют с внутренними, причем те и другие могут проявиться с разновеликой силой. Неравномерность их взаимодействия обнаруживается обычно в том, что стимулирующая сила воздействия внешнего, социального фактора либо актуализирует внутренние процессы в языке, либо, наоборот, замедляет их. Причины того и другого коренятся в тех изменениях, которые претерпевает само общество, носитель языка. Конкретные языковые единицы обладают разной степенью стабильности и жизнеспособности. Одни – живут на протяжении столетий, другие – более подвижны и проявляют активную потребность в изменении, приспособлении к нуждам меняющегося общения.

Обновление корпуса языковых средств обозначения явлений действительности – непрерывный процесс, охватывающий все типы лексических единиц. Речевые

инновации позволяют утверждать, что не только в обществе перемены революционны, но и в языке происходит революция. Как отмечает Г. А. Золотова, у языка, как и у людей, – свои проблемы, трудности, утраты, находки. В преодолениях, в поисках современная русская речь обретает новые силы, новые краски, новые средства выразительности [2, с. 38].

Значительную часть массива неологизмов составляют заимствования. Основной чертой современного процесса заимствования становится скорейшая фонетическая, графическая, грамматическая, семантическая и словообразовательная адаптация новых слов в языке-реципиенте. С точки зрения структурной лингвистики заимствование представляет собой воспроизведение моделей одного языка в другом, причем характер этого воспроизведения может быть различным на разных уровнях языка [5, с. 34].

Проблема освоения иноязычной лексики русскоязычными индивидами всегда важна и актуальна и имеет достаточно материала для рассмотрения и исследования, так как живой язык – явление динамичное, постоянно развивающееся. Для начала XXI века характерно расширение сфер международных контактов, где английский язык является языком международного общения. Важная политико-экономическая роль англоязычных стран в мире, их превосходство в некоторых сферах деятельности в значительной степени активизируют появление и использование англицизмов в русском языке. Тенденция к употреблению слов, пришедших из английского языка, вместо русских со схожей, а порой и идентичной семантикой, начала проявляться с 50-х годов XX века и была названа В. В. Виноградовым «американобесием». Особенно она усилилась в 1980–1990-х годах и продолжается до сегодняшнего дня.

Как отмечается в лингвистической литературе, суффикс «-инг» становится настолько привычным, что скоро шутки по его поводу перестанут смешить. В подобном заимствовании ничего исключительного нет. Трудно и просто невозможно представить себе русский язык без иноязычных суффиксов «-ер», «-ор», «-изм» и многих других (*интервьюер, редактор, позитивизм*). В русских словарях уже лет двадцать-тридцать назад можно было найти несколько десятков слов с «-инг», а сейчас в текстах их наблюдается огромное количество (более 900).

Аффиксальное словообразование является наиболее традиционным и нормативным в русском языке. Как отмечает Л. А. Кудрявцева, «активно реализуются известные деривационные модели, позволяющие автору моделировать экспрессивно-эмотивно-оценочное содержание путем создания собственных метафор, перифраз, энантиосемем и, конечно же, окказиональных слов, обладающих в значительной степени необычностью, яркостью, высокой воздействующей силой» [3, с. 19].

Среди причин появления потока англицизмов в русской речи можно назвать следующие.

1. Появление новой терминологии (язык компьютера, экономика, финансы, интернет): в связи с быстрым развитием и распространением информационных технологий в обиходной жизни появилось много новых предметов, которые требуют названия: *хакер, нетбук, сетикет, диск, байт, сайт*.

2. Отсутствие соответствующего понятия. В словарь делового человека 90-х годов прочно вошли такие англицизмы, как *бэдж, классификатор, ноутбук* и его новые разновидности: *аудиобук и пауэрбук; органайзер, пейджер и твейджер, холстер, таймер, бипер, скремблер, интерком, шредер, оверхэд, плоттер, сканер, тюнер, вьюк* и др.

3. Отсутствие соответствующего наименования. Около 15 % новейших англицизмов заимствуются в связи с отсутствием соответствующего наименования в

языке-рецепторе: *top-модель, brand name, виртуальный, инвестор, дайджест, спичрайтер, спонсор, спрей*.

4. Дань моде: знание английского языка считается в высшей степени престижным. И зачастую люди, используя англицизмы, хотя тем самым выглядят модно: *ресепшин, твиттер, ток-шоу*.

5. Экспрессивность новизны: многие фирмы и компании в качестве названия используют англицизмы, чтобы привлечь внимание новизной звучания: *Тактреба продакшн, Авиатур* и др.

Обилие заимствованных слов неизбежно приводит к тому, что количество перерастает в качество. Происходит становление иноязычных структурных элементов как самостоятельных морфем в русском языке.

Как отмечает О. Сологуб [4], на первой, начальной, стадии иноязычные элементы выделяются лишь как регулярно повторяющиеся отрезки в ряде слов. Например, русским языком в последнее время заимствуется большой поток английских слов с суффиксом -инг (маркетинг, кинднэппинг, холдинг, кастинг, боулинг, лизинг и т. д.). Однако на русской почве этот отрезок еще не сформировался как полноценный суффикс, так как слова, в которых он выделяется, лишены словообразовательной структуры; в русском языке отсутствует производящая основа, на базе которой образовано данное слово, что является необходимым условием становления структурного элемента как самостоятельной морфемы.

Лишь в единичных случаях на основе заимствования ряда однокоренных слов слова с иноязычным элементом начинают развивать свою словообразовательную структуру. В «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» Т. Ф. Ефремовой этот структурный элемент трактуется как нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном мужского рода, которое обозначает действие по глаголу, названному мотивирующим словом [1].

На втором этапе иноязычный структурный элемент уже начинает формироваться как самостоятельная морфема в русском языке, так как слова, включающие данный компонент, четко осознаются в языке с точки зрения их состава, структуры.

Третий этап характеризуется дальнейшим функционированием иноязычной морфемы в русском языке. На этом этапе морфема является многозначной.

Четвертая ступень освоения иноязычных структурных элементов характеризуется определенной словообразовательной активностью иноязычных морфем в русском языке, когда становятся возможными единичные образования на почве русского языка с участием русских производящих основ, нередко окказионального характера.

На пятой стадии иноязычный структурный элемент прочно завоевывает свои позиции в системе русского языка. Это полноценная морфема, которая четко выделяется в русском языке как структурный элемент слова, имеет вполне определенное значение и функционирует в языке как продуктивный словообразующий формант, образуя новые слова и на базе русских основ.

На шестом этапе морфемы иноязычного происхождения начинают развивать свою словообразующую активность, становятся все более продуктивными, притягивая к себе все большее число основ для образования новых слов, в том числе и на русской почве, тем самым расширяя свое значение и развивая многозначность.

Английский по происхождению суффикс -ИНГ привносит значение деятельности, процесса в абстрактные существительные, вошедшие в русский язык в последнее время в большом количестве. Приведем несколько примеров: *контроллинг* (ср.: контроль), *листинг* (ср.: лист) 'распечатка', *маркетинг* (ср.: маркет), *кикбоксинг* [кик-боксинг] (ср.: бокс), *мастеринг* (ср.: мастер) 'монтаж видеопроизводства', *мониторинг* (ср.: монитор) 'наблюдение, оценка и прогнозирование состояния ок-

ружающей среды», *прессинг* (ср.: пресс) – *перен.* ‘давление, нажим в области политики, экономики и т.п.’, *рекрутинг* (рекрутер, рекрутёр; рекрут) ‘найм рабочей силы (преимущественно за рубежом) через специальные агентства’, *чартинг* (ср.: чарты) *эк.* ‘составление чартов – диаграмм и графиков при анализе рынка с целью определения его состояния и для прогнозирования движения цен или средней цены’, *шокинг* (ср.: шок), *шопинг* (ср.: шоп).

Определенного разъяснения в этом плане требует неологизм *рекрутинг*: «*Рекрутинг – шанс для профессионалов. Сначала постараемся расшифровать само слово “рекрутинг”. К солдатам-рекрутам, уходящим на военные действия в 19-м веке, это не имеет никакого отношения. Рекрутинг как бизнес – это подбор высококвалифицированных кадров под эксклюзивные заказы... По статистике, на сегодняшний день 10–12 % специалистов в Москве устраиваются на престижные высокооплачиваемые места через рекрутинговые агентства. И в Кемерово специалисты получают шанс устроиться на те вакансии, куда брали только “по блату”»* (Работа, 1998, № 1 (01), с. 4). В языковом сознании носителей русского языка он неизбежно соотносится с архаизмом *рекрут* ‘в русской (XVIII–XIX вв.) и иностранной армиях – лицо, принятое на военную службу по найму или по повинности’ (заимствованным в начале XVIII в. через польское *rekrut* ‘новобранец’ из французского *recrute* ‘то же’, *recruter* ‘набирать войска’). Слово *рекрут* не является производящим для новейшей лексемы *рекрутинг*, отношения этих языковых единиц выходят за пределы словообразования и могут квалифицироваться в лексикологии как отношения лексической мотивации, основанные на общности семантики: ‘лицо, принятое на службу (гражданскую или военную)’. Все рассмотренные выше заимствования полной членности имеют свободные корни.

К множеству иноязычных слов на -ИНГ, используемых сейчас в СМИ, добавился термин «канвассинг», связанный с предвыборной агитацией.

Этим термином описывается ситуация, когда кандидат появляется на пороге обычного жилища избирателей. В Великобритании (государстве, которое справедливо считают основоположником современной европейской демократии) такая практика – норма. Для подобной агитации в английском существует специфический термин *канвассинг*, который на другие языки не переводится. Возник он еще в шекспировские времена и означал именно борьбу за голоса избирателей. Так, в 1714 г. приписываемая Квинту Туллию Цицерону книга *Commentariolum Petitionis* (в современном переводе на русский – «Краткое наставление по соисканию консульства») была издана в Лондоне под заглавием *The art of canvassing at elections*, т. е. «Искусство канвассинга на выборах».

В то же время термин *канвассинг* имеет и другое значение: международная купля-продажа товаров (с перевозкой, страхованием, банковской сделкой) *Канвассинг грузов (Canvassing)* – операции по привлечению грузов к перевозке агентской или экспедиторской фирмой или самим перевозчиком.

Звукобуквосочетание -ИНГ всесторонне освоено русским языком. Занятия по преодолению водопадов на каяках уже получили свой неологизм *водопадинг*. В рекламно-парикмахерском деле растет ряд процедур типа «пилинг», «лифтинг», «райтинг». Существует и «бомбинг» в граффити, и рекламный «ПРАЗДНИНГ», и компрессия «аюрведического массажа» в *аюрвединг*.

«Фотошопинг» (*photoshopping*) – это слово относится к появившейся недавно и уже распространенной практике подправлять электронные изображения или делать коллажи по собственному усмотрению.

Сферы, которые освоены словами на -ИНГ, – это экономика и политика, бизнес, массмедиа, искусство, хай-тек, быт, спорт. Они достаточно обширны, разнообразны.

разны и динамичны, чтобы «инговое поветрие» могло охватить и всю идеографию языка, став «своим» в любом уголке триады ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА – ОБЩЕСТВО.

Большая часть названий новых видов спорта с финальным комплексом -ИНГ широко распространена, хотя и малоактивна в словообразовательном отношении: прилагательные типа *армрестлинговый*, *боулинговый*, *виндсёрфинговый* имеют статус лексических раритетов, встречающихся в узкопрофессиональном обиходе.

Реальное будущее «инговых форм» связано с их семантическим потенциалом. У англ. -ing большое разнообразие в значениях (причастия действительного залога и имени действия). На русской почве и новые заимствования отмечены значениями процессуальности и предметности, а также их определенной совместимостью: *прессинг*, *лизинг* и *мониторинг* процессуальны, но и предметны; *кемпинг*, *паркинг*, *допинг* или *боулинг* предметны, но и процессуальны.

К заимствованным словам в литературном языке предъявляется ряд требований. Заимствование должно быть, во-первых, необходимым – то есть таким, без которого нельзя обойтись (обычно это связано с заимствованием названий вещей, предметов или понятий, существующих в другом языке, у других народов). Всякое заимствование без надобности, необходимости приводит к злоупотреблению иноязычными словами, к недопустимому засорению русского языка.

Иноязычное слово должно, во-вторых, употребляться правильно и точно в том значении, какое оно имеет в языке-источнике (особенно это относится к новым заимствованиям). И, наконец, иноязычное слово должно быть понятно говорящим и пишущим.

В современном русском языке наличествует большое количество псевдоинговых слов, создаваемых в стилистических целях: *айтишинг*, *амПутинг*, *АнтиЖириг*, *аршининг*, *базаринг*, *балаболинг*, *балдеинг*, *басманинг*, *беспутинг*, *блининг*, *брединг*, *буминг*, *воринг*, *всхлипинг*, *гадинг*, *глуминг*, *головазадинг*, *дреминг*, *дрёминг*, *дремлинг*, *думинг*, *засекретинг*, *засекречинг*, *излишинг*, *изыскинг*, *имитинг*, *иронинг*, *Ленинг*, *логопозинг*, *любинг*, *любоначалинг*, *многоглаголинг*, *намеринг*, *обеспечинг*, *оболванинг*, *оболжвинг*, *обрыдлиг*, *объегоринг*, *отпадинг*, *подсыпинг*, *поливинг*, *приколинг*, *пудринг*, *путчинг*, *раздербанинг*, *раздолба(й)инг*, *распутинг*, *скептинг*, *смех-и-горетворинг*, *спросонинг*, *Сталинг*, *столпотворинг*, *стрессинг*, *тацинг*, *умапалатинг*, *чистописинг*, *шоуинг*, *итопинг*, *ЭдДэПэЭринг*, *элитинг*, *ЭфЭсБэшинг*, *ЮрМихинг*, *Якобсонинг* и др.

Стилистический потенциал -инг форманта может быть проиллюстрирован стихотворением «Пудинг» Андрея Усачева.

*Англичане любят
Есть на ужин ПУДИНГ.
Потому что ПУДИНГ –
Очень вкусный БЛЮДИНГ.
Тот, кто любит ПУДИНГ
И часто ходит в ГОСТИНГ,
Не бывает ХУДИНГ,
А бывает ТОЛСТИНГ.*

Таким образом, вхождение новейшей заимствованной лексики в словообразовательную систему принимающего языка актуально в нескольких отношениях. Это позволяет, во-первых, определить степень ассимиляции иноязычного неологизма, а во-вторых, установить актуальность определенных словообразовательных процессов, продуктивность тех или иных словообразовательных моделей и типов на современном этапе развития языка-реципиента с учетом современного языкового сознания; ценные сведения могут быть получены и при изучении конкуренции между отечественными и заимствованными формантами.

Библиографические ссылки

1. **Ефремова Т. Ф.** Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М., 1996.
2. **Золотова Г. А.** У языка, как у людей, – свои проблемы / Г. А. Золотова // Русская речь. – 2001. – № 4. – С. 33–36.
3. **Кудрявцева Л. А.** Оказиональное словопроизводство в современных массмедийных текстах / Л. А. Кудрявцева, Е. Н. Дорофеева. // Лексико-грамматические инновации в современных восточнославянских языках : матер. Всеукр. конф. – Д., 2003. – С. 19–23.
4. **Сологуб О. П.** Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке / О. П. Сологуб // Наука. Университет. 2002 : матер. III науч. конф. – Новосибирск, 2002. – С. 130–134.
5. **Хауген Э.** Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М., 1972. – Вып. 6. – С. 344–382.
6. **Эпштейн М.** Анализ и синтез в словотворчестве : опыты логопозии / М. Эпштейн // Поэтика исканий, или Поиск поэтики. – М., 2004.

Надійшла до редколегії 08.02.13

УДК 811.161.1'373.46

Л. Н. Проскурина

Национальный авиационный университет (г. Киев)

КОНЦЕПТ «ДЕФЕКТ ЛЕТАТЕЛЬНОГО АППАРАТА» КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ РЕМОНТА ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Досліджено концепт «Дефект літального апарату» – ключовий для терміносистеми літальних апаратів. Подано динамічну та статичну фреймову структуру дослідженого концепту як основу для групування термінів. Особливу увагу приділено аналізу парадигматичних відношень між термінами, зокрема, антонімічних, що формують просторово-часову структуру концепту. Описано види термінологічних антонімічних опозицій за предметно-логічною ознакою.

Ключові слова: дефект, дефект літального апарату, термінологія літальних апаратів, концепт, фреймова структура концепту, термінологічні опозиції.

Исследован концепт «Дефект летательного аппарата» – ключевой для терминосистемы ремонта летательных аппаратов. Представлена динамическая и статическая фреймовая структура исследуемого концепта как основа для группирования терминов. Особенное внимание уделено анализу парадигматических отношений между терминами, в частности, антонимических, формирующих пространственно-временную структуру концепта. Описаны разные виды терминологических антонимических оппозиций по предметно-логическому признаку.

Ключевые слова: дефект, дефект летательного аппарата, терминология ремонта летательных аппаратов, концепт, фреймовая структура концепта, терминологические оппозиции.

This article focuses on the research of «Flying machine defect» concept – the key concept of the flying machines repair term-system. Dynamic and static frame structure of the researched concept is represented as the foundation for the terms grouping. The special attention paid to the analysis of the paradigmatic relations between terms, in particular the anatomic, ones which form the space-temporal structure of the concept. The different kinds of terminological anatomical oppositions by gender attribute are described which are inherent in technical terminology.

Keywords: defect, defect of the flying machine, terminology of the flying machines repair, concept, frame structure of the concept, terminological oppositions.

Современное описание научной терминологии и ее систематизация во многом опираются на когнитивные методы, поскольку объектом исследования когнитивной лингвистики являются «различные структуры знания и языковые способы и механизмы их обработки, хранения и передачи, способы познания и концептуализации окружающего мира и их отражение в языковых единицах и категориях» [2, с. 3]. Поэтому когнитивный подход позволяет рассмотреть терминологию как концептуальную информацию, организованную в определенные структуры.

Возможности методов когнитивной лингвистики в структурировании терминологий были продемонстрированы в работах С. В. Гринева (метеорология), Л. В. Ивиной (экономика), В. Ф. Новодрановой (медицина), Ю. Ю. Уткиной и др.

Когнитивные методы послужили основным инструментом при комплексном анализе некоторых русских и украинских отраслевых терминологий в ряде диссертационных исследований (И. С. Гаврилина, К. А. Громова, И. Г. Гусева, Е. И. Южакова и др.).

Одним из важнейших результатов подобных исследований является построение концептуальной модели терминологии, которая наглядно демонстрирует глубину проникновения научной мысли в данную область знаний, а также системность, структурированность, целостность терминологии.

Основной единицей, которой оперируют исследователи концептуальных структур терминологии, является концепт. Концепт – это структурная единица, конструктор, который «реконструируется» через свое языковое выражение (В. Н. Телия). В концептосфере любой области науки концептами являются термины. Поскольку термин – это «квант когниции, это единица специального знания, функционирующая в рамках фрагмента научной картины мира» [7, с. 124], его основной функцией является функция познания. Поэтому «разные концепты способны передавать концептуальную информацию разного типа – от элементарных до сложнейших структур высшей степени абстракции» [8, с. 67].

Р. И. Павиленис указывал, что при построении концептуальной системы отрасли необходимо исходить из некоторых основополагающих, первичных концептов, из которых потом развиваются остальные [11, с. 143]. Структура таких концептов составляет ядро концептосферы. Такие концепты называют категориальными концептами, за которыми следуют базовые и опорные концепты. При этом исследователи опираются на общетеоретические положения области знаний, которую обслуживает терминосистема.

Авиационная концептосфера, несмотря на свою международную значимость, исследовалась немногими лингвистами, например, М. Н. Бондарчук [3]. Некоторые фрагменты и аспекты авиационной концептосферы вообще остались без внимания специалистов. В частности, одной из самостоятельных подсистем авиационной макроконцептосферы является концептосфера ремонта летательных аппаратов (далее – Ремонт ЛА).

Ремонт летательных аппаратов имеет разработанную научную основу и сложившуюся практику ремонтной деятельности, описанные в учебниках и справочных материалах. Следовательно, концептосфера «Ремонт ЛА» также предусматривает отражение во фреймовой структуре нескольких ключевых концептов, опираясь на которые возможно классифицировать все существующие номинативные единицы данной терминосистемы.

Одним из основных концептов в терминологии ремонта летательных аппаратов можно назвать концепт «Дефект летательного аппарата» (далее – Дефект ЛА). Важность этого концепта для терминологии ремонта летательных аппаратов подтверждается образованием таких автономных дисциплин, как физика дефектов, физика отказов и фрактография (наука о видах изломов), а также организация специ-

альных учебных курсов «Надежность и долговечность авиационной техники», «Технологические процессы технического обслуживания летательных аппаратов и авиационных двигателей». Эти дисциплины изучаются на факультете летательных аппаратов в авиационных вузах.

Задача данной статьи – определить особенности группировки терминологического материала внутри концепта «Дефект ЛА», проанализировать антонимические отношения, формирующие пространственно-временную структуру концепта.

Опираясь на работы ученых-когнитологов (Р. И. Павиленис, М. В. Пименова, В. А. Маслова), мы различаем универсальный технический концепт «Дефект» и концепт терминологии ремонта летательных аппаратов «Дефект ЛА». Используя метод фреймовой семантики, устанавливаем фрейм концепта «Дефект» (любого объекта), который состоит из следующих концептуальных признаков (субконцептов): *Причины появления дефектов, Разрушающие факторы, приводящие к дефектам, Процессы разрушения, Диагностика дефектов, Виды дефектов, Меры предупреждения дефектов*. Эти концептуальные характеристики универсальны для дефектов всех вещей, созданных в материальном мире.

С другой стороны, концепт «Дефект ЛА» является базовым концептом в концептосфере «Ремонт ЛА». Его значимость заключается в том, что производственный процесс ремонта ЛА (организация ремонтных работ, все возможные операции и связанные с ними технологические процессы), использование определенных методов, инструментов и материалов зависят, прежде всего, от возможных дефектов, возникших вследствие влияния определенных условий эксплуатации. А виды дефектов зависят от конструктивных характеристик объекта и особенностей его эксплуатации.

Термин «дефект» используется при контроле качества продукции на стадии изготовления, а также при ремонте, когда части и детали ЛА подвергаются проверке для выявления отклонений от требований нормативно-технической документации. Таким образом, в процессе ремонта (на определенных его этапах) выявляются дефекты, и для каждого дефекта устанавливается способ его устранения [4, с. 10].

Актуальность понятия «дефект» в терминологии ремонта ЛА проявляется в дифференциации терминов *дефект, отказ, неисправность, брак, поломка*. Являясь синонимами в наивной (обыденной) картине мира, общеупотребительном значении, они обладают разной концептуальной величиной в терминологии ремонта ЛА.

Термин «дефект» утвержден ГОСТом и имеет следующую дефиницию: «Каждое отдельное несоответствие продукции требованиям, установленным технической документацией, называется дефектом. Находясь в состоянии неисправности, объект имеет один или несколько дефектов» [4, с. 10].

Под *неисправностью* понимается «состояние изделия, при котором оно не соответствует хотя бы одному из требований нормативно-технической документации». При всей близости значений терминов «дефект» и «неисправность», они номинируют разные понятия. Дефект фиксирует конкретное несоответствие норме (*наклеп на шаровой поверхности плунжеров*), неисправность – это состояние объекта при различных несоответствиях нормам. *Отказ* является одним из видов неисправности (*отказ лампочки ночного освещения*). *Поломкой* называется «потеря объемной или поверхностной прочности» [4, с. 75], то есть поломка – это конкретный дефект, который может привести к отказу (*скол зуба является поломкой шестерни*).

Формирование концепта «Дефекты ЛА» связано с общими философскими концептами: *Время* и *Пространство*. Для образования дефекта и его восстановления важную роль играет протяженность процесса во времени и в пространстве,

его начало и конец, его пределы. В семантику слова «дефект» понятия параметра и предела включены в их противоположном значении – изменение, нарушение параметров. Опираясь на понятие параметра, процесс образования дефекта можно представить в виде следующей схемы:

Выходные параметры → эксплуатация → изменение параметров → необратимое изменение параметров → восстановление параметров (ремонт) → эксплуатация.

Понятие предела выступает смыслообразующим звеном для всей терминологии ремонта ЛА и имплицитно реализуется во многих терминах, например, в термине *ресурс*, поскольку под ресурсом понимается «наработка до предельного состояния, оговоренного в технических условиях» (4, с. 16). Также понятие предела представлено эксплицитно в различных терминах: *предел прочности покрытия на растяжение, предел текучести, предельное состояние, предельное техническое состояние, предел прочности клеевого соединения на сдвиг, критическое состояние, критическое разрушение, интенсивность появления дефектов* (предел частотности), *допустимая вероятность появления дефектов*.

Образование дефектов летательных аппаратов и их восстановление происходит поэтапно, по определенной схеме и представляет собой определенную совокупность процедур, характерных для функционирования данной области знаний. Поэтому при анализе концепта «Дефект ЛА» процедурное представление знаний является логически обоснованным и предпочтительным.

Опыт деятельности ситуации – научно-практический опыт восстановления – можно представить в виде сценарного фрейма, состоящего из элементов сценария – сцен, и считать его своеобразной базой для организации лексического материала внутри концепта. Вслед за Л. В. Ивиной и другими лингвистами под сценарным фреймом, или сценарием, мы понимаем особую динамическую разновидность фрейма, содержащего стереотипные знания о последовательности действий в определенной ситуации [5, с. 96]. В структуре динамического фрейма обычно указаны участники ситуации и их типичные действия, предметы, участвующие в ситуации и др.

Далее, сценарный фрейм концепта «Дефект ЛА» представляем в виде следующих сцен:

Сцена 1. Эксплуатация ЛА: воздействие окружающей среды (атмосферные условия, условия эксплуатации), нагрузок, случайных вариаций качества изготовления на материалы и конструктивные особенности объекта.

Сцена 2. Меры предупреждения дефектов (проведение мероприятий по предупреждению образования дефектов).

Сцена 2. Начало и развитие повреждающих процессов.

Сцена 3. Образование дефектов как результат воздействия повреждающих процессов.

Сцена 4. Развитие дефекта и, как следствие, нарушение работоспособности (отказ). Критические и значительные дефекты приводят к исчерпанию назначенного ресурса, внезапному отказу.

Сцена 5. Дефектация: определение видов дефектов.

Сцена 6. Устранение конкретного дефекта (собственно ремонт), применение определенных методов, способов восстановления, использование определенного оборудования в определенных помещениях.

Сцена 7. Испытание отремонтированного объекта на прочность.

Каждая из этих сцен служит основой для дальнейшего группирования терминов в концепте.

С другой стороны, можно выделить статический план концепта «Дефекты ЛА». Статическая структура концепта «Дефекты ЛА» состоит из 4 концептуальных характеристик, или субконцептов: «Характеристика конструкции ЛА», «Причины дефектов», «Повреждающие процессы», «Результат повреждающих процессов» (собственно дефекты или виды дефектов). В таблице даны примеры номинативных единиц из каждого субконцепта, демонстрирующие их взаимосвязь.

Конструктивные особенности объекта	Причина дефекта	Повреждающий процесс	Результат повреждающих процессов
<i>Использование топлива, масла</i>	<i>Высокие температуры</i>	<i>Нагарообразования</i>	<i>Нагароотложения</i>
<i>Поверхности деталей, где отсутствуют условия для сгорания масла</i>	<i>Высокие температуры, воздействие кислорода воздуха, катализирующее действие металла</i>	<i>Тонкослойное окисление, лакообразование</i>	<i>Лаковые отложения, пригорание поршневых колец</i>
<i>Неравномерность обтекания частей ЛА</i>	<i>Виброперегрузка</i>	<i>Накопление усталости, скопление вакансий</i>	<i>Трещины, изломы</i>
<i>Особенности эксплуатации</i>	<i>Приложенные переменные нагрузки</i>	<i>Накопление усталости, скопление вакансий</i>	<i>Усталостная трещина</i>
<i>Некачественная сварка, низкая пластичность материала</i>	<i>Снижение статической прочности</i>	<i>Статическое разрушение</i>	<i>Трещины, сколы</i>
<i>Микроструктурная неравнопрочность материалов</i>	<i>Нагрузки и перегрузки</i>	<i>Несоответствие между напряженностью и сопротивлением разрушению отдельных элементов структуры</i>	<i>Разрушение отдельных элементов и их частей</i>
<i>Перепад температуры в различных сечениях деталей горячей части двигателя</i>	<i>Формоизменения металла при переменных термических напряжениях</i>	<i>Термическая усталость</i>	<i>Растрескивание и коробление лопаток сопловых аппаратов, элементов дисков турбины</i>

Статический фрейм предполагает несколько иное распределение терминологического материала. Внутри субконцептов термины группируются вокруг слотов. Субконцепт «Характеристика конструкции» включает в себя следующие слоты: «Зоны конструкции», «Характеристики материалов», «Конструктивно-технологические особенности конструкции и деталей». Субконцепт включает описание параметров конструкции и конструкционных материалов (*выносливость конструкции, работоспособность лопаток и турбин, надежность, жаростойкость*).

Субконцепт «Причины появления дефектов» представляет собой описание факторов и причин, влияющих на появление дефектов. В свою очередь, факторы делятся на внутренние (конструктивные, технологические) и внешние (эксплуатационные), которые включают условия и особенности эксплуатации (*вертикальные порывы ветра, нагрузки и перегрузки*), химическое и температурное воздействие среды (*агрессивные среды*).

Различные причины появления дефектов детализируются с помощью разнообразных систем градаций. Например, градация видов нагрузок и перегрузок может выражаться с помощью добавления нового терминологического элемента, выраженного прилагательным (*нагрузки переменные стохастические, приложенные переменные нагрузки, нагрузки постоянно действующие (детерминированные), акустические нагрузки, мгновенные перегрузки, недопустимо большая перегрузка*).

Виды нагрузок дифференцируются также с помощью терминологического элемента, выраженного причастным оборотом (*нагрузки, возникающие от мгновенных перегрузок, нагрузки от аэродинамических сил при установившихся режимах полета, нагрузки, возникающие при отклонении органов управления и механизации крыла, нагрузки, вызываемые избыточным давлением в кабине*). Активным является образование многокомпонентных терминов сложных моделей (*ударные нагрузки при разбеге и пробеге ЛА, нагрузки от турбулентной воздушной среды*).

Субконцепт «Повреждающие процессы» представляет собой описание внутренних химических и физических изменений, процессов, происходящих с объектом при эксплуатации под воздействием различных факторов. Процессы протекают на различных уровнях, что отражается в многочисленных системах градаций (*пластическая деформация, диффузия, конденсация дислокаций, процессы возврата и рекристаллизации*). Процессы разрушения часто противопоставляются процессам восстановления повреждений (*упрочняющие процессы ≠ разупрочняющие процессы*).

Субконцепт «Результат повреждающих процессов» представляет описание видов дефектов как результатов разрушения – следствий повреждающих процессов (*изменения дислокационной структуры, образование несплошностей, температурные деформации*).

Формирование пространственно-временной структуры играет важную роль в становлении языковой научной картины мира любой отрасли. В терминологии ремонта ЛА, особенно в концепте «Дефект», пространственно-временная структура моделируется через выстраивание оппозиций и градаций. Активное протекание семантических процессов (антонимии, градации и даже синонимии (вариантности)) внутри определенного терминологического блока, безусловно, является одним из показателей его значимости для научной сферы. Ученые считают, что в самой природе научных понятий содержатся предпосылки для создания антонимических оппозиций, если взять за основу логическую противопоставленность научных понятий, то есть явление антонимии в терминологии вызвано самой природой научных знаний (М. В. Никитин, В. П. Даниленко).

Например, вид дефекта определяется по многим параметрам: по величине, по расположению, по происхождению, из-за несовершенства технологии. Описания видов дефектов образуют разнообразные градации и оппозиции:

- по возможности обнаружения: *явный дефект, скрытый дефект*;
- по возможности восстановления: *дефект исправимый, дефект неисправимый*;
- по необходимости восстановления: *критический дефект, значительный дефект, малозначительный дефект*;
- по структуре: *дефекты кристаллического строения (вакансии, межузельные атомы), капиллярный дефект*;
- по времени появления: *первичный дефект (ранее не проявляющийся дефект), дефекты с опасными последствиями*.

Термины **дефект, отказ, неисправность, брак, поломка** образуют разнообразные градационные ряды. Например, *дефекты значительные, малозначи-*

тельные; дефекты атомного строения, макроскопические дефекты; отказ, внезапный отказ, недопустимый отказ и так далее.

С точки зрения «чистой» оппозитивности, такая характеристика ЛА как «работоспособность» противоположна термину «неисправность», поскольку оба термина объединены интегральной семой «состояние летательного аппарата», номинируя диаметрально противоположные состояния объекта. Под работоспособностью понимается «состояние объекта – ЛА, при котором он способен выполнять заданные функции (полет) с параметрами (скорость, высота полета и т. д.), установленными требованиями нормативно-технической документации» (ГОСТ 13377-75).

Когнитивная лингвистика рассматривает антонимию как свойство человеческого мышления, способность видеть, определять противоположные стороны вещей и явлений. Результатом этого процесса являются антонимы, – «слова одной части речи, противопоставленные по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку и находящиеся на крайних (полярных) точках соответствующей антонимической парадигмы» [1, с. 16].

В концепте «Дефект ЛА» обнаружено 69 терминологических антонимических оппозиций. Опираясь на типологию, изложенную в работах М. В. Никитина, отмечаем, что в терминологии присутствуют почти все виды противоположностей: контрастность, контрадикторность, комплементарность.

Контрарными отношениями объединены 11 оппозиций: *дефект малозначительный/значительный/критический* и др. Контрадикторные отношения объединяют 19 терминологических оппозиций, например, *упругая деформация ≠ неупругая деформация, дефект устранимый ≠ дефект неустранимый*. Четыре терминологических элемента, которые входят в состав контрадикторных оппозиций, образованы с помощью префикса *не-*: *неисправимый дефект*; 2 оппозиции образованы путем прибавления предлога *раз-*: (*раз*) *упрочняющий процесс, сборка ≠ разборка*; 1 оппозиция образована путем прибавления префикса *без-*: «*барьерная*» модель ≠ «*безбарьерная*» модель образования трещин.

В 39 терминологических оппозициях обнаружены комплементарные связи. К этой группе относятся: *мгновенные ≠ статические перегрузки; допустимый износ ≠ предельный износ* и др. Анализ показал, что в концепте «Дефект ЛА» преобладают оппозиции с комплементарными связями.

Предметно-логический принцип делит оппозиции на оппозиции пространства, времени, движения, формы и др. При этом «структура пространственной противоположности используется как модель, распространение которой конституирует широкий класс противоположностей самой разнообразной предметно-логической природы» [9, с. 463].

По предметно-логическому принципу выделяем следующие антонимические оппозиции:

1) по наличию /отсутствию веществ, характеристик, признаков процесса: «*барьерная*» ≠ «*безбарьерная*» модель образования трещин;

2) по градуальным признакам: «*сухой*» ≠ *влажный метод контроля; термическое ≠ атермическое схватывание*;

3) по локальному признаку: *местное ≠ общее разрушение, сплошная ≠ точечная коррозия*;

4) по направлению процесса, действия: *упрочняющие ≠ разупрочняющие процессы, циркулярное ≠ продольное намагничивание*;

5) по структурным признакам: *равнопрочность ≠ неравнопрочность, однородность ≠ неоднородность качества изготовления продукции*;

- 6) по отношению к действительности: *расчетные* ≠ *фактические характеристики*, *теоретическое* ≠ *реальное распределение*;
- 7) по разновидностям фазового перехода: *кристаллизация* ≠ *рекристаллизация*;
- 8) по агрегатному состоянию: *трение сухое/ полусухое/ жидкостное*;
- 9) по ремонтпригодности: *исправимый* ≠ *неисправимый дефект*, *устраняемый* ≠ *неустраняемый дефект*;
- 10) по возможности обнаружения и наблюдения: *явный* ≠ *скрытый дефект*, *наружный* ≠ *внутренний дефект*;
- 11) по вероятности возникновения процесса, признака: *постоянно действующие* ≠ *случайные нагрузки*, *стабильные* ≠ *метастабильные параметры*;
- 12) по достижению процессом предельного состояния: *допустимый* ≠ *предельный износ*, *недопустимый* ≠ *пассивный отказ*, *допустимые* ≠ *аварийные процессы изнашивания*;
- 13) по времени и скорости протекания процесса: *мгновенные* ≠ *статические перегрузки*, *предварительная* ≠ *окончательная промывка*, *замедленное* ≠ *ускоренное накопление*;
- 14) по количественному признаку: *наибольшая* ≠ *недостаточная надежность технологического процесса*, *наибольшие* ≠ *наименьшие упругие удлинения*, *многоцикловая* ≠ *малоцикловая усталость*;
- 15) ориентационный признак: *высокое* ≠ *низкое поверхностное натяжение*, *углубление* ≠ *выступ*;
- 16) по важности признака: *значительный* ≠ *малозначительный дефект*.

Большая часть признаков характерна для терминологии, обслуживающей технические сферы.

В некоторых случаях одна и та же ТАО может отличаться по двум дифференциальным семам. В оппозиции *явный* ≠ *скрытый дефект* можно выделить семы «известный, знакомый» и «легко поддающийся обнаружению».

В концепте «Дефект ЛА» наблюдается наибольшее количество гнездообразующих терминов. Например, термин *дефект* является гнездообразующим для 45 номинаций. Корень «дефект» прослеживается в названиях процессов (*дефектация*), устройств (*дефектоскоп*), характеристик (*продетектированная деталь*) и параметров устройств (*бездефектная продукция*, *брак-дефектная единица продукции*), в названиях людей по специальности (*дефектовщик*).

Многие названия дефектов являются гнездообразующими. Например, износ (*износостойкость*, *изношенная деталь*, *изнашивание*, *быстроизнашивающиеся детали*, *износостойкий*), коррозия (*фреттинг-коррозия*, *коррозионная стойкость*, *прокорродированный металл*, *масса металла*, *прокорродировавшего на единице поверхности в единицу времени*, *коррозионно-усталостное разрушение*), течь (*течение*, *текучесть*, *течеискатель*, *течеискание*).

Еще одной чертой концепта «Дефект ЛА» является наличие терминов с метаязыковым сопровождением: *типа*, *так называемый*, *путем*, *в виде* (*местные повреждения типа «ложного бринеллирования»*, *так называемая «водородная хрупкость»*). Названия дефектов с метаязыковым сопровождением (*дефекты типа нарушения сплошности*, *дефекты типа трещин*, *дефекты в виде повреждения поверхностного слоя*, *дефект в виде усталостной трещины*, *дефекты в виде наклепа по стыковым поверхностям бандажей*) свидетельствуют о поиске вербальных средств и активном номинативном процессе, протекающем в изучаемом концепте терминологии ремонта ЛА.

Таким образом, анализ показал, что концепт «Дефект ЛА» играет важную роль в концептосфере «Ремонт ЛА». Построение фреймовых моделей концепта дало воз-

можность установить особенность организации знаний о дефектах ЛА, направления группирования терминов внутри концепта. В дальнейшем автором планируется создание словаря дефектов ЛА и методов восстановления дефектов ЛА.

Библиографические ссылки

1. **Базовый словарь лингвистических терминов.** – К. : Изд-во Гос. академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. – 192 с.
2. **Болдырев Н. Н.** О функционально-семиологическом подходе к анализу языковых единиц / Н. Н. Болдырев // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. – Тамбов, 1998. – Ч. 1. – С. 3–4.
3. **Бондарчук М. Н.** Структурно-семантические параметры русской авиационной терминосистемы (макрополе «движение летательного аппарата») : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.02 «Русский язык» / М. Н. Бондарчук. – К., 2000. – 20 с.
4. **Голего Н. Л.** Ремонт летательных аппаратов / Н. Л. Голего. – М. : Транспорт, 1984. – 422 с.
5. **Ивина Л. В.** Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) : учебно-метод. пособие / Л. В. Ивина. – М. : Академический проект, 2003. – 304 с.
6. **Кручинский Г. А.** Технологические процессы ремонта летательных аппаратов и авиационных двигателей. Ч. 3 : учеб. пособие / Г. А. Кручинский. – М. : МГТУ ГА, 2002. – 124 с.
7. **Лейчик В. М.** Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX – XXI веков / В. М. Лейчик // Когнитивная лингвистика : новые проблемы познания : сб. науч. тр. / под ред Л. А. Манерко. – М. : Рязань, 2007. – Вып. 5. – С. 121–132
8. **Маслова В. А.** Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
9. **Никитин М. В.** Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1997. – 760 с.
10. **Очагов С. В.** Технология конструкционных материалов / С. В. Очагов. – М. : МГТУ ГА, 2004. – 88 с.
11. **Павиленис Р. И.** Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка : монография / Р. И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
12. **Попова З. Д.** Общее языкознание : уч. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 408 с.
13. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Надійшла до редколегії 24.10.13

УДК 811.161.1'373

И. В. Пустовойт

Университет Хофстра, Нью Йорк, США

РУССКИЙ ЯЗЫК В ГЛОБАЛЬНУЮ ЭПОХУ: ДВЕ СТОРОНЫ МИРОВОГО СТАТУСА

Розглянуто процеси, які пов'язані зі статусом російської мови у сучасному світі, відцентрові та доцентрові тенденції на пострадянському просторі і у російськомовних діаспорах за

кордоном. Також розглянуто досвід англійської як світової мови, регіональне варіювання й нейтральність світової \ англійської. На прикладі російськомовної діаспори Америки проаналізовано процеси мовної інтерференції, вектори лексичних запозичень, питання білінгвізму й викладання в умовах далекого зарубіжжя. Розглянуто поняття культурного імперіалізму як стосовно англійської, так і російської мов.

Ключові слова: світова мова, діаспора, білінгвізм, лексичні запозичення, культурний імперіалізм.

Рассмотрены процессы, связанные со статусом русского языка в современном мире, центробежные и центростремительные тенденции на постсоветском пространстве и в русскоязычных диаспорах за рубежом. Также рассмотрен опыт английского как мирового языка, региональное варьирование и нейтральность мирового английского. На примере русскоязычной диаспоры США проанализированы процессы языковой интерференции, векторы лексических заимствований, вопросы билингвализма и преподавания в условиях дальнего зарубежья. Рассмотрено понятие культурного империализма как в отношении английского, так и русского языков.

Ключевые слова: мировой язык, диаспора, билингвализм, лексические заимствования, культурный империализм.

The article examines the processes, related to the status of Russian language in the contemporary world, centripetal and centrifugal tendencies in the post-Soviet space and in Russian-speaking diasporas abroad. Also examined is the experience of English as the world language, its regional variation, and neutrality of the World English. On the example of the Russian-speaking diaspora of the US, the processes of language interference, vectors of lexical borrowing, issues in bilingualism and the language instruction far abroad are analyzed. The article also touches upon the notion of cultural imperialism in regard to both Russian and English languages.

Keywords: world language, diaspora, bilingualism, lexical borrowings, cultural imperialism.

Статус мирового языка, помимо престижа и признания во всем мире, имеет и обратную сторону. Русский язык, международная роль которого значительнее, чем у языков наций-государств, претерпевает значительные изменения в эпоху глобальных перемен. Региональное варьирование, лексические и грамматические инновации следует рассматривать не как симптомы кризиса, а как признаки развития. Тоталитарное мышление языковых пуристов так же губительно для лингвистической науки, как и попытки сузить роль русского до языка нации, особенно на фоне глобального наступления на гуманитарные науки.

Неудивительно, что подобная нестабильность вызывает защитную реакцию. Наиболее известные из опубликованных за последние годы монографий, посвященных сопоставлению русской и американской культур, фокусируют свое внимание на конфликте культур и парадоксах межкультурного общения [1; 2]. То, что с древних времен представителей других культур обозначали слова с негативной коннотацией: *варвары, немцы, чужеземцы, иностранцы*, есть не что иное, как зафиксированная в языке ксенофобия, и лингвистическое исследование, полагающееся на военную метафору «культура – это щит, охраняющий национальное своеобразие» недалеко уходит от этой традиции. Глобальные процессы, доминирующие ситуацию в современном мире, ведут не только к конфликтам, лежащим на поверхности, но и к глубинному пониманию необходимости компромисса. Культура должна не отгораживать от других, а демонстрировать приверженность общечеловеческим идеям и ценностям. Научный анализ лексико-грамматических особенностей и концептуального воплощения категорий и понятий отдельного языка не следует проводить под эгидой «защитим и сохраним свое родное». Русский язык не утратил суверенитет ни от иностранных вторжений, ни от иностранных заимствований и стал мировым языком не только в результате имперской политики, но и благодаря культурным достижениям тех стран, которые обслуживал. Культивировавшийся в течение столетий военный патриотизм – это всего лишь один из источников патриотизма. И если в условиях кризиса экономический

патриотизм становится проблематичным вне зависимости от уровня жизни в конкретной стране, то роль культуры, обычаев, традиций и ценностей, наоборот, возрастает: в современном мире наблюдается рост национальных предпочтений, к сожалению, нередко уходящих от культурно-этнического патриотизма к крайним своим формам: шовинизму и ксенофобии [7].

В таких условиях роль специалистов в области русского языка становится особенно сложной, если не двусмысленной. Во-первых, существует постоянная угроза быть втянутыми в политические распри. Во-вторых, приходится признать существование конфликта поколений, характеризующегося консерватизмом старшего поколения и языковыми предпочтениями молодежи. Наконец, на предыдущие два фактора наслаивается конфликт между космополитизмом более образованной и профессионально состоявшейся части населения и консерватизмом менее образованных слоев. Парадоксальность ситуации в том, что осуждая инновации, языковеды становятся на сторону слоев населения, наиболее далеких от академических.

Сложность социально обусловленных процессов, влияющих на развитие и функционирование русского языка в современном мире, проявляется в сосуществовании и взаимодействии казалось бы взаимоисключающих тенденций. На пост-советском пространстве наиболее ощутимы центробежные тенденции, которые выражаются в политически обусловленном региональном варьировании, в возрастном варьировании, связанном прежде всего с развитием новых технологий, и наконец, с социальным варьированием, обусловленным расслоением общества.

Однако при взгляде извне возникает совершенно иная картина: в русскоязычном зарубежье ощутим центростремительный процесс, при котором различные этнические группы объединяются исключительно на основе своей русскоязычности. То, что я когда-то назвал «содружеством независимых эмигрантов» [3], – реальность для большинства мест компактного проживания выходцев с пост-советского пространства. Уже сам факт компактного проживания, характерный для больших групп иммигрантов, говорит о стремлении поддерживать культуру исконной страны, даже если эта страна претерпела значительные изменения в последнее время. Для миллионов русскоязычных, оказавшихся в США преимущественно по политическим и экономическим причинам, единство культуры оказывается важнее национальной и социальной самоидентификации. Русские районы, подобные Брайтон Бич в Нью Йорке, представляют собой удивительный контраст: старые запущенные дома для малообеспеченных слоев населения, преимущественно недавних иммигрантов и пожилых людей, не особо стремящихся интегрироваться в американскую культуру, соседствуют с престижными новостройками с дорогими апартаментами: социальный успех лучше виден на фоне менее удачливых соотечественников. В дополнение к этому на смену еврейско-одесской субкультуре третьей волны эмиграции пришло вавилонское столпотворение пост-советской – смешение культур, языков и обычаев различных этнических групп с территориями бывших союзных республик. Извне все они воспринимаются как единая русская диаспора, как русские. Так же как и американский, этот русский «плавильный котел» оказывается при ближайшем рассмотрении «салатом», состоящим из многочисленных этнических и региональных ингредиентов. При всей сложности процессов национальной самоидентификации в условиях эмиграции, русский язык здесь фактически служит единственным объединяющим фактором. И язык этот заметно отличается от того, что принято считать нормативным.

Для почти миллиона жителей США, считающих русский своим первым языком, характерен достаточно высокий, по сравнению с другими диаспорами,

образовательный уровень: практически все представители последних волн эмиграции окончили среднюю школу и около 64 % продолжали обучение после школы в той или иной форме [13]. Таким образом, полученное в процессе обучения знание основ грамматики как родного, так и английского языка не оставляет сомнений в способности эмигрантов проводить четкую грань между этими двумя языками, особенно учитывая фундаментальность различий между синтетическими и аналитическими языками. Высокие карьерно-профессиональные запросы данной группы также сдерживают процесс смешения языков, допуская его лишь в бытовой сфере. Именно бытовая сфера в первую очередь привлекает исследователей: парадокс заключается в том, что несмотря на ее открытость влиянию английского, особенно на начальных этапах адаптации, бытовая сфера оказывается последним оплотом сохранения языка в семье. Так называемые «изучающие наследие» выходцы из русскоязычных семей составляют значительный процент среди изучающих русский язык в рамках университетских программ, и их «кухонный русский» входит в конфликт с учебными программами по русскому языку, ориентированными в первую очередь на формальное общение.

Русскоязычная диаспора США также представляет особый интерес, поскольку оказывается на пересечении двух мировых языков: русского и английского. Роль последнего как *lingua franca* в современном мире общепризнанна. Однако вектор прямого воздействия английского в эмигрантской среде и вектор воздействия английского посредством интернета и СМИ в русскоязычных странах далеко не взаимонаправлены, поскольку обслуживают разные сферы деятельности.

Языковая интерференция в эмигрантской среде наиболее заметна на уровне лексики, и именно этой теме посвящено большинство исследований [4; 5; 10; 12], а также эмоциональных публикаций в периодических изданиях. Следует оговориться, что термин «лексические ошибки» не совсем корректен в данном случае, поскольку англицизмы не всегда замещают русские эквиваленты, да и сам литературный русский язык претерпел немало изменений в последние годы. Кроме того, происходит эрозия понятия нормативности: на смену литературным текстам и словарям, как традиционным источникам легитимности, пришли интернет-ресурсы, моментально регистрирующие любые языковые инновации. Несмотря на противоречивое отношение к заимствованиям, последние не следует рассматривать как акт неуважения к родному языку. Как известно, лингвисты и литературоведы, самые рьяные поборники языковой экологии, зачастую сами являются инициаторами значительного числа иноязычных терминологических заимствований.

Попытки представить процесс лексического заимствования исключительно как средство экономии не дают полной картины, даже если экономия понимается в наиболее широком смысле. *Такс форм* короче, чем *налоговая декларация*, *кэш* короче, чем *наличные*, *вэн* короче, чем *микроавтобус*, *лиз* короче, чем *договор на аренду*, *моргидж* короче, чем *ипотечный кредит*. В то же время *лоун* не короче, чем *займ*, и *рисит* однозначно длиннее, чем *чек* или *счет*. Помимо элементарной длины соревнующихся лексических единиц, на выбор влияют, с одной стороны, принцип экономии умственных усилий, а с другой – социальный престиж. Именно последний нередко действует в противовес принципу экономии. Все эти факторы выступают во взаимодействии, и зачастую бывает очень трудно определить, что оказало решающее влияние на лексический выбор. Вкрапления типа *Как дела? Бизи? (Занят?)* могут быть оправданы только социальным престижем английского, но никак не стремлением к экономии языковых средств или существующей лексической лакуной.

Необходимость заполнения лексических лакун средствами второго языка выступает как главный аргумент в пользу заимствований. Так, пронумерованные

сьезды с магистралей в Америке делают слово *экзит* незаменимым для русскоговорящих, вне зависимости от их предыдущего опыта. *Апойнтмент* (назначенный прием) также не имеет однословного эквивалента в русском. Эндрюс [5] указывает, что в английском данное слово также носит оттенок социального престижа, однако, на наш взгляд, данное заимствование в речи билингвов прежде всего заполняет номинативную лакуну.

Помимо общеязыковых лакун существуют групповые и индивидуальные границы языковой картины мира. Русскоязычные эмигранты, не имевшие опыта вождения до приезда в США, дополняют свою языковую картину мира, полагаясь исключительно на английские термины, и поэтому даже языковым пуристам требуется дополнительное усилие, чтобы найти эквиваленты понятиям *тикет* (штраф), *виндшилд* (лобовое стекло), *дипстик* (щуп), *боди* (кузов), *спэр* (запасное колесо), и т. д. Вайнрайх [15] указывал на исключительно социологическую природу данной интерференции: общепринятые слова из родной культуры вытесняются в результате того, что билингвы воспринимают данное конкретное понятие исключительно в терминах контактной культуры. Однако, если в вышеприведенных случаях недостаток опыта в данной конкретной области вынуждал билингвов делать заимствования, то такие фразы, как *врач осмотрел энкл* (колени) и *шоулдер* (плечо), *у меня было кэвити* (дырка в зубе) и *дантист сделал филлинг* (пломба), демонстрируют, что в контактных сферах даже лексикон, связанный с телом человека, подвержен замещению. На первый взгляд, данная сфера должна быть наиболее устойчива к изменениям, однако утрата именно этой группы лексики также подтверждена Митуном [8] на примере языка индейцев Каюга.

Нередко заимствования мотивирует необходимость семантической дифференциации понятий родной и контактной культуры: привычный *грузовик* отличается от *пикап трак* (как правило, просто *трак*), пригодного как для легких перевозок, так и для семейных поездок, традиционный *ковер* – не то же, что *карпит*, покрывающий пол от стены до стены. Негативная коннотация слова *подвал* отсутствует в *бейсменте*, пригодном для жилья. Несмотря на существующие разногласия относительно трактовок и употребления слова *траффик* в эмигрантской среде [5, 12], данное слово можно считать образцом семантического сужения. Траффик используется русскоязычными для обозначения замедленного автомобильного движения вплоть до пробки, хотя в английском данное понятие означает просто «движение» и нередко сопровождается прилагательным. Это служит еще одним подтверждением того, что существительные заимствуются значительно легче, чем прилагательные и, особенно, глаголы. Фраза *я нашел хороший дил* (скидка на товар в магазине) используется довольно часто, а *я нашел гуд дил* – практически никогда. При этом заимствование дискурсивных слов характерно для всех категорий билингвов, в результате чего наречия *гуд* (good) и *найс* (nice) широко используются при одобрительной оценке явлений и событий. Также зарегистрированы отдельные случаи заимствования наречий *аутсайд* (на улице), *апстертс* (наверху), *клауди* (облачно). Фразы *он просто крейзи* (ненормальный) и *она будет эксайтед* (радостно взволнована) включают субстантивированные прилагательные, не использующиеся в своей прямой функции (ср. **он крейзи человек*).

Лексические заимствования выполняют ключевую роль в самоидентификации русскоязычных американцев, сходную с любым другим групповым жаргоном. Особенно наглядно эта групповая самоидентификация проявляется, когда русские американцы, посетив Россию или страны СНГ, обращают внимание на заимствования из английского, не присущие их социуму. Так, привыкнув использовать слово *гросери* (grocery) или конкретные названия сетей универсамов, они

воспринимают слово *супермаркет* как чуждое. Сходным образом, *джип* воспринимается как марка, а не тип автомобиля.

Можно утверждать, что до тех пор, пока влияние английского сводится к заимствованию существительных, русский язык эмигрантов не подвержен серьезной угрозе. Следующий этап – глагольные образования *драйв-ать* (водит машину), *сейв-ать* (сохранять). Их наличие в речи, наряду с синтаксическими кальками *я беру русский язык в школе, он имеет брата*, можно рассматривать как первый этап пиджинизации.

В то время как по обе стороны океана английские заимствования легко проникают в русский язык в контактных областях, будь то популярная культура, бизнес или информационные технологии, над литературой и интернетом доминируют креативная функция и социальный престиж. Смешанное словообразование вызывает наибольший интерес у любителей языковой игры (книги *Duxless* С. Минаева, *Любофф/он* О. Робски). Так же как и в данных примерах, в речи эмигрантов префиксальные и суффиксальные образования с заимствованными английскими корнями, как правило, являются окказионализмами.

Редкие примеры устойчивых образований: *двубедрумный* (bedroom – спальня), *велферцик* (welfare – пособие) и *турка* (искаженное *turkey* «индюшка»), понятны только в пределах данного социума. Немчинова [9] указывает на смешение с использованием уменьшительных форм *бейби-чик* (ребенок), глаголов разового действия *дроп-нуть* (уронить), *лайк-нуть* (понравиться), *хаг-нуть* (обнять), сравнительных форм *по-изи-е* (легче), *по-брайт-нее* (светлее), глагольных образований *до-плей-ать* (играть), *на-парфюм-илась* (духи). Подобные окказионализмы указывают, скорее, на осознанное использование правил грамматики и словообразования, чем на их утрату.

Наличие «ложных друзей переводчика» приводит к образованиям, типа *перелистать* – составить список (list), *фиксировать* – чинить (fix), *магазинчик* – журналчик (magazine), и т. п. Подобные примеры семантического сдвига, наряду с упомянутыми синтаксическими кальками, представляют собой более серьезную проблему, чем все вышеперечисленные примеры.

Безусловно, стремясь интегрироваться в американское общество, значительная часть потомков эмигрантов утратит язык, а те, кому удастся сохранить его, будут говорить на американском варианте русского, не всегда понятном другим группам носителей языка. Со стороны лингвистов было бы непростительной ошибкой рассматривать возникающие региональные и этнические варианты русского как отход от нормы, не представляющий интереса для академических исследований. И здесь имеет смысл обратиться к опыту другого мирового языка – английского.

Понятие *мировой (международный, общий) английский* относится не столько к конкретному варианту английского, принятому за стандарт, будь то британский, американский или южноафриканский, а, скорее, к концепции английского как глобального средства общения. Данная концепция включает не только «легитимные» стандартизированные варианты, но фактически все варианты английского, которые развиваются во всем мире, зачастую независимо друг от друга, и не только коренных носителей языка, но всех, кто в той или иной мере пользуется данным языком. Предпринимаемые попытки унификации и выработки понятия единого стандартного английского служат, скорее, языковым снобам, чем практикам. Английский и американский варианты равноправны и признаны во всем мире (при этом большинство англоговорящего населения проживает в Индии).

При этом не следует думать, что мировой статус американского английского устраняет все проблемы внутри страны. В Соединенных Штатах, где сами по-

нятия официального языка и языковой политики фактически отсутствуют, сторонники мультикультурализма ратуют за признание языка афроамериканцев в качестве равноправного языка. Данное движение возникло преимущественно в либеральной университетской среде как ответная реакция на тезис, что язык афроамериканцев – не более чем испорченный вариант «нормального американского английского». К примеру, в настоящее время трудно представить, что суржик в Украине даже при наличии соответствующих академических исследований сможет реально рассматриваться и использоваться в педагогических целях. Между тем суржик уже давно стал реальностью, отраженной в литературе и искусстве, и регулярно используется в повседневном общении значительным числом жителей Украины, для которых и литературный украинский, и литературный русский являются не более чем абстракцией.

Нейтральность мирового английского привлекает издателей и журналистов, поскольку снимает необходимость адаптации публикуемых материалов для различных регионов [6]. В академических кругах английский также тяготеет к нейтральности и стремится к формальной передаче информации, сводя креативность в языке к минимуму. Эти же критерии привлекают учителей английского, уставших следовать за последней модой.

Теория присвоения (appropriation theory) Д. Шпихтингера [14] утверждает, что в мире английский перестает напрямую ассоциироваться с западной культурой и используется в местных целях, нередко далеких от западных ценностей. Во время недавней серии революций в арабском мире программы новостей неоднократно показывали, как участники демонстраций протеста несут плакаты на английском языке. Таким образом, стремление быть услышанными в мире оказывалось сильнее антиамериканских настроений.

Однако для подавляющего большинства исследователей понятие мирового английского неотделимо от понятия империализма, будь то колониализм викторианской Англии, или американский культурный империализм XX века [11]. Сама метафора «культурный империализм» неизбежно несет негативные коннотации и присуща, скорее, инвективам, чем академическому дискурсу. Понимаемый как доминирование одной культуры над другой за счет экономического или технологического превосходства, культурный империализм может рассматриваться как целенаправленная политика государств, нацеленных на экспансию, но в то же время может означать добровольное принятие норм и ценностей другой культуры. Если электронный империализм международных корпораций представляет собой реальную экономическую угрозу, то консюмеризм вряд ли стоит считать внешним фактором, не присущим тому или иному народу изначально. Если англоязычные новости представляют определенную политическую позицию, то импорт образцово политкорректной диснеевской продукции, как правило, несет общечеловеческие ценности.

К сожалению, приходится признать, что представители славянских народов в США, владеющие русским языком, предпочитают общаться с русскими по-английски и упоминают свое знание русского языка только если это повышает их шансы получить работу. Здесь сказывается распространенное восприятие русского языка как формы культурного империализма. Сходное отношение к русскому препятствует его утверждению как полноправного средства общения на постсоветском пространстве. В то же время английский язык воспринимается как ключ к успеху, а не как орудие культурного империализма. Каждое из подобных влияний может рассматриваться не только как угроза, но и как способ обогащения культурной идентичности исконного народа.

Библиографические ссылки

1. **Леонтович О.** Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О. Леонтович. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.
2. **Тер-Минасова С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
3. **Пустовойт И. В.** Роль русского языка в формировании содружества независимых эмигрантов / И. В. Пустовойт // Русский язык в странах СНГ и Балтии. – М. : Наука, 2007. – С. 221–227.
4. **Пустовойт И. В.** Лексическая интерференция в русскоязычной диаспоре США / И. В. Пустовойт // Русский язык и литература : проблемы изучения и преподавания / под ред. Л. А. Кудрявцевой. – К., 2009. – С. 91–94.
5. **Andrews D.** Sociocultural perspectives on language changing in diaspora: Soviet immigrants in the United States. – Philadelphia, 1998.
6. **Crystal D.** English as a Global Language. – Cambridge UP, 1997.
7. **Kaplan R.** The Return of Toxic Nationalism // The Wall Street Journal. – December 24, 2012, A13.
8. **Mithun M.** The incipient Obsolence of polysynthesis: Cayuga in Ontario and Oklakhoma // In Investigating obsolete science: Studies in Language contraction and death / Ed. by N. Dorian. – Cambridge, 1989. – PP. 243–258.
9. **Nemchinova K.** Code-Switching at the Word Level in Russian-English Bilingual Children. American Association of Teachers of Slavic and East European Languages. – New Orleans, LA, December 2001.
10. **Olmsted H.** American interference in the Russian language of the third wave emigration: Preliminary notes // Folia Slavica. – 1986. – № 8. – PP. 91–127.
11. **Phillipson R.** Linguistic Imperialism. – Oxford UP, 1992.
12. **Polinski M.** Russian in the US: An endangered language // In Russian in contact with other languages, Ed. by S. Romaine and P. Trudgill. – Oxford, 1994.
13. **Simon R. and J. Simon.** Research Report: Some Aspects of the Socio-Cultural Adjustment of Recent Soviet Immigrants to the United States // Ethnic and Racial Studies. – 1982. – № 5/4. – PP. 533–541.
14. **Spichtinger D.** The Spread of English and Its Appropriation // A Global, a European and an Austrian Perspective : Magister Thesis. – University of Vienna, 2000.
15. **Weinreich, U.** Languages in contact, findings and problems. – New York, 1953.

Надійшла до редколегії 18.02.13

УДК 811.161.1'42

Т. И. Русенко

Донецкий национальный университет

СИНТАГМАТИКА ЛЕКСЕМ С КОРНЕМ -ВОН'- КАК КОМПОНЕНТОВ КОНЦЕПТА «ЗАПАХ» (на материале произведений А. П. Чехова и И. А. Бунина)

Розглянуто використання слів із коренем -вон'- у творах А. П. Чехова та І. А. Буніна з метою виявлення специфічної синтагматики цієї мотиваційної ознаки концепту «запах» та прояснення останнього.

Ключеві слова: концепт, мотиваційна ознака концепту, слова із коренем -вон'-, синтагматика.

Рассмотрено употребление слов с корнем *-вон'*- в произведениях А. П. Чехова и И. А. Бунина с целью выявления специфической синтагматики данного мотивационного признака концепта «запах» и прояснения последнего.

Ключевые слова: концепт, мотивационный признак концепта, слова с корнем *-вон'*-, синтагматика.

The paper is devoted to the analysis of usage of words with the base *-вон'*- in the works of A. Chehov and I. Bunin. The aim is to identify specific syntagmatic of this motivational sign of mental representation of odor and to clarify the latter.

Keywords: mental representation, motivational sign, words with the base *-вон'*-, syntagmatic.

Несмотря на то, что активное изучение концептов и их сущности началось еще в 80-х годах XX века с приходом в гуманитарные науки антропоцентрической парадигмы, практически все ученые отмечают отсутствие единого определения данного термина и в своих работах конкретизируют значение этого понятия с позиции собственного исследования. Так, А. Вежицкая понимает концепт как идеальное культурно обусловленное представление человека о действительности, Ю. С. Степанов же расценивает его как логическую категорию, а Н. Д. Арутюнова вовсе относит понятие «концепт» к сфере практической философии (см.: [5]).

В нашей работе мы пользуемся определением концепта, предложенным В. И. Карасиком: «Культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяется ценностная, образная и понятийная стороны» [8]. Наличие у концепта образной и понятийной сторон (а также значимостной) отмечает и С. Г. Воркачев [6]. Однако он утверждает, что ценностное измерение не является определяющим для исследования концептов в лингвистическом ключе, поскольку не имеет специальных средств выражения и не является универсальным. Данное замечание справедливо относительно таких концептов, как время и пространство в математике. На первый взгляд, справедливо оно и по отношению к концепту «запах», который как таковой ценности для культуры не представляет. Однако не все мотивационные признаки концепта лишены ценности, а тем более оценочности. Так, лексема *благовоние* не только отсылает нас к концепту «запах», но и тесно ассоциируется в сознании носителей русского языка с церковными ритуалами, представляя, таким образом, некую ценность для православной культуры. По сути, каждый признак концепта обладает специфической комбинаторикой, обусловленной различными практиками освоения действительности. Таким образом, рассмотрение сочетаемости составляющих позволяет нам расширить представление о концепте в целом и, как следствие, о его месте в языковой картине мира. Исследование же концептов на данном этапе развития лингвистики остается актуальным вопросом, поскольку даже в тех концептах, которым уже посвящены научные исследования, можно найти аспекты ранее не затронутые, как, например, упомянутая нами синтагматика отдельных мотивационных признаков концепта «запах».

Цель данной статьи состоит в выявлении особенностей синтагматики слов с корнем *-вон'*- в границах концепта «запах». Материалом служат тексты произведений А. П. Чехова и И. А. Бунина. К достижению поставленной цели исследования ведет решение следующих *задач*: 1) выявить запаховые номинации с корнем *-вон'*- в тексте рассказов указанных авторов; 2) проанализировать случаи употребления данных лексем; 3) конкретизировать значения данного мотивационного признака концепта у обоих писателей и сопоставить их; 4) сделать выводы об особенностях синтагматики слов с корнем *-вон'*- в произведениях А. П. Чехова и И. А. Бунина.

Слова с корнем *-вон'*- для описания были выбраны нами не случайно. Как известно, лексема *вонь*, понимаемая на данном этапе как «отвратительный запах,

зловоние» [9, с. 89], ранее не несла в себе отрицательной оценки запаха. Так, В. И. Даль, толкуя данное слово как «отвратительный, противный запах» [7, с. 240], указывает, что в церковно-славянском языке оно означало «запах, ухание вообще, а более аромат, запах приятный». О том, что *вонь* когда-то означало просто запах свидетельствуют и данные этимологического словаря Фасмера [10, с. 349], и значение этого слова в родственных языках, и образования от него: *благовоние* и *зловоние*. В последних двух лексемах оценка запаха определена четко. Помимо того, что значение данной лексемы конкретизировалось со временем, некоторые нюансы в значении можно найти и в синхронном срезе. Для этого мы обращаемся к синтагматике слов с корнем *-вон'*. В качестве материала мы выбрали сборник рассказов И. А. Бунина [4] и рассказы А. П. Чехова, собранные во втором томе ПСС этого автора [11]. И. А. Бунин и А. П. Чехов довольно часто прибегали в своих произведениях к использованию одоративных номинаций, что позволяет рассматривать данные лексемы как значимые для их творческой манеры художественные детали.

Так, методом сплошной выборки из указанных рассказов А. П. Чехова контекстов интересующего нас типа мы обнаружили 57 случаев употребления запаховых номинаций, из которых 9 – это слова с корнем *-вон'*: *вонючий*, *благовонный*, *вонять*, *навонять*, *зловоние*, *вонь*. Рассмотрим данные примеры в контексте.

Начнем с имен существительных. Лексема *вонь* встретилась нам дважды: в рассказе «Надлежащие меры» и в рассказе «Устрицы». Пример 1:

«Санитары идут и, размахивая руками, толкуют о нечистоте, вонь, надлежащих мерах и прочих холерных материях» [11, с. 393].

Как видим, лексема *вонь* употребляется при перечне *холерных материй* и ставится в один ряд с *нечистотой*. Из этого можно заключить, что обозначает она явление, оцениваемое отрицательно. *Вонь* является следствием нечистоты, приводящей к холере, то есть *вонь* сопровождает холеру. Отсутствие вонь, в таком случае, приравнивается к здоровому состоянию населения.

Во втором случае *вонь* следует понимать как результат смешения запахов:

Наконец, странная болезнь вступает в свои права [речь идет о голоде. – Т. Р.]. Шум экипажей начинает казаться мне громом, в уличной вонь различаю тысячу запахов, глаза мои в трактирных лампах и унылых фонарях видят ослепительные молнии. Мои пять чувств напряжены и хватают через норму. Я начинаю видеть то, чего не видел ранее [11, с. 434].

Голод усиливает восприимчивость героя, в результате чего обоняние, как и прочие чувства, обостряется. *Вонь* воспринимается как сложный запах, неприятность которого, возможно, и вызвана смешением разнородных запахов.

Запахи, как известно, чаще всего определяются за счет их источника. Однако в первом примере автор использует отвлеченное понятие: *вонь* как неприятный запах вообще. Во втором же случае, скорее, можно говорить о номинации по месту распространения (*уличная вонь*), чем об источнике.

Существительное *зловоние*, как и прилагательное *благовонный*, встречаются, когда речь заходит о курении:

Земская больница. За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин, толстый человек лет сорока, в поношенной чечучковой жакетке и в истрепанных триковых брюках. На лице выражение чувства долга и приятности. Между указательным и средним пальцами левой руки – сигара, распространяющая зловоние [11, с. 372].

Тот факт, что сигара распространяет зловоние, дополняет общий образ героя. Если взять во внимание, что одежда его истрепана, следует предположить,

что и сигара не высшего качества, а потому не дым выпускает, а зловоние. К тому же и место (больница) для курения не самое подходящее.

Во втором примере речь идет о курении благовоний:

– *Я тебе уши оборву!* – сказал воинский начальник денщику, вводя гостей в темную переднюю. – *Тысячу раз говорил тебе, мерзавцу, чтобы, когда спишь в передней, всегда курил благовонной бумажкой!* [11, с. 377].

Здесь, напротив, курение *благовонной бумажки* призвано изгнать запах, по видимому, зловонный, от денщика. Курить благовония – сочетание устойчивое. Применимо оно, в большей степени, когда речь идет о служении в церкви. Ладаном черта изгоняют. У Чехова же происходит некоторое снижение образа, поскольку *благовонной бумажкой* изгоняется недобрый запах от денщика, человека, к слову, стоящего ниже на социальной лестнице, чем говорящий.

Четко просматривается связь между социальным статусом и наличием неприятного запаха в рассказе «Братец». Суть рассказа в том, что обедневшая дворянка собралась замуж за богатого мужика, которого брат девушки, недовольный происходящим, характеризует следующим образом:

*Ты благородная, личная дворянка, с образованием, а ведь он квасник, мужик, хам! Хам! Пойми ты это, неразумная! **Вонючим квасом** да тухлыми селедками торгует! Жулик ведь!* [11, с. 72].

Вонючий квас (особенно в одном ряду с тухлыми селедками), вероятнее всего, некачественный. А торговать некачественным товаром нечестно. По мнению героя, человек из низшего сословия, да и жулик к тому же, не имеет права жениться на дворянке. Да и чай, который жених передает девушке в подарок «<...> *воняет чем-то...*» [11, с. 73]. *Вонять* – для чая состояние вряд ли нормальное. Хороший чай, обычно, характеризуют как душистый или ароматный (ср. у И. А. Бунина: *На столе кипел самовар, и Тихон Ильич, высокий, седой, строгий, заваривал, стоя у стола, душистый чай* [4, с. 156]), да и квас *вонять* не должен, как, впрочем, и всякий свежий продукт.

В переносном значении прилагательное *вонючий* использовано в следующем примере:

*В хороших городах, в Саратове, например, в клубах всегда ужин получить можно, а у нас, в нашем **вонючем Червянке**, кроме водки да чая с мухами, ни бельмеса не получишь* [11, с. 377].

Вонючим назван не продукт и не предмет. Отрицательная оценка запаха переносится на целый город, который, очевидно, как и продукты из предыдущего примера, не слишком хорош.

Что касается глаголов, то помимо упомянутого выше, мы обнаружили глагол *вонять* в безличной форме – *воняет*:

*Над его кроватью висела клетка с птицей. Та и другая принадлежали хозяину. Птица какая-то странная, с длинным носом, тощая, ему неизвестная. Крылья у нее подрезаны, на голове повывраны перья. Кормят ее **какой-то кислятиной, от которой воняет на всю комнату*** [11, с. 95].

И финитный глагол – *навонять* – в прошедшем времени:

*Гости сняли калоши и вошли в темный зал. Хозяин чиркнул спичкой, **навонял серой** и осветил стены, украшенные премиями «Нивы», видами Венеции и портретами писателя Лажечникова и какого-то генерала с очень удивленными глазами* [11, с. 378].

В первом примере запах от корма птицы (*кислятины*) настолько интенсивен, что наполняет всю комнату. Чрезмерный запах, каким бы он ни был, неприятен. В данном случае, характеристика запаха задана в существительном, являющимся источником вони – *кислятина*. Употребление лексем, описывающих вку-

совые качества, достаточно часто применяется при характеристике запаха, что и не удивительно, поскольку и обоняние, и вкус являются органами хеморецепции. Само определение источника запаха опять-таки указывает на низкое качество продукта.

Что касается последнего примера – глагола *навонял*, то следует отметить, что он встречается в том же рассказе, что и сочетание *курил благовонной бумажкой*. При зажжении спички раздается неприятный запах серы, в результате чего в комнате становится светло. Запах серы, как известно, ассоциируется с адом (довольно интересно этот мотив интерпретирован в сказке В. М. Дорошевича «Отчего дьявол пахнет серой»^{*}). А появление света, напротив, – с Богом. Возникает некое нарушение обычного положения вещей. Так что непонятно, для чего денщику курить благовонные бумажки: чтобы изгнать собственный запах или запах серы, исходящий от хозяйской спички. Специфичность синтагматики слов с корнем *-вон'* приводит к выводу о том, что автор употребляет запаховые детали умышленно, добиваясь определенного художественного эффекта. То, что одоративные номинации могут выходить за рамки простого обозначения запаха реальных, свидетельствует о достаточно широких границах данного концепта.

Таким образом, в произведениях А. П. Чехова неприятные запахи, описанные с помощью лексем с корнем *-вон'*, обозначают некачественность, низкий сорт – как в прямом смысле: по отношению к продуктам питания (*вонючий квас, чай*), табачным изделиям (*сигара, распространяющая зловоние*) и корму для птиц (*кислятина, от которой воняет*), так и в переносном: к местности (*уличная вонь, вонючий Червянск*), а также самим людям (необходимость денщика изгонять свой запах курением *благовонной бумажки*, низкий социальный статус того, кому принадлежат продукты с неприятным запахом). Одним словом, *вонь* появляется там, где ситуация является не такой, как ей надлежит быть. Все, что у Чехова обладает неприятным запахом, в нормальном состоянии не воняет.

Перейдем к словам с корнем *-вон'* в произведениях И. А. Бунина. Их в сборнике рассказов и повестей мы обнаружили 18, что гораздо больше, нежели у Чехова. Это такие лексемы: *вонь, зловоние, вонючий, вонять, воняющий*.

Чаще всего И. А. Бунин употребляет прилагательное с корнем *-вон'* *вонючий* (8 раз). Как и в произведениях А. П. Чехова, используется данное слово при характеристике некачественного товара: *Вносит селетки, – утром девчонка приходила, купила, на его, понятно, деньги, четыре штуки, – и как шваркнет их на прилавок.*

– *Можете вы, – кричит, – присылать такую скверность покупателям? Они вонючие, их собакам только есть* [4, с. 243]; воды: *Вокруг прорубей, из которых пила вся Дурновка, над вонючей темнотылочной водой по целым дням стояли, согнувшись и подоткнув юбки выше сизых голых колен, в мокрых лаптях, с большими, закутанными головами, бабы* [4, с. 147]; еды: *Говорливая толпа мужиков и баб валом валила с утра до вечера по пыльным, унавощенным переулкам между телегами и палатками, лошадьми и коровами, балаганными и съестными, откуда несло вонючим чадом соляных жаровен* [4, с. 61]; а также помещений: *Он шатался, поднимаясь по лестнице «Версаля», однако без ошибки пошел к своему номеру по длинному вонючему туннелю коридора, где только в самом начале сонно коптила лампочка* [4, с. 402]; и города: *А телега гремела. Город был жаркий и вонючий, тот самый, что представлялся прежде чем-то волшебным* [4, с. 194]. В последнем случае, однако, речь действительно идет о запахах, рас-

^{*} Из цикла «Сказки и легенды». Опубл.: «Русское слово», 1905, № 79, 23 марта. Можно найти в сборнике Дорошевич В. М. Сказки и легенды. – Мн.: Наука и техника. – 1983.

пространяемых на территориях города (за счет жары, возможно, сильнее, чем обычно), а не о, так сказать, статусе города (у А. П. Чехова *вонючий Червянск*, то есть захолустный). У И. А. Бунина акцент сделан на восприятии города рассказчиком. Из контекста понятно, что в другом возрасте (или настроении) герой представлял город чем-то волшебным, не замечая реального положения дел, открывшегося теперь. Вообще, в творческой манере И. А. Бунина семантическое поле времени часто пересекается с полем запаха [1]. Иначе говоря, герои очень часто в своих воспоминаниях восстанавливают не только события, но и ощущения, которые тогда испытывали.

Особый интерес с точки зрения синтагматики мотивационного признака концепта вызывает следующий пример:

Девки, поправляя вал, работали опять возле ельника, заделывали в валу проделанные скотиной лазы, заваливали их землей и парным, приятно-вонючим навозом, который работники от времени до времени подвозили со скотного двора через аллею, – аллея вся была полна влажными и блестящими шматами [4, с. 464].

Приятно-вонючий – совмещение двух абсолютно противоположных характеристик (приятный/отвратительный). Получается, что запах, который по сути неприятный, для рассказчика приятен. Налицо проявление авторской индивидуальности и специфики проявлений знаний о мире.

Интересно, что в другом случае запах, исходящий от навозного двора, явно неприятен герою, выступает раздражителем, мешающим уснуть:

По ночам от духоты кровь стучала в голову и будил каждый звук за открытыми окнами. А на сеновале нельзя было спать от блох, крика петухов и вони навозного двора [4, с. 132].

Вообще, нельзя однозначно утверждать, что за лексемой *вонь* в произведениях И. А. Бунина непременно скрывается неприятный запах, поскольку эмоциональная оценка впечатления героя может меняться вследствие привычки или зависеть от психологического состояния персонажа. Рассмотрим первый вариант:

В просторной и низкой конторе, когда-то беленной мелом, было очень тепло и сыро, густо воняло махоркой, жестяной лампочкой, горевшей на верстаке, сапожным варом, политурой и мятной кислотой кожи, куски и обрезки которой, вместе с инструментами, новой и старой сбруей, хомутиной, потниками, дратвой и медным набором навалены были и на верстаке, и на затоптанном, сорном полу. Воняло и птицей из темной пристройки, но Сверчок и Василий, почевавшие в этой вони и каждый день часов по десяти сидевшие в ней с согнутыми спинами, были, как всегда очень довольны своим помещением, особенно тем, что Ремер не жалеет топки [4, с. 246].

То, что герои проводят в помещении с неприятным запахом по несколько часов кряду, притупляет их обоняние. Они не воспринимают *вонь* как нечто неприятное. Вероятнее всего, они ее вообще не замечают. Возможно, данный пример – ключ к пониманию предыдущего: неприятный запах, к которому ты привыкаешь, не вызывает отрицательных эмоций и может даже быть приятным, как нечто знакомое, свое.

Чужое, напротив, кажется хуже, чем есть. Особенно, когда человек тоскует по родному краю. Так, в рассказе «Господин из Сан-Франциско» по наличию определенного запаха характеризуется целая нация, которой герой, очевидно, себя противопоставляет:

И господин из Сан-Франциско, чувствуя себя так, как и подобало ему, – совсем стариком, – уже с тоской и злобой думал обо всех этих жадных, воняющих чесноком людишках, называемых итальянцами <...> [4, с. 381].

Герой, находящийся в неважном настроении, злится на все, что его окружает. Чеснок, часто используемый в итальянской кухне и оставляющий после себя не очень приятный запах, ложится в основу признака, по которому охарактеризована нация. Причастие *воняющих* усиливает негативную оценку и без того стилистически окрашенного слова *людишки*. Таким образом автор достигает максимальной степени передачи эмоции пренебрежения.

Итак, в большинстве случаев запахи у И. А. Бунина – это часть быта, а одоративные номинации, в связи с этим, возможно, не в такой степени выверены и осмыслены, как у А. П. Чехова. Лексемы с корнем *-вон'-* у И. А. Бунина, скорее, отражают авторское восприятие реальности, чем свидетельствуют о нарушении нормы. Автор «Антоновских яблок» воспринимает мир таким, как он есть, всеми органами чувств, о чем сам неоднократно пишет как в художественных произведениях [2], так и в Дневниках [3].

Нельзя также сказать, что неприятные запахи у И. А. Бунина четко связываются с социальным статусом персонажей. Они могут присутствовать как в деревенском, так и в городском быту. При этом следует отметить большое разнообразие источников запаха в приведенных нами примерах. Это всевозможные предметы быта (*инструменты, сброя, хомутина*), табачные изделия (*махорка, окурки*), помещения и территории (*коридор, навозный двор*), люди (*людишки*) и т. д.

Таким образом, широкие границы сочетаемости слов с корнем *-вон'-* в произведениях И. А. Бунина свидетельствует о том, что автор придает большое значение сенсорным деталям в отображении действительности. Его герои чувствуют запахи, помнят их, довольны или недовольны ими.

Сопоставление особенностей синтагматики слов с корнем *-вон'-* в произведениях интересующих нас авторов несомненно пересекается с особенностями их творческой манеры. Так, известное чеховское стремление к лаконизму рассказов приводит к четкому подбору деталей, а значит, ограничивает, в какой-то степени круг сочетаемости одоративных номинаций. Стремление И. А. Бунина охватить мир во всех его красках, напротив, этот круг расширяет.

Библиографические ссылки

1. **Абрамов В. П.** Семантические поля художественного текста в идиостиле И. А. Бунина / В. П. Абрамов, С. В. Бревнова // Филология как средоточие знаний о мире : Юбилейный сб. – М.; Краснодар: АПСН; КубГУ, 2008. – С. 432–436.
2. **Бунин И. А.** Жизнь Арсеньева : роман. / И. А. Бунин – СПб. : Изд. группа «Азбука-классика», 2010. – 448 с.
3. **Бунин И. А.** Окаянные дни / И. А. Бунин – СПб. : Изд. группа «Азбука-классика», 2009. – 320 с.
4. **Бунин И. А.** Повести и рассказы / И. А. Бунин [сост. А. А. Девель]. – Л. : Лениздат, 1985. – 639 с.
5. **Варданян Л. В.** Этнолингвокультурный концепт «душа» в английской, русской и эрзянской языковой картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Л. В. Варданян / Моск. гос. ун. им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 18 с.
6. **Воркачев С. Г.** Концепт *счастье* в русском языковом сознании : опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. – Краснодар, 2012. – 142 с.
7. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. А–З. / В. И. Даль – М. : Рус. яз., 1978. – 699 с.
8. **Карасик В. И.** Языковой круг : личность, концепт, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
9. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1975. – 847 с.

10. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер, перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – Т. 1 (А–Д). – М. : Прогресс, 1964. – 564 с.
11. **Чехов А. П.** Собрание сочинений : Т. 2-й / А. П. Чехов. – М. : Гос. изд-во худ. лит., 1954. – 504 с.

Надійшла до редколегії 11.01.13

УДК 811.112'2

И. А. Сахно

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

НЕМЕЦКИЕ МОДИФИЦИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ЦЕННОСТНЫЕ КОДИФИКАТОРЫ

На матеріалі сучасної німецької мови досліджено семантичне спрямування німецьких фразеологічних одиниць. Проаналізовано культурну конотацію фразеологічних висловів.

Ключові слова: фразеологізм, модифікація, реклама, слоган, ціннісні уявлення.

На материале современного немецкого языка исследована семантическая направленность немецких фразеологических единиц. Проанализирована культурная коннотация фразеологических выражений.

Ключевые слова: фразеологизм, модификация, реклама, слоган, ценностные представления.

The semantic aspects of german phraseological units, the cultural connotation of stock phrases are examined on the basis of modern german language.

Keywords: phraseological units, slogan, advertising, modification, value categories.

Научное изучение фразеологии немецкого языка имеет историю, протяженностью в несколько десятилетий, что не снижает исследовательского интереса к этому сложному, постоянно изменяющемуся и насыщенному в функционально-смысловом отношении языковому феномену. С появлением новых направлений и методик в лингвистической науке меняются и аспекты рассмотрения фразеологического фонда. Одним из актуальных подходов в изучении фразеологии различных европейских языков является сегодня когнитивная фразеология. На международных конференциях последних лет предметом научных дискуссий становятся такие проблемы, как взаимосвязь знаков косвенно-производной номинации с базовыми когнитивными структурами, механизмы взаимоотношения идиоматики, познания и культуры [13]. Вызывают интерес также место фразеологии как составляющей национальной картины мира [2; 6], соотношение логического, эмоционального и эмотивного компонентов фразеологического значения [14], текстообразующий потенциал фразеологизмов [18], их индивидуально-авторские модификации и многое другое.

Цель данной статьи – описание фразеологических единиц немецкого языка с культурологической точки зрения, в частности, анализ разновидности структурных и смысловых модификаций фразеологизмов в языке рекламы как отражение ценностных представлений современного немецкоязычного социума. В связи с этим далее будут рассмотрены специфика фразеологической номинации как таковой, типы и функции модификаций фразеологизмов, область их применения. Бу-

дет уделено также внимание понятиям «реклама», «рекламный текст», «слоган», их трактовке в современной лингвистике.

Изучая фразеологический состав языка, можно получить представление о специфике национальной культуры, о ценностных предпочтениях носителей соответствующего языка, об особенностях так называемой «языковой картины мира» и о структурно-семантических параметрах конкретной языковой действительности. Отличительными особенностями фразеологизмов как номинативных единиц являются их сложный лексемный состав и одновременно структурно-семантическая целостность, стабильность и регулярность. Они служат не чисто рациональному отражению действительности, а экспрессивно-оценочному, коннотативному. Этим обусловлено такое свойство фразеологии, как идиоматичность.

Фразеологизмы передают субъективно значимые физические и социальные ситуации и обстоятельства. В когнитивном аспекте идиоматические выражения можно интерпретировать как микротексты, «в номинативное основание которых, ... втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте» [12, с. 3]. Именно поэтому фразеологические обороты, и особенно их модифицированные разновидности, можно рассматривать как определенный культурно-ценностный код.

Общей функционально-номинативной направленностью устойчивых словесных комплексов разного типа является выражение оценки. При этом в полной мере проявляются национально-специфические особенности восприятия действительности и языковое творчество носителей языка. Фразеологизмы передают одновременно как суть оценки, так и характер оценивающей личности, выступая фрагментом языковой картины мира. «Оценочная шкала, служащая средством создания эмотивно-оценочных значений слов, ... содержит не только указание на степени нарастания/убывания некоторого качества, но еще и отображение определенной оценочной модификации этого качества в виде квазистереотипа..., характерного для языковой картины мира данной культурной общности» [12, с. 49].

В основе фразеологической номинации лежит не чисто ментально-логическая, а прежде всего эмоциональная оценка действительности. Как известно, в ситуации эмоционального общения средства выражения негативной оценки обычно выступают как значительно более дифференцированные и многообразные по сравнению с оценкой положительной. Из этого вытекает хорошо известная лингвистическая универсалия, а именно – значительное количественное превосходство негативно коннотированных фразеологизмов [19, с. 179]. Далее мы рассмотрим, как проявляется эта общая закономерность при использовании фразеологизмов в такой важной сегодня сфере функционирования языка, как реклама.

В системе деловой коммуникации реклама занимает прочное место. В ее современном понимании она сформировалась на рубеже XIX и XX веков. При всем множестве жанровых и функциональных определений рекламы, неизменными остаются такие ее параметры, как связь с коммерческой деятельностью, реклама – это форма опосредованной коммуникации между производителем и потребителем товаров и услуг, способ продвижения товара на рынке и т. п. Коммерческая реклама подразделяется на отдельные виды в зависимости от целевой группы, функциям, задачам, области применения, способам и средствам выражения. Основные функции рекламы – информативная, воздействующая; основная цель – пробуждение интереса и создание мотивации, формирование определенной психологической установки [9]. Удачная реклама порождает эффект эмоционального сопереживания, размышления, эффект доверия, прямого разговора, присутствия и

т. д. Благодаря им потенциальный потребитель может перейти в ряды активных потребителей [5].

Реклама является объектом исследования самых разных наук: социологии, психологии, экономики, журналистики, лингвистики, культурологии, маркетинга и др. В ряде исследований нашли отражение лингвистические особенности немецкоязычной рекламы [1; 3]. Рекламный стиль отличают обилие оценочных структур, стилистически окрашенная лексика, наличие инверсий, императивных глагольных форм, пассивных конструкций, отсутствие средств отрицания и т. д. [10].

Важной структурно-композиционной единицей текста рекламы является рекламный слоган. На сегодняшний день известно множество определений этой краткой формы рекламного текста или его отдельного фрагмента. В наиболее общем виде под слоганом понимают рекламную фразу, которая в сжатом виде излагает рекламное предложение, связывает имя, легенду и достоинство товара [9]. Как отмечают исследователи, слоган – это константа всей рекламной компании, своеобразная черта, которая наряду с товарным знаком служит различителем, определяющим лицо фирмы и идентифицирующим ее [7, с. 63]. Обычно слоган стоит в конце рекламного текста, резюмируя все сказанное. Но он может существовать и как краткое самостоятельное рекламное сообщение, изолированное от других рекламных продуктов, представляя собой свернутое содержание рекламной кампании [8, с. 5].

Особый интерес представляет анализ употребления фразеологизмов в составе рекламных слоганов, поскольку фразеология, аккумулируя многовековой культурный опыт, как нельзя лучше отвечает цели создания яркого и запоминающегося рекламного образа. По мнению Х. Бургера, язык рекламы существует за счет намеков и фразеологизмы прекрасно подходят для этой цели, поскольку дают возможность услышать, прочитать или увидеть что-то гарантированно знакомое прежде. Для описания этого эффекта Х. Бургер вводит понятие «интертекстуальности», определяя его как «jegliche Bezugnahme des aktuellen Textes auf andere Texte, mit der Einschränkung für Werbetexte, dass nur auf solche Texte Bezug genommen wird, mit deren Präsenz im Bewusstsein der Rezipienten der Produzent rechnen kann bzw. auf deren Präsenz er hofft» [15, с. 17]. Слоганы с широко известными идиоматическими выражениями, вероятно, можно отнести к разряду так называемых прецедентных текстов. Ю. Н. Караулов понимает прецедентный текст как текст, являющийся элементом культурной памяти народа, хорошо известный широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; обращение к такому тексту неоднократно возобновляется в дискурсе данной языковой личности [4].

Все возрастающую степень метафоричности и абстрактности современных слоганов на немецком языке отмечает основатель интернетпортала Slogans.de А. Хан. Еще недавно основной целью авторов слоганов была презентация новых продуктов. Сегодня же имеют место, прежде всего, имиджевые высказывания, адресованные потребителю и часто имеющие побудительную форму. В качестве примера, А. Хан сравнивает рекламные слоганы известных торговых марок за разные периоды: «*Beck's Bier löscht MannerDurst!*» (Beck's, 1955) и «*Folge deinem inneren Kompass*» (Beck's, 2012). Старый слоган еще называл конкретную торговую марку (*Beck's Bier*), качество товара (*löscht Durst*) и целевую группу (*Männer*). Новый слоган передает те же аспекты, но в метафорической форме. Понятие «компас» подразумевает приключение и такие качества, как смелость, ум, претензия на исключительность [20]. Подобную тенденцию наблюдаем и в известной рекламе шоколада: «*Die zarteste Versuchung, seit es Schokolade gibt*» (Milka, 1971) и «*Trau dich zart zu sein*» (Milka, 2012). Слоган все чаще тематизиру-

ет, таким образом, не сам продукт, а качество жизни, которое гарантирует потребление данного товара.

Анализ немецкой рекламной продукции и, в частности, слоганов может дать представление о ценностных ориентирах и предпочтениях адресата рекламы. Материалом для нашего исследования послужили слоганы коммерческой рекламы немецкой прессы последних лет самого широкого профиля (предметы повседневного обихода, услуги, предметы роскоши), рассчитанные на самую разнообразную потребительскую аудиторию. Авторы рекламы часто прибегают к фразеологическим оценочным средствам. Идиомы выступают в рассмотренных нами мини-текстах как надежный способ компрессии информации, как образное оценочное средство. Они сжато и наглядно сообщают о качестве товара или услуги, о преимуществах и перспективах использования именно данной торговой марки, например: *Alles sauber. Sauberer wird's nicht (Kärcher)*; *Essen gut. Alles gut (Knorr)*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в слоганах встречаются почти исключительно фразеологизмы с позитивной оценочной направленностью. Их общее значение можно сформулировать как «первоклассный, очень хороший, превосходный». Причина этого кроется в самой цели рекламного сообщения – создании позитивного образа предлагаемого товара или услуги. Понятие и само слово «*Mehr*» («Больше») – самое частотное в немецких слоганах, начиная с 2012 года [20]. В нашей выборке это, например: *Mehr als nur kalter Kaffee!* (About-Tea). *Je Obi, desto mehr.* (Obi). *Noch mehr Neues vom BMW auf einen Blick* (BMW). *Gesundheit ist mehr als nicht krank zu sein.* (Arend/Wessling). Негативно коннотированные фразеологизмы также встречаются, но не в качестве определяющего смыслового звена: *Die Zeit kann nicht diese Wunde heilen. Kein Geld – Keine Musik.* В рекламном контексте такие выражения могут менять негативный смысловой регистр на позитивный.

Реклама, как зеркало общества, особенно во времена кризисов, отражает перемену ценностей, ср.: *Geiz ist Geil. Morgenstund hat Frust im Mund.* Подтекст подобных слоганов таков: «Да, сейчас трудно, но наши товары соответствуют последним тенденциям и позволяют экономить».

Вместе с тем в последнее время вновь наблюдаем активизацию рекламы первоклассной, дорогой и высококачественной, «особой» продукции. Фразеологические средства подчеркивают в этом случае потенциальную принадлежность клиента к особому социальному слою, известную эксклюзивность в случае потребления предлагаемого товара. Ср.:

Weil ich es mir wert bin.

Weil Sie es sich wert sind.

Auch Sie sind es sich wert (L'Oreal).

Das Beste oder nichts (Mercedes-Benz).

Подобная аргументация приходит на смену рекламе, апеллирующей к подчеркнuto традиционным социальным связям (семейным, родственным и т. п.).

Внимание адресата привлекают не только яркие оценочно-экспрессивные единицы сами по себе, но, прежде всего, их модифицированные (измененные) варианты. Модификации направлены при этом на сознательное изменение фразеологизма в соответствии с задачами рекламного текста. А следовательно, изменение структуры и состава идиом должны помочь не просто проинформировать адресата, а привлечь его внимание оригинальностью и создать запоминающийся образ.

Можно говорить об окказиональном использовании узуальных (то есть общеизвестных для носителей данного языка) фразеологизмов. По принятому сегодня в лингвистике мнению, модифицированные единицы следует рассматривать не как отступление от нормы, а как полноправный способ словоупотребления [17]. Из всех известных форм фразеологических трансформаций в слоганах наибо-

лее популярна их структурно-семантическая разновидность, т. е. одновременное изменение компонентного состава и семантики. Особенно часто наблюдаются:

– субституция (замена компонентов), например:

Teile und eile. вместо *Eile mit Weile.*

Drin oder nicht drin? вместо *Sein oder nicht sein?*

Essen gut. Alles gut. вместо *Ende gut. Alles gut.*

Wer scoutet, der findet. вместо *Wer sucht, der findet.*

– расширение лексической и грамматической структуры (чаще всего – за счет вербального или адъективного компонентов):

Wenn's so sauber wie gekocht sein soll.

Mit Maggi macht das Kochen Spaß.

– сужение (усечение) лексической и грамматической структуры:

Heute ein König.

Hotels. In guten Händen.

Реклама часто использует формы, мало отличающиеся от тех, которые активно функционируют в повседневной речи. Особенно распространенные сегодня императивные глагольные слоганы вызывают ассоциацию с пословицами, поговорками, называющими логические правила поведения: *Den Rest können Sie sich sparen. Wie das Land, so das Jever, friesisch herb. Wecken den Tiger in Dir! Engel kann man nicht kaufen, aber man kann ihnen begegnen. Lieber zwei Schafe im Stall als ein Rind auf dem Dach. Muss was dran sein!*

Все модифицированные выражения должны вызывать устойчивую ассоциацию с узуальной фразеологической единицей. Это порождает эффект комизма, обусловленный несоответствием между новой формой и ожидаемым, хорошо известным, закрепленным в памяти народа прототипом. Ср.: *Damit fängt der Spaß an.* (Märklin My World) и *Da hört der Spaß auf* [16]. Вместе с тем апелляция к чему-то прежде хорошо знакомому должна вызвать чувство доверия, убежденность в качестве и надежности предлагаемого товара или услуги, например: *Werbung am richtigen Fleck!* (Werbeflecki) и *das Herz auf dem rechten Fleck haben* [16].

Только «встроенность» слогана в контекст всего рекламного сообщения позволяет иногда распознать специфический оценочный эффект модифицированных фразеологизмов. Дополнительным ключом к пониманию замысла автора могут служить невербальные, например, визуальные средства. «Картинка» способствует свежему, неожиданному прочтению хорошо известных идиом. Изображение часто возвращает реципиента к первичной мотивации, легшей в основу исходной фразеологической образности. Изменение мотивации может сопровождаться изменением значения всей фраземы. Без изменения структуры при этом создается совершенно новый подтекст за счет соотношения прямого и переносного значения словосочетания, ср.: *Schwarz auf weiß lesen, was Deutschland bewegt.*

Как видим, общая тенденция к метафоризации немецкоязычной рекламы проявляется, в частности, во все более частом использовании фразеологии, и в особенности – измененных форм фразеологизмов. В этом случае успешно совмещаются информативная и эмоциональная составляющие рекламного текста.

Непременным условием адекватного восприятия рекламного продукта адресатом является наличие так называемых фоновых знаний, общего социально-культурного опыта. Хорошо известны случаи неудачного использования слоганов на новой культурно-языковой почве. Обязательная потенциальная узнаваемость идиомы выступает одновременно и условием, и ограничителем для возможных креативных усилий в рекламотворчестве.

Слоганы – это маркеры уже утраченных, новых и грядущих социальных ценностей. Они характеризуют не только мир потребления, но и смену общесоци-

альных векторов. Фразеология выступает при этом как важное средство выражения ценностных ориентиров.

Библиографические ссылки

1. **Аврасин В. М.** О социальных и психологических основах мотивации в рекламных текстах (на материале немецкоязычной прессрекламы / В. М. Аврасин // Текст и культура : общие и частные проблемы. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1985. – С. 202–210.
2. **Алефиренко Н. Ф.** Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, 2010. – 288 с.
3. **Железанова Т. Т.** Номинация паралингвистических явлений в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Т. Железанова. – М., 1982. – 26 с.
4. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
5. **Кохтев Н. Н.** Десять эффектов рекламы / Н. Н. Кохтев // Русская речь. – 1991. – № 6. – С. 57–63.
6. **Кравцов С. М.** Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека») : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / С. М. Кравцов. – Ростов-на-Дону, 2008. – 32 с.
7. **Лившиц Т. Н.** Реклама в прагмалингвистическом аспекте / Т. Н. Лившиц. – Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ун-та, 1999. – 212 с.
8. **Морозова И.** Слагая слоганы / И. Морозова. – М., РИП-холдинг, 1998. – 100 с.
9. **Музыкант В. Л.** Рекламные и PR-технологии в бизнесе, коммерции, политике / В. Л. Музыкант. – М. : Армада-пресс, 2001. – 688 с.
10. **Сибатров В. Е.** Лингвистические особенности испанской рекламы на радио : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Е. Сибатров. – М., 2010. – 26 с.
11. **Слободянюк Э. П.** Настольная книга копирайтера / Э. П. Слободянюк. – М. : Вершина, 2008. – 256 с.
12. **Телия В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с.
13. **Фразеология и когнитивистика** : матер. 1-й Междунар. научн. конф. (Белгород, 4–6 мая 2008 года). – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. – 370 с.
14. **Шаховский В. И.** Эмотивный компонент значения и методы его описания : учеб. пособие по спецкурсу / В. И. Шаховский. – Волгоград : ВГПИ, 1983. – 94 с.
15. **Burger H.** Phraseologie und Intertextualität / H. Burger // Europhras 90. Akte der internationalen Tagung zur germanistischen Phraseologieforschung. Aske/Schweden 12. – 15, Juni 1990. – Uppsala/Stockholm : Almqvist & Wicksell International, 1990. – S. 13–27.
16. **Duden.** Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 2002. – 955 S.
17. **Fleischer W.** Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache: 2. durchges. und erg. Auflage / W. Fleischer. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1997. – 299 S.
18. **Shippan Th.** Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / Th. Shippan. – Leipzig : Bibliographisches Institut Leipzig, 1987. – 307 s.
19. **Stepanowa M. D.** Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Ein Lehrbuch / M. D. Stepanowa, I. I. Cernysewa. – Moskau : Hochschule, 1986. – 247 S.
20. **Hahn A.** Die Zukunft der Markenslogans [Электронный ресурс] / A. Hahn. – Режим доступа : http://www.slogans.de/downloads/press_fischersarchiv_20120715.pdf.

Надійшла до редколегії 25.02.13

УДК 811.161.1'373.611

И. П. Суима

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ С РЕДУЦИРОВАННЫМИ И НЕРЕДУЦИРОВАННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

Подано основні структурні особливості складних прикметників зі значенням національно-територіальної приналежності з редукованими та нередукованими компонентами; розглянуто специфіку їх функціонування; проаналізовано зв'язок різних структурних типів прикметників зі значенням національно-територіальної приналежності з їх функціональним навантаженням.

Ключові слова: прикметник, національно-територіальна приналежність, структурний тип, редуція, редуковані та нередуковані компоненти.

Представлены основные структурные особенности сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности с редуцированными и нередуцированными компонентами; рассмотрена специфика их функционирования; проанализирована связь разных структурных типов прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности с их функциональной нагрузкой.

Ключевые слова: прилагательное, национально-территориальная принадлежность, структурный тип, редуция, редуцированные и нередуцированные компоненты.

The article deals with the main structural peculiarities of compound adjectives with the national-territorial meaning with reduced and unreduced components; specificity of their functioning is considered and the connection between different structural types of compound adjectives with the national-territorial meaning and their functional load is analyzed.

Keywords: adjective, national-territorial meaning, structural type, reduction, reduced and unreduced components.

В современном русском языке существует довольно обширный класс сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности (ПНТ), которые функционируют в разных сферах жизни и деятельности общества. В основном, употреблением указанных лексических единиц в той или иной сфере обусловлены и их структурные особенности. Одним из наиболее частотных структурных параметров, наряду с вероятностью образования ПНТ с разным количеством компонентов исследуемых нами прилагательных, является редуция, т. е. усечение некоторых компонентов, входящих в состав ПНТ: *венгеро-болгарский* (неусеченный вариант – *венгерско-русский*), *греко-римский* (неусеченный вариант – *греческо-римский*), *австро-венгро-чешский* (неусеченный вариант – *австрийско-венгерско-чешский*), *англо-франко-польский* (неусеченный вариант – *английско-французско-польский*) и т. д.

В работах по словообразованию усечение рассматривается как лингвистическое явление, при котором несколько составляющих связаны отношениями производности и в одном из них отсутствует конечный отрезок производящего компонента, т. е. в производное слово входит укороченный вариант производящего (В. Н. Немченко [13], Е. А. Земская [8], В. В. Лопатин [11]).

В большинстве случаев лингвисты анализировали специфику усечения как лингвистического явления на материале простых и сложносокращенных слов, чаще всего существительных [1; 2; 6; 10; 16]. Сложные прилагательные с усечен-

ними компонентами, в том числе и со значением национально-территориальной принадлежности, преимущественно рассматривались в орфографическом аспекте и их структурно-семантические особенности частично описывались в работах Е. В. Бешенкова [3], Н. А. Еськовой [7], Е. В. Кауновой [9], В. В. Лопатина [12], Н. Н. Соловьевой [20]. Однако, насколько нам известно, сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности, несмотря на их значительную функциональную нагрузку, в структурном и функциональном плане специально не рассматривались. Поэтому в предлагаемой статье и сделана попытка описать ПНТ с полными и усеченными компонентами, их общие и специфические характеристики, а также особенности их употребления в различных сферах общественной деятельности.

Наличие вариантов одного и того же прилагательного с полными и редуцированными компонентами связывают, в основном, с установленной традицией комбинацией структурных элементов в составе сложного прилагательного и практикой их употребления. (Л. П. Катлинская [5], С. Л. Попов [15]). Например, *греко-католическая церковь, франко-германская война, итало-эфиопская война* и т. д. Существуют также и другие точки зрения: например, по мнению Е. В. Старостиной, прилагательные с нередуцированными компонентами являются архаичными, устаревшими формами соответствующих адъективов с редуцированными [21]; В. П. Петушков, Т. Н. Поповцева, Н. В. Соловьев в своей работе «Новое в русской лексике. Словарные материалы» [14] отмечают, что разные структурные формы прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности являются синонимичными и могут употребляться в одних и тех же случаях. Согласно указанным авторам, прилагательное *финско-советский* обозначает то же, что и *финляндско-советский*; относится к Финляндии и Советскому Союзу и их отношениям. Они также приводят примеры предложений с данными прилагательными, обращая внимание на то, что оба варианта могут употребляться в одинаковом контексте: «Предметом нашей особой заботы были взаимные отношения между Финляндией и Советским Союзом, которые начиная с 1948 года основываются на прочной, взаимовыгодной основе финляндско-советского Договора о дружбе» и второй пример: «Финско-советский мирный договор содержал предпосылки развития мирных взаимоотношений между этими соседними странами». Действительно, довольно часто прилагательное *финляндско-советский* функционирует наряду с прилагательным *финско-советский* и используется в различных источниках с одними и теми же стержневыми словами: *отношения, соглашения, дружба, центр, граница, торговля* и т. д. Например, «Ю. К. Паасикиви неоднократно обращался к вопросу о причинах обострения финляндско-советских отношений» [25] и «Чтобы понять психологическое воздействие "зимней войны", которое, вероятно, оказалось наиболее важным коллективным опытом в финской истории, мы должны рассмотреть, что в финско-советских отношениях предшествовало ей» [24] и т. д. Однако в некоторых случаях они не могут употребляться как синонимичные варианты, например, существует конструкция *финляндско-советская комиссия*, но не используется словосочетание *финско-советская комиссия*, говорят *финско-советский лайнер*, а не *финляндско-советский* и т. д.

Наряду с уже рассмотренными формами данного адъектива, в некоторых источниках встречаем также третий его вариант – прилагательное *финно-советский*, которое в контексте используется с теми стержневыми словами, что и *финско-советский* и *финляндско-советский*: «Медленно подъезжаем к столице Финляндии, встречает нас делегация финно-советской дружбы» [24], «Напря-

женность в финно-советских отношениях имеет глубокие исторические корни» [23] и т. д.

Такие же функциональные особенности характерны и для многих ПНТ с другими их компонентами. Существует *итальянско-русский словарь*, но нет *итальяно-русского* и *итало-русского*, или есть *итало-российская торговая палата*, но нет *итальянско-российской* и т. д.

Практически всегда отмеченные структурные особенности прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности связаны с определенными экстралингвистическими факторами. Так, прилагательные типа *русско-испанский*, *финско-русский*, *немецко-французский* относятся к народам, их языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к территории соответствующей страны, внутреннему устройству, истории. Например: *русско-испанский словарь*, *финско-русская транскрипция*, *немецко-французский университет*. Прилагательные *российско-белорусский*, *финляндско-российский*, *германско-польский* относятся к государствам (России, Финляндии, Германии, Польше, Белоруссии), отношениям между ними и обозначают что-то свойственное, характерное для государства, принадлежащее государству. Например: *русско-белорусские отношения*, *финляндско-русская премия*, *германско-польский конфликт*. Таким образом, примеры сложных прилагательных с полными (нередуцированными) компонентами подчеркивают принадлежность к государству и носят официальный оттенок, а примеры с редуцированными – подразумевают, скорее, принадлежность к национальной культуре.

В большинстве случаев усеченным может быть не только первый компонент ПНТ. Между двумя основными структурными типами сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности – с усеченными (*австро-франко-русский*, *славяно-балто-финский*) и с полными компонентами (*тюркско-монгольско-тунгусский*, *персидско-эламско-вавилонский*) – существует большое количество так называемых промежуточных вариантов, которые соединяют в своем составе и полные и усеченные основы: *англо-норвежско-шведский*, *англо-турецко-французский*, *англо-американо-голландско-французский*, *англо-франко-американско-голландский*, *немецко-русско-англо-французско-испанский* и т. д.

Такого рода ПНТ имеют специфическую функциональную нагрузку. Некоторые из соответствующих адъективов являются синонимичными вариантами для ПНТ, которые образованы только из усеченных или неусеченных компонентов. Например, прилагательные *аваро-индийско-дидойский*, *аваро-индо-дидойский* и *аварско-индийско-дидойский* в контексте употребляются с одинаковыми стержневыми словами (*языки*, *народы*, *подгруппы языков*, *семьи языков*, *наречие*, *этноязыковая общность* и т. д.) и имеют одинаковые особенности функционирования. Однако существуют также ПНТ с редуцированными компонентами, которые в определенных контекстах не могут быть заменены аналогичными ПНТ с нередуцированными структурными элементами. Например, прилагательное *англо-французско-испанский* употребляется, в основном, в лингвистической сфере (*англо-французско-испанский разговорник*, *словарь* и т. д.), а прилагательное *англо-франко-испанский* – в общественно-политической сфере (*англо-франко-испанский договор*, *англо-франко-испанская коалиция*, *декларация*, *оппозиция*, *англо-франко-испанские переговоры* и т. д.).

Возможна также частичная синонимичность ПНТ с полными и усеченными компонентами. Например, прилагательные *русско-австро-германский* и *русско-австрийско-германский* одинаково часто употребляются со словами *отношения*, *соглашения*, *союз*, *альянс*, *договор*, но с существительными *центр*, *проект* и т. д.

может использоваться только адъектив *русско-австрийско-германский*, а со словами *фронт*, *противоречия* и т. д. – только *русско-австро-германский*. Наряду с рассмотренными типами ПНТ, существуют также адъективы, которые могут употребляться или с усеченными или с неусеченными компонентами, например, прилагательное *австро-германо-болгарский* широко используется в общественно-политической и производственно-экономической сферах общественной деятельности, а прилагательные *австро-германско-болгарский* и *австрийско-германо-болгарский* в письменных источниках вообще не встречаются.

Отмеченные в настоящей статье структурные особенности сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности часто зависят от сферы их функционирования, например, ПНТ с усеченными компонентами, в основном, встречаются в общественно-политической, производственно-экономической сферах (*русско-пруско-французская война*, *англо-американо-австрало-голландский флот*, *германо-австро-болгаро-турецкий союз*), с неусеченными – в культурно-образовательной, научной (*российско-британский институт управления*, *японско-российский семинар*, *английско-российский проект*) и т. д.

Сфера функционирования ПНТ определяется, прежде всего, стержневым словом; некоторые из них чаще употребляются со сложными прилагательными с усеченными компонентами, а некоторые – с неусеченными. Рассмотрим это явление на примере сложных прилагательных с начальными компонентами *русско-* и *российско-*. Если проанализировать разные источники, в которых зафиксированы исследуемые нами адъективы, то мы увидим, что прилагательные с компонентом *русско-* в большинстве случаев встречаются с существительными: *словарь*, *справочник*, *разговорник*, *война*, *сообщество*, *клуб*, *компания*, *соглашение*, *институт*, *стиль*, *союз*, *договор*, *конвенция*, *фонд*, *колледж*, *изобретение*, *проект*, *заимствование*, *учения*, *маневры*, *альянс*, *прибор*, *вариант*, *школа*, *деловой совет*, *консорциум*, *комиссия*. Например: «*Русско-латинский словарь названий стран и территорий включает в себя название страны или территории на русском языке, а затем на латинском языке*» (предисловие к словарю), «*Русско-польская война 1654–1667 – военный конфликт между Русским царством и Речью Посполитой за контроль над западнорусскими землями*» [4]; «*Русско-персидский договор (12.9.1723 – Петербург) заключен после Персидского похода. К России отходили Дербент, Баку, провинции Гилян, Мазендеран, Астрабад. Ирану предоставлялась военная помощь российских войск*» [4]; «*Русско-японская конвенция 1912, секретное соглашение, подписанное в Петербурге 25 июня (8 июля) в развитие русско-японских соглашений 1907 и 1910*» [4] и т. д.

Прилагательные с начальным компонентом *российско-* зафиксированы в различных источниках с такими стержневыми словами: *дом*, *университет*, *форум*, *партнерство*, *факультет*, *конфликт*, *совет*, *общество*, *колорит*, *меню*, *спор*. Например: «*Российско-немецкий дом с 1997 года служит местом встреч российских немцев, проводит культурные мероприятия и организывает курсы немецкого языка*» [23]; «*Российско-Таджикский (Славянский) Университет (РТСУ) – межгосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования совместного ведения Республики Таджикистан и Российской Федерации*» [23]; «*Данный проект является первой за все время российско-американского партнерства попыткой установить прямые дружественные отношения между судьями Конституционного Суда Российской Федерации и американскими судьями, обеспечить совместное обсуждение и обмен опытом по вопросам верховенства права и соотношения частных и публичных интересов при разрешении споров экономического характера*» [24] и т. д.

Некоторые анализируемые прилагательные одинаково часто употребляются с такими определяемыми словами: *отношения, дружба, граница, центр, учебный центр* и т. д. Например: «*Большую роль в российско-белорусских отношениях играет активно развивающееся межрегиональное сотрудничество*» [25] и «*Изучал вопросы русско-белорусских социально-экономических, культурных и политических отношений второй половины XVI–XVII в., антифеодальную и национально-освободительную борьбу белорусского народа XVII в., русско-польскую войну 1654–1667 годов*» [4]. Приведем еще один пример: «*Русско-Американский Центр (РА-Центр) – это автономная некоммерческая организация, зарегистрированная на Камчатке осенью 2001 года*» [24] и «*В Российско-Американском учебном центре бизнеса СахГУ 19 января приступила к обучению 10 группа курса «Сметное дело в строительстве по программе ABC 4»*» [25].

Что касается лексикографических изданий, то прилагательные с усеченными компонентами представлены в них чаще, чем ПНТ с неусеченными компонентами. Например, в БЭС [4] зафиксировано 6 прилагательных с компонентом *австро-* (*австро-германский договор, австро-итало-французская война, австро-итальянская война, австро-прусская война, австро-турецкая война, австро-французская война*), но нет ни одного примера с компонентом *австрийско-*. Согласно Частотному словарю Л. Н. Засориной [22], самыми употребительными являются прилагательные *англо-французский* и *франко-советский*, которые, как видим, также являются прилагательными с редуцированным первым компонентом. В Орфографическом словаре В. В. Лопатина [17] представлены оба типа прилагательных (и с усеченным первым компонентом (*франко-русский, американо-английский, испано-русский, русско-немецкий, славяно-русский, ирано-турецкий, итало-австрийский, итало-германский*) и с неусеченным (*японско-китайский, японско-русский, армянско-русский, индийско-китайский, индийско-российский*), хотя примеров прилагательных с редуцированным первым компонентом зафиксировано намного больше.

В Словаре трудностей русского языка под ред. Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой [19] даже объясняется разница в значениях ПНТ с редуцированными и нередуцированными компонентами. Например, согласно авторам указанного издания, прилагательные с компонентом *англо-* указывают на двусторонность отношений (*англо-японские торговые связи, англо-бурская война, англо-русский словарь*); ПНТ с компонентом *английско-* указывают на совместность отношений (*английско-шотландское побережье*). Также в словаре указывается разница между прилагательными с первыми компонентами *франко-* и *французско-*: *франко-* – относящийся к Франции (*франко-прусская война, франко-турецкие отношения*); *французско-* – относящийся к французам (*французско-русский словарь*).

В словаре-справочнике «Слитно или раздельно» под ред. Д. Э. Розенталя [18] преимущественно представлены варианты сложных прилагательных и с неусеченными и с усеченными компонентами: *франко-английский* и *французско-английский, японо-китайский* и *японско-китайский, абхазо-адыгский* и *абхазско-адыгский* и т. д. Но, как и в других словарях, количество прилагательных с редуцированными компонентами превышает количество прилагательных с неусеченными. Так, в словаре-справочнике «Слитно или раздельно» представлены такие прилагательные с компонентом *франко-*: *франко-американский, франко-английский, франко-баварский, франко-бельгийский, франко-вьетнамский, франко-германский, франко-голландский, франко-испанский, франко-итальянский, франко-камерунский, франко-канадский, франко-китайский* и т. п. (всего 33 примера), а с компонентом *французско-* зафиксировано только четыре прилагательных: *французско-английский, французско-немецкий, французско-русский, фран-*

узско-японский; с компонентом *русско-* в данном издании находим 51 пример (*русско-австрийский, русско-австро-французский, русско-американский, русско-германско-французский, русско-славянский, русско-турецкий, русско-украинский, русско-чешский* и т. п.) и только одно прилагательное с компонентом *российско-* (*российско-американский*) и т. д.

Таким образом, сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности представляют собой множество слов со специфической структурой, которые функционируют в определенных сферах общественной деятельности, причем ПНТ с усеченными компонентами, в основном, употребляются в общественно-политической, производственно-экономической сферах, в официально-деловых текстах, с неусеченными – в текстах культурно-образовательной, научной направленности и т. д. ПНТ с редуцированными компонентами в большинстве случаев указывают на отношение к народам, языкам, территории соответствующей страны, а прилагательные с нередуцированными компонентами – на отношения между государствами. Все рассмотренные в данной статье структурные типы ПНТ так или иначе фиксируются в лексикографических изданиях, чаще всего в словарях и справочниках находят свое отражение прилагательные с редуцированными компонентами.

Библиографические ссылки

1. **Азарова Л. Є.** Складання як один із способів словотвору: монографія / Л. Є. Азарова, Н. Й. П'яст. – Вінниця : УНІВЕРСУМ, 2005. – 123 с.
2. **Белякова Г. В.** Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке : монография / Г. В. Белякова. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2007. – 170 с.
3. **Бешенкова Е. В.** Вариативность в русской орфографии / Е. В. Бешенкова // Вестник Тамбов. ун-та. Серия : Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 194–202.
4. **Большая Советская Энциклопедия** / под ред. А. М. Прохорова. – 1 т. – М. : Сов. энцикл., 1970. – 608 с.
5. **Граудина Л. К.** Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – 2-е изд. / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – М. : Наука, 2001. – 557 с.
6. **Джафаров М. М.** Очерки по истории русского словосложения / М. М. Джафаров. – Баку, 2009. – 243 с.
7. **Еськова Н. А.** О новом своде орфографических правил / Н. А. Еськова // Наука и жизнь. – 2000. – № 7. – С. 32.
8. **Земская Е. А.** Современный русский язык. Словообразование : уч. пособие / Е. А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 328 с.
9. **Каунова Е. В.** Слитно, раздельно или через дефис? (Сложные прилагательные в лексикографических изданиях) / Е. В. Каунова // Грани познания. – 2009. – № 1(2). – С. 30–34.
10. **Кочеткова Т. И.** Словообразование типа «сущ. + сущ.» как способ образования разноразрядных языковых единиц / Т. И. Кочеткова // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия. – М. : Междунар. академия педагог. образования. – 2002. – С. 181–183
11. **Лопатин В. В.** Современный русский язык. Теоретический курс. Словообразование, морфология / В. В. Лопатин, И. Г. Милославский, М. А. Шелякин. – М. : Рус. яз., 1989. – 261 с.
12. **Лопатин В. В.** О новом своде правил русского правописания / В. В. Лопатин // Русский язык в школе. – 2001. – № 2. – С. 55–60.
13. **Немченко В. Н.** Современный русский язык. Словообразование / В. Н. Немченко. – М. : Высш. шк., 1984. – 255 с.

14. **Новое в русской лексике. Словарные материалы-80** / В. П. Петушков, Т. Н. Поповцева, Н. В. Соловьев, М. Н. Судоплатова ; под ред. Н. З. Котеловой. — М. : Рус. яз., 1984. — 287 с.
15. **Попов С. Л.** Словообразовательные варианты сложных русских прилагательных с двумя равноправными основами / С. Л. Попов // Русская филология. Вестник Харьк. нац. пед. ун-та им. Г. С. Сковороды. — 2010. — № 1. — С. 12–17
16. **Розенталь Д. Э.** Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. — М. : Айрис Пресс Рольф, 2001. — 448 с.
17. **Русский орфографический словарь** / под ред. О. Е. Ивановой, В. В. Лопатина (отв. ред.), И. В. Нечаевой, Л. К. Чельцовой. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2004. — 2946 с.
18. **Слитно или раздельно? Словарь-справочник** / под ред. Д. Э. Розенталя. — М. : Рус. яз., 1976. — 480 с.
19. **Словарь трудностей русского языка** / под ред. Д. Э. Розенталя, М. А. Теленкова. — М. : Рус. яз., 1987. — 414 с.
20. **Соловьева Н. Н.** Как пишется правильно? Нормы орфографии и пунктуации русского литературного языка / Н. Н. Соловьева. — М. : ООО «Издательство Оникс», 2008. — 96 с.
21. **Старостина Е. В.** Русский и российский: трудности определения / Е. В. Старостина // Вестник ЦМО МГУ. — № 1. — 2009. — С. 15–17.
22. **Частотный словарь русского языка** / под ред. Л. Н. Засориной. — М. : Рус. яз., 1977. — 936 с.
23. **Каталог электронных журналов.** — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/>
24. **Каталог журналов и газет.** — Электронные версии. — Режим доступа : www.paryu.ru/catalog_777_913.html
25. **Каталог сайтов.** — Общественно-политические издания. — <http://catalog.aport.ru/rus/themes.aspx?id=1374&r=0>

Надійшла до редколегії 15.01.13

УДК 811.161.1'367

Т. В. Тукова

Донецкий национальный университет

СТРЕМЛЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОСТИ СВЯЗЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Проаналізовано прояви змін у мовній техніці на прикладі фактів фонетичного, морфемно-дериваційного, морфологічного та синтаксичного роду; продемонстровано прямування до незалежності та аморфності, які дозволяють виявити в сучасній російській мові маніфестацію типологічних рис ізоляції.

Ключові слова: консонантна домінанта, аглютинація, аграматизм, тип синтаксичного зв'язку, ізоляція.

Проанализированы проявления изменений в языковой технике на примере фактов фонетического, морфемно-деривационного, морфологического и синтаксического порядка; продемонстрировано движение к независимости и аморфности, позволяющие выявить в современном русском языке манифестацию типологических черт изоляции.

Ключевые слова: консонантная доминанта, агглютинация, аграмматизм, тип синтаксической связи, изоляция.

The display of changes in language technique is analysed at the example of facts of the phonetic, morphemic-derivational, morphological and syntactic order. The tendency to independence and amorphousness is demonstrated, that help to detect the manifestation of typological features of isolation in the modern Russian language.

Keywords: consonantal dominant, agglutination, agrammatism, the type of syntactic relationship, isolation.

Эволюция языка тесно связана с эволюцией мышления человека, с изменением общества, пользующегося определённым вербальным кодом. Экстралингвистические и интралингвистические факторы, детерминирующие движение в языке, оказываются неодинаковыми как по силе воздействия, так и по мере влияния на скорость преобразований на различных уровнях системы языка. В лексико-семантических изменениях последних десятилетий быстрее всего проявляется связь с социально-экономическими, политическими и психологическими преобразованиями в обществе. Подвижки на морфологическом уровне происходят крайне медленно. Внешние факторы не оказывают на них непосредственного влияния, а лишь стимулируют закрепление в языке давно выработанных узусом результатов перманентно протекающих внутренних процессов. Наблюдения за динамикой языковых преобразований на всех уровнях системы позволяет увидеть некоторые общие тенденции и направления эволюции [1; 3; 10; 13 и др.]. **Цель** данного изыскания – обозначить наметившуюся тенденцию к самостоятельности языковых единиц различных уровней иерархической системы русского языка. Предусмотрено решение следующих *задач*: установить факты, свидетельствующие о стремлении к независимости позиций в фонетической подсистеме русского языка; продемонстрировать проявления движения к агглютинации в современном словообразовании; выявить сферы усиления аграмматичности в морфологии; показать некоторые направления изменений в современных синтаксических связях.

Исследователи отмечают преобразования, связанные с изменением языковой техники [12], проявляющиеся в фонетическом обустройстве языка, – усиление консонантной доминанты. Постепенная утрата ведущей роли вокальных звуков в истории русского языка на современном этапе связывается с расширением качественной редуции. В этот процесс постепенно вовлекаются не только гласные неверхнего подъёма [а], [о], [э], но и гласные верхнего подъёма [и], [ы]. В результате наблюдаем появление вариантов типа *оп[ы]т – оп[ъ]т, вым[ы]л – вым[ъ]л, в[ы]ходить – в[ъ]ходить, б[ы]товой – б[ъ]товой, м[и]ровой – м[ъ]ровой*. Ведущей функцией гласных становится не смыслоразличительная, а ритмическая, эмоционально-выразительная [2, с. 223]. В пределах системы консонантизма уменьшается сфера распространения ассимиляции по палатальности. Словари последнего десятилетия фиксируют варианты произнесения предшествующего твёрдого перед мягким консонантным, т. е. ослабление позиционной зависимости согласных: [д`в`ерьь и [дв`ерьь]. Твёрдый согласный в препозиции рекомендуется, например, в случаях *я[зв`ительный, [см`енить, о[тв`ердеть, [зм`еевик* и проч., а в качестве допустимого устаревшего варианта подаются контактирующие палатальные [з`в`], [с`м`], [т`в`], [з`м`]. Иногда акцентируется внимание на новизне факта утраты ассимиляции по палатальности. Так, в словах *а[н`ч`оус, о[д`д`елка* и под. в качестве нормативного подаётся два контактирующих палатальных, но приводится и дополнительное новое с первым твёрдым [нч`], [дд`] [6]. Косвенно эта тенденция проявилась в вытеснении диссимилятивных процессов ассимилятивными. Резко сократился список слов, в которых на месте [х] в современном произношении реализуется [к] перед глухими согласными *но[кт]и, ко[кт]и, дё[кт]я, [кт]о, ни[кт]о* и проч. В настоящее время диссимилятивное [х] допускается лишь в корнях -легк-/-легч-, -мягк-/-мягч-: *лё[хк]ий,*

ле[хч]е, лё[хк]оє; мя[хк]ий, мя[хч]е, мя[хк]ая. Устаревает и произношение [шн] (закреплённое и на письме в XVIII в. *колпаиный, фабриный, галстуиный* и под.) в ряде современных слов типа *сливочный, горничная, шапочник, юбочник* и под. Усиление «графического» произношения – свидетельство упрочения независимости консонантных в звукосочетании.

Деривационные процессы новейшего периода также дают многочисленные примеры направленности к независимости структурных элементов как простых, так и сложных слов. Уход от фузии к агглютинативному обустройству слова, отражающему стремление к соблюдению чётких границ между морфемами, можно видеть на примере новых образований типа *тинейджер-н-ый, тинейджер-ов-ский* [9] и *тинейджер-ск-ий* [14], ср. также: *донбас-ск-ий* и *донбас-ов-ск-ий, интернат-ск-ий* и *интернат-ов-ск-ий* и под. Активизировавшаяся в последнее время интерфиксация помогает избежать наложения и чередования звуков, возможной фузии, достичь прозрачности границ морфем: *омон-ов-ский, интернет-ов-ский, пентагон-ов-ский; яхт-клуб-ов-ец, спартак-ов-ец, эсэнге-ш-ник-, эсбэу-ш-ник* и под.

Как показывает анализ словарей новейшего времени, современный корпус русского языка значительно пополняется композитными и юкстапозитными образованиями: *интернет-провайдер, бизнес-план, экс-лидер, мини-кризис, онлайн-конференция, рейтинг-лист, шоу-индустрия, поп-арт, рок-концерт, VIP-зал, Web-страница, медиатрюк, политинвестор, инофирма, наркотранзит* и мн. др. Постепенное движение к цельнооформленности сложносоставных наименований в узусе последних десятилетий проявляется в утрате внутренней флексии. Несклоняемость первой части наблюдаем как среди нарицательных, так и среди собственных имён [5, с. 245–262, 204, 215]: *прайс-лист, луна-парк, интернет-кафе, кварц-лампа, капитан-лейтенант, премьер-министр, сон-трава, Иван-чай, плац-палатка, яхт-клуб, программа-максимум, идея-фикс, дизайн-проект, мастер-класс, компакт-диск, Горбачёв-фонд; в Камень-Каширском, под Буэнос-Айресом* и проч. Показательна неизменяемость обоих компонентов значительного количества новых в русский язык сложных образований: *фаер-шоу, байк-пати, рейв-пати, дайвинг-сафари, реалити-шоу, джип-сафари, слайд-шоу* и т. п. Чистота морфемного шва манифестирует отступление от типичного явления фузии в обустройстве структуры слова в русском языке.

В современном речевом пространстве фиксируется активность процесса нарушения или утраты внутренней флексии в сложных числительных, имеющих в составе названия десятков и сотен: *к семьдесят, о пятьдесят, с шестьдесят*. «Несклоняемость» составных числительных обращает на себя внимание современных исследователей-русистов [8; 15; 11]. «Стремлением к единообразию форм и выравниванию основы вызваны к жизни варианты с общей основой для всех косвенных падежей, включая и творительный: *пятидесятью – пятистами, шестидесятью – шестистами, восьмидесятью – восьмистами* и т. п.» [5, с. 362]. В ряде случаев не склоняются сложения с *пол-* в косвенных падежах: *полкурицы, полжизни, полпути, полцены* и проч. [5, с. 352–353].

Эпоха глобализации характеризуется взаимопроникновением лексических средств. Русский язык последних десятилетий значительно пополнился заимствованиями, которые адаптировались в языке-доноре частично: *байк-пати, байк-шоу, бандо, бэккантри, бюстье, велькро, гаспачо, дайвинг-сафари, джакузи, джи-ай, джип-сафари, ди-ви-ди, дрим-тим, дьюти-фри, жиголо, комьюнити, кумите/кумитэ, кэндо/кендо, лав-стори, ЛСД, мuppet-шоу, мачо, мико, монокини, ноу-хау, парео, пип-шоу, прайвеси, прет-а-порте, растафари, реалити-шоу, роялти, тай-бо, техно, ток-шоу, тофу, фэнтези, фэшн-шоу, ци, кастом-шоу, фрик-шоу* и мн. др. Отсутствие формальных маркеров грамматических категорий неиз-

меняемых слов порождает у них развитие билатеральных частеречных свойств, служит источником пополнения функциональной грамматической омонимии. Примерами такого рода изобилуют словари последних десятилетий. Достаточно частотна омонимия имён существительных и прилагательных: **вамп** – *...пародирует вамп из «Жара тела» Лоуренса Каздана; макияж вамп подходит далеко не всем* [17, с. 65–66]; **милитари** – *милитари создаёт образ соблазнительный и энергичный; другим важным трендом остаётся стиль милитари* [17, с. 18]; **фьюжн** – *имеет место лишь концептуальный фьюжн; дизайн в стиле фьюжн* [17, с. 196–197]. Словарями активного типа фиксируется также частеречная омонимия наречий и неизменяемых прилагательных: **нон-стоп** – *ещё полгода нон-стоп шла работа; в режиме нон-стоп крутили фестивальные фильмы* [17, с. 196–197]. Детерминатором частеречной принадлежности в подобных случаях становится грамматическая оформленность в виде синтаксической позиции, которая является системным признаком каждой части речи (подлежащего, определения или обстоятельства), и общеграмматического значения (именование субстанции, признака субстанции или признака признака).

Одним из наиболее распространённых типов грамматической связи в языке является согласование. Наряду с полным согласованием на отдельных участках системы русского языка развивается неполное согласование. Кроме грамматического согласования развивается условно-грамматическое, устанавливаемое правилами. Так, местоимение *кто* и производные от него вне зависимости от пола лица или количества требуют постановки зависимого компонента в форме единственного числа мужского рода: *некто щедрый, кто-то знающий, кто-нибудь успешный* и проч. В сложных существительных с первым элементом *пол* род определяется по опорному компоненту (*полчаса* – м. р., *полведра* – ср. р., *полквартиры* – ж. р.), но в линейном синтагматическом ряду согласуемые слова ставятся в форме множественного числа именительного или родительного падежа: *это были последние полстакана, прочитал целых полкниги* и т. п.

Усиливает позиции семантическое согласование во множественном числе при неизменяемых: неодушевлённых существительных (*интересные слайд-шоу, модные бандо, удобные велькро*); одушевлённых именах (*современные жиголо, эти мачо, устрашающие секьюрити*); сложносокращённых словах (*такие ди-види, радующие эсэмэс*) и под. При числительных *два, три, четыре* существительные всегда стоят в родительном падеже единственного числа, а зависимые от него прилагательные имеют форму множественного числа именительного или родительного падежа, семантически поддерживая плюральную семантику: *два интересных случая, три новых продавца, последние четыре месяца*.

Определительные отношения с зависимыми частями речи всё чаще строятся по типу примыкания. Зависимые неизменяемые единицы компенсируют свою формальную грамматическую недостаточность семантической составляющей и структурной закреплённостью местоположения в синтагме. В такие связи могут вступать как парадигматически неизменяемые слова, так и синтагматически неизменяемые: *одеваться в стиле кэжл, книга в стиле фэнтези, желание приласкать, опасение разбудить, поздравляем с Восьмым марта, в селе Клёново, в городе Москва* и проч. На именительный-самостоятельный исследователи обращали внимание ещё в середине XX в. [1, с. 33]. Сфера синтагматически закреплённой независимости постоянно расширяется: *маршрут Полтава – Донецк, матч «Шахтёр» – «Реал», линия Киев – Миргород, отношения профессор – студент, история Путин – Медведев, живёт по принципу есть – пить – спать* и т. п. В результате расширяющейся синтаксической компрессии происходит опрощение многочисленных сочетаний, в результате которого глагольная зависимость изменя-

ється на субстантивную: *картина маслом* (вм. *картина, выполненная маслом*), *сапоги из Финляндии* (вм. *сапоги, привезённые из Финляндии*), *операция на желудке* (вм. *операция, произведённая на желудке*). Расширяющийся круг несогласованных определителей пополняется рядом собственных наименований: *в селе Красные горки, в поселении Долгий Мост, к городу Санта-Нинфа, в городе Санта-Крус* и проч. Исследователи отмечают: «тенденция к несклоняемости географических названий в функции приложения усилилась» [5, с. 205]. Ряды синтагматически неизменяемых на переломе тысячелетий активно пополняются также именами числительными: *ЧМ-2010, Евро2012, топ-10, витамин B6, сезон 2012–2013, 2G-устройство, MP3-плеер* и проч. Аграмматичность числительных становится предметом специальных изысканий [8; 11; 15].

Ослабевание формально манифестируемой связи между главными членами предложения проявляется в развитии соположения, при котором в роли сказуемого выступают неизменяемые слова и формы слов: *Царица – хохотать* (А. С. Пушкин); *И новые друзья – ну обниматься* (И. А. Крылов); *Выходит Павел: он немного выпивши* (М. Горький); *Моя сестра замужем* [16, с. 119–120]. Средством выражения связи при соположении главных членов предложения выступает порядок слов. На смену классическим синтаксическим конструкциям с чётко выраженными формальными средствами приходят актуализированные синтаксические построения. Расчленённость синтаксических цепочек сопровождается утратой эксплицированных средств формальной связи [1]. Присоединительные, парцелированные и сегментированные конструкции манифестируют ослабление связей и стремление к предельной самостоятельности отдельных компонентов грамматической структуры: *Через несколько минут он шёл по той же аллее – один* (С. Довлатов); *С ней было легко, хорошо, весело. Как может она притягивать к себе людей. Особенно молодых* (А. Мень); *Путешествия – они обладают волшебным свойством. Они удивительно удлиняют жизнь* (М. Алигер) [3].

Показательны в стремлении к изоляции вставные конструкции, соединённые с остальными членами предложения связью включения [16, с. 158–159], выражающейся интонацией, отчасти порядком слов. Демонстрацией синтаксической изолированности вставных конструкций в письменной речи служит расширение роли графических пунктуационных знаков – тире и скобок: *Сметливый американец – недаром его дедушка был родом из Одессы – быстро сориентировался, взял у Алика домашний телефон* (Л. Улицкая); *Бенедикт перебелил Указ четырежды, отдал Оленьке бересту, чтобы буквицы покрасивее изукрасила – плетеними ленточками, птичками и цветочками, потому как дело серьёзное, или, как выразился Шакал, судьбоносное – и сам просветлел и порадовался* (Т. Толстая); *Уже с очевидностью обе стороны хотели мира, но (по инерции) продолжали вслушиваться в каждое громкое слово* (В. Маканин); *Если не позволить самостоятельности проявляться, то малышу будет трудно двигаться дальше, у него не сформируется вера в себя (ведь самые важные люди в его жизни сомневаются, что он может справиться сам), да и потребность в развитии чуть уменьшится* (Журнал «Хорошие родители»).

В сфере письменной речи актуализация синтаксиса приводит к подвижкам в функциональной нагруженности отдельных знаков препинания. В настоящее время исследователи отмечают процесс универсализации знака тире. Оно всё чаще занимает позицию и других знаков – запятой, двоеточия: *Я подумал – он ждёт слов* (К. Паустовский); *Может, для будущего это как раз важнее всего – чтобы мы вот здесь и сейчас научились творить мгновения, не откладывая* (В. Леви). «Сдерживать наступательное движение тире уже нельзя», – утверждает Н. С. Валгина [4, с. 268].

Как показывают наблюдения, на всех ярусах системы современного русского языка явно прослеживается тенденция к ослаблению зависимости единиц. Синтаксический строй языка на отдельных участках уступает позиции. Усиление независимости фонетических позиций, стремление к чёткости границ между морфемами, аморфизм в морфологии, приводящий к расширению примыкания, актуализированный синтаксис современного языка с утратой формальных средств грамматической связи и возникновением соположения конструирующих текст единиц, приводящий к возрастанию роли порядка слов и усиливающий семантический компонент в генерировании и восприятии текста, – всё это позволяет говорить о зачатках глубинных процессов движения к изоляции в типологическом обустройстве системы современного русского языка. Для объективного описания типологических особенностей современного русского языка на переломе тысячелетий необходимо изучение означенного процесса на всех ярусах системы русского языка.

Библиографические ссылки

1. **Акимов Г. Н.** Новое в синтаксисе современного русского языка : учеб. пособие / Г. Н. Акимов. – М. : Высш. шк., 1990. – 168 с.
2. **Богомазов Г. М.** Современный русский литературный язык : Фонетика : учеб. пособие / Г. М. Богомазов. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 352 с.
3. **Валгина Н. С.** Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для ст-в вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
4. **Валгина Н. С.** Современный русский язык. Пунктуация / Н. С. Валгина. – М. : Высш. шк., 1989.
5. **Граудина Л. К.** Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – 3-е изд., стер. – М. : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АТС», 2004. – 555 с.
6. **Каленчук М. Л.** Словарь трудностей русского произношения / М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. – М. : Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2006. – 485 с.
7. **Князев Ю. П.** Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 704 с.
8. **Лаптева О. А.** Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О. С. Лаптева. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 520 с.
9. **Русский орфографический словарь:** около 180000 слов / РАН; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2007. – 960 с.
10. **Русский язык конца XX столетия (1985–1995)** / отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 480 с.
11. **Рябушкина С. В.** «Экспансия номинатива» количественных числительных : путь к несклоняемости? / С. В. Рябушкина // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. 1. : сб. науч. ст. / сост. В. Н. Денисенко, О. И. Валентинова, Е. А. Красина и др. – М. : РУДН, 2011. – С. 490–496.
12. **Серебренников Б. А.** Об относительной самостоятельности развития системы языка / Б. А. Серебренников. – М., 1968. – 127 с.
13. **Современный русский язык.** Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
14. **Толковый словарь русского языка конца XX века.** Языковые изменения / под ред. Г. Н. Склярёвской. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
15. **Тукова Т. В.** Современные имена числительные: путь к аморфности? / Т. В. Тукова, С. О. Анисимова. // Функциональная лингвистика. Язык и мир : сб. науч. работ / Крым. республик. ин-т последипломного пед. образования; науч. ред. А. Рудяков. – № 2, т. 2. – Симферополь, 2011. – С. 247–250.

16. **Чикина Л. К.** Присловные и предложенческие связи в русском синтаксисе : учеб. пособие / Л. К. Чикина, В. В. Шигуров. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 192 с.
17. **Шагалова Е. Н.** Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века : ок. 1500 слов / Е. Н. Шагалова. – М. : АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2011. – 413 с.

Надійшла до редколегії 23.12.12

УДК 811.161.1'37

Е. А. Филатова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Проанализовано поняття «мовна гра» у сучасній науковій парадигмі. Здійснено спробу визначити природу мовної гри та її основні характеристики. Встановлено, що мовна гра, з одного боку, виступає як навмисне відхилення від норми під час мовного експерименту з метою досягнення комічного ефекту, а з іншого – як використання риторичних засобів для створення красномовних, дотепних висловів.

Ключові слова: мовна гра, мовний жарт, комічний ефект, мовна аномалія, лінгвістичний експеримент.

Проанализировано понятие «языковая игра» в современном научном освещении. Предпринята попытка определить природу языковой игры и ее основные характеристики. Установлено, что языковая игра, с одной стороны, выступает как намеренное отклонение от нормы в ходе языкового эксперимента с целью достижения комического эффекта, а с другой – как использование риторических приемов для создания остроумных высказываний.

Ключевые слова: языковая игра, языковая шутка, комический эффект, языковая аномалия, лингвистический эксперимент.

The article is devoted to the study of the notion «language game» in the modern scientific interpretation. The author has tried to identify the nature of the language game and its basic characteristics. On the one hand, it is seen as the intentional departure from the norm within the language experiment to create humorous effect, on the other it is perceived as the usage of rhetorical techniques in creation of witty expressions.

Keywords: language game, pun, humorous effect, language anomaly, linguistic experiment.

В настоящее время объектом пристального изучения исследователей стало понятие «языковой игры» (ЯИ). Термин, принадлежащий австрийскому философу Л. Витгенштейну, в современной науке получил двойное толкование: первое – широкое, философское (вслед за автором), второе – узкое, собственно лингвистическое. В работе «Философские исследования» он впервые предположил, что все формы речевой деятельности человека и часть внеречевых форм деятельности связаны с языковой игрой: «...весь процесс употребления слов есть одна из тех игр, посредством которой дети овладевают своим родным языком. Я буду называть эти игры «языковыми играми» и иногда говорить о примитивном языке как ЯИ. Процессы называния вещей и повторения подсказанных слов тоже можно было бы назвать языковыми играми» [5, с. 7]. Под языковой игрой он также понимал «говорение на языке», всю человеческую речевую деятельность, порождающую единство «размытых смыслов», кодировка и раскодировка которых вовлекают участников коммуникации в процесс игры. ЯИ, по Л. Витгенштейну, – это первооснова, которая не поддается дальнейшему объяснению и анализу, как

форма жизни и потому вся человеческая деятельность (и речевая, и даже отчасти внеречевая) есть совокупность языковых игр: «языковой игрой» я буду называть также целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен» [5, с. 7].

По мнению Э. П. Лаврик, «в более поздних исследованиях выявилась тенденция к рассмотрению языковой игры как сознательного языкового эксперимента, имеющего творческое начало и эстетическую природу» [8, с. 5]. Так, по ее мнению, одним из ведущих исследований об игре является работа Й. Хейзинги «*Homo ludens*» (Человек играющий), где были заложены основные принципы функционирования ЯИ как основополагающего фактора культурной жизни: «...человеческая культура возникает и разворачивается в игре, как игра» [17, с. 10]. Й. Хейзинга выделяет следующие наиболее важные признаки игры: ее свободный характер, выход за рамки обыденной жизни, ограниченность во времени и пространстве, повторяемость, порядок и напряжение, таинственность и маскировку [17, с. 11]. Принимая во внимание вышеуказанные признаки, ученый предлагает следующее определение игры: «...мы можем теперь назвать игру свободной деятельностью, которая осознается как «невзাপравду» и вне повседневной жизни выполняемое занятие, однако она может целиком овладеть играющим, не преследует при этом никакого прямого материального интереса, не ищет пользы, – свободной деятельностью, которая совершается внутри намеренно ограниченного пространства и времени, протекает упорядоченно, по определенным правилам и вызывает к жизни общественные группировки, предпочитающие окружать себя тайной либо подчеркивающие свое отличие от прочего мира всевозможной маской» [17, с. 33].

В языкознании явление ЯИ изучается достаточно активно, при этом наличие разных точек зрения на ее природу свидетельствует о неоднозначности данного феномена. Проведенный анализ исследований по ЯИ позволил выявить несколько тенденций в постановке самой проблемы существования данного явления и его отличительных признаков. Так, большинство исследователей отмечает такую особенность ЯИ, как намеренная аномальность, намеренное отступление от нормы. Т. А. Гридина дает следующее определение феномена ЯИ: «ЯИ есть сознательный языковой эксперимент (сознательно допущенная языковая неправильность), опирающийся на неканоническое использование языковых средств с целью создания остроумных высказываний. Создавая игровые высказывания, говорящий апеллирует к интеллектуальному опыту и способностям слушающего» [6, с. 37]. На основе теории ассоциативного потенциала слова Т. А. Гридина рассматривает операциональные приемы и механизмы ЯИ и предлагает, вслед за Е. А. Земской, классификацию «игрем», своеобразных:

- а) по форме;
- б) по содержанию;
- в) по форме и содержанию [6, с. 172–214].

Основой этой классификации являются окказиональные образования, представляющие собой не узуальные, не соответствующие общепринятому употреблению лексические единицы. ЯИ строится по принципу намеренного использования отклоняющихся от нормы и осознаваемых на фоне системы и нормы явлений: «языковая игра порождает иные, чем в узусе и норме, средства выражения определенного содержания или объективирует новое содержание при сохранении или изменении старой формы» [6, с. 7]. Таким образом, ЯИ размывает границу между «языком» и «речью», точнее, между кодифицированным литературным языком и разговорной речью. ЯИ «двунаправлена по отношению к языку и речи» [6, с. 7], вскрывая пограничные случаи функционирования языкового знака. Под общим

термином «ЯИ» объединяются все «явления, когда говорящий „играет“ с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [7, с. 172]. Результатом особого внимания говорящего к форме речи являются осознанные отступления от нормы. Сюда можно отнести все виды шуток, острот, каламбуров, разные виды тропов. Языковой игрой являются все случаи использования продуцентом речи средств языковой выразительности. Задача говорящего, играя, – «развлечь себя и собеседника, а для того выразиться необычно» [7, с. 174]. ЯИ, таким образом, – это обращение внимания при построении высказывания на саму форму речи с целью не просто сообщить что-либо, а вызвать то или иное эстетическое чувство (чаще всего это установка на комизм).

Н. Д. Арутюнова в статье «Аномалии и язык» определяет ЯИ как «последовательность действия отклонений от нормы, которая берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве» [2, с. 8]. Автор предлагает рассматривать ЯИ, оперируя понятиями нормы и антинормы в языке и рассматривая концептуальные поля для каждого из этих понятий. Такой функциональный подход к исследованию показал, что при всей нестандартности ненормативные образования подчиняются системным закономерностям функционирования языка.

Ю. Д. Апресян в работе «Языковые аномалии: типы и функции» дает классификацию языковых аномалий и выделяет среди них намеренные авторские и экспериментальные [1, с. 53]. Авторские аномалии, как отмечает автор, будучи наиболее хорошо изучены, используются, прежде всего, как выразительное средство, в частности, как средство ЯИ. Автор статьи указывает на то, что в стилистических целях можно «совершить насилие практически над любым правилом языка, каким бы строгим оно ни было» [1, с. 54]. Что касается экспериментальных аномалий, которые используются в лингвистике, то, по классификации Ю. Д. Апресяна, они-то и являются тем «насилием» над правилами языка, но создаются намеренно с целью получения нового знания о языке.

В трактовке Л. И. Сапоговой, ЯИ может рассматриваться как «процесс, акт, факт использования человеком его языковой способности как системы потенциальных языковых представлений для экспериментирования с разными уровнями языка с целью выявления в процессе игры их неожиданных возможностей, позволяющих испытывать чувство радостного восхищения перед феноменом языка и осознания своей власти над ним» [12, с. 216].

Т. И. Шатрова, обобщая рассмотрение ЯИ в общем ряду игр, утверждает, что ЯИ обладает следующими характерными чертами:

- свободная деятельность;
- творческая деятельность;
- деятельность, характеризующаяся системой говорящий–слушающий или автор–читатель;
- деятельность, направляемая системой эмоционально-психологических интенций ее участников;
- деятельность, характеризующаяся комическим отражением языковой картины мира;
- основа – язык со всеми его составляющими [19, с. 8].

Исследователь определяет ЯИ как «осознанный, целенаправленный процесс взаимодействия участников коммуникативного акта, основанный на неожиданной реализации свойств языковых форм и экспрессивных возможностей, детермини-

рованный пониманием феномена языка и характеризуемый наличием определенной системы мотивов для экспериментирования» [19, с. 8].

А. Г. Баранов утверждает, что «в описании текстовой деятельности как языковой игры мы выделяем проблемы, включающие такие основополагающие понятия как «противные стороны», «победа», «конкуренция», «правило» – особенно их проявления (или отсутствие) в естественном языке» [3]. Однородность текстовой деятельности предполагает выделение нескольких классов или форм языка, в которых обозначенные ключевые понятия игры проявляются различным образом. По мнению Н. Винера, в первой форме ЯИ «речь является совместной игрой говорящего и слушателя против сил, вызывающих беспорядок» [4, с. 100]. К этим силам он относит прежде всего «энтропическую тенденцию самой природы». Во второй форме ЯИ проявляется активный враг, который сознает свою собственную речь и целью которого является видоизменить и даже исказить смысл [4, с. 101]. Таким образом, во втором случае к обычной ситуации борьбы с энтропией добавляется факт «злой воли». В дополнение к этим формам ЯИ, сформулированным Н. Винером, А. Г. Баранов отмечает еще две формы: лингвистическую и исследовательскую. В лингвистической форме игры субъектами общения задействован метауровневый потенциал системы и функционирования языка. Исследовательская форма ЯИ существует самостоятельно. Она представляет собой эксперимент и направлена на стимулирование дискурсивной рефлексии исследователя, а также участников общения, по поводу метаязыковых и метатекстовых регулярностей текстовой деятельности [3].

А. В. Усолкина определяет ЯИ как «особую форму лингвокреативного мышления, являющегося результатом запрограммированного нарушения языковой схемы и осознанного отклонения от языковой нормы с целью достижения определенного эффекта (чаще всего комического)» [15, с. 9]. Согласно С. Ж. Нухову, ЯИ – это «такая форма речевого поведения человека, при которой языковая личность реализует способность к проявлению в речи остроумия, сопровождающегося возникновением комического эффекта. Получатель речи проявляет креативность при восприятии, благодаря «способности оценить игру, умение отгадать неразрешимую, на первый взгляд, лингвистическую загадку» [9, с. 36].

Наиболее фундаментальным исследованием, посвященным ЯИ, является книга В. З. Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры», где ЯИ рассматривается как вид лингвистического эксперимента, позволяющего натолкнуть исследователя на серьезные размышления о значении и функционировании языковых единиц разных уровней систем языка (лексического, фонетического, словообразовательного, морфологического, синтаксического). По мнению В. З. Санникова: «ЯИ – это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая» [11, с. 23]. Автор обращает внимание на то, что читающий должен понимать, «что это „нарочно так сказано“, иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность» [11, с. 23]. Интересным также представляется введение ученым термина «языковая шутка» как вида ЯИ, целью которого является создание комического эффекта. Однако автор не проводит четкой границы между понятиями «языковая игра» и «языковая шутка», так как допускает возможность использования текстов для создания не только комического, но и других эффектов. В. З. Санников исследует природу шутки, указывая на ее две фазы: фаза отклонения от нормы и фаза «озарения» (комической радости). Соотношение между этими фазами породило две конфликтующие теории, а именно: теорию обманутого ожидания и комического шока.

По мнению И. В. Цикушевой, ЯИ тесно связана с реализацией комического. Ввиду использования ЯИ в коммуникации и связи с манипулированием образными ресурсами языка, ее следует рассматривать с позиций стратегий построения речи. Данный подход позволяет определить ЯИ как особую форму экспрессивизации речи, связанную с порождением комического эффекта на основе осознанного нарушения функционально-семантических закономерностей использования языковых форм. Поэтому уместным представляется говорить о реализации игры в речевой игре. И. В. Цикушева предлагает следующее определение ЯИ: «Осознанное и целенаправленное манипулирование экспрессивными ресурсами речи, обусловленное установкой на реализацию комического эффекта» [18, с. 170]. ЯИ разрушает понятийные и языковые «шаблоны», активизирует процесс восприятия художественного текста, стимулирует динамику создаваемых образов, привлекая внимание к парадоксальности суждений, внешнему алогизму, за которым нередко скрывается подтекст, важный для осознания художественного смысла. Сущность ЯИ состоит в дополнительных авторских смыслах, которые содержат в себе языковую выразительность и порождают комический эффект. «Понятие языковой игры следует рассматривать как специфический механизм индивидуального стиля и как жанровый признак. С одной стороны, наличие элементов ЯИ свидетельствует о креативном аспекте речетворчества конкретного автора, а с другой – оно может быть связано с типологическими признаками определенного стилистического жанра, например, детской сказки» [18, с. 170].

В. И. Шаховский также обращает внимание на реализацию экспрессивности в ЯИ, при этом он подчеркивает неразрывную связь экспрессивной, репрезентативной и адаптивной функций языка. «Под эмотивным кодом языка современная эмотиология (эмотиология) понимает семиотическую систему корреляций между психическими состояниями (эмоциями) коммуникантов и их концептуализацией (семантизацией, вербальными упаковками, т. е. оязыковлением)» [20, с. 101]. Наличие эмотивного кода во всех живых языках подтверждается эмоциональной сущностью *Homo Loquens*: человеком движет не сознание, не рациональность, а эмоция. В. И. Шаховский вводит понятие «эмотивная валентность», которое трактуется как потенциальный смыслообразующий фактор и фактор расширения зоны сочетаемости единиц языка и речи [20, с. 102]. За счет потенциальной эмотивной валентности возможно бесконечное количество подтекстов и, следовательно, неограниченный процесс смысло- и текстопорождения. Так как эмотивность, бесспорно, является языковой категорией [16, с. 37], а ЯИ без нее практически невозможна, то можно говорить о совместной реализации двух категорий, и предположительно, о ЯИ в качестве коммуникативной категории. В. А. Пищальникова отмечает, что «язык, как семиотическая система, не накладывает никаких ограничений на смысл. Эти ограничения накладываются ментальными стереотипами, поведенческими нормами, социальными институтами. Потенции означивания у языка бесконечны, отсюда и бесконечны сочетательные способности» [9, с. 74].

На наш взгляд, наиболее фундаментальным определением ЯИ стала дефиниция А. П. Сковородникова: «ЯИ – творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/речевой, в том числе – стилистической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [14, с. 802]. С одной стороны, ученый утверждает, что ЯИ является отклонением от нормы, но оно, по сути, эстетически мотивировано и употребляется осознанно в рамках идиостиля автора. При этом он указывает на возможность отклонения от разных норм и дает их краткую характеристику:

• **стилистическая норма** – «связана с функционально-стилевыми коннотациями языковых/речевых единиц (по линии «книжное – разговорное») или с коннотациями эмоционально-оценочными (по линии «высокое – сниженное»)» [13, с. 54];

• **речеповеденческая норма** – «представлена лингвопрагматическими максимами, так называемыми качествами хорошей речи, правилами речевого этикета, речевыми стереотипами, обслуживающими соответствующие социальные роли и типизированные социальные ситуации» [13, с. 55];

• **логическая норма** – «понимаемая как совокупность законов и правил формальной логики, может быть основой для создания комического эффекта, поскольку намеренно организуемые отклонения от логической нормы (алогизмы, или паралогизмы) выступают в качестве речевых (риторических) приемов, в отличие от логических ошибок, представляющих собой ненамеренные и немотивированные отклонения от логической нормы» [13, с. 56].

С другой стороны, А. П. Сквородников утверждает, что ЯИ неразрывно связана с категорией комического как семантическая категория, «в составе которой выделяются разновидности, различающиеся по степени представленности в них пейоративно-оценочной модальности (юмор, ирония, сатира, сарказм), и балагурство, которому свойственна не оценочность, а развлекательность [13, с. 59]. Автор поднимает вопрос о включении в ЯИ других функционально-семантических компонентов и риторического приема. Следовательно, ЯИ – «такое использование риторических приемов (приемов речевой выразительности), которое направлено на создание остроумных, преимущественно комических, высказываний, обладающих качествами меткости, оригинальности и неожиданности, а факультативно – качествами эксцентричности, эпатажности и причудливости в разных наборах и комбинациях» [13, с. 62].

Как показал обзор большого числа работ по ЯИ, исследования лингвистов охватывают широкий круг вопросов, связанных в первую очередь с толкованием самого понятия «языковая игра», ее природой, сущностью, соотношением с другими языковыми явлениями, при этом актуальным и еще не достаточно изученным остается вопрос классификации средств выражения ЯИ, особенностей ее функционирования в художественном тексте, а также реализации ЯИ в гендерном и когнитивно-коммуникативном аспектах.

Библиографические ссылки

1. **Апресян Ю. Д.** Языковые аномалии: типы и функции / Ю. Д. Апресян // Res Philologica. – М., 1990. – С. 50–71.
2. **Арутюнова Н. Д.** Аномалии и язык / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
3. **Баранов А. Г.** Формы языковой игры [Электронный ресурс] / А. Г. Баранов. – Режим доступа : http://tverlingua.ru/archive/005/5_1_3.htm.
4. **Винер Н.** Кибернетика и общество / Н. Винер. – М. : Изд-во иностр. лит., 1958. – 199 с.
5. **Витгенштейн Л.** Философские исследования / Л. Витгенштейн // Витгенштейн Л. Философские работы. – Ч. 1. – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.
6. **Гридина Т. А.** Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.
7. **Земская Е. А.** Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Наука, 1983. – 237 с.
8. **Лаврик Э. П.** Семантическое согласование как средство создания языковой игры / Э. П. Лаврик // Вестник Ставропольск. гос. ун-та 76/2011. – С. 5–12.
9. **Нухов С. Ж.** Языковая игра в словообразовании : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / С. Ж. Нухов. – М., 1997. – 39 с.

10. Пищальникова В. А. Языковая игра как универсальный когнитивный механизм (к проблеме межкультурной коммуникации) / В. А. Пищальникова // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика общения. – Курск, 2002. – С. 73–75.
11. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2000. – 552 с.
12. Сапогова Л. И. Механизм языковой игры и их роль в создании комического / Л. И. Сапогова // Известия ТулГУ. – Сер. Психология. – Вып. 3. – Тула : ТГУ, 2003. – С. 224–236.
13. Сковородников А. П. Об определении понятия «языковая игра» / А. П. Сковородников // Игра как прием текстопорождения : коллектив. монография / под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2010. – С. 50–62.
14. Сковородников А. П. Языковая игра / А. П. Сковородников // Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М., 2003. – С. 796–803.
15. Усолкина А. В. Языковая игра как текстообразующий фактор: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. В. Усолкина. – Екатеринбург, 2002. – 20 с.
16. Филимонова О. Е. Язык эмоций в английском тексте / О. Е. Филимонова. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – 259 с.
17. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 544 с.
18. Цикушева И. В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс] / И. В. Цикушева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. № 90. – С. 169–171. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yazykovoy-igry-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya>.
19. Шатрова Т. И. Языковая игра в англоязычных текстах комической направленности : процессы кодирования и декодирования : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Т. И. Шатрова. – Тула, 2006. – 21 с.
20. Шаховский В. И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи / В. И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 97–104.

Надійшла до редколегії 05.12.12

УДК 811. 161. 1'373.23

А. В. Ходоренко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «РЕФЕРЕНТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ» И «НОМИНАЦИЯ»

Розглянуто особливості терміна «номінація», а також «референтний зміст» стосовно найменувань груп осіб (НГО). Проаналізовано номінативні моделі НГО, референтний зміст яких утворено за допомогою метафор.

Ключові слова: асоціативні зв'язки, референтний зміст, референт, номінація, номінативний процес.

Рассмотрены особенности термина «номинация», а также «референтное содержание» в соотносении с материалом номинаций групп лиц (НГЛ). Проанализированы номинативные модели НГЛ, референтное содержание которых создано с помощью метафор.

Ключевые слова: ассоциативные связи, референтное содержание, референт, номинация, номинативный процесс.

The article deals with some peculiarities of the term «nomination» and «referred content» while analyzing people groups' names (PGN). Some features of nominative models with referred content being created with the help of metaphor are taken into consideration.

Keywords: associative ties, referred content, referent, nomination, nominative processes.

Проблема, которая ставится в статье, – выяснить, как и в каких точках понятие номинации соотносится с наименованиями групп лиц современного коммуникативного дискурса. Для анализа используется материал наименований групп лиц (см. [8]). Своей целью мы ставим рассмотреть в общем виде особенности процессов номинации при образовании наименований групп лиц, а также проследить использование лингвальных средств создания номинативных моделей в НГЛ, к которым относятся разные экспрессивные средства языка, включая метафору. В задачи входит рассмотрение разных аспектов номинации в процессе называния групп лиц.

Проблема номинации в языке рассматривалась в трудах зарубежных лингвистов, таких как Ю. С. Степанов, А. А. Уфимцева, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия, разграничивших первичную и вторичную номинацию, В. Г. Гака, выделившего основные компоненты акта номинации. В разработку общей модели номинативного процесса, техники создания наименований, принципов называния значительный вклад внесли исследования Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака и других ученых.

Термин «номинация» обозначает как процесс создания, закрепления и распределения наименования по разным фрагментам действительности, так и значимую языковую единицу, образованную в процессе называния (см. об этом: [3, 4]).

Исследователи по-разному трактуют содержание терминов «первичная» и «вторичная» номинация. Так, В. Г. Гак [3], А. А. Уфимцева [7] под первичной номинацией понимают языковое означивание посредством слов и словосочетаний, а под вторичной – языковое означивание при помощи предложений. При этом разграничение двух разных видов языкового означивания – как слов и словосочетаний, с одной стороны (первичная номинация), и предложений – с другой (вторичная номинация), нашло свое выражение у этих исследователей в бинарных противопоставлениях:

- 1) двух видов знаков – номинативные и предикативные, знаки-наименования и знаки-сообщения, частичные и полные знаки [3; 7];
- 2) двух видов семиологических значимостей – значение и смысл, номинативная и синтагматическая ценность знака [4; 5; 7];
- 3) двух принципов означивания системных средств – семиологического и семантического [6].

Отнесение слов и словосочетаний к первичной, а предложений – ко вторичной номинации восходит к теории означивания Э. Бенвениста, понимавшего под условиями означивания, прежде всего, наличие средств языкового выражения той или иной семиологической значимости, факт вхождения данного знака в ту или иную систему и определенного осмысления знака в этой системе.

Под семиотическим Э. Бенвенист понимает способ означивания, который присущ языковому знаку и придает ему статус целостной единицы: «знак существует в том случае, если опознается как означивающее всей совокупностью членов языкового коллектива и если у каждого вызывает в общем одинаковые ассоциации и одинаковые представления» (цит. по: [2, с. 66]).

Под семантическим имеется в виду «специфический способ означивания, который порождается речью» (цит. по: [2, с. 64]).

Исключительность человеческого языка, состоящая в осуществлении им одновременно означивания и слов, и высказываний, откуда проистекает его метаязыковая способность интерпретировать не только другие знаковые системы, но и

самого себя, дает возможность исследователям сделать вывод, что в языке существуют две различные, хотя и взаимосвязанные сферы означивания: 1) сфера первичного, собственно семиологического способа образования словесных знаков, называющих повторяющиеся представления объективной действительности и субъективного опыта носителей языка; 2) сфера вторичного означивания, создания высказываний как «полных знаков» [7; 2].

По словам А. А. Уфимцевой, «уже само название знаков первичного означивания – слов и словосочетаний как номинативных, а знаков вторичного означивания – сообщений и высказываний как предикативных, разграничивает их не только по сфере функционирования, но и по своему основному значению» (цит. по [2, с. 63]).

Номинативные знаки обслуживают классификационно-номинативную сферу и, выполняя репрезентативную функцию, обозначают как единичные предметы и факты, так и дают имя классу предметов или серии фактов, ибо они выражают обобщенные представления и понятия о многообразном «мире вещей и идей», в нашем случае – НГЛ дает представление о группе лиц, их сфере деятельности, интересах.

Предикативные знаки обслуживают сферу коммуникаций, поэтому ядром означаемого этих своеобразных знаков является коммуникативное задание, модальность высказывания, нечто новое, ради чего создается данная речевая единица [2]. Таким образом, отнесение терминов «первичная номинация» к словам и словосочетаниям, а «вторичная номинация» – к предложениям обосновывается сопоставлением слов в системе языка и предложений как речевых единиц к речи. Первичная и вторичная номинация в таком понимании иначе представлена в терминах «основная» и «модифицированная»; «глубокая» и «поверхностная» (цит. по [2, с. 63]).

Выделяют два уровня функционирования имени собственного в речи. На первом уровне имя собственное выполняет референциальную, или номинативную, функцию и указывает на *первоначальный референт*, т. е. на референт (с которым данное употребление имени собственного предположительно ассоциируется согласно акту присвоения имени, о котором известно собеседникам), а также на денотат – группу людей, объединенных сферой деятельности и/или интересом. В нашем случае, например, первоначальный референт НГЛ, например, в НГЛ *ООО Клеопатра*, ассоциируется с исторической личностью египетской царицы, отличавшейся красотой, умом, женской притягательностью.

Ю. С. Степанов выделял: 1) звуковой ряд, фонетическую оболочку языковой единицы; 2) предмет; 3) смысл, вызванный в нашем сознании. Все три элемента связаны между собой, и эти связи также имеют в лингвистике особые названия: слово называет или обозначает предмет; слово имеет смысл; смысл отражает свойства предмета в сознании человека. Весь этот комплекс – три элемента и связи между ними и есть слово языка [5, с. 3]. При рассмотрении номинативных аспектов пользуются терминами: *предмет* – то же самое, что денотат (референт); *смысл* – то же самое, что сигнификат; *называние*, или обозначение, – то же самое, что номинация (англ. denomination; франц. denomination, designation, signification); отношение фонетического слова (или фонетического слова вместе со смыслом, сигнификатом) к предмету, денотату, референту называется *референтной соотношенностью* [5, с. 5].

«Предмет может быть не только отдельной вещью, но и процессом..., что ничего не меняет в проведенном рассуждении, *любой такой* случай с лингвистической точки зрения будет предметом, обозначаемым словом» [5, с. 3]. Под знаком в современной науке понимают чувственно воспринимаемый предмет (явле-

ние, действие, процесс), который в познании и общении людей выступает в качестве представителя или заместителя другого предмета (явления, действия, процесса) [5, с. 5].

Семантический треугольник знака НГЛ есть знак нового предмета – группы лиц.

При описании семантического треугольника Ю. С. Степанов использует термины *референт* и *денотат* как синонимические. Мы разграничиваем эти термины при анализе специфики номинативных процессов, связанных с образованием НГЛ. Основываясь на приведенных выше определениях терминов «референт» и «денотат», мы предполагаем, что в НГЛ разграничиваются эти два понятия и примеры НГЛ доказывают эту разницу. Референт (от англ. refer – соотносить, ссылаться, сопоставлять) – объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий. Термин был введен в 1923 Ч. Огденом и А. А. Ричардсом для того, чтобы подчеркнуть *косвенный характер* отношения референта к имени, с которым референт связан лишь через *посредство понятия*. Очень важно для нас употребление термина *десигнат*, напомним, что в треугольнике Ч. Огдена – А. Ричардса десигнация (означивание) характеризует связь знака и понятия (десигната), а номинация (обозначение) – связь знака и предмета означивания (денотата).

Таким образом, при номинации мы имеем два обозначаемых предмета – группа лиц и языковой знак, на который ссылается номинатор, обозначая эту группу лиц. Знак НГЛ «*Журавушка*» (детский творческий коллектив) соотносится с двумя предметами (денотатом, референтом/десигнатом). Мы полагаем, что в соответствии с разграничением понятий «денотат» и «референт»/«десигнат», возможно отнести к денотату знака НГЛ группу лиц (поскольку НГЛ называет группу лиц), а лексическую единицу «*Журавушка*» – к референту НГЛ (по факту соотношенности с объектом внеязыковой действительности) и десигнату (поскольку десигнация осуществляет связь между знаком и понятием).

Поясним, что те два предмета, которые имеются в виду в первом случае, – это общество людей и предмет внеязыковой реальности, на который делается ссылка в процессе номинации. Языковой знак при этом является обозначающим (не обозначаемым), но при этом являясь знаком, обозначающим некий *обозначаемый* смысл из области экстралингвистической реальности.

Рассмотрим референтность знака НГЛ, его значения, понятия. Под значением в общем случае понимают существующую в нашем сознании связь (отношение) знака с тем, знаком чего он является (см. [5, с. 6]). Ю. С. Степанов говорит о нескольких ступенях знаковых отношений, отсюда многозначность термина. Связь фонетического слова с отражением предмета в нашем сознании, со смыслом, или сигнификатом, будем называть значением по сигнификату, или сигнификативным значением (см. об этом [5]). Связь между фонетическим словом, взятым вместе с его сигнификативным значением, с одной стороны, и предметом, или денотатом, – с другой, называется значением по денотату, или денотативным значением [5, с. 2].

Основным для лексикологии и семасиологии служит сигнификативное значение, и, когда не требуется специально отличить его от денотативного значения, можно в том же смысле употреблять просто термин «значение» [5, с. 4]. Наш же материал требует разграничения: выделим сигнификативное значение НГЛ как отражение предмета внеязыковой действительности в сознании человека, отражение свойств предмета в сознании, происходящее посредством языкового знака НГЛ. Отражение действительности в сознании человека является восприятием, представлением, понятием. Значение слова отличается от других форм отражения действительности в сознании человека: от ощущения, восприятия, представления,

понятия. При восприятии происходит включение данного неповторимого отражения в сетку уже имеющихся в сознании человека образов и знаний. Восприятие, следовательно, более обобщено и со стороны субъекта. Однако восприятие остается индивидуальным восприятием данного предмета данным одним человеком [5, с. 3]. Представление – чувственно-наглядный образ предмета или явления, свободно сохраняемый и воспроизводимый в сознании без непосредственного ощущения и восприятия самого предмета или явления. Представление значительно обобщено как со стороны объекта, так и со стороны субъекта, но при этом отражает общее всегда в конкретной, индивидуальной форме. Например, «представление о долге» отражает ряд конкретных проявлений чувства долга (обобщено со стороны объекта), и притом так, что это обобщение более или менее одинаково у целого коллектива людей – у семьи, у группы друзей, у политической партии или даже у общества в целом (обобщено со стороны субъекта) [5, с. 3]. Понятие отражает наиболее общие и одновременно наиболее существенные признаки предмета или явления. В этом смысле субъектом понятия НГЛ является общество. Поясним, что общество людей является обозначаемым, означаемым также является внеязыковое понятие о признаках/характеристиках таких обществ. Понятие может быть развернуто в целостную совокупность суждений. С другой стороны, целостная совокупность суждений о предмете или явлении действительности может быть представлена в сжатом виде одним понятием [5, с. 5].

Ю. С. Степанов, рассуждая о значении, подчеркивает, что значение отражает общие, существенные признаки предмета экстралингвистической реальности, оно может быть развернуто в предикативные структуры. Однако его нельзя целиком отождествить с понятием, как с более обобщенным отражением действительности. «Значение ... остается на одном уровне с понятием и стремится к понятию как к своему пределу, но предел этот может быть довольно далеким» [5, с. 6]. Все не связаны с понятиями две особые категории слов: междометия и собственные имена (*Ах!*, *Петров*, *Жучка*) [5, с. 6]. Это еще одно специфическое отличие НГЛ от других языковых единиц. Собственное имя по денотату имеет сигнификативное значение, связанное с понятием. Значение слова – высшая ступень отражения действительности в сознании человека, та же ступень, что и понятие. Значение слова отражает общие и одновременно существенные признаки предмета, познанные в общественной практике людей. Значение слова стремится к понятию как к своему пределу [5, с. 6]. Сигнификативное значение НГЛ – отражение внеязыковой действительности в сознании человека, отражающее признаки оязыковленного объекта (группы лиц, их сферы деятельности и интересов). Сигнификат НГЛ соотносится с индивидуальным представлением и понятием о внеязыковой действительности, имеет оценочные характеристики.

При рассуждении о сигнификативном значении упоминание о «связи» можно опустить и выражаться проще: сигнификативное значение – это отражение предмета в сознании человека, или, более точно, это отражение свойств предмета в сознании человека, происходящее посредством слова [5, с. 4]. То есть словами может быть выражено многообразие психической и мыслительной деятельности человека, включая такие ее разновидности, как ощущение, восприятие и представления. Последние не могут быть выражены отдельными словами, но могут, по Ю. С. Степанову, быть сцеплением слов, развернутым описанием (как иногда говорят, могут быть выражены «на уровне индивидуальной речи») [5, с. 5].

Номинативная функция НГЛ может быть выражена деноминативным предикатом. Второй уровень семантического функционирования предполагает формирование у имени собственного в контексте референтного содержания значения, которое определяется признаками его первоначального референта. С нашей точки

зрения, под влиянием контекста у имени собственного в референциальном употреблении могут формироваться референтное содержание и окказиональное значение, основанные на некоторых признаках первоначального референта, актуализированных в высказывании. Следует особо подчеркнуть, что имена собственные без детерминатива в референциальном употреблении приобретают окказиональное значение в результате их противопоставления. Следует чётко разграничивать понятия «референтное содержание» и «коннотация». Обусловленная коннотациями информация относится к номинативной функции имени собственного и связана лишь с означающим, т. е. формальной стороной знака. В отличие от коннотаций, референтное содержание имени собственного реализуется в речи и зависит от признаков первоначального референта. Большая часть коннотаций связана с эмоциональной, оценочной или стилистической окраской языковой единицы, которая может носить узуальный или окказиональный характер. С нашей точки зрения, коннотации могут обуславливаться не только влиянием языка-системы, но и воздействием экстралингвистических факторов. К такого рода коннотациям можно отнести таксономическую информацию, например, в наименовании группы в сети Интернет 21.12.12 в номинативной модели НГЛ имплицирована дата, связанная с предсказаниями будущего человечества. Эмоционально-экспрессивное, субъективно-модальное или стилистическое референтное содержание имени собственного возникает в соответствующего типа дискурсе в результате актуализации одного из признаков его первоначального референта. В примерах НГЛ коммерческой сферы деятельности АО *Лучшие окна* создается эмоционально-экспрессивное и субъективно-модальное значение (налицо отношение номинатора) с помощью форм превосходной степени прилагательного. Актуализация осуществляется как средствами, имеющими формальную выраженность, так и имплицитно, например среди НГЛ творческих коллективов есть такое наименование группы как КВН *Клуб угрюмых и растерянных*. Импликация имени строится не только и не столько стилистически – эпитетами (*угрюмый, растерянный*), но на контрасте соответствующих номинаций и их референтного содержания: ср. *Клуб веселых и находчивых* и *Клуб угрюмых и растерянных*.

Наиболее эффективным способом создания экспрессивно окрашенного референтного содержания имени собственного является метафора. Субстантивная метафора создается путём предикации основному субъекту признаков вспомогательного субъекта. Примерами НГЛ, включающими субстантивные метафоры, становятся следующие АО *Черная пантера*, ООО *Египет*, ЗАО *Эйлат*, номинация Интернет-группы *Дочь Монро и Кеннеди*. Номинативная метафора является вторичной по отношению к предикатной. Сравнение с индивидуальным объектом допускает преобразование в метафору, поскольку в конкретном контексте имени собственному может сопутствовать объединённый с материей образ. Отвлечение образа от объекта ведёт к лексикализации имени собственного и не допускает преобразования в метафору. Метафору имени собственного можно рассматривать как сравнение, относящее предмет к классу, которому он не принадлежит, или как столкновение признаков, относящихся к разным объектам одного класса.

Так, в акте номинации НГЛ единиц участвуют обозначаемый предмет – денотат (группа лиц, общество, объединение), создаваемый смысл – объект экстралингвистической реальности, связанный референтным содержанием с обозначающими языковыми знаками, выраженными экспрессивными средствами, частью из которых есть метафора. Особенностью акта номинации в НГЛ является наличие двух обозначаемых «объектов» – общества людей как объекта из мира «реального» и референтного содержания – некоего «вложенного» смысла, объекта из мира «идеального».

Библиографические ссылки

1. Арутюнова Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М. : Наука, 1999. – С. 5–23.
2. Вардзелашвили Ж. А. К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях / Ж. А. Вардзелашвили // Славистика в Грузии. Вып. 1. – Тбилиси : ТГУ, 2000, – С. 62–68.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 408 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 468 с.
5. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания: учеб. пособие / Ю. С. Степанов. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.
6. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 298 с.
7. Уфимцева А. А. Принципы и методы семантических исследований / А. А. Уфимцева. – М. : Наука. – 1976. – 194 с.
8. Ходоренко А. В. Когнітивні аспекти функціонування сучасної антропоніміки / А. В. Ходоренко. – Д. : Пороги, 2011. – 382 с.

Надійшла до редколегії 08.01.13

УДК 811.161.1'42

Е. Ю. Шевчик

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ДОСТИЖЕНИЯ СЖАТОСТИ ТЕКСТА УЧЕБНИКА

Розглянуто лінгвістичні особливості стислого тексту, що входить до структури підручника. Як матеріал для дослідження використано серію підручників з російської мови для середньої школи з 5 по 11 клас. До їх структури входять такі жанри, як план, анотація, настанова до вправи, дефініція тощо, які репрезентують стислі мовленнєві твори. Засоби їх створення проаналізовано у статті.

Ключові слова: текст, стислий текст, підручник, форсовано стислий текст, нормовано стислий текст.

Рассмотрены лингвистические особенности сжатого текста, входящего в структуру учебника. В качестве материала исследования использована серия учебников по русскому языку для средней школы с 5 по 11 класс. В их структуру входят такие жанры, как план, аннотация, установка к упражнению, дефиниция и др., представляющие собой сжатые речевые произведения. Способы создания их сжатости проанализированы в статье.

Ключевые слова: текст, сжатый текст, учебник, форсированно сжатый текст, нормированно сжатый текст.

The article deals with the linguistic peculiarities of the compressed text as a part of a textbook. The material under investigation is the series of the Russian language textbooks for comprehensive school (5-11 grades). Their structure includes such genres as plan, summary, task, definition etc. which are compressed. The ways of their construction are analyzed in the article.

Keywords: text, compressed text, textbook, forced compressed text, normal compressed text.

Данная статья написана в русле актуальных лингвистических исследований, поскольку учебник можно считать одним из важнейших компонентов образова-

тельной парадигмы, и проблемы его оптимизации не могут утратить своего значения. Проблемы построения учебников рассматриваются в работах Л. В. Цуриковой, Е. В. Столяровой, Г. В. Димовой, С. В. Беспаловой, Н. Турунен, Н. А. Коминой, В. Возневич и других лингвистов.

Предметом нашего исследования является учебник Н. Ф. Баландиной, И. Л. Грищенко, Е. В. Якубенко «Русский язык. Коммуникативный курс: Учебное пособие для 5–11 класса общеобразовательных школ (с украинским языком обучения)». Композиционно он состоит из 10 разделов (тем): «Давайте познакомимся!», «Школа», «Жильё», «Друзья», «Питание», «Город», «Село», «Животный мир», «Времена года» и «Отдых». Каждый раздел включает в себя несколько параграфов-уроков. Каждое занятие построено таким образом, чтобы развивать все виды коммуникативной компетенции: речевую, языковую, социокультурную и деятельностную. Авторы учитывают возрастные особенности учеников как в подборе текстов для тренировочных упражнений, так и в характере заданий.

Заметная часть жанров, представленных в данном учебнике, с полным правом может быть отнесена к сжатым текстам. Под термином «сжатый текст» мы, вслед за Е. И. Панченко, понимаем сообщение, объективированное подобно любому другому письменному тексту, которое построено способом сокращения более полного варианта текста или создано как первоначально краткое, которое можно при необходимости развернуть в дальнейшем в более полный текст. Компрессированный текст обладает повышенной информативной насыщенностью по сравнению с первичным полным вариантом, этого можно достичь, используя разнообразные обязательные и факультативные средства всех уровней языка [7, с. 22]. Особенности сжатых (компрессированных) текстов исследованы в работах [2, с. 37–38; 3, с. 1–24; 4, с. 103–122; 5, с. 234–244; 6, с. 85–89; 8, с. 111–113], однако специфика функционирования СТ в учебниках еще не получила полного освещения.

Целью данной статьи является анализ способов сжатия текста учебника на всех языковых уровнях.

На графемном уровне компрессия текста осуществляется с помощью следующих средств:

– широко используются буквенные сокращения: как общепринятые («и т. д.» (и так далее), «т. к.» (так как), «кг» (килограмм), «км» (километр), «в.» (век), «вв.» (века), «г.» (год) и некоторые другие. Например: *В роли связок обычно бывают глаголы быть, являться, казаться, считаться, становиться, ... и сочетания вспомогательных глаголов хочу быть, был бы рад стать и др.* [1, с. 85], так и присущие отдельным жанрам, например, словарным дефинициям: *Отрочество (книжн.) – возраст между детством и юностью* [1, с. 142];

– специфическое использование знаков препинания, которые могут играть важную роль в процессе построения сжатого текста, заменяя и обозначая пропущенные части; следует отметить роль скобок, двоеточия, дефиса, многоточия, например: *относительные прилагательные (по-укр.: відносні прикметники) обозначают такие признаки, которые не могут в предметах проявляться в большей или меньшей степени: деревянный, стеклянный (обозначают материал, из которого сделан предмет), ... спортивный (признак по назначению)* [1, с. 225];

– система расположения материала. Целостное восприятие и возможность быстро ориентироваться в том или ином сжатом тексте во многом зависит от системы расположения материала, которая включает в себя такие компоненты, как наличие или отсутствие абзацев, сочетание различных шрифтов, нумерация, рубрикация и так далее, например:

Советуем запомнить!

Отработать	движение жест мимику произношение
Выработать	привычку навык способность силу воли

[1, с. 110].

Специфика лингвистического построения различных видов текстов в значительной мере проявляется на их грамматическом уровне (морфологическом и синтаксическом). Анализ состава речевых единиц сжатых текстов, проведенный лингвистами с точки зрения принадлежности их к тем или иным частям речи, показывает, что практически во всех сжатых текстах, и в частности в текстах учебников, наиболее существенную роль играют имена существительные. Например: *Шукин Василий Макарович (1929–1974) – русский писатель, кинорежиссер, актер. Автор сборников рассказов «Сельские жители», «Там, вдали», «Характеры», романа «Любавины»; режиссер фильмов «Живет такой парень», «Печки – лавочки», «Калина красная»* [1, с. 205]. Данный справочный текст состоит из 28 слов, из них 19 (67 %) – имена существительные.

Простенок – часть стены между дверьми, окнами [1, с. 188]. В данной дефиниции 6 слов, из них 5 слов (83 %) – имена существительные, которые, как известно, являются наиболее информативно нагруженными и поэтому преобладают в сжатых текстах.

Следующая по частоте использования часть речи не является одинаковой для различных СТ. В ряде сжатых текстов учебников русского языка второй по частоте использования частью речи является имя прилагательное, например: *Природа – законодатель вкуса, красоты, совершенства. По её эталонам мы, например, называем цвета: вишневый, сиреневый, брусничный, малиновый, розовый, табачный, горчичный, гороховый, гранатовый, оранжевый, клюквенный, персиковый, соломенный, бирюзовый, коричневый... Почти все они в истоке – природные: цветок, плод, камень...* [1, с. 307].

Во многих сжатых текстах (словарных дефинициях, рефератах, аннотациях и т. п.) достаточно широко представлены причастия, отглагольные прилагательные и существительные, являющиеся заместителями более развернутых конструкций, требующих наличия союзов, личных форм глагола и т. п. В текстах учебников это представлено примерами: *поезд идет по дороге, проложенной еще в девятнадцатом столетии между Уральских гор... Разработка их [ископаемых] была начата руками крепостных крестьян, насильно согнанных со всей России. Убогое оборудование приисков, варварским способом эксплуатируемое хозяевами, не позволяло добывать все таящееся в горах Урала. Многого оставалось неиспользованным* [1, с. 162]. *Почему говорят: делу время, потехе час? Это выражение, ставшее пословицей, принадлежит русскому царю Алексею Михайловичу...* [1, с. 181].

Касаемо специфики функционирования в СТ некоторых категорий глагола как части речи, следует отметить, что она наиболее разнообразна в этом плане. Тем не менее для большинства видов сжатых текстов типичным является преобладание настоящего времени. Это может объясняться краткостью построения формы настоящего времени и разнообразием ее смысловых оттенков, способных выразить непосредственно настоящее действие, а также действие, относящееся к

прошлому и будущему, или действие, безотносительное ко времени, как, например, в следующем тексте: ... *профессия этого человека называется главный бойщик фарфорового завода. Например, английская фирма «Вергвуд» очень не любит, когда на прилавки попадает посуда, порочащая ее честь. Поэтому она держит в своем штате такого бойщика* [1, с. 180].

Особенностью функционирования глагольной категории наклонения в большинстве СТ является сведение до минимума использования сослагательного наклонения, что вызвано формальной сложностью его построения, нетипичной для категоричности и лаконизма, характерных для большинства сжатых текстов. Повелительное наклонение глагола является наиболее типичной категорией для определенных жанров СТ, в частности, установок к упражнениям, которые преобладают в учебнике, например: *Составьте диалог по указанному выше образцу на тему... Расскажите своему соседу по парте, что интересное можно увидеть осенью в лесу* [1, с. 47]. *Обозначьте в словах префиксы и составьте с этими словами словосочетания. Выберите уместный по смыслу префикс* [1, с. 88]. *Озаглавьте текст и перескажите его. Объясните, чем занимаются люди, работающие на конференции. ... Выпишите по одному словосочетанию с разными типами подчинительной связи* [1, с. 66–67].

Механизм сжатия текста наиболее ярко и многообразно проявляется именно на синтаксическом уровне. Исследуя сжатые тексты на этом уровне, следует обратить внимание на размер и основные типы предложений в сжатых текстах, степень их распространенности, особенности функционирования членов предложения и некоторые другие характеристики. Характерным признаком сжатых текстов, как указывалось выше, является их ограниченный объем, с чем тесно связано определенное количество предложений, используемых в СТ. По нашим наблюдениям, большинство сжатых текстов (до 60 %) состоит из двух – трех предложений. Такое их количество характерно для словарных дефиниций, сносок, комментариев, аннотаций и других жанров учебника. Приведем несколько примеров: *Синонимы ... – слова, различные по звучанию, но близкие или одинаковые по лексическому значению. ... Синонимичными могут быть не только пары слов, но и целые ряды – 2 предложения* [1, с. 131]. *Настоящий учебник составлен в соответствии с программой по русскому языку для 6 класса общеобразовательных учебных заведений с украинским языком обучения. Занятия ... дают основы знаний о языке, обеспечивают достаточно высокий уровень общения и формирования навыков грамотного письма, приобщают к русской культуре. Материал по языку и развитию речи объединен в пределах каждого занятия ... 3 предложения* [1, с. 2].

Однако для ряда сжатых текстов существует стандарт или рекомендация, согласно которой они состоят из одного предложения. Это, в частности, заголовок, афоризм, пункт плана. Например: *Русский язык. Учебник для общеобразовательных учебных заведений с украинским языком обучения* [1]. *Гласные и согласные звуки, их произношение и обозначение на письме* [1, с. 3]. *Мысль изреченная есть ложь* (Ф. Тютчев) [1, с. 56]. Как видно из этих примеров текстов, состоящих из одного предложения, оно чаще всего оказывается сложным, так как такая структура позволяет передать в одном предложении значительно больше информации, чем это было бы возможно в простом предложении.

Анализ степени распространенности простого предложения в исследованных нами сжатых текстах показывает, что специфической чертой их синтаксической структуры является преобладание распространенных предложений, например: *Приложение... – это разновидность определения, выраженного существительным... Если единичное приложение и определяемое существительное являются именами нарицательными, то между ними ставится дефис...* [1, с. 101] – рас-

пространение с помощью причастного оборота. *Предложение – основная синтаксическая единица, содержащая сообщение о чем-либо, или вопрос, или побуждение... Предложение имеет грамматическую основу (главные члены предложения), интонационную и смысловую законченность* [1, с. 38] (причастный оборот и однородные члены предложения). *Представьте, что вы вошли в кабинет, в котором наведен идеальный порядок. Опишите этот кабинет* [1, с. 59] (придаточное предложение). *Прочитайте слова, обращая внимание на произношение окончаний местоимений и прилагательных на -ого, -его* [1, с. 98] (деепричастный оборот).

Далее обратим внимание на типы предложений по цели высказывания, используемые в сжатых текстах. Для большинства видов СТ специфично преобладание повествовательных предложений, как практически в любом речевом произведении. Повествовательные тексты являются единственным видом предложений в словарных дефинициях, тезисах, инструкциях, комментариях, рефератах и других жанрах. Еще раз подчеркнем, что в учебнике важное место занимают императивные предложения, типичные для педагогического дискурса в целом. Например: *прочитайте и запомните пословицы. Найдите изученную орфограмму* [1, с. 99]. *В повествовании говорится о действиях и событиях (что было сначала, потом, затем ... и наконец). В описании изображаются предметы, люди, животные, природа и т.п. В рассуждении излагаются причины явления и событий, их взаимная связь* [1, с. 153]. *Грамматика – это раздел науки о языке, изучающий формы слов, словосочетания и предложения. Грамматика состоит из двух разделов – морфологии и синтаксиса. Морфология изучает грамматические особенности слова как части речи. Слова, соединяясь друг с другом, образуют словосочетания и предложения. Раздел науки о языке, изучающий словосочетание и предложение, называется синтаксисом. Синтаксис – это также совокупность правил образования словосочетаний и предложений* [1, с. 15].

Использование восклицательных и вопросительных предложений, по видимому, определяется жанровыми, а не внутриязыковыми особенностями сжатых текстов. Так, вопросительные предложения типичны для различных анкет, деловых бумаг, сравнительно широко используются также в планах и афоризмах, установках к упражнениям, например: *Сравните!* [1, с. 6]. *Как много вы узнали, увидели, посетили! Помните? На берегах Фонетики и Орфоэпии вы учились правильно выговаривать звуки ...* [1, с. 3]. *Сейчас языков насчитывают от двух до пяти тысяч. А раньше их было меньше или больше? Их число уменьшается или растет? И сами они остаются неизменными или меняются?* [1, с. 6]. *Дорогие ребята, задумывались ли вы над тем, что было бы с человечеством, если бы оно не заговорило? Без языка, без речи нет культуры...* [1, с. 6].

Семантическая сторона является чрезвычайно важным показателем любого сжатого текста. Эллипсис тематической части сообщения в сжатых текстах занимает значительно более заметное место в количественном плане по сравнению с развернутым вариантом. При сжатии исходного варианта полного текста имеет место обратный процесс, то есть прежде всего сокращение тематической части сообщения, что является необходимой предпосылкой создания рефератов, аннотаций, конспектов и многих других речевых произведений. Рассмотрим с этой точки зрения следующий текст: *I. Не называют предметов, признаков, действий, а вносят дополнительные оттенки значений. II. Не отвечают на вопросы. III. Не являются членами предложения.* [1, с. 158]. В данном примере пропущена тематическая часть «Служебные части речи», которая представлена в другой части таблицы.

Эллипсис темы может приводить к устранению из текста обязательных компонентов структуры предложения, то есть сжатие текста в семантическом

плане может проявляться в сокращении ряда элементов информационной структуры краткого речевого сообщения.

Рассмотрев содержательную сторону языковых единиц, мы можем перейти далее к анализу еще одного важного аспекта построения СТ – особенностей форсированно сжатых текстов. С формальной точки зрения сжатые тексты можно разделить на нормированно сжатые и форсированно сжатые, т. е. составленные с нарушением каких-либо существующих норм современного литературного языка. Примером первого типа могут быть тезисы научного сообщения, второго – СМС или словарная статья [7, с. 116]. Соответствие или несоответствие всех элементов СТ принятым нормам литературного языка является основным критерием подразделения всего массива СТ на нормативно сжатые и форсированно сжатые. При этом в нормированно сжатых текстах все компоненты речевого произведения на всех уровнях соответствуют нормам, а в форсированно сжатых может наблюдаться нарушение одной, двух или нескольких существующих норм, например: *продолжите бессознательные предложения со значением последовательности или одновременности действий между частями и поставьте нужные знаки препинания. 1. Контратака закончилась неудачно 2. В конце игры арбитр назначил пенальти 3. Забитый гол воодушевил команду 4. В этом сезоне новый вратарь играет безупречно 5. Перерыв пошел футболистам на пользу ...* [1, с. 187]. Пропуск части предложения в данном случае четко функционально обусловлен – его заполнение является заданием к упражнению.

Наиболее распространенными нарушениями существующих языковых норм, по нашим наблюдениям, являются следующие:

- использование нестандартных графических сокращений;
- эллипсис служебных частей речи;
- нарушение общепринятого порядка слов, пунктуации и других норм построения предложения;
- нейтрализация некоторых грамматических категорий и другие направления.

Проиллюстрируем нестандартные графические сокращения следующим примером: *Реветь, вопить (разг.), горланить, горлопанить (прост.), вопить (выс.), надрывать, надсаживать; вскрикивать, выкликать, рвать, гаркать (прост.), выкрикивать, покрикивать; драть (надирать, надсаживать) горло (глотку) (прост.) – это глаголы эмоционально окрашенной речи* [1, с. 61].

Наиболее заметной после графических сокращений особенностью форсированно сжатых текстов является функционирование в них эллипсиса, характер которого во многом определяет специфику грамматической организации СТ. Явление эллипсиса, факультативное для ряда разновидностей языка, можно считать обязательным для форсированно сжатых текстов. Существует деление понятия эллипсиса на контекстуальный, т. е. легко восстанавливаемый из контекста и ситуации, и ситуативный, т. е. не требующий дополнительного контекста и ситуации. В ряде случаев мы наблюдаем внутрифразовый эллипсис. Эллипсис, по-разному проявляясь в различных жанрово-стилевых подсистемах языка, встречается и в сжатых текстах учебников.

Одной из форм его проявления можно считать, например, пропуск подлежащего: *Поработай еще (просьба, совет, приказ; безразличие, снисходительность, настойчивость, раздражительность). Пока не ответил (утверждение, возражение, одобрение, вопрос, сомнение; разочарование, осуждение, ...)* [1, с. 76].

Этот вид эллипсиса возможен в тех случаях, когда значение подлежащего может быть легко восстановлено с помощью ряда формальных показателей, а именно:

1. При употреблении личной формы глагола первого лица единственного или множественного числа в сочетании с подписью или другой информацией, указывающей на субъекта действия, например, в следующем тексте: *Приез(д?)жаю к вам на месяц. Прибуду сегодня в три часа. Будьте любезны затопить камин в спальне. Юфимия Эндрю* [1, с. 44].

2. При употреблении повелительного наклонения, где субъектом действия выступает адресат сжатого сообщения, например: *Запишите по три примера простых и десятичных дробей и прочитайте их* [1, с. 76].

К форсированно сжатым текстам можно отнести некоторые речевые жанры, которые строятся не из обычных предложений, а из номинативных конструкций, что также нетипично для стандартного текста. Это, например, план, оглавление книги: *Русский язык 9 класс. Учебник для общеобразовательных учебных заведений с украинским языком обучения* [1]. *Синтаксис. Пунктуация. Прямая и косвенная речь. Диалог* [1, с. 5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее распространёнными способами сжатия текста в учебнике является использование графических сокращений, различных видов аббревиатур, именных конструкций, эллипсиса. Перспективу дальнейшего исследования мы видим в анализе семантической структуры СТ в учебнике.

Библиографические ссылки

1. **Баландина Н. Ф.** Русский язык, 5–9 класс; учебник для общеобразовательных учебных заведений с украинским языком обучения / Н. Ф. Баландина, К. В. Дегтярёва, С. А. Лебеденко. – К. : Мастер-класс, 2007.
2. **Василевский А. П.** О компрессии речи на разных уровнях / А. П. Василевский, Ю. М. Эмдина // Уровни языка и их взаимодействие. – М., 1967. – С. 37–38.
3. **Глухов Г. В.** О когнитивной природе лингвистических компрессий / Г. В. Глухов // Когнитивные аспекты изучения языковых явлений в германских языках. – Самара, 2000. – С. 1–24.
4. **Калашник Н. Г.** Компресія тексту. Алгоритм реферату і анотації. Основи перекладацького реферування // Н. Г. Калашник, Н. О. Гетьман. Теорія та практика перекладу : навч. посібник. – Запоріжжя : ВАТ «Мотор-Січ», 2004. – С. 103–122.
5. **Кобков В. П.** Способы сжатия текста при переводе научно-технической литературы / В. П. Кобков // Язык научной литературы. – М. : Наука, 1975. – С. 234–244.
6. **Косарева О. Г.** Аббревиатура как одно из средств экономии и экспрессии речи (на материале современной прессы) / О. Г. Косарева // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 2. – С. 85–89.
7. **Панченко Е. И.** Лингвистика сжатого текста (на материале современного русского языка) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / Е. И. Панченко. – Днепропетровск, 1998. – 370 с.
8. **Санников В. З.** Синтаксическая компрессия // В. З. Санников. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999. – С. 111–113.

Надійшла до редколегії 20.02.13

УДК 811.161.2'373.46

К. А. Шелкова

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ДО ПИТАННЯ ПРО ФЕНОМЕН ДИСКУРСУ ЯК ОБ'ЄКТА ЛІНГВІСТИЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

Проаналізовано феномен поняття дискурсу, етапи його становлення та розвитку. Окреслено основні погляди на специфіку цього терміна та його природу. Розмежовано терміни «текст», «мовлення» та «дискурс». Виглумачено механізм взаємодії та взаємозалежності цих понять.

Ключові слова: дискурс, мова, мовлення, текст, передача інформації.

Проанализирован феномен дискурса, этапы его становления и развития. Очерчены основные взгляды на специфику этого термина и его природу. Разграничены термины «текст», «речь», «дискурс». Истолкован механизм взаимодействия и взаимозависимости этих понятий.

Ключевые слова: дискурс, язык, речь, текст, передача информации.

In the article phenomenon of discourse, the stages of its formation and development. Outlines the main views on the specifics of this term and its nature. Delineated the terms «text», «speech», «discourse». The mechanism of interaction and dependence of these concepts is interpreted.

Keywords: discourse, language, speech, text, information transfer.

Основна функція мови – це передача інформації від мовця до реципієнта, тому процес мовлення – це завжди двосторонній процес, що передбачає формування повідомлення, його передачу та сприйняття. Проте мовознавча наука довгий час розвивалася так, що основним предметом наукового інтересу була структура мови. У багатьох мовознавчих працях до XIX століття вивчали не безпосередній процес формування та передачі інформації, а мовну систему, її структуру та особливості взаємодії її компонентів.

Вперше феномен двосторонності мови окреслив у своїх працях Ф. де Соссюр [13, с. 48]. Він вводить поняття мовлення та розрізняє мову як структуру та мовлення як безпосередній процес її використання.

У подальшому це уможливило вивчення мовлення як особливий процес передачі інформації. Утім, мовленнєва взаємодія мовця та реципієнта відбувається не ізольовано від зовнішніх процесів. Будь-який діалог проходить у конкретному середовищі, яке визначають економічні, політичні, соціально-культурні та індивідуальні чинники. Залежно від них формується специфіка мовленнєвого потоку: його лексичні, морфологічні, структурні та стилістичні особливості. Текст, що виголошує автор, попередньо створює його відповідно до мовленнєвої традиції народу, національної ментальності, соціально-економічної ситуації держави, регіону, із опорою на моральні, релігійні, політичні та інші переконання автора, його життєвого досвіду, освіченості та інших зовнішніх та внутрішніх чинників, які формують особистість мовця. Інформація, що передається у процесі мовлення, водночас сприймається реципієнтом, який відповідно до своєї реальності, що зумовлена тими самими чинниками, сприймає інформацію. І що більше чинників збігається в мовця та реципієнта, тим точнішою постає інформація. Тому вивчення мовленнєвих процесів не обмежилось вивченням мовлення, потрібно було окреслити ширше поняття.

У 50–70 роках XX ст. виокремлюється інша, дедалі помітніша течія в гуманітарних та соціальних науках, що засвідчує, як у конкретних актах

взаємодії відбувається творення значень слів і тверджень та як на цей процес впливають загальніші мовленнєві та соціальні структури. Відомі теорії Ф. де Сосюра, згідно з якими кожна мова є «однорідною, спільною для всіх мовців та всіх актів мовлення, системою узвичаєних відповідностей між звучанням та значенням, відходять на другий план. На думку представників цієї течії, значення не існують у мові загалом, а постають за конкретних соціальних умов, за конкретними мовленнєвими актами унаслідок взаємодії мовлення та тлумачення» [13, с. 57].

Новий погляд на мову та особливості її функціонування зумовлюють виникнення нового поняття, що окреслює й новий об'єкт дослідження. У такий спосіб постає термін «дискурс».

Поняття дискурсу в мовознавстві з'являється внаслідок синтезу трьох дисциплін – мовознавства, що вивчає структуру мови та її функції, соціології, що вивчає людину в соціумі, та психології, що досліджує розумову діяльність людини. Вивчаючи структуру та функції мови, мовознавці довгий час залишали поза увагою дослідження важливого процесу – мовлення, тобто творення тексту та його сприйняття, у нерозривному поєднанні із психологічними особливостями мовця та реципієнта, а також низки соціокультурних чинників, що впливають на процес формування тексту та його сприйняття.

Як зазначає французький дослідник Ж. Куртін, останнім часом відбувся перехід від вивчення структури мови до вивчення дискурсу: «Перехід відбувається через уявлення суб'єкта мовлення як джерела, першопричини та психологічного оператора дискурсу» [9, с. 96].

У 1952 році американський лінгвіст З. Харісон видає статтю під назвою «Дискурс-аналіз», у якій уперше вводить поняття дискурсу та визначає його як послідовність висловлювань, відрізок тексту, більший за речення. Структурно-синтаксичний ракурс розгляду дискурсу відбито й у визначенні В. Звєгінцева: «... це два або кілька речень, що перебувають у смисловому зв'язку...» [6, с. 171].

Проте визначення дискурсу в той час не дуже різнилося із поняттям тексту. Це свідчить про те, що поняття дискурсу ще не мало чіткого визначення та свого окремого місця в мовознавчій науці.

Чіткіше розмежування цих понять було зроблене в 60-х роках ХХ ст. представниками французької школи дискурсу (Е. Бенвеніст [3], П. Шародо [18], П. Серіо [12] та ін.).

Одним з перших термінологічного визначення дискурсу надав Е. Бенвеніст, трактуючи його як «мову, що привласнює мовець» [3, с. 22].

У спільній праці «Семіотика. Пояснювальний словник теорії мови» А. Греймас і Ж. Курте подають одинадцять уживань поняття дискурсу. У цьому разі текст протиставляється дискурсу й виступає як висловлювання, актуалізоване в дискурсі, як продукт, як матерія, з погляду мови, тоді як дискурс є процес [20, с. 389] (тут і далі переклад наш. – *К. Ш.*). Таке трактування природи тексту й дискурсу, тобто визначення тексту як поняття конкретнішого за поняття дискурсу та статичного, імовірно, має своє коріння в латині, де «discursus був ім'ям дії, а textus – ім'ям предмета, результату дії» [4, с. 49]. Ж. Курте витлумачує дискурс як багатоконпонентне ціле, яке створюють безліч спеціально відібраних і поєднаних певним способом мовних одиниць, що слугують будівельним матеріалом для «мовних актів, є актами комунікації як частин певної глобальної цілісності» [19, с. 28].

Визначення тексту й дискурсу як результативної й процесуальної сторін мовленнєвої діяльності відповідно відображено й у П. Шародо. На його думку, текст – це «втілення, наочне зображення іншої мови»; «це неповторний, одиничний результат процесу, залежного від мовця і від умов мовотворення» [18, с. 69]. У цьому разі П. Шародо зазначає, що текст перетинається з безліччю дискурсів,

кожен з яких, своєю чергою, «належить до якогось жанру і співвідноситься з якоюсь ситуацією» [18, с. 69]. У загальних рисах П. Шародо визначає дискурс як суму «вислову» та «комунікативної ситуації» [18, с. 28].

Слов'янське мовознавство починає аналізувати дискурс значно пізніше, освоюючи досвід дискурсивних досліджень французької та англо-американської шкіл. Проте й у слов'янському мовознавстві термін дискурс також має низку трактувань.

Н. Арутюнова визначає дискурс як «зв'язний текст у сукупності з екстралінгвістичними, прагматичними, соціокультурними, психологічними та іншими чинниками» [1, с. 136], як «мову, занурену в життя» [1, с. 137]. Дискурс – це явище, досліджуване в режимі поточного часу, тобто у зв'язку з його появою й розвитком, і під час його аналізу потрібно враховувати всі соціальні, культурологічні та прагматичні чинники. Тому термін «дискурс», на відміну від терміна «текст», не вживають до давніх текстів, зв'язки з якими не відновлюються безпосередньо з живим життям. Однак російський дослідник Є. Кіров пропонує зняти останнє обмеження і пояснює це наявністю минулого в сьогоденні і його здатністю «детермінувати багато подій в сьогоденні і майбутньому» [7, с. 19]. За Є. Кіровим, «дискурс – це сукупність писемних і усних текстів у тій чи тій мові в межах тієї чи тієї культури за всю історію їх існування» [7, с. 20].

Позиції Є. Кірова та Н. Арутюнової досить близькі в тому розумінні, що дискурс – це сукупність писемних чи усних текстів та ситуації їх створення й актуалізації.

Отже, на сучасному етапі вивчення мовленнєвих процесів поняття *текст* та *дискурс* чітко розмежовують. У їхньому трактуванні лінгвісти виокремлюють низку відмінностей. Зокрема, дискурс тлумачать як поняття динамічне, таке, що можна змінити, а текст як статичне, тобто таке, що вже зафіксовано, виголошено й не може бути зміненим. З іншого боку, протиставлення *текст* – *дискурс* трактують як відношення «частина – ціле». Поняття дискурсу охоплює як текст, так і емоції, жести, міміку мовця, що він виражає, виголошуючи текст.

Отже, на сьогодні поняття *дискурсу* визначають як мовну одиницю вищого рівня, що має структурну, функціональну специфіку; це «нова риса в зовнішності мови, якою вона постала перед нами до кінця ХХ століття» [13, с. 71].

Проте наявне й ширше тлумачення поняття *дискурсу*, яке доречніше порівнювати із поняттям мовлення, ніж безпосередньо з текстом. У такому разі дискурс – це поняття, що охоплює як процес формування тексту мовцем, так і процес його сприйняття реципієнтом. До того ж береться до уваги й те, що і той, хто формує текст, і той, хто його сприймає, мають свій життєвий досвід, певну освіту, культурні традиції. Це різні особистості, у яких мисленнєві процеси відбуваються з індивідуальними особливостями, що зумовлює різне сприйняття тексту. Дискурс охоплює всі ці процеси, утворюючи об'ємніше поняття ніж текст, мовлення чи мовленнєвий акт.

Американський дослідник Е. Ле визначає дискурс як невід'ємну частину суспільних відносин, тому що, з одного боку, дискурс формує ці відносини, а з іншого – вони формують його. На думку мовознавця, «читаць (слухач) пов'язує в одне ціле «інформаційні одиниці» [10, с. 96], що є в лексиці, морфології та синтаксисі тексту, завдяки інформації, що він має, про аналізований сюжет, завдяки своїм загальним знанням та культурі, а також відповідно до свого світогляду.

Російський дослідник Л. Чернейко наголошує, що дискурс – це «вербалізований ідеологічний посередник між індивідуальним мовленням (ідіолектом) та мовою-кодом» [15, с. 40]. Він визначає дискурс «як вербалізований світогляд, як

мову, що несвідомо спрямовується суб'єктивними уявленнями про світ, де виявляються інваріанти картини світу (повсякденна, наукова, філософська, релігійна, поетична тощо)» [15, с. 41].

На думку українського мовознавця А. Шевченка, «текст сам по собі не має смислу, смисл утворюється у свідомості носія мови» [16, с. 22]. Тому доречнішим є вивчення не тексту як носія інформації, а мисленневих процесів, що утворюють смисл цього тексту, особливості сприйняття тексту різними людьми, що пов'язує на цьому етапі розвитку науки мовознавство з психологією та соціологією.

Ф. Бацевич кваліфікує дискурс як тип комунікативної діяльності, мовленнєвий потік, що має різні форми вияву (усну, писемну, паралінгвальну), відбувається в межах конкретного каналу спілкування, регулюється стратегією й тактикою учасників. Він визначає дискурс як «синтез когнітивних, мовних і поза-мовних (соціальних, психічних, психологічних тощо) чинників, які визначаються конкретними формами життя залежно від тематики спілкування» [2, с. 43].

Авторитетною є думка К. Серажим, яка під дискурсом у журналістико-знавстві розуміє складний соціолінгвістичний феномен сучасного комунікативного середовища. Цей феномен, «по-перше, детермінується (прямо чи опосередковано) його соціокультурними, політичними, прагматично-ситуативними, психологічними та іншими (конститууючими чи фоновими) чинниками. По-друге, він має «видиму» – лінгвістичну (зв'язний текст чи його семантично значущий та синтаксично завершений фрагмент) та «невидиму» – екстралінгвістичну (знання про світ, думки, настанови, мету адресанта, необхідні для розуміння цього тексту) структуру. По-третє, він характеризується спільністю світу, який «будується» впродовж розгортання дискурсу його автором та інтерпретується його реципієнтом» [11, с. 89].

Отже, наразі поняття дискурсу виводить лінгвістику на новий рівень дослідження мови – не як певної структури, частини якої перебувають у певній ієрархії та взаємодії, не як процес передачі інформації від однієї особи до іншої, тобто мовленнєвого акту, а як феномен людського спілкування, процес творення тексту та його сприйняття, залежно від різноманітних соціальних чинників, культури, досвіду, традиції. Вивчення феномена дискурсу в його широкому витлумаченні дало змогу поєднати в єдину систему та визначити місце та функції таких понять як текст, мовлення, мова, психологія, культурологія та соціологія.

Визначаючи текст як матеріальне вираження інформації, що намагається передати мовець, мовлення – як безпосередній процес передачі та сприйняття інформації, мову – як систему одиниць, з яких мовець добирає потрібні компоненти та вибудовує текст, на сьогодні поняття дискурсу піднімається на сходинку вище і до цих всіх компонентів додає ще кілька вхідних – компоненти, що зумовлюють творення та сприйняття тексту. Це передусім особливості мисленневих процесів мовця та реципієнта, що зумовлені різними чинниками, зокрема, соціально-культурними традиціями, досвідом, освітою, економічним становищем тощо.

Наразі теорія дискурсу як лінгвістичного поняття вже вибудована, чітко встановлені межі термінів «текст», «мовлення» та «дискурс». Тепер на часі опис та вивчення особливостей дискурсів, що охоплюють вивчення конкретних сфер. Зокрема, мовознавці вже вивчали дискурс художньої літератури та дискурс медійного простору. На сьогодні особлива увага мовознавців зосереджена на вивченні природи політичного дискурсу. Саме ця сфера є найважливішим соціальним ідентифікатором і ретранслятором цінностей та понять суспільного розвитку.

Усі ці чинники сприяють зростанню наукового інтересу до вивчення сутності політичного дискурсу. У центрі уваги наукової громадськості постають питання, пов'язані передусім із вивченням феномена політичного дискурсу, його

функціонуванням у мовній та соціальній системі, дослідженням публічних виступів політиків у психологічному, соціокультурному та мовному аспектах.

Бібліографічні посилання

1. **Арутюнова Н. Д.** Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
2. **Бацевич Ф. С.** Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – К. : Академія, 2004. – 344 с.
3. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 446 с.
4. **Демьянков В. З.** Текст и дискурс как термины и как слова быденного языка / В.З. Демьянков // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В.Н. Топоров. – М. : Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.
5. **Єщенко Т. А.** Лінгвістичний аналіз тексту : навч. посібник / Т. А. Єщенко. – К. : ВЦ «Академія», 2009. – 264 с.
6. **Звегинцев В. А.** О цельноформленности единиц текста / В. А. Звегинцев // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1980. – Т. 39. – № 1. – С. 13–21.
7. **Киров Е. Ф.** Цепь событий – дискурс/текст – концепт / Е. Ф. Киров // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Лингводидактические аспекты МК : матер. науч. сессии фак-та ЛиМК ВолГУ (Волгоград, апрель 2003) : сб. науч. ст. – Волгоград : Изд-во «Волгоград», 2004. – Вып. 2. – С. 29–41.
8. **Кулик В.** Дискурс українських медій : ідентичності, ідеології, владні стосунки : монографія / В. Кулик. – К. : Критика, 2010. – 655 с.
9. **Куртин Ж. Ж.** Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) / Ж. Ж. Куртин // Квадратура смысла : Французская школа анализа дискурса. – М., 1999. – С. 95–104.
10. **Ле Э.** Лингвистический анализ политического дискурса : язык статей о чеченской войне в американской прессе / Э. Ле // Полис. – 2001. – № 2. – С. 93–112.
11. **Серажим К. С.** Дискурс як соціолінгвальний феномен сучасного комунікативного простору (методологічний, прагматико-семантичний і жанрово-лінгвістичний аспекти) : дис д-ра філол. наук : 10.01.08 / К. С. Серажим. – К., 2003.
12. **Серио П.** Анализ дискурса во Французской школе (дискурс и интердискурс) / П. Серио // Семиотика: Антология / сост. и ред. Ю.С. Степанов. – [2-е изд.]. – М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 549–562.
13. **Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977. – 345 с.
14. **Степанов Ю. С.** Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М. : РАН, 1996. – С. 35–73.
15. **Чернейко Л. О.** Термин «дискурс»: поиски означаемого / Л. О. Чернейко // Вестник Москов. ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 34–41.
16. **Шевченко А. Ю.** Дискурс-анализ политических медиа-текстов / А. Ю. Шевченко // Полис. – 2002. – № 6. – С. 18–23.
17. **Beaugrande R.-A.** Introduction to Text Linguistics / R.-A. Beaugrande, W. Dressler. Ed. London: Longman, 1981// www.beaugrande.com.
18. **Charaudeau P.** Langage et discours / P. Charaudeau. – Paris : Hachette, 1983. – 176 p.
19. **Courtes J.** La grande traque des valeurs textuelles: Quelques principes liminaires pour comprendre la GT / J. Courtes // Le français dans le monde. – 1985. – № 192. – P. 28–34.
20. **Greimas A.** Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage / A. Greimas, J. Courtes. – Paris : Hachette, 1979. – 389 p.

Надійшла до редколегії 24.01.13

Е. В. Шкурко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

О ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОМОНИМОВ

Розглянуто проблему синтаксичної багатозначності. Визначено сутність даного мовного явища, розглянуто різновиди класифікацій синтаксично неоднозначних конструкцій.

Ключові слова: синтаксична омонімія, структурна омонімія, омоніми-предикативи, омоніми-номінативи, омонімізуючий компонент.

Рассмотрена проблема синтаксической многозначности. Определена сущность данного языкового явления, рассмотрены разновидности классификаций синтаксически неоднозначных конструкций.

Ключевые слова: синтаксическая омонимия, структурная омонимия, омонимы-предикативы, омонимы-номинативы, омонимизирующий компонент.

The article deals with the problem of syntactic ambiguity. The essence of this language phenomenon is defined, the variants of syntactic ambiguous constructions classification are considered.

Keywords: syntactic homonymy, structural homonymy, predicative homonyms, nominative homonyms, homonymising component.

Любому природному языку, который стихийно складывался на протяжении многих веков, присуща неоднозначность. Лингвисты уверены, что не существует языков, свободных от многозначности. Так, Л. В. Малаховский утверждает, что «...если бы даже и был обнаружен язык без омонимов или если бы какой-либо коллектив избрал в качестве средства общения некий искусственный язык, лишенный омонимии, то в процессе естественного развития этого языка омонимы в нем неминуемо появились бы (как это произошло, например, в языке эсперанто)» [8, с. 3]. Ученый считает, что омонимия является неизбежным, закономерным результатом стихийного развития языка и, следовательно, представляет собой абсолютную лингвистическую универсалию.

При исследовании явления омонимии любого языка важное место занимает классификация омонимов. Об этом свидетельствует большое число работ, посвященных данной проблеме, в которых авторы предлагают тот или иной подход к выделению классов омонимов. Вопрос классификации омонимов решается в зависимости от понимания тем или иным лингвистом сущности этого языкового явления и определения понятия «омонимы», но поскольку единства взглядов по этим вопросам не наблюдается, в лингвистической литературе до сих пор нет единой общепринятой классификации омонимов.

Давно уже не является дискуссионным утверждение о том, что омонимия может существовать на любых уровнях языка. Ю. С. Маслов писал: «В теории языка представляется целесообразным исходить из значительно более широкого понимания омонимии и омонима, чем то, которое необходимо сохранить в практике лексикографической работы. Мы будем понимать под омонимией всякое тождество звучания двух (или нескольких) разных означающих как на «уровне» слов, так и на «уровне», с одной стороны, морфем или морфемосочетаний, а с другой – словосочетаний» [9, с. 198]. О существовании омонимии на разных

уровнях – от морфологического до синтаксического – писали также Ш. Балли [1], С. Ульман [13] и другие лингвисты.

Однако, несмотря на признание наличия лексической, грамматической и синтаксической омонимии, типы языковой неоднозначности исследованы в лингвистике в различной степени. Наибольший интерес у языковедов всегда вызывала омонимия лексическая: причины возникновения и способы образования словесных омонимов, их виды, отличие от многозначных слов и т. д. А вот исследований, направленных на изучение синтаксической неоднозначности, до 60-х годов прошлого столетия в отечественном языкознании не было. В большинстве трудов, с которыми нам удалось ознакомиться, омонимия синтаксических конструкций если и рассматривалась, то, в основном, только в стилистике, причем и здесь отмечались лишь отдельные, наиболее явные случаи. Такое невнимание к синтаксической омонимии Л. Н. Иорданская объясняет двумя причинами: «Во-первых, синтаксическая неоднозначность менее заметна, чем лексическая и морфологическая; во-вторых, в лингвистике не был достаточно отчетливо поставлен вопрос о способах представления синтаксической структуры предложения» [6, с. 9]. Кроме того, явление синтаксической омонимии, представляющее собой предмет синтаксико-стилистического исследования, не находилось в поле зрения лингвистов еще и потому, что многие ученые считали проблему омонимии в первую очередь проблемой лексико-грамматической и лишь во вторую – стилистической.

Следует отметить, что в последние десятилетия XX века интерес к синтаксической омонимии возрос. Вызван он был, прежде всего, успехами естественных наук и техники, а также языкознания, которые открывали новые объекты исследования. Одним из таких объектов в связи с нуждами машинного перевода и стала синтаксическая неоднозначность: поскольку для автоматической обработки текста любая многозначность противопоказана, необходимо было найти способы построения предложения со строго однозначной структурой [4; 5; 12].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что актуальность исследования неоднозначности на синтаксическом уровне обуславливается недостаточной степенью изученности данного языкового явления, отсутствием единого подхода к классификации синтаксических омонимов, а также необходимостью лингвистической интерпретации синтаксически неоднозначных конструкций в целях оптимизации коммуникативного процесса.

В данной статье мы ставим *целью* определить сущность синтаксической многозначности, рассмотреть разновидности неоднозначных конструкций и указать принципы классификаций синтаксических омонимов.

В основе синтаксической омонимии лежит так называемая двусторонняя связь, то есть связь, при которой слово или словосочетание может быть подчинено одновременно нескольким доминантам. Например, в предложении *Солдата наградили медалью за храбрость* компонент «за храбрость» подчиняется двум компонентам: 1) наградили за храбрость и 2) медаль за храбрость. Другой пример: *На ошибках налоговой инспекции можно заработать*. В данном предложении словосочетание «налоговой инспекции» может быть соотнесено 1) со словоформой *на ошибках* (в этом случае высказывание имеет значение «ошибками, допущенными работниками налоговой инспекции, можно воспользоваться в целях обогащения») и 2) со словосочетанием *можно заработать* (при этом предложение приобретает значение «налоговая инспекция может заработать на ошибках неких экономических субъектов»).

Синтаксическую связь, проиллюстрированную первым примером, мы называем *структурными омонимами*. Сущность этой разновидности синтаксической неоднозначности заключается в том, что некоторое слово какой-либо речевой це-

пи может быть подчинено любой из нескольких возможных доминант, но смысл высказывания при этом не меняется. Конструкции, подобные второму примеру, и являются, по нашему мнению, *синтаксическими омонимами*. Данный тип синтаксической неоднозначности возникает как в предложениях, так и в словосочетаниях, поэтому мы выделяем два подтипа синтаксических омонимов: 1) омонимы-номинативы и 2) омонимы-предикативы. К омонимам-номинативам нами относятся словосочетания, представляющие собой наименования различных учреждений: *Дом культуры лакокрасочного завода имени М. В. Ломоносова* (Дом культуры имени Ломоносова или завод имени Ломоносова?). Омонидами-предикативами мы называем синтаксически неоднозначные предложения, содержащие компонент, соотносящийся с несколькими доминантами, причем каждому подчинению соответствует своя семантическая структура: *Привет освободителям Харькова от немецко-фашистских захватчиков* (привет передается ветеранам, освобождавшим город от немецко-фашистских захватчиков, или немецко-фашистские захватчики приветствуют освободителей Харькова?).

В русском языке существует множество разновидностей омонимов-предикативов. В зависимости от принципа разграничения синтаксических омонимов, взятого за основу, можно выделить следующие типы классификаций неоднозначных предложений: 1) видовая; 2) семантическая; 3) грамматическая; 4) позиционная.

1. Видовая классификация.

Неоднозначность высказываний, как правило, связана с наличием в них омонимизирующих компонентов, которые могут представлять собой:

1. *Чисто синтаксические омонимы* [2, с. 388–391], существование которых обусловлено сугубо синтаксическими причинами, а именно: порядком расположения слов в высказывании, возможностью различного деления предложения на синтагмы или, чаще, совокупностью этих условий, а также омонимичностью самих моделей высказываний:

18 апреля был составлен протокол о расчете одного из посетителей центра за оказанные услуги в виде массажа иностранной валютой («Наш город», 28.06.2010).

Расположение словосочетания *иностранной валютой* позволяет соотнести его как с компонентом *о расчете*, так и с ближайшим словом *массаж*. При этом возникает вопрос, что же было произведено иностранной валютой: расчет за услуги или массаж?

2. *Морфолого-синтаксические омонимы* [2, с. 387–388; 7, с. 80–82], существование которых определяется наличием в предложении морфологических омонимов (языковых единиц, совпадающих в звучании и написании при образовании грамматических форм слов, принадлежащих к одной или разным частям речи) и возможностью двоякого членения фразы на синтагмы:

Уста прекрасной ищут речи (А. С. Пушкин «Кавказский пленник»).

Морфологический омоним *прекрасной* 1) выступает в роли прилагательного при соотнесении с компонентом «речи» (*Уста // прекрасной ищут речи*); 2) является адъективным существительным в случае соотнесения со словом «уста» (*Уста прекрасной // ищут речи*).

3. *Парадигматико-синтаксические омонимы* [7, с. 82–83], существование которых обусловлено наличием в высказывании парадигматических омонимов (словесных форм одного и того же слова, совпадающих в пределах одной системы парадигм) и возможностью его соотнесения с двумя предполагаемыми доминантами:

Именно таким мы должны оставить этот обций для всего человечества дом нашим детям – процветающим, а не больным («Труд», 3.09.2009).

Если соотнести однородные определения *процветающим, а не больным* с глаголом-сказуемым, получим конструкцию «должны оставить процветающим, а не больным домом», в которой омонимизирующие элементы имеют форму творительного падежа единственного числа; если же данные компоненты объединить в сочетание «должны оставить процветающим, а не больным детям», однородные определения воспринимаются как форма дательного падежа множественного числа.

II. Семантическая классификация [11, с. 33–34].

Все множество синтаксических омонимов можно разделить на две группы:

1. Конструкции, при восприятии которых возникает ошибочная смысловая связь, нарушающая логичность высказывания, корректируемая семантикой его компонентов. Например, при беглом прочтении предложения *... там она нашла глазами Стиву и потом увидела прелестную фигуру и голову Анны в черном бархатном платье* (Л. Толстой «Анна Каренина») компонент *в черном бархатном платье* соотносится реципиентом с ближайшим словосочетанием «голова Анны». Однако любой здравомыслящий человек понимает, что сочетание «голова Анны в черном бархатном платье» алогично, абсурдно, следовательно, компонент *в черном бархатном платье* следует отнести к слову «фигура».

2. Конструкции, в которых обе связи, возникающие между двумя доминантами и омонимизирующим элементом, воспринимаются как нечто правдоподобное, вполне допустимое. Так, в предложении *Высокого гостя из Киева приехали встречать представители городских властей* компонент *из Киева* может быть соотнесен как со словом «гость», так и с сочетанием «приехали встречать». При этом с точки зрения логики обе связи реальные, осмысленны.

III. Грамматическая классификация [11, с. 128–130].

Вся совокупность омонимичных предложений может быть разделена на бесчисленное количество групп, отличающихся друг от друга грамматическими особенностями. В первую очередь подобные конструкции можно разбить на две категории: простые и сложные предложения. Сложные предложения данного типа чаще всего бывают представлены сложноподчиненными конструкциями, среди которых наиболее распространены предложения с союзным словом *который*. Простые омонимичные предложения можно подразделить на многочисленные группы самых разнообразных моделей: конструкции с деепричастными, причастными и сравнительными оборотами, конструкции с существительными в различных падежных формах, конструкции с однородными членами и др. Достоинством грамматической классификации является то, что она позволяет определить частотность возникновения ошибочной смысловой связи в конструкциях различных типов.

IV. Позиционная классификация [11, с. 130–134].

Поскольку любое синтаксически неоднозначное предложение содержит компонент, который грамматически может быть связан с двумя другими элементами высказывания, все множество синтаксических омонимов можно разделить на три группы в зависимости от того, какую позицию занимает в данном предложении омонимизирующий его элемент. Если обозначить компонент, обладающий способностью объединяться с несколькими словами или словосочетаниями, символом X, а элементы, претендующие на синтаксическую связь с ним, A и B, мы получим три модели омонимичных предложений: 1) X A B, где двуплановый компонент X находится в препозиции; 2) A X B, где X стоит в интерпозиции; 3) A B X, где омонимизирующий элемент находится в постпозиции. Любое предложение с ошибочной смысловой связью можно отнести к одной из данных разновидностей базовых схем:

X A B: *Горничная с накрахмаленной (X) на голове (A) наколкой (B)* (Горький о литературе).

Конструкції, в основі яких лежить данна модель, зустрічаються в сучасному російському мові рідко. Пояснюється це тим, що «неправильність» подібних пропозицій очевидна, внаслідок чого автори висловлювань успішно їх коректують, тим самим знижують ймовірність проникнення в друку описаних вище конструкцій.

А Х В: *Взгляд горожан радовали (А) который год подряд (Х) с любовью и заботой высаживаемые (В) цветочно-кустарниковые ансамбли* («Днепр вечерний», 19.07.2011).

А В Х: *Четыре гранаты (А) с запалами (В) неуставленного образца (Х) найдены во время ремонта...* («Наш город», 22.02.2009).

Позиційна класифікація дозволяє виявити умови, провокуючі появу в російському мові синтаксически омонімічних конструкцій: додаткове значення, не передбачене автором висловлювання, виникає, як правило, в результаті невдачного розташування слів в пропозиції, а саме в тих випадках, коли елемент, здатний об'єднуватися з кількома домінантами, розташовується або між ними, або в абсолютному кінці фрази.

Багато сучасні лінгвісти [4; 10], розглядаючи випадки синтаксическої омонімії, опираються на класифікацію типів синтаксических омонімів, запропоновану А. В. Гладким [3, с. 110–126], який виділяв розміточну, стрілочну і конституентну омонімію.

Розміточною омонімією називають такий вид синтаксическої омонімії, яка виникає за рахунок різної інтерпретації (розметки) форми або синтаксическої зв'язі. Даний тип омонімії може з'являтися при:

1) різної розмітки зв'язі, де пара «домінанта – залежний компонент» виділяється єдиним способом, але інтерпретувати зв'язь між цими словами можна по-різному. Так, в пропозиції *Преследование тигра закончилось неудачей* можлива а) суб'єктна зв'язь: тигр переследує когось; б) об'єктна зв'язь: когось переследує тигр;

2) різної розмітки форми, коли можна по-різному розуміти (і розмітити) форму слова: *Он не выучил правила* – або родительний падеж єдиного числа, або винительний падеж множинного числа;

3) одночасної омонімії форм і типів зв'язей: *звонок Марии* – адресатна зв'язь (кому?) і суб'єктна зв'язь (чей? когось?).

Стрілочною омонімією прийнято називати омонімію, виникаючу при переході деякої синтаксическої групи (СГ) від однієї структури до іншої, в ході якого відбувається зміна «хазяїна», при цьому різні значення конструкції можна відобразити з допомогою різних стрілок: *Сергей вернулся из командировки в Москву* (вернувся в Москву або командировка була в Москву).

Під *конституентною омонімією* А. В. Гладкий розуміє такий вид синтаксическої омонімії, яка виникає з-за того, що поруч розташовані слова можуть по-різному об'єднуватися в групи: *В концерте приняли участие известные ансамбли и самодеятельные коллективы* – незрозуміло, відомими будуть тільки ансамблі або ансамблі і самодеятельные коллективы.

Розглянуті типи омонімії можуть комбінуватися між собою. Наприклад, в словосполученні *звонок любимой из Парижа* є розміточна омонімія в парі слів *звонок любимой* (кому? чиєї?) і стрілочна омонімія: неоднозначно визначається «хазяїн» для форми *из Парижа* (*звонок из Парижа* або *любимой из Парижа*). Комбінація цих можливостей дає чотири способи розуміння словосполучення.

В мові зустрічаються і такі типи неоднозначних конструкцій, яким, на відміну від розглянутих вище випадків синтаксическої омонімії, приписува-

ется одна и та же синтаксическая структура (т. е. и формы слов, и связи между ними совпадают). Разные смыслы таких конструкций могут быть продемонстрированы с помощью глубинных структур, поэтому представленную в них неоднозначность называют *глубинно-синтаксической омонимией* [10, с. 157–159]. Например, в предложении *Перед выступлением на конференции ко мне подошёл коллега* неоднозначность возникает из-за невыраженности субъекта выступления: *моё выступление* или *выступление коллеги*.

В основе всех рассмотренных нами типологий лежат разные принципы разграничения синтаксически омонимичных конструкций. Возможно, существует ряд других классификаций данного языкового явления, с которыми нам не удалось ознакомиться, однако анализ вышеуказанных классификаций свидетельствует об отсутствии единого подхода к принципам выделения видов синтаксических омонимов. Вероятно, это можно объяснить различным пониманием лингвистами сути неоднозначности на уровне синтаксиса, а также многомерностью такой лингвистической универсалии, как омонимия. Отсутствие единой классификации омонимов открывает перед исследователями широкое поле деятельности по созданию всеобъемлющей, универсальной типологии омонимичных конструкций.

Библиографические ссылки

1. **Балли Ш.** Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – С. 70–90.
2. **Гвоздев А. Н.** Об одной проблеме стилистики / А. Н. Гвоздев // Очерки по стилистике русского языка. – М. : Просвещение, 1965. – С. 380–394.
3. **Гладкий А. В.** Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. / А. В. Гладкий. – М. : Наука, 2007. – 152 с.
4. **Головня А. И.** Омонимия как системная категория языка : монография / А. И. Головня. – Минск : БГУ, 2007. – 132 с.
5. **Ермаков А. Е.** Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии / А. Е. Ермаков // Труды Междунар. семинара Диалог'2002 : в 2 т. – М. : Наука, 2002. – Т. 2. – 2002. – С. 23–35.
6. **Иорданская Л. Н.** Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) / Л. Н. Иорданская // Научно-тех. информация. – 1967. – № 5. – С. 9–17.
7. **Колесников Н. П.** Синтаксическая омонимия в простом предложении / Н. П. Колесников. – Ростов Н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1981. – 140 с.
8. **Малаховский Л. В.** Теория лексической и грамматической омонимии / Л. В. Малаховский – Л. : Наука, 1990. – 240 с.
9. **Маслов Ю. С.** Омонимы в словарях и омонимия в языке (к постановке вопроса) / Ю. С. Маслов // Вопросы теории и истории языка : сб. в честь проф. Б. А. Ларина. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1963. – С. 128–202.
10. **Муравенко Е. В.** Что такое синтаксическая омонимия / Е. В. Муравенко // Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2005 и 2006. – М. : Изд-во МЦНМО, 2010. – С. 154–159.
11. **Мучник Б. С.** Человек и текст. Основы культуры письменной речи / Б. С. Мучник. – М. : Книга, 1985. – 252 с.
12. **Ножов И. М.** Морфологическая и синтаксическая обработка текста (модели программы) / И. М. Ножов. – М. : Наука, 2003. – 140 с.
13. **Ульман С. А.** Семантические универсалии / С. А. Ульман // Новое в лингвистике. – Вып. 5. – М. : Прогресс, 1970. – С. 250–299.

Надійшла до редколегії 21.02.13

РЕЦЕНЦИЯ
НА МОНОГРАФИЮ Е. А. ПОНОМАРЕНКО
«РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ
(в произведениях русских писателей-врачей)»

(Пономаренко Е. А. Речевые жанры в медицинском дискурсе (в произведениях русских писателей-врачей) : [монография] / Е. А. Пономаренко. – Симферополь : «Дом писателей им. Домбровского», 2011. – 200 с.

Изучение многообразия использования языка в аспекте его обусловленности экстралингвистическими условиями осуществляется в рамках одного из актуальных междисциплинарных направлений современного функционализма – дискурсивного анализа. Еще в 80-е годы XX ст. Иван Павлович Сусов определил ведущие подходы лингвистики XXI века: когнитивный и дискурсивный. В современной лингвистике ведутся активные исследования дискурса – текста, погруженного в ситуацию общения. Различные аспекты дискурса изучались в работах зарубежных и отечественных исследователей (З. Харриса, В. Я. Проппа, Э. Бенвениста, П. Серио, Т. ван Дейка, М. Л. Макарова, В. И. Карасика, Р. Якобсона, Р. Барта, У. Эко, Т. М. Николаевой, Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова, В. Е. Чернявской и др.).

В рамках данного научного направления широко представлены исследования институциональных дискурсов, которые характеризуются рядом лингвистически релевантных признаков, из которых важнейшими являются цель общения, представительская коммуникативная функция его участников и фиксированные типовые обстоятельства общения.

В литературе описаны политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический, массово-информационный, советский, медико-педагогический дискурсы.

В дискурсивных исследованиях уже были представлены результаты изучения научно-популярного дискурса, в том числе научно-популярного медицинского дискурса. Исследуются особенности научно-популярного текста, стратегии взаимодействия врача и пациента и уровни информирования пациента, метафора в научно-популярном медицинском дискурсе. Однако теория научно-популярного дискурса остается все еще мало разработанной областью современного языкознания и требует дальнейшего изучения.

При изучении институциональных дискурсов и способов их текстовой реализации выявляются факты, обуславливающие коммуникативное пересечение дискурсов, на что указывали многие исследователи, в связи с чем одним из актуальных направлений современного языкознания продолжает оставаться изучение явления полидискурсивности.

Исследование дискурсивных картин мира является одним из наиболее перспективных направлений дискурс-анализа. Человек, обращающийся к врачу, является участником пересекающихся дискурсов, совершает выбор дискурсивных пространств в соответствии с совпадением личностной картины мира и той, которая формируется в рамках различных институциональных дискурсов. Описание результатов дискурсивного миромоделирования позволяет выявить культурно обусловленные когнитивные модели мира, проявленные в текстовом пространстве.

До недавнього времени проблемы функціонування мови в медіадискурсі вивчалися в рамках різних напрямків лінгвістики (синтаксиса, стилістики, психолінгвістики, риторики, соціолінгвістики). Дискурсивний аналіз пропонує комплексний, інтегрований підхід до вивчення мови медицини. Такий підхід не тільки виявляє зовнішні особливості мови, але і дозволяє розкрити внутрішні механізми її функціонування, породження і розповсюдження, а також впливи на пацієнта.

Фокусує увагу на усному діалогічному дискурсі повсякденного спілкування як об'єкті, школа конwersаційного аналізу вважає одиницями дискурса: розмова (conversation), топик (topic), послідовність (sequence), сусідню пару (adjacency pair), репліку (репліковий крок) (turn). Серед одиниць дискурса дослідники виділяють комунікативне взаємодія (interaction), транзакцію (transaction), обмін (exchange), крок (move), комунікативний акт (act). Вповне очевидно, що ця ієрархія – евристично обумовлене розмежування вербальних одиниць, продиктоване дослідницьким фокусом.

В рецензуєму монографії автором розглядається проблема жанрової організації мовного спілкування учасників медичного дискурса – лікаря і пацієнта. Обґрунтовуються закономірності взаємодія мовних жанрів. Виявляється динаміка мовних жанрів в двох синхронних срізах з позиції культурно-історичних факторів.

Матеріалом дослідження послужила мовна тканина художественних творів письменників-лікарів кінця ХІХ – першої чверті ХХ століття (А. П. Чехов, В. В. Вересаєва, М. А. Булгаков) і творів авторів радянського часу (Н. М. Амосова, Ю. З. Крелина, Ф. Г. Углова).

В відміння від письменників, створюючи твори на медичну тему, але не маючи спеціального медичного освіти, в творчестві письменників-лікарів простежується цікаве взаємодія авторського ставлення, вираженого за допомогою мови, і професійного дискурса, запозиченого з особистої практики...».

Професія лікаря належить до числа так званих «лінгвоактивних професій» (Н. І. Формановська): одним з професійно востребованих якостей спеціаліста-лікаря є здатність ефективно спілкуватися з пацієнтами. Задоволення пацієнта лікуванням в значительній ступені залежить від того, було ли спілкування з лікарем позитивним, що напряму пов'язано з якістю комунікативного взаємодія.

Робота складається з введення, трьох розділів, висновку і бібліографічного списку.

В першому розділі «Мовні жанри в руслі теоретичних пошуків» автор монографічного дослідження зупиняється на принципах опису мовних жанрів. Е. А. Пономаренко привертає увагу до питань співвідношення понять «мовний акт» – «мовний жанр», «мовний жанр» – «текст». В розділі описується мовний жанр як комунікативне явище дискурсивної природи, визначається вихідна теоретична база дослідження дискурса.

Другий розділ «Мовні жанри в дискурсі і тексті» торкається питань специфіки «паспорта жанру» в аспекті мовного спілкування лікаря і пацієнта. Аналізу підлягає комунікативна ситуація з позиції адресата і адресанта. Автором розкриваються релігійно-міфологічна, психо-емоційна стратегія і тактика мовного взаємодія лікаря і пацієнта.

В наступних двох розділах автор глибоко аналізує парадигми жанрів в мові пацієнта і в мові лікаря.

Медицинський дискурс, под которым обычно понимают коммунікативну діяльність в сфері об'єкції «врач–пацієнт», являється складним елементом системи інституціональних дискурсів і має як ознаки, відмінні від інших типів дискурсу, так і загальні ознаки, які присущі іншим видам дискурсу. Коммунікація між лікарем і пацієнтом знаходиться в центрі уваги дослідників як явище, оперирующее знаннями особого роду, і розглядається в сучасній лінгвістическій с прагмалінгвістическіх, діалогіческіх, культурологіческіх і соціолінгвістическіх позицій.

Процес пізнавальний освоєння світу відображений в мові як складне і багатомірне явище. Утвердившись в сучасній лінгвістическій антропоцентрическій парадигмі відкриває нові методологіческіє можливості для цілісного аналізу речемисльотельної діяльності людини і пошуку нових концепцій описання різних видів коммунікації. Відправної точкою сучасних лінгвістическіх досліджень являється розуміння того, що значення мовного знака знаходиться в нерозривній зв'язі з мовозовнією дійсністью і людиною, інтерпретуючим цю дійсність. Антропоцентрическій переверт в мовознавстві привів до переосмисленню таких понять, як «мова», «текст», «дискурс».

Актуальність даного дослідження зв'язана з тим, що в сферу мовознавческого описання вовлекається таке складне коммунікативне явище, як перетічення дискурсів. Дискурсивний аналіз направлений на виявлення і описання мовних квантів, які мають коммунікативну самостійність і в те же час являються частиною єдиного дискурсивного простору. В якості таких квантів розглядаються окремі інституціональні типи дискурсів, формуючі коммунікативне простору науково-популярного медичного тексту.

Як пише в вступі до видання автор, «в межах складившоїся в медицині моделі співпраці між лікарем і пацієнтом основопологаюча роль належить лікареві, оскільки найбільш важливою складовою його професійної компетенції являється не тільки високий рівень теоретическіх знань і практическіх навичок, але і вміння володіти словом і бути готовим до емоційному співпереживанню. Об'єкція лікаря і пацієнта повинна бути не простою передачею інформації, а вироботкою загального смислу, взаєморозуміння, побудови діагностическої і лікувально-реабілітаційної бесіди, єдиної точки зору по справі лікування. Іменно осмислення «лікувальної функції мови» відкриває нові перспективи в дослідженні медичного дискурсу.

В рецензуєму дослідженні автором враховується сучасне стан досліджуємої проблеми, але специфіка матеріалу і підходи до його дослідженню визначають наукову новизну такого підходу.

В нинішнє час термін «дискурс» являється багатозначним терміном ряду гуманітарних наук (лінгвістическі, літературознавства, семиотики, соціології, філософії, етнології, антропології), предмет яких прямо або опосередковано передбачає дослідження функціонування мови.

Часто дискурс отождествляється з текстом і розуміється як актуально прознесений текст. В сучасних дослідженнях визначення дискурсу виходить за межі тексту і включає в себе перелічення умов, в яких цей текст актуалізується. Таке розуміння дискурсу зв'язано з представленням про процес використання мови, т. є. мови во всіх її різновидностях. В даному випадку під дискурсом розуміється і сам процес використання мови, і текст як результат цього процесу.

Таким образом, под дискурсом следует понимать текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-

историческими, политическими, психологическими, экономическими и другими факторами, с системой когнитивных и коммуникативно-прагматических целей автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающими особое своеобразие языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте. Многомерность, сложность понятия дискурса обуславливает возможность множественных оснований его типологизации. Неизменными параметрами, определяющими специфику каждого типа дискурса, являются цель и участники общения. Исходя из различия целей, выделяются следующие типы дискурсов: рекламный, цель которого привлечь потребителя к объекту рекламы; медицинский, реализующий цель, направленную на оказание квалифицированной медицинской помощи, образовательный, направленный на воспитание самостоятельно думающего, развитого, интеллектуального человека. Обращаясь к характеристикам участников общения, В. И. Карасик противопоставляет два основных типа дискурса: персональный (личностно-ориентированный), в котором говорящий выступает как личность, и институциональный, в котором участники коммуникации являются представителями определенных социальных институтов. При этом предполагается, что способ говорения определяется предметной сферой дискурса, а также соответствующих ей социальных институтов. Участники институционального дискурса подразделяются на агентов (представителей института) и клиентов (людей, обращающихся к ним). К первым относятся те, кто играет активную роль в институциональном общении, ко вторым – те, кто вынужден обращаться к агентам и выступает в качестве представителей общества в целом по отношению к представителям института. Для достижения целей экстралингвистического порядка очевидна необходимость поиска эффективных способов взаимодействия в коммуникативной диаде «врач–пациент».

Опираясь на схему анализа институционального дискурса, предложенную В. И. Карасиком [1, с. 251], в рецензируемом исследовании можно рассматривать следующие компоненты институционального дискурса: 1) цели; 2) участники; 3) ценности; 4) стратегии; 5) материал (тематика); 6) жанры; 7) функционально-стилевое воплощение.

В собственно медицинском дискурсе, как известно, представителями института являются врачи (т. е. клиенты научного медицинского дискурса), которые играют активную роль в институциональном общении, а клиентами – пациенты, обращающиеся к агентам и выступающие в качестве представителей общества в целом по отношению к представителям института.

Целью медицинского дискурса является оказание профессиональной медицинской помощи пациенту, осуществляемой с учетом знаний, полученных представителями научного медицинского дискурса. Стратегии медицинского дискурса определяются его целью – оказать квалифицированную помощь пациенту, обращающемуся к представителю данного института. Стратегии научного медицинского дискурса связаны с целями научного дискурса и в меньшей степени ориентированы на сотрудничество с пациентом.

По отношению к медицинскому дискурсу автор справедливо говорит о положении научного, официально-делового стилей и разговорной речи. Использование научного стиля обусловлено тематикой общения, осуществляемого внутри института – здоровье и болезни, что соответствует тематике научного медицинского дискурса. Черты официально-делового стиля проявляются в использовании профессиональных клише. Использование элементов разговорной речи связано с положением участников дискурса, один из которых владеет информацией в большей степени, чем другой, и пытается адаптировать ее средствами разговор-

ной речи. Также использование элементов разговорной речи связано с частными целями представителя института (заставить, убедить и пр.).

Коммуникация внутри медицинского дискурса с использованием элементов разговорной речи может быть отнесена к такому функциональному подтипу, как наивный медицинский дискурс. Как правило, участниками данного дискурса являются неспециалисты, люди, не обладающими научными медицинскими знаниями – общение на медицинские темы происходит между клиентами института медицины. К особенностям текстов наивного медицинского дискурса можно отнести неправильное использование терминов, разъясняющих использование просторечных конструкций. Дискурс зависит от сферы общения (экстралингвистический фактор), а сферой общения в данном случае является общение между врачом и пациентом, ограниченное рамками научного института медицины. Исходя из этого, нельзя исследовать научно-популярный медицинский дискурс, не учитывая особенности научного медицинского дискурса, представителями которого являются врачи, и наивного медицинского дискурса, представителями которого являются пациенты – клиенты института. В данном случае речь не идет о межинституциональном общении, т. к. базовой целью данного общения является оказание квалифицированной медицинской помощи, что позволяет говорить о медицинском дискурсе как о базовом институциональном дискурсе.

На основе проведенного автором анализа можно сделать вывод о том, что медицинский дискурс принадлежит к такому типу институционального дискурса, который сочетает в себе институционально заданные формулы речевого поведения и речевую реализацию эмоционального состояния, этикетные и эмотивные речевые акты. В медицинском дискурсе наряду с основными стратегиями, диалогическими, лечащими и рекомендующими, используются коммуникативные стратегии, характеризующие другие виды дискурсов: объясняющие, оценивающие, контролирурующие, содействующие, организующие, которые предполагают определенные методы и приемы. Подобные методы и приемы, используемые говорящим и приводящие к решению поставленной им задачи, являются элементами речевых тактик.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в изучение институциональных дискурсов в их взаимодействии.

В рецензируемой монографии рассматривается дискурсивно-жанровая взаимообусловленность. Описание обусловленных дискурсами параметров (цель, участники, коммуникативные стратегии, языковые средства, картина мира) позволяет увидеть зоны междискурсивных трансформаций.

Теоретическая значимость рецензируемого исследования, на наш взгляд, определяется еще и тем, что автором предпринят комплексный анализ коммуникативных стратегий и тактик профессионального дискурса врачей разных специальностей. Данные стратегии и тактики рассматриваются с точки зрения целей коммуникации и в аспекте взаимодействия с разными категориями пациентов. Установлены типы коммуникативных стратегий медицинского дискурса и реализующие их речевые тактики. Результаты исследования вносят определенный вклад в разработку проблем коммуникативной лингвистики: расширяют знания о закономерностях профессиональной коммуникации и методах их анализа.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в учебном процессе в практике преподавания курсов по стилистике русского языка, социолингвистике, дискурсивного анализа, в подготовке спецкурсов и проведении спецсеминаров, посвященных изучению вопросов дискурсивного анализа, в курсовом и дипломном проектировании.

Монографія Е. А. Пономаренко, несомненно, привлечет внимание не только узкоспециализированных ученых, – ее проблематикой могут заинтересоваться преподаватели, аспиранты филологических и медицинских специальностей высших учебных заведений и все, кому близка лингвистика, литература и медицина.

Литература

1. **Карасик В. И.** Языковой круг : личность, концепты, дискурс : [монография] / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

*Ю. А. Шепель, доктор филологических наук,
профессор кафедры перевода и лингвистической
подготовки иностранцев Днепропетровского
национального университета имени Олеся Гончара,
профессор кафедры английской филологии
Горловского института иностранных языков
Донбасского государственного педагогического университета*

ЗМІСТ

Акімова Н. В. Психолінгвістичний опис неологізмів в аспекті варіативності розуміння тексту	3
Алипа Р. А. Актуальные проблемы процессуальной транслатологии.....	8
Амичба Д. П. Конструкт «болото» в ракурсе лингвоментального описания	13
Аніськова С. М. Тэхнічны тэрмін у спектры сістэмных адносін.....	19
Апоненко И. Н. Наименования персонажей в сказках В. Ф. Одоевского.....	25
Барінова О. В. К проблеме оптимизации дефиниций колоративов русского языка	31
Белозор О. С. Роль метафорических и метонимических переносов в формировании семантической структуры прилагательного <i>чистый</i>	37
Білоконенко Л. А. Дискурсивні маркери конфліктності: когнітивний та прагматичний аспекти	45
Блинова Н. М. Лексичні інновації у мові Інтернет-ЗМІ	51
Бондарчук М. Н. Лингвокогнитивные особенности построения фреймовой модели авиационной терминосистемы.....	61
Гайдук Н. А. Образность как категория современной лингвистики: трактовки и подходы к исследованию образных средств языка	67
Георгиева Цв. Н. За някои нови суфиксални имена за лица в българския език.....	73
Герасименко И. А. Сложные слова с колороосновами в русской лингвокультуре	79
Гимер Н. О. Терміни як основа фахової мови	89
Глухова Л. А. Вербализация фрейма «глава колледжа» в британской языковой картине мира	94
Грицькова Н. В. Проблеми перекладу технічних текстів комп'ютерної тематики.....	101
Дьяконов Г. П. Формирование нормативных концепций в германистике ...	107
Дюкар К. В. Особливості структури й семантики оказіональних іменників із абстрактним значенням у мовотворчості Т. Мельничука та С. Сапеляка	112
Жадлун М. И. Образ Невы в поэзии А. Ахматовой	120
Жарко С. Ю., Шпітько І. М. Особливості розбудови лексики української мови (на матеріалі віддієслівних іменників).....	127
Иванова Г. А. Лингвистическая терминология: вариантность и проблема нормализации	132
Конопелькина Е. А. Формирование тематических парадигм наименований лиц-деятели в сфере экономики и права (на материале специальных словарей)	137
Костусяк Н. М. Функційні особливості грами бажальної модальності	145
Куварова Е. К. Бинарный вокатив в эпистолярном тексте	151
Кулік Л. У. Адмоўныя стэрэатыпы і эталоны ў саматычных фразеалагізмах беларускай мовы	158
Лапінська О. М. Неологічна лексика на базі англіцизмів у мові творів української художньої літератури кінця ХХ – початку ХХІ ст.....	164

Лелека Т. О. Процес реактивізації англо-американських запозичень в українській і російській мовах кінця ХХ – початку ХХІ століття	170
Липин Г. В. Эзра Паунд-переводчик: лингвофилософская концепция освоения культуры Востока	176
Ляпичева Е. Л. Анимализмы современного русского языка с точки зрения сферы употребления	182
Ляшчынская В. А. Канцэптуалізацыя заканчэння жыцця чалавека ў беларускай фразеалогіі	190
Межов О. Г. Родовий відмінок як морфологічний варіант локативної синтаксеми в сучасній українській мові	200
Меньшиков И. И. Сильная синтаксическая связь и сфера её реализации ...	206
Мозовая И. Н. Теоретические предпосылки исследования заимствованной лексики в языке рекламы	211
Мохосоєва М. М. Інноваційні процеси в лексиці на позначення смаку в сучасній українській мові	218
Онанченко А. В. Иноязычные заимствования в русской терминологии переводоведения (на материале ЛСГ «компоненты переводческого процесса»)	224
Панченко Е. И. SMS и телеграмма: эволюция сжатого текста	229
Пикалова А. Н. Функции именительного темы в устной научной речи	235
Попко Л. П. ИНГ-изация современного языка как проблема неологии	241
Проскурина Л. Н. Концепт «дефект летательного аппарата» как основа для формирования русской терминосистемы ремонта летательных аппаратов	246
Пустовойт И. В. Русский язык в глобальную эпоху: две стороны мирового статуса	254
Русенко Т. И. Синтагматика лексем с корнем '-вон'- как компонентов концепта «запах» (на материале произведений А. П. Чехова и И. А. Бунина)	261
Сахно И. А. Немецкие модифицированные фразеологизмы как ценностные кодификаторы	268
Суима И. П. Сложные прилагательные со значением национально- территориальной принадлежности с редуцированными и нередуцированными компонентами	274
Тукова Т. В. Стремление к независимости связей в современном русском языке	280
Филатова Е. А. Языковая игра как объект лингвистического исследования	286
Ходоренко А. В. К проблеме соотношения понятий «референтное содержание» и «номинация»	292
Шевчик Е. Ю. О некоторых способах достижения сжатости текста учебника	298
Шелкова К. А. До питання про феномен дискурсу як об'єкта лінгвістичних досліджень	305
Шкурко Е. В. О принципах классификации синтаксических омонимов	310
Шепель Ю. А. Рецензия на монографию Е. А. Пономаренко «Речевые жанры в медицинском дискурсе (в произведениях русских писателей-врачей)»	316

Наукове видання

ВІСНИК ДНІПРОПЕТРОВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Серія:
МОВОЗНАВСТВО

Заснований у 1993 р.

Випуск 19, том 1

Українською, російською, білоруською, болгарською мовами

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації
Серія КВ № 7898 від 17.09.2003 р.

Редактор Л. В. Омельченко
Технічний редактор В. А. Усенко
Коректор Л. В. Омельченко

Підписано до друку 01.04.2013 р. Формат 70x1081/16. Папір офсетний.
Друк плоский. Ум. друк. арк. 28,35. Обл.-вид. арк. 27,5. Ум. фарбовідб. 28,35.
Тираж 100 пр. Вид. № 1767. Зам. № 104

Свідоцтво про держреєстрацію ДК-289 від 21.12.2000 р.
Видавництво Дніпропетровського національного університету,
49010, м. Дніпропетровськ, пр. Гагаріна, 72.
Друкарня ПП «Ліра М», 49021, м. Дніпропетровськ,
вул. Саранська, 59, прим. 3.